ЭПОХА НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Shoshana Zuboff

The Age of Surveillance Capitalism

The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power

PUBLICAFFAIRS
NEW YORK

Шошана Зубофф

Эпоха надзорного капитализма

Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти

Перевод с английского
Андрея Ф. Васильева

Под научной редакцией
Якова Охонько
и Артема Смирнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2022

УДК 330.1
ББК 65.01
З-91

Зубофф, Шошана
З-91 Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. — 784 с.

ISBN 978-5-93255-613-9

В этой книге Шошана Зубофф описывает и объясняет причины возникновения феномена, который она называет «надзорным капитализмом». Ставки как никогда высоки: глобальная архитектура модификации поведения угрожает сделать с человеческой природой в XXI веке то же, что промышленный капитализм сделал с окружающей средой в XX веке.

Зубофф показывает последствия распространения надзорного капитализма из Кремниевой долины во все сектора экономики. Необычайное богатство и власть накапливаются на новых «рынках поведенческих фьючерсов», где делаются и продаются предсказания относительно нашего поведения и где производство товаров и услуг подчинено новым «средствам модификации поведения».

Угрозу теперь представляет не тоталитарное государство, а повсеместно распространенная цифровая архитектура. Эта беспрецедентная форма власти отмечена колоссальной и асимметричной концентрацией данных и не подчиняется демократическому контролю. Не встречая сопротивления со стороны закона или общества, надзорный капитализм может начать определять социальный порядок и формировать цифровое будущее, если мы позволим ему это сделать.

УДК 330.1
ББК 65.01

ISBN 978-5-93255-613-9

Copyright © 2019 by Shoshana Zuboff
Настоящее издание выпущено по соглашению с PublicAffairs, импринтом Perseus Books, LLC, подразделением Hachette Books, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, США. Все права сохранены
© Издательство Института Гайдара, 2022

Содержание

Определение · 10

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. В цифровом будущем:
у себя дома или в изгнании? · 11

ЧАСТЬ I. ОСНОВЫ НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Глава 2. 9 августа 2011 года:
готовя почву для надзорного капитализма · 41

Глава 3. Открытие поведенческого излишка · 87

Глава 4. Ров вокруг замка · 132

Глава 5. Усложнение надзорного капитализма:
присваивать, захватывать, теснить конкурентов · 172

Глава 6. Разделение общественного знания · 234

ЧАСТЬ II. УСПЕХИ НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Глава 7. Реалити-бизнес · 261

Глава 8. Оцифровка: от опыта к данным · 305

Глава 9. Оцифровка из глубины · 335

Глава 10. Пусть они попляшут · 384

Глава 11. Право на жизнь в будущем времени · 430

ЧАСТЬ III. ИНСТРУМЕНТАРНАЯ ВЛАСТЬ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО МОДЕРНА

Глава 12. Две разновидности власти · 459

Глава 13. Большой Другой · 490

Глава 14. Утопия определенности · 518

Глава 15. Инструментарный коллектив · 540

Глава 16. О жизни в улье · 577

Глава 17. Право на святилище · 616

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава 18. Верхушечный переворот · 639

Благодарности · 677

Примечания · 682

Эта книга посвящена прошлому и будущему:
Памяти моего возлюбленного, Джима Максмина.
Памяти моего отважного друга, Франка Ширрмахера.
Моим детям,
Хлое Софии Максмин и Джейкобу Рафаэлю Максмину —
я пишу, чтобы защитить ваше будущее
и поддержать моральное право вашего поколения

Дрожа у Настоящего в плену,
Мы тянемся в тенета древних дней,
На голый Юг стремимся, в старину;
Во рту невинном — вкус всего полней.

Но в хижинах убогих по ночам
Грядущее нам грезится всегда:
Прекрасно приспособлена к балам
Чеканных лабиринтов чехарда.

Завидуем мы замкам и ручьям
В их малоуязвимости — и споры,
Как фиговый листок, скрывают срам,

Но простодушье требует опоры —
Свободный выбор?.. Он навязан нам.
А горный люд повсюду видит горы.

У. Х. Оден, Сонеты из Китая, XVIII[1]

Определение

Над-зор-ный ка-пи-та-лизм, *сущ.*

1. Новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи. **2.** Паразитическая экономическая логика, в рамках которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре изменения поведения. **3.** Злокачественная мутация капитализма, отмеченная беспрецедентной в истории человечества концентрацией богатства, знания и власти. **4.** Фундаментальная основа надзорной экономики. **5.** Серьезная угроза человеческой природе в XXI веке, сравнимая с той угрозой, какую представлял промышленный капитализм природному миру в XIX и XX веках. **6.** Источник новой инструментарной власти, которая утверждает свое господство над обществом и бросает дерзкий вызов рыночной демократии. **7.** Движение, которое стремится навязать новый коллективный порядок, основанный на полной предсказуемости. **8.** Экспроприация важнейших прав человека, которую лучше всего рассматривать как верхушечный переворот — свержение суверенитета народа.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1

В цифровом будущем: у себя дома или в изгнании?

Льющим обильные слезы его
я на острове видел:
Там его нимфа Калипсо насильно
в дому своем держит,
И воротиться никак он не может
в родимую землю.

Гомер, *Одиссея*[1]

I. Древнейшие вопросы

«Мы все будем работать на умную машину или за машиной будут присматривать умные люди?» Этот вопрос задал мне в 1981 году молодой менеджер целлюлозного комбината, где-то в промежутке между жареным сомом и пирогом с пеканом; это был мой первый вечер в южном городке, в котором находилось его исполинское предприятие и которому суждено было периодически становиться моим домом в течение следующих шести лет. В тот дождливый вечер его слова точно затопили мой мозг, заглушив частую дробь дождя по навесу над нашим столом. Мне послышались древнейшие политические вопросы: Родной дом или изгнание? Господин или слуга? Хозяин или раб? Извечные вопросы знания, полномочий и власти, которые никогда не будут разрешены окончательно. У истории нет конца; каждое поколение должно утверждать свою волю и свое видение, поскольку новые угрозы требуют от нас новых ответов в каждую новую эпоху.

В голосе менеджера слышались настойчивость и отчаяние, наверное, потому что спросить было больше некого: «К чему все это приведет? Куда нам теперь податься? Мне надо знать сейчас. Нельзя терять время». Я тоже хотела знать ответы, поэтому взялась за проект, который тридцать лет назад вылился в мою первую книгу «В эпо-

ху умных машин: будущее работы и власти». Это произведение оказалось лишь первой главой в том, что превратилось в пожизненные поиски ответа на вопрос: «Может ли цифровое будущее стать нашим домом?»

Много лет прошло с того теплого южного вечера, но древние вопросы вернулись вновь — и заявили о себе как никогда властно. Цифровая сфера захватывает и переопределяет все, что нам так хорошо знакомо, еще до того, как мы успеваем задуматься и принять решение. Мы превозносим сетевой мир за те бесчисленные новые возможности и перспективы, которые он открывает, но он же породил обширные новые территории тревоги, опасности и насилия, в то время как чувство предсказуемого будущего ускользает от нас.

Когда мы задаем эти древние вопросы сегодня, отвечать приходится миллиардам людей — представителям всех социальных слоев, поколений и культур. Информационные и коммуникационные технологии распространились шире, чем электричество, охватывая три миллиарда человек из семи, населяющих планету[2]. Сплетенные в единый клубок дилеммы знания, полномочий и власти больше не ограничиваются рабочим местом, как это было в 1980-х годах. Теперь они пустили корни глубоко в рутину повседневной жизни, опосредуя едва ли не все формы общественного участия[3].

Еще вчера казалось разумным сосредоточить наше внимание на проблемах информационных профессий или информационного общества. Сегодня древние вопросы нужно помещать в самый широкий контекст, который лучше всего определить как «цивилизацию», или, точнее, «информационную цивилизацию». Сможем ли мы называть эту нарождающуюся цивилизацию своим домом?

Все живое ориентируется на свой дом. Это точка отсчета, которая помогает каждому виду выстраивать свои ориентиры. Без ориентиров невозможно проложить путь по неизвестной территории; без ориентиров нам конец. Я вспоминаю об этом каждую весну, когда одна и та же пара гагар возвращается из своих дальних странствий в расщелину под нашим окном. Их неумолчные крики о возвращении домой, обновлении, воссоединении и безопасности усыпляют нас по ночам, напоминая,

что мы тоже у себя дома. Зеленые черепахи вылупляются и спускаются к морю, где преодолевают многие тысячи миль, иногда в течение десяти или двадцати лет. Когда они готовы отложить яйца, они возвращаются обратно к тому самому участку берега, где они родились. Некоторые птицы ежегодно пролетают тысячи миль, теряя до половины своего веса, чтобы найти себе пару на родине. Птицы, пчелы, бабочки… гнезда, норки, деревья, озера, ульи, холмы, берега и впадины… почти все живые существа в той или иной форме разделяют эту глубинную привязанность к месту, где, они знают, цвела жизнь, к месту, которое зовется *домом*.

Так уж устроена человеческая привязанность, что каждое путешествие и каждое изгнание толкают нас на поиски дома. То, что возвращение на родину (*nostos*), обретение дома, является одной из наших самых глубоких потребностей, очевидно по той цене, которую мы готовы за него платить. Всем известна сладкая боль возвращения в покинутые когда-то места или обретения нового дома, в котором смогут угнездиться и расти наши надежды на будущее. По-прежнему, пересказывая трудный путь Одиссея, мы думаем о том, на что готов пойти человек, чтобы вернуться к родному берегу и войти в ворота своего дома.

Поскольку наш мозг больше мозга птиц и морских черепах, мы знаем, что не всегда возможно или даже желательно возвращаться на один и тот же клочок земли. Дом не всегда должен быть связан с одним-единственным жилищем или местом на земле. Мы можем выбирать его форму и местоположение, но не его значение. Дом — это место, которое мы знаем и в котором нас знают, где мы любим и любимы. Дом — это наше мастерство, право голоса, неразрывная связь и святилище: отчасти свобода, отчасти процветание… отчасти прибежище, отчасти обещание.

Чувство, что дом ускользает, вызывает невыносимую тоску. У португальцев есть название для этого чувства: *saudade*, слово, которое, говорят, выражает тоску по дому и печаль разлуки с родиной многих поколений эмигрантов. Стремительные сдвиги XXI века сделали эту острую тоску и эту печаль бесприютности всеобщим явлением, которое коснулось каждого из нас[4].

II. Реквием по дому

В 2000 году группа компьютерщиков — ученых и инженеров — Технологического института Джорджии совместно работала над проектом под названием «Осведомленный дом (Aware Home)»[5]. Предполагалось, что это будет «живая лаборатория» для изучения «повсеместной компьютеризации». Они представили себе «симбиоз человека и дома», при котором многие одушевленные и неодушевленные процессы были бы охвачены сложной сетью «чувствительных к контексту датчиков», встроенных в дом, и носимых компьютеров, используемых его обитателями. Проект предусматривал «автоматическое беспроводное взаимодействие» между платформой, размещавшей личную информацию носимых устройств жильцов, и второй платформой, которая хранила информацию датчиков об окружающей среде.

Было сделано три рабочих допущения: во-первых, ученые и инженеры исходили из того, что новые системы данных создадут совершенно новую область знаний. Во-вторых, предполагалось, что права на эти новые знания и возможность использовать их для улучшения своей жизни будут принадлежать исключительно жильцам дома. В-третьих, команда предположила, что при всей его цифровой магии «Осведомленный дом» обретет свою жизнь в качестве современной инкарнации древних архетипов, согласно которым, для тех, кто живет в его стенах, «дом» становится святилищем.

Все это было отражено в инженерном плане. В нем особое значение придавалось доверию, простоте, суверенности личности и неприкосновенности дома как частной сферы. Информационная система «Осведомленного дома» представлялась в виде простой «замкнутой петли» с лишь двумя узлами, которая полностью контролировалась жильцами дома. Поскольку дом будет «постоянно следить за местонахождением и деятельностью жильцов… и даже отслеживать состояние здоровья своих жителей, — заключила команда, — необходимо, чтобы жильцы сами владели и распоряжались распространением этой информации». Вся информация должна была храниться на носимых компьютерах жильцов,

«чтобы обеспечить конфиденциальность персональной информации людей».

К 2018 году мировой рынок «умных домов» оценивался в 36 миллиардов долларов; ожидалось, что к 2023 году он вырастет до 151 миллиарда[6]. За этими цифрами стоят тектонические сдвиги. Рассмотрим только одно устройство для умного дома: термостат Nest, изготовленный компанией, которая сначала принадлежала Alphabet, холдинговой компании Google, а затем, в 2018 году, была поглощена Google[7]. Термостат Nest делает многое из того, что предусматривалось в «Осведомленном доме». Он собирает данные о своем использовании и об окружающей среде. Он использует датчики движения и делает расчеты, изучая поведение жителей дома. Приложения Nest могут собирать данные из других подключенных продуктов: автомобили, печи, фитнес-трекеры и кровати[8]. Такие системы могут, например, включать свет при обнаружении аномального движения, управлять видео- и аудиозаписью и даже отправлять уведомления домовладельцам или другим лицам. В результате слияния с Google термостат, как и другие продукты Nest, получит встроенные возможности искусственного интеллекта Google, в том числе его персонального цифрового «помощника»[9]. Как и «Осведомленный дом», термостат и его собратья создают огромные новые пласты знания и, следовательно, новую власть, — но для кого?

С поддержкой Wi-Fi и подключением к интернету, сложные персонализированные массивы данных термостата загружаются на серверы Google. К каждому термостату прилагается «Политика конфиденциальности», «Пользовательское соглашение» и «Лицензионное соглашение с конечным пользователем». В них заложены серьезные негативные последствия для конфиденциальности и безопасности, при которых конфиденциальная домашняя и личная информация передается другим умным устройствам, не названным сотрудникам и третьим лицам для целей прогнозного анализа и продажи другим не указанным сторонам. Nest не несет почти никакой ответственности за сохранность собираемой информации и совершенно не отвечает за то, как будут использовать эти данные другие компании в его экосистеме[10]. Детальный анализ политики Nest, проведен-

ный двумя учеными Лондонского университета, привел их к выводу, что для тех, кто пожелает войти в связанную с Nest экосистему подключенных к сети устройств и приложений, каждое из которых предлагает свои не менее обременительные и вызывающие условия, покупка единственного домашнего термостата повлечет за собой необходимость ознакомления с почти тысячей «соглашений»[11].

В случае отказа клиента принять требования Nest, согласно условиям обслуживания, функциональность и безопасность термостата будут серьезно скомпрометированы, поскольку прибор больше не будет получать необходимые обновления, предназначенные для обеспечения его надежности и безопасности. Последствия могут варьироваться от замерзания труб до отказа пожарной сигнализации или легкого взлома внутренней системы дома[12].

К 2018 году принципы, на которых строился «Осведомленный дом», были давно отброшены. Как это случилось? Кто был тому виной? «Осведомленный дом», как и многие другие опередившие время проекты, смотрел в цифровое будущее, которое расширяло человеческие возможности. Ключевым было то, что в 2000 году это видение будущего естественным образом предполагало твердую приверженность неприкосновенности личного опыта. Если человек решает перевести свой опыт в цифровой вид, то он должен обладать исключительным правом на знания, полученные из этих данных, а также исключительным правом решать, как эти знания могут быть использованы. Сегодня эти права на неприкосновенность частной жизни, на доступ к соответствующим данным и их использование узурпированы смелым рыночным предприятием, основанным на односторонних притязаниях на чужой опыт и вытекающие из него знания. Что эта смена эпох означает для нас, для наших детей, для наших демократий и для самой возможности человеческого будущего в цифровом мире? Цель этой книги — ответить на эти вопросы. Она о том, как тускнеет цифровая мечта и как стремительно превращается в ненасытный и доселе неслыханный коммерческий проект, который я называю «надзорным капитализмом».

III. Что такое надзорный капитализм

Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении. Хотя часть этих данных используется для улучшения продукта или услуги, остальное объявляется проприетарным *поведенческим излишком*, передается передовым производственным процессам, известным как «машинный интеллект», и перерабатывается в *прогнозные продукты*, предсказывающие, что вы сделаете прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. В итоге эти прогнозные продукты торгуются на новом типе рынков — рынках поведенческих прогнозов, которые я называю *рынками поведенческих фьючерсов*. Надзорные капиталисты сказочно разбогатели на этих торговых операциях, поскольку многие компании горят желанием сделать ставку на наше будущее поведение.

Как мы увидим в следующих главах, конкурентная динамика этих новых рынков побуждает надзорных капиталистов прибирать к рукам такие источники поведенческого излишка, которые позволяют все более и более надежно предсказывать поведение: наши голоса, личности и эмоции. В конце концов надзорные капиталисты обнаружили, что наиболее ценные с точки зрения предсказания поведенческие данные поступают в том случае, если вмешаться в ход игры — подтолкнуть, уговорить, подстроить и направить поведение в сторону, которая принесет прибыль. Конкурентное давление привело к сдвигам, в результате которых автоматизированные машинные процессы не только *познают* наше поведение, но и в широких масштабах *формируют* наше поведение. С этой переориентацией со знания на силу уже недостаточно автоматизировать *потоки информации о нас*; теперь цель состоит в том, чтобы *автоматизировать нас*. На этой стадии эволюции надзорного капитализма средства производства подчиняются все более сложным и всеобъемлющим «средствам изменения поведения». Тем самым надзорный капитализм рождает новый вид власти, который я называю *инструментаризмом* (instrumentarianism). Инструментарная власть зна-

ет и формирует поведение человека для достижения целей других людей. Вместо вооружений и армий она проводит свою волю с помощью автоматизированной работы все более повсеместной вычислительной архитектуры «умных» сетевых устройств, вещей и пространств.

В следующих главах мы проследим за ростом и распространением этих операций и инструментарной властью, которая их поддерживает. В самом деле, стало трудно скрыться от этого смелого рыночного проекта, чьи щупальца простираются от нежного подталкивания ничего не подозревающих игроков Pokémon Go в рестораны, бары, закусочные быстрого питания и магазины, которые платят, чтобы играть на рынках поведенческих фьючерсов, чтобы заставить их есть, пить и делать покупки, и до беспощадной экспроприации излишков из профилей Facebook в целях формирования индивидуального поведения, будь то покупка крема от прыщей в 5:45 вечера в пятницу, клик «да» на предложении новых кроссовок, когда после длинной пробежки воскресным утром в вашем мозгу бушуют эндорфины, или голосование на следующей неделе. Подобно тому как промышленным капитализмом двигала непрерывная интенсификация средств производства, надзорные капиталисты и их клиенты теперь привязаны к непрерывной интенсификации способов изменения поведения и накоплению инструментарной власти.

Надзорный капитализм идет вразрез с изначальной цифровой мечтой, отправляя «Осведомленный дом» на задворки истории. Он уничтожает иллюзии о том, что сетевая форма имеет некое самобытное моральное содержание, что быть «на связи» — вещь по самой своей сути общественно полезная, по самой природе инклюзивная или естественным образом способствующая демократизации знания. Цифровая связь стала средством осуществления коммерческих целей других. Надзорный капитализм является глубоко паразитическим и замкнутым на самого себя. Он возрождает старый, восходящий к Марксу образ капитализма как вампира, который питается трудом, но с одним неожиданным поворотом. Вместо труда надзорный капитализм питается опытом каждого человека во всех его проявлениях.

Google изобрел и усовершенствовал надзорный капитализм во многом так же, как столетие назад компания General Motors изобрела и усовершенствовала менеджериальный капитализм. Google был пионером надзорного капитализма и в теоретических подходах, и в практических методах, бездонной кубышкой для исследований и разработок и первопроходцем в экспериментировании и внедрении, но сегодня он уже не единственный игрок на этом поле. Надзорный капитализм быстро перекинулся на Facebook, а затем и на Microsoft. Факты свидетельствуют о том, что в этом направлении поворачивает и Amazon и что это постоянная головная боль для Apple, представляет для нее внешнюю угрозу, а также выступает источником внутренних споров и конфликтов.

Будучи пионером в области надзорного капитализма, Google начал беспрецедентную рыночную операцию в неисследованных пространствах интернета, практически не встречая препятствий со стороны закона или конкурентов, подобно биологическому виду, проникшему в новую для себя среду, свободную от естественных хищников. Руководители компании двигались к системной согласованности ее проектов с головокружительной скоростью, за которой не могли уследить ни государственные учреждения, ни частные лица. На руку Google сыграли также и исторические события, когда аппарат национальной безопасности, гальванизированный атаками 11 сентября, склонялся к тому, чтобы вскармливать, подражать, защищать и осваивать нарождающиеся возможности надзорного капитализма ради тотального знания и сулимой им предсказуемости.

Надзорные капиталисты быстро поняли, что могут делать все, что пожелают, — чем они и занялись. Нарядившись в тоги правозащитников и освободителей, они апеллировали к тревогам сегодняшнего дня и эксплуатировали их, но настоящие события разворачивались за кулисами. Надзорные капиталисты спрятались под плащом-невидимкой, сотканным в равной мере из риторики расширения возможностей с помощью сети, умения делать стремительные ходы, уверенности в огромных денежных потоках и полной беззащитности той еще вольной территории, которую они собирались завоевать и присвоить. Их защищали естественная не-

проницаемость автоматизированных процессов, которыми они управляли, невежество, порождаемое этими процессами, и чувство неизбежности, которому они способствовали.

Надзорный капитализм сегодня — это далеко не только драматическая конкуренция крупных интернет-компаний, в ходе которой рынки поведенческих фьючерсов первоначально были нацелены на онлайн-рекламу. Его механизмы и экономические императивы стали основной моделью для большей части бизнесов, связанных с интернетом. В конечном счете конкурентное давление привело к выходу в офлайновый мир, где те же самые основополагающие механизмы, присваивающие ваши просмотры в интернете, лайки и клики, обучаются на материале вашей пробежки в парке, разговора за завтраком или поисков места для парковки. Сегодняшние прогнозные продукты продаются на рынках поведенческих фьючерсов, которые выходят за рамки таргетированной онлайн-рекламы и охватывают многие другие сектора, включая страхование, розничную торговлю, финансы и постоянно расширяющийся круг производителей товаров и поставщиков услуг, которые намерены участвовать в этих новых и прибыльных рынках. Идет ли речь об устройстве для «умного» дома, о том, что страховые компании называют «поведенческим андеррайтингом», или о любой из бесчисленного множества других транзакций, мы теперь сами платим за господство над нами.

Продукты и услуги надзорного капитализма не являются объектами обмена. Они не устанавливают конструктивную взаимозависимость между производителем и потребителем. Вместо этого они являются «крючками», которые заманивают пользователей в операции по изъятию данных, когда наш личный опыт отфильтровывается и упаковывается как средство для достижения целей других людей. Мы — не «клиенты» надзорного капитализма. Хотя и говорится, что «если это бесплатно, значит, товар — мы сами», это тоже неверно. Мы — ключевой источник прибыли надзорного капитализма, объекты технологически сложной и все более неизбежной операции по добыче сырья. Настоящие клиенты надзорного капитализма — это предприятия, которые торгуют на рынках будущего поведения.

Эта логика превращает повседневную жизнь в ежечасное продление фаустовской сделки XXI века. «Фаустовской», потому что отказаться от нее практически невозможно, несмотря на то что выполнение условий с нашей стороны разрушит знакомую нам жизнь. Не будем забывать, что интернет стал необходимым условием участия в жизни общества, что интернет насквозь пропитан коммерцией и что коммерция сегодня подчинена надзорному капитализму. Наша зависимость лежит в основе проекта коммерческого надзора — он строится на том, что ощущаемая нами потребность в эффективности борется с желанием противостоять его грубым вторжениям. Этот конфликт вызывает психическое онемение, которое приучает нас к тому, что за нами следят, обрабатывают полученную информацию, извлекают из нее нужное и модифицируют. Из-за него мы склонны опускать руки и уходить в цинизм, выдумывать оправдания, действующие подобно защитным механизмам («мне же нечего скрывать»), или находить другие способы спрятать голову в песок, предпочитая оставаться в неведении из-за разочарования и беспомощности[13]. Так надзорный капитализм ставит нас перед в корне неприемлемым выбором, которого в XXI веке не должно быть на повестке дня, а вследствие его нормализации нам остается только петь в своих цепях[14].

Надзорный капитализм работает благодаря беспрецедентной асимметрии знания и власти, которую дает знание. Надзорные капиталисты знают все *о нас*, в то время как их работа построена так, чтобы оставаться неведомой *для нас*. Они накапливают огромные пласты новых знаний, полученных *из нас*, но делают это не *для нас*. Они предсказывают наше будущее ради чужой выгоды, а не нашей. Пока надзорному капитализму и его рынкам поведенческих фьючерсов позволено процветать, собственность на новые средства изменения поведения будет гораздо важнее собственности на средства производства в качестве источника капиталистического богатства и власти в XXI веке.

Эти факты и их последствия для наших индивидуальных жизней, наших обществ, наших демократий и нашей рождающейся информационной цивилизации подробно рассматриваются в следующих главах. При-

веденные здесь свидетельства и доводы говорят о том, что надзорный капитализм является вышедшей из-под контроля силой, движимой новыми экономическими императивами, которые игнорируют социальные нормы и сводят на нет элементарные права, связанные с индивидуальной автономией и необходимые для самого существования демократического общества.

Подобно тому как индустриальная цивилизация процветала за счет природы и теперь угрожает погубить саму Землю, информационная цивилизация, сформированная надзорным капитализмом и его новой инструментарной властью, будет процветать за счет человеческой природы и угрожает отнять у нас нашу человечность. Индустриальное наследие в виде климатического хаоса подавляет нас, наполняет раскаянием и страхом. Сегодня доминирующей формой информационного капитализма становится надзорный капитализм — о каких новых утратах будут жалеть будущие поколения? К моменту, когда вы будете читать эти слова, эта новая форма распространится еще шире, поскольку все новые и новые отрасли, фирмы, стартапы, разработчики приложений и инвесторы мобилизуются под знамена этой единственно доступной версии информационного капитализма. Эта мобилизация и сопротивление ей зададут ключевое поле битвы, на котором развернется борьба за возможность человеческого будущего на новых рубежах власти.

IV. Беспрецедентное

Одно объяснение многочисленных триумфов надзорного капитализма выделяется среди остальных: он *беспрецедентен*. Беспрецедентное неизбежно неузнаваемо. Когда мы сталкиваемся с чем-то беспрецедентным, мы автоматически интерпретируем его сквозь призму знакомых категорий, тем самым делая невидимым именно беспрецедентное в нем. Классическим примером было понятие «безлошадного экипажа», к которому стали прибегать люди, сталкиваясь с беспрецедентным — автомобилем. Другая, трагическая, иллюстрация — встреча коренных народов с первыми испанскими конкистадорами. Когда индейцы таино с доколумбовых Карибских

островов впервые увидели потных бородатых испанских солдат, бредущих по песку в своей парче и доспехах, могли ли они распознать значение и знамение этого момента? Не в силах вообразить собственную гибель, они сочли этих странных существ богами и приветствовали их утонченными ритуалами гостеприимства. Так беспрецедентное надежно осложняет понимание; существующая оптика проливает свет на знакомое, тем самым скрывая новое, превращая беспрецедентное в продолжение прошлого. Это способствует нормализации аномального, что делает совладание с беспрецедентным еще более непосильной задачей.

Несколько лет назад во время ночной грозы в наш дом попала молния, и я крепко усвоила урок, преподанный выходящей за рамки понимания силой беспрецедентного. Через несколько мгновений после удара густой черный дым повалил по лестнице из нижней части дома по направлению к гостиной. Пока мы приходили в себя и звонили пожарным, я думаю, у меня была минута или две, чтобы сделать что-то полезное, прежде чем броситься к своей семье. Сначала я побежала наверх и закрыла двери всех спален, чтобы защитить их от дыма. Затем я кинулась вниз в гостиную, где схватила столько наших семейных фотоальбомов, сколько могла унести, и сложила их в безопасном месте на крытом крыльце. Дым уже почти настиг меня, когда прибыли пожарные, схватили меня за плечо и вытащили за дверь. Мы стояли под проливным дождем и, потрясенные, наблюдали, как огонь поглощал наш дом.

Этот пожар научил меня многому, но самым важным была неузнаваемость беспрецедентного. В первые моменты кризиса я думала о том, что дом пострадает от дыма, я не могла представить себе, что от него ничего не останется. Я пыталась осмыслить происходящее через призму прошлого опыта, воображая болезненное, но в конечном итоге преодолимое отклонение от нормального течения жизни, вслед за которым все вернется на свои места. Не в силах узнать беспрецедентное, все, что я могла сделать, — это закрыть двери в комнаты, которых больше не будет, и искать безопасности на крыльце, которому суждено было исчезнуть. Я была слепа к тому, чему не было прецедентов в моем жизненном опыте.

Я начала изучать возникновение феномена, который в конечном итоге назвала надзорным капитализмом, в 2006 году, проводя интервью с предпринимателями и сотрудниками ряда технологических компаний в США и Великобритании. В течение нескольких лет мне казалось, что неожиданные и тревожные явления, задокументированные мной, были отклонениями от магистрального пути: упущениями руководства, ошибочными суждениями или непониманием контекста.

Мои полевые данные погибли в том ночном пожаре, и к тому времени, когда в начале 2011 года я смогла продолжить эту работу, мне было ясно, что старые линзы «безлошадного экипажа» не способны объяснить или оправдать формирующуюся новую реальность. Пропало множество деталей, касающихся отдельных деревьев, но контуры леса в целом вырисовывались отчетливее, чем когда-либо: информационный капитализм сделал решительный поворот к новой логике накопления, со своими особыми механизмами действия, экономическими императивами и рынками. Я видела, что эта новая форма отошла от норм и практик, определяющих историю капитализма, и в этом процессе возникло нечто поразительное и беспрецедентное.

Конечно, появление беспрецедентного в экономической истории нельзя сравнить с пожаром в доме. Последствия катастрофического пожара были беспрецедентными лично для меня, но они не были уникальными. Напротив, надзорный капитализм — новое действующее лицо в истории, невиданное прежде и несводимое к чему-то известному. Он — единственный в своем роде и не похож ни на что другое: совершенно новая планета со своей собственной физикой времени и пространства, шестидесятисемичасовыми сутками, изумрудным небом, перевернутыми горными хребтами и сухой водой.

Тем не менее опасность того, что мы будем терять время, закрывая двери в комнаты, которые вскоре перестанут существовать, вполне реальна. Беспрецедентный характер надзорного капитализма позволяет ему избегать систематического противодействия, потому что его нельзя адекватно описать в рамках существующих понятий. Чтобы оспорить практики надзорного капитализма, мы прибегаем к таким категориям, как «монопо-

лия» или «неприкосновенность частной жизни». И хотя все это жизненно важные вопросы, и даже в тех случаях, когда операции надзорного капитализма действительно являются монополистическими и представляют угрозу личной сфере, эти привычные категории тем не менее не в состоянии распознать и оспорить наиболее важные и беспрецедентные факты этого нового режима.

Продолжит ли надзорный капитализм свою нынешнюю траекторию, чтобы стать доминирующей логикой накопления нашего века, или, в масштабе вечности, окажется всего лишь зубастой птицей: устрашающей, но в конечном итоге обреченной на гибель тупиковой ветвью в долгом развитии капитализма? Если он обречен, то что сделает его таковым? Что потребуется для создания эффективной вакцины?

Каждая вакцина начинается с тщательного изучения болезни, с которой предстоит бороться. Эта книга — путешествие, в котором мы столкнемся со всем тем странным, оригинальным и даже невообразимым, что есть в надзорном капитализме. Ее вдохновляло убеждение, что если мы хотим постичь беспрецедентное, в качестве необходимой прелюдии к эффективному противостоянию, то необходимы свежие наблюдения, анализ и новый язык. В следующих главах будут рассмотрены конкретные условия, которые позволили укорениться и расцвести надзорному капитализму, а также «законы движения», управляющие работой и ростом этой формы рынка — его основополагающие механизмы, экономические императивы, экономика предложения, властное устройство и принципы социального упорядочения. Двери нужно закрыть, но давайте сначала убедимся, что это правильные двери.

V. Кукловод, не марионетка

Наша попытка противостояния беспрецедентному начинается с понимания того, что надо *охотиться за кукловодом, а не за марионеткой*. Первая проблема, стоящая на пути понимания, — это смешение надзорного капитализма и технологий, которые он использует. Надзорный капитализм — не технология; это логика, одушевляющая технологию и приводящая ее в действие. Надзор-

ный капитализм — это рыночная форма, которая невообразима вне цифровой среды, но она не равна «цифре». Как мы видели в истории с «Осведомленным домом» и как снова увидим в главе 2, цифровая реальность может принимать различные формы в зависимости от социальной и экономической логики, которая дает ей жизнь. Капитализм, а не технология устанавливает цену подчинения и беспомощности.

Тот факт, что надзорный капитализм — это логика действия, а не технология, — момент жизненно важный, потому что надзорные капиталисты хотят, чтобы мы думали, что их практики являются неизбежным выражением технологий, которые они используют. Например, в 2009 году общественность впервые узнала, что Google хранит наши истории поиска без ограничений по времени: данные, которые доступны в качестве сырья, также доступны спецслужбам и правоохранительным органам. Отвечая на вопрос об этих практиках, бывший генеральный директор корпорации Эрик Шмидт размышлял:

> Реальность такова, что поисковые системы, включая Google, в течение какого-то времени сохраняют эту информацию[15].

На самом деле, хранят информацию не поисковые системы, информацию хранит надзорный капитализм. Заявление Шмидта — классическая подтасовка, которая вводит публику в заблуждение, смешивая в одну кучу коммерческие императивы и технологическую необходимость. Оно маскирует вполне конкретные практики надзорного капитализма и конкретные решения, которые задают работу поисковика Google. Самое главное, практики надзорного капитализма преподносятся как нечто неизбежное, хотя на самом деле это тщательно рассчитанные и щедро финансируемые механизмы для продвижения поставленных им перед собой коммерческих целей. Мы подробно рассмотрим эти представления о «неизбежности» в главе 7. Пока достаточно сказать, что, несмотря на всю футуристическую изощренность цифровых инноваций, риторика компаний надзорного капитализма не слишком отличается от идей, некогда увековеченных в девизе Всемирной выставки в Чикаго в 1933 году: «Наука открывает — Промышленность внедряет — Человек приспосабливается».

Чтобы оспаривать подобные утверждения о технологической неизбежности, мы должны установить свои ориентиры. Мы не можем оценить нынешнюю траекторию информационной цивилизации без четкого понимания того, что технология никогда не была и не может быть вещью в себе, изолированной от экономики и общества. Это значит, что технологической неизбежности не существует. Технология — это всегда экономическое средство, а не самоцель: в наше время ДНК технологий уже изначально задается тем, что социолог Макс Вебер назвал «экономической ориентацией».

Экономические цели, по наблюдению Вебера, всегда являются неотъемлемой частью развития и внедрения технологий. «Экономическое действие» определяет цели, а технология обеспечивает «соответствующие средства». По словам Вебера,

> экономическая ориентация сегодняшнего так называемого технологического развития на получение прибыли является одним из коренных фактов истории техники[16].

В современном капиталистическом обществе технология была, есть и всегда будет выражением экономических целей, которые приводят ее в действие. Попробуйте удалить слово «технология» из вашего словаря, и вы увидите, как быстро обнажаются цели капитализма.

Надзорный капитализм использует множество технологий, но его нельзя приравнять ни к одной из них. Его операции могут использовать платформы, но эти операции не совпадают с этими платформами. Он использует машинный интеллект, но не сводится к этим машинам. Он производит алгоритмы и опирается на них, но он не тождественен этим алгоритмам. Уникальные экономические императивы надзорного капитализма — это те кукловоды, которые прячутся за занавесом, приводя в действие машины и задавая им направление. Эти императивы, если позволить себе еще одну метафору, подобны мягким тканям тела, которые не видны в рентгеновских лучах, но на самом деле соединяют мышцы с костями. Мы не первые, кто стал жертвой технологической иллюзии. Это старый сюжет общественной мысли, старый, как троянский конь. Несмотря на это, каждое поколение увязает в этих зыбучих песках, забывая,

что технология есть выражение иных интересов. В современную эпоху это означает, что интересы капитала, а сегодня именно надзорного капитала, управляют цифровой средой и прокладывают нашу траекторию в будущее. Наша цель в этой книге состоит в том, чтобы выявить законы надзорного капитализма, спрятанные в сегодняшних экзотических троянских конях, что возвращает нас к извечным вопросам, к тому, как они связаны с нашими жизнями, нашими обществами и нашей цивилизацией.

Мы уже стояли над подобной пропастью. «Мы уже давно спотыкаемся, пытаясь управлять новой цивилизацией по-старому, но мы должны начать создавать этот мир заново». Это 1912 год, Томас Эдисон излагает свое видение новой индустриальной цивилизации в письме Генри Форду. Эдисона беспокоило, что потенциал индустриализма, который можно поставить на службу прогрессу человечества, будет подорван цепкой властью «баронов-разбойников» и монополистической экономикой, царившей в их уделах. Его возмущали «расточительность» и «жестокость» американского капитализма:

> Наше производство, наши фабричные законы, наши благотворительные организации, наши отношения между капиталом и трудом, наше распределение — все неправильно, все впустую.

И Эдисон, и Форд понимали, что современная индустриальная цивилизация, на которую они возлагали такие надежды, кренится в сторону бездны, в которой — страдания для большинства и процветание для избранных.

Для нас здесь важно, что Эдисон и Форд понимали, что капиталистические практики, возобладавшие в их время, сформируют моральную жизнь индустриальной цивилизации. Они полагали, что Америке и в конечном итоге всему миру придется придумать новый, более рациональный капитализм, чтобы предотвратить будущее, полное страданий и конфликтов. Все, как предполагал Эдисон, нужно будет изобретать заново: новые технологии, да, но они должны отражать новые способы понимания и удовлетворения потребностей людей; новая экономическая модель, которая может сделать эти новые практики прибыльными; и новый общественный договор, на котором все это сможет держаться. Наступил

новый век, но эволюция капитализма, как и смена цивилизаций, не подчиняется ни календарю, ни часам. Стоял 1912 год, но девятнадцатый век все не ослаблял своей хватки над веком двадцатым.

То же самое можно сказать и о нашем времени. Когда я пишу эти строки, мы приближаемся к концу второго десятилетия двадцать первого века, но нас продолжают разрывать экономические и социальные конфликты века двадцатого. Эти конфликты и есть та сцена, на которой надзорный капитализм дебютировал и пришел к славе в качестве автора новой главы в длинной саге развития капитализма. Это тот драматический контекст, к которому мы обратимся на первых страницах части I: это то, с чего надо начать, чтобы оценить наш предмет в его должном контексте. Надзорный капитализм не случайный продукт чересчур усердных инженеров, а злокачественная мутация капитализма, научившегося ловко использовать исторические условия для обеспечения и защиты своего успеха.

VI. Краткое содержание, темы и источники этой книги

Эта книга задумана как первоначальная разметка неведомых земель, первая вылазка, которая, как я надеюсь, проложит путь новым исследователям. Попытка понять надзорный капитализм и его последствия продиктовала траекторию исследования, пролегающую через многие дисциплины и исторические периоды. Моей целью было разработать концепции и подходы, которые позволили бы нам увидеть закономерности в том, что кажется разрозненными понятиями, явлениями и фрагментами риторики и практики; каждая новая точка, нанесенная на карту, будет способствовать материализации нашего кукловода во плоти и крови.

Многие из точек на этой карте неизбежно рождаются среди быстрых течений в турбулентные времена. В попытке понять современные события мой метод заключался в том, чтобы в клубке технических деталей и корпоративной риторики выделить более глубокие закономерности. Проверкой моего успеха будет то, на-

сколько яркий свет эта карта и ее концепции смогут пролить на беспрецедентное, дадут ли они более убедительное и всестороннее понимание стремительного потока кипящих вокруг нас событий, пока надзорный капитализм преследует свою долговременную цель экономического и социального господства.

«Эпоха надзорного капитализма» делится на четыре части. Каждая состоит из четырех-пяти глав и содержит заключительную главу, задуманную в качестве коды, которая отражает и концептуализирует значение сказанного раньше. Часть I посвящена основам надзорного капитализма — его происхождению и раннему развитию. Мы начинаем, в главе 2, с рассмотрения той обстановки, в которой надзорный капитализм дебютировал на сцене и достиг успеха. Этот контекст важен, потому что я боюсь, что мы слишком долго довольствовались поверхностными объяснениями быстрого взлета и повсеместного принятия практик, связанных с надзорным капитализмом. Например, мы приняли на веру представление об «удобстве» или тот факт, что многие из его услуг «бесплатны». Глава 2, напротив, рассматривает социальные условия, впустившие цифровую среду в нашу повседневную жизнь и позволившие надзорному капитализму пустить корни и дать плоды. Я описываю «коллизию» между многовековыми историческими процессами индивидуализации, формировавшими наш опыт как самоопределяющихся индивидов, и суровой социальной средой, созданной существующим уже не одно десятилетие режимом неолиберальной рыночной экономики, который систематически подрывает наше чувство собственного достоинства и потребность в самоопределении. Боль и разочарование, рождаемые этим противоречием, и стали теми условиями, которые толкнули нас за помощью и поддержкой к интернету и в конечном счете заставили покориться драконовской сделке с надзорным капитализмом.

Затем я перехожу к подробному изучению истоков и первых шагов надзорного капитализма в Google, начиная с открытия и первоначального развития того, что станет его основополагающими механизмами, экономическими императивами и «законами движения». При всем техническом мастерстве и компьютерном та-

ланте Google действительным залогом успеха компании служат радикальные социальные отношения, которые она объявила свершившимся фактом — начиная с пренебрежительного отношения к границам личного человеческого опыта и моральной целостности автономного индивида. Вместо этого надзорные капиталисты утвердили свое право на вторжение по своему усмотрению, узурпируя индивидуальные права на принятие решений в пользу одностороннего надзора и самовольного изъятия человеческого опыта ради чужой прибыли. Этим агрессивным притязаниям благоприятствовали отсутствие законов, способных их остановить, совпадение интересов между начинающими надзорными капиталистами и государственными спецслужбами и упорство, с которым корпорация защищала свои новые территории. В конце концов Google кодифицировал рецепты, позволившие его надзорно-капиталистическим операциям успешно институционализироваться в качестве доминирующей формы информационного капитализма, привлекая новых конкурентов, стремящихся поучаствовать в гонке за надзорными доходами. В силу этих достижений Google и расширяющаяся вселенная его конкурентов наслаждаются необычайной новой асимметрией знания и власти, беспрецедентной в человеческой истории. Я утверждаю, что значение этих событий лучше всего осмыслить как приватизацию *разделения общественного знания*, критической оси социального порядка в XXI веке.

В части II прослеживается миграция надзорного капитализма из онлайн-среды в реальный мир вследствие конкуренции за доступ к предсказаниям, почти полностью совпадающим с действительностью. Здесь мы исследуем этот новый *реалити-бизнес*, когда все стороны человеческого опыта используются как сырье, перерабатываемое в поведенческие данные. Многие из подобных задач выполняются под лозунгом «персонализации», которым прикрываются операции по раскапыванию самых интимных глубин повседневной жизни. По мере усиления конкуренции надзорные капиталисты начинают понимать, что извлечения человеческого опыта недостаточно. Наиболее надежное «сырье» для предсказаний образуется в результате вмешательства в наш опыт, которое направляет наше поведение в сторону, отвечающую коммерче-

ским интересам надзорных капиталистов. Новые автоматизированные протоколы воздействия на человеческое поведение и изменения его разрабатываются на широкую ногу, по мере того как средства производства подчиняются новым и более сложным *средствам изменения поведения*. Мы видим эти новые протоколы в действии в экспериментах Facebook по изменению эмоций пользователей и родившейся в недрах Google игре Pokémon Go, построенной на технологии дополненной реальности. Доказательством нашего психического онемения является то, что всего несколько десятилетий назад американское общество осуждало методы массовой модификации поведения как неприемлемую угрозу индивидуальной автономии и демократическому строю. Сегодня те же самые практики почти не встречают ни сопротивления, ни хотя бы обсуждения, но при этом рутинно и повсеместно используются для получения прибыли от надзора. Наконец, я рассматриваю работу надзорного капитализма как вызов базовому *праву на будущее время*, которое подразумевает способность человека воображать, формировать намерения, делать обещания и строить собственное будущее. Это существенное условие свободной воли и тем более тех внутренних ресурсов, из которых мы черпаем *волю к воле*. Я спрашиваю: «Как это сошло им с рук?» и предлагаю ответ на этот вопрос. Часть II заканчивается размышлениями о нашей прошлой и будущей истории. *Если промышленный капитализм губит природную среду, то к каким пагубным последствиям для человеческой природы может привести надзорный капитализм?*

Часть III исследует рост инструментарной власти; ее проявление в виде повсеместно распространенной сенсорной и сетевой компьютерной инфраструктуры, которую я называю *Большим Другим*; и новое и глубоко антидемократическое видение общества и социальных отношений, к которым они ведут. Я утверждаю, что инструментаризм — беспрецедентный вид власти, который ускользал от нашего понимания отчасти потому, что был подвержен синдрому «безлошадного экипажа». Инструментарная власть рассматривалась сквозь старые линзы тоталитаризма, что скрывало ее отличия и потенциальные опасности. Тоталитаризм был перевоплощением государства, при котором ему должно было

принадлежать всё и вся. Инструментаризм и его материализация в Большом Другом сигнализируют о превращении рынка в проект полной предсказуемости, начинании, невообразимом вне цифровой среды и логики надзорного капитализма. Давая имя инструментарной власти и предлагая ее анализ, я исследую ее интеллектуальные корни в ранней теоретической физике и ее более позднее выражение в работе радикального бихевиориста Б. Ф. Скиннера.

В части III прослеживается второй «фазовый переход» в надзорном капитализме. Первым была миграция из виртуального в реальный мир. Второй — это смещение фокуса с реального мира на социальный, когда само общество становится новым объектом эксплуатации и контроля. Подобно тому как индустриальное общество уподобляли хорошо функционирующей машине, так и инструментарное общество представляется человеческим воплощением системы машинного обучения: единый разум улья, в котором каждый элемент учится и действует в согласии со всеми другими элементами. Когда по такой схеме объединяются машины, то «свобода» каждой отдельной машины подчиняется знанию системы в целом. Инструментарная власть стремится организовать, направить в нужную сторону и настроить общество для достижения подобного же *социального слияния*, при котором групповое давление и математическая предсказуемость заменяют политику и демократию, уничтожая субъективное ощущение и социальный смысл индивидуализированного существования. Самые молодые члены наших обществ уже испытывают на себе многие из этих разрушительных процессов в своей привязанности к социальным сетям, первому глобальному эксперименту по построению человеческого улья. Я рассматриваю последствия этих событий для второго базового права: *права на личное святилище*. Человеческая потребность иметь уединенное пристанище, границы которого нерушимы, с глубокой древности сохранялась в цивилизованных обществах, но сегодня оказалась под угрозой, по мере того как надзорный капитал создает мир, из которого «выхода нет», что влечет за собой глубокие последствия для человеческого будущего на этих новых рубежах власти.

В заключительной главе я прихожу к выводу, что надзорный капитализм удивительным образом отходит от магистральной линии развития рыночного капитализма, требуя как беспрепятственной свободы, так и полного знания, отказываясь от взаимовыгодных связей капитализма с людьми и обществом и навязывая тотализирующее коллективистское видение жизни в улье, под присмотром и контролем со стороны самих надзорных капиталистов, а также обслуживающих их специалистов по данным в качестве священнического сословия. Надзорный капитализм и его быстро растущая инструментарная власть превзошли исторические нормы капиталистических амбиций, претендуя на господство над человеческими, общественными и политическими территориями, которые простираются далеко за пределами традиционной институциональной территории частной фирмы или рынка. В результате надзорный капитализм лучше всего описывать как *верхушечный переворот*, не свержение государства, а свержение суверенитета народа, и как одну из главных движущих сил, стоящих за опасным скатыванием к распаду демократии, которое угрожает сегодня либерально-демократическим странам Запада. Только «мы, народ» можем переломить этот курс, сначала назвав беспрецедентное по имени, а затем мобилизовав новые формы совместного действия: решающий шаг, который подтвердит первичность будущего человеческого процветания в качестве основы нашей информационной цивилизации. *Если цифровому будущему суждено быть нашим домом, то только мы сами должны сделать его таковым.*

Мои методы сочетают в себе методы обществоведа, склонного к теории, истории, философии и качественным исследованиям, с методами публициста — подход необычный, но намеренный. Как публицист, я иногда опираюсь на свой собственный опыт. Я делаю это потому, что, когда мы подходим к критическим вопросам, разбираемым здесь, как к просто еще одной порции абстракций, связанных с технологическими и экономическими силами, на которые мы не способны повлиять, усиливается склонность к психическому онемению. Мы не сможем сполна оценить опасность надзорного капитализма и его последствий, не осмотрев шрамы, оставленные им во плоти нашей повседневной жизни.

Будучи социальным ученым, я обратилась к более ранним теоретикам, которые сталкивались с беспрецедентным в свое время. Перечитывая с этой точки зрения тексты таких классиков, как Дюркгейм, Маркс и Вебер, я научилась по-новому ценить их интеллектуальную отвагу и новаторские идеи, их смелые теории индустриального капитализма и индустриального общества, которые стремительно вырастали на их глазах в XIX — начале XX века. Мою работу здесь также вдохновляли мыслители середины XX века, такие как Ханна Арендт, Теодор Адорно, Карл Поланьи, Жан-Поль Сартр и Стэнли Милгрэм, которые пытались назвать по имени беспрецедентное своей эпохи, когда столкнулись с выходящим за рамки понимания феноменом тоталитаризма и постарались выявить его последствия для судеб человечества. На мою работу также оказали глубокое влияние многие передовые ученые, критики технологий и преданные своему делу журналисты-расследователи, которые так много сделали для освещения ключевых точек на карте, которая будет здесь вырисовываться.

В течение последних семи лет я внимательно следила за ведущими капиталистическими фирмами, занимающимися надзором, и растущими экосистемами их клиентов, консультантов и конкурентов, все это с учетом более широкого контекста технологий и науки о данных, определяющих дух времени в Кремниевой долине. Это поднимает вопрос об еще одном важном различии. Подобно тому как надзорный капитализм не равен технологии, упомянутая новая логика накопления не может быть сведена к какой-либо отдельной компании или группе компаний. Пять ведущих интернет-гигантов — Apple, Google, Amazon, Microsoft и Facebook — часто рассматриваются как единое целое со сходными стратегиями и интересами, но когда дело касается надзорного капитализма, это не так.

Во-первых, необходимо различать капитализм и надзорный капитализм. Как я более подробно расскажу в главе 3, эта граница частично определяется целями и методами сбора данных. Когда фирма собирает данные о поведении с разрешения и только с целью улучшения продукта или услуги, то это капитализм, но не надзорный капитализм. Каждая из пяти ведущих технологи-

ческих компаний практикует капитализм, но не все они являются надзорными капиталистами в чистом виде, по крайней мере на данный момент.

Например, Apple до сих пор проводила черту, обещая воздерживаться от многих практик, которые я приписываю режиму надзорного капитализма. Ее поведение в этом отношении не безупречно, линия иногда размыта, и Apple вполне может изменить свою ориентацию или начать действовать вопреки ей. Amazon когда-то гордился своей клиентоориентированностью и позитивной обратной связью между сбором данных и улучшением обслуживания. Обе фирмы получают доходы как от цифровых, так и от физических продуктов и, следовательно, не испытывают такой финансовой потребности в надзорных доходах, как компании, занимающиеся одними лишь данными. Однако, как мы увидим в главе 9, Amazon с его новым акцентом на «персонализированные» услуги и доходы от сторонних организаций, по всей видимости, дрейфует в сторону надзорного капитализма.

Перешла ли корпорация полностью на сторону надзорного капитализма или нет, само по себе это ничего не говорит о других жизненно важных вопросах, поднимаемых ее деятельностью — от монополистических и антиконкурентных практик в случае Amazon до ценообразования, налоговых стратегий и политики занятости у Apple. Никаких гарантий на будущее тоже нет. Время покажет, поддастся ли Apple соблазну надзорного капитализма, удержит свою линию или, может быть, даже расширит свои амбиции и твердо встанет на эффективный альтернативный путь к человеческому будущему, связанному с идеалами индивидуальной автономии и самыми базовыми ценностями демократического общества.

Одним из важных следствий этого различия является то, что даже когда наши общества поднимаются против капиталистического вреда, причиняемого технологическими компаниями, например связанного с монополизмом или персональными данными, эти действия сами по себе не меняют приверженности фирмы надзорному капитализму и не мешают дальнейшему разрастанию последнего. Скажем, призывы разделить Google

или Facebook из-за их монопольного статуса могут легко привести к созданию множества компаний надзорного капитализма, хотя и меньшего масштаба, и таким образом расчистить путь для новых конкурентов из числа надзорных капиталистов. Аналогичным образом, сокращение дуополии Google и Facebook в онлайн-рекламе не уменьшит хватку надзорного капитализма, если долю рынка, занимаемую онлайн-рекламой, поделят между собой пять или пятьдесят фирм надзорного капитализма вместо двух. На протяжении всей этой книги я уделяю особое внимание беспрецедентным аспектам функционирования надзорного капитализма, которые должны быть оспорены и остановлены, если мы хотим сдержать и покорить эту рыночную форму.

Мое внимание на этих страницах обращено преимущественно к Google, Facebook и Microsoft. Но цель не в том, чтобы подвергнуть всесторонней критике именно эти компании. Наоборот, я рассматриваю их как чашки Петри, в которых удобнее всего исследовать ДНК надзорного капитализма. Как я уже говорила, моя цель — картографировать новую логику и ее функционирование, а не компанию или ее технологии. Я вторгаюсь в дела этих и других компаний, чтобы собрать идеи, которые могут конкретизировать эту карту, подобно тому как предыдущие наблюдатели перебрали множество примеров перед тем, как уловить тогда еще новую логику менеджериального капитализма и массового производства. Кроме того, так случилось, что надзорный капитализм был изобретен в Соединенных Штатах — в Кремниевой долине и в Google. Это делает его американским изобретением, которое, как и массовое производство, стало глобальной реальностью. По этой причине бóльшая часть этой книги посвящена событиям в США, хотя последствия этих событий дают о себе знать во всем мире.

Изучая методы надзорного капитализма в Google, Facebook, Microsoft и других корпорациях, я уделяла пристальное внимание интервью, патентам, обсуждениям финансовых показателей, выступлениям, конференциям, видеороликам, а также программам и политикам компании. Кроме того, в период с 2012 по 2015 год я провела интервью с 52 специалистами по данным из 19 раз-

личных компаний с совокупным 586-летним опытом работы в высокотехнологичных корпорациях и стартапах, главным образом в Кремниевой долине. Эти интервью проводились по мере того, как я приходила к своему «низовому пониманию» надзорного капитализма и его материальной инфраструктуры. В самом начале я обратилась к небольшому числу в высшей степени уважаемых специалистов по работе с данными, старших разработчиков программного обеспечения и специалистов по «интернету вещей». По мере того как эти ученые представляли меня своим коллегам, моя выборка респондентов росла. Интервью, иногда многочасовые, проводились на условиях конфиденциальности и анонимности, но моя благодарность моим собеседникам носит личный характер, и я публично заявляю здесь о ней.

И последнее: в этой книге вы встретите отрывки из «Сонетов из Китая» У. Х. Одена, а также весь сонет XVIII. Мне дорог этот цикл стихов Одена — это острое исследование мифической истории человечества, извечной борьбы с насилием и господством, а также всепобеждающей силы человеческого духа и его неустанного притязания на собственное будущее.

Часть I

Основы надзорного капитализма

ГЛАВА 2
9 августа 2011 года: готовя почву для надзорного капитализма

Не ангелы как будто — сатана
На стражу встал бессрочную у входа
И выхода в другие времена.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, II*[1]

ДЕВЯТОГО августа 2011 года три события, разделенные тысячами миль, наглядно показали головокружительные перспективы и надвигающиеся угрозы, связанные с нашей нарождающейся информационной цивилизацией. Во-первых, один из пионеров Кремниевой долины, компания Apple, обещала новые цифровые «решения мечты» для ряда старых экономических и социальных проблем и превзошла наконец Exxon Mobil по капитализации, став самой дорогой компанией в мире. Во-вторых, использование огнестрельного оружия лондонской полицией, приведшее к гибели подозреваемого, спровоцировало массовые беспорядки по всему городу, вызвав волну насильственных протестов в стране. Десятилетие взрывного цифрового роста не смогло смягчить бремени неолиберальных мер жесткой экономии и вызванного ими крайнего неравенства. Слишком многие стали чувствовать себя изгнанными из будущего и отдались ярости и насилию как своему единственному прибежищу. В-третьих, испанские граждане заявили о своих правах на человеческое будущее, бросив вызов Google своим требованием «права на забвение». Этот рубеж напомнил миру о том, как быстро заветные мечты о более справедливом и демократическом цифровом будущем столкнулись с неприглядной реальностью, что стало предвестием глобальной политической борьбы вокруг слияния цифровых возможностей и капиталистических амбиций. Мы переживаем этот августовский день снова и снова, как в какой-то древней

притче, обреченные ходить по кругу, пока душа нашей информационной цивилизации наконец не сформируется демократическими действиями, частной властью, невежеством или пассивным дрейфом по течению.

1. Apple взламывает капитализм

Apple вырвалась на музыкальную сцену в разгар жестокой битвы между спросом и предложением. С одной стороны были молодые люди, чей энтузиазм по поводу Napster и других форм обмена музыкальными файлами выражал новое качество спроса: потреблять по-моему, то, что я хочу, когда хочу, где хочу. С другой стороны стояли руководители музыкальной индустрии, которые решили посеять страх и подавить этот спрос, выслеживая и преследуя в судебном порядке некоторых самых активных пользователей Napster. Apple преодолела эту пропасть, предложив коммерчески и юридически жизнеспособное решение, которое пошло навстречу новым потребностям людей и в то же время учитывало интересы представителей музыкальной индустрии. Napster взломал музыкальную индустрию, а Apple, похоже, взломала капитализм.

Легко забыть, насколько значительным был этот шаг Apple. Прибыль компании взлетела главным образом благодаря продажам iPod/iTunes/iPhone. По словам издания *Bloomberg Businessweek*, аналитики с Уолл-стрит были «сбиты с толку» этим загадочным «чудом» от Apple. Как восклицал один из них: «Мы даже не можем смоделировать некоторые из возможностей… Это похоже на религию»[2]. Даже сегодня цифры поражают воображение: в течение трех дней после запуска Windows-совместимой платформы iTunes в октябре 2003 года слушатели загрузили миллион бесплатных копий iTunes и заплатили за миллион песен, что позволило Стиву Джобсу объявить: «Менее чем за одну неделю мы побили все рекорды и стали крупнейшей музыкальной онлайн-компанией в мире»[3]. В течение месяца было совершено 5 миллионов загрузок, затем 10 миллионов спустя три месяца, затем 25 миллионов еще через три месяца. Четыре с половиной года спустя, в январе 2007 года, это число возросло до двух

миллиардов, а шесть лет спустя, в 2013 году, оно составило 25 миллиардов. В 2008 году Apple превзошла Walmart в качестве крупнейшего в мире музыкального ритейлера. Продажи iPod были такими же впечатляющими: они подскочили с миллиона штук в месяц после запуска музыкального магазина до 100 миллионов менее чем через четыре года, когда Apple включила функциональность iPod в свой революционный iPhone, что вывело компанию на новую ступень роста. В исследовании доходности фондового рынка, проведенном в 2017 году, был сделан вывод, что Apple принесла инвесторам больше прибыли, чем любая другая американская компания за всё предыдущее столетие[4].

За сто лет до выхода iPod массовое производство проложило путь к новой эре, открыв параллельную вселенную экономической ценности, которая была скрыта в новом и еще мало понятном феномене массового потребителя, желавшего покупать, но по цене, которую мог себе позволить. Генри Форд снизил цену на автомобиль на 60% благодаря революционной промышленной логике, сочетавшей большие объемы выпуска и низкую себестоимость. Он назвал это «массовым производством», резюмируя его своим известным изречением: «Вы можете выбрать автомобиль какого угодно цвета, лишь бы он был черным».

Позже Альфред Слоан из General Motors объяснил этот принцип:

> К тому времени, когда у нас появляется продукт, который можно им [потребителям] показать, мы просто обязаны продать им его, учитывая огромные инвестиции, связанные с его выводом на рынок[5].

Бизнес-модель музыкальной индустрии тоже строилась на том, чтобы указывать покупателю, что он хочет купить, как это было с Фордом и Слоаном. Фирмы инвестировали в производство и дистрибуцию компакт-дисков, и именно эти диски покупатели должны были покупать.

Генри Форд был одним из первых, кто напал на золотую жилу, воспользовавшись возможностями, открываемыми новым массовым потреблением, при выпуске его Model T. Как и в случае с iPod, фабрике, производившей Ford Model T, с трудом удавалось удовлетворять

взрывообразный рост спроса. Массовое производство было применимо и применялось ко всему, что угодно. Оно изменило структуру производства по мере своего распространения по всей экономике и по всему миру и установило господство нового капитализма массового производства в качестве основы для создания богатства в XX веке.

Инновации в iPod/iTunes перевернули эту вековую индустриальную логику, используя новые возможности цифровых технологий, чтобы *инвертировать* процесс потребления. Apple переписала заново отношения между слушателями и их музыкой, опираясь на специфическую коммерческую логику, которая, хотя и знакома нам сейчас, в момент своего появления воспринималась как революционная.

Инверсия Apple строилась на нескольких ключевых элементах. Цифровизация дала возможность *вызволить* ценные активы — в данном случае песни — из институциональных пространств, внутри которых они застряли. Дорогостоящие институциональные процедуры, описанные Слоаном, были устранены в пользу прямого пути к слушателям. Так, в случае с компакт-дисками, Apple *обошлась без* физического производства продукта, а значит и без его упаковки, учета, хранения, маркетинга, транспортировки, дистрибуции и розничной продажи. Сочетание платформы iTunes и устройства iPod позволило слушателям постоянно *переконфигурировать* свою музыку по собственному желанию. Не было двух одинаковых iPod, и iPod на этой неделе отличался от того же самого iPod неделю спустя, по мере того как слушатели выбирали и снова пересматривали комбинации треков. Для музыкальной индустрии и ее спутников — розничных продавцов, маркетологов и т. д. — это был мучительный процесс, но это было именно то, чего хотели новые слушатели.

Как понимать этот успех? «Чудо» Apple обычно приписывают гениальности ее дизайнеров и маркетологов. Желание потребителей иметь «то, что я хочу, когда, где и как хочу» воспринимается как подтверждение их спроса на «удобство», а иногда просто списывается на нарциссизм или каприз. На мой взгляд, эти объяснения теряют свою убедительность на фоне беспример-

ного масштаба достижений Apple. Мы слишком долго довольствовались поверхностными объяснениями достигнутого Apple беспрецедентного слияния капитализма с цифровыми технологиями, вместо того чтобы копнуть глубже и рассмотреть исторические силы, которые вызвали эту новую форму к жизни.

Подобно тому как Ford воспользовался возможностями нового массового потребления, Apple одной из первых пережила взрывной коммерческий успех, опиравшийся на возможности нового общества индивидов и создаваемый им спрос на индивидуализированное потребление. Этот переворот — часть более широкой коммерческой трансформации, в рамках которой цифровая эра наконец предложила инструменты для смещения фокуса потребления с массы на человека, освобождая и перестраивая операции и активы капитализма. Она обещала что-то совершенно новое, срочно необходимое и технически невозможное вне сетевого цифрового пространства. Ее неявное обещание встать на защиту наших новых потребностей и ориентаций было подтверждением нашего внутреннего чувства достоинства и ценности, которое подкрепляло наше ощущение, что мы имеем значение. Предлагая потребителям передышку от институционального мира, безразличного к их индивидуальным потребностям, она открыла двери для нового рационального капитализма, способного воссоединить спрос и предложение, соединив нас с тем, что нам действительно надо, и именно так, как мы этого хотим.

Как я покажу в следующих главах, те же исторические условия, которые запустили iPod в его стремительный полет, вызвали к жизни и надежду, что интернет освободит нашу повседневную жизнь, в тот момент, когда мы искали противоядие от неравенства и ущемления наших прав. Главное здесь для нас то, что эти же условия в значительной степени создадут тепличные условия, в которых сможет пустить корни и расцвести надзорный капитализм. А именно: и чудо Apple, и надзорный капитализм обязаны своим успехом разрушительному столкновению двух противоположных исторических сил. Один вектор — часть более широкой истории модернизации и многовекового социального сдвига от массы к индивиду. Встречный вектор — идущая десятилетия-

ми разработка и реализация неолиберальной экономической парадигмы: связанные с ней политическая экономия и социальные трансформации и в особенности заложенная в ней цель обратить вспять, покорить, затруднить и даже уничтожить стремление человека к психологическому самоопределению и праву на моральный выбор. В следующих параграфах кратко излагаются основные контуры этого столкновения, задавая основные ориентиры, к которым мы будем постоянно возвращаться в последующих главах при рассмотрении стремительного роста надзорного капитализма.

II. Два модерна

Капитализм развивается в ответ на потребности людей, существующие в каждый конкретный момент времени и в каждом конкретном месте. Генри Форд ясно высказался по этому вопросу: «Массовое производство начинается с обнаружения общественной потребности»[6]. В то время, когда производители автомобилей в Детройте были заняты выпуском роскошных автомобилей, Форд был единственным, кто разглядел новую нацию все более современных людей — фермеров, наемных работников, лавочников, — которые мало имели и многого хотели, но по цене, которую могли себе позволить. Их «спрос» исходил из тех же условий существования, которые вывели на сцену истории Форда и его людей, когда они обнаружили преобразующую мощь новой логики стандартизированного производства в крупных объемах и с низкой себестоимостью. Знаменитый «пятидолларовый день» Форда символизировал системную логику взаимной выгоды. Выплачивая рабочим на конвейере более высокую заработную плату, чем кто-либо мог себе тогда представить, он признавал, что вся затея с массовым производством опирается на существование процветающего слоя массовых потребителей.

Хотя подобная рыночная форма и ее боссы были не безгрешны и породили множество случаев насилия, связанные с ней массы становящихся современными людей воспринимались как ценный источник клиентов и работников. Этот капитализм зависел от своего

общества таким образом, что в конечном итоге это привело к ряду институционализированных взаимностей. С внешней стороны этот прорыв к недорогим товарам и услугам ограничивался демократическими мерами и методами надзора, которые устанавливали и отстаивали права и безопасность работников и потребителей. Внутри же были прочные системы занятости, карьерные лестницы и устойчивый рост заработной платы и социальных выплат[7]. С высоты последних сорока лет, в течение которых эта рыночная форма подвергалась систематическому демонтажу, можно сказать, что ее симбиотическая связь с социальным порядком, какой бы спорной и несовершенной она ни была, видится одной из ее самых существенных характеристик.

Напрашивается вывод, что новые рыночные формы наиболее продуктивны, когда они сформированы желанием соответствовать фактическим требованиям и ментальности людей. Великий социолог Эмиль Дюркгейм высказал эту мысль на заре XX века, и его мысль послужит для нас пробным камнем на протяжении всей этой книги. Наблюдая за драматическими потрясениями индустриализации своего времени — ростом фабрик, специализацией, сложным разделением труда, — Дюркгейм понял, что, хотя экономисты могут описать эти события, они не способны постичь их *причины*. Он утверждал, что эти радикальные изменения «вызваны» изменяющимися потребностями людей и что экономисты (это и сейчас так) систематически слепы к этим социальным фактам:

> Ясно, насколько наша точка зрения на разделение труда отличается от точки зрения экономистов. Для них оно состоит главным образом в том, чтобы производить больше. Для нас эта большая производительность только необходимое следствие, отражение явления. Если мы специализируемся, то не для того, чтобы производить больше, но чтобы быть в состоянии жить при *новых условиях существования*[8].

Дюркгейм считал, что извечное стремление человека полноценно жить в своих «условиях существования» и есть невидимая причинная сила, вызывающая к жизни разделение труда, технологии, организацию труда, капитализм и в конечном счете саму цивилизацию. Все это выковано в одном горниле человеческой нужды, по-

рожденной тем, что Дюркгейм назвал постоянно усиливающейся «ожесточенностью борьбы» за полноценную жизнь: «Если труд все более разделяется», то это потому, что «борьба за жизнь [по мере усложнения общества все] более энергична»[8]. Рациональность капитализма отражает это его соответствие, хотя и несовершенное, потребностям, которые испытывают люди, пытаясь полноценно жить, борясь с условиями существования, с которыми они сталкиваются в определенном месте и в определенное время.

Когда мы смотрим на вещи сквозь эту призму, мы видим, что и нетерпеливые покупатели невероятной фордовской Model T, и новые потребители iPod и iPhone выражают условия существования, характеризующие их эпоху. По сути, каждый из них — плод различных фаз многовекового процесса, известного как «индивидуализация», которая и накладывает человеческую печать на современную эпоху. Массовые потребители Форда были людьми так называемого первого модерна[10], но новые условия «второго модерна» породили нового человека, для которого инверсия Apple и многочисленные последовавшие за ней цифровые инновации стали неотъемлемой частью жизни. Этот второй модерн вызвал к жизни Google, Facebook и им подобных и неожиданным образом помог рождению надзорного капитализма, пришедшего следом.

Что представляют собой эти два модерна и какую роль они играют в нашем рассказе? Возникновение индивида как отправной точки морального действия и морального выбора впервые произошло на Западе, где условия для его появления создались раньше. Сначала давайте договоримся, что понятие «индивидуализации» не следует путать с неолиберальной идеологией «индивидуализма», которая переносит всю ответственность за успех или неудачу на мифического, атомизированного, изолированного индивида, обреченного на жизнь вечной конкуренции и оторванного от человеческих отношений, общности и общества. Не относится оно и к психологическому процессу «индивидуации», который связан с самопознанием и саморазвитием на протяжении человеческой жизни. Индивидуализация, напротив, есть следствие долгосрочных процессов модернизации[11].

До самых последних нескольких минут на часах человеческой истории жизнь человека определялась кровью и географией, полом и родством, рангом и религией. Я — дочь моей матери. Я — сын моего отца. Представление о человеке как об *индивидуальной личности* складывалось постепенно на протяжении веков, с трудом вырываясь их этих древних тисков. Около двухсот лет назад мы впервые шагнули по дороге современности, когда жизнь перестала быть чем-то, что просто передается из поколения в поколение в соответствии с традициями деревни и рода. Этот «первый модерн» отмечает время, когда жизнь стала «индивидуализированной» для большого числа людей, по мере того как они отделяли себя от традиционных норм, значений и правил[12]. Это означало, что каждая жизнь стала открытой реальностью, которую каждый раз нужно изобретать заново, вместо чего-то данного изначально, что следует лишь воспроизвести. Даже там, где сегодня для многих традиционный мир сохранился в целости, он уже не воспринимается как единственно возможная реальность.

Я часто думаю о смелости моих прабабушек и прадедушек. Какую смесь грусти, ужаса и надежды испытывали они, когда в 1908 году, полные решимости избежать истязаний со стороны казаков в своей деревушке под Киевом, взяли своих пятерых детей, включая моего четырехлетнего деда Макса, собрали все свои пожитки в повозку и подстегнули лошадей по направлению к пароходу, отплывающему в Америку? Как и миллионы других пионеров этого первого модерна, они сбежали из все еще феодального мира, чтобы начать совершенно новую жизнь. Макс позже женился на Софи и создал свою семью вдали от породивших их деревенских ритмов. Испанский поэт Антонио Мачадо запечатлел смелые надежды и отвагу этих людей первого модерна в своей знаменитой песне: «Помни, путник, твоя дорога/только след за твоей спиной». Вот что означал «поиск»: путь, полный исследований и самосозидания, а не мгновенная загрузка уже готовых ответов.

Тем не менее многие иерархические черты старого феодального мира перешли в новое индустриальное общество, сохранившись в его моделях принадлежности, основанных на классе, расе, роде занятий, религии, эт-

ничности, поле и столпах массового общества — его корпорациях, рабочих местах, профсоюзах, церквях, политических партиях, гражданских группах и школьных системах. Этот новый мировой порядок масс и его бюрократическая логика концентрации, централизации, стандартизации и предписаний по-прежнему обеспечивали прочные якоря, ориентиры и цели для каждой жизни.

В отличие от своих родителей и всех предыдущих поколений, Софи и Максу многое приходилось продумывать самостоятельно, но не все. Софи знала, что ей предстоит заниматься семьей. Макс знал, что будет зарабатывать для них на жизнь. Вы адаптировались к тому, что предлагал вам мир; вы следовали правилам. Никто не спрашивал вашего мнения и не слушал, если вы его высказывали. Ожидалось, что вы будете делать то, что *должны* делать, и мало-помалу вы продвигались вперед. Вы создавали настоящую семью, в конце концов вы зарабатывали на дом, автомобиль, стиральную машину и холодильник. Пионеры массового производства, такие как Генри Форд и Альфред Слоан, нашли способ дать вам эти вещи по доступной для вас цене.

Если вас что-то тревожило, то это было связано с необходимостью соответствовать требованиям социальных ролей. Ожидалось, что вы не позволите личным чувствам выплеснуться за границы отведенной вам социальной роли, даже если вам придется заплатить за это немалую психологическую цену. Психологи и социологи, занимавшиеся социализацией и адаптацией, рассматривали нуклеарную семью как «фабрику» для «производства личностей», полностью готовых соответствовать социальным нормам массового общества[13]. Эти «фабрики» также производили немало боли: «загадка женственности»[14], скрытые гомосексуалисты, атеисты, вынужденные ходить в церковь, аборты, сделанные на задворках. В конечном счете, однако, они выпускали и людей — таких, как вы и я.

Когда я отправилась по этой открытой дороге, у меня было мало ответов, не было ничего достойного подражания, не было компаса, за исключением тех ценностей и мечтаний, которые я несла в себе. Я была не одинока; дорога была заполнена множеством других таких же пу-

тешественников. Нас породил первый модерн, но мы вызвали к жизни новую ментальность: «второй модерн»[15]. То, что начиналось как современная миграция прочь от традиционных форм жизни, расцвело в виде нового общества людей, в которых проснулось чувство психологической индивидуальности, с его обоюдоострым, данным от рождения правом на освобождение и на неизбежность. Мы ощущаем и право, и необходимость выбирать собственную жизнь. Уже не довольствуясь ролью анонимных членов массы, мы сознаем наше право на самоопределение, очевидную истину для нас, которая была бы невозможным актом высокомерия для Софи и Макса. Эта ментальность — выдающееся достижение человеческого духа, даже если он может стать пожизненным приговором к неопределенности, тревоге и стрессу.

История индивидуализации сделала этот новый поворот в направлении «второго модерна» во второй половине XX века. Индустриальный модерн и капиталистические методы массового производства, лежавшие в его основе, создали больше богатства, чем когда-либо представлялось возможным. Там, где это богатство дополнялось демократической политикой, практиками перераспределения, доступом к образованию и здравоохранению, а также сильными институтами гражданского общества, начало впервые рождаться новое «общество индивидов». Сотни миллионов людей получили доступ к возможностям, которые когда-то были прерогативой крошечной элиты: университетское образование, путешествия, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, располагаемый доход, повышение уровня жизни, широкий доступ к потребительским товарам, разнообразные коммуникационные и информационные потоки, а также специализированная, интеллектуально сложная работа.

Иерархический социальный договор и массовое общество первого модерна обещали предсказуемые награды, но сам их успех был тем, что освободило нас и выбросило на берега второго модерна, подтолкнув к более сложной и богато структурированной жизни. Работа в сфере образования и знания расширила владение языком и мышлением, инструментами, с помощью которых мы создаем личностные смыслы и формируем собствен-

ное мнение. Коммуникация, информация, потребление и путешествия стимулировали индивидуальное самосознание и творческое воображение, влияя на взгляды, ценности и установки таким образом, что они больше не могли оставаться в заданных пределах предопределенных ролей или групповой идентичности. Улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни дали время для достижения глубины и зрелости во внутренней жизни, укрепляя легитимность личной идентичности в сравнении с априорными социальными нормами и в противовес им.

Даже когда мы возвращаемся к традиционным ролям, сегодня это вопрос собственного выбора, а не абсолютной истины, навязанной при рождении. Как сказал великий клиницист идентичности Эрик Эриксон:

> Сегодняшний пациент страдает больше всего от отсутствия ответа на вопрос, во что ему следует верить и кем он должен или <…> мог бы быть или стать, тогда как на заре психоанализа пациент страдал больше всего от запрещений (inhibitions), которые мешали ему быть тем и таким, кем и каким, как ему казалось, он по сути своей являлся[16].

Эта новая ментальность ярче выражена в более богатых странах, но исследования говорят о наличии значительных групп людей «второго модерна» почти во всех регионах мира[17].

Первый модерн подавлял рост и внешнее выражение личности в пользу коллективных решений, но ко второму модерну все, что у нас осталось, — это наше «я». Новое чувство психологической суверенности стало захватывать мир задолго до того, как появился интернет, чтобы усилить его притязания. Мы учимся кроить свои жизни методом проб и ошибок. Ничто не задано изначально. Все должно быть пересмотрено, передумано и воссоздано на условиях, которые имеют смысл для нас — семья, религия, секс, гендер, мораль, брак, человеческие сообщества, любовь, природа, социальные связи, участие в политической жизни, карьера, еда…

По сути, именно эта новая ментальность и ее требования и вызвали в нашу повседневную жизнь интернет и бурно растущие информационные технологии. Тяготы жизни без определенной заранее судьбы повернули

нас к открывающим новые горизонты и насыщенным информацией ресурсам новой цифровой среды, которая предлагала новые способы усиления наших голосов и формирования наших собственных, выбранных нами моделей коммуникации. Это настолько глубокая трансформация, что можно без преувеличения сказать, что индивид, как автор своей собственной жизни, стал главным героем нашего времени, воспринимаем ли мы этот факт как освобождение или как проклятие[18].

Западный модерн сформировался вокруг канона из принципов и законов, которые наделяют нас нерушимыми индивидуальными правами и признают неприкосновенность каждой отдельной жизни[19]. Тем не менее только с приходом второго модерна непосредственный жизненный опыт стал догонять формальное право. Эта ощущаемая истина выразилась в новых требованиях сделать *актуальным* в повседневной жизни то, что уже закреплено в законе[20].

Несмотря на свой освободительный потенциал, второму модерну суждено было стать нелегким местом для жизни, и условия нашего существования сегодня отражают этот неприятный факт. Некоторые из проблем второго модерна возникают из-за неизбежных издержек, связанных с созданием и поддержанием собственной жизни, но нестабильность второй современности также является результатом институциональных сдвигов в экономической и социальной политике и практике, связанных с неолиберальной парадигмой и ее приходом к господству. Эта далеко идущая парадигма направлена на сдерживание, переориентацию и обращение вспять вековой волны второго модерна с его притязаниями на самоопределение и на среду обитания, в которых эти притязания могли бы сполна реализовываться. Мы живем в состоянии этой *коллизии* между многовековой историей модернизации и насчитывающей несколько десятилетий историей экономического насилия, которое противостоит нашему стремлению к полноценной жизни.

Существует богатая и убедительная литература, которая документирует этот поворотный момент в экономической истории, и моя цель здесь состоит лишь в том, чтобы привлечь внимание к некоторым темам этой более широкой истории, критически важным для нашего

понимания этой коллизии, — к обстоятельствам, которые вызвали к жизни как «чудо» Apple, так и последующее зарождение и рост надзорного капитализма[21].

III. Неолиберальная среда обитания

В середине 1970-х годов послевоенный экономический порядок оказался под угрозой из-за стагнации, инфляции и резкого снижения темпов роста, особенно в США и Великобритании. Политический порядок тоже испытывал давление, потому что люди второго модерна — особенно студенты, молодые работники, афроамериканцы, женщины, латинос и другие маргинализированные группы — мобилизовались вокруг требований равноправия, голоса и участия. В США в фокусе социальных волнений была война во Вьетнаме, а коррупция, всплывшая в результате Уотергейтского скандала, спровоцировала требования политических реформ. В Великобритании инфляция обострила отношения труда и капитала до крайнего предела. В обеих странах призрак неизлечимого экономического упадка в сочетании с новыми громкими требованиями демократического социального договора вызвал замешательство, тревогу и отчаяние среди выборных должностных лиц, не способных понять, почему некогда надежная кейнсианская экономическая политика не смогла перевернуть ход событий.

Неолиберальные экономисты только и ждали этой возможности, и их теории стали быстро заполнять собой «вакуум идей», от которого страдали теперь оба правительства[22]. Во главе с австрийским экономистом Фридрихом Хайеком, только что получившим Нобелевскую премию 1974 года, и его американским коллегой Милтоном Фридманом, который получит эту премию два года спустя, они оттачивали свою радикальную экономическую теорию свободного рынка, политическую идеологию и прагматическую повестку дня на протяжении всего послевоенного периода, находясь на периферии своей профессии, в тени господствовавшего тогда кейнсианства, и теперь их час пробил[23].

Эта вера в свободные рынки возникла в Европе в качестве всеобъемлющей защиты от угрозы со стороны

тоталитарных и коммунистических коллективистских идеологий. Она стремилась возродить представление о саморегулирующемся рынке как о настолько сложной и совершенной естественной силе, что она требует радикальной свободы от всех форм государственного надзора. Хайек объяснял необходимость абсолютного индивидуального и коллективного подчинения суровым требованиям рынка как непостижимого «расширенного порядка», который заменяет собой легитимную политическую власть, данную государству:

> Современная экономическая теория объясняет возникновение подобного расширенного порядка и то, почему он, являясь не чем иным, как процессом переработки информации, способен собирать и использовать широко рассеянную информацию — такую, которую ни один орган централизованного планирования (не говоря уже об отдельном индивиде) не может ни знать в полном объеме, ни осмыслить, ни контролировать[24].

Хайек и его идеологические соратники выступали за капитализм в его необузданном первозданном виде, не сдерживаемом никакой другой силой и непроницаемом ни для какой внешней власти. Неравенство богатства и прав принималось и даже превозносилось в качестве необходимой черты успешной рыночной системы и движущей силы прогресса[25]. Идеология Хайека обеспечила интеллектуальную надстройку и легитимацию для новой теории фирмы, которая стала еще одним важным провозвестником корпорации надзорного капитализма — ее структуры, морального содержания и отношения к обществу.

Детали новой концепции фирмы были проработаны для воплощения в жизнь экономистами Майклом Дженсеном и Уильямом Меклингом. Во многом опираясь на работы Хайека, исследователи обрушились на просоциальные принципы корпорации XX века, породив то, что стало вскоре известно как «движение за права акционеров» (shareholder value movement). В 1976 году Дженсен и Меклинг опубликовали эпохальную статью, в которой переосмыслили менеджера как своего рода паразита, питающегося за счет собственников, — вероятно, неустранимой помехи обогащению акционеров.

Они смело утверждали, что в результате структурного разрыва между собственниками и менеджерами «стоимость фирмы может оказаться существенно ниже, чем могла бы быть в противном случае»[26]. Если менеджеры занижают ценность фирмы для ее владельцев ради своих собственных предпочтений и комфорта, то, с точки зрения первых, это лишь рационально. Решение, утверждали эти экономисты, состояло в том, чтобы положиться на рыночный сигнал стоимости, цену акций, как основу для новой структуры стимулов, призванной наконец решительно согласовать поведение менеджеров с интересами владельцев. Менеджеры, которые не смогут подстроиться под неуловимые сигналы «расширенного порядка» Хайека, быстро станут добычей «варваров у ворот» в новой и беспощадной охоте за нереализованной рыночной ценностью.

Во времена, когда в воздухе витали опасения «кризиса демократии», неолиберальное ви́дение с его возвратом к рыночным критериям было чрезвычайно привлекательным для политиков и чиновников, как в качестве способа уклониться от политической ответственности за жесткие экономические решения, так и обещанием навести новый тип порядка там, где беспорядка страшились больше всего[27]. Абсолютная власть рыночных сил должна была стать конечным источником нормативного контроля и заменить демократическую борьбу и диалог на идеологию атомизированных индивидов, обреченных на бесконечную конкуренцию за ограниченные ресурсы. Требования конкурентных рынков обещали урезонить недовольных и даже снова превратить их в подчиненную массу, слишком озабоченную выживанием, чтобы роптать.

Поскольку старые коллективистские враги уже отошли на второй план, их место заняли новые: государственное регулирование и надзор, социальное законодательство и политика социального обеспечения, профсоюзы и институты коллективных переговоров, а также принципы демократической политики. По сути, все это должно было быть заменено рыночной версией истины, а двигателем роста должна была стать конкуренция. Новые цели должны были быть достигнуты за счет реформ на стороне предложения, включая дерегулирование, приватизацию и снижение налогов.

За тридцать пять лет до восхождения Хайека и Фридмана великий историк Карл Поланьи красноречиво писал о становлении рыночной экономики. Исследования Поланьи привели его к выводу, что действие саморегулирующегося рынка глубоко разрушительно, когда ему позволено освободиться от уравновешивающих его законов и политики. Он описал «двойной процесс»:

> С одной стороны, рынки подчинили себе весь мир, а количество обращающихся на рынке товаров выросло до невероятных масштабов; с другой стороны, система соответствующих мер [сложилась] в мощные институты, призванные контролировать воздействие рынка на труд, землю и деньги[28].

Поланьи утверждал, что «двойной процесс» поддерживает рыночную форму, привязывая ее к обществу — уравновешивая, смягчая и облегчая ее разрушительные эксцессы. Поланьи отмечал, что такие контрмеры возникли спонтанно в каждом европейском обществе во второй половине XIX века. Каждое из этих обществ разработало законодательные, нормативные и институциональные решения для надзора за новыми спорными сферами, такие как оплата труда работников, контроль за условиями труда, муниципальные предприятия, коммунальные услуги, безопасность пищевых продуктов, детский труд и общественная безопасность.

В США «двойной процесс» принес плоды после десятилетий общественной борьбы, которая привязала промышленное производство к нуждам общества, хотя результат и был далек от совершенства. «Двойной процесс» проявился в разрушении монополий, влиянии гражданского общества и законодательных реформах Прогрессивной эры. Позже многое было усовершенствовано законодательными, юридическими, социальными и налоговыми инициативами Нового курса и в ходе институционализации кейнсианской экономики после Второй мировой войны — мер в отношении рынка труда, налогов и социального обеспечения, которые в конечном итоге повысили экономическое и социальное равенство[29]. «Двойной процесс» получил дальнейшее развитие в законодательных инициативах «Великого общества», особенно в законодательстве о гражданских правах и в эпохальных законах об охране природы.

Именно этим мерам многие специалисты приписывают успех в США и Европе рыночной демократии — системы политической экономии, которая оказалась гораздо более адаптивной в своей способности уравновешивать спрос и предложение, чем предполагали левые теоретики или даже Поланьи, и к середине века крупная корпорация представляла собой глубоко укоренившийся и прочный современный социальный институт[30].

Под флагом неолиберализма «двойной процесс» был теперь намечен под снос, и реализация этих планов началась немедленно. В 1976 году, в тот же год, когда Дженсен и Меклинг опубликовали свой новаторский анализ, президент Джимми Картер предпринял первые значительные усилия, чтобы радикально привязать корпорацию к рыночным показателям Уолл-стрит, введя смелую программу дерегулирования авиалиний, транспорта и финансового сектора. То, что начиналось как «первые ручейки», превратилось в «мощную волну, которая в последние два десятилетия XX века смела регулирование с крупных сегментов экономики»[31]. Меры, начавшиеся при Картере, определили собой эпоху Рейгана и Тэтчер, практически все последующие президентства США, и затронули практически весь остальной мир, когда новая фискальная и социальная политика, в той или иной степени, стала распространяться в Европе и других регионах[32].

Так начался процесс ослабления и распада американской корпорации[33]. Открытое акционерное общество как социальный институт стало считаться дорогостоящей ошибкой, а его устоявшиеся взаимовыгодные связи с клиентами и работниками начали преподноситься как пагубное вмешательство в эффективную работу рынка. Финансовые кнуты и пряники убедили управляющих расчленить или сократить в размере свои компании, а логика капитализма сместилась с прибыльного производства товаров и услуг в сторону все более экзотических форм финансовых спекуляций. Произошедшие изменения в работе рынка действительно вернули капитализм к его суровому первозданному виду, и к 1989 году Дженсен уверенно провозгласил «закат открытого акционерного общества»[34].

К началу нового тысячелетия, когда фундаментальные механизмы надзорного капитализма только на-

чинали формироваться, «максимизация стоимости для акционеров» была широко принята в качестве «объективной функции» фирмы[35]. Эти принципы, извлеченные из того, что когда-то считалось радикальной философией, были канонизированы как стандартная практика в коммерческой, финансовой и юридической сферах[36]. К 2000 году в американских корпорациях открытого типа было занято меньше половины работников в сравнении с данными на 1970 год[37]. В 2009 году число акционерных обществ сократилось по сравнению с 1997 годом вдвое. Корпорация открытого типа стала «ненужной для производства, непригодной для стабильной занятости и предоставления социального обеспечения и не способной обеспечить надежный долгосрочный доход на инвестиции»[38]. В этом процессе культ «предпринимателя», который выглядел идеальным союзом собственности и управления, вырастет до почти мифических пропорций, заменив богатые экзистенциальные возможности второго модерна этим единственным прославленным образцом смелости, конкурентной хитрости, доминирования и богатства.

IV. Нестабильность второго модерна

Девятого августа 2011 года, примерно в то же время, когда конференц-зал Apple разразился аплодисментами, 16 000 полицейских наводнили улицы Лондона в полной решимости подавить «самые широкомасштабные и продолжительные нарушения общественного порядка в истории Лондона со времен мятежа лорда Гордона 1780 года»[39]. Волнения начались четырьмя ночами ранее, когда мирный протест против действий полиции, застрелившей молодого человека, внезапно обернулся насилием. В последующие дни число участников беспорядков нарастало лавинообразно по мере того как грабежи и поджоги охватили двадцать два из тридцати двух районов Лондона и другие крупные города Великобритании[40]. За четыре дня уличных сражений тысячи демонстрантов причинили материальный ущерб на сумму более 50 миллионов долларов США, 3000 человек были арестованы.

Хотя взлет Apple, казалось, подтверждал притязания людей второго модерна, улицы Лондона говорили о мрачном наследии тридцатилетнего эксперимента по экономическому росту для избранных. Через неделю после начала беспорядков, социолог Саския Сассен в статье в издании Daily Beast отмечала: «если нужно назвать одну предпосылку, то она связана с безработицей и отчаянной бедностью среди людей, которые хотят быть частью среднего класса и которые остро сознают резкое неравенство между собой и богатой элитой своей страны. Во многом это — социальные революции, с маленькой буквы, протест против социальных условий, которые стали невыносимыми»[41].

Что это были за социальные условия, ставшие такими *невыносимыми*? Многие аналитики сходились во мнении, что к беспорядкам в Британии привела успешная неолиберальная трансформация общества — программа, которая была наиболее полно реализована в Великобритании и США. Действительно, исследование Лондонской школы экономики, основанное на интервью с 270 участниками беспорядков, выявило доминирующую тему — неравенство: «нет работы, нет денег»[42]. Точка отсчета почти в каждом исследовании звучит одним и тем же набатом: отсутствие возможностей, отсутствие доступа к образованию, маргинализация, лишения, обиды, безнадежность[43]. И хотя беспорядки в Лондоне существенно отличались от других протестов, которые им предшествовали или за ними последовали, прежде всего от движения Indignados, начавшегося с широкомасштабной общественной мобилизации в Мадриде в мае 2011 года, и движения Occupy, возникшего 17 сентября в парке Зукотти на Уолл-стрит, они имели общее происхождение в экономическом неравенстве и бесправии[44].

США, Великобритания и большая часть Европы вступили во второе десятилетие XXI века, сталкиваясь с экономическим и социальным неравенством, более выраженным, чем даже во времена «позолоченного века», и сопоставимым с неравенством в некоторых из самых бедных стран мира[45]. Несмотря на десятилетие взрывного цифрового роста, частью которого было чудо Apple и проникновение интернета в повседневную жизнь, опасное социальное расслоение предсказывало еще бо-

лее стратифицированное и антидемократическое будущее. «В эпоху нового консенсуса в отношении стабилизации финансовой политики, — писала одна из американских экономистов, — экономика стала свидетелем крупнейшего в истории перевода доходов верхам»[46]. Отрезвляющий отчет Международного валютного фонда за 2016 год предупреждал о грядущей нестабильности, заключив, что глобальный неолиберальный тренд «не оправдал ожиданий». Вместо этого неравенство значительно уменьшило «уровень и устойчивость роста», одновременно повысив нестабильность и создав постоянную уязвимость перед экономическим кризисом[47].

В условиях царящей рыночной свободы стремление к полноценной жизни натолкнулось на глухую стену. Спустя два года после беспорядков в Северном Лондоне исследования в Великобритании показали, что к 2013 году бедность, вызванная отсутствием образования и безработицей, уже исключила почти треть населения из регулярного социального участия[48]. В другом британском отчете был сделан вывод:

> Работники с низким и средним уровнем дохода испытывают самое значительное снижение уровня жизни с тех пор, как в середине XIX века стали появляться надежные данные на этот счет[49].

К 2015 году меры жесткой экономии привели к сокращению бюджетов местных органов власти на 19%, или 18 миллиардов фунтов, вынудили снизить на 8% расходы на защиту детей и обернулись тем, что 150 000 пенсионеров лишились доступа к жизненно важным услугам[50]. В 2014 году почти половина населения США жила в функциональной бедности, когда самая высокая заработная плата среди нижней половины работающих составляла около 34 000 долларов[51]. В 2012 году в США опрос Министерства сельского хозяйства показал, что почти 49 миллионов человек живут в домохозяйствах, «испытывающих нехватку продовольствия»[52].

В своей книге «Капитал в XXI веке» французский экономист Тома Пикетти интегрировал данные о доходах за многие годы, которые позволили вывести общий закон накопления: норма прибыли на капитал, как правило, превышает экономический рост. Эта тенденция,

обобщенно выражаемая как $r > g$, представляет собой динамику, которая приводит ко все более и более сильному расслоению доходов, а вместе с этим и к целому ряду антидемократических социальных последствий, которые долгое время назывались предвестниками финального кризиса капитализма. В этом контексте Пикетти приводит примеры того, как финансовые элиты используют свои сверхприбыли для финансирования захвата политической системы, что защищает их интересы от политических вызовов[53]. Так, в материале газеты New York Times 2015 года сделан вывод, что на 158 американских семей и принадлежащие им корпорации приходилась почти половина (176 миллионов долларов) всех денег, собранных обеими политическими партиями в поддержку кандидатов в президенты в 2016 году, главным образом в поддержку «кандидатов-республиканцев, которые обещали избавляться от регулирования, снижать налоги <…> и урезать пособия»[54]. Историки, журналисты-расследователи, экономисты и политологи анализировали скрытую механику поворота к олигархии, проливая свет на систематические кампании общественного влияния и политического захвата, которые помогли продвигать и сохранять радикальную свободнорыночную повестку за счет демократии[55].

Тезис обширного исследования Пикетти можно сформулировать просто: «в сыром виде капитализм несъедобен». Капитализм, как сосиска, подлежит обработке — демократическим обществом и его институтами, — потому что сырой капитализм антисоциален. Как предупреждает Пикетти:

> эволюция рыночной экономики и частной собственности, предоставленных самим себе, содержит в себе <…> мощные силы расхождения, которые могут стать угрозой для наших демократических обществ и для лежащих в их основе ценностей социальной справедливости[56].

Многие исследователи стали называть эти новые условия «неофеодализмом», отмеченным консолидацией богатства и власти элиты, выходящими далеко за пределы контроля со стороны простых людей и механизмов демократического согласия[57]. Пикетти называет это возвращением к «патримониальному капитализму», движением

вспять к досовременному обществу, в котором жизненные перспективы человека зависят от унаследованного богатства, а не от меритократических достижений[58].

Теперь у нас есть инструментарий, необходимый для понимания этой коллизии во всей ее разрушительной сложности: *невыносимо, что экономическое и социальное неравенство вернулось к доиндустриальной «феодальной» модели, но мы, люди, остались современными*. Мы не неграмотные крестьяне, крепостные или рабы. Будучи «средним классом» или «маргинализированными слоями», мы разделяем коллективное историческое состояние индивидуализированных людей со сложным социальным опытом и представлениями. Мы — сотни миллионов или даже миллиарды людей второго модерна, которых история освободила как от некогда неизменных фактов судьбы, заданных с рождения, так и от условий массового общества. Мы знаем, что имеем право на собственное достоинство и на шанс жить полноценной жизнью. Это экзистенциальная зубная паста, которую, «освободив» однажды, загнать обратно в тюбик невозможно. Подобно расходящейся кругами разрушительной звуковой волне, следующей за взрывом, нашу эпоху стали определять отзвуки боли и гнева, исходящие от этой губительной коллизии между реалиями неравенства и теми чувствами, которые это неравенство вызывает[59].

Тогда, в 2011 году, те 270 интервью участников лондонских беспорядков также отражали шрамы, оставленные этой коллизией. «Они выражали это по-разному, — заключает доклад, — но все участники беспорядков, в сущности, говорили о всепроникающем чувстве несправедливости. Для одних эта несправедливость была экономической — отсутствие работы, денег или возможностей. Для других это была более широкая социальная несправедливость, не только отсутствие материальных благ, но и то, как, им казалось, к ним относятся в сравнении с другими…». Было «широко распространено» «ощущение невидимости». Как объяснила одна женщина: «Молодежи сегодня *надо дать высказаться*. Это было бы справедливо по отношению к ним». А молодой человек размышлял: «Когда всем на тебя наплевать, ты в конце концов заставляешь их считаться с собой, ты устраиваешь им встряску»[60]. Другие исследования объ-

ясняют бессловесный гнев бунтарей Северного Лондона тем, что им было «отказано в достоинстве»[61].

Когда на другом континенте, вдали от осажденных районов Лондона, развернулось движение Occupy, то оно, казалось, имело мало общего с этим августовским взрывом насилия. Те 99%, которые собиралось представлять это движение, не были маргиналами; напротив, сама легитимность Occupy подтверждала его статус как движения подавляющего большинства. Тем не менее Occupy обнаружило аналогичный конфликт между фактами неравенства и чувствами по отношению к неравенству, выраженный в рамках творчески индивидуализированной политической культуры, которая настаивала на «прямой демократии» и «горизонтальном лидерстве»[62]. Некоторые аналитики пришли к выводу, что именно этот конфликт в конечном счете и погубил движение, когда «внутреннее ядро» его лидеров не пожелало отступить от чистоты своего крайне индивидуализированного подхода в пользу стратегий и тактик, требуемых для жизнеспособного массового движения[63]. Ясно одно: в парке Зукотти не было крепостных. Напротив, как размышлял один из тех, кто внимательно наблюдал за движением:

> Новизна заключалась в том, что с самого начала очень большие слои «мы, народа» оказались мудрее наших правителей. Мы видели дальше и доказали, что правы, тем самым перевернув традиционную легитимность правления нашей элиты, основанную на том, что начальники знают лучше, чем голытьба[64].

В этом и состоит экзистенциальное противоречие второго модерна, определяющее условия нашего существования: мы хотим осуществлять контроль над собственной жизнью, но повсюду нам не дают этого делать. Индивидуализация отправила каждого из нас на поиски ресурсов, нужных для обеспечения полноценной жизни, но на каждом шагу мы вынуждены сражаться с экономикой и политикой, для которых мы лишь ничтожества. Мы живем в сознании того, что наша жизнь имеет уникальную ценность, но с нами обходятся так, словно нас не существует. По мере того как награды зрелого финансового капитализма ускользают из наших рук, нам остается ждать будущего в замешательстве, которое все

чаще и чаще выливается в насилие. Мы рассчитываем на психологическое самоопределение, это то пространство, в котором разворачиваются наши мечты, поэтому потери, которые наносят нам сжимающиеся тиски нарастающего неравенства, бесправия, всепроникающей конкуренции и унижающего достоинство расслоения — не только экономические. Они бьют в самое больное место, повергая нас в смятение и горечь, потому что мы знаем, что имеем право на личное достоинство и право на жизнь на наших собственных условиях.

Глубочайшее противоречие нашего времени, писал социальный философ Зигмунт Бауман, — это «зияющая брешь между правом защищать свои права и возможностью управлять социальными условиями, которые делают такую защиту реальной... Именно из этой глубокой бреши выделяются наиболее ядовитые миазмы, отравляющие жизнь современных людей»[65]. Любая новая глава в многовековой истории освобождения человека, настаивал он, должна начинаться здесь. Может ли нестабильность второго модерна уступить место новому синтезу — *третьему модерну*, который преодолеет это противоречие, предложив подлинный путь к процветающей и полноценной жизни для многих, а не только для избранных? Какую роль в этом сыграет информационный капитализм?

V. Третий модерн

В какой-то момент в эту «зияющую брешь» устремилась Apple, и какое-то время казалось, что сплав капитализма с цифровыми технологиями, предложенный компанией, может положить начало новому курсу в направлении этого третьего модерна. Перспектива цифрового капитализма, ориентированного на защиту наших прав, в течение первого десятилетия нашего столетия вызвала много энтузиазма среди людей второго модерна по всему миру. Новые компании, такие как Google и Facebook, посеяли надежды на переход на новую ступень в новых, имеющих критически важное значение сферах, освободив информацию и людей от оков старых институтов, позволив нам находить тех и то, кого и что мы хотели найти, тогда и так, когда и как мы хотели искать или связываться.

Инверсия Apple подразумевала доверительные отношения защищенности и взаимности, основанные на выстраивании коммерческой деятельности в соответствии с подлинными интересами потребителей. Это было обещанием новой формы цифрового рынка, которая могла бы преодолеть нашу коллизию — первый намек на капитализм третьего модерна, вызванного к жизни самоопределяющимися устремлениями людей и неразрывно связанного с цифровой средой. Возможность «моей жизни, так как я хочу, по цене, которую я могу себе позволить» была гуманистическим обещанием, которое быстро оказалось в самом сердце коммерческого цифрового проекта: от iPhone и заказов «в один клик» до массовых открытых онлайн-курсов, услуг по индивидуальному запросу и сотен тысяч сетевых бизнесов, приложений и устройств.

Конечно, были ошибки, провалы и уязвимости. Потенциальное значение новой молчаливой логики Apple никогда полностью не осознавалось даже самой компанией. Вместо этого корпорация породила устойчивый поток противоречий, которые говорили о том, что все идет по-старому. Apple критиковали за грабительскую ценовую политику, экспорт рабочих мест, эксплуатацию персонала в своих магазинах, снятие с себя ответственности за условия труда на своих предприятиях, сговоре с целью снижения заработной платы с помощью незаконных неконкурентных соглашений о найме сотрудников, систематическое уклонение от уплаты налогов и отсутствие заботы об окружающей среде — если назвать лишь некоторые из нарушений, которые, казалось, сводили на нет неявный общественный договор, рождавшийся из собственной уникальной логики компании.

Когда дело доходит до подлинной экономической «мутации», всегда существует напряженность между чертами новой формы и родительской особью. Старое и новое переплетаются невиданным образом. Бывает, элементы мутации находят для себя подходящую среду, благоприятную для «отбора» и размножения. В этих случаях новая форма имеет шанс полностью институционализироваться и нащупать свою уникальную траекторию движения в будущее. Но чаще судьба потенциальных мутаций решается в «переходном периоде», когда

они не могут преодолеть гравитационное притяжение устоявшихся практик[66].

Был ли смелый шаг Apple мощной новой экономической мутацией, проходящей период испытаний методом проб и ошибок, на пути к удовлетворению потребностей новой эпохи или это был случай краха в «переходном периоде»? В своем энтузиазме, находясь в растущей зависимости от технологий, мы часто забывали, что те же самые силы капитала, от которых мы бежали в «реальном» мире, быстро прибирали к рукам цифровую сферу. Это сделало нас уязвимыми и застало врасплох, когда ранние надежды информационного капитализма столкнулись с более мрачной действительностью. Мы праздновали весть о том, что «помощь уже идет», но тревожные вопросы все чаще проникали сквозь мглу, раз за разом сопровождаясь предсказуемыми взрывами гнева и возмущения.

Почему сервис Google Gmail, запущенный в 2004 году, сканировал частную переписку для генерирования рекламных объявлений? Как только первая пользовательница Gmail увидела первое объявление, основанное на содержании ее личной переписки, общественная реакция была мгновенной. Многие отшатнулись в возмущении; другие растерялись. Как пишет историк Google Стивен Леви:

> Размещая рекламу, связанную с контентом, Google, казалось, почти упивается тем фактом, что личные данные пользователей целиком зависят от политики и добросовестности компании, которой принадлежали серверы. И поскольку эти объявления приносили прибыль, Google дал понять, что воспользуется ситуацией[67].

В 2007 году Facebook запустил Beacon, подавая его как «новый способ общественного распространения информации». Beacon позволил рекламодателям, размещающим рекламу в Facebook, отслеживать действия пользователей в интернете, без разрешения публикуя информацию об их покупках на их странице. Большинство было возмущено наглостью компании, которая, во-первых, следила за ними в интернете и, во-вторых, узурпировала их способность контролировать раскрытие касающихся их фактов. Основатель Face-

book Марк Цукерберг был вынужден закрыть эту программу, но к 2010 году он объявил, что неприкосновенность частной жизни больше не является социальной нормой, а затем похвалялся тем, что ослабил «политику конфиденциальности» компании в соответствии с этим утверждением о новых общественных правилах игры, полностью отвечающим его интересам[68]. Цукерберг, по-видимому, не читал то, как описал свой опыт с Beacon пользователь Джонатан Треnн:

> Я купил на Overstock.com набор обручальных колец с бриллиантами, готовя новогодний сюрприз для своей подруги… Через несколько часов, к моему потрясению, мне звонит один из моих лучших друзей и с радостным удивлением «поздравляет» меня с помолвкой (!!!). Представьте мой ужас, когда я узнал, что магазин опубликовал подробности моей покупки (включая ссылку на товар и его цену) на моей странице в Facebook, а также в уведомлениях всем моим друзьям. ВСЕМ МОИМ ДРУЗЬЯМ, включая мою подругу, всех ее друзей и т. д… ВСЁ ЭТО БЕЗ МОЕГО СОГЛАСИЯ ИЛИ ВЕДОМА. Сюрприз испорчен, я был в полном расстройстве. То, что должно было стать чем-то особенным, воспоминанием на всю жизнь для моей подруги и меня, было уничтожено абсолютно подковерным и возмутительным вторжением в частную жизнь. Шею бы свернуть людям из оверстока и фейсбука, которые решили, что это будет хорошей идеей. Это создает кошмарный прецедент в сети, и часть моей жизни для меня теперь разрушена[69].

Среди множества обманутых надежд в области защиты прав, вездесущие «пользовательские соглашения» были одними из самых коварных[70]. Юристы называют их «договорами присоединения», поскольку они навязывают пользователям условия типа «соглашайся или уходи», и пользователи соглашаются, нравится им это или нет. Онлайн-«договоры», такие как пользовательские соглашения, также называют «договорами по клику», потому что, как показывает множество исследований, большинство людей принимают кабальные условия этих договоров, просто нажимая на кнопку с надписью «Согласен», даже не прочитав соглашение[71]. Во многих случаях простой просмотр веб-сайта означает, что тем самым вы принимаете пользовательское соглашение, даже если вы об этом не знаете. Специалисты отмечают, что эти цифровые документы избыточно длинны и сложны от-

части именно для того, чтобы отбить у пользователей желание читать эти условия, поскольку их составители прекрасно знают, что большинство судов поддержат законность «договоров по клику», несмотря на очевидное отсутствие осмысленного согласия[72]. Председатель Верховного суда США Джон Робертс признал, что сам он «не читает детальные условия компьютерных соглашений»[73]. В довершение всего условия обслуживания могут быть изменены фирмой в одностороннем порядке в любое время без уведомления конкретного пользователя или получения согласия с его стороны, и эти условия обычно затрагивают другие компании (партнеров, поставщиков, тех кто занимается сбытом, рекламных посредников и т. д.) без указания на или принятия ответственности за *их* условия обслуживания. Эти «соглашения» навязывают пользователю заведомо проигрышный бесконечный регресс, который профессор права Нэнси Ким назвала «садистским».

Правоведу Маргарет Радин характер таких «соглашений» напоминает происходящее в «Алисе в Стране чудес». Действительно, священные понятия «соглашения» и «обещания», столь важные для эволюции института договора, начиная с римских времен, превратились в символический сигнал-талисман, «просто указывающий на то, что фирма, применяющая договор присоединения, хочет, чтобы пользователь был волшебным образом связан соответствующими условиями»[74]. Радин называет это частным аналогом права государства на принудительное отчуждение собственности, односторонним присвоением чужих прав. Она рассматривает такие «соглашения» как моральную и демократическую «деградацию» верховенства закона и института договора, извращение, которое перестраивает права пользователей, дарованные путем демократического процесса, «заменяя их на систему, которую желает навязать фирма… Чтобы взаимодействовать с фирмой, пользователи должны перейти в правовую вселенную, разработанную самой фирмой»[75].

Для подобной деградации необходима была цифровая среда. Ким отмечает, что бумажные документы раньше накладывали естественные ограничения на контрактное поведение просто в силу расходов на производство, распространение и архивирование. Бумажные

контракты требуют физической подписи, что ограничивает бремя, которое фирма может наложить на покупателя, требуя, чтобы он прочел множество страниц, набранных мелким шрифтом. Цифровые условия, напротив, «невесомы». Их можно расширять, воспроизводить, распространять и архивировать без дополнительных затрат. Как только фирмы поняли, что суды были склонны признавать законность их «соглашений по клику» и «соглашений в силу просмотра», ничто не мешало им расширять охват этих ущербных договоров, «чтобы извлекать за счет потребителей дополнительные выгоды, не связанные с изначальной транзакцией»[76]. Это совпало с открытием поведенческого излишка, которое мы рассматриваем в главе 3, и в пользовательские соглашения стали включать нелепую и извращенную «политику конфиденциальности», запуская еще один бесконечный регресс этих условий экспроприации. Даже бывший председатель Федеральной торговой комиссии Джон Лейбовиц публично заявил: «Мы все согласны с тем, что потребители не читают политики конфиденциальности»[77]. В 2008 году два профессора Университета Карнеги—Меллона подсчитали, что осмысленное прочтение всех политик конфиденциальности, с которыми пользователь сталкивается в течение года, требует 76 полных рабочих дней, что вылилось бы в общенациональную упущенную выгоду в 781 миллиард долларов США[78]. Сегодня эти цифры уже намного выше. Тем не менее большинство пользователей остаются в неведении об этих «грабительских» условиях, которые, по словам Ким, позволяют фирмам «не торгуясь, приобретать права и скрытно устанавливать и внедрять необходимые им практики, прежде чем пользователи или надзорные органы осознают, что произошло»[79].

Поначалу казалось, что новые интернет-компании просто не понимают моральных, социальных и институциональных требований своей собственной экономической логики. Но с каждым новым корпоративным нарушением становилось все труднее не думать о том, что эти нарушения отражают чью-то задумку, а не чью-то ошибку. Хотя чудо Apple несло в себе семена экономических преобразований, это мало кто понимал: все это выглядело туманным даже для самой корпорации. Задолго

до смерти своего легендарного основателя Стива Джобса частые злоупотребления ожиданиями пользователей вызывали вопросы о том, насколько хорошо корпорация понимает глубинную суть и исторический потенциал своих собственных детищ. Драматический успех iPod и iTunes вселил в интернет-пользователей чувство оптимизма по отношению к новому цифровому капитализму, но Apple так и не взяла на себя бремя последовательного, комплексного развития социальных и институциональных процессов, которые придали бы обещанию iPod отчетливо выраженную рыночную форму, как сделали когда-то Генри Форд и Альфред Слоан.

Эти события отражают простую истину о том, что подлинное экономическое преобразование требует времени и что мир интернета, его инвесторы и акционеры спешили и спешат. Кредо цифровых инноваций быстро перешло на язык «подрыва» и стало одержимо скоростью, его кампании проходили под флагом «созидательного разрушения». За эту знаменитую, роковую фразу, отчеканенную эволюционным экономистом Йозефом Шумпетером, ухватились как за способ узаконить то, что Кремниевая долина деликатно называет «инновациями без разрешения»[80]. Риторика разрушения продвигала философию истории, которую я называю «мальчишки и их игрушки», как будто одержать верх при капитализме значит повзрывать все кругом с помощью новых технологий. На деле анализ Шумпетера был гораздо более тонким и сложным, чем предполагает современная риторика разрушения.

Хотя Шумпетер рассматривал капитализм как «эволюционный» процесс, он также считал, что относительно немногие из непрерывно создаваемых им инноваций способны сыграть значимую эволюционную роль. Эти редкие события он называл мутациями. Это устойчивые, долговременные, качественные сдвиги в логике, теории и практике капиталистического накопления, а не случайные, временные или оппортунистические реакции на обстоятельства. Шумпетер настаивал, что этот эволюционный механизм запускается новыми потребностями потребителей, и согласование с этими потребностями является той движущей силой, которая стоит за устойчивыми мутациями: «капиталистический про-

цесс не случайно, а в силу самого своего механизма все более поднимает уровень жизни масс»[81].

Чтобы мутация могла надежно закрепиться, ее новые цели и методы должны вылиться в новые институциональные формы:

> Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия.

Обратите внимание, что Шумпетер говорит «создают», а не «разрушают». В качестве примера «мутации» Шумпетер приводит «развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как US Steel»[82].

Шумпетер понимал созидательное разрушение как один из прискорбных побочных продуктов длительного и сложного процесса устойчивых творческих изменений. «Капитализм, — писал он, — *создает и разрушает*». В этом вопросе Шумпетер был непреклонен: «Созидательный отклик формирует весь ход последующих событий и их „долгосрочный“ исход <…> Созидательный отклик меняет социальные и экономические ситуации к лучшему <…> Вот почему созидательный отклик является необходимым элементом исторического процесса: никакое детерминистическое кредо ничего с этим не поделает»[83]. Наконец, вопреки риторике Кремниевой долины и ее культу скорости, Шумпетер утверждал, что подлинная мутация требует терпения:

> поскольку мы имеем дело с процессом, каждый элемент которого требует значительного времени для того, чтобы определить его основные черты и окончательные последствия, бессмысленно оценивать результаты этого процесса на данный момент времени: мы должны делать это за период, состоящий из веков или десятилетий[84].

Эволюционная значимость «мутации» в построениях Шумпетера подразумевает высокий порог, который преодолевается лишь со временем, с помощью серьезной работы по изобретению новых институциональных

форм, укорененных в новых потребностях новых людей. Творческим разрушением может считаться лишь относительно небольшая часть разрушения, особенно в отсутствие сильного «двойного процесса». Это иллюстрирует шумпетеровский пример компании US Steel, основанной одними из самых скандальных «баронов-разбойников» «позолоченного века», включая Эндрю Карнеги и Дж. П. Моргана. Под давлением все более настойчивого «двойного процесса» US Steel в конечном итоге институционализировала справедливые в отношении работников практики в виде профсоюзов и коллективных переговоров, а также внутренних рынков труда, карьерных лестниц, профессиональных иерархий, гарантий занятости, обучения и развития, продолжая при этом внедрять свои технологические достижения в массовое производство.

Мутация — это не сказка и не утопия; это рациональный капитализм, через демократические институты связанный взаимовыгодными отношениями с людьми. Мутации в корне меняют природу капитализма, смещая его в сторону тех, кому он должен служить. Это далеко не такой красивый и завлекательный подход, как тот, который предлагает теория «мальчишек и их игрушек», но это то, что нужно для преодоления коллизии и перехода к третьему модерну.

VI. Надзорный капитализм заполняет пустоту

Новое поколение экономической власти быстро заполнило пустоту, в которой каждый случайный поисковый запрос, лайк и клик превратился в актив, который должен отслеживаться, анализироваться и монетизироваться какой-то компанией, и это произошло в течение десятилетия после дебюта iPod. Как будто акула все это время молча кружила в глубине, лишь иногда ненадолго выныривая, чтобы ухватить свежий кусок добычи. В конце концов компании начали объяснять эти нарушения как необходимую компенсацию за «бесплатные» интернет-услуги. Конфиденциальность, говорили они, — это цена, которую нужно заплатить за многочисленные выгоды, которые несет с собой доступ к информации, связи и другим цифровым благам, когда, где и в таком виде,

в каком вы их хотите. Эти объяснения отвлекали нас от эпохальных перемен, которым суждено было переписать правила капитализма и цифрового мира.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что все эти многочисленные и разноречивые нарушения ожиданий пользователей были на самом деле крошечными глазка́ми, сквозь которые можно было заглянуть внутрь быстро крепнущей институциональной формы, учившейся использовать потребности второго модерна и уже привычные нормы «роста для избранных» в качестве средства для совершенно нового рыночного проекта. Со временем акула проявила себя как быстро размножающийся, систематический, внутренне слаженный новый вариант информационного капитализма, нацеленный на господство. Свой путь в историю прокладывала беспрецедентная разновидность капитализма — надзорный капитализм.

Эта новая рыночная форма задействует уникальную логику накопления, в которой основополагающим механизмом превращения инвестиций в прибыль является надзор. Ее быстрый рост, институциональное совершенствование и значительное расширение поставили под сомнение молчаливые обещания инверсии, начатой Apple и ориентированной на интересы пользователя. В более широком плане рост надзорного капитализма предал надежды и ожидания многих «граждан сети», которым были дороги освободительные обещания сетевой среды[85].

Надзорный капитализм повелевал чудесами цифрового мира, чтобы удовлетворить нашу потребность в полноценной жизни, обещая волшебство неограниченной информации и тысячи способов предвидения наших потребностей и облегчения тягот наших опустошенных жизней. Мы приветствовали его в наших сердцах и домах своими собственными ритуалами гостеприимства. Как мы подробно рассмотрим в последующих главах, благодаря надзорному капитализму ресурсы для полноценной жизни, которые мы ищем в цифровой сфере, теперь таят в себе угрозы нового сорта. При этом новом режиме момент удовлетворения наших потребностей является также тем самым моментом, когда на нас набрасываются для извлечения поведенческих данных,

и все это ради выгоды других людей. Результатом оказывается извращенная смесь, состоящая из новых возможностей, неразрывно переплетенных с новыми ограничениями. В отсутствие решительного общественного ответа, который ограничил бы или объявил эту логику накопления вне закона, надзорный капитализм, по всей видимости, готов стать доминирующей формой капитализма нашего времени.

Как это случилось? Это вопрос, к которому мы будем возвращаться на протяжении всей этой книги по мере накопления новых догадок и ответов. Пока что можно признать, что на протяжении многих веков мы считали основной угрозой государственную власть. Из-за этого мы оказались совершенно не готовыми защищаться от новых компаний с оригинальными названиями, под руководством молодых гениев, которые, казалось, могли дать нам именно то, чего мы так жаждали, бесплатно или почти бесплатно. Самые опасные последствия этого нового режима, непосредственные и долгосрочные, трудно было осознать или осмыслить, поскольку их скрывала молниеносная быстрота его действий, прячущихся за дорогими и непонятными машинными операциями, скрытными корпоративными практиками, мастерской отвлекающей риторикой и целенаправленным присвоением не принадлежащих ему культурных ценностей. По ходу дела термины, значения которых мы считаем позитивными или по крайней мере банальными, — «открытый интернет», «функциональная совместимость» и «подключенность», — были незаметно задействованы для целей рыночного процесса, в ходе которого людей превращают в средства для достижения чужих рыночных целей.

Надзорный капитализм пустил корни настолько быстро, что, если не считать горстки ученых-правоведов и технически подкованных активистов, он сумел оставить нас в неведении о своем существовании и ловко ушел от необходимости испрашивать у нас разрешение. Как мы более подробно обсудим в главе 4, надзорный капитализм немыслим вне цифровой сферы, но неолиберальная идеология и политика также обеспечили среду, в которой он смог процветать. Эта идеология и ее практическая реализация принуждают людей второ-

го модерна к кабальной сделке, лежащей в основе логики накопления надзорного капитализма, в ходе которой информация и коммуникация выкупаются в обмен на доходные поведенческие данные, финансирующие его безмерный рост и прибыль. Любые попытки помешать надзорному капитализму или подорвать его должны будут столкнуться с этим более широким институциональным ландшафтом, который защищает и поддерживает его деятельность.

История — не лаборатория экспериментатора, и мы не можем сказать, могла ли Apple, если бы у нее было другое руководство, больше времени или какие-то другие условия, разглядеть, усовершенствовать и институционализировать свое главное преимущество, как это сделали в свое время Генри Форд и Альфред Слоан. И эта возможность никоим образом не утрачена навсегда. Напротив, мы еще можем увидеть создание нового синтеза для третьего модерна, в котором подлинная инверсия и обновленный общественный договор будут закреплены как принципы нового рационального цифрового капитализма, повернувшегося лицом к обществу и поддерживаемого демократическими институтами. Тот факт, что Шумпетер отмерял сроки для такой институционализации десятилетиями или даже столетиями, остается важным примечанием ко всей нашей истории.

Эти события тем более опасны, что не могут быть сведены к какому-то из уже известных зол — монополии, конфиденциальности — и, следовательно, привычные средства не подходят для борьбы с ними. Новое зло, с которым мы сталкиваемся, несет с собой вызовы неприкосновенности личности, и главным среди них я считаю вызовы базовым правам, связанным с суверенитетом личности, включая *право на жизнь в будущем времени* и *право на личное святилище*. Каждое из этих прав взывает к способности принимать самостоятельные решения и личной автономии как важнейшим предпосылкам свободы действий и самого понятия демократического порядка.

Сегодня, однако, крайняя асимметрия знания и власти в пользу надзорного капитализма ведет к упразднению этих базовых прав по мере того, как наши жизни в одностороннем порядке преобразуются в данные,

экспроприируются и утилизируются с помощью новых форм социального контроля, все это на службе чужим интересам, без нашего ведома и в отсутствие способов противодействия. Нам еще предстоит изобрести политические механизмы и новые формы совместных действий — современный эквивалент социальных движений конца XIX и XX века, призванный обуздать дикий капитализм и сделать его совместимым с обществом, — действий, которые помогут отстоять наше право на человеческое будущее. И хотя работа над этими изобретениями еще только предстоит, эта мобилизация и вызванное ею сопротивление станут ключевым полем битвы, на котором развернется борьба за человеческое будущее.

9 августа 2011 года события рикошетили между двумя совершенно разными взглядами на третий модерн. Один взгляд был основан на цифровом обещании более доступной информации в контексте индивидуализированных экономических и социальных отношений. Другой отражал суровую реальность массового отчуждения и господства элиты. Но уроки того дня еще не были полностью учтены, когда свежие ответы — или, говоря более осторожно, слабые проблески ответов, нежные, как полупрозрачная кожа новорожденного, — обратили на себя внимание всего мира, принесенные вместе со струящимися ароматами испанской лаванды и ванили.

VII. За человеческое будущее

Ранним утром 9 августа 2011 года восемнадцатилетняя Мария Елена Монтес сидела на прохладном мраморном полу кондитерской, уже сто лет принадлежащей ее семье, в Барселоне, в районе Эль-Раваль, потягивая из чашечки сладкий кофе с молоком, убаюкиваемая предрассветным копошением голубей на площади, в ожидании, пока расстоятся несколько противней с пропитанными ромом цыганскими пирожными.

Кондитерская La Dulce занимала тесное средневековое здание, притулившееся на крошечной площади на одной из тех немногих улиц, которые избежали как сноса, так и реновации в духе яппи. Благодаря усилиям семьи Монтес прошедшие десятилетия не оказали

видимого влияния на заветную для них пекарню. Каждое утро они с любовью наполняли сверкающие стеклянные витрины хрустящими, усыпанными сахаром чуррос, нежными бунуэлос, истекающими ванильным кремом, крошечными клубничными пирожками на бумажных тарелочках, масляным печеньем мантекадо, спиральными булочками энсаймада, густо посыпанными сахарной пудрой, воздушным печеньем мадлен, рассыпчатыми пестинью и особыми флао по рецепту прабабушки Монтес — десертами из свежего молочного сыра с добавлением испанской лаванды, фенхеля и мяты. Там были также пирожные с миндалем и красным апельсином — по словам сеньоры Монтес, точно такие же, какие когда-то подавались королеве Изабелле. Мороженое с оливковым маслом, приправленное анисом, наполняло емкости в сияющей белой морозильной камере вдоль стены. Старый потолочный вентилятор медленно вращался, насыщая ароматами меда и дрожжей каждый уголок нестареющей комнаты.

Изменилось лишь одно. В любой другой год в это время августа мы застали бы Марию Елену и ее семейство в их летнем домике, укрытом в сосновой роще недалеко от приморского городка Палафружель, где они отдыхали каждое лето уже несколько поколений ее семьи. В августе 2011 года, однако, ни Монтес, ни их покупатели и друзья не пошли в отпуск. Экономический кризис ударил по стране, как черная чума, сократив потребление и подняв уровень безработицы до 21%, самого высокого в ЕС, и до потрясающих 46% среди людей в возрасте до 24 лет. В Каталонии, где расположена Барселона, 18% из ее 7,5-миллионного населения оказались за чертой бедности[86]. Летом 2011 года немногие могли позволить себе простое удовольствие провести август на море или в горах.

Вновь стали поступать настойчивые предложения продать здание и позволить будущему наконец поглотить La Dulce. Семья могла бы комфортно жить на доходы от продажи кондитерской, даже на невыгодных условиях, которые они были бы вынуждены принять. Дела шли вяло, но сеньор Фито Монтес отказывался увольнять кого-либо из сотрудников, которые, после многих лет постоянной работы, образовали нечто вроде боль-

шой семьи. Почти все, кого они знали, говорили, что конец неизбежен и что Монтес должны ухватиться за эту возможность достойного выхода. Но семья была полна решимости пойти на все жертвы, чтобы сохранить кондитерскую La Dulce для будущего.

Всего три месяца назад Хуан Пабло и Мария ездили в Мадрид, чтобы присоединиться к тысячам демонстрантов в Пуэрта-дель-Соль, где державшийся в течение месяца лагерь сделал движение Los Indignados, известное также как «движение 15-М», новым голосом народа, доведенного до крайней точки экономикой презрения. Все, что осталось сказать, это «Ya. No mas!» — «Хватит!». Стечение такого количества граждан в Мадриде привело к волне протестов по всей стране, и в конечном итоге эти протесты уступят место новым политическим партиям, включая Подемос. Во многих городах возникли соседские собрания, и как раз накануне вечером Монтес присутствовали на одном из таких собраний в Эль-Равале.

Те вечерние разговоры были еще свежи в памяти, когда ранним днем 9 августа они собрались в своей квартире над кондитерской, чтобы разделить дневную трапезу и обсудить судьбу La Dulce, не очень понимая, что задумал Папа Монтес.

«Банкиры могут не знать об этом, — рассуждал Фито Монтес, — но будущее будет нуждаться в прошлом. Ему, будущему, понадобятся эти мраморные полы и сладость моих цыганских пирожных. Они относятся к нам, как к цифрам в бухгалтерской книге, как будто они просматривают цифры жертв авиакатастрофы. Они верят, что будущее принадлежит только им. Но у каждого из нас есть своя история. У каждого из нас есть своя жизнь. Никто кроме нас не заявит о нашем праве на будущее. Будущее — это и наш дом».

С облегчением вздохнув, Мария и Хуан Пабло обрисовали свой план. Хуан Пабло временно откажется от учебы в университете, а Мария Елена отложит поступление туда. Они постараются расширить оборот La Dulce, предлагая доставку на дом и услуги кейтеринга. Всем придется урезать зарплату, но никому не придется уйти. Всем надо будет затянуть пояса, кроме пухленьких бунуэлос и их великолепных собратьев, гордо выстроившихся аккуратными восхитительными рядами.

Мы знаем, как бросить вызов неизбежному, сказали они. Мы пережили войны; мы пережили фашистов. Мы снова выживем. Для Фито Монтеса право его семьи рассчитывать на будущее как на свой дом требовало преемственности в некоторых вещах — неуловимых, прекрасных, удивительных, таинственных, невыразимых и нематериальных, но без которых, как все они верили, жизнь будет механической и бездушной. Он твердо хотел, например, чтобы и следующее поколение испанских детей узнавало аромат его пирожных с красным апельсином и лепестками роз и причащалось тем самым к тайнам средневековой жизни в благоухающих садах Альгамбры.

9 августа на тенистой площади становилось все жарче, и солнце прогнало людей с улиц, по которым некогда с триумфом проходили то гунны, то мавры, то кастильцы, то Бурбоны. Глядя на эти безмолвные аллеи, трудно было догадаться об исторических событиях в Мадриде, которым в тот же день уделит видное место газета New York Times[87]. Но я представляю себе, как эти два города соединяются между собой невидимыми волнами ароматов, восходящими от La Dulce высоко в выгоревшее небо Барселоны и медленно дрейфующими южнее и западнее, чтобы опуститься вдоль строгого фасада здания, в котором находилось испанское агентство по защите данных, где шла еще одна битва за право на жизнь в будущем времени.

Испанское агентство по защите данных приняло решение отстаивать требования девяноста простых граждан, которые, как и семья Монтес, были полны решимости сохранить унаследованные смыслы для мира, готового меняться со скоростью света[88]. Во имя «права на забвение» испанцы вышли на арену для боя быков, размахивая красными тряпками, решившись покорить самого яростного из всех быков — Google, главный оплот надзорного капитализма. Когда агентство предписало интернет-фирме прекратить индексировать информацию, касающуюся этих девяноста человек, бык ощутил на себе один из первых и самых значительных ударов.

Это юридическое противостояние опиралось на те же упорство, решимость и настрой, которые поддерживали семью Монтес и миллионы других испанцев, вынужден-

ных вырывать свое будущее из лап самопровозглашенной неизбежности равнодушного капитала. В утверждении «права на забвение», сложность человеческого существования с его миллионами оттенков серого, противостояла экономическим императивам надзорного капитализма, породившим неослабное стремление извлекать и хранить информацию. Именно там, в Испании, право на жизнь в будущем времени переживало подъем, настаивая на том, что операции надзорного капитализма и его цифровая архитектура не являются, никогда не были и никогда не будут неизбежными. Наоборот, даже капитализм Google был создан людьми и может быть демонтирован или перестроен с использованием демократических процедур, а не по указке бизнеса. Google не должен был быть последним словом в том, что касается человеческого или цифрового будущего.

У каждого из этих девяноста граждан были свои требования. Одну женщину терроризировал ее бывший муж и она не хотела, чтобы он мог найти в интернете ее адрес. Конфиденциальность информации была необходима ей и для душевного спокойствия, и для физической безопасности. Другую женщину, средних лет, не отпускал ее старый, студенческих времен арест. Конфиденциальность информации была важна для ее идентичности и чувства собственного достоинства. Был среди них и адвокат, Марио Костеха Гонсалес, который несколько лет назад потерял право выкупа своего дома. Хотя вопрос давно был разрешен, поиск в Google по его имени продолжал выдавать ссылки на уведомление о потере права выкупа, что, по его мнению, подрывало его репутацию. Хотя испанское Агентство по защите данных отвергло требование удалить соответствующую действительности информацию из газет и других исходных источников — подобная информация, сочли они, в любом случае будет где-то существовать, — оно поддержало идею том, что Google несет ответственность и должен быть привлечен к ответу. В конце концов, это Google в одностороннем порядке изменил жизненный цикл информации, когда стал сканировать, индексировать и делать доступными во всемирной паутине личные данные без чьего-либо разрешения. Агентство пришло к выводу, что граждане имеют право требовать удаления ссылок, и предписало Google прекра-

тить индексацию информации и удалить существующие ссылки на первоисточники.

Миссия Google «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной» — начиная со всемирной паутины — изменила всю нашу жизнь. Без сомнения, это принесло огромную пользу. Но для отдельных людей это означало, что информация, которая обычно стареет и забывается, теперь остается вечно молодой и продолжает находиться на видном месте в цифровой идентичности каждого человека. Испанское Агентство по защите данных признало, что не всякая информация достойна бессмертия. Часть информации должна быть забыта, потому что это свойственно людям. Неудивительно, что Google оспорил постановление агентства в Верховном суде Испании, который выбрал одно из девяноста дел — дело адвоката Марио Костеха Гонсалеса — для передачи в Европейский суд. Последний, после продолжительных и драматичных прений, в мае 2014 года объявил о своем решении утвердить право на забвение в качестве основополагающего принципа права ЕС[89].

Решение Европейского суда, которое так часто сводят к юридическим и техническим соображениям, связанным с удалением личных данных или ссылок на них, в действительности стало ключевым моментом, когда демократия начала отвоевывать назад право на жизнь в будущем времени у влиятельных сил нового надзорного капитализма, решившего претендовать на одностороннюю власть над цифровым будущим. Вместо этого судебные прения оставили будущее за человеком, отвергнув претензии поисковых технологий Google на неизбежность и признав, что результаты поиска являются случайными продуктами конкретных экономических интересов, которые управляют действием машины из глубины ее недр: «Оператор поисковой системы способен оказать значительное влияние на осуществление базовых прав на неприкосновенность частной жизни и защиту личных данных. В свете потенциальной серьезности подобного вмешательства» в эти права, «оно не может быть оправдано лишь экономической выгодой, которую оператор поисковой системы рассчитывает получить в результате обработки соответствующей инфор-

мации»[90]. Как резюмировали правоведы Пол М. Шварц и Карл-Николаус Пайфер, «суд в Люксембурге подтвердил важность свободного обмена информацией, но признал, что в европейском правовом режиме в конечном счете еще важнее защита достоинства, неприкосновенности частной жизни и персональных данных»[91]. Суд предоставил гражданам ЕС право на сопротивление, потребовав от Google установить процедуру для выполнения пользовательских запросов об удалении ссылок и разрешив гражданам обращаться за помощью к демократическим институтам, включая «надзорные или судебные органы, с тем чтобы они провели необходимые проверки и предписали контролирующей инстанции принять соответствующие конкретные меры»[92].

Подтверждая право на забвение, суд заявил, что решающая власть над цифровым будущим принадлежит народу, его законам и его демократическим институтам. Он подтвердил, что отдельные лица и демократические общества в целом могут бороться за свое право на жизнь в будущем времени и могут победить, даже перед лицом могущественных частных игроков. Как заметил специалист по правам человека Федерико Фаббрини, в этом жизненно важном деле Европейский суд более решительно взял на себя роль суда по правам человека, шагнув на «минное поле прав человека в цифровую эпоху…»[93].

Когда о решении Суда было объявлено, «умные деньги» заявили, что этого никогда бы не произошло в США, где интернет-компании обычно прибегают к прикрытию в виде Первой поправки, оправдывающей, по их мнению, «инновации без разрешения»[94]. Некоторые специалисты по технологиям говорили, что авторы постановления «спятили»[95]. Руководители Google насмехались над решением. Журналисты сообщали, что соучредитель Google Сергей Брин «отшучивается» и «отмахивается». Когда его спросили об этом определении суда во время сессии вопросов и ответов на крупной технологической конференции, он сказал: «Хотелось бы, чтобы мы все просто забыли это решение»[96].

В ответ на это решение генеральный директор и соучредитель Google Ларри Пейдж повторил слова из официальной «миссии компании», заверив газету

Financial Times, что компания «по-прежнему стремится „организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной“». Его доводом в защиту беспрецедентной информационной власти Google, стало неожиданное заявление, что люди должны доверять Google больше, чем демократическим институтам: «В целом хранение данных в таких компаниях, как Google, лучше, чем хранение их государством, которое не имеет надлежащей процедуры получения этих данных, потому что мы, очевидно, заботимся о своей репутации. Я не уверен, что правительство заботится об этом так же сильно»[97]. Говоря с акционерами компании на следующий день после решения суда, Эрик Шмидт охарактеризовал это решение как пример «нарушенного баланса», когда «право на забвение пришло в столкновение с правом знать»[98].

Комментарии руководства Google отражали его решимость сохранить привилегированный контроль над будущим и негодование по поводу того, что кто-то пытается его оспорить. Однако было предостаточно свидетельств того, что американская общественность не готова мириться с односторонней властью корпорации. Умные деньги на деле оказались не такими уж умными. Спустя год после решения ЕС, национальный опрос взрослых американцев показал, что 88% из них поддерживают закон, похожий на закон о «праве на забвение». В том же году компания Pew Research обнаружила, что 93% американцев считают, что важно иметь контроль над тем, «кто может получить информацию о вас». Другая серия опросов привела к сходным результатам[99].

1 января 2015 года в Калифорнии вступила в силу поправка, известная как «закон об онлайн-ластике», требующая от оператора веб-сайта, онлайн-службы, онлайн-приложения или мобильного приложения разрешить несовершеннолетнему, являющемуся зарегистрированным пользователем услуг оператора, удалять самому, или требовать от оператора удаления контента или информации, размещенной этим несовершеннолетним. Калифорнийский закон пробил брешь в одном из критически важных бастионов надзора, ослабив роль Google как самопровозглашенного защитника неограничен-

ного права на знание, что позволяет предположить, что мы все еще в начале, а не в конце долгой и напряженной драмы.

Испанское агентство по защите данных, а затем и Европейский суд продемонстрировали невыносимую легкость «неизбежного», когда обе инстанции твердо назвали то, что поставлено на карту в борьбе за подлинно человеческое будущее — прежде всего примат демократических институтов в формировании здорового и справедливого цифрового будущего. Умные деньги говорят, что американский закон никогда не откажется от своей верности надзорным капиталистам в их спорах с людьми. Но следующие десятилетия могут еще раз доказать, что умные деньги могут ошибаться. Что касается испанцев, их агентства по защите данных и Европейского суда, то со временем, скорее всего, их достижения будут видеться как волнующая первая глава в длинной истории нашей борьбы за третий модерн, который должен стать в первую очередь подлинно человеческим будущим — неразрывно связанным с инклюзивной демократией и правом человека на полноценную жизнь. Их послание выведено золотыми буквами на раздумье нашим детям: *технологическая неизбежность настолько же легка, насколько демократия тяжела, настолько же преходяща, насколько вечны аромат роз и вкус меда.*

VIII. Именовать и укрощать

Приручение надзорного капитализма должно начинаться с тщательной разработки терминологии. Важность именно такой последовательности ярко продемонстрировала недавняя история исследований в области ВИЧ, и я предлагаю ее в качестве аналогии. В течение трех десятилетий ученые стремились создать вакцину, которая следовала бы логике более ранних методов лечения, обучая иммунную систему вырабатывать нейтрализующие антитела, но накапливающиеся данные выявили непредвиденное поведение вируса ВИЧ, которое не подчиняется моделям других инфекционных заболеваний[100].

Разворот начался на Международной конференции по СПИДу в 2012 году, когда были представлены новые

стратегии, основанные на тщательном изучении биологии тех редких носителей ВИЧ, кровь которых продуцирует естественные антитела. Исследования начали смещаться в сторону методов, которые воспроизводят эту реакцию самовакцинации[101]. Как заявил один из ведущих исследователей: «Теперь мы знаем врага в лицо, поэтому у нас есть реальные подсказки, как подойти к проблеме»[102].

Урок для нас в том, что каждая успешная вакцина начинается с детального изучения соответствующей болезни. Ментальные модели, словари и инструменты, извлеченные из опыта прошлых катастроф, препятствуют прогрессу. Мы чувствуем запах дыма и спешим закрыть двери в комнаты, судьба которых уже решена. Это все равно что бросать снежки в гладкую мраморную стену и наблюдать за тем, как они соскальзывают вниз по фасаду, не оставляя ничего, кроме мокрых пятен — уплаченный штраф тут, техническая хитрость там, новый пакет шифрования еще в одном месте.

Сейчас важно описать эту новую форму капитализма как она есть, ее собственными словами. Это предприятие неизбежно возвращает нас в Кремниевую долину, где все движется так быстро, что мало кто знает, что только что произошло. Это среда обитания, которая развивается «со скоростью сновидения», как ярко описал это один из инженеров Google[103]. Моя цель здесь — включить замедленное воспроизведение, чтобы расширить пространство для такого разговора и вскрыть последствия этих новых явлений, которые углубляют неравенство, закрепляют социальную иерархию, усиливают отчуждение, узурпируют права и лишают личную жизнь всего, что делает ее личной для вас или для меня. Если цифровому будущему суждено быть нашим домом, то именно нам придется позаботиться об этом. Нам нужно будет знать. Нам нужно будет принимать решения. Нам нужно будет определять, кому принимать решения. Это наша борьба за человеческое будущее.

ГЛАВА 3
Открытие поведенческого излишка

Он звезды наблюдал и птиц свободный нрав,
Разливы рек и взлет Империй краткий,
Гадал на требухе и иногда был прав,
Платили хорошо за верные догадки.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, VI*[1]

I. Google: Первопроходец надзорного капитализма

Google для надзорного капитализма — то же самое, чем были Ford Motor Company или General Motors для ориентированного на массовое производство управленческого капитализма. Новые экономические логики и соответствующие коммерческие модели открываются людьми в конкретном времени и конкретном месте, а затем совершенствуются методом проб и ошибок. В наше время Google стал пионером, первооткрывателем, разработчиком, экспериментатором, ведущим представителем, образцом для подражания и центром распространения *надзорного капитализма*. Символический статус GM и Ford как пионеров капитализма XX века сделал их постоянным предметом научного интереса и общественного внимания, потому что уроки, которые они могли преподать, находили отклик далеко за пределами этих конкретных компаний. Деятельность Google заслуживает такого же исследования, не в целях критики отдельной компании, а как отправная точка кодификации новой мощной формы капитализма.

С момента триумфа массового производства в компании Форда и на протяжении последующих десятилетий сотни исследователей, бизнесменов, инженеров, журналистов и ученых будут тщательно анализировать обстоятельства его изобретения и развития и их последствия[2]. Прошло еще несколько десятилетий, но ученые

продолжают много писать о Форде, человеке и компании[3]. GM также был объектом пристального внимания. Он стал местом полевых исследований Питера Друкера для его ключевой книги «Концепция корпорации» (1946), которая кодифицировала практики организации бизнеса XX века и принесла Друкеру репутацию управленческого гуру. В дополнение к многочисленным научным и аналитическим работам по этим двум фирмам их собственные руководители с энтузиазмом делились своими открытиями и методами. Генри Форд и его генеральный директор Джеймс Кузенс, а также Альфред Слоан и его менеджер по маркетингу, Генри «Бак» Уивер, размышляли, теоретизировали и пропагандировали свои достижения, отводя им определенное место в эволюционной драме американского капитализма[4].

Google печально известен своей скрытностью, и трудно было бы представить себе нового Друкера, свободно бродящего по территории и строчащего в коридорах свои заметки. Его руководители тщательно выстраивают свое цифровое евангелие в книгах и блогах, но его деятельность труднодоступна для сторонних исследователей или журналистов[5]. В 2016 году в судебном иске, возбужденном против компании одним из ее менеджеров, утверждалось о существовании программы внутреннего шпионажа, в соответствии с требованиями которой сотрудники должны были выявлять коллег, нарушающих заключенное ими с компанией соглашение о конфиденциальности — широкий запрет на разглашение какой-либо информации о компании кому-либо[6]. Самое близкое к современному Баку Уиверу или Джеймсу Кузенсу, кодифицирующему методы и цели Google, — это многолетний главный экономист компании Хэл Вэриан, который способствует делу понимания своими научными статьями на разного рода важные темы. Вэриана называли «Адамом Смитом гуглономики» и «крестным отцом» его рекламной модели[7]. Именно в работах Вэриана мы находим разбросанные «по секрету всему свету» важные ключи к логике надзорного капитализма и его притязаниям на власть.

В двух удивительных научных статьях Вэриан исследовал тему «опосредованных компьютером трансак-

ций» и их решающего влияния на современную экономику[8]. Обе работы написаны простым, приземленным языком, но небрежная скромность Вэриана контрастирует с его часто поразительными заявлениями: «Сегодня компьютер находится в сердцевине практически каждой трансакции <...> и теперь, когда они доступны, эти компьютеры могут найти ряд других применений»[9]. Затем он выделяет четыре таких новых применения: «извлечение и анализ данных», «новые формы договора, возможные благодаря лучшему мониторингу», «персонализация и кастомизация» и «постоянное экспериментирование».

Замечания Вэриана относительно этих новых «видов использования» оказываются неожиданно ценным пособием по странной логике надзорного капитализма, разделению знания, которое он формирует, и характеру информационной цивилизации, к которой он ведет. В ходе нашего исследования основ надзорного капитализма мы время от времени будем возвращаться к наблюдениям Вэриана и пытаться «разобрать устройство» его утверждений, чтобы лучше постичь мировоззрение и методы надзорного капитализма изнутри, его собственными глазами. «Когда все говорят о больших данных, — пишет Вэриан, — то, они говорят про извлечение и анализ этих данных». «Данные» — это сырье, необходимое надзорному капитализму для его новых производственных процессов. «Извлечение» касается социальных отношений и материальной инфраструктуры, с помощью которых фирма заявляет о своих правах на это сырье, чтобы достичь эффекта масштаба в своей деятельности по поставке этого сырья.

«Анализ» относится к комплексу узкоспециализированных вычислительных систем, которые я обычно буду называть в этих главах «машинным интеллектом». Мне нравится этот общий термин, потому что он приучает нас видеть за деревьями лес, помогая перевести внимание с технологии на ее цели. Но, пользуясь этой фразой, я также следую примеру Google. Компания заявляет, что находится «на переднем крае инноваций в области машинного интеллекта», термин, в который она включает, наряду с «классическим» производством по заданному алгоритму, машинное обучение, а также

множественные вычислительные операции, которые часто называют другими словами, такими как «прогнозная аналитика» или «искусственный интеллект». Среди этих операций Google называет свою работу по языковому переводу, распознаванию речи, обработке изображений, ранжированию, статистическому моделированию и прогнозированию:

> При выполнении всех этих и многих других задач мы собираем большие объемы прямой или косвенной информации, касающейся интересующих нас взаимосвязей, применяя алгоритмы обучения для их понимания и обобщения[10].

Эта работа машинного интеллекта превращает сырье в высокодоходные продукты фирмы — алгоритмы, предназначенные для прогнозирования поведения ее пользователей. Непроницаемость извне и эксклюзивность этих методов и операций — это ров, который окружает замок и обеспечивает его внутреннее функционирование.

Изобретение Google таргетированной рекламы открыло путь к финансовому успеху, но также заложило краеугольный камень более важной тенденции: изобретения и совершенствования надзорного капитализма. Его бизнес характеризуется как рекламная модель, и было много написано о методах автоматизированного аукциона Google и других аспектах его изобретений в области интернет-рекламы. Учитывая объем сказанного на эту тему, эти явления даже слишком хорошо описаны и одновременно недостаточно осмыслены теоретически. Наша цель в этой и последующих главах части I состоит в том, чтобы выявить «законы движения», которые определяют конкуренцию в сфере надзора, и для этого мы начинаем со свежего взгляда на исходную точку, когда были впервые обнаружены основополагающие механизмы надзорного капитализма.

Прежде чем мы начнем, я хочу сказать несколько слов о терминологии. Всякое столкновение с беспрецедентным требует нового языка, и, когда существующий язык не может охватить новое явление, я ввожу новые термины. Иногда, однако, я беру знакомые слова и намеренно использую их по-новому, потому что хочу подчеркнуть определенную преемственность в функционировании какого-то элемента или процесса. Так обстоит

дело с «законами движения», под которыми обычно подразумеваются ньютоновские законы инерции, силы и закон равенства действия и противодействия.

За прошедшие годы историки приняли этот термин для описания «законов» промышленного капитализма. Например, экономический историк Эллен Мейксинс Вуд подробно описывает возникновение капитализма, показывая, как менялись отношения между английскими землевладельцами и крестьянами-арендаторами, когда собственники стали отдавать предпочтение производительности, а не принуждению:

> Эта новая историческая динамика позволяет говорить об «аграрном капитализме» в Англии раннего Нового времени, социальной форме со своими особыми «законами движения», которые в конечном итоге породят капитализм в его зрелой, индустриальной форме[11].

Вуд описывает, как впоследствии эти новые «законы движения» проявили себя в промышленном производстве:

> Критическим фактором в отделении капитализма от всех других форм «коммерческого общества» было развитие определенных социальных отношений собственности, которые порождали рыночные императивы и капиталистические «законы движения» <…> с капитализмом связаны конкурентоспособное производство и максимизация прибыли, необходимость реинвестировать излишки и неустанная забота о повышении производительности труда <…> Эти «законы движения» потребовали глубочайших социальных преобразований и потрясений, чтобы прийти в действие. Они требовали преобразования метаболизма между человеком и природой, в том, как обеспечиваются важнейшие жизненные потребности[12].

Я собираюсь показать здесь, что, хотя надзорный капитализм не отказывается от известных капиталистических «законов», таких как конкурентное производство, максимизация прибыли, производительности и роста, эта более ранняя динамика теперь работает в контексте новой логики накопления, которая вводит свои собственные особые «законы движения». В этой и следующих главах мы рассмотрим эту основополагающую динамику, в том числе специфические экономические императивы надзорного капитализма, определяемые из-

влечением данных и прогнозированием, его уникальный подход к экономии от масштаба и охвата в поставках сырья, всегда связанное с ним создание и совершенствование *способов изменения поведения*, которые инкорпорируют его основанные на машинном интеллекте «средства производства» в более сложную систему действий, и то, как требования изменения поведения ориентируют все операции на максимально полную информацию и максимально полный контроль, создавая основу для беспрецедентной *инструментарной власти* и ее социальных последствий. Пока же моя цель состоит в том, чтобы перевернуть наше отношение к знакомым событиям и явлениям, взглянув глазами на ранние дни оптимизма, кризиса и изобретательности Google.

II. Баланс сил

Google был зарегистрирован в 1998 году. Стэнфордские аспиранты Ларри Пейдж и Сергей Брин основали его всего два года спустя после того, как браузер Mosaic открыл всемирную паутину для компьютерной публики. С самого начала компания воплощала в себе обещание информационного капитализма как освободительной и демократической социальной силы, которая вдохновляла и восхищала людей второго модерна по всему миру.

Благодаря такому масштабному подходу Google успешно внедрила компьютерное посредничество во множестве новых областей человеческого поведения, по мере того как люди пользовались поиском в интернете и строили свои взаимодействия с сетью с помощью растущего списка сервисов Google. Возникновение этих новых видов деятельности сопровождалось появлением совершенно новых источников данных. Например, в дополнение к ключевым словам, каждый поисковый запрос Google генерирует целый спектр побочных данных, таких как количество и последовательность поисковых терминов, конкретная формулировка запроса, орфография, пунктуация, паузы при наборе, последовательность кликов мышкой и географическое местоположение.

Вначале эти поведенческие побочные продукты хранились как попало и ни для чего не использовались. Пер-

вым человеком, который осознал чрезвычайную важность этих случайно сохраненных данных для Google, часто называют Амита Пателя, молодого аспиранта Стэнфорда, проявлявшего особый интерес к «интеллектуальному анализу данных». Его работа с подобными журналами данных убедила его в том, что на основе неструктурированных сигналов, сопровождающих каждое онлайн-действие, можно выстроить подробный рассказ о каждом пользователе — его мыслях, чувствах, интересах. Эти данные, заключил он, представляют собой по сути «широкий датчик человеческого поведения» и могут быть незамедлительно использованы для реализации мечты одного из соучредителей, Ларри Пейджа, о Поиске как о всеобъемлющем искусственном интеллекте[13].

Инженеры Google вскоре поняли, что непрерывные потоки побочных поведенческих данных могут превратить поисковую систему в рекурсивную самообучаемую систему, которая постоянно улучшает результаты поиска и стимулирует инновации в виде таких продуктов, как проверка орфографии, перевод и распознавание голоса. Как заметил тогда Кеннет Кукье,

> Другие поисковые системы 1990-х имели шанс сделать то же самое, но не воспользовались им. Около 2000 года в Yahoo! разглядели этот потенциал, но идея осталась идеей. Именно Google распознал золотой песок в пустой породе своих взаимодействий с пользователями и позаботился о том, чтобы собрать его <…> Google использует информацию, образующуюся как побочный продукт взаимодействия с пользователем, или «выхлоп данных», который автоматически перерабатывается для улучшения существующих услуг или создания совершенно новых продуктов[14].

То, что рассматривалось как отходы производства — «выхлоп данных», оседающий на серверах Google во время работы поискового «движка», — быстро было переосмыслено как критический элемент превращения поисковой системы Google в процесс непрерывного самообучения и самосовершенствования.

На этой ранней стадии развития Google петля обратной связи, связанная с улучшением ее функций поиска, создавала нужный баланс сил: поиску требовались люди, на которых он мог бы учиться, а людям требовался поиск, который позволял им учиться. Благодаря

этому симбиозу алгоритмы Google обучались и выдавали всё более релевантные и полные результаты поиска. Чем больше запросов, тем больше обучения; чем больше обучения, тем более релевантны результаты. Больше актуальности — больше поисков и больше пользователей[15]. К тому времени, когда молодая компания провела свою первую пресс-конференцию в 1999 году, чтобы объявить о покупке акций компании на 25 миллионов долларов со стороны двух наиболее уважаемых фирм венчурного капитала Кремниевой долины, Sequoia Capital и Kleiner Perkins, поиск Google уже обрабатывал по семь миллионов запросов в день[16]. Несколько лет спустя Хэл Вэриан, который в 2002 году пришел в Google в качестве главного экономиста, заметит:

> Каждое действие, которое выполняет пользователь, считается сигналом, который нужно проанализировать и передать обратно системе[17].

Алгоритм Page Rank, названный в честь его основателя, уже давал Google значительное преимущество в определении наиболее популярных результатов для поисковой выдачи. Но в течение следующих нескольких лет именно сбор, хранение, анализ и изучение побочных продуктов этих поисковых запросов превратят Google в золотой стандарт веб-поиска.

Здесь необходимо понимать одно важное отличие. В этот ранний период поведенческие данные работали на благо пользователя. Пользовательские данные бесплатно создавали ценность, и эта ценность реинвестировалась в пользовательский опыт в виде совершенствования качества услуг — улучшения, которые пользователи тоже получали бесплатно. Пользователи предоставляли сырье в форме поведенческих данных, и эти данные собирались для повышения скорости, точности и актуальности, а также для создания дополнительных продуктов, таких как перевод. Я называю это *циклом реинвестирования поведенческой стоимости (или ценности)*, в котором все поведенческие данные реинвестируются в улучшение продукта или услуги (рис. 1).

Этот цикл повторяет логику iPod; в Google он работал прекрасно, но с одним важным отличием: отсутствием устойчивых рыночных трансакций. В случае с iPod

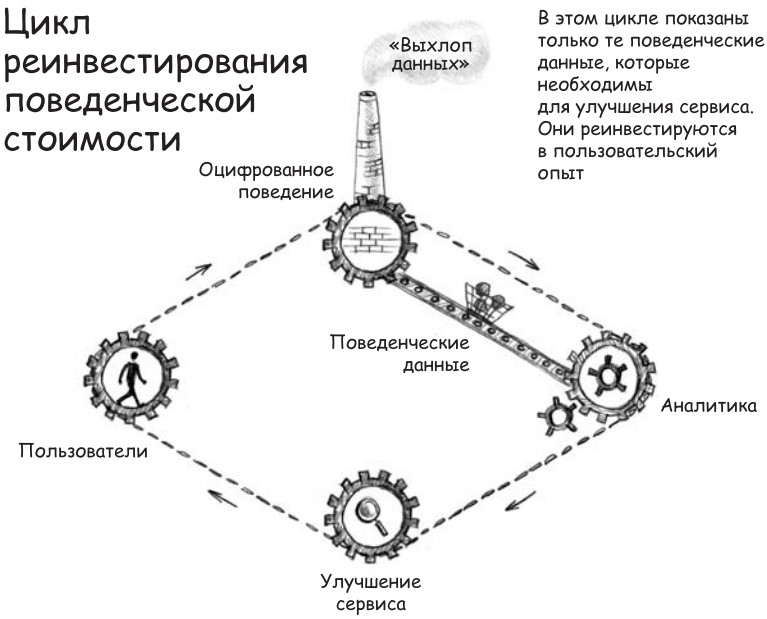

РИС. 1. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости

цикл запускался покупкой высокоприбыльного материального продукта. Последующие взаимодействия улучшали iPod и вели к росту продаж этого продукта. Клиенты были субъектами коммерческого процесса, который стремился подстроиться под их запросы и дать «то, что я хочу, когда хочу и где хочу». В Google цикл был подобным же образом ориентирован на индивида как на свой субъект, но без материального продукта, который можно было продать, он парил над рынком, представляя собой взаимодействие с «пользователями», а не рыночные трансакции с клиентами.

Это помогает объяснить, почему не следует думать о пользователях Google как о его клиентах: в его случае нет никакого экономического обмена, цены и прибыли. Не играют пользователи и роль наемных работников. Когда капиталист нанимает рабочих и обеспечивает их заработной платой и средствами производства, то продукты, которые они производят, принадлежат капиталисту, который может их продать и получить прибыль. Здесь дело обстоит не так. Пользователям

не платят за их труд, и им не предоставляют средства производства (мы подробнее обсудим это позже в этой главе). Наконец, часто говорят, что пользователь является «продуктом». Это тоже неверно, и к этому вопросу мы вернемся еще не раз. Пока достаточно сказать, что пользователи — мы с вами — не продукты, а источники сырья. Как мы увидим, свои необычные продукты надзорный капитализм умудряется извлекать из нашего поведения, оставаясь безразличным к нашему поведению. Его продукты предназначены для связанных с нами предсказаний, но им все равно, что мы делаем и что с нами станет.

Подводя итог: на этом раннем этапе развития Google все то ценное, что пользователи поиска непреднамеренно отдавали компании, им же потом и возвращалось в виде улучшения услуг. В этом цикле реинвестирования предоставление пользователям потрясающих результатов поиска «съедало» всю ценность, которую создавали пользователи, предоставляя дополнительные поведенческие данные. Тот факт, что люди нуждались в Поиске не меньше, чем Поиск нуждался в людях, создавал равновесие сил между Google и его пользователями. С людьми обращались как с самоцелью, как с субъектами нерыночного, замкнутого цикла, который полностью соответствовал заявленной Google миссии «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной и полезной».

III. Поиск капитализма: нетерпеливые деньги и чрезвычайное положение

К 1999 году, несмотря на весь блеск созданного Google нового мира доступных для поиска веб-страниц, несмотря на его растущие научно-исследовательские возможности и именитых инвесторов, никакого надежного способа превратить вложенные деньги в доходы не было. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости привел к созданию превосходного поиска, но это был еще не капитализм. Из-за баланса сил, взимать с пользователей плату за поисковые услуги было финансово рискованным и, возможно, контрпродуктивным. Продажа результатов поиска также создала бы для компании

опасный прецедент, назначив цену за индексированную информацию, которую поисковый робот Google уже собрал бесплатно у других. Без такого устройства, как iPod, или доступной для него цифровой музыки не было прибыли, не было излишка, не оставалось ничего такого, что можно было бы продать и превратить в источник дохода.

Реклама в Google была далеко не в почете: команда AdWords состояла из семи человек, большинство из которых разделяли неприязненное отношение учредителей к рекламе. Тон задали Сергей Брин и Ларри Пейдж в эпохальном докладе «Анатомия крупномасштабной гипертекстовой поисковой системы в интернете» на конференции World Wide Web 1998 года, в котором они представили свою концепцию поисковой системы:

> Мы ожидаем, что поисковые системы, финансируемые за счет рекламы, будут неизбежно предвзяты в пользу рекламодателей и в ущерб нуждам потребителей. Этот тип предвзятости очень трудно обнаружить, но он все же может оказать существенное влияние на рынок <...> мы считаем, что проблема рекламы создает слишком много смешанных стимулов, поэтому крайне важно иметь конкурентную поисковую систему, которая была бы прозрачной и соответствовала академическим стандартам[18].

Но свою первую прибыль Google начал получать, предоставляя исключительные лицензии на использование веб-сервисов таким порталам, как Yahoo! и японскому BIGLOBE[19]. Небольшую прибыль приносили и спонсирование рекламных объявлений, связанных с ключевыми словами поискового запроса[20]. Существовали и другие модели. Соперничающие с Google поисковые системы, такие как Overture, используемая только гигантским тогда порталом AOL, или Inktomi, поисковая система, принятая Microsoft, брали плату с сайтов, страницы которых они индексировали. Overture также преуспела в привлечении онлайн-рекламы благодаря тому, что позволяла рекламодателям оплачивать высокие места в списке результатов поиска — тот самый формат, который презирали Брин и Пейдж[21].

Известные аналитики публично сомневались в том, сможет ли Google конкурировать с более устоявшимися конкурентами. Как вопрошала газета New York

Times: «Способен ли Google создать бизнес-модель, которая была бы так же хороша, как хороши его технологии?»[22] Известный аналитик из Forrester Research заявил, что у Google есть всего несколько способов заработать деньги с помощью поисковика: «создать портал [как Yahoo!] <…> создать партнерство с порталом <…> лицензировать технологию <…> ждать, пока его купит какая-нибудь крупная компания»[23].

Несмотря на эти опасения по поводу жизнеспособности Google, поддержка фирмы со стороны престижных венчурных фондов придавала основателям уверенность в их способности собрать деньги. Это резко изменилось в апреле 2000 года, когда легендарная экономика доткомов начала быстро погружаться в рецессию и райский сад Кремниевой долины неожиданно стал эпицентром финансового землетрясения.

К середине апреля, когда так называемый пузырь доткомов лопнул, привилегированная культура быстрых денег Кремниевой долины оказалась в осаде. Легко забыть, какими катастрофическими стали эти события для амбициозных молодых людей Долины, а также инвесторов, которые были не намного старше их. Стартапы, еще несколько месяцев назад стоившие баснословных денег, вдруг вынуждены были закрыться. В нашумевшей статье «Судьба стучится в дверь доткомов» отмечалось, что цены акций самых почитаемых на Уолл-стрит интернет-фирм «высокого полета» «лежат в нокдауне» и акции многих из них торгуются ниже цены первоначального размещения: «Пока многие доткомы в упадке, ни венчурные капиталисты, ни Уолл-стрит не горят желанием помочь…»[24]. В новостях только и говорили о шокированных инвесторах. На неделе, начавшейся 10 апреля, произошло самое глубокое падение в истории NASDAQ, где торговались многие интернет-компании, и мнения все больше сходились на том, что «игра» изменилась необратимо[25].

По мере того как деловая среда Кремниевой долины расползалась по швам, перспективы инвесторов вернуть вложенные средства, продав Google какой-либо крупной компании, стали казаться гораздо менее радужными и их тоже захлестнула нарастающая волна паники. Многие инвесторы Google начали выражать сомнения

по поводу перспектив компании, и некоторые начали грозиться, что прекратят ее поддерживать. Давление на компанию, с тем чтобы она стала приносить прибыль, резко усилилось, несмотря на то что Google Search считался лучшей поисковой системой, трафик на его сайт стремительно рос, а почта приносила в офис компании в Mountain View по тысяче резюме в день. Считалось, что Пейдж и Брин слишком медлят, и их ведущие венчурные капиталисты, Джон Доерр из Kleiner Perkins и Майкл Мориц из Sequoia, были крайне недовольны[26]. По словам летописца Google Стивена Леви,

> Венчурные капиталисты рвали и метали. Для технологического сектора медовый месяц закончился, и не было уверенности, что Google не постигнет судьба очередного букета, выброшенного на помойку[27].

Специфика венчурного финансирования Кремниевой долины, особенно в годы, когда пузырь стартапов начал раздуваться до опасных размеров, также подпитывала в Google ощущение необходимости неотложных действий. Как выяснили в своем исследовании венчурных компаний в Долине социолог из Стэнфорда Марк Грановеттер и его коллега Мишель Феррари,

> Связь с венчурной фирмой с высоким статусом сигнализирует о высоком статусе стартапа и побуждает других агентов устанавливать связи с ним[28].

Все это кажется сегодня очевидным, но будет полезно хорошо запомнить тревожную атмосферу тех месяцев внезапного кризиса. Престижное венчурное инвестирование действовало как форма отбора — во многом напоминая систему приема в лучшие университеты, которая сортирует и легитимирует студентов, возвышая избранных на фоне всех остальных — особенно в «непредсказуемой» среде, характерной для инвестиций в высокие технологии. Утрата способности сигнализировать о своем высоком статусе ставила молодую компанию в длинный ряд неудачников в стремительно развивающейся саге Кремниевой долины.

Результаты других исследований указывают на роль нетерпеливых денег, которые наводнили долину, когда чрезмерная шумиха привлекла спекулянтов и усилила

волатильность венчурного финансирования[29]. Исследования инвестиционных моделей до образования пузыря выявили ментальность «игры по крупному», когда плохие результаты часто только стимулировали рост инвестиций, поскольку спонсоры цеплялись за веру в то, что какая-нибудь молодая компания внезапно обнаружит ту самую неуловимую бизнес-модель, которой суждено будет превратить все их ставки в реки золота[30]. Уровень «смертности» стартапов в Кремниевой долине превосходил этот показатель в других венчурных центрах, таких как Бостон и Вашингтон, когда нетерпеливые деньги приводили к немногим крупным выигрышам на фоне многочисленных потерь[31]. Нетерпеливые деньги также отразились на размерах стартапов Кремниевой долины, которые в этот период были значительно меньше, чем в других регионах, поскольку в них было занято в среднем по 68 сотрудников по сравнению со 112 в остальной части страны[32]. Это было следствием желания получить быструю отдачу, не тратя много времени на выращивание бизнеса или на усиление базы его талантов, не говоря уже о развитии институциональных возможностей, как посоветовал бы Йозеф Шумпетер. Эти тенденции усугублялись культурой Кремниевой долины в целом, в которой чистая стоимость активов превозносилась как единственное мерило успеха и для «родителей» Долины, и для их «деток»[33].

Несмотря на весь свой гений и принципы, Брин и Пейдж не могли не ощущать, что ситуация была близка к критической. К декабрю 2000 года Wall Street Journal сообщил о новой «мантре», исходящей из инвестиционного сообщества Кремниевой долины:

> Просто продемонстрировать способность заработать деньги — недостаточно, чтобы остаться важным игроком в ближайшие годы. Необходимо быть способным показывать устойчивую и экспоненциально растущую прибыль[34].

IV. Открытие поведенческого излишка

Объявление чрезвычайного положения в политике служит прикрытием для приостановления верховенства закона и введения новых полномочий исполнитель-

ной власти, оправданных кризисом[35]. В Google в конце 2000 года оно стало предлогом для аннулирования отношений взаимности, существовавших между Google и его пользователями, вынудив основателей компании отказаться от своего страстного и публичного неприятия рекламы. В качестве конкретного ответа на беспокойство инвесторов основатели поставили перед крошечной командой AdWords задачу найти способы зарабатывать больше денег[36]. Пейдж потребовал упростить для рекламодателей весь процесс. В этом новом подходе он настаивал на том, чтобы рекламодатели «даже не связывались с выбором ключевых слов — *пусть Google сам их выбирает*»[37].

С практической точки зрения это означало, что Google перенаправит свой собственный растущий кэш поведенческих данных, а также свои вычислительные возможности и опыт на выполнение одной-единственной задачи: сопоставления рекламных объявлений с поисковыми запросами. Чтобы легитимировать этот необычный ход, в дело пошла новая риторика. Если уж реклама неизбежна, то она должна быть «релевантной» для пользователей. Объявления больше не будут привязываться к ключевым словам в поисковом запросе, вместо этого каждое конкретное объявление будет «таргетировано» на конкретного человека. Добыть этот Священный Грааль рекламы — значит обеспечить актуальность для пользователей и прибыль для рекламодателей.

Новая риторика умалчивала о том, что для достижения этой новой цели Google надо будет вступить на нехоженую территорию, начав использовать конфиденциальную информацию, которую можно узнать только из его эксклюзивных и детальных побочных поведенческих данных миллионов, а позже и миллиардов пользователей. Для достижения новой цели цикл реинвестирования поведенческой стоимости был спешно и тайно подчинен более масштабному и более сложному начинанию. Сырье, которое прежде использовалось исключительно для улучшения качества результатов поиска, теперь будет также поставлено на службу таргетирования рекламы на конкретных пользователей. Часть данных будет по-прежнему применяться для улучшения обслуживания, но растущие запасы «сопутствующей»

информации будут перенацелены на повышение рентабельности рекламы как для Google, так и для ее рекламодателей. Эти поведенческие данные, доступные для использования *не только* для улучшения обслуживания, образовывали излишек, и именно благодаря этому *поведенческому излишку* молодая компания найдет свой путь к «устойчивой и экспоненциально растущей прибыли», которая будет необходима для выживания. Благодаря восприятию ситуации как чрезвычайной, новая мутация начала обретать форму и потихоньку отходить от неявного, ориентированного на интересы пользователей общественного договора, характерного для первоначальных отношений фирмы с пользователями.

Объявленное в Google чрезвычайное положение стало фоном для всего ставшего переломным 2002 года, в течение которого надзорный капитализм пустил первые корни. Осознание фирмой важности поведенческого излишка перешагнуло еще один рубеж в апреле того года, когда однажды утром команда, ответственная за журналы данных, собравшись в офисе, обнаружила, что в верхнюю часть поисковых запросов попала странная фраза: «девичья фамилия Кэрол Брейди». С чего бы такой внезапный интерес к телевизионному персонажу 1970-х? Специалист по данным и член команды, работающей с историей поисковых запросов, Амит Патель рассказывал об этом событии газете New York Times: «Вы не можете интерпретировать это, если не знаете, что еще происходит в мире»[38].

Команда принялась за работу, чтобы решить эту головоломку. Во-первых, она обнаружила, что волна запросов образовала пять отчетливых всплесков, каждый из которых начинался на сорок восьмой минуте часа. Затем они поняли, что запрос появлялся во время трансляции популярного телешоу «Кто хочет стать миллионером?» Всплески соответствовали разным часовым поясам, в которых последовательно транслировалось шоу, заканчивая Гавайями. В каждом часовом поясе ведущий шоу задавал вопрос о девичьей фамилии Кэрол Брейди, и тут же в каждом поясе на серверы Google обрушивалась волна соответствующих запросов.

Как сообщила газета New York Times: «Временная точность данных по Кэрол Брейди некоторым просто от-

крыла глаза». Даже Брин был ошеломлен очевидной прогнозной силой поисковика, выявляющего события и тенденции до того, как они «попали на радар» традиционных СМИ. Как он сказал New York Times: «Это все равно что впервые взглянуть в электронный микроскоп. Все равно что иметь мгновенный барометр»[39]. Газета утверждала, что руководство Google не хотело делиться своими мыслями о том, как эти огромные запасы данных по запросам могут быть коммерциализированы. «С этими данными появляются огромные возможности», — признался один из руководителей[40].

За месяц до истории с Кэрол Брейди, когда команда AdWords уже работала над новыми подходами, Брин и Пейдж наняли в качестве председателя совета директоров Эрика Шмидта, опытного управленца, инженера и доктора компьютерных наук. К августу они назначили его на должность генерального директора. Доерр и Мориц уже подталкивали учредителей нанять профессионального менеджера, который знал бы, как направить компанию на получение прибыли[41]. Шмидт немедленно внедрил программу «затягивания поясов», пересмотрев бюджет и усилив общее чувство финансовой тревоги, поскольку перспективы получения новых фондов оказались под угрозой. В результате уплотнения офисных пространств неожиданно оказалось, что ему предстоит делить свой кабинет не с кем иным, как с Амитом Пателем.

Позже Шмидт хвастался, что в результате их тесных контактов в течение нескольких месяцев он имел мгновенный доступ к более точным цифрам доходов, чем его собственные финансовые плановики[42]. Мы не знаем (и, возможно, никогда не узнаем), какие другие идеи Пателя о прогнозной силе запасов поведенческих данных Google мог подхватить Шмидт, но нет никаких сомнений в том, что более глубокое понимание прогнозной силы данных быстро сформировало специфический ответ Google на финансовую ситуацию, вызвав к жизни ключевую мутацию, которая в конечном итоге повернула AdWords, Google, интернет и саму природу информационного капитализма к поразительно прибыльному проекту надзора.

Самые ранние рекламные объявления Google считались более эффективными, чем большинство тогдашней

интернет-рекламы, поскольку они были привязаны к поисковым запросам, и кроме того Google мог отслеживать, когда пользователи действительно кликали по рекламной ссылке (количество таких кликов стало известно как «показатель кликабельности», click-through rate, CTR). Несмотря на это, рекламодателям выставляли счета по традиционной схеме, в зависимости от того, сколько человек видело рекламу. По мере расширения поиска Google создал систему самообслуживания под названием AdWords, в рамках которой в результаты поиска, использующего ключевое слово рекламодателя, включалось текстовое поле этого рекламодателя и ссылка на нужную ему страницу. Цена объявления зависела от позиции объявления на странице результатов поиска.

Конкурирующий поисковый стартап Overture разработал систему онлайн-аукционов для размещения объявлений на веб-странице, которая позволила ему масштабировать онлайн-рекламу, ориентированную на ключевые слова. Google создаст революционное усовершенствование этой модели, которому суждено изменить курс информационного капитализма. Как объяснял в 2006 году один из журналистов агентства Bloomberg,

> Google максимизирует доход, который он получает от этой драгоценной площади, предоставляя самые лучшие места на странице тому рекламодателю, который, скорее всего, в итоге заплатит Google больше всех, на основе цены за клик, *умноженной на оценку Google вероятности того, что кто-то действительно кликнет по объявлению*[43].

Этот ключевой множитель стал результатом передовых вычислительных возможностей Google, обученных на его наиболее значимом и секретном открытии — поведенческом излишке. С этого момента сочетание постоянно растущего машинного интеллекта и все более обширных запасов поведенческого излишка станет основой беспрецедентной логики накопления. Приоритеты Google в области реинвестирования сместятся с простого улучшения того, что получал пользователь, на создание и институционализацию наиболее далеко идущих и технологически продвинутых операций по поставкам сырья, которые когда-либо видел мир. Отныне доходы и рост будут зависеть от роста поведенческого излишка.

Многочисленные патенты Google, полученные им в те ранние годы, иллюстрируют этот взрыв новаторства, изобретательности и сложности, вызванный чрезвычайным положением и решимостью фирмы развивать эксплуатацию поведенческого излишка[44]. Я сосредоточусь здесь только на одном патенте, заявка на который была подана в 2003 году тремя ведущими компьютерными специалистами фирмы, озаглавленном «Генерирование информации о пользователях для использования в таргетированной рекламе»[45]. Патент очень символичен для новой мутации и рождающейся логики накопления, которая будет определять успех Google. Что еще интереснее, он также позволяет лучше увидеть «экономическую ориентацию», глубоко укутанную в технологические одежки, отражая образ мышления лучших специалистов Google, поставивших свои знания на службу новых целей фирмы[46]. В этом смысле патент представляет собой трактат по новой политической экономике кликов и ее моральной вселенной, созданный еще до того как компания научилась маскировать этот проект туманом эвфемизмов.

Патент позволяет увидеть разворот закулисных операций Google лицом к новой аудитории его настоящих клиентов. «Данное изобретение касается рекламы», — заявляют изобретатели. Несмотря на огромное количество демографических данных, доступных рекламодателям, ученые отмечают, что значительная часть рекламного бюджета «просто теряется <…> выявлять и устранять такие потери очень трудно»[47].

Реклама всегда была игрой в догадки: искусством, отношениями с людьми, набором трюизмов, сложившейся практикой, но никак не «наукой». Идея о возможности донесения конкретного послания до конкретного человека в тот самый момент, когда оно может с высокой вероятностью повлиять на его или ее поведение, всегда была Священным Граалем рекламы. Авторы изобретения отмечают, что системы онлайн-рекламы также не смогли достичь этой неуловимой цели. Преобладавшие подходы, используемые конкурентами Google, когда рекламные объявления привязывались к ключевым словам или контенту, не могли определить рекламу, которая будет релевантна «для *конкретного* поль-

зователя». Теперь изобретатели предложили научное решение, которое превзошло самые смелые мечты любого рекламщика:

> Необходимо повысить релевантность объявлений, показываемых по какому-либо запросу пользователя, такому как поисковый запрос или запрос документа <...> для пользователя, который отправил запрос <...> Настоящее изобретение может включать в себя новые способы, механизмы, форматы сообщений и/или структур данных для создания профиля пользователя и использования созданного таким способом профиля пользователя для показа рекламы[48].

Другими словами, Google больше не будет анализировать поведенческие данные исключительно для улучшения обслуживания пользователей, а вместо этого будет читать мысли пользователей в целях сопоставления рекламы их интересам, как эти интересы выводятся из побочных следов поведения в интернете. Благодаря уникальному доступу Google к поведенческим данным теперь стало возможным узнать, о чем думал, что чувствовал и делал *конкретный* человек в конкретное время и в конкретном месте. То, что это нас больше не ошарашивает и даже не кажется заслуживающим внимания, свидетельствует о глубоком психическом онемении, которое позволило нам привыкнуть к смелому и беспрецедентному изменению капиталистических методов.

Методы, описанные в патенте, означали, что каждый раз, когда пользователь запрашивает поисковую систему Google, система одновременно представляет ему конкретную конфигурацию конкретного объявления, причем всего за те доли секунды, которые необходимы для выполнения самого поискового запроса. Данные, используемые для выполнения этого мгновенного перевода из запроса в объявление, и прогнозирующий анализ, который окрестили «поиском соответствий», или «мэтчингом», выходили далеко за рамки значения поисковых терминов. Компилировались новые наборы данных, которые значительно повышали точность этих прогнозов. Эти наборы данных были названы «сведениями о профиле пользователя» (user profile information, UPI). Эти новые данные означали, что догадки больше не нужны и что гораздо меньшая часть рекламного бюд-

жета будет тратиться впустую. На смену догадкам придет математическая точность.

Откуда будет браться UPI? Ученые заявляют о прорыве. Сначала они объясняют, что часть данных может быть взята из существующих систем фирмы с ее постоянно накапливающимися кэшами поведенческих данных из поиска. Затем они подчеркивают, что еще больше данных о поведении можно выследить и собрать в любой точке онлайн мира. UPI, пишут они, «могут быть получены в результате *вероятностных умозаключений*», «*допущений*» и «*логических выводов*». Их новые методы и вычислительные инструменты могут создавать UPI на основе интеграции и анализа пользовательских моделей поиска, запросов документов и множества других следов поведения в интернете, даже когда пользователи не предоставляют эту личную информацию напрямую:

> Сведения о профиле пользователя могут включать в себя любую информацию об отдельном пользователе или группе пользователей. Такая информация может быть предоставлена пользователем, предоставлена третьей стороной, уполномоченной раскрывать пользовательскую информацию, *и/или выведена из действий пользователя*. Определенные сведения о пользователе можно вывести логически или предположить на основе других сведений об этом же пользователе и/или сведений из профилей других пользователей. UPI может быть связана с различными объектами[49].

Изобретатели объясняют, что UPI могут быть выведены непосредственно из действий пользователя или группы, из любого вида документа, который просматривает пользователь, или из рекламной страницы, на которую он перешел: «Например, реклама скрининга на рак простаты может быть ограничена профилями пользователей, имеющими атрибуты „мужчина“ и „возраст 45 лет и старше“»[50]. Они описывают различные способы получения UPI. Один способ строится на «машиннообучаемых классификаторах», которые могут предсказывать значения ряда атрибутов. Для выявления взаимосвязей между пользователями, документами, поисковыми запросами и веб-страницами создаются «диаграммы ассоциаций»; «могут генерироваться и ассоциации между различными пользователями»[51]. Авторы изобретения также отмечают, что их методы будут понятны только

избранной касте специалистов по компьютерным наукам, которые занимаются аналитическими проблемами этой новой онлайн-вселенной:

> Нижеследующее описание представлено с тем, чтобы дать возможность специалистам в данной области воплотить в жизнь данное изобретение и воспользоваться им <...> Специалистам в данной области будут очевидны различные модификации раскрытых нами способов реализации[52].

Крайне важно для нашей истории замечание авторов заявки о том, что наиболее серьезные трения будут связаны не с техническими, а с *социальными* аспектами этих технологий. Трения возникнут, если пользователи намеренно откажутся предоставлять информацию, просто потому, что не хотят этого делать. «К сожалению, информация профиля пользователя не всегда доступна», предупреждают ученые. Пользователи не всегда станут «добровольно» предоставлять информацию, и «профиль пользователя может быть неполным <...> и, следовательно, не достаточно всесторонним *из соображений конфиденциальности* и т. п.»[53]

Одна из явных целей патента состоит в том, чтобы заверить аудиторию, что осуществление пользователями прав на принятие решений в отношении их персональной информации не остановит ученых Google, несмотря на то что подобные права были неотъемлемой частью первоначального общественного договора между компанией и ее пользователями[54]. Даже когда пользователи предоставляют сведения о профиле пользователя, предупреждают изобретатели, «они могут быть *преднамеренно* или непреднамеренно неточными, они могут устаревать <...> UPI пользователя <...> могут быть определены (или обновлены или дополнены), *даже когда сведения не передаются в систему в явном виде* <...> Первоначальные UPI могут включать намеренно введенные пользователем сведения о профиле, *хотя это и не обязательно*»[55].

Таким образом, ученые ясно дают понять, что они готовы — и что их изобретения способны — преодолеть трения, связанные с правами пользователей на принятие решений. Запатентованные Google методы позволяют ему отслеживать, собирать, расширять, конструировать и присваивать поведенческие излишки, включая дан-

ные, которые пользователи сознательно отказываются передавать. Непокорность пользователей не станет препятствием для экспроприации данных. Никакие моральные, правовые или социальные ограничения не помешают обнаружению, присвоению и анализу поведения других в коммерческих целях.

Авторы изобретения приводят примеры видов атрибутов, которые Google мог бы заполнять при составлении своих наборов данных UPI без ведома и согласия пользователей и в обход их явных намерений. К ним относятся список посещенных веб-сайтов, психографические данные, активность в интернете и информация о предыдущих рекламных объявлениях, которые пользователь просмотрел, выбрал и/или совершил покупки после их просмотра[56]. Это длинный список, который сегодня, безусловно, стал еще длиннее.

В конце авторы патента упоминают еще одно препятствие для эффективного таргетирования. Даже когда сведения о пользователе существуют, говорят они, «рекламодатели могут оказаться не в состоянии использовать эту информацию для эффективного таргетирования рекламы»[57]. Представленное в этом патенте изобретение, вместе с другими, с ним связанными, — способ публично заявить об уникальных преимуществах Google в области поиска, захвата и преобразования излишков в прогнозы, пригодные для точного таргетирования. Ни одна другая фирма не может сравниться с ним по широте доступа к поведенческому излишку, уровню научного и технического персонала, вычислительным мощностям или инфраструктуре хранения данных. В 2003 году только Google мог извлекать поведенческий излишек сразу из многих точек приложения человеческой деятельности и интегрировать каждую новую порцию этих данных в комплексные «структуры данных». С его передовыми достижениями в области компьютерных исследований Google находился в уникальном положении, чтобы преобразовать эти данные в прогнозы о том, кто и по какому объявлению щелкнет мышкой, и на этой основе предложить итоговый «поиск соответствий», и все это в мельчайшие доли секунды.

Говоря простым языком, изобретение Google открыло новые возможности для выводов о мыслях, чувствах,

намерениях и интересах отдельных лиц и групп с помощью автоматизированной архитектуры, которая действует как прозрачное с обратной стороны зеркало, независимо от осведомленности и согласия человека, тем самым создавая тайный привилегированный доступ к поведенческим данным.

Одностороннее зеркало воплощает специфические социальные отношения надзора, основанные на асимметрии знания и власти. Новый способ накопления, изобретенный в Google, имел своим источником, прежде всего, волю и способность фирмы навязывать своим пользователям эти социальные отношения. Воля была мобилизована тем, что учредители компании рассматривали как чрезвычайное положение; способность появилась благодаря ее фактическому успеху в использовании привилегированного доступа к поведенческому излишку с целью предсказания поведения отдельного человека прямо сейчас, чуть позже или в более отдаленном будущем. Полученная таким образом возможность заглянуть в будущее стала бы конкурентным преимуществом всемирно-исторического масштаба на новом рынке, где оцениваются, покупаются и продаются беспроигрышные ставки на поведение конкретных лиц.

Google больше не будет пассивным получателем случайных данных, которые он может перерабатывать в интересах своих пользователей. Рассмотренный нами патент на таргетированную рекламу проливает свет на путь, который прошел Google от своих истоков, когда он отстаивал интересы пользователей, до установления надзора за пользователями как полноценной логики накопления. Само это изобретение раскрывает нам цепочку рассуждений, которая привела к тому, что цикл реинвестирования поведенческой стоимости был поставлен на службу нового коммерческого расчета. Поведенческие данные, стоимость которых ранее «уходила» на повышение качества поиска для пользователей, теперь стали основным — и при этом доступным исключительно Google — сырьем для создания динамичного рынка онлайн-рекламы. Теперь Google будет добывать больше поведенческих данных, чем нужно для обслуживания пользователей. Этот излишек, поведенческий излишек, был тем качественно новым и бесплатным ресурсом, ко-

торый был перенаправлен с улучшения обслуживания на подлинный и очень прибыльный рыночный обмен.

Эти возможности были и остаются непостижимыми ни для кого, кроме узкой элиты специалистов по данным, среди которых представители Google — раса сверхлюдей. Они действуют скрытно и безразличны к социальным нормам или чьим бы то ни было притязаниям на самостоятельное принятие решений. Эти шаги создали основополагающие механизмы надзорного капитализма.

Чрезвычайное положение, объявленное основателями Google, превратило юного доктора Джекила в могучего и безжалостного мистера Хайда, полного решимости настичь добычу где угодно и когда угодно, не считаясь со свободно выбранными целями других людей. Новый Google игнорировал притязания на самоопределение и не признавал априорных ограничений на то, что он может найти и взять. Он отвергал моральное и юридическое содержание индивидуальных прав на принятие решений и переопределил эту ситуацию как технологический оппортунизм и одностороннюю власть. Этот новый Google заверяет своих подлинных клиентов, что сделает все возможное, чтобы превратить естественную неопределенность человеческого желания в научный факт. Этот Google — сверхдержава, которая устанавливает свои собственные ценности и преследует свои собственные цели, стоящие над и вне общественных договоров, которыми связаны остальные.

V. Излишек масштабируется

Были и другие новшества, которые помогли выдвинуть поведенческий излишек на первый план в коммерческой деятельности Google, например его инновации в ценообразовании. Первая новая метрика ценообразования была основана на «показателе кликабельности» (CTR), или на том, сколько раз пользователи кликнут по ссылке на веб-страницу рекламодателя, вместо того чтобы брать за основу количество просмотров объявления. Кликабельность рассматривалась как верный признак релевантности для пользователя и, следовательно,

как мера успешности таргетирования — операциональный результат, который строится на поведенческом излишке и отражает его ценность.

Эта новая ценовая политика создала постоянно растущий стимул для увеличения поведенческого излишка, чтобы постоянно повышать эффективность прогнозов. Более точные прогнозы напрямую вели к увеличению количества переходов и, следовательно, к выручке. Google научился новым способам проведения автоматических аукционов для таргетирования объявлений, которые дали возможность в короткие сроки наладить применение нового изобретения в больших масштабах, позволяя одновременно обслуживать сотни тысяч рекламодателей и проводить миллиарды (а позже и триллионы) аукционов. Уникальные методы и возможности аукциона Google привлекли немало внимания, что отвлекло наблюдателей от мыслей о том, что же именно продавалось на аукционе, — а это были *производные поведенческого излишка*. Показатели кликабельности институционализировали «потребительский» спрос на эти коммерческие прогнозы и, таким образом, определяли центральное значение *эффекта масштаба в операциях поставок поведенческого излишка*. Чтобы новую логику ждал успех, захват излишка должен был осуществляться автоматически и повсеместно и измеряться успехом торговли поведенческими фьючерсами.

В дополнение к аукционным ставкам самих рекламодателей цену объявления и его конкретную позицию на странице помогал определять другой ключевой показатель, названный показателем качества (quality score). Показатель качества частично зависел от показателя кликабельности и частично от результатов анализа поведенческого излишка. «Показатель кликабельности должен был что-то *предсказывать*», — настаивал один высокопоставленный менеджер, а для этого требовалась «вся информация о поисковом запросе, которая у нас была на тот момент»[58]. Для создания эффективных прогнозов поведения пользователя, которые стали критериями для оценки актуальности рекламы, требовались колоссальные вычислительные мощности и передовые программы-алгоритмы. Объявления с высокими показателями должны продаваться по более низкой цене, чем объявления с низ-

кими. Клиенты Google — рекламодатели — жаловались на то, что показатель качества был для них черным ящиком, и Google не собирался отказываться от этой политики. Тем не менее, когда клиенты подчинялись правилам игры и производили высокоэффективную рекламу, их показатели кликабельности подскакивали.

AdWords быстро стал настолько успешным, что вдохновил на значительное расширение логики надзора. Рекламодатели требовали больше кликов[59]. Ответ заключался в том, чтобы расширить модель за пределы поисковых страниц Google и преобразовать весь интернет в огромную доску объявлений таргетированной рекламы Google. Это потребовало применения новоприобретенных навыков Google по «извлечению и анализу данных», как выразился Хэл Вэриан, к содержанию любой веб-страницы или к любому действию пользователя с использованием быстро растущих возможностей Google в области семантического анализа и искусственного интеллекта, чтобы эффективно «выжимать» из них смысл. Только тогда Google сможет точно оценить содержание страницы и то, как пользователи взаимодействуют с этим контентом. Эта «контентно ориентированная реклама», основанная на запатентованных Google методах, в итоге получила название AdSense. К 2004 году AdSense, по оценкам, вышел на миллион долларов в день, а к 2010 году приносил выручку, составляющую более 10 миллиардов долларов в год.

Налицо была беспрецедентная и прибыльная комбинация: поведенческий излишек, наука о данных, материальная инфраструктура, вычислительная мощность, алгоритмические системы и автоматизированные платформы. Эта конвергенция породила беспрецедентную «актуальность» и миллиарды аукционов. Показатели кликабельности взлетели до небес. Работа над AdWords и AdSense стала считаться не менее важной, чем работа с собственно поиском.

Когда показатель кликабельности закрепился в качестве идеальной меры актуальности рекламы, то поведенческий излишек был тем самым утвержден в качестве краеугольного камня нового вида торговли, который зависел от масштабного онлайн-надзора. Инсайдеры называли новую науку Google о поведенческом прогнозировании

«физикой кликов»[60]. Для овладения этой новой сферой требовалась особая порода физиков по кликам, которые обеспечили бы первенство Google в зарождающейся элите поведенческого прогнозирования. Значительный приток доходов привлек в фирму величайшие умы нашего времени, работающие в таких областях, как искусственный интеллект, статистика, машинное обучение, наука о данных и прогнозная аналитика, и объединил их усилия по предсказанию человеческого поведения, отражаемому показателями кликабельности: это был бизнес гадалки компьютерной эпохи. В качестве патриарха этого авангарда прорицателей и этой еще молодой науки фирма привлекла авторитетную фигуру в области информационной экономики и консультанта Google с 2001 года — избранным пастырем этой секты стал Хэл Вэриан.

Пейдж и Брин пошли на принятие рекламной модели неохотно, но, по мере того как накапливалось все больше свидетельств, что реклама может спасти компанию от кризиса, их отношение изменилось[61]. Спасение компании означало и спасение их самих от участи очередных умных парней, которые не смогли придумать, как сделать реальные деньги, мелких игроков в глубоко материальной и конкурентной культуре Кремниевой долины. Пейджа преследовал пример блестящего, но бедного ученого Николы Теслы, который умер, так ничего и не заработав на своих изобретениях. «Надо уметь что-то большее, чем просто изобретать то и сё», — размышлял Пейдж[62]. У Брина были свои вариации на эту тему: «По правде сказать, еще во времена бума доткомов я чувствовал себя дураком. У меня был интернет-стартап — но они были у всех. И как у всех, он не приносил прибыли»[63]. Чрезвычайно серьезная угроза их финансовому и социальному статусу, похоже, пробудила в Пейдже и Брине инстинкт самосохранения, который потребовал чрезвычайных ответных мер[64]. Ответом основателей Google на страх, парализовавший их сообщество, по сути, стало объявление «чрезвычайного положения», сопровождавшееся приостановкой действия тех ценностей и принципов, которые стояли у истоков Google и которыми руководствовалась корпорация в первые годы своего существования.

Позже Мориц из компании Sequoia вспоминал кризисные условия, которые спровоцировали «гениальное»

переизобретение фирмой самой себя, когда кризис создал развилку на пути и повел компанию в совершенно новом направлении. Он подчеркивал специфичность изобретений Google, их связь с чрезвычайными обстоятельствами и поворот на 180 градусов от обслуживания пользователей к надзору за ними. Самое главное, он назвал ключевой, по его мнению, источник открытия поведенческого излишка как актива, меняющего правила игры, который превратил Google в гигантскую гадалку, указав на революционное преобразование Google модели Overture, когда молодая компания впервые применила свою аналитику поведенческого излишка, чтобы предсказать вероятность клика:

> Первые 12 месяцев Google были не из легких, потому что компания начинала не в том бизнесе, к которому она в конечном счете примкнула. Сначала она шла в другом направлении, а именно продавала свою технологию — продавала лицензии на свой поисковик более крупным интернет-ресурсам и корпорациям... Первые шесть-семь месяцев деньги улетали в трубу с устрашающей скоростью. И затем, совершенно гениально, Ларри <...> и Сергей <...> и другие стали присматриваться к модели, которую, они видели, развивает та другая компания, Overture, а именно ранжирование рекламы. Они увидели, как это можно улучшить и усовершенствовать, освоили это, и это изменило их бизнес[65].

Из размышлений Морица следует, что без обнаружения поведенческого излишка и обращения к надзорным операциям, при «устрашающем» уровне расходов, Google долго бы не продержался, и само выживание фирмы было под вопросом. Мы никогда не узнаем, чем мог бы стать Google, если бы не было объявлено чрезвычайное положение, вызванное кризисом нетерпеливых денег, наложивших свой отпечаток на эти критические годы развития. Какие другие пути к устойчивому доходу можно было исследовать или придумать? Какие альтернативные варианты будущего могли быть вызваны к жизни, чтобы сохранять верность принципам основателей и правам их пользователей на самоопределение? Вместо этого Google выпустил на волю новую инкарнацию капитализма, открыв ящик Пандоры, содержимое которого мы только начинаем понимать.

VI. Человеческое изобретение

Ключевой для нашего разговора факт состоит в следующем: надзорный капитализм был изобретен конкретной группой людей в конкретный момент времени и в конкретном месте. Это не неизбежное следствие цифровых технологий или необходимое выражение информационного капитализма. В какой-то момент он был сознательно создан, во многом так же, как массовое производство было изобретено инженерами и другими работниками Ford Motor Company в Детройте в 1913 году.

Генри Форд намеревался доказать, что сможет максимизировать прибыль, увеличив объемы, радикально снизив затраты и расширив спрос. Это было недоказанное коммерческое уравнение, для которого не существовало ни экономической теории, ни практики. Фрагменты этой формулы всплывали и раньше — на мясокомбинатах, на мукомольных предприятиях, на швейных и велосипедных фабриках, на оружейных, консервных и пивоваренных заводах. Существовал определенный и растущий объем практических знаний о взаимозаменяемости деталей и абсолютной стандартизации, точных станках и непрерывном производстве. Но никто не создал той великой симфонии, которую услышал в своем воображении Форд.

Как об этом рассказывает историк Дэвид Хауншелл, было время, 1 апреля 1913 года, и место, Детройт, когда первая движущаяся сборочная линия казалась «просто еще одним шагом многолетнего развития компании Ford, и в то же время чем-то неожиданно свалившимся с небес. Еще до конца того дня некоторые инженеры почувствовали, что они совершили фундаментальный прорыв»[66]. В течение года прирост производительности по заводу варьировался от 50% до десяти раз, в сравнении со старыми методами стационарной сборки[67]. Модель Т, которая в 1908 году стоила 825 долларов, в 1924 году продавалась по рекордно низкой для четырехцилиндрового автомобиля цене, всего за 260 долларов[68].

Как и в случае с Ford, некоторые элементы экономической логики онлайн-надзора работали годами, оставаясь известными лишь узкой группе первых компью-

терных экспертов. Например, программный механизм, известный как «cookie» — фрагменты кода, позволяющие передавать информацию между сервером и клиентским компьютером, — был разработан в 1994 году в Netscape, первой коммерческой компании, занимавшейся веб-браузером[69]. Аналогично «веб-маячки» — крошечные (часто невидимые) графические элементы, встроенные в веб-страницы и электронную почту и предназначенные для отслеживания активности пользователей и сбора личной информации — были хорошо известны специалистам в конце 1990-х годов[70].

Эти специалисты были глубоко обеспокоены последствиями подобных способов мониторинга для конфиденциальности, и, по крайней мере в случае с файлами cookie, предпринимались организационные усилия по разработке интернет-политик, которые запрещали бы основанные на cookie агрессивные действия по отслеживанию и профилированию пользователей[71]. К 1996 году функция cookie стала одной из спорных проблем, обсуждаемых на государственном уровне. На семинарах Федеральной торговой комиссии в 1996 и 1997 годах обсуждались проекты, в рамках которых с помощью простого автоматизированного протокола контроль над всей личной информацией по умолчанию передавался пользователю. Рекламодатели горячо оспаривали эту схему; вместо этого, чтобы предотвратить государственное регулирование, они скооперировались, образовав «саморегулируемую» ассоциацию, известную как «Инициатива по сетевой рекламе». Тем не менее в июне 2000 года администрация Клинтона запретила использование файлов cookie на всех федеральных веб-сайтах, и к апрелю 2001 года три законопроекта, находившихся на рассмотрении конгресса, включали в себя положения, регулирующие использование файлов cookie[72].

Google вдохнул новую жизнь в эти практики. Как это произошло и в Ford столетием ранее, дирижерами, руководившими первым исполнением коммерческой симфонии надзора, стали инженеры и ученые компании, которые интегрировали широкий спектр механизмов, от файлов cookie до проприетарных аналитических и алгоритмических программных возможностей, в единые рамки новой радикальной логики, сделавшей

надзор и одностороннюю экспроприацию поведенческих данных основой для новой формы рынка. Воздействие этого изобретения было не менее драматичным, чем в случае с Ford. В 2001 году, когда Google тестировал новые системы для использования открытого им поведенческого излишка, выручка компании выросла до 86 миллионов долларов (более чем 400-процентный рост по сравнению с 2000 годом) и компания получила первую прибыль. К 2002 году деньги потекли рекой — убедительное доказательство того, что поведенческий излишек в сочетании с проприетарной аналитикой Google безошибочно достигает своей цели. Выручка взлетела до 347 миллионов долларов в 2002 году, затем до 1,5 миллиардов долларов в 2003 году и до 3,5 миллиардов долларов в 2004 году, когда компания стала публичной[73]. Открытие поведенческого излишка породило ошеломительный рост выручки на 3590% менее чем за четыре года.

VII. Секреты извлечения

Важно отметить существенные различия для капитализма между этими двумя моментами оригинальности в Ford и Google. Изобретения Ford произвели революцию в *производстве*. Изобретения Google произвели революцию в *добыче* и создали первый экономический императив надзорного капитализма: *императив извлечения*. Императив извлечения означал, что объемы поставок сырья должны постоянно расти. Промышленный капитализм требовал эффекта масштаба в производстве для достижения больших объемов выпуска в сочетании с низкой себестоимостью. Надзорный же капитализм требует эффекта масштаба при извлечении поведенческого излишка.

Массовое производство было направлено на новые источники спроса в лице первых массовых потребителей начала XX века. Форд ясно сказал об этом: «Массовое производство начинается с обнаружения общественной потребности»[74]. Спрос и предложение были взаимосвязанными последствиями новых «условий существования», которые определили жизнь моих прабабушки

и прадедушки Софи и Макса и других странников первого модерна. Изобретение Форда углубило взаимосвязи между капитализмом и этими группами.

Напротив, изобретения Google разрушили взаимность, свойственную его первоначальному общественному договору с пользователями. Роль цикла реинвестирования поведенческой стоимости, который когда-то связывал Google с его пользователями, резко изменилась. Вместо того чтобы углублять единство с этой группой, основанное на спросе и предложении, Google решил полностью перестроить свой бизнес вокруг быстро растущего спроса со стороны рекламодателей, правдами и неправдами по крупицам собирая данные о поведении в интернете, в конкурентной борьбе за рыночные преимущества. В этом новом предприятии *пользователи перестали быть самоцелью, став вместо этого средством достижения целей других*.

Реинвестирование в пользовательские услуги стало методом привлечения поведенческого излишка, а пользователи стали ничего не подозревающими поставщиками сырья для более широкого цикла получения дохода. Масштаб экспроприации излишка, доступный Google, вскоре устранил всех серьезных конкурентов по его основному поисковому бизнесу, поскольку непредвиденные доходы от использования поведенческого излишка использовались для привлечения все большего и большего числа пользователей в его сети, сделав Поиск Google фактическим монополистом. Учитывая его изобретения, открытия и стратегии, Google стал праматерью и идеальным типом новой экономической логики, основанной на продаже предсказаний — древнем и вечно прибыльном ремесле, которое с самого начала человеческой истории питалось противостоянием человека с неопределенностью.

Одно дело — пропагандировать достижения в производстве, как это делал Генри Форд, и совсем другое — хвастать непрерывной интенсификацией скрытых процессов, направленных на извлечение поведенческих данных и персональной информации. Последнее, чего хотел Google, — это раскрыть секреты того, как он переписал свои собственные правила и в процессе этого переписывания продал себя в рабство императиву извлечения.

Поведенческий излишек был необходим для получения дохода, а секретность будет нужна для устойчивого накопления поведенческого излишка.

Так в политиках и практиках, регулирующих все аспекты внешнего и внутреннего поведения Google, стала устанавливаться секретность. Как только руководство Google осознало коммерческую значимость поведенческого излишка, Шмидт ввел в действие то, что он называл «стратегией сокрытия»[75]. Сотрудникам Google было велено не говорить о том, что в патенте называлось его «новаторскими методами, аппаратом, форматами сообщений и/или структурами данных» и не подтверждать слухи о потоках денег. Сокрытие не было стратегией post hoc; оно было органически встроено в проект, который стал надзорным капитализмом.

Один из бывших управленцев Google, Дуглас Эдвардс, убедительно пишет об этом неловком положении и культуре секретности, которую оно сформировало. По его словам, Пейдж и Брин были «ястребами», настаивавшими на агрессивном сборе и удержании данных: «Ларри выступал против любого образа действий, который раскрывал бы наши технические секреты или баламутил воду в вопросах конфиденциальности и ставил под угрозу нашу способность собирать данные». Пейдж хотел постараться не пробуждать любопытство пользователей, сводя к минимуму их шансы натолкнуться на любые намеки о размахе проводившихся Google операций с данными. Он сомневался в благоразумности электронного табло в вестибюле приемной, которое отображало текущий поток поисковых запросов, и «пытался убить» ежегодную конференцию Google Zeitgeist, которая подытоживает тенденции года в том, что касается этих запросов[76].

Журналист Джон Баттель, который вел летопись Google в 2002–2004 годах, говорил об «отстраненности» компании, «ограниченном обмене информацией» и «отчуждающей и ненужной секретности и изоляции»[77]. Другой ранний биограф компании отмечает: «Что облегчало сохранение тайны, так это то, что почти никто из экспертов, отслеживающих бизнес в интернете, не верил, что у Google вообще может быть какая-то тайна»[78]. Как сказал Шмидт журналисту газеты New York

Times: «Надо побеждать, но лучше побеждать без лишнего шума»[79]. Та же научная и материальная сложность, которая требовалась для захвата и анализа поведенческого излишка, делала возможной и стратегию сокрытия — плащ-невидимку над всей операцией. «Управление поиском в наших масштабах — очень серьезный входной барьер», — предостерегал Шмидт потенциальных конкурентов[80].

Конечно, всегда есть легитимные коммерческие причины скрывать местонахождение вашего золотого прииска. В случае Google стратегия сокрытия требовалась для удержания конкурентного преимущества, но были и другие причины, чтобы напускать туман и путать следы. Какой была бы в те дни реакция общественности, если бы она узнала, что магия Google проистекает из его исключительной способности осуществлять надзор за поведением в интернете в одностороннем порядке, а его методы специально разработаны для того, чтобы упразднить индивидуальные права на принятие решений? Политика Google должна была обеспечивать секретность, чтобы защитить операции, которые и были задуманы как незаметные, потому что они отнимали что-то у пользователей и задействовали эти односторонне присвоенные ресурсы для обслуживания интересов других.

То, что Google оказался в силах поддерживать секретность, уже само по себе свидетельствует об успехе его планов. Эта возможность — важнейшая иллюстрация различий между «правом на принятие решений» и «конфиденциальностью». Право на принятие решений дает право выбрать, держать ли что-то в секрете или поделиться этим с другими. Можно выбрать степень конфиденциальности или прозрачности для каждой ситуации. Судья Верховного суда США Уильям О. Дуглас сформулировал эту точку зрения на конфиденциальность в 1967 году: «Конфиденциальность предполагает, что у человека есть возможность раскрыть, показать другим то, во что он верит, о чем думает, чем обладает...»[81].

Надзорный капитализм сам претендует на это право принятия решений. Обычно возмущаются нарушением конфиденциальности, но проблема в другом. В более широком социальном контексте конфиденциальность

не подрывается, а перераспределяется, так как право на принятие решений в отношении конфиденциальности передается надзорному капиталу. Теперь право решать, как и что они будут раскрывать, принадлежит не самим людям, а надзорному капитализму. Этот необходимый элемент новой логики накопления обнаружил Google: он должен утвердить свое право на получение информации, от которой зависит его успех.

Способность корпорации скрывать этот захват прав зависит не только от технических методов или корпоративной политики секретности, но и от языка. Джордж Оруэлл когда-то заметил, что в политике, войне и бизнесе эвфемизмы используются как инструменты, благодаря которым «ложь выглядит правдой, убийство — достойным делом»[82]. Google тщательно камуфлирует всю значимость операций, связанных с поведенческим излишком, с помощью технического жаргона. Два популярных термина — «цифровой выхлоп» и «цифровые крошки» — создают ощущение бесполезных отходов: остатков, которые может забрать себе каждый[83]. Зачем засорять выхлопными газами атмосферу, когда их можно переработать в полезные данные? Кому придет в голову назвать такую переработку актом эксплуатации, экспроприации или грабежа? Кто посмеет переопределить «цифровой выхлоп» как добычу сырья или контрабанду или вообразить, что Google научился целенаправленно выманивать этот так называемый выхлоп с помощью своих методов, аппарата и структур данных?

«Таргетирование» — еще один эвфемизм. Это слово ассоциируется с точностью, эффективностью и компетентностью. Кто бы мог подумать, что таргетирование скрывает новое политическое уравнение, в котором концентрация вычислительной мощности Google отбрасывает в сторону право пользователя на принятие решений с такой же легкостью, с какой Кинг-Конг может отбросить муравья, и это происходит за кулисами, где никто ничего не увидит?

Эти эвфемизмы действуют точно так же, как те, что встречаются на самых ранних картах североамериканского континента, где целые регионы были помечены словами «язычники», «неверные», «идолопоклонники», «дикари», «вассалы» и «мятежники». В силу этих

эвфемизмов коренные народы — их территории и права — исключались из моральных и правовых уравнений захватчиков, узаконивая акты присвоения и разрушения, которые проложили путь для церкви и монархии.

Целенаправленная работа по сокрытию голых фактов с помощью риторики, умолчаний, усложнения, исключительности, масштаба, несправедливых соглашений, дизайна и эвфемизмов — еще один фактор, который помогает объяснить, почему во время прорыва Google к прибыльности мало кто заметил основополагающие механизмы его успеха и их значение в более широком контексте. В этой картине коммерческий надзор — не просто неудачное совпадение или случайное упущение. Он не был ни необходимой стадией развития информационного капитализма, ни неизбежным продуктом цифровых технологий или интернета. Это специально сконструированный человеческий выбор, беспрецедентная рыночная форма, оригинальный выход из чрезвычайной ситуации и глубинный механизм, с помощью которого по дешевке создается и преобразуется в доход новый класс активов. Надзор — это путь к прибыли, который отодвигает в сторону «мы, народ», забирая наши права на принятие решений без нашего разрешения и даже когда мы говорим «нет». Открытие поведенческого излишка знаменует собой критический поворотный момент не только в биографии Google, но и в истории капитализма.

В годы, прошедшие после первичного размещения его акций в 2004 году, впечатляющий финансовый прорыв Google сначала поразил, а потом загипнотизировал онлайн-мир. Многие годы инвесторы Кремниевой долины повышали свои рискованные ставки в поисках той неуловимой бизнес-модели, которая бы все оправдала. Когда финансовые результаты Google стали достоянием общественности, охота на мифические сокровища была официально закончена[84].

Новая логика накопления перекинулась первым делом на Facebook, который был запущен в том же году, когда Google вышел на биржу. Генеральный директор Марк Цукерберг отверг стратегию взимания с пользователей платы за обслуживание, как это делали телефонные компании в предыдущем столетии. «Наша

миссия — соединить всех людей в мире. Это не делается с помощью платного сервиса», — настаивал он[85]. В мае 2007 года он представил платформу Facebook, открыв социальную сеть для всех, а не только для людей с университетскими электронными адресами. Шесть месяцев спустя, в ноябре, он запустил свой большой рекламный продукт Beacon, который должен был автоматически делиться транзакциями с партнерских сайтов со всеми «друзьями» пользователя. Эти сообщения появлялись, даже если пользователь в данный момент не в Facebook, без его ведома или возможности дать согласие. Вопль возмущения — как со стороны пользователей, так и со стороны некоторых партнеров Facebook, таких как Coca-Cola, — заставил Цукерберга быстро отступить. К декабрю Beacon стал программой, требующей явного согласия для участия. Двадцатитрехлетний генеральный директор понимал потенциал надзорного капитализма, но еще не достиг мастерства Google в сокрытии своих действий и намерений.

Однако актуальный в штаб-квартире Facebook вопрос — «Как теперь превратить всех этих пользователей Facebook в деньги?» — по-прежнему требовал ответа[86]. В марте 2008 года, всего через три месяца после того, как ему пришлось отозвать свою первую попытку подражания логике накопления Google, Цукерберг нанял одного из руководителей Google, Шерил Сэндберг, в качестве главного исполнительного директора Facebook. Сэндберг, руководившая когда-то аппаратом министра финансов США Ларри Саммерса, пришла в Google в 2001 году, поднявшись в итоге до поста вице-президента по глобальным онлайн-продажам и операциям. В Google она способствовала развитию надзорного капитализма посредством расширения AdWords и других аспектов онлайн-продаж[87]. Один инвестор, наблюдавший за ростом компании в этот период, пришел к выводу, что «AdWords создала Шерил»[88].

Подписав контракт с Facebook, талантливая Сэндберг стала переносчиком надзорного капитализма и возглавила превращение Facebook из социальной сети в рекламного монстра. Сэндберг понимала, что слепок общества, которым был Facebook, — такой бездонный источник поведенческого излишка, о котором нельзя было

и мечтать: все равно как если бы старатель XIX века наткнулся на долину, скрывавшую крупнейшее месторождение алмазов и мощнейший пласт золотоносной породы. «Наша информация лучше, чем у кого-либо еще. Мы знаем пол, возраст, местоположение, и это реальные данные, а не то, что другим приходится вычислять», — сказала Сэндберг. Facebook предстояло научиться отслеживать, отцеживать, хранить и анализировать UPI для создания собственных алгоритмов таргетирования, и, как и Google, он не будет ограничивать добычу сырья тем, что люди добровольно сообщили компании. Сэндберг понимала, что, искусно манипулируя царившей в Facebook атмосферой доверительности и взаимопомощи, можно будет применять поведенческий излишек не только для удовлетворения, но и для *создания* спроса. Для начала, можно было вплести рекламодателей в ткань онлайн-культуры Facebook, где они могли «приглашать» пользователей к «разговору»[89].

VIII. Резюмируя логику и практику надзорного капитализма

С Google во главе надзорный капитализм быстро стал стандартной моделью информационного капитализма в сети и, как мы увидим в следующих главах, постепенно привлек конкурентов из других секторов. Эта новая рыночная форма заявляет, что удовлетворять подлинные потребности людей менее прибыльно и, следовательно, менее важно, чем продавать прогнозы их поведения. Google обнаружил, что *мы представляем меньшую ценность, чем ставки на наше будущее поведение, сделанные другими*. Это изменило все.

Поведенческий излишек обеспечил успех Google. В 2016 году 89% доходов его материнской компании, Alphabet, были получены от программ таргетинговой рекламы Google[90]. Масштаб сырьевых потоков отражается в том факте, что Google доминирует в интернете, обрабатывая в среднем более 40 000 поисковых запросов в секунду — более 3,5 миллиарда поисковых запросов в день и 1,2 триллиона поисковых запросов в год по всему миру на 2017 год[91].

Благодаря своим беспрецедентным находкам в 2014 году Google, стоивший 400 миллиардов долларов, опередил ExxonMobil по рыночной капитализации и всего через шестнадцать лет после своего основания стал второй по величине компанией в мире после Apple[92]. В 2016 году Alphabet/Google время от времени оттеснял Apple с первой позиции; по состоянию на 20 сентября 2017 года он занимал в мире второе место[93].

Полезно на время отстраниться от деталей и взглянуть на общую картину — то, как кусочки головоломки складываются вместе:

1. Логика: Google и другие надзорные платформы иногда относят к «двусторонним» или «многосторонним» рынкам, но механика надзорного капитализма работает иначе[94]. Google нашел способ превратить свои нерыночные взаимодействия с пользователями в дополнительное сырье для производства продуктов, предназначенных для подлинно рыночных сделок со своими настоящими клиентами — рекламодателями[95]. Перевод поведенческого излишка, который находился вне рынка, внутрь рыночной сферы, позволил Google наконец превратить инвестиции в доходы. Тем самым корпорация создала, из воздуха и с нулевыми предельными издержками, целый класс активов, образованный жизненно важным сырьем, полученным в результате нерыночного поведения пользователей в интернете. Сначала это сырье просто «находили», как побочный продукт поисковых действий пользователей. Позже на эти активы начали агрессивно охотиться и активно извлекать, в основном путем слежки за пользователями. Одновременно корпорация создала новый тип рынка, на котором продавались и покупались ее собственные «прогнозные продукты», изготовленные из этого сырья.

Вкратце происходящее можно описать так: поведенческие излишки, на которых покоится состояние Google, можно рассматривать как *надзорные активы*. Эти активы становятся важным сырьем в погоне за *надзорными доходами* и их превращением в *надзорный капитал*. Эту логику накопления капитала в целом лучше всего понимать как *надзорный капитализм*, который оказывается краеугольным камнем основанного на надзоре экономического порядка: *надзорной экономики*. Основная модель

здесь — подчинение и иерархия, когда прошлая взаимность между фирмой и ее пользователями оказывается подчиненной производному проекту захвата нашего поведенческого излишка для целей других. Мы больше не являемся *субъектами* реализации стоимости. Не являемся мы, как настаивают некоторые, и «продуктами» продаж Google. На самом деле, мы — *объекты*, из которых извлекается и экспроприируется сырье для фабрик прогнозирования Google. Прогнозы относительно нашего поведения — вот продукты Google, и они продаются его подлинным покупателям, а не нам. *Мы — средства для достижения целей других людей*.

Индустриальный капитализм превратил в товар природное сырье, а надзорный капитализм, чтобы изобрести новый товар, распространил свои притязания на человеческую природу. Теперь уже человеческую природу выскабливают, рвут на части и прибирают к рукам в рамках рыночного проекта нового столетия. Думать, что вред сводится к тому очевидному факту, что пользователи не получают плату за предоставляемое ими сырье, — просто неприлично. Подобная критика — недоразумение, которое позволяет использовать механизмы ценообразования для институционализации и, следовательно, узаконивания извлечения человеческого поведения для производства и продажи. Она игнорирует ключевой момент, состоящий в том, что суть эксплуатации здесь — представление наших жизней в виде поведенческих данных ради усовершенствования контроля над нами со стороны посторонних. Интересные вопросы здесь связаны с тем, что наши жизни вообще представляются в виде поведенческих данных; что условие этого повсеместного превращения — неведение; что право на принятие решения улетучивается еще до того, как мы узнаем, что надо принимать какое-то решение; что некоторые последствия этого урезания прав не можем ни увидеть, ни предсказать; что нет выхода, нет возможности высказаться и нет лояльности, только беспомощность, смирение и психическое онемение; и что шифрование — единственная активная мера, которую нам остается обсуждать, сидя за обеденным столом и обмениваясь случайными мнениями о том, как бы спрятаться от сил, которые прячутся от нас.

2. Средства производства: производственный процесс Google эпохи интернета — критически важный компонент беспрецедентного. Его конкретные технологии и методы, которые я обобщенно называю машинным интеллектом, постоянно развиваются, и легко испугаться их сложности. Один и тот же термин может означать сегодня одно, а через год или через пять лет — нечто совсем другое. Например, по крайней мере с 2003 года велись разговоры о том, что Google разрабатывает и использует «искусственный интеллект», но сам этот термин не стоял на месте, по мере того как возможности эволюционировали от примитивных программ, способных играть в крестики-нолики, к системам, управляющим целыми парками беспилотных автомобилей.

Производственные мощности Google в области искусственного интеллекта питаются поведенческим излишком, и чем больше излишка они потребляют, тем точнее выдаваемые ими прогнозные продукты прогнозирования. Редактор и основатель журнала Wired Кевин Келли однажды предположил, что, хотя кажется, что Google стремится развивать свои возможности в сфере искусственного интеллекта для улучшения поиска, более вероятно, что Google разрабатывает поиск как средство непрерывного обучения своих развивающихся мощностей искусственного интеллекта[96]. В этом суть проекта искусственного интеллекта. Как чудовищный ленточный червь, машинный интеллект зависит от того, сколько данных он поглощает. В этом важном отношении новые средства производства принципиально отличаются от таковых в промышленной модели, когда существует определенное противоречие между количеством и качеством. Машинный интеллект — синтез, снимающий это противоречие, поскольку он достигает своего полного потенциала в плане качества только тогда, когда приближается к всеохватности.

По мере того как все больше компаний хотят заработать на надзоре в стиле Google, значительная часть мировых талантов в области науки о данных и смежных областей посвящают себя изготовлению прогнозных продуктов, которые повышают показатели кликабельности для таргетированной рекламы. Так, китайские исследователи, работающие в исследовательском отделе принад-

лежащего Microsoft поисковика Bing в Пекине, в 2017 году опубликовали сенсационные результаты. «Точная оценка показателей кликабельности (CTR) рекламы оказывает решающее влияние на доходы поисковых компаний; даже повышение точности наших продуктов на 0,1% принесло бы сотни миллионов долларов дополнительного дохода», — утверждают они. Затем они демонстрируют новый способ применения сложных нейронных сетей, который обещает улучшение на 0,9% по одному показателю идентификации и «значительный прирост количества кликов в онлайн-трафике»[97]. Аналогичным образом команда исследователей Google разработала новую модель глубоких нейронных сетей, с единственной целью учесть «взаимовлияния прогнозирующих факторов» и обеспечить «передовую производительность» для повышения показателей кликабельности[98]. Тысячи таких исследований — и рутинных, и революционных — в сумме создают дорогие, сложные, непрозрачные и эксклюзивные *«средства производства» XXI века*.

3. Продукты: Машинный интеллект перерабатывает поведенческий излишек в прогнозные продукты, предназначенные для предсказания наших чувств, мыслей и действий: прямо сейчас, чуть позже, или в более отдаленном будущем. Эта методология — среди самых тщательно охраняемых секретов Google. Характер его продуктов объясняет, почему Google раз за разом заявляет, что не продает личные данные. Что? Никогда! Руководство Google любит говорить о своей чистоте в отношении конфиденциальности, потому что компания действительно не продает свое сырье. Вместо этого компания продает прогнозы, которые только она и может изготовить из своих исторически рекордных частных запасов поведенческого излишка.

Прогнозные продукты снижают риски для клиентов, советуя им, на что и когда ставить. Качество и конкурентоспособность такого продукта напрямую зависит от того, насколько он близок к точному знанию: чем надежнее прогноз, тем ниже риски для его покупателей и тем выше объем продаж. Google сумел стать гадалкой цифрового века, которая полным ходом заменяет интуицию наукой, чтобы за деньги погадать на наши судьбы, но не нам, а своим клиентам. С самого начала

Открытие поведенческого излишка

Надзорный капитализм начинает с открытия поведенческого излишка. Он оцифровывает больше поведения, чем требуется для улучшения обслуживания. Этот излишек передается машинному интеллекту — новому средству производства — который выдает предсказания пользовательского поведения. Этот продукт продается клиентам-бизнесам на новых рынках поведенческих фьючерсов. Цикл реинвестирования поведенческой стоимости оказывается подчинен этой новой логике.

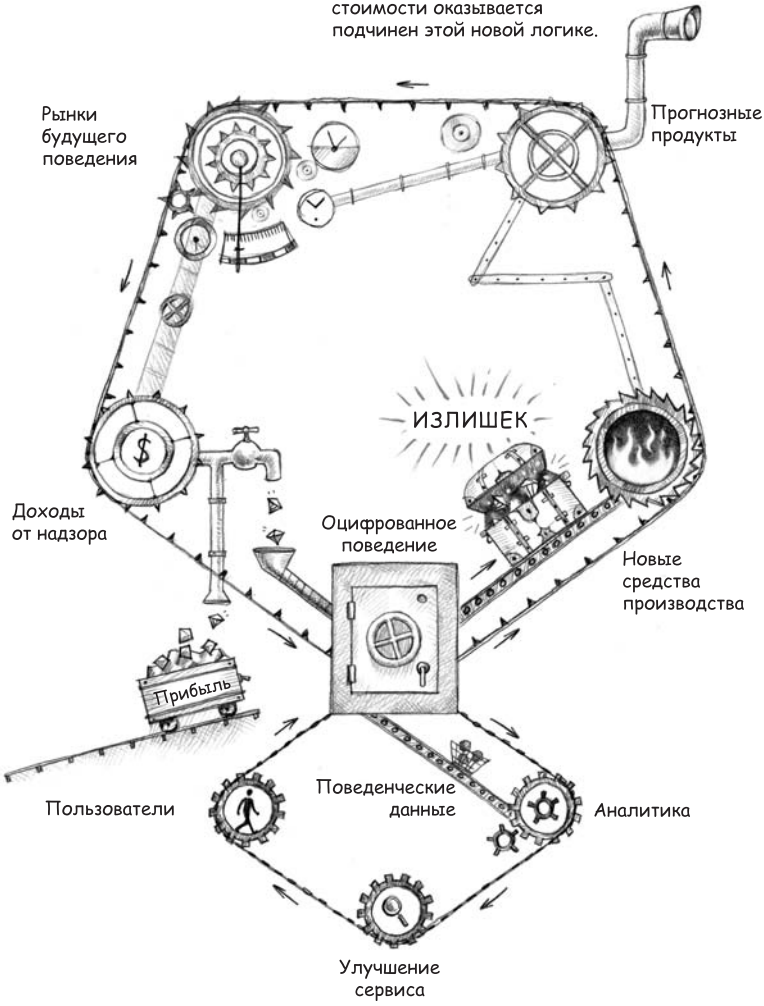

РИС. 2. Открытие поведенческого излишка

прогнозные продукты Google были в основном нацелены на продажи таргетированной рекламы, но, как мы увидим, реклама была началом надзорного проекта, а не его концом.

4. Рынок: Прогнозные продукты продаются на новых видах рынков, на которых торгуют исключительно будущим поведением. Прибыли надзорного капитализма имеют своим источником главным образом эти *рынки поведенческих фьючерсов*. Хотя на ранних этапах развития этой новой разновидности рынков основными игроками были рекламодатели, нет никаких оснований считать, что подобные рынки должны ограничиваться только этой группой. То, что новые системы прогнозирования связаны с рекламой, — это только стечение обстоятельств, как стечением обстоятельств было и то, что новая система массового производства Форда лишь случайно была связана с автомобилями. В обоих случаях эти системы могут быть применены во многих других сферах. Как мы увидим в следующих главах, уже различима тенденция, когда любой, кто заинтересован в том, чтобы приобрести вероятностную информацию о нашем поведении и/или повлиять на будущее поведение, может за определенную плату начать играть на рынках, где за деньги предсказываются судьбы людей, групп, тел и вещей (см. рис. 2).

ГЛАВА 4
Ров вокруг замка

И первая попытка удалась им.
Родясь, тем завершили курс наук —
И жили, не испытывая мук,
Полны и правотою, и согласьем.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, I*[1]

1. Люди как полезные ископаемые

Бывший генеральный директор Google Эрик Шмидт считает, что именно проведенный Хэлом Вэрианом анализ рекламных аукционов фирмы привел к моменту истины, прояснившему подлинную природу бизнеса Google: «Мы внезапно поняли, что занимаемся аукционным бизнесом»[2]. Ларри Пейджу приписывают совершенно другой и гораздо более глубокий ответ на вопрос «Что такое Google?». Дуглас Эдвардс вспоминает об одном совещании с участием учредителей в 2001 году, на котором у них пытались получить ответ как раз на этот вопрос. Пейдж тогда размышлял:

> Если бы нас можно было отнести к какой-то категории, то это была бы *персональная информация* <…> Места, которые вы видели. Коммуникации. <…> Датчики совсем дешевые. <…> Хранение дешево. Камеры дешевы. Люди будут генерировать огромные объемы данных <…> Все, что вы когда-либо слышали, видели или испытали, станет доступным для поиска. Вся ваша жизнь будет доступна для поиска[3].

Видение Пейджа точно отражает историю капитализма, для которого характерно прибирать к рукам вещи, обитающие за пределами рыночной сферы, и объявлять о начале их новой жизни в качестве рыночных товаров. В грандиозном повествовании историка Карла Поланьи о «великой трансформации» в направлении саморегулирующейся рыночной экономики, вышедшем в 1944 году, он описывает истоки этого переходного процесса в рамках трех поразительных ключевых менталь-

ных изобретений, которые он назвал «фиктивными товарами» или «товарными фикциями». Первая фикция состоит в том, что человеческую жизнь можно подчинить динамике рынка и обратить ее в «труд», который можно купить и продать. Вторая — что можно перевести в рыночные отношения природу, с ее последующим перерождением в «землю» или «недвижимость». Третья заключалась в том, что обмен может начать новую жизнь в качестве «денег»[4]. Почти за восемьдесят лет до этого Карл Маркс описал захват земель и природных ресурсов как начальный «большой взрыв», который запустил современный процесс формирования капитала, названный им «первоначальным накоплением»[5].

Философ Ханна Арендт развила мысль Поланьи и Маркса. Она заметила, что первоначальное накопление не было единовременным первичным взрывом, породившим капитализм. Напротив, это вновь и вновь возникающая фаза повторяющегося цикла, в рамках которого динамика рынка подчиняет себе все больше аспектов социального и природного мира. Марксов «первородный грех простого грабежа», писала она, «должен быть так или иначе повторен, иначе мотор накопления внезапно заглохнет»[6].

В наше время рыночной идеологии и практики этот цикл стал настолько повсеместным, что мы в конце концов перестали замечать его дерзость или оспаривать его претензии. Теперь, например, можно «купить» человеческую кровь и органы, кого-то, кто родит вашего ребенка, постоит вместо вас в очереди или посторожит место на общественной парковке, или человека, который утешит вас в горе, или право убить исчезающее животное. Это список растет с каждым днем[7].

Социальный теоретик Дэвид Харви развивает находки Арендт своим понятием «накопления через изъятие»:

> Накопление через изъятие выставляет на продажу определенные активы <...> по очень низкой (а иногда и нулевой) цене. Перенакопленный капитал может завладеть такими активами и сразу же пустить их в прибыльное дело.

Он добавляет, что силой, которая выводит этот процесс изъятия на новые, беззащитные территории, часто оказываются предприниматели, полные решимости «стать

частью системы» и пользоваться «благами накопления капитала»[8].

Пейдж осознал, что роль девственного леса для Google может сыграть человеческий опыт, что его можно извлекать без каких-либо дополнительных затрат в интернете и с минимальными затратами — в реальном мире, где «датчики очень дешевы». После извлечения он преобразуется в поведенческие данные, создавая излишки, которые составляют основу совершенно нового класса рыночных обменов. Надзорный капитализм берет свое начало в этом акте *цифрового изъятия*, вызванном к жизни нетерпением перенакопленных инвестиций и двумя предпринимателями, которые хотели стать частью системы. Это тот рычаг, который сдвинул мир Google и сместил его в сторону прибыли.

Сегодняшние владельцы надзорного капитала объявили о четвертом фиктивном товаре, экспроприированном из реальности живого опыта людей, чьи тела, мысли и чувства столь же невинны и девственны, как луга и леса, которыми была некогда обильна природа, прежде чем они пали жертвой рыночной динамики. В этой новой логике *человеческий опыт оказывается подчинен рыночным механизмам надзорного капитализма и обретает новую жизнь в виде «поведения»*. Это поведение преобразуется в данные, готовые занять свое место в необозримой очереди, которая питает машины, вырабатывающие предсказания для последующего обмена на новых рынках поведенческих фьючерсов.

Превращение поведения в товар при надзорном капитализме толкает наше общество к такому будущему, в котором рыночная власть защищена рвами секретности, шифрования и экспертного знания. Даже когда знания, полученные из нашего поведения, возвращаются нам в качестве компенсации за участие, как в случае так называемой персонализации, параллельные тайные операции преследуют цель превращения излишков в продажи, которые выходят далеко за рамки наших интересов. У нас нет формального контроля, потому что мы не существенны для этого рыночного процесса.

В этом будущем мы изгнаны из нашего собственного поведения, нам отказано в доступе и контроле над знаниями, полученными в результате их изъятия другими

и для других. Знания, авторитет и власть — на стороне надзорного капитала, для которого мы лишь «человеческое сырье». Мы — коренные народы сегодняшнего дня, чье молчаливое требование самоопределения стерлось с карты нашего собственного опыта.

Цифровое изъятие — это не случайный эпизод, а непрерывная координация действий, материалов и технологий, не волна, а прилив. Руководство Google с самого начала понимало, что для успеха потребуется непрерывная и глубокая линия укреплений, призванная защитить их «закоренелый грех» от конкуренции и ограничений. Они не хотели быть связанными рамками, которые обычно задает частно-рыночная сфера корпоративного управления или демократическая сфера права. Для того чтобы они могли отстоять свою свободу и воспользоваться ею, демократия должна быть под контролем.

«Как это сошло им с рук?» Это важный вопрос, к которому мы будем возвращаться в этой книге снова и снова. Одна группа ответов строится на понимании экзистенциальных условий, которые создают и поддерживают спрос на услуги надзорного капитализма. Эта тема была вкратце освещена в главе 2 при обсуждении «коллизии». Вторая группа ответов связана с четким пониманием базовых механизмов и «законов движения» надзорного капитализма. Мы уже начали исследование этого вопроса и продолжим его до конца части II.

Третья группа ответов требует понимания политических и культурных обстоятельств и стратегий, которые подкрепляли претензии надзорного капитализма и защищали их от смертельных угроз. Именно эту третью область мы рассмотрим в ближайших параграфах. Ни один фактор, взятый в отдельности, скорее всего, не справился бы с этой задачей, но совместное действие нескольких политических обстоятельств и активных стратегий помогло сформировать благоприятную среду обитания, в которой эта мутация могла укорениться и процветать. К ним относятся (1) неустанное стремление учредителей к «свободе» для себя и защита этой «свободы» посредством корпоративного контроля и настаивания на своем праве на «пространство вне закона»; (2) тепличные конкретные исторические обстоятельства, включая политику и юридическую ориентацию

неолиберальной парадигмы, а также острый интерес государства, после террористических атак в сентябре 2001 года, к новым возможностям анализа и прогнозирования поведенческого излишка; и (3) преднамеренное выстраивание в политическом и культурном мирах укреплений, предназначенных для защиты своих владений и отражения любых попыток внимательного изучения того, что в них происходит.

11. Стратегия «требуй свободы»

Одним из способов, которым основатели Google добились закрепления своей свободы, была необычная структура корпоративного управления, которая дала им абсолютный контроль над компанией. Пейдж и Брин были первыми, кто ввел двухклассную структуру акций в технологическом секторе в ходе размещения акций Google в 2004 году. Они вдвоем должны были контролировать голосующие акции суперкласса B, каждая из которых имела десять голосов, в отличие от акций класса A, каждая из которых имела только один голос. Эта схема делала Пейджа и Брина неуязвимыми к давлению со стороны рынка и инвесторов, как писал Пейдж в «Письме учредителя», выпущенном одновременно с выходом на биржу:

> В процессе подготовки к первичному размещению акций мы создали корпоративную структуру, которая будет усложнять внешним силам попытки захватить Google или повлиять на компанию. <...> Основным следствием этой структуры, вероятно, будет то, что наша команда, особенно Сергей и я, получат все более значительный контроль над решениями и судьбами компании, по мере того как акции Google будут переходить из рук в руки[9].

В отсутствие стандартных сдержек и противовесов, общественность попросили просто «довериться» основателям. Шмидт будет озвучивать эту мысль от их имени всякий раз, когда будет подниматься этот вопрос. Например, в Институте Катона в декабре 2014 года Шмидта спросили о возможности злоупотребления властью в Google. Он просто заверил аудиторию в преемствен-

ности династической линии фирмы. Пейдж сменил Шмидта на посту генерального директора в 2011 году, а будущих руководителей будет лично подбирать нынешнее руководство:

> Ларри нас абсолютно устраивает <…> старый конь борозды не испортит <…> это одни и те же люди <…> все мы, создатели Google, придерживаемся этого мнения, и, я уверен, наши преемники будут стоять на тех же позициях[10].

К тому времени Пейдж и Брин имели 56-процентное большинство голосов, пользуясь которым они ввели новую, трехклассную структуру акций, добавив акции класса С с нулевым правом голоса[11]. Как отмечает Bloomberg Businessweek, «кастрированные акции класса С гарантируют Пейджу и Брину сохранение контроля даже в отдаленном будущем…»[12] К 2017 году Брин и Пейдж контролировали 83% суперголосующих акций класса В, которые давали им 51% голосов[13].

Многие учредители бизнесов Кремниевой долины последовали примеру Google. К 2015 году 15% IPO предусматривали двухклассную структуру акций, по сравнению с 1% в 2005 году, и больше половины из них были акциями технологических компаний[14]. Самое главное, что при первичном размещении в 2012 году двухуровневую структуру получили акции Facebook, что дало контроль над распределением голосов основателю компании Марку Цукербергу. Затем в 2016 году компания выпустила неголосующие акции класса С, что упрочило личный контроль Цукерберга над каждым решением[15].

Пока экономисты и инвесторы обсуждали последствия подобной структуры акций, абсолютный корпоративный контроль позволил основателям Google и Facebook заниматься агрессивными поглощениями других компаний, что привело к «гонке вооружений» в двух критических областях[16]. Производство на передовом крае науки и техники зависит от машинного интеллекта, вынуждая Google, а затем и Facebook приобретать компании и таланты, представляющие именно эти направления — распознавание лиц, «глубокое обучение», дополненную реальность и другое[17]. Но машины настолько умны, насколько позволяет «калорийность» их «рациона». Это привело к соперничеству между Google и Facebook за то,

чтобы стать той вездесущей сетью, которая сможет улавливать неисчислимые косяки поведенческого излишка, кишащие везде, где только используются компьютеры. Основатели готовы были переплачивать огромные суммы за возможность прибрать к рукам поведенческий излишек путем приобретения ключевых маршрутов его поставки, перечень которых рос день ото дня.

Так, в 2006 году, всего через два года после выхода на биржу, Google заплатил 1,65 миллиарда долларов за полуторагодовалый стартап, который еще ничего не заработал и был завален исками о нарушении авторских прав — YouTube. В то время как этот шаг называли «безумным», а компанию критиковали за завышенный ценник, Шмидт перешел в наступление, не скрывая, что Google переплатил миллиард за этот видеохостинг, но и не объясняя причин. К 2009 году дотошный медиааналитик из Forrester Research раскрыл эту загадку:

> На самом деле оно стоило этих лишних денег, потому что Google мог передать YouTube весь свой рекламный опыт и поисковый трафик <…> это гарантирует, что эти миллионы и миллионы зрителей придут на сайт, принадлежащий Google, а не чей-то другой сайт <…> Как и водится со всяким убыточным, но привлекающим покупателей товаром — даже если он не вернет своих денег, он все равно будет стоить того[18].

Цукерберг из Facebook придерживался той же стратегии, выплачивая «астрономические» суммы за сомнительную вереницу, как правило, убыточных стартапов, вроде Oculus (2 миллиарда долларов), занимающегося разработками в области виртуальной реальности, и приложения для обмена сообщениями WhatsApp (19 миллиардов долларов), тем самым обеспечивая Facebook собственность на колоссальные потоки человеческого поведения, которые потекут по этим каналам. Вполне в духе «императива извлечения» Цукерберг заявил инвесторам, что не будет рассматривать вопрос увеличения доходов до тех пор, пока сервис не охватит «миллиарды» пользователей[19]. Как выразился один журналист:

> Цукербергу не очень-то нужно якшаться с правлением <…> у акционеров нет способа сдерживать выходки Цукерберга…[20]

Стоит упомянуть, что понимание этой логики накопления пришлось бы кстати, когда вопрос о приобретении WhatsApp обсуждала Комиссия ЕС, которая дала зеленый свет, получив заверения в том, что потоки данных от двух компаний останутся раздельными. Позднее комиссия обнаружит, что императив извлечения и требуемая им экономия от масштаба в операциях по обеспечению поставок сырья вынуждают объединять потоки излишка в стремлении к совершенствованию прогнозных продуктов[21].

Основатели Google создали корпоративную форму, которая дала им абсолютный контроль в рыночной сфере, но они добивались свободы и в публичной сфере. Ключевым элементом стратегии свободы Google была его способность различать, конструировать и выдвигать свои претензии на беспрецедентные территории, которые еще не подпадали под действие закона. Киберпространство — важный персонаж этой драмы, воспеваемый на первой странице книги Эрика Шмидта и Джареда Коэна о цифровой эре: «Мир интернета, по сути, не связан земными законами <…> это крупнейшее в мире неуправляемое пространство»[22]. Они говорят как хозяева операционных пространств, недосягаемых для политических институтов, — современный эквивалент «темных континентов», манивших к своим берегам европейских спекулянтов XIX века.

Ханна Арендт проанализировала экспорт перенакопленного капитала британских капиталистов в Азию и Африку в середине XIX века, и ее анализ помогает развить эту аналогию:

> Здесь, в отсталых регионах, без промышленности и политической организации, где насилие применялось с большей свободой, чем в любой европейской стране, так называемым законам капитализма была предоставлена возможность творить реальность <…>. Секретом новой счастливой ситуации было как раз то, что экономические законы перестали загораживать путь алчности имущих классов[23].

В недолгой истории надзорного капитализма подобное беззаконие было критическим фактором успеха. Шмидт, Брин и Пейдж горячо отстаивали свое право на свободу от закона, даже когда Google вырос настоль-

ко, что стал, пожалуй, самой могущественной корпорацией в мире[24]. Их усилия были отмечены несколькими взаимосвязанными лейтмотивами: что технологические компании вроде Google двигаются быстрее, чем способность государства их понимать или отслеживать, что поэтому любые попытки вмешиваться или сдерживать с неизбежностью будут непродуманными и глупыми, что государственное регулирование — это всегда зло, препятствующее инновациям и прогрессу, и что пребывание вне закона есть необходимый контекст для «технологических инноваций».

И Шмидт, и Пейдж, и Брин неоднократно высказывались на эти темы. В 2010 году в интервью газете Wall Street Journal Шмидт настаивал, что Google не нуждается в регулировании из-за существующих у него сильных стимулов «хорошо обращаться со своими пользователями»[25]. В 2011 году в разговоре с репортером Washington Post Шмидт ссылался на антидемократическую формулу бывшего генерального директора Intel Энди Гроува, добавив: «по мне [идея Гроува], работает». Google был полон решимости защитить себя от неповоротливости демократических институтов:

> Вот формула Энди Гроува <…> «Высокотехнологичные компании работают втрое быстрее, чем обычные. А правительство работает втрое медленнее, чем обычный бизнес. Так мы получаем девятикратный разрыв <…> Поэтому надо сделать так, чтобы правительство не мешалось под ногами и не тормозило процесс»[26].

Замечания Шмидта на Mobile World Congress в том же году приводит издание Business Insider, сообщая:

> Когда его спросили о государственном регулировании, Шмидт сказал, что технология развивается так быстро, что правительствам действительно не следует пытаться регулировать ее, потому что она будет меняться слишком быстро и все проблемы решит сама технология. «Никакому правительству за нами не угнаться»[27].

Брин и Пейдж еще более откровенны в своем презрении к закону и регулированию. Генеральный директор Пейдж удивил съезд разработчиков в 2013 году, когда, отвечая на вопросы аудитории, прокомментировал «не-

гативные моменты», которые препятствовали свободе фирмы «создавать действительно великие вещи» и развивать «совместимые» технологии вместе с другими компаниями:

> Старые институты, такие как законы и т. д. не поспевают за темпами изменений, которые мы вызвали с помощью технологий <…> Законам, когда мы вышли на биржу, было 50 лет. Закон не может быть правильным, если ему 50 лет, тогда и интернета не было.

Когда его спросили о том, как ограничить «негативные моменты» и повысить количество «позитивных», Пейдж задумался:

> Может быть, стоит выделить небольшую часть мира <…> как те, кто занимается разработкой новых технологий, мы должны иметь какие-то безопасные места, где можно опробовать какие-то новые вещи и выяснить, какие будут последствия для общества, последствия для людей, без того чтобы развертывать это в нормальном мире[28].

Важно понимать, что надзорные капиталисты вынуждены стремиться быть вне закона, следуя логике их собственного детища. Google и Facebook активно занимаются лоббированием с целью упразднить защиту конфиденциальности в интернете, ограничить регулирование, ослабить или блокировать законодательство, повышающее конфиденциальность, и предотвратить любую попытку связать им руки, потому что такие законы представляют собой угрозу беспрепятственному движению поведенческого излишка[29].

Для успеха логики накопления нужно, чтобы предмет извлечения был одновременно незащищенным и доступным по нулевой цене. Эти требования — ахиллесова пята надзорного капитализма. Пока что единственный кодекс для Google — это программный код, но риск появления новых законов на его традиционных и ожидаемых территориях остается постоянной угрозой. Если новые законы запретят добычу, надзорная модель рухнет. Эта рыночная форма должна либо готовиться к вечному конфликту с демократическим процессом, либо искать новые способы проникновения, соблазнения и подчинения демократии ее целям, если она хочет следовать сво-

ей внутренней логике. Выживание и успех надзорного капитализма зависят от разработки коллективного соглашения всеми доступными средствами и одновременно игнорирования, уклонения, оспаривания, изменения или преодоления иными способами законов, которые угрожают свободному притоку поведенческого излишка.

Эти притязания на пространство вне закона удивительно напоминают аналогичные притязания бароновразбойников позапрошлого века. Как и люди Google, титаны конца XIX века претендовали на незащищенную территорию для своих собственных нужд, заявляли о полной легитимности своих самозваных прерогатив и любой ценой защищали свой новый капитализм от демократии. По крайней мере здесь, в Америке, мы это уже проходили.

Экономические историки показывают нам преданность беззаконию со стороны «баронов-разбойников» «позолоченного века», для которых социальный дарвинизм Герберта Спенсера сыграл ту же роль, которую Хайек, Дженсен и даже Айн Рэнд играют для современных цифровых баронов. Точно так же, как надзорные капиталисты оправдывают беспрецедентную концентрацию информации и богатства в своих корпорациях как неизбежный результат «сетевых эффектов» и рынков, где «победитель получает все», промышленники «позолоченного века» ссылались на благовидное, но псевдонаучное спенсеровское «выживание наиболее приспособленных» как доказательство божественного плана, передающего богатство общества в руки его наиболее агрессивных и безжалостных представителей[30].

Миллионеры «позолоченного века», как и сегодняшние надзорные капиталисты, стояли на рубеже огромного разрыва в средствах производства, имея перед собой лишь пустую территорию, на которой можно было изобретать новый промышленный капитализм, свободный от ограничений на использование труда, на характер условий труда, на степень разрушения окружающей среды, на источники сырья или даже на качество собственной продукции. И, как и их коллеги XXI века, они не колеблясь пользовались тем самым законом, который они презирали, размахивая знаменем «частной собственности» и «свободы договора», так же, как над-

зорные капиталисты вышагивают под флагом свободы слова как оправданием беспрепятственного технологического «прогресса», — тема, к которой мы еще вернемся.

Проникнутые убежденностью в том, что «у государства нет ни права, ни причин вмешиваться в работу экономики», миллионеры «позолоченного века» объединили свои усилия для защиты «прав капитала» и ограничения роли выборных представителей в выработке политики и подготовке законодательства[31]. Необходимости в законе нет, утверждали они, коль скоро есть «закон эволюции», «законы капитала» и «законы индустриального общества». Джон Рокфеллер настаивал на том, что его огромное нефтяное состояние было результатом «естественного закона развития торговли». Джей Гулд, отвечая на вопрос конгресса о необходимости федерального регулирования железнодорожных тарифов, заявил, что тарифы уже регулируются «законами спроса и предложения, производства и потребления»[32]. Миллионеры мобилизовались в 1896 году, чтобы нанести поражение популистскому демократу Уильяму Дженнингсу Брайану, который пообещал привязать экономическую политику к политической сфере, включая регулирование железных дорог и защиту людей от «грабежа и угнетения»[33].

Главным для деловой элиты «позолоченного века» было то, что наиболее эффективным способом защиты первородного греха той экономической эпохи было, как выразился Дэвид Насо, «обуздание демократии». Они делали это, щедро финансируя своих собственных политических кандидатов, а также путем тонко отточенной и агрессивно продвигаемой идеологической атаки на само представление о праве демократии на вмешательство в экономическую сферу[34]. Их отрасли должны были быть «саморегулируемыми» — свободными следовать своим собственным эволюционным законам. «Демократия, — проповедовали они, — имеет свои пределы, на которые избиратели и их выборные представители не смеют посягать, чтобы не навлечь на страну экономические бедствия»[35]. Когда мы будем обсуждать возводимые Google укрепления, мы увидим, что компания возродила все эти стратегии и создала новые. Но сначала исследуем те уникальные обстоятельства, которые обес-

печили молодой компании защиту и создали условия для открытия человеческого опыта как безграничного ресурса, который нужно было просто забрать себе.

III. Тепличные условия: неолиберальное наследие

Руководству Google также благоприятствовали исторические обстоятельства. И Google, и проект надзорного капитализма в целом выиграли от двух тенденций, которые способствовали созданию уникальной питательной среды для надзорной мутации. Первая из них — это захват государственных механизмов надзора и регулирования экономики США адептами неолиберализма, основные моменты которого мы обсуждали в главе 2[36].

Захватывающее исследование профессора права Калифорнийского университета Джоди Шорт эмпирически иллюстрирует роль неолиберальной идеологии как важного объяснения амбиций Google и его способности успешно защитить территорию вне закона[37]. Шорт проанализировала 1400 статей в юридических журналах на тему регулирования, опубликованных между 1980 и 2005 годами. Как и можно было ожидать, учитывая влияние Хайека и Фридмана, доминирующей темой этой литературы была «принудительная природа государственного управления» и систематическое отождествление отраслевого регулирования с «тиранией» и «авторитаризмом». Согласно этому мировоззрению, любое регулирование обременительно, а с бюрократией надо бороться как с проявлением господства человека над человеком. Шорт отмечает, что в течение рассмотренного периода эти опасения оказали даже более сильное влияние на формирование подходов к регулированию, чем рациональные доводы об издержках и эффективности, и выделяет две исходные причины этих опасений.

Первым источником было противодействие реформам Нового курса со стороны американского делового сообщества, которое, в духе пропаганды миллионеров «позолоченного века», подавало регулирование как «праведную борьбу в защиту демократии от диктатуры»[38]. Вторым источником был страх перед тоталита-

ризмом и коллективизмом, спровоцированный Второй мировой и холодной войной, прямое наследие Хайека. Эти оборонительные темы пропитали и преобразовали политическую мысль в США и постепенно трансформировали представления политиков о регулирующей роли государства[39].

Шорт обнаружила, что в литературе предлагается несколько методов борьбы с «принудительным» государственным регулированием, но наибольшее внимание, особенно после 1996 года — в те самые годы, когда цифровые технологии и интернет вошли в широкий обиход, — уделялось «саморегулированию». Идея была в том, чтобы фирмы устанавливали свои собственные стандарты, следили за своим же соблюдением этих стандартов и даже сами выносили себе оценку, «добровольно сообщая о нарушениях и устраняя их»[40]. Ко времени публичного размещения акций Google в 2004 году, в глазах правительства и делового сообщества саморегулирование полностью утвердилось в качестве единственного действительно эффективного инструмента регулирования без принуждения и противоядия от любых поползновений к коллективизму и централизации власти[41].

Для новых надзорных капиталистов это неолиберальное наследие стало неожиданным подарком. Как заметил другой правовед, Фрэнк Паскуале, оно предлагало модель, которая рассматривает конфиденциальность как конкурентное благо, допуская что «потребители» выбирают только те услуги, которые обеспечивают требуемый им уровень конфиденциальности. Согласно этой точке зрения нормативное вмешательство только подорвало бы конкурентное разнообразие. Кроме того, модель «уведомления и согласия» — «договор по клику» и его «садистские» родственники — считается точным сигналом индивидуального выбора в сфере конфиденциальности[42].

Руководству Google, а потом и его «попутчикам» по надзорному проекту также благоприятствовал неолиберальный дух времени, поскольку они искали убежище для своих изобретений под сенью Первой поправки с ее правом на свободу самовыражения. Это спорная и запутанная область, в которой безнадежно перемешались конституционное право и политическая идеоло-

гия, и я укажу здесь лишь на несколько элементов, чтобы дать лучшее представление о среде, подпитывавшей формирование новой надзорной формы рынка[43].

Суть здесь в том, что права, содержащиеся в Первой поправке, особенно в последние два десятилетия, как правило, интерпретировались в «консервативно-либертарианском» ключе. Как полагает исследователь конституционного права Стивен Хейман:

> В последние десятилетия Первая поправка стала одним из важнейших средств, с помощью которых судьи стремились проводить в жизнь консервативно-либертарианскую повестку[44].

Это привело ко многим драматическим судебным решениям, включая снятие Верховным судом США всех ограничений на роль денег в избирательных кампаниях, отказ от ограничения «языка вражды» и порнографии, а также его решение, что право на свободное объединение важнее законов штатов о гражданских правах, запрещающих дискриминацию.

Как отмечают многие правоведы, идеологическая ориентация современных судебных решений по поводу Первой поправки утверждает существование тесной связи между свободой слова и правом собственности. Логика, которая связывает собственность с абсолютным правом на свободу самовыражения, привела к тому, что действия корпораций получают статус «высказываний», заслуживающих конституционной защиты[45]. Некоторые ученые считают это опасным возвращением к феодальным доктринам, из которых в XVII веке и выросло корпоративное право. Эти средневековые правовые принципы ограничивали власть суверена над «корпорациями аристократии, церкви, гильдий, университетов и городов <...> которые отстаивали право на самоуправление». Одним из результатов этого стало то, что американские суды «быстро замечают возможности для чрезмерного укрепления государства, но гораздо менее охотно видят опасности, связанные с ростом „частной“, не говоря уже о корпоративной, власти»[46].

В этом контексте надзорные капиталисты энергично развивают «киберлибертарианскую» идеологию, которую Фрэнк Паскуале назвал «фундаментализмом свобо-

ды слова». Их юристы агрессивно настаивают на принципах Первой поправки в попытке отбиться от любой формы надзора или исходящего извне принуждения, которая ограничивает либо размещенный на их платформах контент, либо «алгоритмическое упорядочение информации», создаваемое их машинными операциями[47]. Как выразился один адвокат, который представлял многих ведущих надзорных капиталистов:

> У юристов, работающих в этих компаниях, есть экономические причины поддерживать свободное самовыражение. По сути, все эти компании говорят о бизнесе на языке свободы слова[48].

В этом отношении надзорные капиталисты не одиноки. Адам Уинклер, историк корпоративных прав, напоминает:

> На протяжении всей американской истории самые могущественные корпорации страны прилагали постоянные усилия, чтобы использовать конституцию для борьбы с нежелательными решениями государства[49].

Хотя сегодняшние усилия не оригинальны, тщательно выполненная работа Уинклера демонстрирует последствия подобных усилий в прошлом для распределения власти и богатства в американском обществе, а также силу демократических ценностей и принципов каждой эпохи.

Ключевым моментом для нашего повествования об эпохе надзорного капитализма является то, что расширение возможностей для свободного выражения мнений, связанное с интернетом, было во многих жизненно важных аспектах освободительной силой, но этот факт не должен отвлекать нас от другого обстоятельства: фундаментализм свободы слова помешал нам увидеть беспрецедентный характер новой рыночной формы и объяснить ее впечатляющий успех. Конституция используется для прикрытия целого ряда новых практик, антидемократических по своим целям и последствиям и глубоко пагубных для непреходящих ценностей Первой поправки, назначение которых — защита личности от злоупотреблений со стороны власти.

В США законодательные акты конгресса сыграли не менее, а возможно и более, важную роль в укрывании

надзорного капитализма от контроля. Наиболее известным из них является законодательный акт, известный как раздел 230 Закона о благопристойности в сфере коммуникаций 1996 года, который защищает владельцев веб-сайтов от судебных исков и преследования со стороны государства за контент, созданный пользователями.

> Ни один поставщик или пользователь интерактивной компьютерной службы, — говорится в законе, — не должен рассматриваться как издатель или создатель какой бы то ни было информации, предоставленной другим поставщиком информационного контента[50].

Это та нормативно-правовая база, которая позволяет, например, TripAdvisor размещать негативные отзывы об отелях и обеспечивает свободу действий агрессивным троллям Twitter, и ни та ни другая компания не несет ответственности, которую понесло бы СМИ. Раздел 230 утвердил представление о том, что веб-сайты — это не издатели, а «посредники». Как сказал один журналист:

> Подавать в суд на онлайн-платформу за непристойное сообщение в блоге — все равно что подавать в суд на Нью-Йоркскую публичную библиотеку за то, что в ней хранится экземпляр «Лолиты»[51].

Как мы увидим, эта логика рушится, когда на сцену выходит надзорный капитализм.

Закрепленная в разделе 230 позиция невмешательства по отношению к компаниям, в полном согласии с господствующей идеологией и практикой «саморегулирования», развязывала руки интернет-компаниям и впоследствии надзорным капиталистам, позволяла делать все, что им заблагорассудится. Статут разрабатывался в 1995 году, на заре развития общедоступного интернета. Он был направлен на уточнение степени ответственности посредников за контент на их веб-сайтах и разрешение конфликта, созданного двумя противоречащими друг другу судебными решениями в делах о диффамации[52]. В 1991 году суд установил, что компания CompuServe не несет ответственности за диффамацию, поскольку она не рассматривала по существу содержание поста, прежде чем он появился в интернете.

Суд пришел к выводу, что CompuServe можно сравнить с публичной библиотекой, книжным магазином или газетным киоском — с дистрибьютором, а не издателем.

Четыре года спустя, в 1995 году, одному из первых поставщику веб-сервисов под названием Prodigy был предъявлен иск за клеветническое анонимное сообщение на одной из его досок объявлений. На этот раз суд штата Нью-Йорк пришел к противоположному заключению. Ключевая проблема, по мнению суда, заключалась в том, что Prodigy осуществлял редакторский контроль, модерируя свои доски объявлений. Компания установила правила приемлемого контента и удаляла сообщения, нарушавшие эти стандарты. Суд пришел к выводу, что Prodigy была издателем, а не просто распространителем, поскольку взяла на себя ответственность за контент на своем сайте. Если бы решение суда осталось в силе, интернет-компании столкнулись бы с «парадоксальной, заведомо проигрышной ситуацией: чем больше провайдер будет стараться защитить своих пользователей от непристойных или вредоносных материалов, тем большую ответственность он будет нести за эти материалы»[53]. Интернет-компании стояли перед выбором: «спасители свободы слова или прикрытия для негодяев»[54].

Согласно сенатору Рону Уайдену, раздел 230 был призван разрешить это противоречие, поощряя интернет-компании осуществлять некоторый контроль над контентом без риска юридических санкций. В самом первом предложении статута упоминается «защита для „доброго самаритянина“, блокирующего и фильтрующего оскорбительные материалы»[55]. Чего Уайден и его коллеги не могли предвидеть и до сих пор не могут постичь, так это то, что логика этого раннего спора больше не применима. Ни CompuServe, ни Prodigy не были надзорными капиталистами, в то время как многие из сегодняшних интернет-посредников посвятили себя доходному надзору за пользователями.

Этот факт в корне меняет взаимосвязи между компанией и контентом на ее платформах и объясняет, почему надзорных капиталистов нельзя сравнивать с Нью-Йоркской публичной библиотекой как ней-

тральным хранилищем великой книги Набокова. Это было бы очень далеко от истины. При режиме надзорного капитализма контент является таким же источником поведенческого излишка, как и поведение людей, которые предоставляют контент, структуры их связей, общения и передвижения, их мысли и чувства, метаданные, выраженные в их смайликах, восклицательных знаках, списках, сокращениях и приветствиях. Та книга на книжной полке — вместе с историей всех, кто мог к ней прикасаться, включая время, местоположение, поведение, связи и т. д., — теперь стала алмазной шахтой, готовой к разработке и разграблению, к преобразованию в поведенческие данные и загрузке в машины, на пути к выработке и продаже готового продукта. Защита «посредников» в разделе 230 теперь служит еще одним оплотом, укрывающим от критического анализа эти грабительские операции надзорного капитализма.

Сегодня в надзорном посреднике нет ничего нейтрального, поскольку императив извлечения и требуемая им экономия от масштаба при поставках излишка означают, что надзорные капиталисты должны использовать все средства, чтобы завлечь к себе нескончаемый поток контента. Они уже не просто размещают контент, а агрессивно, тайно и в одностороннем порядке извлекают из этого контента стоимость. Как мы увидим в главе 18, экономические императивы требуют не упускать никакие, даже самые незначительные возможности поступления сырья. Это означает смягчение только тех крайностей, которые, отталкивая пользователей или привлекая внимание со стороны контролирующих органов, угрожают объему и скорости поступления излишка. По этой причине такие компании, как Facebook, Google и Twitter, очень неохотно удаляют со своих просторов даже самый вопиющий контент, и это помогает объяснить, почему «юристы технологических компаний яростно судятся, чтобы предотвратить хотя бы крошечную эрозию» раздела 230[56]. Статут, когда-то созданный для взращивания важной новой технологической среды, теперь стал юридическим оплотом, защищающим асимметрию богатства, знания и власти, присущую мошенническому капитализму.

IV. Тепличные условия: надзорная чрезвычайщина

В своей книге «Надзор после 11 сентября» исследователь надзора Дэвид Лайон пишет, что вслед за нападениями того дня существующие методы наблюдения были интенсифицированы, а прежние ограничения сняты:

> После нескольких десятилетий, в течение которых связанные с защитой данных чиновники, следящие за конфиденциальностью гражданские организации, правозащитники и другие пытались смягчить негативные социальные последствия надзора, мы наблюдаем резкий крен в сторону более крайних и бесцеремонных методов надзора[57].

Эта резкая переориентация государственной власти и политики после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне была вторым историческим условием, которое создавало благоприятные условия для еще нежных ростков новой формы рынка.

Характеристика Лайона верна[58]. В годы, предшествовавшие 11 сентября, Федеральная торговая комиссия стала ключевым игроком, направляющим американские споры о конфиденциальности в интернете. По причинам, которые мы уже рассмотрели, комиссия благоприятствовала саморегулированию, и она подталкивала интернет-компании к разработке кодексов поведения, политик конфиденциальности и способов обеспечить их соблюдение[59]. Но в конечном итоге комиссия пришла к выводу, что для защиты конфиденциальности индивидуального потребителя в сети саморегулирования недостаточно. В 2000 году, всего за год до нападений 11 сентября, открытия Google поведенческого излишка и успеха AdWords, большинство членов комиссии опубликовало отчет, в котором рекомендовалось принять законодательство, регулирующее конфиденциальность в интернете:

> Поскольку на сегодняшний день усилия по саморегулированию весьма далеки от широкого внедрения соответствующих программ, то Комиссия пришла к выводу, что подобные инициативы сами по себе не могут гарантировать, что онлайн-рынок в целом будет следовать стандартам, принятым лидерами отрасли <…> несмотря на несколько лет усилий бизнеса и правительства.

В докладе отмечалось, что лишь 8% популярных вебсайтов были отмечены знаком одобрения хотя бы одной из организаций, следящих в отрасли за соблюдением конфиденциальности[60].

Члены комиссии далее излагали примерный план федерального законодательства, которое защитило бы потребителей в интернете, несмотря на распространенное предубеждение против регулирования и в пользу трактовки интернет-операций как свободы слова. Эти рекомендации требовали «четкого и заметного» уведомления об информационных практиках; наличия у потребителя выбора в отношении того, как будет использоваться персональная информация; доступ ко всей собранной персональной информации, предусматривающий право на ее исправление или удаление; и усиленная защита личной информации[61]. Если бы все это воплотилось в законе, то вполне возможно, что многие из основополагающих элементов надзорного капитализма стали бы либо просто незаконными, либо по крайней мере подлежали бы публичному обсуждению и оспариванию.

Усилия Федеральной торговой комиссии оказались недолговечными. По словам Питера Суайра, главного советника по вопросам конфиденциальности в администрации Клинтона, а позже члена Аналитической группы президента Обамы по разведывательным и коммуникационным технологиям, «нападения 11 сентября 2001 года изменили все. Теперь решительный упор был сделан на безопасность, а не на конфиденциальность»[62]. Положения о конфиденциальности, обсуждавшиеся всего несколькими месяцами ранее, ушли с повестки дня более или менее в одночасье. Как в Конгрессе США, так и в странах ЕС было быстро введено в действие законодательство, которое резко расширило надзорную деятельность. Конгресс США принял «Патриотический акт», создал Программу выявления потенциальных террористов и ввел целый ряд других мер, которые существенно расширили возможности для сбора личной информации, не требующих для этого получения разрешения от суда. События 11 сентября также вызвали устойчивый поток законов, расширявших полномочия разведки и правоохранительных органов, по всей Европе, включая Германию (страну, особенно восприимчи-

вую к попыткам надзора над гражданами после гнета нацистского и сталинского тоталитаризма), Великобританию и Францию[63].

В США неспособность вовремя «сопоставить факты» и предотвратить террористическую атаку стала источником стыда и смятения, которые оказались сильнее остальных соображений. Руководящим принципом при выработке политики вместо «необходимости знать» стала «необходимость делиться», и ведомствам настоятельно рекомендовали ломать стены и объединять базы данных для получения более полной информации и анализа[64]. Параллельно с этим, как отмечает специалист по конфиденциальности Крис Джей Хуфнагл, угроза принятия всеобъемлющего законодательства по конфиденциальности также мобилизовала деловое сообщество и его лоббистов на политику «смягчить или остановить» в отношении любого потенциального законопроекта. В политической обстановке после 11 сентября эти две силы объединились и добились легкой победы[65].

Ключевой мишенью был интернет. Директор ЦРУ Майкл Хейден признал это в 2013 году, когда сказал аудитории, что в годы, последовавшие за 11 сентября, ЦРУ «можно справедливо обвинить в милитаризации всемирной паутины»[66]. Первой жертвой стало законодательство по регулированию конфиденциальности в интернете. Марк Ротенберг, директор Информационного центра по электронной конфиденциальности (EPIC), дал показания Комиссии по расследованию событий 11 сентября о внезапном изменении отношения к конфиденциальности, отметив, что до 11 сентября «едва ли кто-то конструктивно обсуждал создание методов, которые обеспечивали бы массовый надзор и в то же время защищали конфиденциальность»[67]. Суайр вторил ему, отмечая, что в результате нового упора на обмен информацией «Конгресс утратил интерес к регулированию использования информации в частном секторе <…> Без этой угрозы со стороны законодательства, многие программы саморегулирования, действовавшие в отрасли, просто сдулись»[68]. В Федеральной торговой комиссии центр внимания сместился с широкой обеспокоенности правом на неприкосновенность частной жизни на политически более приемлемую стратегию, во главу угла в кото-

рой встало понятие «ущерба» — рассматривались только случаи, позволявшие установить конкретный физический или экономический ущерб, такой как кража идентичности или безопасность базы данных[69].

В условиях, когда о законодательстве можно было больше не волноваться, политическую среду, в которой надзорный капитализм пустит корни и пойдет в рост, стали формировать другие силы. Террористические атаки 11 сентября втянули спецслужбы в непривычную для них кривую спроса, которая требовала все более быстрой реакции с их стороны. При всей своей секретности даже АНБ подчинялось временным и юридическим ограничениям демократического государства. Демократия по самой своей природе неповоротлива, будучи отягощена дублированием функций, сдержками и противовесами, законами и нормами. Спецслужбы стремились в своей деятельности к таким методам, которые позволяли бы оперативно обходить юридические и бюрократические ограничения.

В этой обстановке травмы и тревоги было объявлено «чрезвычайное положение», которое узаконивало новый императив — скорость любой ценой. Как сказал Лайон:

> События 11 сентября привели к негативным последствиям для общества, которые до сих пор были знакомы по репрессивным режимам и романам-антиутопиям <…> Приостановка нормального хода дел оправдывается ссылками на «войну с терроризмом»[70].

Для нашей истории критически важно, что это чрезвычайное положение способствовало росту Google и успешному развитию его основанной на надзоре логики накопления.

Миссия Google состояла в том, чтобы «организовать информацию всего мира и сделать ее общедоступной», и к концу 2001 года разведывательное сообщество установило «информационное доминирование» в общественном пространстве, быстро институционализировав его в виде спонсируемой государством глобальной технологической инфраструктуры, персонала и операций, стоимостью в сотни миллиардов долларов. Начали прорисовываться контуры новой взаимозависимости между государственными и частными игроками информацион-

ного доминирования, и это лучше всего понимать сквозь призму того, что социолог Макс Вебер в свое время назвал «избирательным сродством», порождением взаимного притяжения, коренящегося в общих значениях, интересах и взаимовыгодных обменах[71].

Это избирательное сродство между государственными спецслужбами и Google как начинающим надзорным капиталистом, в условиях чрезвычайного положения расцвело, чтобы породить уникальную историческую деформацию: *надзорную чрезвычайщину*. Атаки 11 сентября изменили интерес правительства к Google, по мере того как практики, над которыми всего несколькими часами ранее, казалось, нависли законодательные ограничения, были быстро переквалифицированы в жизненно важные потребности. Обе институции жаждали надежной информации и были полны решимости утолить эту жажду, каждая в своей сфере, любой ценой. Это избирательное сродство поддержало на плаву надзорную чрезвычайщину и способствовало созданию плодородной среды, которая будет питать мутацию надзорного капитализма и приведет ее к процветанию.

Избирательное сродство между государственной и частной миссиями было очевидно еще в 2002 году, когда бывший советник президента по вопросам национальной безопасности адмирал Джон Пойндекстер предложил свою программу «Полного владения информацией» (Total Information Awareness, TIA), опиравшуюся на взгляды и представления, которые выглядят как одно из первых руководств по основам сбора и анализа поведенческого излишка:

> Если террористические организации собираются спланировать и осуществить нападение на Соединенные Штаты, их члены должны взаимодействовать между собой, и они оставят свои следы в этом информационном пространстве <…> Мы должны быть в состоянии выделить этот сигнал из шума <…> для выполнения этой задачи соответствующая информация, извлеченная из этих данных, должна быть собрана в крупномасштабных хранилищах с расширенным семантическим контентом, доступным для анализа[72].

Как заявил в 1997 году директор ЦРУ Джордж Тенет, «ЦРУ должно чувствовать себя в Долине как рыба в воде», имея в виду необходимость освоить новые технологии,

идущие из Кремниевой долины[73]. В 1999 году, чтобы держать руку на пульсе современных технологий, ЦРУ открыло и финансировало венчурную фирму In-Q-Tel. Операция была задумана как экспериментальная, но после 11 сентября она стала критически важным источником новых возможностей и связей, в том числе с Google. Как сообщало базирующееся в Кремниевой долине издание Mercury News, «В ЦРУ возникло новое чувство неотложной необходимости поиска технологии, которая осмыслила бы все неструктурированные данные, разбросанные по интернету и другим местам. Агентство не может обучить аналитиков достаточно быстро». Генеральный директор In-Q-Tel сказал, что правительственные учреждения «подняты по тревоге» и отметил, что «мы сейчас развиваем лихорадочную деятельность»[74].

В условиях этой лихорадочной деятельности надзорная чрезвычайщина цвела пышным цветом. Программа «Полного владения информацией» Пойндекстера не получила поддержки в конгрессе, но анализ, опубликованный в журнале MIT Technology Review, показал, что многие из задач этой программы были без лишнего шума переназначены пентагоновскому Отделу по передовым исследованиям и разработкам (Advanced Research and Development Activity, ARDA), который в 2002 году получил 64 миллиона долларов на финансирование исследовательской программы в сфере «нового интеллекта на основе больших данных». В 2004 году Счетная палата США обследовала 199 проектов по сбору данных в десятках федеральных агентств, а также более 120 программ, предназначенных для сбора и анализа персональных данных в целях прогнозирования индивидуального поведения[75]. Газета The New York Times в 2006 году сообщала, что спецслужбы, опираясь на ежегодный бюджет в 40 миллиардов долларов, регулярно устраивали скрытные «шопинг-туры» в Кремниевую долину в поисках новых технологий сбора и анализа данных[76].

Спецслужбы искали способы воспользоваться быстро растущими возможностями Google и одновременно использовать Google для дальнейшей разработки, коммерциализации и распространения технологий, связанных с безопасностью и надзором и имеющих доказанную ценность для разведки. Если программу «Полного вла-

дения информацией» нельзя полноценно разрабатывать и вводить в действие в Вашингтоне, то отдельные части этой работы можно делегировать Кремниевой долине и ее лидеру в информационном доминировании — Google. К концу лета 2003 года Google получил контракт на 2,07 миллиона долларов на оснащение Агентства национальной безопасности поисковой технологией Google. Согласно документам, полученным некоммерческой организацией Consumer Watchdog на основании Закона о свободе информации, АНБ заплатило Google за «механизм поиска, способный искать среди 15 миллионов документов на двадцати четырех языках». В апреле 2004 Google на безвозмездной основе продлил свои услуги еще на один год[77].

В 2003 году Google в соответствии со специальным контрактом с ЦРУ также начал поддерживать поисковую систему для входящей в его состав Службы управления Intelink, «контролируя сверхсекретные, секретные и просто конфиденциальные, но не секретные сети Intranet для ЦРУ и других разведывательных агентств»[78]. Ключевые агентства использовали системы Google для поддержки своего внутреннего вики под названием Intellipedia, который позволял агентам делиться информацией с другими организациями сразу же после того, как она «всасывалась» в новые системы[79]. В 2004 году Google приобрел основанную Джоном Ханке компанию спутниковой картографии Keyhole, основным венчурным спонсором которой была венчурная фирма ЦРУ, In-Q-Tel. Keyhole станет основой для сервиса Google Планета Земля, а Ханке впоследствии возглавит сервис Google Карты, включая спорный проект Просмотр улиц. В 2009 году Google Ventures и In-Q-Tel инвестировали в бостонский стартап Recorded Future, который отслеживает все аспекты сети в режиме реального времени с целью прогнозирования будущих событий. Тем самым, сообщал журнал Wired, впервые эта поддерживаемая ЦРУ венчурная фирма и Google финансировали один и тот же стартап и обе фирмы имели представителей в совете директоров Recorded Future[80].

В течение десятилетия, последовавшего за 11 сентября, надзорная чрезвычайщина также вылилась в «лесть подражанием», когда АНБ пыталось стать «немно-

го похожим на Google», воспроизводя, с переменным успехом, возможности Google в различных областях. В 2006 году генерал Кит Александер изложил свое видение поискового инструмента под названием ICREACH, который «позволил бы совместно использовать и анализировать беспрецедентные объемы <...> метаданных силами сразу многих агентств в рамках разведывательного сообщества». К концу 2007 года программа была апробирована, что привело к увеличению количества отдельных совместных коммуникаций с 50 миллиардов до более 850 миллиардов. Эта система была разработана с «Google-подобным» поисковым интерфейсом, позволявшим аналитикам выполнять поиск с учетом желаемых метаданных и извлекать жизненно важный поведенческий излишек в целях анализа, который мог бы выявить «социальные сети», «образ жизни» и «привычки» и в целом «предсказывать будущее поведение»[81]. В 2007 году два аналитика АНБ написали внутреннее учебное пособие по поиску информации в интернете. В нем выражалась острая заинтересованность агентства во всем, что связано с Google, а одна подробная глава подвергала подробному разбору Поиск Google и «хаки», которые позволяли раскопать информацию, не предназначенную для публичного распространения[82].

В том году избирательное сродство, питавшее интерес разведывательного сообщества к Google, снова вышло на первый план, когда директор Google по исследованиям и эксперт по искусственному интеллекту Питер Норвиг выступил на конференции Pentagon Highlands — эксклюзивном сетевом мероприятии, на котором представители военных и спецслужб общаются с представителями индустрии высоких технологий, выборными должностными лицами, элитными учеными, топ-менеджерами корпораций и оборонными подрядчиками. В 2001 году директор этого форума Ричард О'Нил, выступая в Гарварде, охарактеризовал его работу как «генератор идей, такой, что идеи, возникающие на подобных собраниях, доступны для применения теми, кто принимает решения, а также людьми из мозговых центров»[83]. Это должно было стать мостом между правительством и лидерами бизнеса, особенно Кремниевой долины[84]. Согласно одному очень подробному материалу жур-

налиста-расследователя Нафиза Ахмеда, цитируемому юристом Мэри Энн Фрэнкс, форум был и системой поддержки, и инкубатором роста Google, а также силой, связывающей и объединяющей Пентагон, спецслужбы и молодую компанию:

> Инкубация Google разведывательным сообществом США с самого начала происходила благодаря сочетанию прямого спонсирования и неформальных сетей финансового влияния, которые, в свою очередь, тесно связаны с интересами Пентагона[85].

Другой правовед назвал «сотрудничество» между Google и разведывательным сообществом, особенно АНБ, «беспрецедентным»[86].

В течение этих лет ученые отмечали растущую взаимозависимость между спецслужбами, недовольными конституционными ограничениями своих прерогатив, и фирмами Кремниевой долины[87]. Агентства жаждали проникнуть на территорию вне закона, доступом к которой пользовалась такая фирма, как Google. В своей статье 2008 года «Конституция в государстве национального надзора» профессор права Джек Балкин отметил, что, поскольку конституция не дает возможности правительственным субъектам быстро добиваться своих целей в области надзора, это создает стимулы для правительства «полагаться на частное предпринимательство, когда речь заходит о сборе и генерировании информации для себя»[88]. По словам Балкина, Верховный суд почти не накладывает особых ограничений на конфиденциальность полученных бизнесом данных или информации, которая передается третьим лицам. Электронная почта, как правило, хранится на частных серверах, что делает ее защищенность «в лучшем случае ограниченной». Это отсутствие закона сделало частные компании привлекательными партнерами для государственных игроков, связанных демократическими ограничениями.

По словам правоведа Джона Майклса, потребность правительства в уклонении от конституционного надзора ведет к тайному сотрудничеству между разведкой с частным сектором, которое, как правило, «организовано на основе рукопожатий, а не юридических фор-

мальностей вроде ордеров на обыск — по всей видимости, чтобы уйти от надзора, а иногда и ради прямого нарушения закона»[89]. Он заметил, что частные источники данных, собранных фирмами, неотразимо привлекают к себе спецслужбы, которые «в некоторых отношениях зависят» от них[90].

Замечания обоих ученых получили подтверждение в 2010 году, когда бывший директор АНБ Майк Макконнелл еще немного приоткрыл завесу над избирательным сродством между Google и разведывательным сообществом. В статье в газете Washington Post Макконнелл дал ясно понять, что основанные на надзоре операции Google по сбору, извлечению и анализу данных считаются чем-то само собой разумеющимся и очень желанным. Границы частного и общественного в этом случае расшатываются под мощным напором новых угроз и создаваемых ими неотложных требований, которые должны удовлетворяться за «миллисекунды». В будущем Макконнелла существует единая «бесшовная» империя надзора, в которой требования самосохранения не оставляют места для демократии с ее медлительными обычаями надлежащей правовой процедуры, сбора доказательств, получения ордеров и соблюдения законности. Как настаивал Макконнелл,

> Следует сформировать эффективное партнерство с частным сектором, чтобы информация могла быстро перемещаться из государственного сектора в частный и обратно, рассекречиваться и засекречиваться <…> ради защиты критической инфраструктуры страны. Недавние сообщения о возможном партнерстве между Google и государством указывают на те самые виды совместных усилий — и общих проблем, — которые, вероятно, ждут нас в будущем <…> подобная схема смешивает карты традиционных ролей правительства и частного сектора <…> Киберпространство не знает границ, и наши оборонительные усилия должны быть такими же бесшовными[91].

В последние месяцы работы администрации Обамы тогдашний министр обороны Эш Картер совершил поездку по Кремниевой долине, где объявил о создании нового Консультативного совета по оборонным инновациям, предназначенного для официального оформления канала взаимодействия между руководством технологи-

ческих компаний и министерством обороны. Картер включил в новый совет Шмидта и поручил ему выбрать его членов. Как заключает журнал Wired, «правительство нуждается в Кремниевой долине как никогда прежде, стремясь защититься от угроз безопасности в киберпространстве»[92]. Эти факты наглядно и всесторонне иллюстрируются в сборнике статей «Массовый сбор», написанном международной группой ученых под редакцией Фреда Кейта (Индианский университет) и Джеймса Демпси (Беркли). Кейт и Демпси отмечают «обширное агрегирование» личных данных в руках частных компаний:

> Правительства по понятным причинам хотят получить доступ к этим данным. <…> По сути, все правительства в мире заявляют о своем праве на то, чтобы заставлять компании, хранящие эти данные, раскрывать их[93].

Если бы не надзорная чрезвычайщина, вполне возможно, что этих данных даже не существовало бы, по крайней мере в нынешних объемах и с нынешним уровнем детализации.

Надзорная чрезвычайщина помогла сформировать эволюционную траекторию информационного капитализма, создав среду, в которой зарождающиеся надзорные практики Google горячо приветствовались, вместо того чтобы критиковаться. Повторим — история не дает нам контрольных групп и мы не можем с уверенностью сказать, что информационный капитализм принял бы другое направление развития, если бы не внезапный новый интерес к возможностям надзора. Но на сегодняшний день дело выглядит так, что одним из непредвиденных последствий этого избирательного сродства между государственным и частным стало то, что зеленым росткам надзорного капитализма позволено было укорениться и взойти без особых препятствий со стороны законодательства или контролирующих органов. Это поощряло молодое руководство Google настаивать на том, что действие существующих законов на них не распространяется, видя в этом естественное право, и, под еще более густым покровом секретности, подталкивало государство предоставить ему эту свободу.

Мощное избирательное сродство способствовало стремлению получать надежную информацию любой ценой, и частью этой цены, по-видимому, было создание тепличных условий для надзорного капитализма. Со временем историки, без сомнения, раскроют детали этих отношений и то, как открытия Google в области получения и использования поведенческого излишка оказались защищенными от критического внимания, по крайней мере отчасти, в силу этого нового спроса со стороны военных.

В контексте новой военной ориентации цифровой потенциал, задействованный, в духе ценностей гражданского общества, в цикле реинвестирования поведенческой стоимости, был беспрепятственно развернут в сторону надзора. Средства надзора процветали без риска применения санкций и привлекали надзорный капитал. Доходы не заставили себя ждать. Это напоминает ситуацию в автомобильной, сталелитейной и станкостроительной отраслях середины XX века, когда благодаря военным заказам заводы могли работать на полную мощность. В конечном счете, однако, это оказалось сомнительным благом. Спрос со стороны военных искажал и подавлял инновационный процесс и вбивал клин между этими отраслями и их гражданскими клиентами, делая их уязвимыми перед лицом иностранной конкуренции на все более глобальных рынках конца 1970-х — начала 1980-х годов[94].

Аналогичным образом в условиях надзорной чрезвычайщины руководству Google не нужно было заниматься утомительной и рискованной работой по созданию формы рынка, основанной на обмене и ориентированной на защиту прав, когда модель надзора была настолько прибыльной. Зачем рисковать и экспериментировать с более органичными путями к монетизации, когда операции по надзору и добыче защищены от закона и исключительно прибыльны? В конечном счете не только Google задавался этими вопросами; все другие интернет-бизнесы стояли перед тем же выбором. Как только доходы от надзора установили планку для венчурных капиталистов и аналитиков с Уолл-стрит, интернет-компаниям стало намного легче плыть по течению. Потом трудно стало этого не делать.

V. Линии укреплений

Как случилось, что через столько лет после событий, положивших начало мании информационного господства, надзорный капитализм по-прежнему действует относительно беспрепятственно, особенно в США? За эти годы накопились тысячи институциональных фактов, которые мало-помалу нормализовали практики надзорного капитализма и научили смотреть на них как на нечто необходимое и неизбежное — открытие поведенческого излишка и последовавшее за этим накопление невиданных количеств капитала и материалов, повсеместное распространение устройств и услуг, интеграция потоков данных и институционализация фьючерсных рынков человеческого поведения.

Конечно, сам по себе успех ничего не доказывает; не стоит понимать эти институциональные процессы как признак присущей надзорному капитализму ценности или неизбежности. В следующих главах мы обнаружим много дополнительных факторов, которые способствовали этому успеху, но здесь я хочу сосредоточиться на превентивных действиях Google по возведению укреплений вокруг цепочек поставок поведенческого излишка, с целью защитить потоки этого излишка от возможных угроз.

Хотя многие элементы этой фортификационной стратегии широко освещались, их значение для нашего рассказа кроется в том, что каждый из них является одним из аспектов многоплановой операции, которая отвлекает критическое внимание от базовых процессов, нацеленных на поддержание потока бесплатного, нерегулируемого поведенческого излишка. Чтобы защитить Google и в конечном счете других надзорных капиталистов от политического вмешательства и критики, укрепления строились на четырех ключевых театрах: (1) демонстрация уникальных возможностей Google как источника конкурентного преимущества в условиях электоральной политики; (2) преднамеренное размывание границ между общественными и частными интересами посредством создания нужных связей и агрессивной лоббистской деятельности; (3) свободный обмен кадрами, ми-

грировавшими между Google и администрацией Обамы, объединенных избирательным сродством в решающие для Google годы роста (2009–2016); и (4) спланированные попытки Google оказать влияние на академическую сферу и более широкое культурное пространство, столь жизненно важное для формирования политики, общественного мнения и политического восприятия. Успехи, достигнутые на этих четырех линиях обороны, способствуют пониманию того, как надзорный капитализм смог устоять и почему он продолжает процветать.

Во-первых, Google продемонстрировал, что те самые, полученные из поведенческого излишка прогностические знания, которые позволили надзорным капиталистам разбогатеть, могут также помочь политикам выигрывать выборы. Чтобы доказать это, Google был готов применить свою магию в ходе самых важных и волнующих избирательных кампаний XXI века, начиная с президентской кампании Обамы 2008 года. Шмидт играл ведущую организационную и руководящую роль в реализации передовых стратегий обработки данных, которые должны были затмить традиционное искусство политики наукой поведенческого прогнозирования[95]. Действительно, «в штаб-квартире Обамы в Чикаго <…> каждые выходные они перестраивали модель электората в каждом спорном штате <…> полевой персонал мог видеть влияние текущих событий на прогнозируемое поведение и мнения каждого избирателя по всей стране»[96].

Исследования, проведенные специалистами по СМИ Дэниелом Крейссом и Филиппом Ховардом, показывают, что кампания Обамы 2008 года накопила немало данных о более чем 250 миллионах американцев, в том числе «обширный массив данных о поведении и связях в интернете, собранных в процессе использования вебсайта кампании и сторонних сайтов социальных сетей вроде Facebook…»[97]. Журналист Саша Иссенберг, который задокументировал эти события в своей книге «Лаборатория победы», цитирует одного из политических консультантов Обамы 2008 года, который уподобил прогностическое моделирование инструментарию гадалки: «Мы знали, за кого <…> люди собираются проголосовать, еще до того, как они приняли решение»[98].

Обама использовал свою близость к Шмидту, чтобы укрепить представление о себе как о кандидате обновления, готовом сломать устоявшееся статус-кво в Вашингтоне[99]. После выборов Шмидт вошел в Переходный консультативный совет по экономике и появился рядом с Обамой на его первой после выборов пресс-конференции[100]. По словам издания Politico,

> одной только картинки Шмидта, стоящего бок о бок с ведущими экономическими советниками Обамы, было достаточно, чтобы у конкурентов Google побежали по спине мурашки. «Microsoft в ужасе от этого, — сказал лоббист-демократ, знакомый с индустрией. — Люди до смерти боятся Google, и не зря»[101].

Роль Шмидта в избрании президента Обамы — лишь одна страница долгих, и теперь уже легендарных отношений, которые иногда называют «романом»[102]. Не удивительно, что Шмидт взял на себя еще более заметную роль в перевыборной кампании 2012 года. Он отвечал за сбор средств, технические инновации и «лично контролировал систему мониторинга явки избирателей в ночь выборов»[103].

Рассказ политического корреспондента Джима Рутенберга в газете New York Times о важной роли специалистов по данным в победе Обамы в 2012 году рисует яркую картину извлечения и анализа поведенческого излишка как политической методологии. Организаторы кампании знали «имя, адрес, расовую принадлежность, пол и доход каждого колеблющегося избирателя в стране, которого нужно убедить голосовать за Обаму», и вычислили, как нацелить на этих людей телевизионную политическую рекламу. Одним из прорывов стал «индикатор убеждения», который показывал, насколько легко можно убедить каждого нерешившегося избирателя проголосовать за кандидата от Демократической партии[104].

В кампании Обамы, как и в Google, Facebook и других сферах информационной власти, факты о поведенческом излишке и его прогнозной силе хранились в секрете. Как заметил Рутенберг,

> масштаб, в котором кампания использовала новейшие технические инструменты для проникновения в жизни людей, и сам объем персональных данных, который обрабатывался

> на ее многочисленных серверах, оставались в значительной степени скрытыми. Секретность <…> была необходима <…> отчасти для того, чтобы сохранить конкурентное преимущество. Но, без сомнения, еще и потому, что руководители кампании беспокоились, что такие методы, как «извлечение данных» и «аналитика», могут не понравиться избирателям[105].

Во-вторых, еще в преддверии выборов 2012 года, в интервью газете Washington Post в 2011 году, Шмидт похвастался еще одной стратегией фортификации:

> Сотрудники [политиков] молоды — они все схватывают <…> Вот на что мы полагаемся. И, конечно, иногда мы нанимали к себе бывших сотрудников. Они все знают друг друга. Вот так это и работает[106].

Политические инструменты Google проложили путь к необычно оживленному и интенсивному обмену кадрами между центрами власти Восточного и Западного побережья. Проект Google Transparency проанализировал движение персонала между Гуглосферой (сама компания плюс аффилированные с ней бизнесы и ее юридические и лоббистские фирмы) и правительством (включая Белый дом, конгресс, правительственные агентства, федеральные комиссии и общенациональные политические кампании) в годы президентства Обамы. Было установлено, что к апрелю 2016 года 197 человек мигрировали из правительства в Гуглосферу, и 61 — в обратном направлении. Эти цифры включают 22 чиновника из Белого дома, которые пошли работать на Google, и 31 руководителя из Гуглосферы, перешедших в Белый дом или федеральные консультативные советы, имеющие непосредственное отношение к бизнесу Google[107].

В-третьих, просто для перестраховки, Google расточал свою щедрость по всему спектру политической системы. В книге Шмидта 2014 года, написанной в соавторстве с одним из давних руководителей Google Джонатаном Розенбергом, генеральный директор агрессивно развивал мотив о том, что государство — это сговор действующих политиков ради торможения перемен, а Google — аутсайдер, выскочка и нарушитель спокойствия. Авторы выражали презрение к политикам и лоббистам, говоря:

> Это естественная линия поведения политиков, так как традиционные компании обычно обладают гораздо бóльшим количеством финансов, нежели стартапы, только осваивающие рынок, и они знают толк в том, как использовать средства для склонения воли любого демократического правительства в свою пользу[108].

В течение того самого года, когда Шмидт порицал политиков и их политическое влияние, Google потратил на лоббирование больше, чем любая другая корпорация — свыше 17 миллионов долларов, что почти вдвое больше, чем ее конкурент по надзорному бизнесу, Facebook. В течение следующих нескольких лет, когда Белый дом поменял хозяина, Google не сбавлял темпов, обставив все остальные компании со своими более чем 18-миллионными затратами на лоббирование в 2018 году, когда компания боролась с законодательством о конфиденциальности и другими инициативами, которые могли ограничить ей свободу сбора и переработки поведенческого излишка. Google также был одним из богатейших среди всех лоббистов, зарегистрированных в ЕС, уступая только лоббистской группе, представляющей конфедерацию европейских корпораций[109].

Компания также научилась разрабатывать изощренные лоббистские операции на уровне штатов, в первую очередь направленные на борьбу с любыми законопроектами, которые укрепляют конфиденциальность и ограничивают манипуляции с поведенческим излишком. Так, Google добился права вывести на дороги свои беспилотные автомобили — в надежде на новый важный канал поставок сырья — после того, как сумел задействовать чиновников Обамы для лоббирования ключевых законодательных актов на уровне отдельных штатов[110]. И Google и Facebook в настоящее время проводят агрессивные лоббистские кампании на уровне отдельных штатов, направленные на отмену или ослабление законов, регулирующих биометрические данные и защищающие конфиденциальность. Как сказано в одном материале, «Они хотят твое тело»[111].

На четвертой линии укреплений корпорация научилась внедряться в академическую сферу и правозащитные организации и влиять на них таким образом, что это смягчало острые моменты или в некоторых случаях по-

мешало изучению ее деятельности. Газета Washington Post называет Google «мастером влияния в Вашингтоне» и отмечает тонкость, с которой фирма держит в своих руках и направляет в нужное русло представления публики о себе. Шмидт приложил руку и к этой работе. Уже являясь членом правления фонда «Новая Америка», политического аналитического центра, сыгравшего важную роль в формировании подхода администрации Обамы к экономическим вопросам, в 2013 году он стал его председателем, сделав личное пожертвование в размере 1 миллиона долларов при общем бюджете фонда в том году в 12,9 миллиона. В период с 1999 по 2016 год, когда Шмидт покинул правление, фонд получил от Google, Шмидта и семейного фонда Шмидта, вместе взятых, 21 миллион долларов[112].

Washington Post опубликовала подробные разоблачения кропотливой работы Google в этой четвертой сфере. Для иллюстрации возьмем закулисные интриги, которыми сопровождалась серия из трех конференций, посвященных конкуренции в интернет-поиске. Мероприятия проходили в Центре права и экономики Университета Джорджа Мейсона, «ориентированном на свободный рынок» научном центре, получавшем значительное финансирование от Google[113]. Встречи состоялись в мае 2012 года, как раз когда Федеральная торговая комиссия расследовала антимонопольное дело против Google. Журналисты выяснили, что сотрудники компании тесно сотрудничали с Центром, выбирая дружественных по отношению к Google выступающих и участников, многие из которых работали на Google. Среди прочего они «разослали сотрудникам Центра подробную таблицу с перечнем членов конгресса, Федеральной торговой комиссии, а также высокопоставленных чиновников министерства юстиции и прокуратуры». Репортеры отметили, что на заседаниях конференции доминировали «ведущие эксперты в области технологий и права», которые категорически отвергали необходимость каких-либо правительственных мер, направленных против Google, «выдвигая свои доводы перед теми самыми чиновниками, которые, среди прочих, будут решать его судьбу». Многие участники понятия не имели, что в организации встреч участвовал Google, потому

что Google и сотрудники Центра договорились скрыть закулисную роль корпорации[114].

Антимонопольное расследование Федеральной торговой комиссии, похоже, усилило опасения Google по поводу законодательной угрозы надзорному капитализму. В том году операция Google по выделению грантов, нацеленная на организации гражданского общества, приняла агрессивный оборот. Согласно журналистскому расследованию Центра медиа и демократии под названием «Гуглизация крайне правых», список грантополучателей корпорации за 2012 год включал новую когорту антиправительственных организаций, известных своей борьбой с регулированием и налогами, а также отрицанием изменения климата. В эту группу входили «Американцы за налоговую реформу» Гровера Норквиста, Heritage Action, финансируемая братьями Кох, и другие организации, выступающие против регулирования, такие как Федералистское общество и Институт Катона[115]. Корпорация также без лишнего шума признала свое членство в корпоративной лоббистской группе ALEC, известной своей оппозицией контролю над огнестрельным оружием и борьбе с загрязнением воздуха, а также поддержкой схем манипулирования явкой на выборы, налоговых послаблений для табачной промышленности и других идей крайне правых[116]. Между тем в список стипендиатов программы Google Policy 2014 года вошли представители ряда некоммерческих организаций, которые, казалось бы, должны были быть на переднем крае борьбы против концентрации информации и власти в руках этой корпорации, в том числе Центр за демократию и технологию (Center for Democracy and Technology), Фонд электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation), Форум «Будущее конфиденциальности» (Future of Privacy Forum), Национальная лига потребителей (National Consumers League), Гражданская лаборатория (Citizen Lab) и Ассоциация за гражданские права (Asociación por los Derechos Civiles)[117].

В июле 2017 года газета Wall Street Journal сообщала, что с 2009 года Google активно разыскивал и предоставлял финансирование профессорам университетов для написания научных статей и политических рекомендаций, которые поддерживают позиции Google

по вопросам права, регулирования, конкуренции, патентов и т. д.[118] Во многих случаях Google вмешивался в процесс подготовки статей, а некоторые авторы не раскрыли Google в качестве источника финансирования. Хотя в Google публично заявляли: «мы платили безо всяких условий» — случай в 2017 году опровергает это утверждение. Летом того года один из наиболее уважаемых исследователей Фонда «Новая Америка» (New America Foundation), специалист в области цифровых монополий Барри Линн опубликовал заявление, в котором высоко оценил историческое решение ЕС о наложении на Google, после многолетнего антимонопольного расследования, штрафа в размере 2,7 миллиарда долларов. Согласно газете New York Times и собственной версии Линна, директор «Новой Америки» поддался давлению со стороны Шмидта и уволил Линна и его команду «Открытые рынки», состоявшую из десяти исследователей. «Google крайне агрессивно сорит деньгами в Вашингтоне и Брюсселе, а затем дергает за ниточки, — сказал Линн в интервью New York Times. — Люди сейчас так боятся Google». Репортеры считают, что «напористая и изощренная» операция по расширению влияния, проводимая Google, превосходит подобные операции любых других американских компаний[119].

С Google во главе надзорный капитализм колоссально расширил динамику рынка, научившись экспроприировать человеческий опыт и перерабатывать его в желанные поведенческие прогнозы. Google и этот более широкий надзорный проект появились на свет, получили защиту, окрепли и пришли к успеху благодаря историческим условиям своей эпохи — потребностям второго модерна, неолиберальному наследию и Realpolitik надзорной чрезвычайщины — а также своим собственным специально для этого выстроенным линиям укреплений, призванным защитить от критического изучения операции по поставкам сырья путем подчинения политики и культуры.

Эти неумолимые факты стали следствием способности надзорного капитализма обходить демократические процедуры. Два человека в Google, не будучи легитимно избранными, находясь вне демократической подотчетности и не подчиняясь акционерам, контролируют

организацию и распространение мировой информации. Единственный человек в Facebook, не будучи легитимно избранным, находясь вне демократической подотчетности и не подчиняясь акционерам, контролирует все более распространенные средства поддержания социальных связей вместе со скрытой в этих сетях информацией.

ГЛАВА 5
Усложнение надзорного капитализма: присваивать, захватывать, теснить конкурентов

И все слова, такие как Любовь и Мир,
Толковой бодрой речи каждый миг
Затоптаны, убиты, сведены
В визгливый мерзкий монотонный крик

У. Х. Оден, *«И мы знавали дивные часы»*

1. Императив извлечения

«НАША высшая цель — преобразование всего опыта пользовательского взаимодействия с Google: мы хотим сделать его восхитительно простым, — говорил Ларри Пейдж, — *почти автомагическим (automagical), потому что мы понимаем, чего вы хотите,* и можем мгновенно предоставить вам это»[1]. В стремлении осуществить эти амбициозные цели императив извлечения создает неустранимую тягу к наращиванию масштабов процессов обеспечения поставок поведенческого излишка. Не может быть никаких пределов, ограничивающих масштабы охоты за поведенческим излишком, ни одна территория не освобождается от грабежа. Присвоение права на принятие решений об экспроприации человеческого опыта, его перевод в данные и использование этих данных — сопутствующие этому процессу явления, неотделимые от него, как тень. Это объясняет, почему цепочки поставок Google начинались с Поиска, но постоянно расширялись, охватывая новые и все более амбициозные территории, далекие от кликов и поисковых запросов. Запасы поведенческого излишка, накопленного Google, теперь охватывают все, что только есть в онлайн-среде: поиск, электронную почту, тексты, фотографии, песни, сообщения, видео, местоположения, способы общения, установки, предпочтения, интересы,

изображения лиц, эмоции, болезни, социальные сети, покупки и так далее. Каждую секунду из множества виртуальных потоков нашей повседневной жизни, по мере того как они сталкиваются с Google, Facebook или с любым другим аспектом компьютерной архитектуры интернета, набирается новый океан поведенческого излишка. По сути, под руководством надзорного капитализма, компьютерные сети, во всем их глобальном охвате, перепрофилируются в *архитектуру извлечения*.

Этот процесс начался в интернете, но распространился и на реальный мир — факт, который мы рассмотрим более подробно в части II. Если Google — поисковая компания, то почему она инвестирует в устройства умного дома, в носимые устройства и беспилотные автомобили? Если Facebook — социальная сеть, почему она разрабатывает дроны и дополненную реальность? Подобное разнообразие иногда озадачивает наблюдателей, но обычно приветствуется как проявление провидческого дара, как рискованная ставка на отдаленное будущее. Фактически же действия, которые кажутся не имеющими между собой ничего общего и даже разбросанными в случайном порядке по отраслям и проектам, сводятся к одной и той же деятельности, направляемой одной и той же целью — захватом поведенческого излишка. Каждое представляет собой немного иную конфигурацию аппаратного обеспечения, программного обеспечения, алгоритмов, датчиков и средств связи, призванную имитировать автомобиль, рубашку, мобильник, книгу, видео, робота, чип, дрон, камеру, роговицу, дерево, телевизор, часы, нанобота, кишечную флору или любой онлайн-сервис, но все они разделяют одну и ту же цель — захват поведенческого излишка.

Google — перевертыш, но каждое новое обличье преследует ту же цель: найти и захватить сырье. *Детка, не хочешь ли покататься на моей машине? Поговорить по моему телефону? Поносить мою рубашку? Поискать на моей карте?* Во всех этих случаях изменчивый поток личин — лишь хитроумный маневр, отвлекающий от главного события: непрерывного расширения архитектуры извлечения с целью масштабного получения сырья для обеспечения дорогостоящего производственного процесса, выпускающего прогнозные продукты, которые привлекают

и удерживают все новых клиентов. Когда в 2008 году ему задали вопрос о том, почему у Google 150 «продуктов», генеральный директор компании Эрик Шмидт ответил:

> Это можно назвать критикой, но это также можно назвать стратегией. Цель компании — довольные клиенты. Вы должны думать о Google как об одном продукте: довольном клиенте[2].

Этими клиентами являются мировые рекламодатели и все остальные, кто платит за прогнозы. Таким образом, «удовлетворенность клиентов» равнозначна господству Google на новых прибыльных рынках поведенческих фьючерсов, подпитываемых постоянно расширяющейся архитектурой извлечения.

Постоянно создаются и испытываются новые пути поставок, и только некоторые из них вводятся в эксплуатацию. Пути, которые позволяют надежно наращивать масштаб, такие как операционная система для смартфонов Android или почтовый сервис Gmail, продолжают разрабатываться и институционализироваться. Пути, которые не справляются с задачей, закрываются или изменяются. Если один маршрут заблокирован, находится другой. Успешные маршруты поставок служат одновременно досками объявлений для таргетированной рекламы, расширяя проникновение рынков поведенческих фьючерсов и в то же время вовлекая пользователей в то, что дает новые порции поведенческого излишка. Список путей поставок всегда будет изменчивым, но все варианты имеют один и тот же оперативный мандат: захват поведенческих излишков и изъятие прав на принятие решений. Как у реки, текущей в море, когда один маршрут заблокирован, находится другой.

В этой главе мы проследим действие императива извлечения, который стимулирует усложнение новой формы рынка и его конкурентной динамики. Этот императив отводит операциям по обеспечению поставок излишка определяющую роль во всех аспектах функционирования надзорного капитализма. Все начинается с непрерывного парада инноваций, направленных на то, чтобы у потоков сырья не осталось выбора. Подобный захват рынка — не просто технологическое достижение. Устойчивое изъятие излишка требует тщательно

сбалансированной и поэтапно применяемой комбинации политических, коммуникативных, административных, правовых и материальных стратегий, с помощью которых смело выдвигаются и неустанно отстаиваются притязания на новые территории. Успех этих стратегий, сначала в Google, а затем и в Facebook, показал их выполнимость и прибыльность, вовлекая новых конкурентов во все более безжалостный цикл присвоения человеческого опыта, завладения поставками излишка и конкуренции на новых рынках поведенческих фьючерсов.

11. Контролирование поставок

Открытие поведенческого излишка в 2001–2002 годах означало, что Поиск Google станет первым «сервисом» Google, который будет перепрофилирован в маршрут поставок. Изменения в механизмах работы Поиска, к которым это привело, пользователю было почти невозможно представить, тем более обнаружить. Когда Бенджамин Эдельман из Гарвардской школы бизнеса исследовал эти скрытые механизмы в 2010 году, он обнаружил, что опция «расширенных функций» продукта под названием «Панель инструментов Google» — плагина для веб-браузера Microsoft Internet Explorer, позволявшего пользователям выполнять поиск, не заходя на google.com — передает компании «полный URL-адрес каждой открытой страницы, включая поиск в конкурирующих поисковых системах». Эдельман обнаружил, что эту опцию «удивительно легко» включить, но невозможно отключить. Даже когда пользователь давал специальное указание отключить эту панель инструментов и даже когда она казалась отключенной, поскольку исчезала из виду, панель инструментов продолжала отслеживать действия пользователя в браузере[3]. Теперь, когда Google ежегодно получает «триллионы» поисковых запросов, его разнообразные механизмы отслеживания, связанные с поиском, в сочетании с цепкими и почти неистребимыми файлами cookie (биты кода отслеживания, оставляемые на вашем компьютере), обеспечивают огромную экономию от масштаба, которая составляет основу операций Google по поставкам излишка[4].

В 2015 году специалист по правовым вопросам интернета Тим Ву, вместе с Майклом Лукой из Гарвардской школы бизнеса и командой специалистов по данным из Yelp объединили усилия, чтобы заняться изучением скрытых механизмов Поиска Google, которые интересны для нас тем, что расширяют ключевую функцию поставок. Они обнаружили, что Google систематически искажает результаты поиска, отдавая предпочтение своему собственному контенту и потребительским продуктам, использующим этот контент:

> Со временем Google начал создавать свой собственный контент, например собственные подборки цен на различные товары и собственные обзоры местных заведений <…> Google выступает и в качестве поисковой системы, и в качестве поставщика контента. Чтобы использовать свое доминирующее положение в поиске для продвижения этого контента, Google разработал функцию, называемую «универсальный поиск», с помощью которой он намеренно исключает контент конкурентов и показывает только контент Google[5].

Непрестанная необходимость в больших количествах излишка ведет к корпоративному поведению, которое стремится к эксклюзивности. Поскольку Поиск является фундаментом поставок Google, у компании есть все стимулы, чтобы заманивать пользователей на свою платформу поиска, контенту и вспомогательным сервисам, а затем использовать закулисные «методы, аппарат и структуры данных» для эффективного извлечения излишка. Тенденция к эксклюзивности порождает ряд практик, которые с точки зрения подхода к регулированию, сложившегося в XX веке, считались бы «монополистическими». Эта характеристика, хотя и верна, упускает наиболее значимые элементы нового порядка. Императив извлечения требует завладеть всем. В этом новом контексте товары и услуги представляют собой просто маршруты поставок, ведущие к надзору. Это уже не автомобиль; это поведенческие данные, возникающие в процессе вождения автомобиля. Это уже не карта; это поведенческие данные, возникающие в процессе взаимодействия с картой. Идеал здесь — постоянно расширяющиеся границы, которые в конечном итоге охватывают весь мир и всё находящееся в нем, в каждый момент времени.

Традиционно монополии на товары и услуги искажают действие рыночных механизмов, недобросовестно устраняя конкуренцию с целью произвольного повышения цен. Однако при надзорном капитализме многие из методов, подпадающих под определение монополистических, фактически служат средством *контролирования* (*cornering*) поставок сырья, полученного от пользователей. Нет никакой денежной цены, которую платил бы пользователь, есть только возможность для компании извлекать данные. Методы установления контроля предназначены не для защиты продуктовых ниш, а для защиты критически важных путей поставок такого нерегулируемого товара, каким является поведенческий излишек. В другие времена нечестные участники рынка могли устанавливать контроль над рынками меди или магния, но в наше время это поведенческий излишек. Корпорация недобросовестно создает препятствия для конкурентов в Поиске, чтобы защитить доминирование своего наиболее важного маршрута поставок, а не для того, чтобы задрать цены.

Подобные действия по установлению контроля над поставками — не абстракции, имеющие лишь отдаленные последствия, которые когда-нибудь скажутся на ценах полезных ископаемых или зерновых. В рамках этой схемы контроль устанавливают именно над нами. Источник желанного сырья — мы; сырье — наш опыт. По мере того как надзорный капитализм мигрирует из Кремниевой долины и проникает в ряд других фирм и секторов, мы постепенно оказываемся в мире, где нет спасения, когда над нами с разных сторон устанавливают контроль сливающиеся между собой и неуклонно расширяющиеся операции по добыче сырья. Важно сказать — и мы еще не раз вернемся к этой теме, — что вмешательства со стороны государства, призванные ограничить монопольные практики Google, скорее всего, слабо повлияют на базовую работу этой формы рынка. Новые маршруты поставок постоянно обнаруживаются, запускаются и ставятся под защиту. Процессы изъятия идут в обход всех препятствий и будут продолжать это делать, пока не окажутся перед лицом подлинно экзистенциальной угрозы.

Принадлежащая Google мобильная платформа Android — хороший пример верховной роли, которую играет захват излишка и защита путей его поставок. С появлением смартфонов и планшетов интернет стал мобильным и Google был вынужден искать новые способы защитить и расширить свою основную цепочку поставок в виде Поиска. Android быстро стал вторым критическим маршрутом поставок поведенческого излишка для корпорации. В 2008 году Google возглавил альянс производителей из сферы высоких технологий и мобильных операторов, созданный с целью разработки «открытой и всеобъемлющей платформы для мобильных устройств». Некоторые обозреватели считали, что Android-телефон — это возможность для Google конкурировать с Apple на прибыльном рынке смартфонов, но инсайдеры Google осознавали еще больший потенциал роста и прибыли за счет поведенческого излишка и его переработки в прогнозные продукты.

Google стал предоставлять лицензию на Android производителям мобильных устройств бесплатно, так как он был предназначен для привлечения пользователей в Поиск и другие сервисы Google, создавая повсеместный мобильный аппарат поставок, для поддержания известных территорий поведенческого излишка и открытия новых, включая геолокацию и мобильные платежные системы, высоко ценимые рекламодателями[6]. Как сказал в 2009 году финансовый директор Google финансовым аналитикам:

> Если мы будем продвигать внедрение этих мобильных телефонов за счет снижения стоимости, поскольку это открытый исходный код, подумайте о том, сколько поисковых запросов [это принесет][7].

Крупный венчурный инвестор из Кремниевой долины в 2011 году назвал устройства Android не «товарами» в классическом экономическом смысле:

> ...они не пытаются заработать на Android <...> Они хотят прибрать к рукам все, что находится в промежутке между ними и потребителями и сделать это бесплатным (или даже более чем бесплатным) <...> По сути, они не просто копают ров; Google также выжигает землю на 250 миль вокруг замка, чтобы никто не мог к нему подобраться[8].

Операции по поставкам сырья были тщательно оберегаемым сокровищем внутри укрепленного замка, и политика разработки Android была ключом к успеху этой стратегии обеспечения поставок поведенческого излишка. В отличие от iPhone, платформа Android имела «открытый исходный код», что позволило разработчикам приложений по всему миру легко создавать приложения для пользователей Android. В конце концов Google собрал всю эту ценную новую вселенную приложений в магазине Google Play. Производители, которые хотели предустановить Google Play на своих устройствах, должны были лицензировать и устанавливать мобильные сервисы Google в качестве единственно доступных или установленных по умолчанию функций: Поиск, Gmail, Google Pay, YouTube, Карты Google, Google Фото и любые другие маршруты поставок, находившиеся в тот момент на подъеме.

В 2016 году практика Google в отношении Android стала предметом антимонопольного расследования в Европейском союзе, и выдвинутые в ходе этого расследования обвинения один к одному отражали целенаправленные усилия Google по построению и защите жизненно важных маршрутов в виде Поиска и мобильных устройств. В очередной раз противодействие со стороны государства монополистической деятельности Google сконцентрировалось на традиционном ограничении конкуренции, вместо новых видов вреда, создаваемых надзорным капитализмом. К апрелю 2013 года Эрик Шмидт заявил на конференции, посвященной «всему» цифровому:

> Наша цель с Android — добраться до каждого. Через шестьдевять месяцев число проданных устройств на Android достигнет миллиардной отметки. Через год или два мы достигнем двух миллиардов. <…> *Относительно недорогой смартфон с браузером — это все, что вам нужно для получения всей информации мира*.

Последнее предложение, возможно, характеризовало преимущества для пользователей Android. Тем не менее это еще более емкая сводка собственных амбиций Google, проливающая свет на жизненно важную экономию от масштаба, связанную с этим мобильным маршрутом поставок[9].

Google яростно защищает маршруты поставок, которые оказываются под угрозой. Ничто не должно мешать его операциям по извлечению излишка и исключительности его прав на это сырье. В 2009 году Motorola, производившая устройства на Android, решила заменить бесплатные сервисы геолокации Google сервисами Skyhook Wireless, которые, по мнению Motorola, давали более надежные результаты. Менеджер по продуктам Google признал превосходство Skyhook, но в письме одному из руководителей Google выразил свою обеспокоенность, отметив, что, если другие производители перейдут на Skyhook, это «будет ужасно для Google, потому что это лишит нас возможности продолжать сбор информации» для базы данных местоположений Wi-Fi. Среди документов, фигурировавших на последовавшем в итоге судебном процессе Skyhook против Motorola (и Samsung), можно найти письмо от старшего вице-президента Google по мобильным разработкам директору Motorola, где он настаивал, что для Google прекратить сбор данных — «значит остановить весь корабль»[10].

Материалы еще одной юридической схватки дополнительно показывают, что такие продукты, как Android, ценятся больше за поставки сырья, чем за продажи. Компания Disconnect, Inc., основанная в 2011 году двумя бывшими инженерами Google и адвокатом, специализировавшимся на защите конфиденциальности, разработала настольные и мобильные приложения, призванные «защитить неприкосновенность частной жизни и безопасность пользователей интернета, блокируя невидимые, незапрашиваемые сетевые соединения между браузером пользователя или мобильным устройством и сайтами/службами, которые занимаются скрытой слежкой или известны как предполагаемые распространители вредоносных программ <…> не только при просмотре веб-страниц, но и при использовании других, сторонних мобильных приложений»[11]. Disconnect прямо целила в «невидимые, незапрашиваемые и часто непризнанные» сетевые соединения со сторонними сайтами и сервисами, которые происходят, как только вы посещаете веб-сайт или открываете мобильное приложение.

К несчастью для Disconnect, именно тот процесс, которому она вознамерилась помешать, установился в ка-

честве важного маршрута поставок сырья для Google и других надзорных капиталистов[12]. Масштабы извлекающей архитектуры Google объясняются в нескольких исследованиях, включая Перепись сетевой конфиденциальности (Web Privacy Census), которая в основном анализировала файлы cookie. В ходе переписи были проанализированы топ-100, 1000 и 25 000 веб-сайтов в 2011, 2012 и 2015 годах — годах лихорадочных открытий и разработок для надзорных капиталистов. Сравнение между 2012 и 2015 годами выявило более чем двукратный рост числа сайтов с сотней и более файлов cookie и более чем в трехкратный — сайтов со 150 и более файлами. Команда обнаружила, что любой, кто просто посетил бы 100 самых популярных в 2015 году веб-сайтов, собрал бы на своем компьютере более 6000 файлов cookie, 83% из которых принадлежали третьим сторонам, не связанным с посещаемым веб-сайтом. В ходе переписи «инфраструктура отслеживания Google» была обнаружена на 92 из 100 самых популярных сайтов и на 923 из 1000 популярных сайтов и был сделан вывод о том, что «способность Google отслеживать пользователей на популярных веб-сайтах не имеет аналогов и приближается к уровню надзора, которого может достичь только интернет-провайдер»[13].

Еще одно исследование 2015 года, на этот раз верхнего миллиона веб-сайтов, выполненное Тимоти Либертом из Университета Пенсильвании, показало, что на 90% из них данные утекают в среднем на девять внешних доменов, которые отслеживают, собирают и экспроприируют пользовательские данные для коммерческих целей. Среди этих сайтов 78% инициируют передачу данных домену, принадлежащему одной компании — Google. Еще 34% отправляют данные в домен, принадлежащий Facebook[14]. Стивен Энглхардт и Арвинд Нараянан из Принстонского университета сообщили в 2016 году о результатах своего исследования данных отслеживания с миллиона веб-сайтов[15]. Они выявили 81 000 сторонних доменов, но только 123 из них присутствовали на более чем 1% сайтов. Из этой группы пять самых распространенных доменов и двенадцать из двадцати самых распространенных — домены, принадлежащие Google. «В действительности, — заключают

они, — Google, Facebook и Twitter являются единственными сторонними структурами, представленными на более чем 10% сайтов». Китайские исследователи изучили 10 000 приложений, которые были представлены в ведущих сторонних магазинах приложений в 2017 году. Они обнаружили «скрытый» процесс, при котором приложение автономно запускает на вашем телефоне другие приложения в фоновом режиме, и пришли к выводу, что этот «сговор приложений» наиболее распространен на сторонних рынках приложений для Android. Из 1000 самых скачиваемых приложений на одной из популярных в Китае платформ 822 запускали в среднем 76 других приложений, и 77% этих запусков были совершены посредством облачных «push-сервисов», которые предназначены для обновления приложений, но, очевидно, делают много больше. Исследователи отмечают, что в среде Android push-сервисы предоставляет Google[16].

Наконец, выдающееся исследование французской некоммерческой организации Exodus Privacy совместно с Yale Privacy Lab в 2017 году задокументировало экспоненциальный рост распространенности программного обеспечения для отслеживания. Exodus выявила 44 трекера в более чем 300 приложениях для платформы Android от Google, причем некоторые из них доступные и для iOS. В целом эти приложения были загружены миллиарды раз. В сообщении о результатах этого исследования красной нитью проходят две темы: повсеместность и интенсификация. Во-первых, абсолютно невинные приложения вряд ли существуют; если приложение не отслеживает вас сейчас, оно может начать это делать через неделю или месяц:

> Существует целая индустрия, основанная на этих трекерах, и приложения, считающиеся «чистыми» сегодня, могут содержать трекеры, которые еще не были идентифицированы. Кроме того, разработчики могут добавить следящий код в будущем, в новые версии приложений.

Во-вторых, даже самые невинные с виду приложения, такие как прогноз погоды, фонарик, приложения совместных поездок или для знакомств, «кишат» десятками следящих программ, которые полагаются на все более причудливую, агрессивную и неразборчивую тактику

ради сбора огромных количеств поведенческого излишка, в конечном итоге используемого для таргетирования рекламы. Например, рекламный трекер FidZup разработал «связь между звуковым излучателем и мобильным телефоном…». Он может определять присутствие мобильных телефонов и, следовательно, их владельцев, распространяя внутри здания неслышимый человеческому уху звук:

> Таким образом, физическое местонахождение пользователей, установивших путеводитель по французским ресторанам и отелям, «Bottin Gourmand», будет отслеживаться с помощью колонок в торговых точках, по мере их перемещения по Парижу. То же самое произойдет с читателями приложения автомобильного журнала Auto Journal и приложения-телегида TeleStar.

Как подчеркивают авторы этого исследования и в полном соответствии с моделью, намеченной в патенте Google, которую мы разобрали в главе 3 и с которой еще неоднократно столкнемся в следующих главах, непрекращающееся отслеживание невосприимчиво к «системе разрешений» Android, несмотря на обещанный контроль со стороны пользователя[17].

Учитывая враждебность и интенсивность этих операций по обеспечению поставок поведенческого излишка, не слишком удивительно, что программное обеспечение Disconnect было удалено из обширного каталога мобильных приложений Google Play, что привело к иску Disconnect против Google в 2015 году. Согласно иску стартапа, «рекламные компании, включая Google, используют эти невидимые соединения, чтобы „отслеживать“ действия пользователя, когда он просматривает страницы интернета или открывает другие мобильные приложения, с целью собрать персональную информацию пользователя, создать его „профиль“ и заработать деньги, таргетируя на него рекламу»[18]. Далее утверждалось, что защита личных данных, предлагаемая Google, «неизменно позволяет компании продолжать собирать личную информацию…»[19]. Удаление Google приложения Disconnect исключительно показательно в свете того факта, что, в отличие от Apple, Google известен своим «либертарианским» подходом, когда дело каса-

ется миллионов приложений, продаваемых или скачиваемых «бесплатно» из его магазина приложений. В соответствии со своими необременительными правилами он пытается выявлять и удалять вредоносные приложения, но немногим более[20].

Основатели Disconnect пытались бросить вызов императиву извлечения, но не смогли достичь цели в одиночку. После попыток — безуспешных — договориться с Google, они в конечном итоге объединились с другими организациями и подали жалобу на Google в ЕС, тем самым способствовав началу антимонопольного расследования в отношении Android[21]. Как утверждали в Disconnect,

> Google находится под огромным давлением со стороны финансового сообщества повысить «эффективность» отслеживания с целью увеличения доходов и прибыли. Предоставление пользователю возможности контролировать персональную информацию о самом себе (и защищать себя от вредоносных программ) путем блокирования невидимых подключений к проблемным сайтам представляет собой экзистенциальную угрозу для Google[22].

Как бывшие работники Google, основатели Disconnect думали, что они хорошо знают своего противника, но они недооценили уровень институционализации, достигнутый надзорным капитализмом и ожесточение, с которым корпорация была готова отражать «экзистенциальные угрозы» маршрутам своих поставок.

III. Цикл изъятия

Задолго до истории с Disconnect Google обнаружил, что успешное изъятие излишка — это не единичное действие, а сложнейшая комбинация политических, социальных, административных и технических операций, требующая искусного управления на протяжении долгого времени. Операции по изъятию, проводимые Google, демонстрируют *предсказуемую последовательность этапов*, которые должны быть тщательно проработаны и организованы, если им суждено реализовать свое конечное предназначение — превратиться в систему фактов, посредством которых нормализуется извлечение излишка.

Четыре этапа этого цикла — это *вторжение, приучение, адаптация* и *перенаправление*. Взятые вместе, эти этапы составляют «теорию изменений», которая описывает и предсказывает изъятие как политическую и культурную операцию, в которой задействован также тщательно подобранный перечень административных, технических и материальных ресурсов. Есть много ярких примеров этого цикла, в том числе история принадлежащего Google почтового сервиса Gmail; усилия Google по налаживанию маршрутов поставок в социальных сетях, сначала в Buzz, а затем в Google+; и разработка очков Google Glass. В этой главе мы сфокусируемся на истории Просмотра улиц (Street View), чтобы ближе познакомиться с циклом изъятия и проблемами управления им.

Первый этап успешного изъятия излишка начинается с одностороннего *вторжения* в незащищенное пространство — ваш ноутбук, ваш телефон, веб-страницу, улицу, на которой вы живете, электронное письмо вашему другу, прогулку в парке, поиски подарка на день рождения, обмен фотографиями ваших детей, ваши интересы и вкусы, ваше пищеварение, ваши слезы, ваше внимание, ваши чувства, ваше лицо. Вторжение происходит тогда, когда операции по изъятию начинают полагаться на свою виртуальную способность присваивать поведенческий излишек, обитающий на нерыночных пространствах повседневной жизни. Вторжение инициирует самую основную и плодоносную для Google форму изъятия — повторяющийся «первородный грех простого грабежа» Арендт. Вторжение идет напролом, не глядя по сторонам, постоянно заявляя о своих правах на принятие решений в отношении всего, что попадается на пути. «Я забираю это, — говорит оно. — Отныне все это мое».

Компания научилась устраивать вторжения и продолжать их до тех пор, пока не встретит сопротивление. Затем она обольщает, игнорирует, подавляет или просто истощает своих противников. Обольщение подразумевает целый каскад неотразимых соблазнов: беспрецедентный объем хранилища, доступ к качественно новым видам информации, новые удобства. При необходимости компания может с той же легкостью перейти к более жесткой тактике, направленной на то, чтобы истощить

время, деньги и дух противников. Против Google возбуждены сотни дел — странами, штатами, организациями и отдельными лицами, и есть множество других дел, которые так и не стали публичными. По словам Марка Ротенберга, исполнительного директора Информационного центра электронной конфиденциальности (Electronic Privacy Information Center, EPIC), никто точно не знает, сколько судебных процессов открыто по всему миру[23]. Правовые проблемы различны, но почти всегда они сводятся к одному и тому же — одностороннему вторжению, встретившему сопротивление.

Правовое сопротивление и социальный протест возникали, например, в связи с оцифровкой книг[24], сбором личной информации с помощью Wi-Fi-модуля и камеры при создании Просмотра улиц[25], сохранением данных голосовой связи[26], обходом настроек конфиденциальности[27], манипулированием результатами поиска[28], хранением обширных поисковых данных[29], отслеживанием данных о местонахождении смартфонов[30], носимыми технологиями и возможностями распознавания лиц[31], секретным сбором данных об учащихся в коммерческих целях[32] и консолидацией профилей пользователя со всех служб и устройств Google[33]. В ближайшие годы в этом списке окажутся дроны, телесные сенсоры, нейротрансмиттеры, «цифровые помощники» и другие оснащенные сенсорами устройства. Тем временем Google неизменно поражает решительностью, смелостью и чувством вседозволенности. Императив извлечения заставляет его переносить границы все дальше в незащищенное пространство.

На втором этапе целью является *приучение*. В то время как судебные процессы и расследования разворачиваются в утомительно медленном темпе, свойственном демократическим институтам, Google продолжает молниеносно развивать свои спорные новые практики. За время, прошедшее в ходе расследований Федеральной торговой комиссии и Федеральной комиссии по связи, судебных дел, прокурорских проверок и расследований Комиссии ЕС, новые находящиеся под огнем критики практики все более прочно устанавливались в качестве институциональных фактов, быстро подкрепляемых растущими экосистемами заинтересованных сторон. Люди

свыкаются с вторжением со смешанным ощущением согласия, беспомощности и покорности. Чувства изумления и возмущения проходят. Само вторжение, некогда связанное с чем-то немыслимым, постепенно прокладывает дорожку на территорию обыденности. Что еще хуже, оно постепенно начинает казаться неизбежным. Развиваются новые зависимости. По мере того как люди утрачивают чувствительность, отдельным лицам и группам становится все труднее жаловаться.

На третьем этапе цикла, когда Google время от времени вынуждают менять свои методы, его руководители и инженеры производят поверхностные, но тактически эффективные *адаптации*, которые удовлетворяют непосредственным требованиям государственных органов, судебных решений и общественного мнения. Между тем на заключительном этапе корпорация перегруппировывается, чтобы развивать новую риторику, методы и элементы дизайна, которые *перенаправляют* спорные процессы поставок ровно настолько, насколько необходимо, чтобы они внешне соответствовали общественным и правовым требованиям. Творческая энергия, финансовые ресурсы и целеустремленность, брошенные на управление этим поэтапным процессом, гибки и динамичны. Напротив, операциональная необходимость экономии от масштаба при захвате поведенческого излишка — это постоянно работающая машина, непреклонный ритм которой не оставляет места для каких-либо отклонений от цели.

Теория и практика изъятия разрабатывались и совершенствовались по мере того, как компания училась противостоять общественному сопротивлению и трансформировать его, что было необходимым условием защиты и расширения ее бизнеса на поведенческом излишке. Один из первых поводов выучить этот урок представился, когда после запуска Gmail 1 апреля 2004 года корпорация успешно отразила общественное возмущение по поводу автоматического сканирования содержимого электронной почты, предназначенного в качестве нового источника излишка для таргетированной рекламы. В конце концов цикл изъятия был усовершенствован и стал форменной «теорией изменений», формирующей тактический игровой план, который к настоящему вре-

мени регулярно применяется этой надзорно-капиталистической корпорацией как прошедший боевую проверку ответ на сопротивление общества.

Этот цикл изъятия в Google оказался настолько успешным в противодействии угрозам Gmail, и он был воспроизведен и доработан в сражении за Просмотр улиц, проект по картированию улиц, запущенный в 2007 году. И снова компания не спрашивала разрешения. Она просто повторила «первородный грех простого грабежа» и взяла себе то, что хотела, рассчитывая, что сопротивление постепенно само собой сойдет на нет, пока она пожирает и перерабатывает в цифровые данные улицы, общественные пространства, здания и домашние очаги всего мира.

Этап первый: Вторжение

Просмотр улиц впервые привлек внимание общественности после появления невинного с виду поста в блоге. Питер Флейшер, «консультант по конфиденциальности» Google, помог запустить новую «услугу», написав хвалебный гимн, воспевающий «благородную американскую традицию» общественных пространств, где, по его словам, «люди не имеют таких ожиданий в отношении конфиденциальности, как у себя дома». Как юрист, Флейшер знает, какую цену имеет каждое слово при заключении контракта или создании прецедента, поэтому стоит внимательно прочитать его слова 2007 года. Его небрежное повествование решает очень нетривиальные задачи, поскольку он утверждает, что все общественные места — законная добыча Google. У него получается, что любое публичное пространство — подходящий предмет для вторжения нового типа со стороны фирмы, не требующего чьего-либо разрешения, ведома или согласия. Дома, улицы, дворы, деревни, поселки, города — это уже не местный пейзаж, где живут и гуляют соседи, где встречаются и разговаривают жители. Просмотр улиц, сообщают нам, претендует на каждый уголок как на всего лишь очередной объект в бесконечной сетке GPS-координат и ракурсов камеры.

Своим заявлением Флейшер намерен установить за Google прерогативу выхолащивать каждое местечко

от субъективных значений, которые объединяют тех, кто там собирается. Да, когда мы выходим из дома, мы знаем, что нас увидят, но мы рассчитываем, что будем видеть друг друга в пространстве, избранном нами. Теперь же остается лишь безличное зрелище. Мой дом, моя улица, мой двор, любимое кафе — все это превращается в анимированную туристическую брошюру, объект наблюдения и открытый карьер, предмет, выставленный на всеобщее обозрение и для коммерческой экспроприации.

Google уже прибрал к рукам интернет, но Просмотр улиц и другие картографические проекты Google — Карты Google и Google Планета Земля (трехмерный вид планеты, созданный с использованием спутниковых и аэрофотоснимков) — ознаменовали еще более амбициозное видение. Все в мире должно было быть известно и отображено Google, доступно через Google и проиндексировано Google в его ненасытном аппетите к поведенческому излишку. Предположительно, ничто не должно остаться за границами Google. Мир покорен, поставлен на колени и доставлен вам Google.

Сообщение в блоге, сопровождавшее появление Просмотра улиц, — зеркальное отражение высадки захватчиков, которые когда-то появились на том безупречном карибском пляже. Конкистадоры прикрывали голые факты вторжения утонченными жестами дружбы и смирения, не давшими различить прямую и явную опасность, которую несло их прибытие. Точно так же и Флейшер заверяет свою аудиторию в дружественных намерениях. Просмотр улиц, для которого использовались ярко расцвеченные автомобили с большим креплением для 360-градусной камеры на крыше для захвата нужных изображений, был разработан, чтобы «уважать неприкосновенность частной жизни людей, которым случилось идти по улице, — пишет Флейшер. — Вот почему мы разработали простую процедуру, в соответствии с которой каждый может связаться с нами и удалить свое изображение». Он пообещал, что компания будет уважать законы и обычаи «других частей мира»[34].

Сопротивление возникало быстро и часто. К январю 2009 года Просмотр улиц столкнулся с сопротивлением в Германии и Японии. Джон Ханке, к тому времени вице-президент по продуктам, связанным с Google

Maps, не придал значения этому ропоту. (Как вы помните, Ханке основал финансируемую ЦРУ компанию спутниковых карт Keyhole, а после того, как она была куплена Google, возглавил ее преобразование в Google Планета Земля.) Он сказал репортеру, что все это — всего лишь часть «цикла человеческого понимания, что есть что и о чем стоит беспокоиться, а о чем на самом деле не стоит», другими словами, цикла изъятия. Google Планета Земля также подвергалась нападкам, ее обвиняли в том, что она способствовала смертельной террористической атаке в Мумбаи, но Ханке настаивал на том, что споры вокруг Google Планеты Земля или Просмотра улиц «на Западе» «в основном улеглись». Он ловко приравнял любое сопротивление вторжениям Google к продвижению интересов авторитарных правительств и их «обществ с закрытой информацией», направленных против свободы самовыражения[35]. Для Google и его союзников это станет стандартной риторической уловкой, применяемой в ходе нападения.

Не был ли удивлен в таком случае Ханке, когда в апреле 2009 года жители тихой английской деревни Бротон заблокировали машину Просмотра улиц, которая пыталась пересечь границу деревни, назвав это нежелательным вторжением? Это был тот самый «Запад», но споры о неприкосновенности частной жизни, самоопределении и правах на принятие решений далеко не «улеглись». Компания Privacy International подала официальную жалобу в британские органы по обеспечению неприкосновенности частной жизни, ссылаясь на более 200 сообщений от людей, которых можно было идентифицировать на изображениях Просмотра улиц, и потребовала приостановить этот сервис.

Руководство Google явно пропустило пост Флейшера о соблюдении требований конфиденциальности. Вместо этого Ханке просто отмахнулся от протестующих. Он сказал газете Times, что компанию это не остановит и что она планирует завершить охват Великобритании к концу года. Он заявил, что информация Просмотра улиц «полезна для экономики и полезна для нас как частных лиц. <…> Речь идет о предоставлении людям важной информации, позволяющей им принимать лучшие решения»[36].

Ханке, конечно, выдавал желаемое за действительное, но его заявления были вполне в русле общего подхода Google: расширять возможности людей — это здорово, но не надо расширять их *сверх* меры, чтобы они не заметили кражу своих прав на принятие решений и не попытались вернуть их. Фирма хочет помочь людям принимать лучшие решения, но не в том случае, если эти решения мешают собственным императивам Google. Идеальное общество для Google — это население удаленных пользователей, а не общество граждан. Он превозносит информированных людей, но информированных лишь настолько, насколько это угодно корпорации. Это означает, что мы должны быть смирными, миролюбивыми и, главное, благодарными.

В 2010 году Федеральная комиссия Германии по защите данных объявила, что за проектом Google Просмотр улиц скрывается замаскированный массовый сбор данных; автомобили Просмотра улиц тайно собирают персональные данные из частных сетей Wi-Fi[37]. Google отрицал это обвинение, настаивая, что собирает только общедоступные имена сетей Wi-Fi и идентифицирующие адреса Wi-Fi роутеров, но не личную информацию, отправленную через эти сети[38]. Через несколько дней независимый анализ, проведенный немецкими экспертами в области безопасности, убедительно доказал, что автомобили Просмотра улиц извлекали незашифрованную личную информацию. Google был вынужден признать, что перехватывал и хранил «полезные данные», личную информацию, полученную при незашифрованных передачах Wi-Fi. Как отмечается в оправдательном сообщении в его блоге, «в некоторых случаях были сохранены целые электронные письма и URL-адреса, а также пароли». Технические эксперты в Канаде, Франции и Нидерландах установили, что полезные данные включают в себя имена, номера телефонов, банковскую информацию, пароли, сообщения, транскрипты электронной почты и чатов, а также записи, касающиеся онлайн-знакомств, порнографии, активности в браузере, медицинскую информацию, данные о местоположении, фотографии, видео- и аудиофайлы. Они пришли к выводу, что подобные пакеты данных можно сопоставить между собой и получить подробный индивидуальный профиль конкретного лица[39].

Скандал вокруг «Spy-Fi» заполнил новостные ленты по всему миру. Многие полагали, что откровения о Просмотре улиц нанесут непоправимый ущерб Google. В Германии, где действия фирмы были явным нарушением законов о конфиденциальности и защите данных, чиновники отреагировали гневно и предупредили, что Google ожидают расследование ЕС и иски в немецких судах. В немецкий парламент был внесен законопроект, в котором предлагалось оштрафовать Google за показ личной собственности без согласия владельцев. Google столкнулся с новыми судебными разбирательствами в Швейцарии, Канаде, Франции и Нидерландах. К 2012 году многочисленные расследования шли в двенадцати странах, включая большую часть Европы, Северную Атлантику и Австралию, и Google был признан виновным в нарушении закона по крайней мере в девяти странах[40].

В США генеральные прокуроры тридцати восьми штатов инициировали расследование методов Просмотра улиц. Многочисленные групповые иски подали частные лица, восемь из этих исков были объединены в окружном суде Северной Калифорнии. Глава Privacy International заявил, что Google становится «Большим братом»[41]. Информационный центр электронной конфиденциальности выступил за то, чтобы в США оказали серьезное юридическое сопротивление попыткам Google избежать последствий по следам скандала со Spy-Fi, и поддерживал на своем сайте подробную и постоянно обновляемую хронику всемирного возмущения, протестов, расследований, судебных разбирательств и досудебных соглашений, ставших реакцией на Просмотр улиц и связанную с ним тактику извлечения излишка[42].

Google назвал «нарушения конфиденциальности» в Просмотре улиц «ошибкой», допущенной единственным инженером, работающим над «экспериментальным» проектом, код которого случайно попал в программное обеспечение Просмотра улиц. Фирма отказалась раскрыть личность таинственного инженера и настаивала на том, что руководители проекта не знали о сборе данных и «не собирались» использовать эти данные. Как сказал газете Financial Times Эрик Шмидт: «Мы облажались». Он отметил, что упомянутому ин-

женеру ввиду явного «нарушения» им политик Google предстоит внутреннее расследование. Непоколебимый, Шмидт настаивал на легитимности миссии Google по индексированию всей мировой информации[43].

Расследование, проведенное Федеральной комиссией по связи в 2012 году, охарактеризовало этот случай как «преднамеренное программное решение одного из сотрудников Google, работавших над проектом Просмотра улиц»[44]. Инженер был выбран для включения в команду из-за его уникального опыта в «вардрайвинге» (Wi-Fi wardriving) — обнаружении беспроводных сетей с помощью специального оборудования, установленного на автомобиле[45]. В его заметках к проекту указывалось, что данные трафика и местоположения пользователей будут регистрироваться вместе с «информацией о том, что они делают», что позже «будет анализироваться в автономном режиме для использования в других инициативах». «Соображения конфиденциальности» в этих заметках рассматривались, но были отклонены[46].

Федеральная комиссия по связи нашла свидетельства, противоречащие версии с козлом отпущения, выдвинутой Google. Записи показали, что инженер отправил по электронной почте ссылки на документацию к своему программному обеспечению руководителям проекта, которые затем поделились ими со всей командой Просмотра улиц. Также были обнаружены доказательства того, что по крайней мере в двух случаях этот инженер говорил своим коллегам, что Просмотр улиц собирает личные данные. Несмотря на эти факты, а также свидетельства об исчерпывающих внутреннем обсуждении программного обеспечения и процедурах его тестирования и регулярной передаче полезных данных с жестких дисков Просмотра улиц в дата-центр Google в Орегоне, инженеры Google отрицали, что знали что-либо о сборе личных данных[47].

Этап второй: приучение

Ставка Ханке на то, что «цикл» со временем измотает всякое сопротивление, отражает ключевой операционный компонент императива извлечения, найденный в Поиске, доработанный в Gmail и усовершенствован-

ный в Просмотре улиц. Вырисовывающаяся в итоге мораль такова: «Не оглядывайся назад. Пережди их. Если нужно, переступи через них».

Доклад Федеральной комиссии по связи за апрель 2012 года звучит по-своему душераздирающе — меланхоличная хроника уязвимости демократии перед лицом противостояния богатому, целеустремленному и смелому противнику-капиталисту. В ноябре 2010 года комиссия отправила в Google письмо с запросом необходимой информации. Из этого мало что вышло. К марту следующего года было отправлено второе «дополнительное» письмо. Ответом Google была неполная информация и нежелание сотрудничать, что привело в августе к еще одному «письму-требованию». В конце октября продолжающееся отсутствие сотрудничества со стороны Google потребовало еще одного письма. В течение целого года сотрудникам ФКС приходилось заниматься ответами на отписки и отлавливанием уклончивого руководства компании и его представителей.

Этот документ — откровение о пространствах негативности и сага о посрамленной демократии. В ответ на свой подробный первоначальный запрос комиссия получила «только пять документов» и ни одного электронного письма. Корпорация заявила, что у нее нет времени проводить всестороннюю проверку, назвав ее «обременительной». Google «не удалось» выявить соответствующих лиц. Он «редактировал» имена. Он утверждал, что запрашиваемая информация «не служит никакой полезной цели». Он «не смог» подтвердить информацию. Когда его попросили предоставить конкретные документы, «Google не сделал этого». Google «утверждал», что от него «не следует требовать» предоставить доступ к незаконно собранным ею полезным данным. «Google выжидал…» По всему докладу повторяются фразы «ответа не получено» и «не предоставлено». «Google нарушил приказ Комиссии <…> превысив сроки…» Пять раз были запрошены письменные показания под присягой, но компания не предоставила ни одного из них до сентября 2011 года, когда ФКС пригрозила повесткой в суд. Таинственный инженер просто отказался говорить со следователями, сославшись на право не свидетельствовать против себя на основании Пятой по-

правки к конституции. В заключении доклада говорится: «Есть основания считать, что во многих или во всех случаях отказ Google сотрудничать с бюро был преднамеренным». Можно было сказать «императивным».

В конечном счете юристы корпорации одержали победу, отстояв свой массовый сбор данных с помощью единственного туманного положения закона о прослушивании телефонных разговоров полувековой давности. Возможно, наиболее показательный элемент всей этой истории — то, что, уходя от ответственности, корпорация прибегла к той самой демократической системе законов и норм, которую открыто презирала. В итоге комиссия оштрафовала Google всего на 25 000 долларов за препятствование расследованию. Google избежал правовых последствий не потому, что общество согласилось с его методами, а потому, что не нашлось законов, нужных для защиты граждан от его вторжений.

Немногим большего добились генеральные прокуроры тридцати восьми штатов. Когда лидер этой группы, Ричард Блюменталь от Коннектикута, выдвинул требование в рамках гражданско-правового расследования (эквивалент вызова в суд), чтобы получить доступ к злосчастным частным данным, «Google проигнорировал это»[48]. В конце концов в 2013 году компания согласилась на досудебную сделку с этими штатами, получив всего 7 миллионов долларов штрафа и подписав ряд соглашений относительно «агрессивного» самоконтроля. Газета New York Times объявила, что Google наконец признал, что «нарушал конфиденциальность людей во время работы над своим проектом картирования Просмотр улиц, когда мимоходом загребал <…> личную информацию», как будто этот скандал был единственным спорным элементом во всей этой истории. Государственные чиновники восторженно говорили о том, что «отраслевой гигант <…> обязуется изменить свою корпоративную культуру, в сторону повышения внимания к вопросам защиты личных данных»[49]. Учитывая, что именно императив извлечения делает этого гиганта гигантом, непонятно, смеяться или плакать при виде уверенности генеральных прокуроров в приверженности Google принципам саморегулирования в вопросах конфиденциальности.

Мы видим здесь два ключевых элемента, проливающих свет на тактику приучения. Первый из них — это сам промежуток времени между первоначальным вторжением Просмотра улиц в 2007 году, скандалом в 2010-м, завершением расследования ФКС в 2012-м и завершением расследования штатов в 2013-м. Расследование в Германии также завершилось в конце 2012 года и мало что дало в обмен на все усилия. Другие споры и судебные иски все еще тянулись. Несмотря на всю шумиху и возмущение, все эти годы Просмотр улиц продолжал работать. В период с 2008 по 2010 год во всем мире было «нелегитимно» собрано 600 миллиардов байтов личной информации, из них 200 миллиардов в США[50]. Корпорация заявила, что прекратила сбор личных данных. Прекратила? Кто-нибудь может с уверенностью это сказать? Даже если прекратила, то первоначальное вторжение, которым был сам Просмотр улиц, благополучно продолжилось.

Второй момент заключается в том, что, оглядываясь назад, видно, что вся история про единичного шального инженера была ложным следом, блестяще задуманной и осуществленной классической уловкой с козлом отпущения. Это отвлекло внимание от амбициозного и спорного императива извлечения в совершенно другую сторону, на историю о единственной инфицированной клетке, вырезанной из плоти огромного, но невинного организма. Осталось только удалить инфицированную часть и позволить организму объявить о своем излечении от клептомании персональных данных. Затем — возвращение на свободу, жизнь с чистого листа.

Google добился именно того, что предсказывал Ханке. Фундаментальная дерзость Просмотра улиц, поразительное и беспрецедентное вторжение, которое вывело жителей английской деревни на улицы, чтобы заблокировать автомобиль с камерой Google, позволило выиграть еще шесть лет на укоренение в глобальном сознании. Стратегическая дисциплина корпорации, когда дело касается обструкции, отражения и эксплуатации демократии, привела к тому, что еще шесть лет люди использовали данные Просмотра улиц, еще шесть лет для накопления молчаливых доводов в пользу неизбежности Google и нашей беспомощности. Еще шесть лет

для того, чтобы простой грабеж прав на принятие решений превратился в норму и даже стал считаться «удобным», «полезным» и «изумительным».

Этап третий: адаптация

В октябре 2010 года, незадолго до того, как корпорация получила первое письмо-запрос от ФКС, старший вице-президент Google по инженерным разработкам и научным исследованиям в сообщении в официальном блоге Google объявил об «усилении контроля за соблюдением конфиденциальности». «Мы здорово всех подвели», — сказал он. Скандал с Просмотром улиц был подан как непреднамеренная ошибка, единственное пятно на компании, которая усердно работает, «чтобы заслужить ваше доверие». В сообщении общественность заверили в том, что корпорация ведет диалог с внешними регуляторами «о возможных улучшениях в нашей политике», и обещали, что будут внесены изменения для обеспечения конфиденциальности пользователей. Директором по вопросам конфиденциальности в сфере разработки и управления продуктами была назначена Альма Уиттен, занимавшаяся в Google вопросами компьютерной безопасности и контроля конфиденциальности. В блоге также говорилось о новом акценте во внутреннем обучении на «ответственный сбор, использование и обработку пользовательских данных». Наконец, в публикации обещалось усиление внутреннего контроля над тем, как обрабатываются данные. «Мы подавлены происшедшим, — говорилось в сообщении, — но мы уверены, что упомянутые изменения в нашей структуре и процедурах значительно улучшат наши внутренние практики, связанные с конфиденциальностью и безопасностью на благо всех наших пользователей»[51].

Обещая публике реформы, корпорация в то же время была вынуждена приспосабливаться к требованиям властей в ряде стран, в том числе в Австралии, Бельгии, Канаде, Франции, Голландии, Гонконге, Ирландии, Израиле, Италии, Новой Зеландии, Польше, Испании, Южной Корее, Великобритании и США, где Просмотр улиц подвергся судебному разбирательству, штрафам и/или регулированию. В Японии домовладельцы жаловались на камеры Просмотра улиц, которые возвыша-

лись над оградами и могли снимать происходящее внутри. Google согласился с требованиями правительства смонтировать свои камеры ниже, переснять все изображения и размыть идентифицируемые изображения лиц и номерные знаки. В Германии Google разрешил жителям запрашивать, чтобы их дома были размыты на любых изображениях Просмотра улиц. В 2009–2010 годах почти 250 000 семей отправили подобные запросы, что потребовало Google временно нанять 200 программистов для выполнения этого требования[52]. Гамбургский инспектор по защите данных, который впервые обнаружил сбор данных с помощью Просмотра улиц, оштрафовал Google на 145 000 евро, что близко к максимальному штрафу в 150 000 евро, который он мог наложить[53]. Это был самый большой штраф, когда-либо наложенный европейскими регуляторами за нарушения, связанные с защитой частной жизни. Google не был оштрафован на максимальную сумму только потому, что он пообещал быстро и полностью удалить данные. В 2011 году Google прекратил свою программу Просмотра улиц в Германии, продолжая поддерживать, но больше не обновлять изображения, которые он уже собрал[54].

Другие страны сами наложили запрет на работу Просмотра улиц. Швейцария первоначально запретила этот сервис в 2009 году, настаивая на том, чтобы Google удалил все размещенные в нем изображения швейцарских городов и поселков. В конце концов запрет был снят, но Федеральный административный суд Швейцарии ввел ряд строгих правил, в том числе размывание лиц, разработку процедуры исключения и уменьшение высоты камеры. На 2016 год сервис Google ограничивался туристическими объектами на открытом воздухе[55]. Корпорация также столкнулась с запретами Просмотра улиц в Австрии, Чехии, Греции, Индии и Литве. Однако к лету 2017 года данные Просмотра улиц были доступны по крайней мере для некоторых регионов в каждой из этих стран[56].

Этап четвертый: перенаправление

Признав свою вину, Google не сказал — и это единственное, чего он не мог сказать, — что он откажется от фундаментальной логики накопления — от принципов надзор-

ного капитализма, которые произвели монстра на свет и поддерживают его рост. Мораль кампании по перенаправлению Просмотра улиц была в том, что для Google ничто не должно остаться вне сети его координат. Все должно быть прибрано к рукам для превращения в сырье. Google мало что *может* сказать или сделать для обеспечения «конфиденциальности пользователей», кроме разве что институционального самоубийства. Это помогает объяснить, почему, как отмечается в хвалебной статье 2015 года, посвященной истории Карт Google, «Карты Google навлекли на себя всевозможную критику в отношении конфиденциальности <…> люди психовали <…> Но это не значит, что Просмотр улиц был похоронен как проект. Сегодня он доступен в 65 из 200 с лишним стран, в которых доступны Карты Google»[57].

Задача Альмы Уиттен была в том, чтобы восстановить репутацию Google в отношении конфиденциальности, а не ликвидировать императив извлечения и связанную с ним ненасытную потребность в эффекте масштаба в поставках излишка. Иными словами, ее задача была логически невыполнимой. О том, что она, возможно, все же восприняла свою работу всерьез, говорит тот факт, что всего через два с половиной года после ее назначения на должность главного по конфиденциальности, в апреле 2013 года она объявила о своем уходе из Google. Действительно, больно смотреть на то, как Уиттен дает показания о методах Google на слушаниях в конгрессе в начале 2013 года. Конгрессмены задают ей вопросы, и по ее лицу можно было догадаться, сколько сил она прикладывает, подбирая слова так, чтобы дать ответ, но при этом не выдать истину[58]. Пришло время перегруппировать и перенаправить глобальный картографический проект, а не завершить его.

О том, что ничего особенного не изменилось и не изменится, сразу же сказала судьба загадочного инженера Google в течение двух лет, последовавших за скандалом. В течение нескольких дней после отчета ФКС в апреле 2012 года бывший государственный следователь, назначенный расследовать Просмотр улиц, установил нарушителя — Мариуса Милнера, известного хакера и специалиста по вардрайвингу. Спустя два года с момента якобы непоправимого ущерба, нанесенного им Google,

и его «явного нарушения» политики, он все еще продолжал работать в фирме, занимаясь YouTube. Позже в том же году он станет одним из шести изобретателей, членов возглавляемой Джоном Ханке команды, запатентовавших «Систему и метод транспортировки виртуальных объектов в игре параллельной реальности»[59].

Изобретение, одним из авторов которого был Милнер, связано с игрой виртуальной реальности под названием Ingress, также разработанной Ханке и его командой в Google. (Позже Ханке основал свою собственную студию Niantic Labs в рамках новой холдинговой компании Google Alphabet.) Ingress стал испытательным полигоном для многих основополагающих концепций, которые появились в другой «игре», Pokémon Go, прототипе второй фазы экспансии надзорного капитализма, которую мы внимательно рассмотрим в части II. В этой следующей фазе Карты Google становятся критически важным ресурсом для распространения операций цифрового изъятия с виртуального мира на тот, который мы зовем «реальным». В свете этих планов Просмотру улиц нельзя было позволить умереть или хотя бы ограничить его. Это лаконично сформулировал в сентябре 2012 года, всего через четыре месяца после расследования Федеральной комиссии по связи, старший менеджер Google по продуктам Карт Google:

> Если вы посмотрите на офлайновый мир, реальный мир, в котором мы живем, не вся эта информация находится онлайн. Но мы пытаемся преодолеть этот разрыв между тем, что мы видим в реальном мире и [онлайн-мире], и Карты на самом деле помогают именно в этом[60].

Примером служит тщательно охраняемый проект Google под названием Ground Truth, запущенный в 2008 году, но публично обнародованный только спустя четыре месяца после отчета Федеральной комиссии по связи в 2012 году. Ground Truth — это «глубинная карта», которая содержит подробную «логику местности»: пешеходные дорожки, прудики, съезды с шоссе, условия движения, паромные линии, парки, кампусы, дворы, здания и прочее[61]. Точно зафиксировать все эти детали — значит получить конкурентное преимущество в гонке за поведенческий излишек, собранный с мобильных устройств.

Эта глубинная карта строится с использованием общедоступных ресурсов, таких как географические базы данных Бюро переписи США и Геологической службы США[62], но что отличает Карты Google от всех остальных — это интеграция эксклюзивных проприетарных данных из Просмотра улиц. Другими словами, данные, собранные на государственные средства, дополняются данными, полученными в результате односторонней передачи поведенческого излишка и прав на принятие решений. Сводные результаты затем переводятся в категорию частных активов.

Один из первых журналистов, приглашенных на демонстрацию Ground Truth в 2012 году, Алексис Мадригал, заметил:

> Команда Карт, в значительной степени движимая Просмотром улиц, каждые две недели публикует больше визуальных данных, чем было в распоряжении Google в 2006 году <…> Google на сегодня прошел до пяти миллионов миль.

Автомобили Просмотра улиц сравнивают с ранними поисковыми роботами Поиска Google, которые тихо экспроприировали веб-страницы для индексации и доступа в ходе первоначального акта изъятия. К 2012 году данные Просмотра улиц также предоставляли дорожные знаки и адреса. Вскоре, пишет Мадригал, благодаря Просмотру улиц «каждое видимое с дороги слово станет частью индекса физического мира Google». Завершая обзор операции Ground Truth, Мадригал заключает:

> Вряд ли географические данные, собранные любой другой компанией, смогут сравняться с данными Google <…> *Весь этот парк развлечений создавался в качестве искусной приманки для вас*[63].

Как выразился один из руководителей проекта, «Если вы решили, что должны нанести на карту весь мир, то проблема в том, что вы никогда не сможете остановиться»[64]. Так и получилось, что к 2016 году веб-сайт Просмотра улиц Google, рассказывая о своей успешной эволюции, заявлял: «С момента нашего первого запуска в США в 2007 году мы прошли долгий путь. Сегодня мы охватили нашими 360-градусными панорамными видами все семь континентов». Парк оборудования Про-

смотра улиц для сбора надзорных данных расширился и включает в себя носимый за спиной рюкзак, трехколесный велосипед, снегоход и тележку, которые были разработаны для съемки мест, по которым не могут передвигаться автомобили Просмотра улиц. Туристическим советам и некоммерческим организациям было предложено использовать принадлежащее Google оборудование Trekker (размещаемую в рюкзаке камеру), чтобы «собирать изображения отдаленных и уникальных мест», которые остаются, в прямом и переносном смысле, «вне сети»[65].

То, что Google не мог создать, он покупал. В 2013 году корпорация одержала победу в схватке с Facebook за израильский стартап социального картирования Waze, фирму, которая научилась в режиме реального времени представлять исходящую от жителей информацию об уличном движении. В 2014 году компания приобрела стартап Skybox, занимавшийся спутниковыми снимками в режиме реального времени, после того как Министерство торговли США сняло ограничения на спутниковые снимки высокого разрешения. Эксперт объясняет:

> Представьте себе, что спутник прямо над вашим офисом, тогда при старом разрешении вероятно, можно было бы различить ваш стол. На новых изображениях, в которых размер каждого пикселя составляет около 31 сантиметров, вы теперь можете разобрать, что у вас на столе. Когда вы достигаете подобной частоты, вы можете начинать добавлять то, что мы называем анализом «образа жизни». Это значит смотреть на происходящее в движении, а не просто с точки зрения идентификации[66].

В этом контексте легко оценить важность другого аспекта кампании Google по перенаправлению: заявление 2011 года о том, что корпорация вышла на «новый рубеж» с введением «внутренней системы позиционирования», позволяющей ей определять местоположение и следить за перемещениями людей «когда вы в аэропорту, торговом центре или магазине». С течением времени эти новые возможности будут включать датчики и встроенные камеры, которые позволят пользователям наносить на карту пространства внутри зданий и перемещаться по ним[67]. В сообщении в блоге, датируемом сентябрем 2014 года, публике были продемонстрированы новые ди-

намические возможности Карт Google, которые должны стать «вашим новым помощником для принятия любых решений от навигации в дороге до поиска новых ресторанов и выбора пешеходных туристических маршрутов». В этом сообщении появление этих удивительных новых возможностей связывалось с Просмотром улиц. Также в нем было объявлено о расширении вторжения с введением в эксплуатацию переносного картографического приспособления под названием «Картограф», носимого как рюкзак и способного наносить на карту внутренности зданий[68]. Информация Картографа может быть добавлена в растущую навигационную базу внутренних пространств, расширяя способность Google находить людей и устройства при их перемещении между внешними и внутренними пространствами.

Внутренности зданий ускользали от Просмотра улиц и императива извлечения; мало кто из домовладельцев согласился бы пустить все эти камеры внутрь. Вместо этого возможности Картографа были интегрированы в более общую кампанию перенаправления Просмотра улиц и представлены бизнесам как способ повысить доверие потребителей, снять беспокойство и существенно увеличить доходы. Google увещевал компании, работающие непосредственно с потребителем, «приглашать клиентов внутрь». Благодаря Панорамам интерьеров (Business View) потребители смогут заглянуть внутрь тысяч отелей, ресторанов и других точек. Новый контент Просмотра улиц будет отображаться в результатах поиска. В перечне отелей будут предлагаться виртуальные туры по ним. «Дайте им уверенность, в которой они нуждаются», позволив потребителям «побывать у вас еще до прибытия» — говорил Google своем деловым клиентам. Компания утверждала, что виртуальные туры «удваивают бронирование», и ввела программу сертификации, которая позволила бизнесам нанимать утвержденного Google независимого фотографа для создания изображений для Просмотра улиц. Эти поразительные новые тактики перенаправления нацелены на то, чтобы перевернуть старую модель. Они преобразовали Просмотр улиц из назойливого вторжения, тайком обходящего сопротивление, в роскошный VIP-шатер, за пропуск в который предприятиям надо еще побороться.

Перенаправление и тонкая доводка Просмотра улиц ознаменовали критический сдвиг в ориентации и амбициях надзорной программы: *теперь дело не только в маршрутах, но и в маршрутизации*. Мы рассмотрим эту новую главу изъятия в следующих главах. Пока достаточно сказать, что Просмотр улиц и более широкий проект Карты Google иллюстрируют новые и еще более амбициозные цели, на которые скоро будет ориентироваться цикл изъятия: переход от онлайн-источников данных к слежению за реальным миром, к роли консультанта и активного пастыря — от знания к влиянию и контролю. В итоге многослойные данные Просмотра улиц станут основой для еще одного комплекса впечатляющих вторжений Google: беспилотного автомобиля и Города Google (Google City), о которых мы узнаем больше в главе 7. Эти программы нацелены на то, чтобы вывести захват излишка на новый уровень, в то же время открывая новые важные рубежи для создания рынков поведенческих фьючерсов в реальном мире товаров и услуг. Важно понимать, что каждый уровень инноваций основывается на предыдущем и что всех их объединяет одна цель — крупномасштабное извлечение поведенческого излишка.

В таком развитии событий Google видит для себя новую возможность, которую, как он надеется, оценят его клиенты — а именно способность влиять на реальное поведение, как оно складывается в реальных условиях повседневной жизни. Например, в 2016 году корпорация представила новую функцию приложения Карт Google под названием «Навигация» (Driving Mode), которая предлагает пункты назначения и рассчитывает время в пути, еще до того, как пользователь выбрал, куда он хочет отправиться. Если вы искали в интернете молоток, то, когда вы пристегнете ремень безопасности, Навигация может отправить вас в хозяйственный магазин. «Google интегрирует эту технологию „подталкивания“ в свое основное мобильное приложение для поиска», — сообщает газета Wall Street Journal[69].

С помощью этого приложения Google в качестве «второго пилота» предлагает человеку повернуть налево и направо по маршруту, выстроенному благодаря его постоянно растущим знаниям о данном человеке и о кон-

тексте. Предсказания о том, где и почему человек может потратить деньги, основаны на исключительном доступе Google к поведенческому излишку и его не менее исключительных аналитических возможностях: *«Пообедай здесь». «Купи это».* Анализ излишка может предсказать, что вы, скорее всего, купите дорогой шерстяной костюм, а данные о местонахождении в режиме реального времени могут подтолкнуть собственника или рекламодателя, тоже в режиме в реального времени, сделать вам предложение, соответствующее вашему профилю, причем в тот самый момент, когда фланели, твиды и кашемиры окажутся в пределах вашей видимости. Подталкивай, подтягивай, подсказывай, намекай, уговаривай, стыди, соблазняй: Google хочет быть вашим вторым пилотом по самой жизни. Каждая человеческая реакция на каждое коммерческое предложение дает новые данные для дальнейшего совершенствования прогнозных продуктов. Сами предложения покупаются и оплачиваются в новой итерации рынков онлайн-рекламы Google: идущей в реальном времени и реальном мире торговле поведенческими фьючерсами. Торговле вашим будущим.

Ставки на этом рыночном рубеже, на котором *непредсказуемое поведение эквивалентно потерянному доходу*, высоки. Google не может ничего оставить на волю случая[70]. В сентябре 2016 года технический информационный бюллетень «Реестр» (Register) поведал, что приложение Google Play, предустановленное в новейшем телефоне на Android, постоянно проверяет местоположение пользователя, отправляя эту информацию в установленные у вас сторонние приложения, а также на собственные серверы Google. Один из исследователей проблем безопасности был шокирован, когда его телефон на Android предложил ему скачать приложение McDonald's в тот самый момент, когда он переступил порог этого заведения. Позже он обнаружил, что Google Play проверял его местоположение тысячи раз. Аналогичным образом Google Карты «не дают вам нормальной возможности отключить доступ к местоположению». Если вы это сделаете, операционная система предостерегает, что «основные функции устройства могут работать неправильно»[71]. Настойчивость Google отражает авторитарную политику императива извлечения, а также сте-

пень порабощения самой корпорации непримиримыми требованиями ее экономики.

Исторически важный момент, который стоит здесь отметить, заключается в том, что некогда гонимый Просмотр улиц нашел новую жизнь в своем участии в решительном расширении рынков поведенческих фьючерсов как в интернете, так и в реальном мире. Когда-то предназначавшиеся для таргетированной интернет-рекламы, эти рынки теперь начинают охватывать прогнозы о том, что люди будут делать прямо сейчас, в ближайшее время или в более отдаленном будущем, независимо от того, перемещаются они в интернете или идут по тротуарам и дорогам, по комнатам, залам, магазинам, приемным и коридорам. Эти амбициозные цели предвещают новые вторжения и новое изъятие, по мере того как сопротивление нейтрализуется, а публика впадает в унылую покорность.

Случайно или намеренно, Google обнаружил источник силы любого картографа. Великий историк картографии, Джон Б. Харли, емко сказал об этом: «Империю создали карты». Они необходимы для эффективного «умиротворения, цивилизации и эксплуатации» территорий, желанных или оспариваемых, но на деле еще не захваченных. Чтобы контролировать места и людей, надо их знать. «Сами линии на карте», по словам Харли, — это язык завоевания, на котором «захватчики делят континент между собой в замыслах, отражающих их собственное сложное соперничество и относительную власть». Первое государственное землемерное обследование в США идеально отразило этот язык в своем лозунге: «Порядок для земли»[72]. Картограф — орудие властей как авторов этого порядка; он сводит реальность лишь к двум состояниям: карте и забвению. Истина картографа концентрирует в себе идею, которую Google и все надзорные капиталисты должны запечатлеть в умах всех людей: *если вас нет на нашей карте, вы не существуете*.

IV. Псы безрассудства

Такие проекты, как Просмотр улиц, научили Google, что он может брать на себя роль властителя над будущим, и это сходит ему с рук. Он научился успеш-

но проводить даже самые спорные операции по изъятию, когда они были необходимы для обеспечения новых жизненно важных путей поставок. Так, когда как по всему миру шли протесты против Просмотра улиц и всего за несколько месяцев до объявления Германией, что Просмотр улиц тайно собирает личную информацию из незащищенных сетей Wi-Fi, Google представил Buzz — платформу, предназначенную для того, чтобы расставить сети Google на пути вожделенного поведенческого излишка, который течет из социальных сетей. Агрессивные методы, которые принес с собой Buzz, — а он распоряжался личной информацией пользователей для произвольного создания их социальных сетей — положили начало новому витку цикла изъятия и связанной с ним драматической борьбе.

Когда Google научился успешно перенаправлять маршруты поставок, уклоняясь от противодействия или нейтрализуя его, он стал еще смелее спускать с цепей псов безрассудства и отправлять их сеять опустошение. Один их многих примеров, наглядно иллюстрирующих стойкость императива извлечения и его воплощение в коммерческой практике, — очки виртуальной реальности Google Glass. Google Glass объединили в себе возможности компьютера, коммуникации, фотографии, отслеживания GPS-координат, извлечения данных и аудио- и видеозаписи в виде удобного для ношения закрепленного на очках устройства. Собираемые им данные — местоположение, аудио, видео, фото и другая личная информация — перемещались с устройства на серверы Google, сливаясь с другими маршрутами поставок в единый колоссальный односторонний поток поведенческого излишка.

Проект рассматривался как предшественник более гибких и менее явных форм носимых компьютерных технологий и захвата излишка. Джон Ханке говорил, что знакомая форма — очки — как нельзя лучше подходит для «ранних этапов освоения» носимых технологий, во многом подобно тому, как первые автомобили походили на запряженные лошадьми повозки. Другими словами, «очки» предназначались для маскировки чего-то вполне беспрецедентного:

> В конечном итоге мы хотим, чтобы эти технологии, на каком бы месте вашего тела они ни находились, были полностью оптимизированы для выполняемой ими работы, а не для большей социальной приемлемости на момент их создания, просто потому, что это напоминало бы людям что-то, что они видели в прошлом[73].

Прошло не так много времени с момента стильной презентации очков как последнего писка футуристической моды весной 2012 года, как публика стала испытывать новый ужас перед лицом этого нелепого вторжения. Тех, кто носил это устройство, прозвали «мудочками» («glassholes»), а некоторые компании запретили использование очков на своей территории[74].

Защитники неприкосновенности личной жизни протестовали против «всегда включенной», но «незаметной» записи людей и мест, которая покончит с разумными ожиданиями людей в отношении конфиденциальности и/или анонимности. Они предупреждали о новых рисках, возникающих при применении к этим новым потокам данных программ для распознавания лиц, и предсказывали, что такие технологии, как Glass, в корне изменят поведение людей на публике. В мае 2013 года, как раз тогда, когда Google проводил конференцию для разработчиков по созданию приложений для нового устройства, комитет Конгресса по конфиденциальности обратился к генеральному директору Ларри Пейджу с просьбой предоставить гарантии по защите конфиденциальности в Glass. В апреле 2014 года Исследовательский центр Пью (Pew Research) объявил, что 53% американцев считают умные носимые устройства «переменой к худшему», в том числе 59% американских женщин[75].

Google продолжал терпеливо сносить удары, ожидая начала привыкания со стороны публики. В июне того года было объявлено что Glass предложит приложение для обмена видео Livestream, позволяющее пользователям Glass в режиме реального времени транслировать все происходящее вокруг в интернет. На вопрос об этих спорных и бесцеремонных возможностях, которые оказываются в руках любого владельца устройства, генеральный директор Livestream ответил: «В конечном счете правила игры… устанавливает Google»[76]. Сер-

гей Брин дал понять, что не собирается прислушиваться к возражениям, когда сказал в интервью газете Wall Street Journal, что «у людей всегда есть естественная неприязнь к инновациям»[77].

Адаптация началась в 2015 году, когда было объявлено о прекращении продаж Glass. Компания не упомянула ничего, что говорило бы о признании неприятия со стороны общественности или о готовности учесть спорные социальные моменты, вызываемые Glass. В коротком сообщении в блоге говорилось:

> Теперь мы готовы надеть наши большие детские башмаки и учиться бегать <…> вы сможете увидеть будущие версии Glass, когда они будут готовы[78].

Был выбран дизайнер очков, которому поручили преобразить их облик из футуристического устройства во что-то более изящное.

Поначалу перенаправление происходило скрытно. В июне 2015 года Инженерно-технологическое управление Федеральной комиссии по связи получило новые планы по разработке Glass, а в сентябре в новостях замелькали сообщения о том, что Glass «получит новое имя и новую жизнь»[79]. Год спустя Эрик Шмидт, теперь председатель совета директоров Google, предложил взглянуть на ситуацию в более широком контексте: «Для Google это большая и очень фундаментальная платформа». Он объяснил, что Glass скрыли с глаз публики только для того, чтобы «лучше подготовить их для пользователей <…> эти вещи требуют времени»[80]. По мере того как из корпорации просачивалось все больше информации, становилось ясно, что у нее нет намерения отказываться от потенциальных новых маршрутов поставок в виде носимых технологий, независимо от реакции общественности. Glass были предвестниками новой «носимой» платформы, которая поможет поддерживать миграцию процессов сбора поведенческого излишка из интернета в реальный мир[81].

В июле 2017 года перенаправление стало достоянием общественности, когда в блоге был опубликован пост, в котором миру была явлена новая итерация Google Glass, теперь в виде Glass Enterprise Edition[82]. На этот раз не было лобовой атаки на общественное простран-

ство. Вместо этого произошло тактическое отступление в область профессионального применения — золотой стандарт контекстов привыкания, когда инвазивные технологии нормализуются среди подневольного контингента наемных работников. «Во многих областях, таких как машиностроение, логистика, выездное обслуживание и здравоохранение, работники находят полезным консультироваться с носимым устройством для получения информации и других ресурсов, пока у них заняты руки», — написал руководитель проекта, и большинство отчетов в СМИ приветствовали этот шаг, ссылаясь на повышение производительности и эффективности на фабриках, применяющих новые Google Glass[83]. Было мало понимания того, что привыкание к Glass на работе, безусловно, окажется черным ходом к Glass на наших улицах, или что связанному с устройством навязчивому надзору, с не меньшей определенностью, будут подвергнуты женщины и мужчины, обязанные использовать их на работе.

Урок Google Glass заключается в том, что когда на одном из маршрутов к источникам сырья возникают препятствия, то для восполнения недостачи и продолжения роста сооружаются другие. Корпорация волей-неволей научилась уделять больше внимания работе с общественностью в связи с этими разработками, но безусловные требования императива извлечения означают, что цикл изъятия должен продолжать работать на полную мощность, постоянно захватывая новые территории.

В теории изъятие может быть актом «простого грабежа», но на деле это сложный, в высшей степени продуманный политический и материальный процесс, с ясно различимыми стадиями и предсказуемой динамикой. Применяемая в этом случае «теория изменений» систематически передает знания и права многих немногим под прикрытием тумана «автомагии» Пейджа. Общественное возмущение при этом воспринимается как всего лишь достойные сожаления, но предсказуемые вопли бестолкового населения, которое демонстрирует рефлекторное «сопротивление новому», мечтательно цепляясь за безвозвратно ушедшее прошлое и отрицая неизбежное будущее — будущее Google, будущее надзор-

ного капитализма. Теория указывает на то, что противодействие нужно просто переждать как неизбежный атрибут первых трудных этапов вторжения. Она исходит из того, что это противодействие мимолетно, как вскрик боли, вырывающийся, когда новокаиновая игла пронзает плоть, прежде чем начинается онемение.

V. Соревнования по изъятию

Впечатляющий успех Google в создании механизмов и принципов надзорного капитализма и привлечении доходов от надзора разжег острую конкуренцию в нарастающей оргии извлечения. Google начинал в пустоте, но вскоре ему пришлось соперничать с другими фирмами, которых привлекли надзорные доходы. Первым был Facebook, который остается самым агрессивным конкурентом за поставки поведенческого излишка, инициировав волну стремительных *вторжений*, установив свое присутствие на свободной и нерегулируемой территории излишка, одновременно отрицая свои действия, отражая критику и старательно вводя общественность в заблуждение. Кнопка «Нравится», появившаяся в апреле 2010 года в качестве инструмента общения между друзьями, предоставила основателю Facebook Цукербергу одну из первых возможностей осваивать цикл изъятия. К ноябрю того года докторант и исследователь конфиденциальности из Голландии Арнольд Розендал опубликовал исследование этого уже вовсю развивавшегося *вторжения*. Оно продемонстрировало, что кнопка «Нравится» — мощный механизм поставок поведенческого излишка, который непрерывно фиксируется и передается, устанавливая в компьютерах пользователей файлы cookie, независимо от того, нажимают они эту кнопку или нет. Предварительно описав операцию как «альтернативную бизнес-модель», Розендал обнаружил, что кнопка также отслеживает пользователей, не зарегистрированных в Facebook, и пришел к выводу, что Facebook потенциально может подключаться и, следовательно, надзирать, «за всеми веб-пользователями»[84]. Только двумя месяцами ранее, Цукерберг назвал растущий перечень нарушений конфиденциальности Face-

book «оплошностью»[85]. Теперь он выучил роль, в конечном итоге назвав находки Розендала «ошибочными»[86].

К 2011 году в самом разгаре была стадия *привыкания*. В репортаже газеты Wall Street Journal, опубликованном в мае этого года, также приводились свидетельства того, что Facebook следит за пользователями, даже когда они не нажимают кнопку «Нравится», а сама эта кнопка была установлена на каждом третьем из тысячи самых посещаемых веб-сайтов в мире. Между тем технический директор Facebook сказал об этой кнопке: «Мы не используем ее для отслеживания, и она не предназначена для отслеживания»[87]. 25 сентября австралийский хакер Ник Кубрилович опубликовал результаты, показывающие, что Facebook продолжал отслеживать пользователей даже после того как они вышли из социальной сети[88]. Facebook объявил, что это исправит «этот глюк», объяснив, что определенные файлы cookie отслеживают пользователей по ошибке, и отметив, что он не может полностью прекратить эту практику из соображений «безопасности» и «производительности»[89]. Журналисты обнаружили, что всего за три дня до разоблачений Кубриловича корпорация получила патент на специализированные методы для отслеживания пользователей в разных доменах. Эти новые методы позволяли Facebook отслеживать пользователей, создавать персональные профили отдельных лиц и их социальных сетей, получать отчеты от третьих сторон о каждом действии пользователя Facebook и регистрировать эти действия в системе Facebook, чтобы соотносить их с показом конкретной рекламы конкретным лицам[90]. Компания тут же стала отрицать актуальность и значимость этого патента[91].

На фоне неизменных заверений Facebook, что он не отслеживает пользователей, даже несмотря на множество твердо установленных фактов, среди специалистов росло разочарование, а среди публики — растерянность. Похоже, в этом и состоял замысел. Отрицая все обвинения и заявляя о своей приверженности благу пользователей, Facebook выиграл себе целых полтора года, чтобы заставить мир привыкнуть к кнопке «Нравится», превратив этот теперь всем известный культовый поднятый вверх большой палец в незаменимый в виртуальном общении костыль[92].

Это серьезное достижение проложило путь к этапу *адаптации* в цикле изъятия, когда в конце ноября 2011 года Facebook пошел на соглашение с Федеральной торговой комиссией по обвинениям в том, что он систематически «обманывал потребителей, говоря им, что они могут хранить свою информацию Facebook конфиденциально, а затем неоднократно разрешая доступ к ней третьим сторонам и делая ее общедоступной»[93]. Жалоба, поданная EPIC и коалицией защитников конфиденциальности в 2009 году, инициировала расследование комиссии, которое выявило множество доказательств невыполнения обещаний со стороны корпорации[94]. Среди них изменения сайта, сделавшие личную информацию общедоступной, доступ третьих лиц к личным данным пользователей, утечка личных данных в сторонние приложения, программа «проверенных приложений», в которой ничего не проверялось, предоставление доступа к личной информации рекламодателям, доступ к персональным данным после удаления учетной записи и нарушение принципов Safe Harbor Framework, которые регулируют передачу данных между Соединенными Штатами и ЕС. В параллельной вселенной надзорного капитализма каждое из этих нарушений идеально отвечало целям императива извлечения. Приказ Федеральной торговой комиссии запретил компании продолжать вводить пользователей в заблуждение, потребовал получать от пользователей явное согласие на новые политики конфиденциальности и предписал ввести комплексную программу конфиденциальности с проверкой ее соблюдения каждые два года в течение двадцати лет. Председатель комиссии Джон Лейбовиц настаивал на том, что «инновации Facebook не должны происходить в ущерб конфиденциальности потребителей»[95]. Но Лейбовиц столкнулся не с компанией; он столкнулся с новой формой рынка с четкими и бескомпромиссными императивами, цели которых могут быть достигнуты *только* за счет конфиденциальности пользователя.

Перенаправление началось быстро. В 2012 году компания объявила, что будет таргетировать рекламу на основе использования мобильного приложения, что стало возможным благодаря работе с Datalogix, помогавшей

определить, когда онлайн-реклама приводит к реальным покупкам. Этот гамбит требовал извлечения личной информации, включая адреса электронной почты, из учетных записей пользователей. В 2012 году Facebook также предоставил рекламодателям доступ к таргетированным данным, которые включали адреса электронной почты, номера телефонов и посещения пользователями веб-сайтов, и признал, что его система сканирует личные сообщения на предмет ссылок на сторонние веб-сайты и автоматически регистрирует «лайки» на этих веб-страницах[96]. К 2014 году корпорация объявила, что будет отслеживать пользователей по всему интернету, используя, среди прочих цифровых виджетов, кнопку «Нравится», чтобы создавать их подробные профили для персонализированной подачи рекламы. Ее «комплексная программа конфиденциальности» информировала пользователей об этой новой политике отслеживания, отменяя все утверждения, сделанные с апреля 2010 года, несколькими строками в плотном и объемистом пользовательском соглашении. Никакой возможности отказаться от этих условий приватности не предоставлялось[97]. Истина была, наконец, явлена: баг оказался фичей.

Тем временем Google придерживался обещания, без которого Федеральная торговая комиссия не одобрила бы покупку им в 2001 году монстра отслеживания рекламы DoubleClick, тогда он согласился не объединять данные из этой следящей сети с другой информацией, позволяющей установить личность, в отсутствие явного согласия пользователя. На этот раз Google, похоже, ждал, пока Facebook расширит границы возможного для надзорного капитализма и понесет на себе основное бремя вторжения и приучения. Позже, летом 2016 года, Google пересек эту границу, объявив, что история посещений DoubleClick пользователя «может быть» объединена с информацией, позволяющей установить личность, из Gmail и других служб Google. Обещанная опция явного согласия на этот новый уровень слежки была представлена под заголовком «Некоторые новые функции для вашей учетной записи Google». Один из исследователей в области конфиденциальности охарактеризовал этот шаг как окончательный удар

по последнему «отдаленному подобию» конфиденциальности в интернете. Коалиция групп по защите конфиденциальности подала новую жалобу в FTC, неявно признавая логику цикла изъятия: «Мало-помалу, украдкой Google сделал то, что было бы явно незаконным, будучи сделанным единовременно»[98].

Первоначальное размещение акций Facebook в 2012 году печально прославилось после того, как пересмотр прогнозов продаж в сторону понижения, вызванный быстрым переходом на мобильные устройства, в последнюю минуту привел к нескольким неприглядным сделкам между инвестиционными банкирами и их клиентами. Однако Цукерберг, Шерил Сэндберг и их команда быстро освоили нюансы цикла изъятия, на этот раз чтобы развернуть компанию в направлении мобильной рекламы. Они учились быть искусными и безжалостными охотниками за поведенческим излишком, захватывая его крупномасштабные запасы, уклоняясь от закона и сопротивляясь ему, а также совершенствуя средства производства ради улучшения прогнозных продуктов.

Доходы от надзора потекли быстрым и мощным потоком, и рынок щедро вознаградил акционеров корпорации. К 2017 году газета Financial Times приветствовала 71-процентный рост прибыли компании заголовком «Facebook: признак величия», в то время как рыночная капитализация Facebook выросла до почти 500 миллиардов долларов со среднемесячным числом активных пользователей в 2 миллиарда человек. В первом квартале 2017 года в одном важном списке 100 крупнейших компаний Facebook занял седьмое место, хотя всего годом ранее его не было даже в первой сотне. Почти каждый доллар дохода компании во втором квартале 2017 года принесла реклама, в основном мобильная — 9,2 из 9,3 миллиарда долларов США, рост на 47% по сравнению с предыдущим годом[99].

Газета Guardian сообщала, что в 2016 году на долю Google и Facebook пришлась пятая часть мировых расходов на рекламу, почти вдвое больше, чем в 2012-м, и согласно одному подсчету, Google и Facebook отвечали за почти 90% роста рекламных расходов в 2016 году[100]. Надзорный капитализм вознес эти корпорации, на, по-видимому, неприступную высоту.

Среди оставшихся трех крупнейших интернет-компаний, Microsoft, Apple и Amazon, именно Microsoft первой решительно обратилась к надзорному капитализму как средству восстановления своего лидерства в технологическом секторе, когда на должность генерального директора в феврале 2014 года был назначен Сатья Наделла. Microsoft, как известно, упустил несколько ключевых возможностей поспорить с Google в поисковом бизнесе и развить свои возможности таргетированной рекламы. Еще в 2009 году, когда Наделла был старшим вице-президентом и отвечал за поисковый бизнес Microsoft, он публично раскритиковал неспособность компании признать финансовые возможности, связанные с этой ранней фазой надзорного капитализма. «Оглядываясь назад, мы понимаем, — сетовал он, — что [прекращение службы поисковой рекламы] было ужасным решением: никто из нас не увидел модель платного поиска во всем ее блеске». Наделла признавал, что поисковая система Bing от Microsoft не может конкурировать с Google, потому что ему не хватает масштаба в захвате поведенческого излишка, что является решающим фактором в производстве высококачественных прогнозных продуктов:

> Что касается поиска <...> это вопрос масштабов. Очевидно, что сегодня нам не хватает масштабов, и это снижает <...> релевантность рекламы, что, возможно, является одной из основных проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся[101].

Меньше чем через три месяца после вступления в новую должность Наделла объявил о намерении отправить корабль Microsoft прямиком в эту гонку за масштабом, выпустив в апреле сообщение об исследовании, которое компания заказала у аналитической фирмы IDC[102]. Авторы исследования пришли к выводу, что «компании, использующие свои данные, могут потенциально получить дополнительный доход в размере 1,6 триллиона долларов по сравнению с компаниями, которые этого не делают», и Наделла был полон решимости сделать высадку на дальних берегах этих новых богатых территорий. Microsoft воспользуется преимуществами своих соб-

ственных данных и будет специализироваться на том, чтобы «подарить [своим клиентам] возможность» делать то же самое. Наделла создал блог, чтобы обозначить новое направление, написав:

> В этом новом мире мы можем найти способ катализировать выхлоп данных от повсеместного использования компьютеров и преобразовать его в топливо для создания интеллектуального окружения[103].

Как объясняется в видеоролике, обрисовывающем это новое «видение данных»: «Данные, которые когда-то были бесхозными, стали теперь важным активом».

Многие инициативы Наделлы направлены на то, чтобы наверстать упущенное в плане создания надежных маршрутов поставок поведенческого излишка и модернизации средств производства компании. Команда разработчиков поиска Bing создала свою собственную модель цифрового и физического мира с технологией, которую она называет Satori — самообучающейся системой, ежедневно добавляющей контент, эквивалентный 28 000 DVD-дисков[104]. По словам старшего директора проекта: «Невероятно, как много данных мы собрали за последние пару лет. Линия достала бы до Венеры и у вас осталось бы еще лишних 7 триллионов пикселей»[105]. И эти пиксели не пылились без работы. В своем отчете о доходах за октябрь 2015 года компания объявила, что Bing впервые стал прибыльным благодаря примерно 1 миллиарду долларов дохода, полученному от поисковой рекламы за предыдущий квартал.

Еще одной стратегией расширения доступа Bing к поведенческому излишку была «цифровая помощница» Кортана, которой в течение трех месяцев после ее запуска в 2015 году пользователи задали более миллиарда вопросов[106]. Как объясняет один из руководителей Microsoft, «в браузере четыре из пяти запросов идут в Google. В панели задач [Windows 10] [откуда осуществляется доступ к Кортане] пять из пяти запросов отправляются в Bing <...> В поиске у нас задействованы все. Поиск — ключевой компонент нашей стратегии монетизации»[107].

Кортана дает нечто большее, чем только поисковый трафик. Как объясняется в политике конфиденциальности Microsoft:

> Кортана работает максимально эффективно, если вы выполнили вход и позволили ей использовать данные с вашего устройства, данные других служб Microsoft, а также служб и навыков сторонних организаций, к которым вы подключаетесь[108].

Подобно «автомагии» Пейджа, Кортана должна была внушать благоговейный ужас и благодарную преданность. Один из руководителей Microsoft так характеризует «послание» Кортаны:

> «Я так много знаю о вас. Я могу помочь вам так, как вы и не догадываетесь. Я вижу закономерности, которых не видите вы». Вот в чем волшебство[109].

Тем не менее компания приняла хитроумное решение не раскрывать своим пользователям истинный объем познаний Кортаны. Она хочет знать о вас все, но не хочет, чтобы вы знали, сколько знает она, или что все ее действия направлены на то, чтобы узнать еще больше. Вместо этого бот запрограммирован запрашивать разрешения и подтверждения. По словам руководителя программ группы проекта, идея в том, чтобы не пугать публику, представляя интеллект Кортаны как «прогрессивный», а не «автономный». Он отметил, что люди не хотят удивляться тому, как много начинают на себя брать их телефоны: «Мы приняли четкое решение демонстрировать чуть меньше „магии“ и чуть больше прозрачности»[110].

Наделле видится новая «разговорная» платформа, на которой пользователи взаимодействуют с ботами, с готовностью раскрывая для них подробности своей повседневной жизни[111]. Эта платформа обещает обогатить наш опыт такими вещами, как «разговорные покупки»[112], когда бот, например,

> знает, какие туфли вы купили на прошлой неделе, знает по вашим прошлым покупкам ваши предпочтения, он знает ваш профиль и может использовать модель рекомендаций для определения того, какие товары вы, скорее всего, захотите купить <…> Используя возможности данных и анали-

> тики, бот может выдать вам рекомендации, которые, по его мнению, наиболее актуальны для вас. Он также может пригласить людей из вашей социальной сети, чтобы помочь вам определиться с выбором. После того как вы сделаете выбор, он использует информацию о вашем размере, адресе доставки, платежную информацию для отправки вам выбранного платья[113].

Выпуск в июле 2015 года новой операционной системы Microsoft, Windows 10, красноречиво показал то первостепенное значение и ту неотложность, которые для корпорации связаны сегодня с созданием и защитой маршрутов поставок поведенческого излишка[114]. Один разработчик-программист подробно описал в журнале Slate, как эта система «предоставляет сама себе право вагонами передавать ваши данные на серверы Microsoft, использовать пропускную способность вашей сети для собственных целей Microsoft и профилировать то, как вы используете Windows», и сказал, что это «не конфиденциальность, а бардак, который надо срочно реформировать»[115].

Как быстро обнаружили многочисленные аналитики, система подталкивает пользователей к функции «экспресс-установки», при которой все параметры по умолчанию разрешают максимальный поток персональных данных на серверы корпорации. Расследование, проведенное техническим веб-сайтом Ars Technica, показало, что даже когда эти настройки по умолчанию отменены, а ключевые службы, такие как Кортана, отключены, система продолжает выходить в интернет и передавать информацию в Microsoft. В некоторых случаях эти передачи, по-видимому, содержали личную информацию, включая идентификатор устройства, пользовательский контент и данные о местонахождении[116].

Согласно анализу, проведенному Фондом электронных рубежей, даже пользователи, которые отказались от Кортаны, подвергались «беспрецедентным» объемам сбора информации, включая текстовый, голосовой и сенсорный ввод; веб-отслеживание; и данные телеметрии об общих параметрах использования, программах, продолжительности сеанса и т. д. Фонд также обнаружил, что компания решила сделать безопасность заложницей потоков личных данных, утверждая, что обновле-

ния безопасности для операционной системы не будут работать должным образом, если пользователь решит ограничить передачу данных о местоположении[117].

В 2016 году за 26,2 миллиарда долларов Microsoft приобрела профессиональную социальную сеть LinkedIn. Цель этой покупки — создание надежных маршрутов поставок поведенческого излишка из «социограмм» социальных сетей. Эти мощные новые потоки социального излишка от 450 миллионов пользователей могут существенно улучшить прогнозные продукты Microsoft, ключевой факт, отмеченный Наделлой в сообщении об этом приобретении, адресованном инвесторам: «Это может вывести таргетирование и релевантность на новый уровень»[118]. Одной из трех ключевых возможностей, которые Наделла назвал инвесторам, объявив о приобретении, было «ускорение монетизации посредством подписки отдельных лиц и организаций и таргетированной рекламы». Среди ключевых факторов здесь были бы единые профессиональные профили для всех услуг, устройств и каналов, а также всестороннее знание Microsoft каждого отдельного пользователя:

> Сегодня Кортана знает о вас, вашей организации и о мире. В будущем Кортана также будет знать всю вашу профессиональную сеть, чтобы додумывать за вас очевидное и оставаться на шаг впереди[119].

Рынок в очередной раз щедро вознаградил Microsoft и Наделлу за стремление заработать на надзоре. Когда в феврале 2014 года Наделла занял кресло генерального директора, акции компании торговались по цене около 34 долларов за штуку, а ее рыночная стоимость составляла примерно 315 миллиардов долларов. Три года спустя, в январе 2017 года, рыночная капитализация корпорации впервые с 2000 года превысила 500 миллиардов долларов, а ее акции выросли до рекордных 65,64 долларов[120].

VI. Сладкий соблазн надзорных доходов

Беспрецедентные успехи Google, Facebook, а затем и Microsoft оказали ощутимое магнетическое действие на мировую экономику, особенно в США, где полити-

ка отказа от регулирования укоренилась прочнее всего. Не понадобилось много времени, чтобы компании из более традиционных секторов, с корнями далеко от Кремниевой долины, продемонстрировали свою решимость поспорить за доходы от надзора. Среди первых в этой второй волне были телекоммуникационные и кабельные компании, которые предоставляют услуги широкополосного доступа миллионам людей и домохозяйств. Хотя есть некоторые сомнения о том, могут ли эти компании эффективно конкурировать с существующими интернет-гигантами, факты на местах говорят о том, что интернет-провайдеры тем не менее полны решимости попытать счастья. «Вооруженные широким доступом ко всей сети, провайдеры могут даже оказаться в состоянии перефейсбучить Facebook или обгуглить Google», — заметила газета Washington Post[121].

Крупнейшие из этих корпораций — Verizon, AT&T и Comcast — сделали стратегические приобретения, которые сигнализируют об отходе от привычной модели платных услуг в пользу монетизации поведенческого излишка. Их тактические маневры демонстрируют универсальность основополагающих механизмов и «эксплуатационных требований» надзорного капитализма и свидетельствуют о том, что эта новая логика накопления создает совершенно новую территорию широкомасштабной рыночной деятельности.

Verizon — крупнейшая по рыночной капитализации телекоммуникационная компания в США и в мире[122] — публично заявила о шагах в направлении надзорных доходов весной 2014 года, когда в журнале Advertising Age было объявлено, что компания берется за мобильную рекламу. Вице-президент Verizon по маркетингу данных утверждал, что такой рекламе мешала «неясность с адресатами <…> растущая сложность отслеживания потребителей при их переходе с одного устройства на другое». Как жаловался один маркетинговый эксперт, «не существует устойчивой идентичности пользователя, которая была бы привязана к мобильным приложениям и вашему мобильному браузеру». В статье объясняется, что Verizon разработал «альтернативу файлам cookie для маркетингового пространства, страдающего от отсутствия cookie». Verizon намеревалась удовлетворить нужды рекламода-

телей в плане отслеживания, назначив каждому пользователю Verizon скрытый и не подлежащий удалению следящий номер, названный PrecisionID[123].

На деле *вторжение* Verizon началось двумя годами ранее, в 2012 году, но тщательно скрывалось от общественности. Вероятно, это связано с тем, что PrecisionID позволяет корпорации выявлять и отслеживать привычки людей на их смартфонах и планшетах, генерируя поведенческий излишек и при этом игнорируя пользователя и оставляя его в неведении о происходящем. Идентификатор нельзя ни отключить, ни скрыться от него с помощью «приватного просмотра» или других инструментов и способов защиты конфиденциальности. Каждый раз, когда подписчик Verizon посещает веб-сайт или открывает мобильное приложение, корпорация и ее партнеры используют этот скрытый идентификатор для сбора и упаковки поведенческих данных, все это без ведома клиентов.

Возможность неустранимого отслеживания со стороны Verizon обеспечивала явное преимущество в растущей конкуренции за поведенческий излишек. Рекламодатели, жаждущие переопределить вашу прогулку по парку как свое «маркетинговое пространство», могут теперь надежно нацеливать рекламу на ваш телефон на основе неустранимого личного идентификатора корпорации. Verizon также вступил в партнерство с Turn, фирмой, занимающейся рекламными технологиями, которая уже успела прославиться изобретением необычных «зомби-cookie» или «перма-cookie», которые немедленно «возрождаются», когда пользователь решает отказаться от слежения со стороны рекламодателей или удаляет отслеживающие файлы cookie. В рамках партнерства с Verizon, зомби-cookie от Turn прикрепляются к секретному следящему идентификатору Verizon, обеспечивая еще большую защиту от обнаружения и разбирательства. Главный «сотрудник по вопросам конфиденциальности» Turn защищал эту схему, говоря: «Мы пытаемся использовать самый стойкий идентификатор из тех, что у нас есть, чтобы делать то, что мы делаем»[124].

К осени 2014 года новые скрытные притязания Verizon на бесплатное сырье стали достоянием обществен-

ности благодаря Якобу Хоффман-Эндрюсу, технологу из Фонда электронных рубежей. Статья в журнале Wired обращала внимание на проделанный им анализ надзорной программы Verizon и на его дополнительное открытие, что AT&T использует аналогичный отслеживающий идентификатор. В статье цитировался представитель Verizon, признавший, что «отключить его невозможно»[125]. Хоффман-Эндрюс заметил, что даже когда клиенты отказываются от таргетированной рекламы Verizon, его следящий идентификатор сохраняется, поскольку корпорация обходит или игнорирует все сигналы о намерениях пользователя, включая настройки «Не отслеживать», «Инкогнито» и другие режимы приватного просмотра, а также удаление файлов cookie. Затем идентификатор передается на каждый «незашифрованный веб-сайт, который клиент Verizon посещает с мобильного устройства. Это позволяет сторонним рекламодателям и веб-сайтам составлять глубокий, постоянный профиль привычек посетителей в сфере просмотра веб-страниц без их согласия»[126]. Встревоженный угрозой новой конкуренции, Google, выдавая себя за защитника конфиденциальности, запустил кампанию за переход на новый интернет-протокол, который предотвращал бы «встраивание в заголовки», подобнее тому, что делала Verizon с PrecisionID[127].

Эксперт по приватности и журналистка Джулия Ангвин и ее коллеги из ProPublica сообщили, что подобные следящие идентификаторы становятся стандартом во всей телекоммуникационной отрасли. Как сказал один рекламный менеджер: «Нас не может не радовать то, что это идентификатор на уровне оператора, точка распознавания более высокого уровня, которая позволяет нам надежно отслеживать...». Хоффман-Эндрюс в итоге назовет тактику телекоммуникационного гиганта «вопиющим нарушением конфиденциальности пользователей Verizon»[128]. Как бы то ни было, тактические действия корпорации говорят об еще более масштабном процессе.

Verizon так и не отступит с территории, которая уже была захвачена в ходе вторжения. Скрытый идентификатор останется, и компания заверила клиентов, что «маловероятно, что сайты и рекламные организа-

ции начнут создавать профили клиентов»[129]. Однако не потребовалось много времени, чтобы эксперты обнаружили, что отдел мобильной рекламы Twitter уже пользуется Verizon ID для отслеживания поведения пользователей Twitter[130]. Затем ученый-компьютерщик и правовед Джонатан Майер обнаружил, что созданные в Turn зомби-cookie отправляли и получали данные из более чем тридцати компаний, включая Google, Facebook, Yahoo!, Twitter, Walmart и WebMD. Майер исследовал политики отказа от услуг Verizon и Turn и обнаружил, что обе вводят в заблуждение, заключив, что все публичные заявления Verizon о конфиденциальности и безопасности его идентификационного номера ложны. «Для обычного пользователя, — написал он, — защиты просто нет»[131].

Приход Verizon в надзорный капитализм неизбежно привязал интересы корпорации к императиву извлечения. Мы можем проследить это в том, как Verizon открыл для себя и реализовал цикл изъятия, быстро продвигаясь по тактическим фазам этого цикла от вторжения до перенаправления. Первоначальное вторжение Verizon обеспечило ему три года на внутренние эксперименты и открытия. После этого он вышел из тени, начав постепенный процесс *приучения* публики к своим новым методам. После того как его стратегии стали общедоступными, он выстоял под огнем критики журналистов и расследований экспертов по конфиденциальности, но также выиграл дополнительное время для изучения возможностей получения доходов и расширения маршрутов поставок. Реакция общественности на его вторжение вынудила корпорацию составить карту следующих фаз цикла.

К началу 2015 года общественное давление спровоцировало сдвиг в сторону *адаптации*. За несколько месяцев до этого Федеральная комиссия по связи начала расследование методов незаконного отслеживания со стороны Verizon. Информационный центр электронной конфиденциальности распространил в январе 2015 года петицию с требованием, чтобы комиссия оштрафовала компанию. К концу месяца сенатский Комитет по торговле, науке и транспорту опубликовал письмо в Verizon с выражением «глубокой озабоченности» относительно его

новых практик[132]. Комитет отчитал Verizon и Turn за их, «по всей очевидности», преднамеренное «нарушение конфиденциальности потребителей» и «игнорирование выбора, сделанного клиентом»[133]. На следующий же после публикации письма день Verizon заявил: «Мы начали работать над расширением функции отказа, чтобы охватить ею идентификатор, известный как „уникальный идентифицирующий заголовок“ [unique identifier header, UIDH], и ожидаем, что скоро это станет доступным». Газета New York Times назвала заявление Verizon «серьезным пересмотром его программы таргетирования мобильной рекламы»[134].

New York Times не могла знать, что цикл изъятия уже вышел на фазу *перенаправления*. В мае 2015 года Verizon договорился о приобретении AOL за 4,4 миллиарда долларов. Как быстро поняли многие аналитики, AOL была интересна прежде всего ее генеральным директором Тимом Армстронгом, первым главой отдела продаж рекламы в Google и человеком, под руководством которого компания перешла от рекламы в стиле Мэдисон-авеню к революционным открытиям AdWords. Армстронг был президентом отдела продаж Google в Америке, когда, как и Шерил Сэндберг до него, в 2009 году он ушел из Google в AOL, неся с собой глубокое понимание генов надзорной ДНК AdWords и решимость спасти денежные дела AOL с помощью генной терапии надзорного капитализма. Как сказал инвесторам президент по операциям Verizon: «Для нас главный интерес был связан с рекламной технологической платформой, которую выстроил Тим Армстронг со своей командой — действительно потрясающая работа». Журнал Forbes заметил, что Армстронг нуждался в ресурсах Verizon, «чтобы бросить вызов дуополии Google и Facebook»[135].

Любой серьезный вызов гигантам надзорного капитализма должен начинаться с эффекта масштаба в захвате поведенческого излишка. С этой целью Verizon немедленно перенаправил свои маршруты поставок через рекламные платформы AOL. Спустя несколько месяцев после приобретения AOL Verizon тихо разместил на своем веб-сайте новое уведомление о конфиденциальности, которое прочитают лишь немногие из 135 миллионов пользователей его беспроводных сетей. Несколько

строк, вставленных в последние абзацы поста, рассказывают всю историю: PrecisionID снова на марше. Verizon и AOL теперь будут работать вместе,

> чтобы предоставлять услуги, еще более персонализированные и полезные для вас <...> мы объединим существующие рекламные программы Verizon <...> с рекламной сетью AOL. Такое слияние поможет сделать рекламу, которую вы видите, более ценной на разных устройствах и службах, которые вы используете.

В новом уведомлении утверждается, что «конфиденциальность наших клиентов важна для нас», хотя и не настолько важна, чтобы поставить под угрозу императив извлечения и позволить поставщикам сырья оспорить корпоративную программу изъятия. Процедуры отказа были доступны, но, как обычно, сложны, труднообнаружимы и требовали немало времени. «Обратите внимание, — заключалось в сообщении, — что использование элементов управления браузера, таких как очистка файлов cookie на ваших устройствах или очистка истории браузера, не является эффективным способом отказаться от рекламных программ Verizon или AOL»[136].

Соглашение Федеральной комиссии по связи с Verizon стало еще одним мрачным примером того, как государственное учреждение проигрывает превосходящему в скорости и ресурсам решительному надзорному капиталисту. В марте 2016 года, много месяцев спустя после объявления Verizon о тактическом перенаправлении, комиссия достигла соглашения с Verizon на сумму 1,35 миллиона долларов по поводу нарушения конфиденциальности скрытым идентификатором. Хотя Verizon согласился возобновить использование файлов cookie на основе обязательного согласия, соглашение не распространялось на рекламную сеть AOL, куда и переместился эпицентр событий. Новые быстрорастущие маршруты поставок Verizon остались незатронутыми[137]. Позже в том же месяце Армстронг встретится с покупателями рекламы, газета Wall Street Journal опишет эту встречу как «его первый реальный шанс намекнуть, что AOL — недавно купленная Verizon Communications Inc. — намеревается стать реальной угрозой для Facebook Inc. и Google...»[138].

31 марта 2016 года Федеральная комиссия по связи выпустила Уведомление о предлагаемых изменениях в законодательстве, касавшихся новых правил конфиденциальности для интернет-провайдеров. Компаниям будет разрешено продолжать собирать поведенческие данные, которые повышают безопасность и эффективность их собственных услуг, но для всех других видов использования «персональных данных потребителей» потребуется получение явного согласия. «Когда мы заключаем договор с провайдером, — писал председатель комиссии Том Уилер, — у большинства из нас мало возможностей, чтобы быстро передумать или отказаться от данной конкретной сети»[139]. Предлагаемые изменения были нацелены исключительно на интернет-провайдеров, которыми, как считается, ведает Федеральная комиссия по связи, но не касались интернет-компаний, за которые отвечала Федеральная торговая комиссия.

В свете уже идущей конкуренции за изъятие излишка между ведущими провайдерами, ставки в которой высоки, неудивительно, что это предложение быстро превратилось в политический громоотвод. Провайдеры, их лоббисты, политические советники и политические союзники сомкнули ряды, чтобы похоронить предполагаемые изменения, заявив, что конкурентные возможности провайдеров будут несправедливо ограничены:

> Телекоммуникационные компании против этого предложения, утверждая, что оно ставит их в неравное положение с другими интернет-компаниями, которые собирают данные о пользователях, например Google…[140]

27 октября 2016 года члены Федеральной комиссии по связи тремя голосами против двух приняли важное решение в пользу, в данном случае, защиты потребителей в интернете. Это был исторический день не только в короткой жизни надзорного капитализма, но и в почтенной и долгой жизни комиссии, которая никогда ранее не принимала подобных мер по онлайн-защите[141].

Ни первоначальные предложения комиссии, ни окончательное голосование не охладили стремление Verizon сэкономить на масштабе при добыче поведенческого избытка. Если в его город пришла законная власть,

он просто купит себе новый город без шерифа. В июне 2017 года Verizon закрыл сделку по покупке основного бизнеса Yahoo!, приобретя таким образом миллиард активных ежемесячных пользователей бывшего интернет-гиганта, включая 600 миллионов активных мобильных пользователей в месяц, за каких-то 4,48 миллиарда долларов[142]. «Масштаб жизненно необходим, — сказал Армстронг журналистам годом ранее[143]. — Если вы хотите играть в высшей лиге, вам придется бороться с Google и Facebook»[144]. Армстронг расписывал преимущества Verizon: полный обзор поведения пользователей и их загрузок двадцать четыре часа в сутки и постоянное отслеживание их местоположения.

К 2017 году все составляющие новых амбиций Verizon наконец были на месте. Новая интернет-компания, возглавляемая Армстронгом и получившая название Oath, объединит Yahoo! и AOL, имея 1,3 миллиарда ежемесячных пользователей. Как резюмирует газета New York Times,

> Verizon надеется использовать свой многообразный контент и новые формы рекламы, чтобы привлечь больше зрителей и продавцов, конкурируя с Google и Facebook[145].

Мрачным эпилогом этой главы истории надзорного капитализма стало то, что 28 марта 2017 года вновь избранный республиканский конгресс проголосовал за резолюцию об отмене правил конфиденциальности широкополосной связи, за которые Федеральная комиссия по связи боролась всего несколько месяцев назад. Правила требовали от кабельных и телефонных компаний получать осмысленное согласие перед тем, как использовать личную информацию для рекламы и профилирования. Компании сочли и убедили сенаторов-республиканцев, что принцип *согласия* нанесет серьезный удар основополагающим механизмам нового капитализма — легитимности одностороннего изъятия излишка, прав собственности на излишек, прав на принятие решений в отношении излишка и права на свободу от регулирования в осуществлении этой деятельности[146]. С этой целью резолюция также запрещала Федеральной комиссии по связи устанавливать подобные защиты в будущем. В материале для New York Times

представитель комиссии от демократов Уилер проник в самую суть проблемы:

> Для меня и моих коллег-демократов цифровые следы, оставляемые потребителем при использовании сети, являются собственностью этого потребителя. Они содержат личную информацию о личных предпочтениях, проблемах со здоровьем и финансовых делах. Наши коллеги-республиканцы в комиссии утверждали, что сеть должна иметь возможность продавать эти данные[147].

Этот откат означал, что, хотя федеральные законы защищали конфиденциальность телефонного звонка, та же информация, передаваемая через интернет, немедленно поступала в организованные провайдерами цепочки поставок излишка. Этот холодный душ ознаменовал собой конец мифа о «бесплатном». Фаустовская сделка, проданная пользователям интернета во всем мире, в качестве горькой цены бесплатных услуг, таких как Поиск Google и социальная сеть Facebook, выставила надзор. Больше эта выдумка никому не заморочит голову, поскольку каждый потребитель, который оплачивает ежемесячные счета за интернет, теперь также приобретает привилегию быть подверженным удаленному и абстрактному, но от этого не менее грабительскому цифровому обыску[148].

Новые и уже существующие компании всех отраслей, в том числе розничной торговли, финансов, фитнеса, страхования, автомобилестроения, транспорта, гостиничного бизнеса, здравоохранения и образования, вступают на тропу, ведущую к надзорным доходам, соблазненные приманкой неслыханного роста, прибылей и обещанием щедрого вознаграждения, которое могут дать только финансовые рынки. В следующих главах мы рассмотрим множество примеров, почерпнутых из этих отраслей.

Другая тенденция состоит в том, что надзор с целью захвата и продажи поведенческого излишка становится самостоятельной услугой. Часто эти компании относят к категории «программное обеспечение как услуга» (software as a service, SaaS), но точнее было бы называть эту систему «надзор как услуга» (surveillance as a service, SVaaS). Например, новый подход к кредитованию с по-

мощью специального приложения мгновенно определяет качество заемщика, основываясь на детальном анализе смартфона и поведения в интернете, включая тексты, электронные письма, GPS-координаты, сообщения в социальных сетях, профили Facebook, розничные транзакции и шаблоны связи[149]. В качестве источников данных могут использоваться такие интимные подробности, как частота зарядки батареи телефона, количество получаемых вами сообщений, перезваниваете ли вы и когда именно, сколько контактов вы занесли в свой телефон, как вы заполняете онлайн-формы или сколько миль вы проезжаете каждый день. Эти поведенческие данные позволяют выявить тонкие закономерности, которые предсказывают вероятность выплаты или невыплаты кредита и, таким образом, обеспечивают постоянную разработку и уточнение алгоритмов. Двое экономистов, которые исследовали этот подход, обнаружили, что подобные излишки создают прогностическую модель, сравнимую с традиционным кредитным скорингом, отмечая, что «этот метод измеряет разнообразнейшие аспекты поведения, которые обычно считаются „мягкой" информацией, что делает ее законной добычей для формальных структур»[150]. «Вы проникаете внутрь и можете по-настоящему понять повседневную жизнь этих клиентов», — пояснил генеральный директор одной кредитной компании, которая анализирует 10 000 сигналов на одного клиента[151].

Изначально подобные методы были разработаны для рынков в Африке, чтобы помочь претендовать на займы тем, кто не имел доступа к банковским услугам и чье качество с точки зрения предоставления им кредита было неизвестно. Одна кредитная группа провела опрос потенциальных клиентов в странах с низким уровнем дохода и пришла к выводу, что эксплуатировать отягощенных проблемами бедняков будет нетрудно: «Большинство заявили, что без проблем поделятся личными данными в обмен на столь необходимые средства». Но эти стартапы, связанные с кредитованием на основе приложений, как правило, создаются и финансируются в Кремниевой долине, и поэтому неудивительно, что упомянутые методы стали частью более широкой тенденции эксплуатации американских

семей, экономически истощенных финансовым кризисом и неолиберальными рецептами жесткой экономии. Как сообщает газета Wall Street Journal, новые стартапы вроде Affirm, LendUp и ZestFinance, «используют данные из таких источников, как социальные сети, онлайн-поведение и брокеры данных, чтобы определить кредитоспособность десятков тысяч американских потребителей, которые не имеют доступа к ссудам» — еще одно свидетельство того, что права на принятие решений и конфиденциальность, которую они обеспечивают, стали роскошью, которую слишком многие не могут себе позволить[152].

Другой пример надзора как услуги — фирма, которая продает глубокую проверку потенциальных сотрудников и арендаторов работодателям и арендодателям. Скажем, потенциальный жилец получает запрос от будущего арендодателя, который требует от нее предоставить полный доступ ко всем профилям социальных сетей. Затем служба «подчистую собирает все ваши действия на этих сайтах», включая полные цепочки разговоров и личных сообщений, пропускает их программное обеспечение, занимающееся обработкой естественного языка, и в итоге выдает отчет, перечисляющий все — от ваших психологических особенностей до вашего «уровня финансового стресса», включая раскрытие защищенной информации о статусе, такой как беременность и возраст. У затронутых лиц нет возможности просматривать или оспаривать эту информацию. Как и в случае с цифровыми кредиторами, хотя потенциальный съемщик должен формально «согласиться» на услугу, именно те, у кого меньше денег и меньше вариантов, попадают в ловушку этой фаустовской сделки, в которой приватность разменивается на право участия в социальной жизни. «Люди откажутся от приватности, чтобы получить то, что они хотят», — восторгается генеральный директор этой сервисной фирмы[153].

Еще одна вариация на тему SVaaS использует науку о данных и машинное обучение для поиска поведенческого излишка в интернете — либо на продажу, либо для анализа и изготовления прибыльных прогнозных продуктов. Правовед Фрэнк Паскуале называет это «темным рынком персональных данных»[154]. Например, компания hiQ про-

дает свои прогнозные продукты кадровикам корпораций. Она собирает в интернете информацию, касающуюся сотрудников фирмы-клиента, включая данные из социальных сетей и общедоступные данные; затем ее «движок обработки данных извлекает из этого шума сильные сигналы, указывающие на то, что кто-то может вот-вот сбежать». Модели машинного обучения присваивают каждому сотруднику показатель риска, что позволяет клиентам «с ювелирной точностью выявлять сотрудников, подверженных наибольшему риску…» Компания утверждает, что она предоставляет «волшебное зеркало» и что ее прогнозы «практически идентичны» фактическому обороту кадров. Располагая предоставленной hiQ информацией, компании могут принять превентивные меры. Они могут предпринять попытку удержать сотрудника или могут предпочесть заранее уволить того, кто, по прогнозам, все равно «сбежит»[155].

Другой пример — компания Safegraph, которая сотрудничает со всеми приложениями, отслеживающими ваше поведение ради накопления «высокоточных» данных с «низким уровнем ложноположительных результатов», собранных «в фоновом режиме на материале больших групп населения». Согласно Washington Post, только в ноябре 2016 года компания собрала 17 триллионов маркеров местоположения с 10 миллионов смартфонов и продала эти данные, среди прочих, двум университетским исследователям, которые хотели детально изучить, как политика повлияла на модели поведения семей в День Благодарения того года[156]. Несмотря на широко используемые эвфемизмы вроде «анонимизации» и «обезличивания», Safegraph отслеживает отдельные устройства и передвижения их владельцев в течение суток, поставляя данные, которые достаточно детализированы, чтобы идентифицировать местоположение отдельных домов.

Надзорный капитализм родился цифровым, но, как мы увидим в следующих главах, он больше не ограничен цифровыми от рождения компаниями. Эта логика превращения инвестиций в доход крайне адаптивна и исключительно прибыльна, пока поставки сырья бесплатны, а закон удается держать в узде. Быстрый переход к надзорным доходам, происходящий сейчас, на-

поминает сдвиг конца XX века от доходов, получаемых в результате продажи товаров и услуг, к доходам, получаемым в результате освоения спекулятивных и максимизирующих акционерную стоимость стратегий финансового капитализма. В то время каждая компания была вынуждена соблюдать одни и те же заповеди: сокращение штатов, вывод производственных мощностей и инфраструктуры услуг в офшор, снижение затрат на обеспечение качества товаров и услуг, сокращение обязательств перед сотрудниками и потребителями, а также автоматизация взаимодействия с клиентами — все это были радикальные стратегии сокращения издержек, призванные поддерживать цену акций компании, которая стала заложником все более узкого и ограниченного взгляда на компанию и ее роль в обществе.

По мере того как конкуренция за надзорные активы накаляется, на передний план выходят новые «законы движения». В конце концов они сформируют еще более беспощадный императив прогнозирования будущего поведения с еще большей точностью и детализацией, заставляя весь надзорный проект перейти из виртуального мира в мир, который мы называем «реальным». В части II мы прослеживаем эту миграцию в реальный мир, когда конкурентная динамика вынуждает расширять операции по обеспечению поставок поведенческого излишка, а все более сложная архитектура извлечения распространяется вширь и вглубь на новые территории человеческого опыта.

Прежде чем приступить к этому, необходимо остановиться и проверить наши ориентиры. Я предположила, что опасности надзорного капитализма не могут быть полностью поняты ни через призму приватности, ни через призму монополизма. В главе 6 я предлагаю взглянуть на опасность с новой стороны. Угрозы, с которыми мы сталкиваемся, становятся еще более фундаментальными по мере того, как надзорные капиталисты берут на себя решение основных вопросов, определяющих в наше время знание, право и власть: *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?*

ГЛАВА 6
Разделение общественного знания

Ну что с того, что райский плод запретен?
Ну что здесь нового? Сей мудростью горды,
Они всё знали наперед. Конечно, не заметив
Того, кто их журил из облачной гряды.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, II*[1]

1. Декларации Google

Четвертого декабря 1492 года Колумб сумел ускользнуть от береговых ветров, не дававших ему покинуть остров, который мы теперь называем Кубой. На следующий день он бросил якорь у побережья большого острова, известного его жителям как Кискея или Богио, и запустил то, что историки называют «моделью завоевания». Это последовательность событий, которая разворачивается в три этапа: изобретение законнических мер для прикрытия вторжения видимостью оправдания, заявление о территориальных притязаниях и основание города для легитимации и институционализации завоевания[2]. Моряки не могли предположить, что их действия в тот день станут первым наброском схемы, мощь и гениальность которой отзовется эхом через пространство и время в цифровом XXI веке.

На Богио Колумб наконец нашел процветающую материальную культуру, достойную его мечтаний и аппетитов испанских монархов. Он видел золото, искусные изделия из камня и дерева, «церемониальные постройки <…> выложенные камнем бальные залы <…> каменные украшения в виде ошейников и подвесок и стилизованные статуи <…> богато украшенные резьбой деревянные троны <…> утонченные личные украшения из драгоценных камней…». Убежденный, что остров был его «до сих пор лучшей находкой, с самой многообещающей природой и самыми изобретательными жителями», он заявил королеве Изабелле:

> остается только установить испанское присутствие и приказать им исполнить вашу волю. Ибо <…> они ваши, чтобы повелевать ими и заставлять трудиться, сеять семена и делать все остальное, что нужно, и построить город, и научить их носить одежду и помочь принять наши обычаи[3].

Согласно философу языка Джону Сёрлю, декларация — это особый способ говорить и действовать, который создает факты из воздуха, вызывая к жизни новую реальность там, где ничего не было. Вот как это работает: иногда мы говорим, чтобы просто описать мир — «у тебя карие глаза» — или изменить его — «закрой дверь». Декларация сочетает в себе и то и другое, утверждая новую реальность, описывая мир так, словно желаемые изменения уже произошли: «Все люди созданы равными». «Они ваши, чтобы повелевать ими». Как пишет Сёрль, «мы создаем некое положение вещей, представляя его как уже имеющее место»[4].

Не каждая декларация представляет собой сказанное вслух отдельное законченное предложение. Иногда мы просто характеризуем, ссылаемся, упоминаем, думаем или даже действуем в отношении ситуации таким образом, что «создаем реальность, представляя эту реальность как уже созданную». Допустим, например, что официант приносит мне и моему другу две одинаковые тарелки супа, ставя по одной перед каждым из нас. Ничего не сказав, он продекларировал, что тарелки не одинаковые — одна принадлежит моему другу, другая — моя. Мы закрепляем факты его декларации, когда я беру суп только из «моей» тарелки, а мой друг — из его. Когда «его» тарелка пуста, мой друг все еще голоден и он просит разрешения взять ложку супа из тарелки, стоящей передо мной, еще раз подтверждая факт, что это *моя* тарелка супа. Таким образом, декларации срабатывают или нет в зависимости от принятия новых фактов другими. Как заключает Сёрль, «вся институциональная реальность и, следовательно, <…> вся человеческая цивилизация созданы <…> декларациями»[5].

Декларации по сути своей инвазивны, поскольку они навязывают новые факты социальному миру, а те, кто их декларирует, ищут способ заставить других согласиться с этими фактами. Как пишет историк Мэтью

Рестолл, декларация Колумба отражает «модель завоевания»:

> Испанцы XVI века последовательно представляли свои поступки и поступки своих соотечественников в терминах, которые предвосхищали завершение Конкисты и вселяли в хроники Конкисты дух неизбежности. Фраза «Испанское завоевание» и все, что она подразумевает, вошла в историю потому, что испанцам так важно было изобразить свои усилия как завоевания и усмирения, как выполнение обязательств, как намерения провидения, как *свершившийся факт*[6].

Испанские завоеватели и их монархи очень стремились оправдать свое вторжение как способ прийти к соглашению, особенно среди европейской аудитории. Они разработали меры, призванные придать делу «обличие законности, ссылаясь на одобренные прецеденты и следуя им»[7]. С этой целью перед солдатами была поставлена задача зачитывать местным жителям, прежде чем напасть на них, монархический эдикт 1513 года, известный как «Требования» (Requirimiento)[8]. Эдикт декларировал, что конкистадоры воплощают в себе власть Бога, папы и короля, а затем объявлял коренные народы вассалами, подчиненными этой власти:

> Вы, касики и индейцы этого континента <…> Мы заявляем, и да будет вам всем известно, что есть только один Бог, один папа и один король Кастилии, владыка этих земель; явитесь без промедления и принесите клятву верности испанскому королю как его вассалы[9].

Затем в указе перечислялись страдания, которые выпадут на долю тех, кто ослушается. В этом сокрушившем миры противостоянии с беспрецедентным, местных жителей призывали, увещевали и приказывали, на языке, который они не могли постичь, сдаться без сопротивления в знак признания властей, существование которых они не могли себе вообразить. Процедура была настолько циничной и жестокой, что приближающиеся захватчики часто выполняли свои обязательства, бормоча длинные абзацы эдикта себе в бороду, глубокой ночью, прячась среди густой растительности в ожидании момента атаки: «Как только европейцы выполняли эту обязанность проинформировать своих жертв, путь для разграбления

и порабощения был свободен». Монах Бартоломе де лас Касас, труды которого донесли до нас свидетельства истории испанских зверств, писал, что «Требования» обещали туземцам справедливое обращение после сдачи, но также разъясняли последствия неповиновения. Любой акт сопротивления со стороны коренного населения считался «восстанием», тем самым узаконивая жестокое «возмездие», выходящее за пределы принятого в военное время, включая невиданные пытки, сожжение посреди ночи целых деревень и публичное повешение женщин:

> Я причиню вам все то зло и весь ущерб, которые господин может причинить вассалам, которые не подчиняются и не принимают его. И я торжественно заявляю, что пролитая вследствие этого кровь и нанесенный ущерб будут вашей виной, а не виной Его величества, моей или тех господ, которые пришли со мной[10].

Завоевание посредством деклараций должно звучать знакомо, поскольку факты надзорного капитализма прокрались в мир в силу шести критических *деклараций*, совершенно безосновательных на момент, когда Google впервые их сделал. То, что провозглашенным в них фактам было позволено остаться в силе, очевидно из стратегий изъятия, примененных Verizon и другими новыми звездами на небосводе надзорного капитализма. В восторге от достижений молодой фирмы, основатели Google, поклонники и восхищенная пресса молча проводили глазами поразительные картины вторжения и завоевания, скрытые в этих утверждениях[11].

Шесть деклараций заложили основу большого проекта надзорного капитализма и совершённого им «первородного греха» изъятия. Их нужно отстоять любой ценой, потому что каждая следующая декларация основывается на предыдущей. Если рухнет одна, рухнут все:

- Мы заявляем, что человеческий опыт есть сырье, которое волен присвоить себе каждый. Исходя из этого, мы можем игнорировать соображения личных прав, интересов, осведомленности или понимания.
- Исходя из этого, мы утверждаем, что имеем право собирать личный опыт для перевода в поведенческие данные.

- Наше право собирать сырье, основанное на наших притязаниях на его общедоступность, дает нам право собственности на поведенческие данные, полученные из человеческого опыта.
- Наши права собирать и владеть дают нам право знать то, что раскрывают эти данные.
- Наши права собирать, владеть и знать дают нам право решать, как использовать это знание.
- Наши права собирать, владеть, знать и решать дают нам право на условия, обеспечивающие осуществление наших прав собирать, владеть, знать и решать.

Итак, эпоха надзорного капитализма открылась этими шестью декларациями, которые определили ее как эпоху завоеваний. Надзорный капитализм добился успеха посредством агрессивных деклараций, и этот успех служит яркой иллюстрацией захватнического характера декларативных слов и поступков, которые стремятся к победе путем навязывания новой реальности. Завоеватели XXI века не спрашивают разрешения; они прокладывают путь, устилая выжженную землю практиками фальшивой легитимации. Вместо циничных монархических эдиктов они предлагают циничные пользовательские соглашения, положения которых столь же туманны и невнятны. Они строят свои линии укреплений, яростно защищая уже присвоенные территории и набирая сил для следующих вылазок. В конце концов они выстраивают в сложных экосистемах торговли, политики и культуры целые города, декларирующие законность и неизбежность всего, чего они достигли.

Эрик Шмидт рассуждал о важности доверия, но своими «декларациями» Google позаботился о том, чтобы его успех не зависел от нашего доверия. Его декларативные победы стали средством концентрации знания и власти всемирно-исторического масштаба. Это те бастионы, которые обеспечивают его дальнейший рост. Шмидт иногда проговаривал нечто подобное. Описывая «современные технологические платформы», он говорит, что «почти ничто не может сравниться со скоростью, эффективностью и агрессивностью распространения этих платформ — разве что биологиче-

ские вирусы, и это наделяет соответствующей властью тех, кто их строит, контролирует и использует»[12].

В силу беспрецедентной концентрации знания и власти надзорный капитализм подминает под себя *разделение общественного знания* — осевой принцип социального порядка в информационной цивилизации. Эта тенденция тем более опасна, что она беспрецедентна. Она не сводится к известному вреду и, значит, не будет легко поддаваться известным формам борьбы. В чем состоит этот новый принцип общественного порядка и как надзорные капиталисты поставили его под свой контроль? Вот вопросы, которые мы разбираем в следующих параграфах. Ответы на них помогут нам задуматься о том, что мы уже знаем, и подготовиться к тому, что ждет впереди.

11. Кто знает?

Эта книга началась с воспоминания об одном насущном вопросе, заданном мне молодым менеджером целлюлозной фабрики в небольшом южном городке: «Мы все будем работать на умную машину или за машиной будут присматривать умные люди?» В годы, прошедшие с того дождливого вечера, я внимательно наблюдала за цифровизацией работы на целлюлозной фабрике. Как я описала в «Эпохе умных машин», переход к информационным технологиям превратил фабрику в «электронный текст», который завладел вниманием каждого рабочего. Вместо практических задач, связанных с сырьем и оборудованием, «справляться с обязанностями» стало теперь означать мониторить данные на экранах и владеть навыками понимания этого электронного текста, умением учиться у него и действовать с его помощью. То, что сегодня кажется обычным, было тогда необычайным.

Все эти бросающиеся в глаза перемены, утверждала я, сигнализируют о глубоком и важном преобразовании. Организация работы определяется теперь не разделением труда, а *разделением знания*. Я писала о многих женщинах и мужчинах, которые, на удивление самим себе и своим менеджерам, овладевали новыми интеллектуальными навыками и учились процветать в информаци-

онно насыщенной среде, но я также задокументировала горькие конфликты, которые сопровождали эти достижения, назвав их обобщенно дилеммами *знания*, *полномочий* и *власти*.

Любой анализ разделения знания должен разрешить эти дилеммы, выраженные тремя главными вопросами. Первый вопрос — «Кто знает?» Это вопрос о распределении знания и о том, существуют ли возможности его приобретения. Второй вопрос — «Кто принимает решения?» Это вопрос полномочий: кто, какие люди, институции или процессы определяют, кто получает доступ к знанию, что именно эти люди могут узнать и как именно они могут действовать в соответствии с полученными знаниями. Какова законная основа этих полномочий? Третий вопрос — «Кто определяет, кому принимать решения?» Это вопрос о власти. Каков источник власти, которая стоит за полномочиями поделиться знаниями или удержать их?

Молодой менеджер в конце концов найдет ответы на свои вопросы, но они окажутся не теми, на которые надеялись мы оба. Хотя работники целлюлозной фабрики боролись и часто побеждали, хайековское мировоззрение постепенно укреплялось на самых высоких уровнях политики, а операционные требования Дженсена находили горячее одобрение на Уолл-стрит, которая быстро научилась навязывать их каждой публичной компании. Результатом стала бизнес-модель, построенная на сокращении издержек и ориентированная на аудиторию Уолл-стрит, которая настаивала на автоматизации и экспорте рабочих мест, а не на инвестировании в развитие навыков и способностей американского работника, связанных с цифровыми технологиями. Ответ на вопрос «кто знает?» состоял в том, что знает машина, вместе с элитным персоналом, способным использовать аналитические инструменты для устранения неполадок и извлечения стоимости из информации. Ответом на вопрос «кто принимает решения?» была узкая рыночная форма и связанные с ней бизнес-модели. Наконец, в отсутствие значимого «двойного процесса», ответом на вопрос «кто определяет, кому принимать решения?» по умолчанию оказывается лишь финансовый капитал, озабоченный требованиями максимизации акционерной стоимости.

Неудивительно, что почти сорок лет спустя отчет Института Брукингса сетует на то, что миллионы американских работников «не имеют достойных возможностей среднеквалифицированной работы» перед лицом «стремительной цифровизации». В отчете содержится призыв к компаниям «срочно инвестировать в стратегии повышения квалификации в области ИТ для действующих работников, в понимании, что цифровые навыки представляют собой ключевой канал повышения производительности»[13]. Насколько иным могло бы быть наше общество, если бы американские предприятия решили инвестировать не только в машины, но и в людей?

Большинство компаний предпочли умным людям умные машины, создав хорошо задокументированную тенденцию заменять людей на машины и их алгоритмы на самых разнообразных рабочих местах. К настоящему времени эта тенденция затронула множество занятий, далеких от заводских корпусов[14]. Это привело к тому, что экономисты называют «поляризацией рабочих мест», для которой характерны, с одной стороны, высококвалифицированные рабочие места, с другой — низкоквалифицированные, притом что автоматизация вытесняет большинство рабочих мест, которые когда-то были «посередине»[15]. И хотя некоторые лидеры бизнеса, экономисты и технологи называют эти явления необходимыми и неизбежными последствиями распространения компьютерных технологий, исследования показывают, что разделение знания в экономической сфере отражает силу неолиберальной идеологии, политики, культуры и институционального устройства. Например, в континентальной и Северной Европе, где ключевые элементы «двойного процесса» в той или иной форме сохранились, поляризация рабочих мест сдерживается значительными инвестициями в обучение рабочей силы, которые обеспечивают более инклюзивное разделение знания, а также производство высококачественных инновационных продуктов и услуг[16].

Для нашего повествования важнее всего то, что сегодня мы находимся во второй исторической фазе этого конфликта. Разделение знания в экономической сфере производства и занятости имеет решающее значение,

но это только начало новой борьбы в еще более остром вопросе об общественном разделении знания. Дилеммы знания, полномочий и власти вырвались из стен предприятий и заполонили нашу повседневную жизнь. По мере того как люди, процессы и вещи получают второе рождение в качестве информации, общественное разделение знания становится господствующим принципом социального порядка нашего времени.

Совершенно новый электронный текст теперь выходит далеко за пределы фабрики или офиса. Благодаря нашим компьютерам, кредитным картам и телефонам, а также камерам и датчикам, которые множатся в общественных и частных пространствах, почти все, что мы сейчас делаем, опосредуется компьютерами, которые фиксируют и кодифицируют детали нашей повседневной жизни в таких масштабах, какие невозможно было представить себе всего несколько лет назад. Мы достигли точки, в которой мало что остается вне этого нового непрерывно растущего электронного текста. В последующих главах мы рассмотрим множество примеров этого нового электронного текста, который бесшумно, но неуклонно разрастается, подобно колоссальному нефтяному пятну, поглощающему все на своем пути — ваш разговор за завтраком, улицы в вашем районе, размеры вашей гостиной, вашу пробежку в парке.

В результате и мир, и наши жизни без остатка перерабатываются в информацию. Жалуетесь ли вы на прыщи или участвуете в политических спорах в Facebook, ищете в Google рецепт или деликатную медицинскую информацию, заказываете хозяйственное мыло или фотографируете своего девятилетнего ребенка, улыбаетесь или полны возмущения, смотрите телевизор или разучиваете на парковке велосипедные трюки, — все это сырье для этого раздувающегося текста. Исследователь информации Мартин Хилберт и его коллеги отмечают, что даже основополагающие элементы цивилизации, в том числе «язык, культурные ценности, традиции, институты, нормы и законы <...> сегодня оцифровываются и впервые явно превращаются в видимый код», а затем возвращаются обществу, пройдя сквозь фильтр «интеллектуальных алгоритмов», задействованных в решении быстро растущего спектра коммерческих,

правительственных и социальных задач[17]. На каждом шагу перед нами встают главные вопросы: *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?*

III. Надзорный капитал и два текста

Можно провести важные параллели с концом XIX и началом XX века, когда разделение труда впервые стало главным принципом социальной организации в зарождающихся индустриальных обществах Европы и Северной Америки. Этот опыт может послужить нам руководством к действию и напоминанием о том, что поставлено на карту. Например, когда молодой Эмиль Дюркгейм писал «О разделении общественного труда», само название было спорным. Разделение труда понималось как важнейшее средство достижения высокой производительности труда посредством специализации задач. Адам Смит оставил памятные слова об этом новом принципе промышленной организации в своем описании фабрики по производству булавок, и разделение труда оставалось темой обсуждения и споров в экономике на протяжении всего XIX века. Дюркгейм признавал производительность труда экономическим императивом промышленного капитализма, который доведет разделение труда до его самых крайних проявлений, но не это занимало его больше всего.

Дюркгейм сосредоточил внимание на социальных преобразованиях, которые уже развернулись вокруг него, заметив, что «специализация» приобретает «влияние» в политике, администрации, судебной системе, науке и искусстве. Он пришел к выводу, что разделение труда больше не замыкается на промышленных *рабочих местах*. Вместо этого оно прорвалось сквозь фабричные стены, став важнейшим организационным принципом индустриального *общества*. Это также пример эдисоновской прозорливости: принципы капитализма, изначально нацеленные на производство, в конечном итоге начинают формировать социальную и моральную среду в целом. «Как бы ни относиться к разделению труда, — писал Дюркгейм, — для всякого очевидно, что оно

существует и все больше становится одной из фундаментальных основ общественного строя»[18].

Экономические императивы предсказуемо предписывали разделение труда в производстве, но каков смысл разделения труда в обществе? Этот вопрос мотивировал анализ Дюркгейма, и его выводы столетней давности все еще актуальны для нас сегодня. Он утверждал, что разделение труда отвечает за те взаимосвязи и взаимозависимости, которые объединяют многочисленных и непохожих друг на друга членов современного индустриального общества в рамках более широкой социальной солидарности. Взаимопомощь порождает взаимную потребность, участие и уважение, и все это наделяет этот новый упорядочивающий принцип моральной силой.

Другими словами, разделение труда было принесено в общество в начале XX века быстро меняющимися обстоятельствами новых людей первого модерна, которых мы обсуждали в главе 2. Это было сутью их ответа на новые «условия существования». Когда люди вроде моих прадедушки и прабабушки присоединились к походу в современный мир, старые источники смысла, которые связывали сообщества в пространстве и времени, растаяли. Что могло бы скреплять общество воедино в отсутствие норм и ритуалов клана и рода? Ответом Дюркгейма было разделение труда. Потребности людей в едином новом источнике смысла и структуры были причиной, а следствием стал упорядочивающий принцип, обеспечивающий и поддерживающий здоровое современное общество. Как объяснял молодой социолог,

> Наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает их солидарными. Роль его <…> не просто в том, чтобы украшать или улучшать существование общества, но в том, чтобы сделать возможными общества, которые без него не существовали бы <…> Результат <…> бесконечно превосходит сферу чисто экономических интересов, ибо он состоит в установлении социального и морального порядка sui generis[19].

Ви́дение Дюркгейма не было ни бесплодным, ни наивным. Он признавал, что вещи могут принять мрачный оборот, и часто его принимают, приводя к тому, что он назвал «аномальным» (в некоторых перево-

дах — «патологическим») разделением труда, которое порождает социальную дистанцию, несправедливость и разобщенность вместо взаимосвязей и взаимозависимости. В этом контексте Дюркгейм выделял разрушительное влияние социального неравенства на общественное разделение труда, особенно того, что он считал наиболее опасной формой неравенства — *крайней асимметрии власти*, которая делает «сам конфликт невозможным», «отказываясь признать право на сопротивление». Подобные патологии могут быть излечены только политикой, которая отстаивает право людей оспаривать, бросать вызов и одерживать верх перед лицом неравной и незаконной власти над обществом. В конце XIX века и на протяжении большей части XX века эта борьба велась профсоюзами и другими общественными движениями, которые утверждали социальное равенство через такие институты, как коллективные переговоры и государственная система образования.

Преобразование, которое мы наблюдаем в наше время, перекликается с этими историческими наблюдениями, поскольку разделение знания следует тем же путем из экономической в социальную сферу, который прошло разделение труда. Теперь уже разделение знания «превосходит сферу чисто экономических интересов», поскольку оно устанавливает основу нашего социального порядка и его моральное содержание.

Для нас, представителей второго модерна, разделение знания имеет то же значение, какое имело разделение труда для наших дедушек и прадедушек, первопроходцев первого модерна. В наше время разделение знания выходит из экономической сферы как новый принцип социального порядка и отражает первичность знания, обучения и информации в сегодняшнем стремлении к полноценной жизни. И точно так же, как Дюркгейм предостерегал свое общество сто лет назад, сегодня наши общества находятся под угрозой, по мере того как разделение знания дрейфует в сторону патологии и несправедливости в тисках беспрецедентных асимметрий знания и власти, достигнутых при надзорном капитализме.

Власть надзорного капитализма над общественным разделением знания начинается с того, что я называю

«проблемой двух текстов». Специфические механизмы надзорного капитализма неизбежно ведут к созданию не одного, а двух «электронных текстов». Если речь идет о первом тексте, то его авторы и читатели — мы. Этот обращенный к публике текст хорошо знаком и славится морем информации и связей, которые он открывает нам несколькими прикосновениями пальцев. Поиск Google систематизирует информационный контент всемирной паутины. Лента новостей Facebook скрепляет воедино наши связи. Многое в этом общедоступном тексте состоит из того, что мы сами вписываем на его страницы: это наши сообщения, блоги, видео, фотографии, чаты, музыка, истории, наблюдения, «лайки», твиты — все размеренное гудение нашей жизни, собранное и переданное другим.

При режиме надзорного капитализма, однако, этот первый текст не существует сам по себе; за ним неотрывно тянется его тень. Первый текст, полный обещаний, фактически служит источником сырья для второго текста — *теневого текста*. Все, что мы вносим в первый текст, каким бы тривиальным или мимолетным оно ни было, становится мишенью для извлечения излишка. Этот излишек заполняет собой страницы второго текста. Этот текст скрыт от наших глаз: он предназначен «только для чтения» надзорных капиталистов[20]. В этом тексте наш опыт конфискуется в качестве сырья, которое накапливается и анализируется ради достижения рыночных целей других людей. Теневой текст — это стремительно растущий резервуар поведенческого излишка и результатов его анализа, и он говорит о нас больше, чем мы можем знать о себе сами. Хуже того, отказаться от участия в написании теневого текста становится делом все более трудным и, вероятно, невозможным. Он автоматически питается нашим опытом, когда мы заняты обычной и необходимой рутиной участия в социальной жизни.

Еще загадочнее то, как надзорные капиталисты применяют информацию, полученную из своего эксклюзивного теневого текста, для формирования в своих интересах публичного текста. Существует бесчисленное количество откровений о том, как Google и Facebook манипулируют информацией, которую мы видим. Пока

я просто укажу на то, что основанные на поведенческом излишке алгоритмы Google отбирают и упорядочивают результаты поиска, а основанные на поведенческом излишке алгоритмы Facebook отбирают и упорядочивают содержимое ленты новостей. В обоих случаях, как показали исследования, эти манипуляции отражают коммерческие цели этих двух корпораций. Как говорит правовед Фрэнк Паскуале:

> Решения в «Гуглплексе» принимаются за закрытыми дверями <...> власть включать, исключать и ранжировать — это власть определять, какие впечатления останутся в публичной памяти, а какие — промелькнут мимо <...> Несмотря на заверения в объективности и нейтральности, они постоянно принимают ценностные, спорные решения. Они помогают создать мир, который, по их утверждениям, они лишь «проецируют» нам[21].

Если мы говорим о теневом тексте, то законы движения надзорного капитализма диктуют и его скрытность, и его непрерывный рост. Предмет его повествования — мы, но его уроки скрыты от нас. Как источник, из которого проистекают все сокровища, этот второй текст — *про* нас, но не *для* нас. Вместо этого он создается, поддерживается и эксплуатируется без нашего ведома, ради чужой выгоды.

Результатом оказывается то, что разделение знания становится и восходящим принципом социального порядка нашей информационной цивилизации, и одновременно заложником привилегированного положения надзорного капитализма как доминирующего составителя, владельца и хранителя электронных текстов. Способность надзорного капитализма кроить и контролировать эти тексты создает беспрецедентную асимметрию знания и власти, которые действуют именно так, как опасался Дюркгейм: относительная свобода действий, предоставленная этой форме рынка, и изначально никому не понятный характер ее действий позволили ей установить существенный контроль над разделением знания, без нашего ведома и без средств противодействия. Когда дело доходит до главных вопросов, надзорный капитал накопил достаточно сил и приобрел достаточно полномочий, чтобы предоставлять все ответы. Однако даже

полномочий было бы недостаточно. Только надзорный капитал владеет материальной инфраструктурой и мозгами экспертов, необходимыми для управления общественным разделением знания.

IV. Священная каста

Ученые предупреждают, что способность мира производить информацию уже значительно превосходит его способность обрабатывать и хранить информацию. Надо понимать, что наша техническая память удваивается приблизительно каждые три года. В 1986 году только 1% всей мировой информации существовал в цифровом виде, а в 2000 году — 25%. К 2013 году прогресс в области цифровизации и датафикации (применения программного обеспечения, позволяющего компьютерам и алгоритмам обрабатывать и анализировать необработанные данные) в сочетании с новыми и более дешевыми технологиями хранения данных позволил перевести 98% информации в мире в цифровой формат[22].

Информация оцифрована, но ее объем превышает нашу способность улавливать ее смысл. В качестве решения этой проблемы, специалист по информации Мартин Гилберт предлагает: «Единственный способ разобраться во всех этих данных, который мы сами себе оставили — это вышибать клин клином», используя «компьютеры с искусственным интеллектом» для «просеивания этих огромных объемов информации <…> Facebook, Amazon и Google пообещали <…> создавать стоимость из огромных объемов данных с помощью интеллектуального вычислительного анализа»[23]. Рост надзорного капитализма неизбежно делает совет Гилберта опасным предложением. Сам не осознавая этого, Гилберт хочет просто закрепить привилегированное положение надзорных капиталистов и асимметрию власти, которая позволяет им подчинять разделение знания своим интересам.

Асимметричная власть Google опирается на все социальные источники, которые мы рассмотрели: на его декларации, его оборонительные укрепления, эксплуатацию им законодательства, наследие надзорной чрезвычайщины, стремления людей второго модерна и так да-

лее. Но его власть не работала бы без гигантской материальной инфраструктуры, которую позволили выстроить доходы от надзора. Google — пионер в области «гипермасштабирования», который считается «самой крупной компьютерной сетью в мире»[24]. Гипермасштабируемые операции можно встретить в компаниях, работающих с большими объемами информации, таких как телекоммуникационные компании и фирмы, занимающиеся глобальными платежами, где для центров обработки данных требуются миллионы «виртуальных серверов», экспоненциально увеличивающих вычислительные возможности без существенного расширения физического пространства, систем охлаждения или потребностей в электроэнергии[25]. О машинном интеллекте, лежащем в основе мощного доминирования Google, сказано, что «на 80% это инфраструктура» — система, включающая в себя специально построенные центры обработки данных, каждый размером с большой склад, разбросанные по 15 точкам земного шара, и в 2016 году, по оценкам, 2,5 миллиона серверов на четырех континентах[26].

Инвесторы считают, что Google «догнать труднее, чем когда-либо», потому что в своем сочетании масштабной инфраструктуры и научной экспертизы он не имеет себе равных. Google известен как «компания полного цикла в области искусственного интеллекта», которая использует свои собственные хранилища данных «для обучения своих собственных алгоритмов, работающих на собственных чипах, развернутых в собственном облаке». Его доминирование дополнительно усиливается благодаря тому, что машинное обучение настолько интеллектуально, насколько это позволяет объем данных, на которых оно обучается, и Google располагает самым большим количеством данных[27]. К 2013 году в компании осознали, что ее переход к «нейронным сетям», определяющим нынешние передовые рубежи искусственного интеллекта, существенно увеличит вычислительные требования и потребует удвоения мощностей дата-центров. Как сказал Урс Хельцле, старший вице-президент Google по технической инфраструктуре, «страшная тайна [ИИ] в том, что ему требуется безумное количество вычислений только для обучения сети». Если бы компания пыталась взвалить растущую вычислительную на-

грузку на традиционные процессоры, пояснил он, «нам пришлось бы удвоить все присутствие Google — количество дата-центров и серверов — просто чтобы обеспечить три минуты или две минуты распознавания речи на каждого пользователя Android в день»[28].

Когда строительство центров обработки данных стало крупнейшей статьей расходов компании, а затраты на электроэнергию — основным источником текущих издержек, Google нашел новый выход из этого инфраструктурного кризиса. В 2016 году он объявил о разработке нового чипа для «логики глубокого обучения» под названием тензорный процессор (tensor processing unit, TPU). TPU должен был значительно расширить возможности машинного интеллекта Google, потреблять лишь небольшую часть энергии, необходимой для существующих процессоров, и снизить как капитальные расходы, так и текущие издержки, обучаясь при этом эффективнее и быстрее[29].

Ожидается, что глобальная выручка с товаров и услуг искусственного интеллекта вырастет в 56 раз, с 644 миллионов долларов в 2016 году до 36 миллиардов долларов в 2025 году[30]. Научные исследования, необходимые для использования этих небывалых возможностей, и материальная инфраструктура, которая позволила бы их реализовать, спровоцировали «гонку вооружений» среди технологических компаний, которые начали охоту примерно за 10 000 профессионалов, имеющихся на планете, знающими, как обращаться с технологиями искусственного интеллекта, чтобы выманить знание из того, что иначе осталось бы невразумительной какофонией огромного континента данных. Самым агрессивным скупщиком технологий и талантов ИИ остается Google/Alphabet. В 2014–2016 годах он приобрел девять компаний, связанных с искусственным интеллектом, что вдвое больше, чем у его ближайшего конкурента — Apple[31].

Концентрация талантов из сферы искусственного интеллекта в Google отражает более широкую тенденцию. По оценкам, в 2017 году на участие в гонке за талантами в области искусственного интеллекта американские компании выделили более 650 миллионов долларов, при более чем 10 000 вакансий у лучших работодателей по всей стране. У пяти ведущих технологических

компаний капитала достаточно, чтобы вытеснить конкурентов — стартапы, университеты, муниципалитеты, крупные корпорации других отраслей, и не столь богатые страны[32]. В Британии руководители университетов уже говорят о «потерянном поколении» специалистов по данным. Огромные зарплаты в технологических гигантах сманили столько профессионалов, что учить следующее поколение студентов просто некому. Как сказал один ученый:

> Настоящая проблема в том, что эти люди не рассеяны по всему обществу. Интеллект и знания сконцентрированы в небольшом ряде компаний[33].

Благодаря своей щедрости при привлечении кадров Google за последние несколько лет утроил свой контингент ученых, специализирующихся в области машинного интеллекта, и стал ведущим поставщиком авторов самых престижных научных журналов — в четыре-пять раз больше, чем в среднем в мире в 2016 году. При режиме надзорного капитализма ученые этой корпорации заняты не решением проблемы голода в мире или отказа от углеводородного топлива. Вместо этого весь их гений направлен на штурм бастионов человеческого опыта, превращение опыта в данные и преобразования его в нового рыночного колосса, создающего богатство путем предсказания человеческого поведения, влияния на него и управления им.

Более шестисот лет назад печатный станок передал письменное слово в руки простых людей, позволив сэкономить на молитвах, обойти духовенство и открывая возможности духовного общения непосредственно молящимся. Мы привыкли считать само собой разумеющимся, что интернет обеспечивает беспрецедентные возможности для распространения информации, обещая больше знаний для большего числа людей — могучая демократизирующая сила, которая в геометрической прогрессии реализует революцию Гутенберга в жизнях миллиардов людей. Но это грандиозное достижение заслонило от наших глаз другую историческую тенденцию, выходящую за пределы досягаемости и видимости, устроенную так, чтобы исключать, запутывать и скрывать. В рамках этой скрытой тенденции

конкурентная борьба за надзорные доходы возвращается к до-гутенберговским порядкам, по мере того как общественное разделение знания клонится к своей патологической форме, находящейся в руках священной касты работающих в частных фирмах компьютерных специалистов, их находящихся в частных руках машин и экономических интересов, на службу которым поставлены их алгоритмы.

V. Приватизация общественного разделения знания

Общественное разделение знания оказалось в плену у надзорного капитализма. В отсутствие сильного «двойного процесса», в ходе которого демократические институты и гражданское общество привязывали бы дикий информационный капитализм к нуждам людей (пусть эта привязка была бы далека от совершенства), в этом решающем споре о разделении общественного знания мы отброшены назад к рыночной форме компаний надзорного капитализма. Специалисты в дисциплинах, связанных с машинным интеллектом, знают это, но плохо осознают более широкие последствия этого факта. Как пишет специалист по данным Педро Домингос,

> победит тот, у кого лучше алгоритмы и больше данных <…> благодаря удачному старту и большей доле на рынке Google лучше знает, чего вы хотите <…> и побеждает тот, кто учится быстрее…

Газета New York Times сообщает, что кабинет генерального директора Google Сундара Пичаи теперь располагается на одном этаже с лабораторией компании по разработке ИИ, и отмечает, что так делают многие руководители: пример вполне буквального подхода к концентрации власти[34].

Чуть более тридцати лет назад правовед Спирос Симитис опубликовал ставшую классической работу по конфиденциальности частной жизни в информационном обществе. Еще тогда Симитис осознал, что уже различимые тенденции в области «обработки информа-

ции» государственными и частными структурами таят в себе угрозы обществу, выходящие за рамки узких концепций конфиденциальности и права собственности на данные:

> Персональные данные все чаще используются для обеспечения соблюдения некоторых стандартов поведения. Таким образом, обработка информации превращается в необходимый элемент долгосрочных стратегий манипулирования, направленных на формирование и корректировку поведения индивида[35].

Симитис утверждал, что эти тенденции несовместимы не только с конфиденциальностью, но и с самой возможностью демократии, существование которой зависит от наличия индивидуальных способностей, связанных с автономным моральным суждением и самоопределением.

Опираясь на работу Симитиса, Пол М. Шварц из Беркли в 1989 году предупреждал, что компьютеризация изменит хрупкий баланс прав и обязанностей, на котором строится законодательство о неприкосновенности частной жизни:

> Сегодня огромные объемы персональных данных, имеющихся на компьютерах, представляют такую угрозу человеку, которая делает устаревшей большую часть существующей правовой защиты.

Самое главное, Шварц предвидел, что масштабы этого еще зарождавшегося кризиса создадут риски, выходящие за рамки законов о неприкосновенности частной жизни:

> Опасность, которую несет компьютер, связана с автономией человека. Чем больше известно о человеке, тем легче его контролировать. Интересы свободы, которая питает демократию, требуют структурированного использования информации обществом и даже допускают некоторое сокрытие информации[36].

И Симитис, и Шварц видели в растущем разделении знания осевой принцип новой компьютеризированной социальной среды, но они не могли предвидеть возникновение надзорного капитализма со всеми его последствиями. Хотя взрывной рост континента информации

смещает важнейшую ось социального порядка с разделения труда в XX веке на разделение знаний в XXI, именно надзорные капиталисты «владеют полем» и в одностороннем порядке претендуют на непропорциональную долю прав на принятие решений, формирующих разделение общественного знания.

Совершаемые надзорными капиталистами акты цифрового изъятия подвергают отдельных людей, группы и целые общества новому виду контроля. Жертвой этого контроля становится неприкосновенность частной жизни, и ее защита требует переосмысления самого понятия конфиденциальности и связанных с ним правовых норм и юридического мышления. «Вторжение в личную жизнь» теперь стало предсказуемым аспектом социального неравенства, но оно не существует само по себе. Оно представляет собой систематический результат «патологического» разделения общественного знания, при котором надзорный капитализм и знает, и принимает решения, и определяет, кому принимать решения. Требовать от надзорных капиталистов приватности или лоббировать прекращение коммерческого надзора в интернете — все равно что просить Генри Форда изготовлять каждый автомобиль «Модели Т» вручную или просить жирафа укоротить свою шею. Такие требования представляют экзистенциальную угрозу. Они нарушают основные механизмы и «законы движения», создающие этого рыночного Левиафана с его концентрацией знания, власти и богатства.

Итак, вот что поставлено на карту: надзорный капитализм глубоко антидемократичен, но его немалая власть имеет своим источником не государство, как это было исторически. Его последствия не сводятся к технологии и не объясняются ни ею, ни дурными намерениями нехороших людей; это логичные и предсказуемые последствия внутренне последовательной и успешной логики накопления. Надзорный капитализм стал доминировать в США в условиях относительного отсутствия законодательного регулирования. Оттуда он распространился в Европу и продолжает расширять присутствие во всех регионах мира. Фирмы надзорного капитализма начиная с Google доминируют в сборе и обработке информации, особенно информации о человеческом по-

ведении. Они знают о нас очень много, но наш доступ к их знаниям ограничен — они прячутся в теневом тексте и открыты для чтения только новой священной касте, ее боссам и ее машинам.

Эта беспрецедентная концентрация знаний создает столь же беспрецедентную концентрацию власти — асимметрии, которые следует понимать как *несанкционированную приватизацию разделения общественного знания*. Это означает, что могущественные частные интересы контролируют определяющий принцип социального порядка нашего времени, подобно тому как столетие назад Дюркгейм предупреждал о подрыве разделения труда мощными силами промышленного капитала. На настоящий момент дело обстоит так, что именно корпорации надзорного капитализма *знают*. Именно эта рыночная форма *принимает решения*. Именно конкурентная борьба среди надзорных капиталистов *определяет, кому принимать решения*.

VI. Сила беспрецедентного: повторение пройденного

В XX веке титаническая борьба за власть разворачивалась между промышленным капиталом и трудом, но в XXI веке надзорный капитал противостоит уже обществам целиком, вплоть до каждого отдельного их члена. В битве за власть и прибыль, не менее жестокой, чем любая другая, которую видел мир, конкуренция за надзорные доходы вплотную подошла к нашим телам, нашим домам и нашим городам. Надзорный капитализм нельзя представлять себе как нечто «где-то там», на фабриках и в офисах. Его цели и результаты — *здесь*… это *мы*.

Дело не просто в том, что мы попали в засаду и уступаем в вооружении. Мы были застигнуты врасплох, потому что мы никоим образом не могли вообразить эти акты вторжения и изъятия, так же как первый ничего не подозревавший касик племени таино не мог предвидеть реки крови, которые потекут после его первого жеста гостеприимства по отношению к волосатым, невнятно мычащим, потным людям, конкистадорам, когда они, возникшие ниоткуда, шли, устало волоча ноги по бере-

гу, размахивая знаменами испанских монархов и папы римского. Почему мы не торопимся признать «первородный грех простого грабежа», лежащий в основе этого нового капитализма? Как и в случае с таино, мы столкнулись с чем-то совершенно новым для нашего понимания — с беспрецедентным. И, как и они, мы рискуем навлечь на себя катастрофу, оценивая новые угрозы сквозь призму старого опыта.

Со своей стороны, со стороны «предложения», надзорные капиталисты ловко использовали весь арсенал *декларации*, чтобы утвердить свою власть и легитимность в новом и еще беззащитном цифровом мире. Они использовали декларации, чтобы брать без спроса. Они маскировали свои цели непонятными машинными операциями, действовали молниеносно, оберегали скрытные корпоративные методы, овладевали риторикой обмана, учили беспомощности, целенаправленно присваивали культурные знаки и символы, связанные с темами второго модерна — расширением прав и возможностей, участием, правом голоса, индивидуализацией, сотрудничеством — и смело обращались к разочарованию людей второго модерна, оказавшихся между молотом страстных желаний и наковальней институционального безразличия.

В этом процессе первопроходцы надзорного капитализма из Google и Facebook уклонялись от требований корпоративного управления и отвергали требования демократии, защищая свои притязания посредством финансового влияния и политических связей. Наконец, они сумели воспользоваться благоприятным историческим моментом, родившись в эпоху, когда регулирование приравнивалось к тирании, а чрезвычайное положение, вызванное террористическими атаками 11 сентября, породило надзорную чрезвычайщину, что позволило этому новому рынку укорениться и расцвести. Продуманные стратегии и случайные удачи надзорных капиталистов создали рыночную форму, которая может быть романтичной и обманчивой, но также безжалостно эффективной в уничтожении пространства для демократических дискуссий, общественных споров, индивидуального самоопределения и права на сопротивление, по мере того как она отрезает все пути к выходу.

Со стороны «спроса», люди второго модерна, изголодавшиеся по жизненным ресурсам, пришли в такое восхищение при виде изобилия пакетов с рисом и сухим молоком, бросаемых им с цифровой фуры, что мало кто обратил внимание на ее водителей или пункт назначения. Мы нуждались в них; мы даже поверили, что не проживем без них. Но, при пристальном рассмотрении, эти долгожданные грузовики доставки оказались больше похожи на автоматизированные машины вторжения и завоевания — на «Безумнго Макса», а не на Красный Крест, на «Веселого Роджера», а не на круиз выходного дня. Волшебники за рулем не пропускают ни холмика, ни впадинки, учась собирать и скапливать все крохи нашего поведения, на которое они беззастенчиво заявляют свои права как на законную добычу завоевателя.

В отсутствие ясного понимания этой новой логики накопления все попытки осмыслить, предсказать, отрегулировать или запретить деятельность надзорных капиталистов обречены на неудачу. Основными рамками, внутри которых наши общества пытаются установить контроль над дерзостью надзорного капитализма, являются «право на неприкосновенность частной жизни» и «монополия». Но ни усилия в области конфиденциальности, ни традиционные ограничения монополистских методов до сих пор никак не сказались на ключевых механизмах накопления, начиная с маршрутов поставок и заканчивая рынками поведенческих фьючерсов. Наоборот, по мере того, как надзорные капиталисты осваивали практические и политические требования цикла изъятия, они расширяли и совершенствовали архитектуру извлечения во всех сферах человеческой деятельности. Сегодня их успех угрожает самым глубоким принципам социального порядка информационной цивилизации, поскольку надзорный капитализм несанкционированно взял под контроль разделение общественного знания.

Если суждено быть битве, то пусть это будет битва за капитализм. Пусть нашей исходной позицией будет то, что необузданный надзорный капитализм представляет угрозу не только для общества, но и — не меньшую — для самого капитализма. Это не техническое предприятие, нам нужна не программа расширенного

шифрования, улучшение анонимности данных или право собственности на данные. Подобные стратегии только подтверждают неизбежность коммерческого надзора. Они не оставят нам ничего иного, кроме как спрятаться в своих собственных жизнях, по мере того как мы будем уступать контроль тем, кто смакует детали нашего поведения в своих собственных целях. Надзорный капитализм зависит от общества, и только в рамках и с помощью коллективных социальных действий можно вернуть себе более широкий проект информационного капитализма, идущего рука об руку с цветущим третьим модерном.

В части I мы видели, как Google строил свою архитектуру извлечения поведенческого излишка в онлайн-мире. По мере усиления конкуренции за надзорные доходы, все большее значение приобретает второй экономический императив, требующий выхода этой архитектуры в другой мир, тот, который мы называем реальностью.

Сегодня история надзорного капитализма взяла именно этот новый курс. В части II я приглашаю вас вновь пробудить в себе чувство изумления, пока мы будем идти по следам этого второго экономического императива, определяемого предсказанием человеческого поведения. *Императив прознозировния* усложняет операции по добыче излишка, когда к экономии от масштаба добавляются *экономия от охвата* и *экономия от действия*. Эти новые требования толкают надзорный капитализм в самые интимные уголки нашей повседневной жизни, вглубь наших личностей и наших эмоций. В конечном счете они вынуждают разрабатывать чрезвычайно новаторские, но безусловно секретные новые способы вмешательства в наше поведение и изменения его ради надзорных доходов. Эти операции ставят под сомнение наше стихийное *право на жизнь в будущем времени*, то есть право действовать свободно от влияния незаконных сил, работающих вне нашего сознания, чтобы влиять на наше поведение, изменяя его в нужном направлении. Мы теряем чувствительность к этим вторжениям и к тому, как они деформируют нашу жизнь. Мы сдаемся перед барабанной дробью неизбежности, но в этом нет ничего неизбежного. Чувство изумления утрачено, но его можно обрести вновь.

Часть II

Успехи надзорного капитализма

ГЛАВА 7
Реалити-бизнес

За Истиною, в край воображенья
Любовью к Ней, неведомой, ведом,
Искал он в аскетизме постиженья,
И презирал служащих Ей трудом.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, VI*[1]

1. Императив прогнозирования

Эрику Шмидту трудно было бы найти более подходящий повод, чтобы поделиться своим мнением о будущем интернета, чем Всемирный экономический форум в Давосе, Швейцария. В 2015 году во время одной из встреч на этом излюбленном неолибералами — а также все в большей степени и надзорными капиталистами — зимнем сборище Шмидта спросили, что он думает о будущем сети. Сидя рука об руку со своими бывшими коллегами по Google Шерил Сэндберг и Мариссой Майер, он не мудрствуя лукаво поделился убеждением:

> Интернет исчезнет. Будет так много IP-адресов <...> так много устройств, датчиков, вещей, которые вы носите, вещей, с которыми вы взаимодействуете, что вы перестанете это ощущать. Это будет постоянной частью вашего существования. Представьте, что вы входите в комнату, а комната динамически меняется[2].

Присутствующие выдохнули от удивления, а вскоре после этого новости по всему миру взорвались заголовками о шокирующем заявлении бывшего генерального директора Google про близкий конец интернета.

В действительности Шмидт просто перефразировал классическую статью компьютерного ученого Марка Уайзера 1991 года «Компьютер для XXI века», которая без малого три десятилетия задавала технологические приоритеты Кремниевой долины. Уайзер охарактеризовал явление, названное им «повсеместной компьюте-

ризацией» (ubiquitous computing), двумя легендарными предложениями: «Самые глубокие технологии — те, что исчезают. Они вплетаются в ткань повседневной жизни, пока не становятся неотличимыми от нее». Он описал новый способ мышления, «который позволяет самим компьютерам затеряться где-то на заднем плане <...> Машины, которые приспосабливаются к человеческой среде, а не затаскивают людей в свою среду, сделают пользование компьютером таким же освежающим, как лесная прогулка»[3].

Уайзер понимал, что виртуальный мир никогда не сможет стать чем-то большим, чем страна теней, сколько бы данных он ни поглощал:

> Виртуальная реальность — это только карта, а не территория. Она не включает в себя столы, офисы, других людей <...> погоду, деревья, прогулки, случайные встречи и все бесконечное богатство вселенной.

Он писал, что виртуальная реальность «моделирует» мир, а не «незаметно расширяет мир, который уже существует». В противоположность этому повсеместная компьютеризация наполнит этот *реальный* мир универсальной сетевой аппаратурой безмолвных, «спокойных» и ненасытных вычислений. Уайзер называет эту аппаратуру новой «компьютерной средой» и наслаждается даваемыми ею возможностями безграничного знания, таких как знание «о том костюме, который на прошлой неделе вы долго рассматривали, потому что она знает о ваших местоположениях и может задним числом найти имя дизайнера, хотя эта информация и не интересовала вас в тот момент»[4].

Шмидт описывал не конец интернета, а, скорее, его успешный отрыв от специализированных устройств вроде персонального компьютера или смартфона. Для надзорных капиталистов этот переход — не вопрос выбора. Надзорные прибыли вызвали острую конкуренцию за доходы, текущие рекой с новых рынков будущего поведения. Но даже самый сложный алгоритм преобразования поведенческого излишка в продукты, которые точно прогнозируют будущее, эффективен лишь настолько, насколько позволяет сырье, доступное для переработки. Поэтому перед надзорными капиталистами стоит во-

прос: какие формы излишка позволят выпускать прогнозные продукты, наиболее надежно предсказывающие будущее? Этот вопрос знаменует собой критический поворотный момент в развитии надзорного капитализма путем проб и ошибок. В нем кристаллизуется второй экономический императив — *императив прогнозирования* — и обнажается мощное давление, оказываемое этим императивом на доходы надзорных капиталистов.

Первая волна прогнозных продуктов сделала возможной таргетированную онлайн-рекламу. Эти продукты зависели от излишков, массово полученных из интернета. Конкурентные факторы, питающие потребность в масштабных количествах излишка, я обобщенно обозначила термином «императив извлечения». Конкуренция за надзорные доходы в конечном итоге достигла точки, в которой объем излишков стал необходимым, но не достаточным условием успеха. Следующий порог определялся качеством прогнозируемых продуктов. В погоне за еще более высокой степенью надежности стало ясно, что самые лучшие прогнозы должны приближаться по степени достоверности к данным наблюдения. Эти конкурентные силы и выражает императив прогнозирования (рис. 3.)

Google/Alphabet, Facebook, Microsoft и многие другие компании, привлеченные сегодня надзорными доходами, сделали ставку на «исчезновение» интернета, потому что должны были ее сделать. Вынужденные улучшать прогнозы, надзорные капиталисты, такие как Google, поняли, что им необходимо расширять и диверсифицировать архитектуру извлечения, чтобы учесть новые источники излишка и новые пути поставок. Разумеется, экономия от масштаба остается жизненно важной, но на этом новом этапе операции по обеспечению поставок были расширены и интенсифицированы, чтобы воспользоваться *экономией от охвата* и *экономией от действия*. В чем они состоят?

Переход к экономии от охвата определяет новые приоритеты: поведенческий излишек должен быть огромным, но он также должен быть разнообразным. Это разнообразие разворачивается в двух измерениях. Во-первых, это *охват вширь:* распространение операций по извлечению излишка с виртуального мира на «реальный»,

Динамика накопления поведенческого излишка

Магистральная линия развития надзорного капитализма — накопление новых источников поведенческого излишка с большей предсказательной силой. Цель — прогноз, приближающийся к гарантии того или иного человеческого действия в реальной жизни. Извлечение излишка начинается онлайн, но императив прогнозирования разгоняет конвейер, выводя его на новые источники излишка в реальном мире.

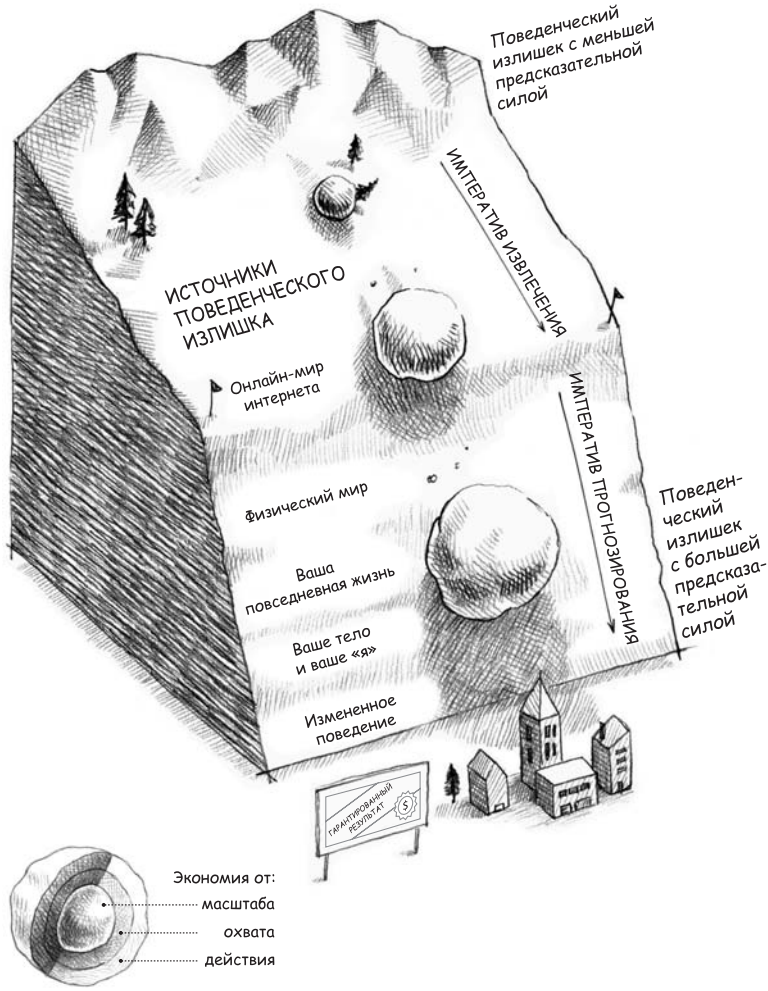

РИС. 3. Динамика накопления поведенческого излишка

в котором мы живем своими настоящими жизнями. Надзорные капиталисты поняли, что их будущее богатство будет зависеть от новых путей поставок, которые простираются до реальной жизни на дорогах, среди деревьев, в городах. Охвату вширь нужны состав вашей крови и ваша постель, ваши разговоры за завтраком, ваши поездки на работу и обратно, ваши пробежки, ваш холодильник, ваша парковка, ваша гостиная.

Экономия от охвата идет и по второй оси — *вглубь*. Стремление к экономии от охвата вглубь бросает еще более дерзкий вызов. Смысл ее в том, что в высшей степени прогнозный и, следовательно, в высшей степени прибыльный поведенческий излишек можно выудить из интимных психологических закономерностей вашего «я». Эти операции по обеспечению поставок направлены на вашу индивидуальность, настроения и эмоции, вашу ложь и ваши уязвимости. Все тайники вашей души должны автоматически фиксироваться и раскатываться в размеренный поток данных для ленты конвейера, с которой сходит сама достоверность.

Точно так же, как масштаб стал необходимым, но не достаточным условием более качественных прогнозов, выяснилось, что и экономия от охвата необходима, но не достаточна для обеспечения наивысшего качества прогнозных продуктов, способных выдерживать конкуренцию на новых рынках будущего поведения. Поведенческий излишек должен быть обширным и разнообразным, но самый верный способ предсказать поведение — вмешаться и сформировать его у истока. Процессы, изобретенные для достижения этой цели и есть то, что я называю *экономией от действия*. Чтобы добиться этого вида экономии, машинные процессы настраиваются так, чтобы вмешиваться в ход игры в реальном мире среди реальных людей и вещей. Эти вмешательства призваны повысить надежность, что-то делая: они подталкивают, настраивают, сгоняют вместе, манипулируют и изменяют поведение в конкретном направлении, выполняя такие тонкие действия, как вставка определенной фразы в ленту новостей Facebook, точная временная привязка появления в телефоне кнопки «КУПИТЬ» или отключение двигателя автомобиля в случае просрочки платежа по страховке.

Острота конкуренции, поднимаемой на новый уровень экономией от охвата и экономией от действия, усиливает инвазивный характер операций по обеспечению поставок поведенческого излишка и открывает новую эру надзорной коммерции, которую я называю *реалити-бизнесом* (reality business). Экономия от масштаба была реализована с помощью машинных архитектур извлечения в онлайн-мире. Реалити-бизнес требует машинных архитектур для реального мира. Они, наконец, осуществляют предвидение Уайзера о повсеместных автоматизированных вычислительных процессах, которые «вплетаются в ткань повседневной жизни, пока не становятся неотличимыми от нее», но с одной важной особенностью. Теперь они действуют в интересах надзорных капиталистов.

Есть много модных слов, которые прикрывают глянцевым блеском эти операции и их экономические корни: «обволакивающие вычисления», «повсеместная компьютеризация» и «интернет вещей» — лишь несколько примеров. Я пока что буду называть весь этот комплекс в целом «аппаратом». Хотя ярлыки разнятся, они разделяют единое видение: повсеместные, никогда не останавливающиеся мониторинг, преобразование в данные, соединение с сетью, обмен данными и просчет всех предметов, одушевленных и неодушевленных, и всех процессов — природных, человеческих, физиологических, химических, машинных, административных, транспортных, финансовых. Деятельность в реальном мире непрерывно передается с телефонов, автомобилей, улиц, жилищ, магазинов, тел, деревьев, зданий, аэропортов и городов в цифровую сферу, где она находит новую жизнь в виде данных, готовых для преобразования в предсказания, и все это заполняет постоянно расширяющиеся страницы теневого текста[5].

По мере того как императив прогнозирования набирает силу, постепенно становится ясно, что добыча излишка была первой фазой гораздо более амбициозного проекта. Экономия от действия означает, что машинные архитектуры реального мира должны быть способны не только *знать*, но и *делать*. Одного извлечения недостаточно; сегодня с ним рука об руку должно идти выполнение действий. Архитектура извлечения излиш-

ка начинает сочетаться с новой *архитектурой исполнения*, благодаря которой скрытые экономические цели встраиваются в обширное и разнообразное поле человеческого поведения[6].

Постепенно, по мере того как императивы надзорного капитализма и материальные инфраструктуры, ответственные за операции извлечения и исполнения, начинают функционировать как единое целое, они создают «средства изменения поведения» XXI века. Цель этого предприятия состоит не в том, чтобы навязать поведенческие нормы, такие как конформизм или повиновение, а в том, чтобы порождать поведение, которое надежно, окончательно и предсказуемо ведет к желаемым коммерческим результатам. Директор по исследованиям известной бизнес-консалтинговой и исследовательской компании Gartner говорит об этом недвусмысленно, отмечая, что совершенствование «интернета вещей» послужит «ключевым фактором, способствующим переориентации бизнес-моделей с „гарантий определенных параметров функционирования“ на „*гарантии определенных результатов*“»[7].

Это поразительное заявление, потому что подобные гарантии невозможны, если нет возможности добиться этих результатов. Тот более широкий комплекс, который мы называем «средствами изменения поведения» — выражение этих растущей возможностей. Перспектива гарантированных результатов напоминает нам о силе императива прогнозирования, требующего, чтобы надзорные капиталисты ради предсказания будущего создавали это будущее. При этом режиме повсеместная компьютеризация — не просто знающая машина; это реализующая машина, призванная обеспечить большую предсказуемость *в том, что касается* нас, *для* них.

Этот понемногу обретающий плоть и кровь, умный и могучий аппарат начинает постепенно выстраиваться вокруг нас. Никто не знает, каков его сегодняшний или будущий реальный размах. Эта сфера страдает от хронических преувеличений, прогнозы в ней часто завышают реальные результаты. Тем не менее планирование, инвестирование и научные разработки, необходимые для воплощения в жизнь этого призрака повсеместности, идут полным ходом. Мечты и цели его

архитекторов, объем уже выполненных работ, и программы, которые в настоящее время находятся в работе, представляют собой поворотный момент в эволюции надзорного капитализма.

Наконец, я хочу подчеркнуть, что, хотя можно представить себе что-то вроде «интернета вещей» без надзорного капитализма, невозможно представить себе надзорный капитализм без чего-то вроде «интернета вещей». Каждый приказ, отдаваемый императивом прогнозирования, требует этого всепроникающего материального «знания и действия» в реальном мире. Этот новый аппарат есть материальное выражение императива прогнозирования и представляет собой новый вид власти, движимый экономическим принуждением к предсказуемости. В этом факте сходятся два вектора: первоначальные идеалы повсеместной компьютеризации и экономические императивы надзорного капитализма. Эта конвергенция сигнализирует о метаморфозе цифровой инфраструктуры *от того, чем мы обладаем, к тому, что обладает нами*.

Как бы футуристично все это ни звучало, видение индивидов и групп как множества объектов, за которыми надо постоянно следить, о которых нужно знать все и которых надо направлять тем или иным способом к какой-то цели, которая им неведома, имеет свою историю. Она была вызвана к жизни почти шестьдесят лет назад под теплым экваториальным солнцем Галапагосских островов, когда гигантская черепаха, выйдя из оцепенения, проглотила сочный кусок кактуса, в котором специальный ученый спрятал небольшой прибор.

Это были времена, когда ученые считались со своеволием животных в дикой природе и пришли к выводу, что надзор — необходимая цена знания. Запереть эти существа в зоопарке — значит лишь устранить именно то поведение, которое ученые хотят изучить. Но как за ними надзирать? Ответы, когда-то найденные учеными, изучающими стада лосей, группы морских черепах и стаи гусей, надзорные капиталисты подновили и представили в виде неизбежной черты жизни на Земле в XXI веке. Изменилось лишь то, что теперь *эти животные — мы*.

11. Нежное покорение вольных животных

Именно международная экспедиция 1964 года на Галапагосские острова предоставила уникальный шанс изучить возможности телеметрии — передовой технологии, основанной на передаче компьютерных данных на большие расстояния. Эту новую технологию отстаивали ученые новой породы, объединившие в себе биологов, физиков, инженеров и специалистов по электронике, и главным среди них был Р. Стюарт Маккей, физик и инженер-электрик, биолог и хирург, известный среди коллег-ученых как эксперт для экспертов[8].

Маккей рассматривал телеметрию как средство охраны и улучшения качества жизни популяций животных. На одном из снимков из галапагосской экспедиции видно, как Маккей с нежностью расположился возле гигантской черепахи, проглотившей его датчик; на другом он осторожно держит в руках редкую морскую игуану с прикрепленным к ее туловищу прибором, все для измерения внутренней температуры тела этих животных. Он подчеркивал ключевой элемент, отличающий телеметрию от других форм мониторинга: возможность отслеживать поведение в естественной среде обитания с помощью таких компактных датчиков, что их можно спрятать в теле животного, не вызвав озабоченности последнего:

> Использование радиосигнала от передатчика, расположенного в или на подопытном животном, для передачи информации на удаленный приемник для дальнейшей записи обеспечивает свободу передвижения и позволяет без помех исследовать недоступные другими способами части тела, так что животное даже не знает о ведущемся измерении <…> эти методы оставляют животное в относительно нормальном психологическом и физиологическом состоянии и не мешают продолжению обычной деятельности[9].

Опубликованные работы Маккея сосредоточены главным образом на технических аспектах его исследований, хотя иногда встречаются намеки на более широкий взгляд. Телеметрия создала возможность накопления огромных массивов данных и проведения корреляци-

онных исследований в масштабе целых популяций животных. Он отметил, что те же самые методы могут быть применены к статичному миру: лесным массивам, выдерживанию бетона, сосудам для химических реакций и приготовлению пищи. Маккею виделись целые популяции взаимосвязанных особей, передающих данные. Такие «носимые технологии» первого поколения позволили изучать «вольных животных» всех видов, включая людей. Биомедицинская телеметрия, подчеркивал он, идеально подходит для сбора информации, которую иначе было бы невозможно собрать «в дикой природе». Ключевым принципом было то, что его телематика работала незаметно для животного. Это было особенно полезно при решении таких проблем, как мониторинг «недружелюбных животных» и необходимость сбора данных даже тогда, когда стада забредают в «труднодоступные районы». Другими словами, изобретения Маккея позволили ученым представлять животных в виде информации, в то время как последние считали себя свободными, бродили и отдыхали, не подозревая о вторжении в свои когда-то таинственные угодья.

Маккей подчеркивал, что передача и мониторинг данных, собираемых датчиками, — только половина дела. Знать маршрут мало; нужно помогать его прокладывать. Он высказывался за «обратный процесс» телестимулирования, который не только отслеживал бы поведение, но и показывал бы, как его можно модифицировать и оптимизировать, создавая то, что он считал «дистанционным диалогом между подопытным животным и экспериментатором»[10].

Широкое видение Маккея принесло плоды в эпоху цифровых технологий. Точность спутников в сочетании со взрывным ростом вычислительных мощностей, втиснутых в крошечные кусочки кремния, передовыми датчиками, сетями с доступом в интернет и прогностической аналитикой «больших данных», позволили создать поразительные системы, которые раскрывают значения и передвижения целых популяций животных и отдельных особей — где угодно, когда угодно. Те же самые датчики, которые путешествуют на и в телах животных, стали также использоваться как климатические, географические и экологические сенсоры, позволяя «осуще-

ствлять репрезентативное наблюдение за нашей планетой, используя различные биологические виды, чтобы задействовать все разнообразие органов чувств, которые можно найти у разных групп животных», порождая «шестое чувство глобального животного коллектива»[11]. Как вы уже догадались, нет оснований полагать, что эти возможности будут применяться только для надзора за представителями животного мира.

В действительности этот порог уже преодолен[12]. В 2014 году команда исследователей из Вашингтонского университета во главе с Дженк-Ненг Хвангом объявила о создании «супер GPS», собранного с городских камер наблюдения, «чтобы обеспечить динамическую визуализацию текущих передвижений массы людей, находящихся на дорогах и тротуарах, так чтобы в конечном итоге можно было увидеть анимированную версию динамики городских улиц в режиме реального времени на платформе вроде Google Earth»[13]. Если бы это был роман, то блестящая работа профессора Маккея, как и работа множества преданных своему делу ученых, последовавших по его стопам, послужила бы хорошим прологом.

Но Маккей не предвидел той метаморфозы, когда методика слежения за животными, выросшая из его новаторского подхода, стала путеводной нитью для следующей фазы эволюции надзорного капитализма, когда телематика, применяемая уже к поведению человека, оказалась в плену новой прибыльной логики накопления. Еще в трудах Маккея были очевидны требования предсказания, которые впоследствии вылились в экономический императив. Необходимость в экономии от масштаба, как вширь, так и вглубь, уже вытекала из его основополагающих представлений, предвидевших сбор информации о целых популяциях и в то же время о подробностях жизни отдельных особей, охватывающий самые отдаленные и ранее недоступные уголки. Сегодня это означает переднее сиденье вашего автомобиля, вашу кухню и ваши почки. Его «обратный процесс» телестимулирования возрождается в виде экономии от действия, которая в автоматическом режиме стимулирует поведение, не ради того, чтобы уберечь человеческое стадо от катастрофы, а ради большей предсказуемости его поведения.

Маккей жаждал открытий, а сегодняшние «экспериментаторы», переводящие наши жизни в свои расчеты, жаждут предсказуемости. Животные Маккея были своевольными и недружелюбными, поскольку чувствовали себя на свободе, прячась в укрытии или бродя по незнакомой местности. Теперь же неосознаваемая, легкая свобода, которой наслаждается человеческое животное — ощущение воли, возникающее в волнующей тайне дальних странствий или интимных пространств, — просто досадная помеха на пути к надзорным доходам.

III. Человеческое стадо

Наследие Маккея переосмыслено для нашего времени в трудах профессора Джозефа Парадизо из Лаборатории медиа Массачусетского технологического института (MIT Media Lab), в которой было изобретено несколько наиболее ценных технологий и приложений надзорного капитализма, от интеллектуального анализа данных до носимых технологий.

Возглавляемая Парадизо блестящая группа специалистов по данным, инженеров, музыкантов и художников стремится заново взглянуть на мир сквозь призму Поиска Google, применяя те же самые методы, которые позволили покорить интернет, — датафикацию, индексацию, переходы по гиперссылкам и поиск — в попытке овладения самой реальностью. Без «всепроникающей сенсорной среды», пишет Парадизо, «когнитивные двигатели этого повсеместно подключенного мира глухи, тупы и слепы и не могут правильно реагировать на события реального мира, которые они стремятся дополнить»[14]. Другими словами, повсеместная компьютеризация бессмысленна без повсеместных органов чувств, которые поставляют пищу для компьютерных вычислений.

С этой целью студенты Парадизо изобрели ListenTree, прибор, превращающий обычное дерево в акустическую систему, испускающую звуковой поток, который «привлекает внимание» и «указывает на будущее, в котором цифровая информация может стать неотъемлемой частью физического мира». Он и его коллеги заселили болотистый участок площадью в 250 акров сотнями дат-

чиков, которые измеряют и записывают температуру, влажность, осадки, легкие движения, ветер, звук, потоки древесного сока, уровни содержания химических веществ и многое другое. Они разработали «инерционные датчики», которые отслеживают и вычисляют сложные движения, а также «гибкие сенсорные волокна», пригодные для создания «принципиально новых функциональных подложек, которые могут повлиять на развитие медицины, моды и производства одежды <…> и принести электронику в любые мягкие и растягивающиеся вещи». Существуют электронные устройства, которые можно прикреплять непосредственно к коже в виде татуировок и макияжа, а ногти и запястья превращаются в компьютерные интерфейсы, которые могут считывать жесты пальцев даже при отсутствии движений рук. «Сенсорные ленты» и «стикеры» могут прилипать к «труднодоступным поверхностям и строительным материалам», где их можно «подвергать беспроводному опросу…»[15].

Парадизо и его коллеги столкнулись с парадоксом: с одной стороны, кругом все больше датчиков, от смартфонов до домашних устройств, улиц, камер и автомобилей, а с другой — все труднее интегрировать потоки данных, генерируемых датчиками, и проводить их осмысленный анализ. Ответом была DoppelLab — цифровая платформа для объединения и визуального представления данных датчиков[16]. Идея состоит в том, чтобы преобразовать любое физическое пространство, от внутренней части офисного здания до целого города, в «просматриваемую (browse-able) среду», с помощью которой вы можете видеть и слышать все, что происходит в этом пространстве, как оно исходит от тысяч, или миллиардов, или триллионов датчиков. Подобно тому как браузеры вроде Netscape впервые «дали нам доступ к массе данных, содержащихся в интернете, так и программные браузеры позволят нам разобраться в постоянном потоке сенсорных данных»[17].

Их цель — грандиозный синтез: сопоставление и объединение разнообразных сенсорных данных, получаемых с каждого источника и устройства, и создание «виртуальной сенсорной среды», в которой «сканеры будут постоянно перемещаться по данным <…> вычисляя состояние и оценивая другие параметры, полученные пу-

тем анализа данных», собираемых повсюду, от внутренностей офисов до целых городов.

Парадизо уверен, что «разработка подходящего интерфейса к этим искусственным органам чувств обещает породить <…> *цифровое всеведение* <…> всепроникающую среду повсеместно дополненной реальности <…> которую можно интуитивно просматривать» так же, как веб-браузеры открыли путь к данным, содержащимся в интернете. Он настаивает, что повсеместная сенсорная информация и ее анализ будут «продолжением нас самих, а не воплощением „другого“». Информация потечет «прямиком в наши глаза и уши, как только мы вступим в эпоху носимых устройств <…> в этом будущем границы личности будут очень расплывчатыми»[18].

По словам Парадизо и его соавтора Гершона Даблона, следующая большая технологическая задача — это «агрегирование контекста», которое предполагает способность собирать быстро расширяющуюся сенсорную информацию для новых «способов применения». Идея в том, что каждое физическое пространство и все следы поведения в этом пространстве — жужжание пчел, ваша улыбка, колебания температуры у меня в шкафу, их разговор о завтраке, шум деревьев — будут «информатированы» (переведены в информацию). Пространства могут быть объединены в непрерывный поток информации, картинок и звуков, доступный для поиска, почти так же, как когда-то Google объединял для индексации и поиска веб-страницы:

> Эти новшества создадут единую нервную систему, охватывающую всю планету, — и одна из основных задач для компьютерного сообщества сейчас в том, чтобы найти наилучшие способы слияния этих быстро развивающихся «всевидящих» электронных органов чувств с человеческим восприятием[19].

При всем своем блеске эти ученые-новаторы, похоже, не подозревают о существовании беспокойного экономического строя, жаждущего мобилизовать их достижения под знамя надзорных доходов. Парадизо не задумывается о том, во что может превратиться его рай всеведения, когда окажется в жерновах Realpolitik надзорного капитализма; между тем императив прогнози-

рования настаивает на присвоении поведенческого излишка, полученного из этих новых потоков, а первые парты в классе цифрового всеведения занимают надзорные капиталисты.

IV. Realpolitik надзорного капитализма

Ослабление ведущей роли государства и падение уровней государственного финансирования «повсеместной компьютеризации» отдали пальму первенства в фундаментальных исследованиях и практических разработках технологическим компаниям, мечтающим стать Google нового «аппарата» и связанных с ним архитектур извлечения и исполнения[20]. Несмотря на радикальные перспективы повсеместного, сетевого, обладающего органами чувств компьютерного аппарата и часто повторяемое утверждение: «это изменит всё», технологические фирмы в США до сих пор продолжают идти своим путем по территории относительного беззакония, не встречая сколько-нибудь систематического общественного, политического, морального или юридического сопротивления. Как заметил главный стратег Intel по «интернету вещей», отвечая на озабоченность по поводу конфиденциальности: «Мы абсолютно уверены, что, несмотря на все разговоры о политике, мы не хотим, чтобы политика мешала технологическим инновациям…»[21]

Вместо «политики» или «общественного договора» повестку дня формирует капитализм, и особенно надзорный капитализм. С нетерпением ожидаются новые рынки поведенческих фьючерсов и «приложения для таргетирования». Как сказал директор Microsoft по платформе искусственного интеллекта, задействованной в интеграции и анализе данных из «интернета вещей»: «Что будет круто и в то же время немного жутко — это то, что произойдет, когда все мы, вместе с нашими конкурентами, освоимся с умными устройствами. Тогда появится огромный вторичный рынок данных <…> вторичный источник дохода». Он объясняет, что эти рынки «точно такие же, как рынки Google или Facebook» для таргетированной рекламы[22]. Ему вторит отчет IBM:

> Благодаря «интернету вещей» физические активы становятся действующими в реальном времени участниками мировых цифровых рынков. Эти бесчисленные окружающие нас разновидности активов будут так же легко индексироваться, находиться с помощью поиска, продаваться и покупаться, как любой другой товар в интернете <...> Мы называем это «ликвидизацией физического мира»[23].

Подобно тому как изъятие излишка сопровождалось риторикой «выхлопа данных», эта вторая фаза экспроприации, зловещей параллелью, также требует своей риторики, которая должна одновременно и оправдывать ее, и отвлекать от настоящих действий, спровоцированных императивом прогнозирования. Эту роль начинает играть новый эвфемизм — «темные данные». Возьмем Харриет Грин, которая отвечает за трехмиллиардные инвестиции IBM в «интернет вещей» — вложение ресурсов, которое должно было сделать компанию серьезным претендентом на то, чтобы стать «новым Google» повсеместной компьютеризации. Грин говорит, что цифровому всеведению мешает тот факт, что большая часть данных, собранных компаниями, «неструктурирована», что затрудняет их «датафикацию» и кодирование[24]. Клиентов IBM мучает вопрос:

> Что мы можем сделать с этими [неструктурированными] данными, чтобы стать более эффективными или создать новые продукты и услуги, которые можно будет продавать, чтобы оптимизировать то, что мы делаем, или создать для покупателей нечто новое?[25]

Неструктурированные данные нельзя объединить и отправить по новым каналам, созданным для ликвидных, продающихся и покупающихся активов. Они создают трение. Грин останавливается на декларативном термине, который одновременно и называет проблему, и оправдывает ее решение: *«темные данные»*. Мораль, которая, как мы видели, оттачивалась в онлайн-мире — «если ты не в системе, то ты не существуешь», — годится, с небольшими поправками, и для этого нового этапа изъятия. Поскольку аппарат подключенных к сети вещей призван быть *всем*, то любое действие человека или вещи, выпадающее из этой предполагаемой всеохватности, является *темным* — опасным, неприрученным, мятежным, свое-

вольным, неподконтрольным. Упрямое пространство темных данных представляется врагом амбиций IBM и ее клиентов. В этом явно слышатся отголоски идей Маккея, с его решимостью проникнуть в тайны *вольных животных* и *недоступных областей*. Сложность в том, что ничто не принимается во внимание до тех пор, пока оно не будет *представлено* как поведение, преобразовано в потоки электронных данных и выставлено на свет в качестве наблюдаемых данных. *Все* нужно осветить, чтобы подсчитать и согнать в стадо.

Таким образом, понятие «темных данных» с легкостью превращается в «выхлоп данных» повсеместной компьютеризации. Оно обеспечивает моральное, техническое, коммерческое и правовое обоснование для мощных систем машинного интеллекта, которые могут фиксировать и анализировать действия и обстоятельства, которые никогда не предназначались для всеобщего обозрения. Для тех, кто жаждет надзорных доходов, темные данные представляют собой прибыльные и крайне необходимые территории всеобщей динамичной головоломки-пазла, образованной стремлением надзорного капитализма к масштабу, охвату и действию. Поэтому технологическое сообщество и подает темные данные в качестве недопустимого «неизвестного неизвестного», угрожающего финансовым посулам «интернета вещей»[26].

Отсюда понятно, почему Грин изображает машинный интеллект, и в частности антропоморфизированную систему искусственного интеллекта IBM под названием Watson, уполномоченным спасителем «аппарата», которому угрожают расточительность и непроницаемость. Машинный интеллект в IBM величают «когнитивными вычислениями», по-видимому, чтобы избежать тревожных коннотаций непостижимой и неумолимой силы, которые связаны со словами «машина» и «искусственный».

Под руководством генерального директора Джинни Рометти корпорация вложила в Watson, провозглашенный ею «мозгом „интернета вещей“», немалые средства. Рометти хочет, чтобы IBM доминировала в тех сферах машинного обучения, которые отвечают за преобразование повсеместных данных в повсеместное знание и действие. «Первый вопрос связан с тем, как много у вас имеется темных данных, с которыми может со-

владать лишь Watson и когнитивные вычисления, — говорит Грин. — Вы знаете, какие ежедневно создаются объемы данных, и большая их часть пропадет впустую, если не будет использована. Эти так называемые темные данные открывают феноменальную возможность <...> используя датчики, все в мире, по сути, можно превратить в компьютеры — будь то ваши контактные линзы, больничная койка или железнодорожный путь»[27]. Смысл в том, что новые инструменты надзорного капитализма будут представлять действия и состояния всего мира в виде потоков поведения. Каждый оцифрованный бит освобождается от своей жизни в социальном, и больше не испытывает неудобств, связанных с моральными соображениями, политикой, социальными нормами, правами, ценностями, отношениями, чувствами, контекстами и ситуациями. Внутри этого одномерного потока данные есть данные, поведение есть поведение. Тело — просто набор координат во времени и пространстве, точка, в которой ощущения и действия переводятся в данные. Все вещи, одушевленные и неодушевленные, имеют в этой гомогенизированной питательной смеси один и тот же экзистенциальный статус, каждая из них получает новую жизнь в качестве объективного и измеримого, индексируемого, доступного для просмотра и поиска и поиска «чего-то».

С высоты надзорного капитализма и его экономических императивов, мир, мое «я» и мое тело безвозвратно сводятся к статусу *объектов,* растворяясь в кровотоке грандиозной новой концепции рынков. Его стиральная машина, акселератор ее автомобиля, ваша кишечная флора схлопываются в одно измерение, где остаются лишь информационные активы, которые можно дезагрегировать, восстанавливать, индексировать, просматривать, обрабатывать, анализировать, повторно агрегировать, прогнозировать, превращать в товар, покупать и продавать — где угодно, когда угодно.

Мировоззрение, разработанное такими учеными, как Парадизо, и такими лидерами бизнеса, как Грин, задействовано сразу на многих фронтах, на которых цифровое всеведение с энтузиазмом приветствуется как рецепт надежного предсказания на службе гарантированных прибылей. Следующий параграф даст нам

возможность увидеть это мировоззрение в действии в отрасли, далекой от пионеров надзорного капитализма, — автомобильном страховании. Извлечение излишка и прогнозирование создают новую логику накопления, и страховщики и их консультанты начинают обдумывать, как подобраться к надзорным доходам. В планах и практиках этих новых действующих лиц мы увидим и решимость воспользоваться экономией от охвата и действия, и признаки дрейфа в сторону темного нового мира, в котором к прибыли ведут автоматически действующие и точно таргетированные средства изменения поведения.

V. Предсказуемость ради прибыли

В главе 3 мы уже познакомились с Хэлом Вэрианом из Google, и теперь он снова будет показывать нам дорогу, раскрывая значение и конкретные требования императива прогнозирования. Вспомним, что Вэриан назвал четыре новых «применения» компьютеризации взаимодействий[28]. Первым из них было «извлечение и анализ данных», из чего мы вывели императив извлечения как один из основополагающих механизмов надзорного капитализма. Вэриан говорит, что три других новых применения — «новые формы договора, возможные благодаря лучшему мониторингу», «персонализация и кастомизация» и «постоянное экспериментирование» — «со временем станут еще важнее, чем первое»[29]. Это время пришло.

«Поскольку транзакции теперь опосредуются компьютером, мы можем наблюдать поведение, ранее недоступное для наблюдения, и на этой основе заключать договоры, — говорит Вэриан. — Это позволяет проводить сделки, которые раньше были просто неосуществимы». Он опирается на пример «систем мониторинга автомобилей», справедливо считая его достаточно красноречивым. Вэриан говорит, что, если кто-то перестанет делать ежемесячные платежи за автомобиль, «в наши дни намного легче просто дать указание системе мониторинга автомобиля не включать зажигание и сообщить место, откуда можно его эвакуировать»[30]. Страховые компании,

замечает он, тоже могут полагаться на эти системы мониторинга, чтобы проверять, насколько безопасно ведет себя на дороге клиент и тем самым определять, стоит ли продлевать страховой полис, менять ли размер страховых взносов и выплачивать ли страховое требование.

В области страхования эти новые применения компьютерного посредничества полностью зависят от устройств с доступом в интернет, которые способны и знать, и делать. Собственно говоря, их невозможно представить без материальных средств извлечения излишка и архитектур исполнения, заложенных в реальный мир и пронизывающих его. Например, описываемая им система мониторинга автомобиля обеспечивает экономию и от охвата, и от действия. Она и знает, и вмешивается в игру — и отслеживает данные, и действует в соответствии с заложенными в нее инструкциями, отключая двигатель автомобиля и позволяя кредитору определить местонахождение обездвиженной машины и ее посрамленного водителя.

По мере того как императив прогнозирования увлекает операции по обеспечению поставок поведенческого излишка в реальный мир, перспектива надзорных доходов все сильнее захватывает воображение поставщиков товаров и услуг в устоявшихся секторах, далеких от Кремниевой долины. Так, генеральный директор Allstate Insurance хочет уподобиться Google:

> Сегодня многие монетизируют данные.
>
> Вы заходите в Google — кажется, что это бесплатно. Но это не бесплатно. Вы даете им информацию; они продают вашу информацию. Можем ли мы, должны ли мы продавать всю эту информацию, которую мы получаем от людей, ездящих туда-сюда, разным другим людям, и получить дополнительный источник прибыли <...>? Это долгосрочная игра[31].

Автомобильные страховщики, похоже, особенно жаждут воплотить в жизнь замыслы Вэриана и телематику Маккея. Оказывается, что борьба за ваш автомобиль — это иллюстрация того, с какой настойчивостью компании, большие и маленькие, стремятся к поведенческому излишку.

Автостраховщики давно знали, что риск тесно связан с поведением и личностью водителя, но мало что могли с этим поделать[32]. Теперь современная телемати-

ка с ее системами дистанционного мониторинга может обеспечивать непрерывный поток данных о том, где мы находимся, куда направляемся, обо всех подробностях нашего поведения за рулем и о техническом состоянии нашего транспортного средства. Телематика, основанная на приложениях, также может рассчитать, как мы себя чувствуем и что говорим, интегрируя информацию с панели управления и даже со смартфона.

Автостраховщиков осаждают консультанты и потенциальные технологические партнеры, которые предлагают надзорно-капиталистические стратегии, обещающие новую главу коммерческого успеха. «Неопределенность сильно уменьшится, — говорится в отчете McKinsey о будущем страховой индустрии. — Это приведет к демутуализации и сосредоточению на прогнозировании и управлении рисками отдельных лиц, а не сообществ в целом»[33]. В отчете Центра финансовых услуг компании Deloitte рекомендуется «минимизация рисков» — эвфемизм для «гарантированных результатов» — посредством мониторинга и корректировки поведения застрахованного лица в режиме реального времени, — подход, называемый «поведенческим андеррайтингом». «Страховщики могут напрямую следить за поведением страхователя, — советуют в Deloitte, — записывая время, места и дорожные условия его поездок, отмечая, делают ли они резкие ускорения, ездят ли на высокой скорости или даже превышают скорость, насколько резко тормозят, а также то, быстро ли они совершают повороты и используют ли сигналы поворота»[34]. Телематика производит непрерывные потоки данных, поэтому поступающий в реальном времени поведенческий излишек может заменить традиционные «прокси-факторы», такие как демографическая информация, которая раньше использовалась для оценки риска. Это означает, что излишек должен быть обильным (экономия от масштаба) и разнообразным (экономия от охвата), как вширь, так и вглубь.

Даже более мелким андеррайтерам, которые не в состоянии позволить себе значительные капитальные затраты на телематику, подсказывают, что они могут достичь большинства этих целей с помощью приложения для смартфона, обойдясь без затрат на дорогостоящее оборудование и передачу данных:

> Эти страховщики тоже могут выиграть, потому что мобильное приложение собирает данные из первых рук о действиях и навыках водителя, имеющего с собой смартфон <...> давая в итоге полную панораму всех интересующих их рисков...[35]

Поскольку на смену неопределенности приходит предсказуемость, страховые премии, которые когда-то отражали неизбежные неизвестные факторы повседневной жизни, теперь могут расти и падать за доли секунды в зависимости от точного знания о том, как быстро вы едете на работу после неожиданно напряженного раннего утра, посвященного заботам о больном ребенке, или о том, не разучиваете ли вы велосипедные трюки на стоянке за супермаркетом. «Мы знаем, что 16-летние водители совершают множество ДТП <...> но не каждый 16-летний — никудышный водитель», — замечает один эксперт по телематике из страховой отрасли. Тарифы, основанные на фактическом поведении, являются «большим преимуществом, позволяя правильно назначать цены»[36]. Подобная предсказуемость означает, что договоры страхования, предназначенные для снижения риска, теперь уступают место машинным процессам, которые «практически мгновенно» реагируют на мельчайшие нарушения предписанных поведенческих параметров и, таким образом, существенно снижают риски или полностью устраняют их[37].

Телематический аппарат предназначен не только для того, чтобы знать, но и для того, чтобы делать (экономия от действия). Это молот; он имеет мускулы; он умеет заставить. Поведенческий андеррайтинг обещает снизить риск с помощью машинных процессов, предназначенных для изменения поведения в сторону максимальной прибыльности. Поведенческий излишек используется, чтобы инициировать наказания, такие как происходящее в реальном времени повышение ставок, финансовые штрафы, комендантский час и блокировки двигателя, или вознаграждения, такие как скидки по ставкам, купоны и золотые звезды, которые можно заработать для поучения преимуществ в будущем. Консалтинговая фирма AT Kearney ожидает, что «отношения, основанные на интернете вещей», будут «более целостно» связывать фирмы с клиентами, чтобы «влиять на их поведение»[38].

Беспечное заявление Вэриана о том, что при просрочке оплаты «намного легче» дать сигнал системе мониторинга автомобиля отключить зажигание, — не гипербола. Например, Spireon, которая позиционирует себя как «крупнейшая телематическая компания послепродажного обслуживания автомобилей» и специализируется на отслеживании местонахождения и мониторинге состояния транспортных средств и водителей для различных клиентов, таких как кредиторы, страховщики и владельцы автопарков, предлагает систему, схожую с идеалом Вэриана[39]. Предлагаемая ею «система управления обеспечением LoanPlus» направляет оповещения водителям, когда они отстают от графика платежей, дистанционно отключает транспортное средство, когда просрочка превышает заданный период, и определяет его местонахождение для эвакуации на штрафную стоянку.

Телематика объявляет о наступлении нового века поведенческого контроля. Теперь страховая компания может устанавливать конкретные параметры поведения за рулем. Они могут включать в себя все, что угодно: от пристегивания ремня безопасности до скорости, времени холостого хода, торможения и поворотов, агрессивного ускорения, резкого торможения, чрезмерного количества времени за рулем, вождения в нетрезвом состоянии и въезда в ограниченную зону[40]. Эти параметры переводятся в алгоритмы, которые непрерывно отслеживают, оценивают и ранжируют водителя — подсчеты, которые, в свою очередь, преобразуются в происходящие в реальном времени корректировки стоимости страховки.

Согласно патенту, принадлежащему главному стратегу Spireon, страховщики могут устранять неопределенность, формируя поведение[41]. Идея состоит в том, чтобы постоянно оптимизировать страховой тариф на основе мониторинга соблюдения водителем параметров поведения, определенных страховщиком. Система превращает свои знания о поведении в силу, начисляя «кредиты» или налагая на водителей наказания. Излишек переводится также в прогнозные продукты для продажи рекламодателям. Система рассчитывает «поведенческие черты» для таргетированной рекламы, отправляющейся прямо на телефон водителя. Во втором патенте еще более откровенно говорится о триггерах для кара-

тельных мер[42]. Он определяет ряд алгоритмов, которые активируют определенные последствия при нарушении заданной системой параметров: «алгоритм нарушения», «алгоритм комендантского часа», «алгоритм мониторинга», «алгоритм соблюдения», «алгоритм доверия».

Консультационные фирмы все как одна советуют всем своим клиентам из числа страховых компаний подключаться к играм надзора. AT Kearney признает, что «подключенный к сети автомобиль» является испытательным полигоном для будущего: «В конечном итоге истинная ценность „интернета вещей“ определяется тем, как клиенты корректируют свое поведение и профиль риска на основе обратной связи со стороны своих „вещей“»[43]. Еще одна мишень — страхование здоровья: «Носимые акселерометры» могут «улучшить отслеживаемость выполнения» предписанной программы упражнений, а «предназначенные для внутреннего применения» датчики могут отслеживать соблюдение режима питания и приема лекарств, «обеспечивая более высокую достоверность и точность, чем сведения о ежемесячных закупках»[44].

В Deloitte признают, что, согласно данным их собственных опросов, большинство потребителей отвергают телематику из соображений конфиденциальности и не доверяют компаниям, которые хотят отслеживать их поведение. Это нежелание можно преодолеть, советуют консультанты, предлагая экономию средств, «достаточно значительную», чтобы люди были готовы «пойти на уступки [в отношении конфиденциальности]», несмотря на «остающуюся озабоченность…» Если ценовые стимулы не работают, страховщикам рекомендуется представлять поведенческий мониторинг как «увлекательный», «интерактивный», «конкурентный» и «приносящий удовлетворение», поощряющий водителей за улучшения относительно их прошлых показателей и в сравнении с «более широким кругом держателей полисов»[45]. При таком подходе, известном как «геймификация», водителей можно увлечь участием в «состязаниях по росту показателей» и «наградами за достижение целей»[46].

Если ничего не помогает, страховщикам рекомендуется вызывать у клиентов чувство неизбежности и беспомощности. Deloitte рекомендует компаниям подчер-

кивать существование «множества других технологий, которые уже используются для мониторинга вождения», и то, что «рост возможностей надзора и/или геолокации являются частью мира, в котором мы теперь живем, хорошо это или плохо»[47].

Отслеживание поведения предлагает автостраховщикам экономию средств и повышение эффективности, но возрожденная индустрия страхования не остановится на этом. Аналитика, производящая таргетированную рекламу в онлайн-мире, переориентируется на реальный мир, закладывая основу для новых рынков поведенческих фьючерсов, которые торгуют предсказаниями поведения потребителя. Именно здесь сосредоточены главные надежды на надзорные доходы. Так, один из руководителей провайдера облачных услуг Covisint советует клиентам, стремящимся «заработать» на автомобильной телематике, переходить от таргетированной рекламы к «таргетированным приложениям». Это не реклама на экране, а реальный опыт, основанный на тех же возможностях, что и таргетированная реклама, и призванный заманить вас в реальные места ради выгоды других. Это означает продажу данных водителей третьим лицам, которые смогут вычислить, где вы находитесь, куда идете и чего хотите:

> Они знают, какие рестораны вам нравятся, потому что туда приезжает ваша машина, поэтому они могут рекомендовать вам рестораны, пока вы в пути, и рестораны будут платить…[48]

Поведенческий излишек рассматривается как сырье для производства товаров, которые удобны для «совместного маркетинга» с другими услугами, такими как «эвакуация, авторемонт, автомойки, рестораны, торговые точки…»[49]. Консультанты McKinsey дают аналогичную рекомендацию, подсказывая страховщикам, что «интернет вещей» позволяет им расширяться в «совершенно новые области», такие как «рынки данных». Излишек данных в области здоровья можно «монетизировать», говорят в Deloitte, предоставляя «актуальные рекомендации». Фирма советует своим клиентам, особенно тем, кто вряд ли достигнет нужного масштаба в телематике, налаживать партнерские отноше-

ния с «цифровыми игроками»[50]. Образец для подражания — сделка 2016 года между IBM и General Motors, возвестившая создание OnStar Go — «первой платформы когнитивной мобильности» в автомобильной промышленности. Dell и Microsoft запустили базирующиеся на «интернете вещей» «ускорители страхования». Dell предоставляет страховщикам оборудование, программное обеспечение, аналитику и услуги по «более точному прогнозированию риска и принятию превентивных мер», а Microsoft объединилась с American Family Insurance для развития стартапов, ориентированных на домашнюю автоматизацию[51].

Когда-то компании, занимающиеся данными, считались всего лишь «поставщиками», но сегодня, скорее, автомобильные компании сами станут поставщиками для гигантов данных. «Google пытается следовать за людьми в течение дня, чтобы генерировать данные, а затем использовать эти данные для получения экономической выгоды, — признает генеральный директор Daimler. — Именно в этой точке конфликт с Google кажется запрограммированным»[52]. Google и Amazon уже столкнулись в конкуренции за приборную панель вашего автомобиля, где их системы будут контролировать все коммуникации и приложения. Осталось совсем немного, чтобы перейти к телеметрии и связанным с ней данным. Google уже предлагает разработчикам приложений облачную «масштабируемую геолокационную систему телеметрии» на основе Карт Google. В 2016 году Google France объявила о своей заинтересованности в партнерстве со страховыми компаниями «для разработки пакетов продуктов, сочетающих технологии и оборудование со страхованием». В том же году в отчете консультантов компании Cap Gemini говорилось, что 40% страховщиков считают Google «потенциальным конкурентом и угрозой из-за силы его бренда и способности управлять данными клиентов»[53].

VI. Исполнение недоговора

Из этих примеров, взятых из обычного мира автомобильного страхования, можно извлечь необычайно важные уроки. Водителей убеждают, подталкивают, стиму-

лируют или принуждают к обмену по принципу «услуга за услугу», который связывает снижение цены с расширением проникшей в реальный мир архитектуры извлечения/исполнения, нацеленной на новые потоки поведенческого излишка (экономия от охвата). Поведенческие данные, полученные на основе поведения водителей, обрабатываются, и результаты отправляются в двух направлениях. Во-первых, они возвращаются к водителям, реализуя процедуры прерывания и формирования их поведения ради повышения достоверности и, следовательно, прибыльности прогнозов (экономия от действия). Во-вторых, прогнозные продукты, которые ранжируют и сортируют поведение водителя, попадают на недавно созданные рынки поведенческих фьючерсов, на которых третьи стороны делают ставки на то, что водители будут делать сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. Сохранит ли он высокий рейтинг безопасности? Будет ли она действовать в соответствии с нашими правилами? Будет ли он водить машину, как девушка? Эти ставки выливаются в цены, структуры стимулирования и режимы мониторинга и принуждения. В обеих операциях *излишки, извлеченные из опыта водителя, идут в ход в качестве средств формирования и изменения опыта этого самого водителя, чтобы гарантировать результаты прогнозирования*. Водитель, как и советовал Маккей, большей частью не подозревает об этом — он все еще думает, что свободен.

Все происходящее стало возможным только благодаря декларациям Google. Как пишет Вэриан:

> Поскольку транзакции теперь опосредованы компьютером, *мы* можем наблюдать поведение, *ранее недоступное для наблюдения*, и на этой основе *заключать* договоры. Это позволяет проводить сделки, которые раньше были просто неосуществимы[54].

Под этими «мы» у Вэриана подразумеваются те, у кого есть привилегированный доступ к теневому тексту, которому передаются поведенческие данные. Наше поведение, некогда ненаблюдаемое, объявляется законной добычей всех желающих, доступным для завладения, использования по своему усмотрению и получения прибыли. Сюда относится и создание «новых форм договора»,

принуждающих нас так, как этого никогда бы не произошло, если бы не первоначальные декларации надзорного капитализма, касавшиеся изъятия излишка.

Вэриан признавал, что автомобильная телематика иллюстрирует это новое экономическое пограничье, когда писал, что «в наши дни намного легче просто дать указание системе мониторинга автомобиля не включать зажигание и сообщить место, откуда можно его эвакуировать»[55]. И? Хотя погодите-ка. «Намного легче» для кого? Конечно, он имеет в виду намного легче для тех «нас», которые наблюдают за тем, что раньше, до надзорного капитализма, было недоступным для наблюдения, и совершают действия, которые до надзорного капитализма были неосуществимы. Простой и непринужденный язык Вэриана — своего рода колыбельная, благодаря которой его наблюдения начинают казаться банальными, настолько обыденными, что едва ли заслуживают комментариев. Но что, в сценарии Вэриана, происходит с водителем? Что, если в машине есть ребенок? Если кругом метель? Или надо успеть на поезд? Или по дороге на работу забросить ребенка в детский сад? Ехать к матери, лежащей под капельницей в больнице за много миль? Забрать из школы сына?

Еще не так давно идеи Вэриана расценили бы как материал для мрачной антиутопии. В своей опубликованной в 1967 году книге «Год 2000» гиперрациональный вундеркинд-футурист Герман Кан предвосхищает многие возможности, которыми Вэриан сегодня наделяет новую архитектуру извлечения/исполнения[56]. Кан не был скромным тихоней. Говорят, он послужил прототипом главного героя фильма «Доктор Стрейнджлав» режиссера Стенли Кубрика; как хорошо известно, он заявил, что ядерную войну можно «выиграть» и «пережить». Однако именно Кан, предвидя такие инновации, как система мониторинга автомобиля в духе Вэриана, назвал их «кошмаром XXI века». Среди многих других его технологических прогнозов были и автоматизированные компьютерные системы, которые отслеживают все движения автомобиля, прослушивают и записывают разговоры, а также могут делать все, что становится возможным благодаря высокоскоростному сканированию и поиску. Он представлял себе компьютерные систе-

мы, способные следить за индивидуальным поведением и реагировать на него — повышенный голос, угрожающий тон:

> Возможно, такой компьютер будет также способен самостоятельно делать множество логических выводов — он может стать своего рода транзисторным Шерлоком Холмсом, более или менее автономно и мотивированно выдвигающим гипотезы и анализирующим улики…[57]

Любой, кто владеет такого рода знаниями, заключил он, будет, как Фауст, «не столько аморальным, сколько внеморальным <…> не жестоким, а попросту безразличным к судьбе тех, кто стоит на его пути»[58].

Тогдашние рецензенты книги Кана неизменно ухватывались за мрачный, «кошмарный» мотив компьютеризированного надзора, научно-фантастических форм контроля, которые, как они полагали, «у многих будут вызывать откровенный страх и неприятие»[59]. Несмотря на широкий спектр сценариев, которые Кан предлагал в своей книге о далеком 2000 годе, путешествие Кана в «немыслимое» было воспринято публикой как способ подготовить ее к «наихудшему из возможных исходов» в виде ужасающего «кошмара социального контроля»[60]. Сегодня же этот самый кошмар представляют в виде восторженной сводки новостей о последних триумфальных победах надзорного капитализма. Обещания Вэриана подаются без всякой задней мысли или намека на нечто спорное, вместо изумления и отвращения, предсказанных всего несколько десятилетий назад. Как кошмар превратился в банальность? Где наши изумление и возмущение?

Политолог Лэнгдон Уиннер поднял этот вопрос в своей важной книге «Автономные технологии», вышедшей в 1977 году. Его ответ? «Нам не хватает твердых ориентиров», — писал он. Уиннер подробно показал, как привычка к «техническим штучкам» замутняет «наш взгляд, наши ожидания и нашу способность выносить взвешенные суждения. Категории, аргументы, выводы и решения, которые были бы совершенно очевидны в прежние времена, увы, более не очевидны»[61].

Так давайте же определимся с ориентирами. Вэриан превозносит не новую форму договора, а окончатель-

ное решение проблемы непреходящей неопределенности, которая и придает смысл существованию «договора» как средства создания «частного порядка». По сути, использование слова «договор» в формулировке Вэриана — прекрасный пример «синдрома безлошадного экипажа». Изобретение Вэриана беспрецедентно и не может быть понято как просто еще один вид договора. На деле это *уничтожение* договора; это изобретение лучше понимать как *недоговор* (*uncontract*).

Недоговор — это одна из ключевых особенностей более широкого комплекса средств изменения поведения и, следовательно, одна из неизбежных сторон надзорного капитализма. Он способствует экономии от действия, помогая использовать проприетарный поведенческий излишек для упреждения и исключения нежелательных действий, тем самым заменяя неопределенность социальных процессов детерминизмом запрограммированных машинных действий. Это не автоматизация общества, как могут подумать некоторые, а замена общества машинными процессами, продиктованными экономическими императивами.

Недоговор — не пространство договорных отношений, а односторонняя сделка, которая делает эти отношения ненужными. Недоговор лишает договор его социальной сущности, он штампует предсказуемость, подменяя автоматизированными процедурами обещания, диалог, поиск взаимопонимания, решение проблем, разрешение споров и доверие — проявления солидарности и человеческого участия, которые постепенно, в течение тысячелетий, выкристаллизовались в понятие договора. Недоговор обходит все эти социальные процессы в пользу принуждения и делает это ради более прибыльных прогнозных продуктов, которые приближаются по надежности к наблюдению и, следовательно, гарантируют результаты.

Эта замена социальной работы на машинную возможна благодаря успеху деклараций Google и тому факту, что Google проложил путь к господству надзорного капитализма в сфере разделения знания. Удобно устроившись, Google может наблюдать за тем, что прежде было ненаблюдаемым, и знать то, что раньше было непознаваемым. В результате компания может делать то, что раньше

ше было невозможно сделать: обойти социальные отношения в пользу автоматизированных машинных процессов, которые стимулируют поведение, способствующее достижению коммерческих целей. Когда мы превозносим недоговор, как это делают Вэриан и другие, мы превозносим асимметрию знания и силы, которые и создают эти новые возможности. Недоговор — это указатель, который будет напоминать нам о наших ориентирах, пока, в оставшихся параграфах этой главы, мы будем подбираться к более ясной картине растущих амбиций надзорного капитализма в присоединении «реальности» к царству покоренного им человеческого опыта.

VII. Идеология неизбежности

Трудно удерживать ориентиры, когда все вокруг тебя их теряют. Переход к повсеместной компьютеризации, «когда повсюду датчики», будет не «постепенным», пишет Парадизо, а «революционным фазовым сдвигом, во многом сходным с появлением всемирной паутины»[62]. И этот «фазовый сдвиг», который понимается его архитекторами как универсальное противоядие от неопределенности, ожидается с абсолютной предсказуемостью. Парадизо в этом не одинок. Напротив, риторика неизбежности настолько «повсеместна», что в рамках технологического сообщества ее можно считать полноценной *идеологией неизбежности* (inevitabilism).

Чувство абсолютной уверенности, пронизывающее ви́дение Парадизо, давно признано ключевой чертой утопизма. В своем основополагающем труде по истории утопической мысли Фрэнк и Фрици Мануэль пишут:

> С конца XVIII века утопия-предсказание стала основной формой творческого воображения и предвосхитила определенные научные методы прогнозирования <...> современная утопия <...> связывает прошлое, настоящее и будущее вместе так, словно это судьба. Изображаемое ими будущее выглядит велением Бога или истории; это продолжение той уверенности, которой обладали милленарии...[63]

Мануэли, как и многие другие историки, считают марксизм последней великой утопией современности[64].

В трудах Карла Маркса есть сотни мест, раскрывающих его вариант идеологии неизбежности. В самом первом разделе «Манифеста Коммунистической партии», опубликованного в 1848 году, Маркс говорит следующее: «Она [буржуазия] производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны»[65].

До появления современной утопии этот жанр был в значительной степени представлен фантастическими рассказами об изолированных очагах человеческого совершенства, обнаруженных в экзотических горных районах, скрытых долинах или на далеких островах. Современные утопии, такие как марксизм, уходят от этих сказок, обращаясь к «преобразованию всего человеческого рода» на основе рациональных системных взглядов, «охватывающих весь мир». Не довольствуясь ролью простых фантазеров, современные утописты тяготеют к тотальному и обобщающему мировоззрению, пророчеству о «неизбежном конце, к которому движется человечество»[66].

Сегодня к Марксу и другим современным утопистам присоединяются проповедники повсеместной компьютеризации. Они постулируют новый исторический этап, вроде «революционного фазового сдвига» Парадизо, в ходе которого все общество реконструируется на основе новой и лучшей модели. Несмотря на тот факт, что неизбежность противоположна политике и истории, апостолы «аппарата» регулярно используют исторические метафоры, которые придают видимость глубины и серьезности их притязаниям. Возникновение «аппарата» подается как начало новой «эпохи», «эры», «волны», «фазы» или «стадии». Подобный исторический антураж призван передать бесполезность противостояния категорически неизбежной поступи повсеместной компьютеризации.

Главный оплот идеологии неизбежности — Кремниевая долина. Среди лидеров высоких технологий, экспертов-профессионалов и в специализированной литературе, по-видимому, царит полное согласие относительно того, что в ближайшем будущем *все* будет подключено к сети, познаваемо и управляемо: повсеместная компьютеризация и ее последствия в плане тотальной информации — это часть символа веры.

Неудивительно, что руководители Google — страстные приверженцы идеологии неизбежности. Это становится понятно, например, из первых же предложений книги Шмидта и Коэна «Новый цифровой мир» (2013): «Скоро все на Земле будут подключены к сети», пишут они. Чтобы довести до читателя этот новый железный закон, который с необходимостью приведет к экспоненциальному росту интернета и вычислительных мощностей, они привлекают так называемые предсказательные законы, такие как «закон Мура», и «фотонику»[67]. И ниже: «Коллективная выгода от обмена человеческим знанием и творческой энергией растет <…> экспоненциально. Информационные технологии будут столь же повсеместны, как электричество. Они станут… обыденными»[68]. Эти положения книги вызвали определенную критику, и авторы дали ответ своим критикам в послесловии к новому изданию: «Но стенания по поводу неизбежного роста размеров и влияния технологического сектора отвлекают нас от действительно важного вопроса <…> Многие из обсуждаемых нами перемен неизбежны. Они вот-вот настанут».

Несмотря на свою популярность как в Кремниевой долине, так и вообще в среде разработчиков новых технологий и специалистов по данным, идеология неизбежности редко обсуждается или подвергается критической оценке. Концепция Парадизо о «цифровом всеведении» принимается как должное, без серьезного обсуждения роли политики, власти, рынков или государства. Как и в большинстве подходов к осмыслению «аппарата», вопросы индивидуальной автономии, морали, социальных норм и ценностей, неприкосновенности частной жизни, прав на принятие решений, политики и права поднимаются задним числом и принимают, скорее, ритуальную форму; подразумевается, что они могут быть решены с помощью правильных протоколов или каких-либо новых технологических ходов. Если информация потечет «прямиком в наши глаза и уши», а «границы личности станут очень расплывчатыми», то кто может получить доступ к этой информации? Что, если я не хочу, чтобы моя жизнь текла через ваши органы чувств? *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?* Ответы на эти вопросы то-

нут в грохоте всего того, что непрерывно вытаскивается на свет, регистрируется, подсчитывается, контролируется и оценивается.

Лучшее, что может придумать Парадизо, — это предположение, что «закон может дать человеку право собственности или контроль над данными, сгенерированными в его или ее окрестностях; тогда человек может выбрать шифрование или ограничить отправку этих данных в сеть»[69]. Парадизо представляет себе общество, в котором каждый сам должен защищать себя от повсеместных всеведущих и наделенных органами чувств вычислительных систем нового «аппарата». Это похоже не на рай, а на рецепт новой разновидности безумия. Но это именно тот мир, который сейчас строится вокруг нас, и это безумие, похоже, спокойно заложено в план.

В период с 2012 по 2015 год я взяла интервью у 52 специалистов по данным и «интернету вещей». Они представляют 19 различных компаний и имеют совокупный 586-летний опыт работы в высокотехнологичных корпорациях и стартапах, в основном в Кремниевой долине. Я говорила с ними о популярности риторики неизбежности среди создателей нового «аппарата», и каждому я задавала один и тот же вопрос: почему так много людей говорят, что повсеместная компьютеризация неизбежна? Их ответы были поразительно схожи. Хотя они не говорили слов «надзорный капитализм», почти все опрошенные считали риторику неизбежности троянским конем мощных экономических императивов, и каждый из них сетовал на отсутствие какого-либо критического обсуждения основных постулатов этой риторики.

Как сказал мне директор по маркетингу одной фирмы в Кремниевой долине, которая продает программное обеспечение для связи умных устройств между собой:

> Кругом столько «тупой» недвижимости, а мы должны сделать ее «умной» и превратить в доход. «Интернет вещей» — вопрос предложения, не спроса. Большинство потребителей не испытывают потребности в этих устройствах. Вы можете сколько угодно твердить про «экспоненциальность» и «неизбежность». Суть в том, что Долина решила, что это должно быть следующим прорывом, чтобы здешние фирмы могли расти.

Я говорила со старшим инженером из крупной технологической компании, которая вкладывает большие средства в «интернет вещей». Его ответ:

> Допустим, у вас есть молоток. Это машинное обучение. С его помощью вы преодолели изнурительный подъем на гору и достигли ее вершины. Это доминирование машинного обучения над онлайн-данными. На вершине горы вы нашли огромную кучу гвоздей, дешевле, чем вы могли раньше вообразить. Это новые технологии умных датчиков. Перед вами простирается вдаль, до самого горизонта, одна сплошная девственная доска. Это весь обычный «тупой» мир. И тут вы узнаете, что каждый раз, когда вы вбиваете в доску гвоздь вашим молотком машинного обучения, вы можете извлечь выгоду из этой прежде «тупой» доски. Это монетизация данных. Что вы делаете? Вы начинаете колотить как сумасшедшие и не останавливаетесь, пока кто-то не заставит вас остановиться. Но здесь наверху нет никого, кто бы мог заставить нас остановиться. Вот почему «интернет всего» неизбежен.

Старший системный архитектор изложил этот императив в самых недвусмысленных терминах:

> «Интернет вещей» неизбежен, как неизбежно мы дошли до Тихого океана. Это предначертание. 98% вещей в мире не подключены к интернету. Вот мы их и подключим. Это может быть температура влаги, которая находится в почве. Это может быть ваша печень. Это *ваш* «интернет вещей». Следующий шаг — то, что мы сделаем с этими данными. Мы визуализируем их, разложим по полочкам и заработаем на их. Это *наш* «интернет вещей».

VIII. Его сотворили люди

Неумолкающий речитатив идеологии неизбежности представляет новый «аппарат» повсеместной компьютеризации как продукт технологических сил, действующих вне человеческой воли и решений людских сообществ, как неумолимое движение, возникшее вне истории и задающее импульс, который каким-то неопределенным образом толкает человеческий род и нашу планету к светлому будущему. Образ технологии как автономной, неудержимой силы с неизбежными последствиями веками использовался, чтобы стирать отпечатки пальцев

властей и снимать с них ответственность. Это совершил монстр, а не Виктор Франкенштейн. Тем не менее заключенного контролирует не браслет на лодыжке — это делает система уголовного правосудия.

Каждый постулат идеологии неизбежности несет в себе боевой вирус морального нигилизма, запрограммированный на то, чтобы парализовать человеческую волю и вычеркнуть сопротивление и творческий потенциал из перечня человеческих способностей. Риторика неизбежности — коварный обман, призванный сделать нас беспомощными и пассивными перед лицом неумолимых сил, которым человеческое безразлично и всегда будет безразлично. Это мир роботизированного интерфейса, где технологии работают по своей воле, решительно защищая власть от каких бы то ни было угроз.

Никто не выразил это проницательнее и лаконичнее, чем Джон Стейнбек в первых главах своего шедевра «Гроздья гнева», повествующего о фермерах эпохи «пыльных бурь» и Великой депрессии, выброшенных из своих домиков в Оклахоме и направившихся на запад в Калифорнию. Целые семьи вынуждены были оставить землю, которую возделывали в течение нескольких поколений. Они виновато оправдываются перед банковскими агентами, отправленными, чтобы подчеркнуть им их беспомощность. Но агенты отвечают:

> Банк — это нечто другое [чем люди]. Бывает так: людям, каждому порознь, не по душе то, что делает банк, и все-таки банк делает свое дело. Поверьте мне, банк — это нечто большее, чем люди. Банк — чудовище. Сотворили его люди, но управлять им они не могут[70].

Этот мотив предполагаемой автономии технологий хорошо знаком специалистам по истории и социологии техники. Лэнгдон Уиннер снова оказывается достойным гидом, когда напоминает, что беспрекословное принятие технологий стало характерной особенностью современной жизни:

> Изменения и разрушения, которые раз за разом приносили в современную жизнь быстро меняющиеся технологии, принимались как данность или неизбежность просто потому, что никому не пришло в голову спросить, существуют ли другие возможности[71].

Уиннер отмечает, что мы позволили себе стать «заложниками» модели технологического «дрейфа», понимаемого как «сумма непредвиденных последствий». Мы принимаем идею о том, что, если мы хотим, чтобы общество процветало, не следует препятствовать технологиям, и тем самым сдаемся на милость технологического детерминизма. Рациональный разговор о социальных ценностях считается «ретроградством, — пишет Уиннер, — а не шансом, который наука и техника дают цивилизации <…>. До сих пор любые предположения о каком-либо ограничении поступательного движения технологических инноваций <…> нарушают фундаментальное табу <…> Вместо этого мы принимаем очередное новшество, а потом оглядываемся назад на то, что мы с собой сделали, как на нечто любопытное[72]. К «любопытству» Уиннера я добавляю еще один мотив — раскаяние.

Лидеры надзорного капитализма надеются на то, что мы попадемся на уловку, которая должна была провести фермеров Стейнбека, приравнивая «естественное» или «популярное» к «ценному». Поскольку Google успешен — поскольку надзорный капитализм успешен — его требования, очевидно, должны быть правильными и благими. Как и банковские агенты, Google хочет, чтобы мы признали, что его правила просто отражают требования автономных процессов, чего-то, что люди не могут контролировать. Однако наше понимание внутренней логики надзорного капитализма говорит об обратном. Технологию создали люди, и они могут ее контролировать. Они просто решили не делать этого.

Идеология неизбежности увековечивает повсеместный «аппарат» в качестве прогрессивного явления, но скрывает за кулисами Realpolitik надзорного капитализма. Мы знаем, что могут быть альтернативные пути к жизнеспособному информационному капитализму, который создает подлинные решения для третьего модерна. Мы уже видели, в каком историческом контексте открывался и оттачивался надзорный капитализм, знаем, как люди смастерили его, чтобы он служил интересам нетерпеливого капитала. Точно та же логика требует сейчас повсеместности, готовая колонизировать технические разработки ради своих императивов и своего роста. Идеология неизбежности состоит на службе этих

императивов, отвлекая внимание от амбиций растущего экономического порядка и конкурентных опасений, которые толкают надзорный проект к охоте за предсказуемостью, что неизбежно делает его притязания на наше поведение все более и более ненасытными.

Идеология неизбежности исключает возможность выбора и добровольного участия. Она не оставляет места для человеческой воли как творца будущего. Это поднимает целый ряд вопросов. С какого момента притязания идеологии неизбежности на повсеместное извлечение и исполнение действий становятся злоупотреблениями? Смогут ли утопические декларации идеологии неизбежности вызвать к жизни новые формы принуждения, призванные утихомирить неспокойную публику, которая не в силах утолить жажду будущего по своему выбору?[73]

IX. Курс — на наземную кампанию

Декларации Google; власть надзорного капитализма над разделением знания в обществе и его «законами движения»; повсеместные архитектуры извлечения и исполнения действий; маккеевское проникновение в недоступные области при наблюдении за вольными животными с использованием методов, которые остаются для них незамеченными; недоговор и вытеснение им общества; повсеместная чувствующая среда Парадизо; темные данные; проповедники идеологии неизбежности — есть одно место, где все эти элементы сходятся вместе и превращают общие публичные пространства, созданные для человеческих взаимодействий, в чашку Петри для реалити-бизнеса, которым занимается надзорный капитализм. Это место — город.

Компания Cisco имеет 120 «умных городов» по всему миру, и некоторые из них используют Cisco Kinetic — как объясняет в своем блоге Джахангир Мохаммед, вице-президент и генеральный менеджер по «интернету вещей» в Cisco,

> Это облачная платформа, которая помогает клиентам *извлекать*, анализировать и перемещать данные из подключенных устройств в приложения «интернета вещей» для дости-

> жения *наилучших результатов* <…> Cisco Kinetic доставляет нужные данные нужным приложениям в нужный момент <…> одновременно *проводя в жизнь политику, обеспечивающую соблюдение законов о собственности на данные, их конфиденциальности, безопасности и даже суверенитете*[74].

Но, как это часто бывает, самая смелая попытка превратить достояние всего города в надзорно-капиталистический эквивалент 250-акрового болота Парадизо принадлежит Google, который ввел и узаконил концепцию «города-на-продажу». Как советовал Маккей и проповедовал Уайзер, компьютер должен работать повсюду и не обнаруживаться нигде, всегда оставаясь за пределами индивидуального сознания.

В 2015 году, вскоре после того, как Google реорганизовался в холдинговую компанию под названием Alphabet, одной из девяти «подтвержденных компаний» под общей крышей Alphabet стала Sidewalk Labs. Преуспеет ли или нет то, что даже генеральный директор Sidewalk Дэн Доктороff, бывший финансист, генеральный директор Bloomberg и заместитель мэра Нью-Йорка в администрации Блумберга, называет «городом Google», компания привлекла внимание общественности, преобразовав наше центральное место сбора в коммерческий проект, в рамках которого некогда общедоступные активы и функции перерождаются в захваченное сырье для нового рынка. В этом проекте концепции Маккея и Парадизо приносят плоды под эгидой надзорного капитализма как часть грандиозной схемы вертикально интегрированных цепей поставок, производства и продаж.

Первым публичным мероприятием Sidewalk Labs была установка в Нью-Йорке нескольких сотен бесплатных интернет-киосков, якобы для борьбы с проблемой «цифрового неравенства». Как мы видели в случае с Просмотром улиц от Google, эта компания умеет извлекать из сетей Wi-Fi множество ценной информации о людях, даже когда они не используют эти киоски[75]. Доктороff охарактеризовал киоски Sidewalk Labs как «целые фонтаны данных», которые будут оснащены датчиками окружающей среды, а также будут собирать «другие данные, которые вместе могут генерировать в высшей степени локальную информацию о происходящем в городе».

В 2016 году Министерство транспорта США объявило о партнерстве с Sidewalk Labs «для передачи транспортных данных городским чиновникам». Министерство поработало над привлечением городов в орбиту Google, объявив о грантах общей суммой в 40 миллионов долларов. Победители получат право сотрудничать с Sidewalk Labs для интеграции технологий в работу муниципальных властей, но Sidewalk Labs очень хотела работать с финалистами, чтобы разработать собственную систему управления трафиком под названием Flow[76]. Flow использует Карты Google, Просмотр улиц и машинный интеллект для сбора и анализа данных от водителей и из общественных пространств[77]. Результатом этого анализа будут прогнозные продукты, которые описывались как «выводы о том, куда или откуда направляются люди», и которые позволят администраторам «ставить виртуальные эксперименты» и оптимизировать трафик[78].

Доктороff предвидит, что над городом воцарится цифровое всеведение:

> Мы забираем все, что можно, из анонимных данных смартфонов, от миллиардов миль, поездок, показаний датчиков и переносим это на единую платформу[79].

Sidewalk называет свои высокотехнологичные услуги «новыми суперспособностями, расширяющими доступность и мобильность». Этими потоками данных будут управлять алгоритмы, разработанные, чтобы поддерживать критические параметры поведения в предписанном диапазоне: «К чему все эти строгие строительные нормы в мире, в котором мы можем контролировать такие вещи, как уровень шума или вибрации?» В качестве альтернативы, Доктороff предлагает «зонирование, основанное на показателях», управляемое повсеместным «аппаратом» посредством алгоритмов. Эти процессы, подобно системам мониторинга автомобиля Вэриана, безразличны к тому, почему вы ведете себя тем или иным образом, до тех пор, пока они могут отслеживать и контролировать ваше поведение. Как объясняет Доктороff: «Мне наплевать, что вы здесь построите, лишь бы вы не превышали стандартизированные показатели, такие как уровень шума…». Такой подход более

предпочтителен, говорит он, потому что он увеличивает «свободное движение собственности <…> это логическое продолжение <…> этих технологий»[80]. Почему граждане должны иметь какое-либо право голоса в делах своих сообществ и долгосрочных последствиях того, как роскошные небоскребы, отели или жилые здания, превращенные в коммерческие площади, могут повлиять на арендную плату и местный бизнес, если алгоритм доволен уровнем шума?

Когда город Колумбус, штат Огайо, был назван победителем конкурса Министерства транспорта, он начал трехлетний демонстрационный проект с Sidewalk, предусматривающий установку ста киосков и бесплатный доступ к программному обеспечению Flow. Документы и переписка, связанные с этим сотрудничеством, позже полученные газетой Guardian, описывают такие инновации, как «динамическая парковка», «оптимизация штрафов за неправильную парковку» и «рынок совместных поездок», которые рисуют более тревожную картину, чем предполагает вышеописанная риторика. Потоки данных Sidewalk объединяют государственные и частные активы для продажи на динамичных, действующих в режиме реального времени виртуальных рынках, которые смогут выжимать из граждан максимальное количество денег и поставят муниципальные органы власти в зависимость от информации, являющейся собственностью Sidewalk. К примеру, общественные и частные парковочные места объединяются на онлайн-рынках и сдаются в аренду «по требованию», по мере того как стоимость парковки меняется в реальном времени, что существенно увеличивает доход от парковок. Оптимизация штрафов за неправильную парковку строится на алгоритмах Sidewalk, «отвечающих за расчет наиболее выгодных для полицейских маршрутов», что даст городским бюджетам возможность заработать миллионы дополнительных долларов, в которых они отчаянно нуждаются, но произойдет это за счет их граждан.

Города обязаны инвестировать значительные муниципальные средства в технологическую платформу Sidewalk, в том числе направлять бюджетные средства, выделенные на поддержание доступного общественного автобусного транспорта, на «рынки мобильности», ко-

торые полагаются на частные компании по совместным проездкам вроде Uber. Компания настаивает на том, чтобы города «обменивались данными о работе общественного транспорта с частными компаниями, занимающимися организацией совместных поездок, что позволяет Uber направлять автомобили на переполненные автобусные остановки». Система Flow Transit отправляет информацию и платежи по почти всем видам транспорта в Карты Google, и города обязаны «перейти» на мобильную платежную систему Sidewalk «для всех существующих служб общественного транспорта и парковки». Требуя для себя данные о работе общественного транспорта, Sidewalk также настаивает, чтобы города в режиме реального времени давали Sidewalk Labs всю информацию о парковке и поездках[81]. В ответ на вопросы Докторофф подчеркнул новаторское слияние общественных функций и частной выгоды, заверяя своих слушателей по обоим пунктам: «наша миссия состоит в том, чтобы использовать технологии для изменения городов <…> привлечь технологии для решения больших городских проблем <…> Мы рассчитываем хорошо заработать на этом»[82].

В апреле 2016 года «тщательно подобранная группа лидеров» в области технологий, средств массовой информации и финансов собралась в Йельском клубе на Манхэттене, чтобы услышать доклад генерального директора Sidewalk Дана Докторoффа: «Город Google: как технический гигант переосмысливает города — быстрее, чем вы думаете»[83]. Его замечания дают откровенную оценку «города Google» как рыночной операции, сформированной императивом прогнозирования. Он как нельзя более точно охарактеризовал подход Sidewalk Labs как перевод онлайн-мира Google в реальность городской жизни:

> В сущности, что мы делаем, так это воспроизводим цифровой опыт в физическом пространстве <…> Отсюда повсеместный интернет; невероятные вычислительные мощности, включая искусственный интеллект и машинное обучение; возможность представления данных; сенсоры, включая камеры и данные о местонахождении, а также другие виды специализированных датчиков <…> Мы финансируем все это <…> с помощью совершенно новой рекламной моде-

> ли <...> Так что мы можем таргетировать рекламу на людей, находящихся поблизости, а затем, очевидно, со временем отслеживать их с помощью таких вещей, как маячки и службы геолокации, а также через открываемые ими страницы[84].

В том же году Sidewalk объявила о сотрудничестве с еще шестнадцатью городами, отметив, что достижение достаточного масштаба позволит улучшить ее программный продукт Flow. Доктороff назвал это сотрудничество «неизбежным»[85].

Обширная и разнообразная наземная кампания, которая уже развернулась, превращает предсказание в конкретную деятельность. В погоне за экономией от охвата оттачивается серия новых машинных процессов извлечения излишка, превращая людей и вещи в поведенческие данные. Ради экономии от действия «аппарат» учится прерывать поток личного опыта, чтобы влиять на наше поведение, изменяя и направляя его, руководствуясь планами и интересами самозваных коммерческих игроков и оживленного рыночного космоса, участниками которого они являются. Практически в каждом случае агенты институционализации представляют свои новые практики тем, чем в действительности они никак не являются. Realpolitik надзорных коммерческих операций скрывается за сценой, в то время как хор актеров, поющих и танцующих под прожекторами, привлекает наше внимание, а иногда даже наш энтузиазм. В огнях рампы они лезут из кожи вон ради одной цели: чтобы мы не заметили ответы или, еще лучше, забыли задать вопросы: *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?*

В свете этих амбиций неудивительно, что Доктороff, как и Пейдж, предпочитает пространство вне закона. Сообщения СМИ подтвердили, что Alphabet/Google активно рассматривает предложение о новом городе и что в этом проекте задействовано более ста градостроителей, исследователей, технологов, строительных экспертов, экономистов и консультантов[86]. Газета *The Wall Street Journal* сообщила, что, хотя было ясно, как компания найдет десятки миллиардов долларов, необходимых для такого масштабного мероприятия, «одним из ключевых элементов является то, что Sidewalk бу-

дет добиваться иммунитета от многих муниципальных норм так, чтобы не сталкиваться с какими-либо ограничениями при строительстве»[87].

В октябре 2017 года Докторофф появился вместе с исполнительным председателем Alphabet Эриком Шмидтом и премьер-министром Канады Джастином Трюдо, чтобы объявить, что местом планируемого расширения Sidewalk станет Торонто. Цель — разработка сбалансированного пакета технологий, который затем можно будет лицензировать городам по всему миру. «Истоки мышления, стоящего за работой Sidewalk Labs, восходят к восторгу основателей Google при мысли обо „всем том, что можно было бы сделать, если бы кто-то просто дал нам целый город и подчинил его нам“», — процитировала слова Шмидта выходящая в Торонто газета Globe and Mail, отметив, что «он пошутил, что знал о существовании веских причин, которые так и не материализуются». Затем, столь же оперативно, газета рассказала о реакции Шмидта, когда он впервые узнал, что Sidewalk, и тем самым Alphabet, обеспечили себе эту возможность в Торонто: «О, боже мой! Выбрали нас. Теперь наша очередь»[88].

ГЛАВА 8
Оцифровка: от опыта к данным

Если ты сфоткаешь их,
они тебя прикончат.
Они думают, что ты у них
что-то отбираешь.
Что у каждого есть сколько-то
и столько-то всего <...> и если другие
люди все это заберут, то себе ничего
не останется.

Роберт Гарленд, *Электрический всадник*

Сфотографировать — значит присвоить
фотографируемое. А это значит
поставить себя в некие отношения
с миром, которые ощущаются
как знание, а следовательно, как власть.

Сьюзен Зонтаг, *О фотографии*

1. Условия сдачи

Нас тревожит, что компании собирают наши персональные данные, и мы задумываемся, с какой стати они на этом зарабатывают. «Кому принадлежат эти данные?» — спрашиваем мы. Но каждый раз, когда говорят о защите данных или о собственности на данные, забывают самый важный вопрос из всех: почему вообще наш опыт должен превращаться в поведенческие данные? В цепочке событий, создающих поведенческий излишек, этот важный шаг очень легко упустить из виду. В этой и следующей главах подробно рассматриваются упомянутый разрыв между опытом и данными, а также конкретные операции, нацеленные на уничтожение этого разрыва в попытке преобразовать одно в другое. Я называю эти операции *оцифровкой (rendition)*. Мы видели, что изъятие человеческого опыта есть первородный грех надзорного капитализма, но это изъятие — не просто абстракция. *Оцифровка* характеризует конкретные процессы, в ходе которых осуществляется

изъятие, в ходе которых человеческий опыт присваивается в качестве сырья для датафикации и всего, что следует за ней, от производства до продаж. Обращение к этим промежуточным практикам показывает, что повсеместный «аппарат» — не пассивное одностороннее зеркало. Наоборот, он активно создает свои запасы знания посредством оцифровки.

Существительное «rendition» (здесь — представление в цифровом виде, в виде данных) происходит от глагола «render» (представлять в определенном виде, преобразовывать), слова в высшей степени необычного, двойное значение которого описывают две стороны уравнения, идеально отражающего то, что происходит в промежутке между человеческим опытом и поведенческими данными. С одной стороны уравнения этот глагол характеризует процесс, в ходе которого из чего-то данного изначально формируется нечто другое. Он обозначает действие, превращающее одну вещь в другую, например выработку жира из сала (вытапливание) или превращение текста в английский из первоначального латинского (перевод). Это значение нашло свое место и в словаре цифровых технологий. Например, «движок рендеринга» преобразует содержимое веб-страницы, написанное на языке HTML, в нечто пригодное для отображения на экране и печати.

С другой стороны уравнения «render» также описывает то, как изменяемая вещь отдается — сдается (surrenders) — этому процессу. Глагол «rendre» впервые встречается во французском языке X века в значении «отдавать, предоставлять, приносить», как в «предоставить счет (rendering an account)» или «дерево приносит свои плоды (the tree renders its fruit)». К XIV веку это слово также вобрало в себя идею передачи, принятия или выполнения обязательства или признания зависимости, как в «воздать кесарю кесарево» (Render unto Caesar). Эти значения сохраняются сегодня, когда мы говорим «выносить вердикт» (rendering a verdict), «оказывать услугу» (rendering service) или «предоставлять имущество» (rendering property).

Надзорный капитализм должен работать с обеими сторонами уравнения. С одной стороны, его технологии призваны преобразовывать наш опыт в данные, как сало

преобразуется в жир. Обычно это происходит без нашего ведома, не говоря уже о нашем согласии. С другой стороны, каждый раз, когда мы сталкиваемся с цифровым интерфейсом, мы делаем наш опыт доступным для «датафикации», тем самым «воздавая надзорному капитализму» закрепленную за ним «десятину» сырья.

Это двустороннее уравнение — нечто новое. Как мы видели в главе 1, проект «Осведомленный дом», разработанный в Технологическом институте Джорджии всего за год до изобретения надзорного капитализма, использовал другие методы, основанные на совершенно иных исходных допущениях: (1) что только сам человек может решать, какой опыт будет представлен в виде данных, (2) что цель получения данных состоит в том, чтобы обогащать человеческую жизнь, и (3) что человек является единственным судьей в отношении того, кому данные передаются и как используются. Спустя почти два десятилетия «Осведомленный дом» — немногим больше, чем археологический артефакт, напоминающий нам о пути, по которому мы не пошли, — пути навстречу расширяющему наши права и возможности цифровому будущему и более справедливому общественному разделению знания. Этот путь вел к тому, чтобы именно человек знал, принимал решения и определял, кому принимать решения — будучи самоцелью, а не средством для достижения чужих целей. Урок «Осведомленного дома» заключается в том, что оцифровка возможна без надзорного капитализма. Однако урок этой и следующих глав состоит в том, что *не может быть надзорного капитализма без оцифровки*.

Исключений нет; товары и услуги всех отраслей пополняют ряды конкурентов за надзорные доходы, подобные термостату Nest. К примеру, в июле 2017 года в заголовки новостей попал выпускаемый компанией iRobot робот-пылесос Roomba. Это произошло после того, как генеральный директор компании Колин Энгл рассказал агентству Reuters о ее ориентированной на сбор данных из умного дома бизнес-стратегии, начало которой должен был положить такой новый источник доходов, как продажа планировок жилищ клиентов, снимаемых с помощью картографических возможностей, заложенных в пылесос. Энгл намекнул, что в течение ближайших

двух лет iRobot может заключить сделку о продаже своих карт Google, Amazon или Apple. В рамках подготовки к участию в надзорной гонке в пылесосы флагманской линейки Roomba на тот момент уже были добавлены камеры, новые датчики и программное обеспечение, обеспечивающие новые функции, в том числе возможность создавать карту, отслеживая собственное местоположение. Рынок вознаградил планы развития iRobot, подняв цену акций компании в июне 2017 года до отметки в 102 доллара, в сравнении с 35 долларами годом ранее, что означало рост рыночной капитализации до 2,5 миллиарда долларов при доходе в 660 миллионов[1].

Эксперты по защите конфиденциальности забили тревогу, понимая, что подобные потоки данных практически не имеют ни технической, ни юридической защиты. Но Энгл заверил публику, что iRobot не будет продавать данные без разрешения своих клиентов, и выразил уверенность, что «большинство даст свое согласие, с тем чтобы получить доступ к функциям умного дома»[2]. Почему Энгл так в этом уверен?

Согласно политике конфиденциальности компании владельцы Roomba действительно могут контролировать или останавливать сбор данных об использовании путем «отключения вашего Wi-Fi или Bluetooth от приложения, например путем изменения пароля Wi-Fi». Однако, как сказал Энгл техническому сайту Mashable в июле 2017 года, даже если клиент не дал согласия на работу картографической службы, Roomba собирает картографические данные и данные об использовании, но только данные об использовании «отправляются в облако, чтобы их можно было отобразить на вашем мобильном устройстве»[3]. О чем умолчал Энгл, так это о том, что клиент, который отказывается делиться данными о внутреннем плане своего жилища с iRobot, также теряет большую часть «умных» функций своего «робота»-пылесоса, включая возможность использовать телефон для запуска или приостановки уборки, задавать расписание уборки, просматривать отчеты с «Картами чистоты», получать автоматические обновления программного обеспечения или запускать «Точечную очистку SPOT Clean, чтобы сосредоточиться на особенно загрязненном месте»[4].

Примененная Энглом стратегия повышения уверенности обнажает суть проекта оцифровки в целом. В рамках последнего изготовители товаров для «умного» дома из числа надзорных капиталистов разработали уникальный подход. С одной стороны, они подчеркивают, что клиенты могут дать или не дать согласие на доступ к своим данным. С другой стороны, клиенты, отказывающиеся это сделать, столкнутся с ограничениями в функциональности товара и безопасности данных. Это отношения в духе «Требований», только конкистадоры предупреждали «на колени — или мы вас уничтожим», а надзорные капиталисты предупреждают «на колени — или мы обесценим ваши покупки».

При этом новом режиме даже такая простая вещь, как покупка матраса, теперь требует тщательного юридического изучения «кабальных договоров», чего почти никто не делает. Возьмем кровать под названием Sleep Number с ее «технологией умной кровати и мониторингом сна»[5]. На веб-сайте компании показана прекрасная пара, уютно устроившаяся в такой кровати, взгляды обоих прикованы к экранам смартфонов, они с удовольствием просматривают данные в приложении SleepIQ. Кровать имеет «настраиваемые» основание и матрас, снабженные механизмом, который увеличивает или уменьшает угол наклона кровати, и датчиками, которые меняют степень жесткости матраса. Другие датчики измеряют частоту сердечных сокращений, дыхания и движение: «Каждое утро вы будете узнавать ваш уровень SleepIQ®, отражающий качество и продолжительность вашего индивидуального сна <…> спокойный сон, беспокойный сон и время, проведенное вне кровати <…> и советы о том, какие изменения вы можете внести». Компания предлагает подключить к этому приложению для сна ваш фитнес-трекер и термостат, чтобы видеть, как на ваш сон влияют тренировки или температура в спальне.

К кровати прилагается политика конфиденциальности — двенадцать страниц убористого текста. Клиентов предупреждают, что предоставление информации является подтверждением согласия на использование этой информации в соответствии с этой политикой, в которой присутствуют обычные обременительные условия:

отправка данных на сторону, Google Analytics, таргетированная реклама и многое другое. Кроме того, если клиент создает профиль пользователя, чтобы использовать все возможности приложения, то компания будет собирать также «биометрические и связанные со сном данные о том, как спали вы, ребенок и любой человек, который использует кровать, например данные о движении этого человека, положении тела, дыхании и частоте сердечных сокращений во время сна». Она также собирает все звуковые сигналы в вашей спальне. Как и в большинстве таких политик, клиентов предупреждают, что компания может «использовать» личную информацию или «делиться» ею даже «после того, как Потребитель деактивировал или удалил Услугу и/или свою учетную запись Sleep Number или Профиль пользователя». Клиентов предупреждают, что компания «не может гарантировать 100-процентную безопасность» при передаче или хранении данных и что запреты на отслеживание не принимаются во внимание. Наконец, на странице 8 документа говорится о возможностях выбора в отношении использования личной информации: «Предоставляет ли Потребитель Информацию Компании, зависит исключительно от Потребителя. Если Потребитель решит не предоставлять Информацию, Компания может оказаться не в состоянии обеспечить работу определенных функций, продуктов и/или услуг»[6].

Такой же принудительный подход в духе требований можно найти в объемистых, подробных юридических документах, связанных с термостатом Nest, принадлежащим компании Alphabet. В соглашения об условиях обслуживания и лицензионные соглашения с конечным пользователем заложены серьезные негативные последствия для конфиденциальности и безопасности, при которых конфиденциальная информация передается другим устройствам, неназванным сотрудникам и третьим лицам в целях анализа и в конечном счете для продажи на рынках поведенческих фьючерсов — действия, которые рикошетом вернутся обратно к владельцу в виде таргетированной рекламы и сообщений, призванных продвигать другие продукты и услуги. Несмотря на это, суды в целом поддерживают утверждения компаний

о том, что они не несут ответственности, пока не доказан явный экономический ущерб для потребителя.

Nest не несет почти никакой ответственности за сохранность собираемой информации и совершенно не отвечает за то, как будут использовать эти данные другие компании, находящиеся в его экосистеме. Более того, юристы Лондонского университета Гвидо Ното Ла Диега и Ян Уолден, которые проанализировали эти документы, считают, что для тех, кто пожелает войти в связанную с Nest экосистему подключенных к сети устройств и приложений, каждое из которых предлагает свои не менее обременительные и вызывающие условия, покупка единственного домашнего термостата повлечет за собой необходимость ознакомления с почти тысячей «соглашений»[7].

Абсурдность ситуации усугубляется тем, что практически никто не читает даже единственного такого «договора». Ценное эмпирическое исследование с участием 543 респондентов, знакомых с юридическими проблемами, сопутствующими надзору и конфиденциальности, показало, что, когда их попросили зарегистрироваться в новом онлайн-сервисе, 74% выбрали процедуру «быстрой регистрации», минуя соглашение об условиях обслуживания и политику конфиденциальности. Среди тех, кто все же просмотрел условия этих драконовских договоров, большинство переходило непосредственно к кнопке «принять». Исследователи подсчитали, что для адекватного понимания этих документов требуется не менее сорока пяти минут, однако у тех, кто просматривал соглашения, медианное время составило четырнадцать секунд[8].

В случае отказа клиента принять требования Nest согласно условиям обслуживания функциональность и безопасность термостата будут серьезно скомпрометированы, поскольку прибор больше не будет получать необходимые обновления, предназначенные для обеспечения его надежности и безопасности. Последствия могут варьироваться от замерзания труб до отказа пожарной сигнализации или легкого взлома внутренней системы дома. Иными словами, эффективность и безопасность этого товара откровенно ставятся в зависимость от того, смирятся ли его владельцы с оцифровкой как с завоеванием со стороны и в интересах других.

Можно, конечно, не покупать пылесос Roomba, кровать Sleep Number или термостат Nest, но каждая из этих вещей лишь символизирует исполинский проект оцифровки как первый и жизненно важный шаг на пути, ведущем к построению аппарата повсеместности. На рынке появляются тысячи объектов «интернета вещей». Как заключают Ла Диега и Уолден, в этом новом товарном режиме простые функции продукта, которые нам требуются, теперь безнадежно вплетены в запутанный клубок компьютерных программ, услуг и сетей[9].

Умирает сама идея функционального, эффективного, доступного товара или услуги как достаточного основания для экономического обмена. Самые разнообразные товары подстраиваются под новые экономические требования выхода в интернет и оцифровки там, где вы меньше всего этого ожидаете. Каждый из них рассматривается как шлюз нового аппарата и превозносится как «умный», а традиционные аналоги осмеиваются как «безмозглые». Важно понимать, что в этом контексте «умный» — эвфемизм для оцифровки: это интеллект, призванный преобразовывать один из крошечных уголков жизненного опыта в поведенческие данные. Каждый «умный» объект — это своего рода марионетка; при всем своем «уме» он остается несчастной куклой, танцующей на невидимых нитях экономических императивов хозяина. Товары, услуги и приложения маршируют под дудку идеологии неизбежности в направлении обещанных надзорных доходов, которые предстоит выжать из тех все еще вольных мест, которые мы называем «моей реальностью», «моим домом», «моей жизнью» и «моим телом». Каждая умная вещь повторяет наши главные вопросы: Что знает умная вещь и кому она об этом сообщает? *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?*

Примеры товаров, готовых оцифровывать, отслеживать, сохранять и передавать поведенческие данные, множатся — от умных бутылок водки до подключенных к интернету ректальных термометров и (вполне буквально) всего, что находится в промежутке между этими двумя[10]. Так, менеджер по развитию из одной алкогольной компании рассказывает о своих планах относительно «подключенной бутылки»: «Чем больше мы узнаем о по-

требителях и их поведении, тем лучшее обслуживание мы сможем им предложить»[11]. Многие бренды полны решимости «отвести упаковке ведущую роль на все более интерактивном рынке». Глобальный дистрибьютор спиртных напитков Diageo обещает «умные, снабженные датчиками бутылки», которые могут отслеживать данные о покупках и продажах и, главное, «обмениваться информацией с устройствами потребителя и подобающе реагировать — рецептами или промоакциями — после того, как он открыл бутылку». Производитель барного оборудования говорит об этом вполне недвусмысленно:

> На самом деле все это <...> направлено на то, чтобы позволить владельцам [баров] видеть то, чего они раньше не могли видеть, и максимизировать их прибыль[12].

Сегодня наши дома оказались под прицелом надзорного капитализма: рынок умных домов составил в 2017 году 14,7 миллиарда долларов, по сравнению с 6,8 миллиарда долларов годом ранее; ожидается, что к 2021 году он вырастет до более чем 101 миллиарда[13]. Возможно, вы уже сталкивались с некоторыми из первых нелепостей: умные зубные щетки, умные лампочки, умные кофейные кружки, умные духовки, умные соковыжималки и умная посуда, якобы улучшающая пищеварение. Другие новации — более мрачного толка: домашняя система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц; система сигнализации, которая отслеживает необычные вибрации еще до того, как произойдет взлом; GPS-локаторы для помещений; датчики анализа движения, температуры и других переменных, которые можно прикрепить к любому объекту; разного рода бытовая техника, имеющая выход в интернет; тараканы-киборги, улавливающие звуки. Даже детская комната рассматривается как источник свежего поведенческого излишка[14].

Понимание надзорной логики накопления, которая стоит за этими тенденциями, наводит на мысль, что эта сеть вещей уже превращается в сеть принуждения, в рамках которой обыденные функции отдаются на откуп поведенческому излишку[15]. Письмо финансового директора Google в Отдел корпоративных финансов Комиссии по ценным бумагам и биржам США от декабря 2013 года дает яркое представление об этих фактах. Оно было со-

ставлено в ответ на запрос комиссии, касавшийся сегментации выручки Google от настольной и мобильной платформ[16]. Google ответил заявлением, что в будущем пользователи будут «просматривать нашу рекламу на все более разнообразных устройствах» и что поэтому его рекламные системы постепенно переходят к «независимым от устройства» схемам работы, которые делают сегментацию ненужной и неудобной. «Через несколько лет, — говорится в письме, — мы и другие компании могли бы размещать рекламу и другой контент в холодильниках, приборных панелях автомобилей, термостатах, очках и часах, и это лишь некоторые из возможных примеров».

Вот как минимум один возможный эндшпиль: «умный дом» с его «интернетом вещей» — это холст, на котором новые рынки будущего поведения прорисуют свое присутствие и будут отстаивать свои притязания на самые интимные наши пространства. Ключевой момент этой истории — то, что все вершится во имя более широкого рыночного процесса, который делает ставку на наше будущее поведение и в отношении которого у нас нет ни информации, ни контроля. Вся вереница настырных «умных» вещей подключается к миграции к надзорным доходам, и каждый узел в сети — пылесос, матрас, термостат — должен сыграть в этом процессе свою роль, начиная с безотказной оцифровки поведения. Лишенные альтернатив, мы вынуждены приобретать продукты, которые никогда не будут нашими, а наши платежи финансируют надзор и принуждение над нами же самими. Как будто всего этого еще мало, данные, собираемые этой волной вещей, откровенно небезопасны и легко уязвимы перед «утечками». Более того, производители юридически не обязаны уведомлять владельцев устройств о взломе или краже данных.

Существуют и другие, еще более грандиозные и амбициозные планы по оцифровке всех доселе обособленных вещей. Такие компании, как Qualcomm, Intel и ARM, разрабатывают крошечные, постоянно включенные, почти не потребляющие энергии модули компьютерного зрения, которые можно добавлять к любому устройству, например к вашему телефону или холодильнику, или прикреплять к любой поверхности. Один из руководителей

Qualcomm говорит, что приборы и игрушки могут знать, что происходит вокруг них: «Кукла может определять, когда лицо ребенка поворачивается в ее сторону»[17].

Возьмем «умную кожу», созданную блестящими университетскими учеными и готовую для коммерческого внедрения. Изначально ценившаяся за способность отслеживать и диагностировать различные болезни, от болезни Паркинсона до нарушений сна, умная кожа теперь превозносится за обещание ультраненавязчивой повсеместности. Исследователи из Технологического института Джорджии разработали разновидность «умной кожи», которая извлекает энергию из радиоволн и других источников энергии, устраняя необходимость в батареях. Умная кожа, названная «совершеннейшим искусственным органом чувств, который потенциально может обеспечить возможность массового внедрения вечных беспроводных сетей»[18], может распознавать, ощущать, анализировать, осуществлять беспроводную связь и «изменять параметры», используя простую технологию радиочастотной идентификации (RFID)[19]. Как и в случае с «сенсорной лентой» Парадизо, исследователи подчеркивают, что она также может «прикрепляться куда угодно», чтобы «непрерывно отслеживать, ощущать и взаимодействовать с окружающим миром, тем самым значительно улучшая возможности „окружающего интеллекта“», — и при всем этом оставаясь столь же неприметной, как «переводная картинка». Одно из предполагаемых мест, например, — полки продуктовых магазинов, где имеются широкие возможности получения дохода[20].

Оцифровка стала проектом надзорного капитализма, сформированным его императивами и направленным на достижение его целей. В написании теневого текста оцифровка — это Шаг 1, конкретная реализация «первородного греха простого грабежа», которым с самого начала определялся этот рыночный проект. Google оцифровал саму Землю, ее улицы и жилища, обойдясь без нашего согласия и игнорируя наши протесты. Facebook оцифровал социальную сеть во всех ее безграничных деталях во имя своих рынков поведенческих фьючерсов. Сегодня повсеместный аппарат стал средством повсеместной оцифровки человеческого опыта.

Мы видели настойчивость, с которой надзорные капиталисты стремятся устранить «силы трения» как важнейшего фактора успеха операций по обеспечению поставок поведенческого излишка. Императив прогнозирования не терпит никаких границ, и надзорные капиталисты пойдут почти на что угодно ради их устранения. Это стремление превращает «доступ в интернет» в коммерческий императив, а индивидуальную автономию — в угрозу надзорным доходам.

Методы оцифровки, к которым прибегает надзорный капитализм, подавляют любое осмысленное обсуждение опций «согласия» и «отказа». Фиговые листки отброшены. Эвфемизмы согласия больше не могут отвлекать внимание от голых фактов: при надзорном капитализме оцифровка, как правило, происходит несанкционированно, односторонне, жадно, тайно и нагло. Эти эпитеты выражают ту асимметрию власти, которая делает надзорный капитализм надзорным. Они также подчеркивают суровую истину: трудно найти место, куда бы не проникла оцифровка. По мере того как соблазн надзорных прибылей приманивает к себе отрасли, отстоящие далеко от технологического сектора, яростная борьба за поиск и оцифровку опыта в виде данных превратила оцифровку в глобальный проект надзорного капитала.

В этой и следующей главах рассматривается широкий спектр практик, связанных с оцифровкой в целях экономии за счет охвата. В оставшейся части этой главы основное внимание уделяется *охвату вширь, первому измерению экономии за счет охвата*, когда операции оцифровки перемещаются в реальный мир, захватывая новые и неожиданные куски человеческого опыта. Охват вширь хочет проникнуть в каждый уголок и каждую щелочку, заполучить каждое слово и каждый жест на пути изъятия. Все живое и дышащее должно передать ему факты о себе. Не может быть ни тени, ни тьмы. Неизвестного он не потерпит. Уединенное запрещено. Затем, в главе 9, мы переходим к *охвату вглубь*. Сеть широко заброшена в воды повседневной жизни, но есть также подводные лодки, исследующие глубины в поисках новых источников излишка, которые ценятся за их редкую способность предвидения — речь идет о вашей личности, эмоциях и эндорфинах. Приведенные в этих главах при-

меры не призваны быть исчерпывающими; они должны проиллюстрировать целенаправленность, упорство и увертливость, с которыми надзорные капиталисты ведут свой поиск новых аспектов человеческого опыта, которые можно монетизировать как предсказуемость.

В этом предприятии мы не можем не упоминать конкретные действующие лица, конкретные продукты и технологии, понимая, что люди и компании постоянно меняются. Фирмы покупаются и продаются, терпят крах или обретают успех; люди приходят и уходят. Какие-то технологии, продукты и методы будут отброшены, другие — усовершенствованы и превзойдены. Когда одни будут уходить в прошлое, их место будут занимать другие, до тех пор, пока надзорному капитализму будет позволено процветать. Молниеносность действий и постоянный круговорот критически важны для успеха надзорного капитализма, и мы не можем допустить, чтобы это непрерывное движение помешало нашей решимости понять законы движения, которые управляют этим бурлящим ландшафтом. Именно эти закономерности и их смысл мы и хотим постичь.

II. Оцифровка тела

Оцифровка вашего тела начинается вполне незамысловато, с вашего телефона. Даже если город, в котором вы живете, не относится к «умным», не принадлежит и не управляется Google, игроки рынка, заинтересованные в вашем поведении, знают, как добраться до вашего тела[21]. Потому что при всей изощренности методов, применяемых надзорными капиталистами в своих стараниях превратить реальность в поведенческий излишек, самым простым и самым глубоким фактом является их способность точно знать, где вы находитесь в каждый момент времени. Ваше тело переосмысливается как выказывающий определенное поведение объект, который подлежит отслеживанию и расчету для индексации и поиска. Большинство приложений для смартфонов требуют доступа к вашему местоположению, даже если это не является необходимым для предоставляемой ими услуги, просто потому, что ответ на этот вопрос столь прибылен.

Данные о местоположении можно извлечь из «геотегов», создаваемых, когда ваш смартфон автоматически встраивает ваши данные и местоположение в фотографии и видео. Ритейлеры используют «геозонирование» для разметки определенного района и отправки уведомлений на смартфоны, находящиеся в его пределах: «Приходите сюда сейчас!», «Купите это здесь!», «Предложение только для вас!»[22] Если хотите увидеть, как это работает, просто загрузите приложение Starbucks, а затем выйдите из дома. Как подсказывает одна маркетинговая консалтинговая компания: «Мобильная реклама, высшая форма геотаргетинга, — это святой Грааль рекламы»[23]. Фирма, специализирующаяся на мобильной рекламе, не скупясь делится «маленькими хитростями» маркетинга на основе местоположения:

> Это позволяет вам использовать человеческую импульсивность, поощряя неожиданные покупки с помощью рассылаемых вами уведомлений <...> Это также позволяет вам получить лучшее представление о ваших текущих клиентах, открывая доступ к тому, что они говорят в Yelp и Facebook...[24]

Еще одна фирма, занимающаяся мобильным маркетингом, рекомендует «маркетинг на основе повседневных привычек», основанный на методах, позаимствованных у военной разведки и известных как «анализ жизненных привычек». Это подразумевает сбор данных о местонахождении и прочем с телефонов, спутников, транспортных средств и датчиков с целью накопления всесторонней информации о повседневных поведенческих моделях «интересующего вас лица» для прогнозирования его будущего поведения. Маркетологам предлагается «составить карту ежедневных привычек» «целевой аудитории», с тем чтобы «перехватывать людей в их повседневной жизни с помощью сообщений, рекламирующих бренд или конкретные товары». Как подчеркивает фирма, «психологическая власть осознания повсеместности велика. Маркетинг на основе повседневных привычек производит на потребителей сильное психологическое впечатление»[25].

Вы можете отключить GPS-локатор на телефоне, но большинство людей этого не делают, потому что по-

лагаются на приносимую им пользу или потому, что не знают о его работе. Согласно данным Pew Research, в 2013 году в США 74% владельцев смартфонов использовали приложения, которым требуются данные о местоположении, а в 2015 году — 90%, около 153 миллионов человек, больше, чем число тех, кто слушает на телефоне музыку или смотрит видео[26]. Привычка надзорного капитализма к секретности означает, что большинство из нас просто не знают и не могут знать, в какой степени наш телефон по совместительству служит орудием слежки со стороны надзорных корпораций.

Это убедительно доказывает исследование, проведенное учеными из Университета Карнеги—Меллона[27]. В течение трех недель двадцать три участника исследования непрерывно получали информацию о количестве приложений, получающих доступ к их местонахождению, и об общем количестве обращений за истекшее время. Их поразила мощь этого натиска: каждый из них узнавал, что к его местоположению обращались 4182 раза, 5398 раз, 356 раз и т. д. в течение 14-дневного периода — и все это ради рекламодателей, страховщиков, ритейлеров, маркетинговых фирм, ипотечных компаний и всех прочих, кто платит за игру на поведенческих рынках[28]. Как выразился один из участников: «Было ощущение, что мой собственный телефон шпионит за мной. Это страшно»[29]. Впоследствии 58% участников ограничили разрешения, предоставляемые их мобильным приложениям.

Неудивительно, что в авангарде отслеживания на основе местоположения идет Google. Письменные показания представителей правоохранительных органов, затребовавших в 2016 году ордер на обыск подозреваемого в ограблении калифорнийского банка, дают ясно понять, почему у данных о местоположении, имеющихся у Google, нет аналогов:

> Google собирает и хранит данные о местоположении с мобильных устройств с поддержкой Android. Google собирает эти данные всякий раз, когда активируется одна из его служб и/или когда на мобильном устройстве происходит определенное событие, например телефонный звонок, приходит или отправляется текстовое сообщение, осуществляется доступ в интернет или доступ к электронной почте.

Официальные лица, занимавшиеся этим делом, запросили информацию о местонахождении у Google, потому что он предоставляет гораздо больше деталей, чем могут предоставить даже телефонные компании. Системы определения местоположения в Android объединяют данные сотовой вышки с GPS, сетей Wi-Fi и другую информацию, полученную из фотографий, видео и других источников: «Это позволяет Android локализовать пользователя в конкретном здании, а не в целом квартале»[30]. В ноябре 2017 года журналисты-расследователи из Quartz обнаружили, что с начала 2017 года телефоны Android собирали информацию о местонахождении путем триангуляции ближайших сотовых вышек, даже когда службы определения местоположения были отключены, не работало ни одно приложение, и в телефоне не была установлена SIM-карта оператора. Эта информация использовалась для управления «push-уведомлениями» и сообщениями Google, отправляемыми пользователям на их телефоны Android, позволяя компании отслеживать, «зашел ли человек с телефоном Android или с приложениями Google в определенный магазин, и использовать это для таргетирования рекламы, которую впоследствии увидит пользователь»[31].

Система отслеживания местоположения Google — продукт глобальных картографических операций корпорации. Несмотря на то что она была в действии более десяти лет, публику ознакомили с ней только в 2015 году, представив функцию «Хронология», которая «позволяет вам визуализировать ваши повседневные действия»[32]. Корпорация просчитала, что все отрицательные реакции на объем и постоянство отслеживания, выявленные с помощью «Хронологии», будут с лихвой компенсированы ценностью активного вклада пользователей в их собственные запасы поведенческого излишка, поскольку они будут уточнять информацию, добавлять соответствующие фотографии, вставлять комментарии и так далее. Это было подано как инвестиция в персонализированные сервисы, такие как Google Now, чтобы он мог более эффективно прочесывать вашу электронную почту и приложения и выдавать актуальные подсказки, касающиеся автомобильного трафика, погоды, уведомлений, предложений и напоминаний. Данные

о местоположении — это то, чем приходится расплачиваться за эти услуги.

Эта сделка подслащена обычными обещаниями конфиденциальности и контроля: «Ваша хронология является конфиденциальной и видимой только для вас; от вас зависит, какие местоположения вы захотите оставить». Но Google использует данные о вашем местоположении для таргетинга объявлений; больше того, это одни из самых значительных источников поведенческого излишка на рекламных рынках Google, который напрямую влияет на количество кликов. Стандартное объяснение со стороны Google и других надзорных капиталистов заключается в том, что поведенческий излишек сохраняется только в виде метаданных, после чего метаданные большого числа отдельных пользователей агрегируются. Нам говорят, что в этих масштабных массивах агрегированных данных невозможно идентифицировать отдельных людей. Тем не менее наука о реидентификации продемонстрировала, что имея всего три вида данных, которые легко раздобыть в общедоступных источниках, — дату рождения, почтовый индекс и пол, — можно деанонимизировать метаданные с «тревожной легкостью»[33]. Резюмируя результаты этого исследования, правовед Пол Ом пишет, что «реидентификация существенно упрощает обнаружение и раскрытие всех наших секретов. Нашим врагам будет легче связать нас с фактами, которые они могут использовать для шантажа, преследования, клеветы, мошеннических действий или дискриминации против нас <…> Эта ошибка пронизывает почти все законы о конфиденциальности личной информации». Что касается огромных кэшей якобы анонимного поведенческого излишка, то Ом называет их «базами данных нашей погибели»[34].

В том, что касается данных о местоположении, ситуация ничуть не лучше. В 2013 году группа компьютерных ученых из Массачусетского технологического института и Гарварда продемонстрировала, что, поскольку каждый человек, как правило, имеет характерный рисунок мобильности, любой аналитик с подходящими инструментами может легко извлечь из большого анонимизированного набора данных, содержащего метаданные местоположения, модель мобильности конкретного че-

ловека. Другая группа исследователей продемонстрировала, что данные, собранные с помощью «безобидных» датчиков, встроенных в смартфоны, таких как акселерометры, гироскопы и магнитометры, могут использоваться для выявления «постоянно растущего диапазона человеческой деятельности и даже настроений». В их работе также показывается, что данные этих датчиков можно использовать «для извлечения из анонимных наборов данных щекотливой информации о конкретных пользователях»[35].

И компании пользуются этими надзорными возможностями. Компания Broadcom создала помещающуюся в микросхеме «глобальную навигационную спутниковую систему», которая объединяет спутниковую связь с датчиками вашего мобильного телефона, образуя «механизм позиционирования», способный определять ваше местоположение, даже когда вы не подключены к сети, вплоть до вашего местонахождения внутри здания, количества сделанных вами шагов, в каком направлении они были сделаны, на какой высоте вы находились. Все это зависит от одного-единственного фактора, говорит вице-президент этой компании: «устройства, находящегося в ваших руках»[36]. Компьютерные ученые из Принстона Арвинд Нараянан и Эдвард Фелтен подытожили это следующим образом:

> Не известно ни одного эффективного способа анонимизации данных о местоположении, и нет никаких свидетельств, что это вообще возможно на практике[37].

Даже если отложить в сторону «деанонимизацию», хранение метаданных о местоположении представляет собой невиданную по масштабу концентрацию знаний в частных фирмах и создает им исключительное преимущество в разделении знания. В 2016 году китайская поисковая система Baidu, которую часто называют китайским Google, объявила, что ее Лаборатория больших данных использует данные о местонахождении 600 миллионов ее пользователей для отслеживания и прогнозирования динамики китайской экономики. Компания создала «индекс занятости» для национальной экономики, а также «индекс потребления». Кроме того, она похвалялась своей способностью генерировать вполне

конкретные прогнозы, такие как прибыль Apple в Китае во втором квартале того года. «Насколько нам известно, — писали исследователи Baidu, — мы первые, кто измеряет вторую по величине экономику мира с помощью анализа таких беспрецедентно масштабных и детальных пространственно-временных данных»[38].

При всей мощи данных о местоположении еще одна важная испытательная площадка в деле оцифровки тела — носимые технологии и их приложения[39]. В одном сообщении за 2017 год рассказывается о новом поколении носимых устройств, «оснащенных еще большим количеством датчиков и более умными алгоритмами <…> сфокусированными на биометрическом мониторинге <…> и <…> частях тела как каналах сбора данных…». Эти сложные датчики могут получить доступ к «контексту окружающей среды <…> запахам <…> эмоциональному состоянию…»[40]. Google разработал подключенную к интернету ткань, утверждая, что собирается внедрить умные волокна в каждый предмет одежды и каждый кусок материи на Земле. «Если вы можете вплести датчик в текстиль, в сам материал, — объясняет руководитель проекта Иван Пупырев, — вы уходите от электроники. Вы делаете интерактивными основные составляющие окружающего нас мира». Партнерство с компанией Levi's уже привело к созданию «интерактивной джинсовой ткани», из которой, например, изготовляется куртка, впервые представленная на рынке в сентябре 2017 года. Этот материал якобы способен «вычислять поведение», чтобы быть «интерактивным, и в то же время подлинным»[41]. Куртка содержит датчики, которые могут «видеть» сквозь ткань, обнаруживая и расшифровывая такие неуловимые жесты, как подергивание пальца.

Леденящие душу темы Маккея повторяются повсюду в литературе по носимым предметам. Так же, как он настаивал, что телеметрические устройства должны работать «незаметно» для «вольных животных», современные разработчики подчеркивают, что носимые устройства должны быть «ненавязчивыми», чтобы не вызывать никакого беспокойства. Они должны действовать «непрерывно», быть «всепроникающими» и, что особенно важно, иметь «низкую стоимость», чтобы помочь добиться экономии за счет охвата[42]. Ком-

пания цифрового маркетинга Ovum прогнозирует, что к 2020 году на руках будет находиться 650 миллионов носимых устройств, что почти вдвое превышает их количество в 2016 году, и ее исследования показывают, что рост в значительной степени обусловлен притягательностью надзорных доходов. Мобильные рекламодатели, сообщается в исследованиях, видят в носимых устройствах «источник крайне детализированной информации, а также новых типов данных о поведении и использовании. Носимые устройства будущего смогут собирать широкий спектр данных, связанных с текущей активностью пользователя, его здоровьем и эмоциональным состоянием. Эту информацию можно использовать для совершенствования и точной персонализации как самих товаров, так и маркетинговых сообщений…»[43].

Особенно активным испытательным полигоном для носимых сенсорных технологий стало здравоохранение, что может иметь особенно пагубные последствия, учитывая сравнительно невинное происхождение этой идеи. Когда телеметрия впервые перешла от стай и стад Маккея к человеческому животному, одним из первых ее применений было в качестве средства наблюдения за самыми уязвимыми — устройство в виде брелков с кнопками для одиноких пожилых людей. В 2002 году, когда все еще тайный надзорный капитализм совершил свои первые прорывы, в одном обзоре «беспроводной телемедицины» подчеркивалась важность домашнего мониторинга для пожилых людей и для расширения охвата службами здравоохранения в отдаленных районах. Как и в случае с «Осведомленным домом», схема предлагавшейся для таких служб домашнего мониторинга цифровой архитектуры предусматривает только три стороны: это замкнутый контур, связывающий исключительно находящуюся у себя дома пациентку, серверы ее больницы и ее лечащего врача[44]. Ни в одном из этих проектов не предусмотрены какие-либо дополнительные стороны — никаких компаний, фиксирующих ваше поведение, никаких технологических монстров с их дырявыми платформами и проприетарными серверами, превращающими вашу жизнь в излишек, чтобы они могли знать, чего вы захотите дальше, и помогать своим клиентам продать вам это первыми.

До рождения и распространения надзорного капитализма можно было думать о цифровом представлении вашего тела как о чем-то обогащающем доверительные отношения между пациентом и врачом, матерью и ее ребенком, пожилыми родителями и их взрослыми детьми. Когда над цифровой средой стал довлеть надзорный капитализм, такие представления стали нелепостью. И «Осведомленный дом», и проект телемедицины исходят из того, что все поведенческие данные реинвестируются на службе человеку, который и является искомым предметом этих договоренностей, и обеспечивают тем самым спокойствие, доверие и достоинство — шанс для реального познания и расширения возможностей.

Во многих статьях, посвященных мониторингу состоянии здоровья, продолжает подчеркиваться полезность такого мониторинга для пожилых людей, но в целом разговор решительно ушел от прежнего состояния блаженного неведения. Некоторые исследователи ожидают слияния «умных городов» с тем, что сейчас называется «мобильным здравоохранением» (m-health), и появления «умного здоровья», определяемого как «предоставление медицинских услуг с использованием контекстно чувствительной сетевой и сенсорной инфраструктуры умного города»[45]. Для этих нужд в настоящее время существуют надежные датчики, способные оцифровывать все больше физиологических процессов в качестве поведенческих данных, включая температуру тела, частоту сердечных сокращений, активность мозга, движения мышц, кровяное давление, интенсивность потоотделения, расход энергии и движения тела и конечностей. Существуют датчики, которые могут фиксировать аудио-, визуальные и физиологические данные в период послеоперационного восстановления и реабилитации пациента. Был разработан гибкий сенсорный текстильный пластырь, который может превращать в поведенческие данные дыхание, движения рук, глотание и ходьбу. В других приложениях «носимые микромеханические датчики» обеспечивают «точный биомеханический анализ» во время вашей ходьбы или бега, а «нательная сеть» регистрирует и анализирует ходьбу и бег «в экстремальных условиях»[46].

То, что сегодня мы пользуемся медицинскими данными и советами, полученными от наших телефонов, пока

сами эти карманные компьютеры активно пользуются нами, — красноречивое свидетельство неспособности системы здравоохранения удовлетворить нужды людей второго модерна. «Мобильное здравоохранение» вызвало взрывной рост оцифровки и захвата поведенческого излишка тогда, когда люди в рекордных количествах стали обращаться за поддержкой и руководством к своим фитнес-браслетам и диетологическим приложениям[47]. К 2016 году на платформах Google Android и Apple iOS было доступно более 100 000 мобильных медицинских приложений, что вдвое больше, чем в 2014 году[48]. Эти богатейшие данные уже нельзя представлять себе спрятанными в тесном замкнутом цикле, связывающем пациентку и ее врача, или приложение и установившего его бегуна или едока. Конечно, у этой идиллической картины все еще есть свои сторонники, но для надзорных капиталистов эта картина — лишь поблекший дагерротип.

В США большинство приложений, связанных со здоровьем и фитнесом, не подпадают под действие законов о конфиденциальности в отношении медицинской информации, а законы, которые все же затрагивают их, не учитывают должным образом ни новые цифровые возможности, ни отчаянную цепкость надзорных капиталистов. Ожидается, что компании будут саморегулироваться, следуя рекомендациям, предложенным Федеральной торговой комиссией (FTC) и другими правительственными учреждениями. Так, в 2016 году FTC опубликовала список примеров «передового опыта» для разработчиков мобильных медицинских приложений, направленного на повышение прозрачности, конфиденциальности и безопасности. Среди прочего, разработчикам рекомендуется «убедиться, что ваше приложение не получает доступа к информации о потребителе, которая приложению не нужна», «позволять потребителям выбирать конкретные контакты, а не программировать ваше приложение запрашивать доступ ко всем контактам пользователя через стандартный API» и позволять пользователям «выбирать настройки по умолчанию, защищающие конфиденциальность». В том же году Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов объявило, что оно также *не* будет стремиться регулировать прило-

жения для здоровья и фитнеса, сославшись на «низкий уровень риска». Вместо этого агентство выпустило свой собственный набор добровольных руководящих принципов для разработчиков программного обеспечения[49].

Все эти «руководящие принципы» благодушных ведомств упускают из виду неудобную истину: прозрачность и конфиденциальность для надзорных капиталистов — примерно такая же «сила трения», какой были для первых промышленных капиталистов улучшение условий труда, отказ от детского труда или сокращение рабочего дня. В те времена, чтобы изменить условия труда, потребовались точно нацеленные законы, а не советы. Тогда, как и сегодня, проблемы, которые пытаются решить призывами к самоограничению, нельзя было рассматривать как перегибы, ошибки, упущения или просчеты. Они обусловлены господствующей логикой накопления и присущей ей непреклонными экономическими императивами.

Юридическая оценка мобильных медицинских приложений показала, что большинство из них «берут конфиденциальную информацию и данные потребителей без их разрешения и <…> как правило, не сообщают пользователю, что эта информация будет отправлена рекламным компаниям». Эти выводы подтверждаются длинной чередой исследований[50], но давайте сосредоточимся на детальном исследовании 2016 года, проведенном учеными из Школы глобальных проблем Мунка (Университет Торонто) в сотрудничестве с некоммерческой организацией Open Effect, специализирующейся на цифровой конфиденциальности и безопасности. В этом исследовании рассматривались действия по сбору, обработке и использованию данных, связанные с девятью фитнес-трекерами[51]. Семь были выбраны за их популярность, один — потому что он выпускается канадской компанией, а девятым было приложение, посвященное женскому здоровью. Все приложения, кроме двух, передавали каждое зарегистрированное фитнес-событие на серверы компании, что позволяет создавать резервные копии и делиться с друзьями, но также и «анализировать данные» и передавать их третьим сторонам. Одни трекеры передавали идентификационные номера устройств; другие пассивно и непрерывно передавали точные координаты пользователя

по долготе и широте. Эти идентификаторы «позволяют привязать информацию о физической активности и физическом состоянии и биографические данные к начинке конкретного мобильного телефона или к конкретному трекеру…» Никакая часть этой конфиденциальной информации не была необходима для эффективной работы трекера, и большинство «политик конфиденциальности» были в лучшем случае непрозрачными и позволяли «продавать данные или обмениваться ими с третьими сторонами». Как мы знаем, стоит только третьей стороне получить ваш излишек, как он передается другим третьим сторонам, которые делятся с новыми третьими сторонами, и так далее.

Исследователи также проверяли передачу трекерами MAC-адреса Bluetooth, уникального для каждого телефона. Когда этот адрес общедоступен, любая третья сторона, заинтересованная в ваших передвижениях, — розничный продавец, который хочет знать о ваших действиях в торговом центре, страховщики, обеспокоенные тем, соблюдаете ли вы режим тренировок, — может «беспрерывно» отслеживать ваш телефон. Множество наборов данных, накопленных в течение какого-то времени, могут быть объединены, чтобы сформировать тонко детализированную картину ваших перемещений, позволяя использовать таргетированные приложения и повышая вероятность гарантированных исходов. Единственная реальная защита — это когда приложение случайно, но регулярно генерирует новый MAC-адрес для вашего телефона, но из девяти трекеров только трекер Apple выполнял эту процедуру.

Кроме того, ученые обнаружили общее пренебрежение к вопросам безопасности данных, а также возможность генерирования ложных данных. Исследователи отмечают, что потребители, вероятно, будут введены в заблуждение и сбиты с толку, переоценивая меры безопасности и недооценивая «широту персональных данных, собираемых компаниями, которые выпускают фитнес-трекеры». Они заключают:

> Мы обнаружили серьезные уязвимости в плане безопасности, передачу невероятно чувствительных данных геолокации, которые не приносят очевидной пользы конечному по-

> требителю, и <...> политики, оставляющие дверь открытой для продажи данных о физическом состоянии и упражнениях пользователей третьим сторонам без явного согласия пользователей.

Если вы склонны отмахнуться от этого отчета, потому что фитнес-трекеры — это лишь игрушки, то давайте рассмотрим нелицеприятное расследование работы приложений для диабетиков на базе Android, исследовательский отчет о котором вышел в 2016 году в журнале Journal of American Medicine и дает наглядную иллюстрацию того безумия, в которое превратилась оцифровка тела. Исследователи отмечают, что, хотя Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов одобрило ряд приложений, которые передают конфиденциальные данные о состоянии здоровья, закулисные практики этих приложений «*изучены недостаточно*». Ученые рассмотрели 211 приложений для диабетиков и случайным образом отобрали 65 из них для тщательного анализа практики передачи данных[52].

Среди этих приложений сама по себе их установка автоматически «санкционирует сбор и изменение конфиденциальной информации». Исследователи сумели выявить множество закулисных действий: приложения изменяли или удаляли вашу информацию (64%), считывали статус вашего телефона и вашу личность (31%), собирали данные о местоположении (27%), просматривали ваши Wi-Fi подключения (12%) и активировали камеру для доступа к вашим фотографиям и видео (11%). От 4 до 6 % приложений шли еще дальше: они могли просматривать список ваших контактов, звонить по найденным на вашем устройстве телефонным номерам, изменять ваши контакты, читать журнал вызовов и активировать микрофон для записи вашей речи.

Наконец, исследовательская группа раскрыла еще более мрачный секрет: политика конфиденциальности не имеет значения. Из 211 приложений в нашей группе у 81% не было политики конфиденциальности, а у тех, у которых она была, «не все их положения действительно защищали конфиденциальность». Среди приложений *без* политик конфиденциальности 76% передавали

конфиденциальную информацию третьим сторонам, тогда как среди тех, у кого *имелась* политика конфиденциальности, делились данными 79%, но только около половины из них признавались в этом в своих публичных заявлениях о раскрытии информации. Другими словами, политики конфиденциальности правильнее называть *политиками надзора*, что я и предлагаю делать.

Возникает много новых территорий оцифровки тела: органы, кровь, глаза, ритмы головного мозга, лицо, походка, осанка. Каждая из них проявляет уже знакомые нам закономерности и имеет знакомые нам цели. Надзорные капиталисты неустанно борются с любыми попытками ограничить оцифровку. Ожесточенное упорство, с которым они заявляют о своем взятом из воздуха «праве на оцифровку», — достаточное доказательство его основополагающей важности в погоне за надзорными доходами.

Это упорство хорошо иллюстрируется решимостью надзорных капиталистов препятствовать принятию и поддерживать упразднение или ослабление любых законов, регулирующих передачу биометрической информации, особенно распознавание лиц. Поскольку в США нет федерального закона, регулирующего распознавание лиц, то эти сражения происходят на уровне штатов. На сегодняшний момент наиболее полную правовую защиту предлагает Закон о биометрической конфиденциальности Иллинойса, который требует от компаний получения письменного согласия перед сбором биометрической информации любого лица и, среди прочего, предоставляет отдельным лицам право предъявлять иск компании за несанкционированную оцифровку[53].

Организация «Центр за честную власть» (The Center for Public Integrity) совместно с журналистами, защитниками конфиденциальности и правоведами задокументировала активное противодействие надзорных капиталистов этому закону штата Иллинойс и аналогичным законопроектам в других штатах. Обладая уникальными конкурентными преимуществами в распознавании лиц, Facebook считается самой бескомпромиссной из всех технологических компаний в том, что касается биометрических данных; сообщалось, что компания «лихорадочно работает над предотвращением приня-

тия другими штатами закона, подобного закону в Иллинойсе»[54].

Всего за несколько лет Facebook заметно политически окреп, научившись воспроизводить сценарий возведения политических и культурных фортификаций, испытанный Google. Основатель компании, Марк Цукерберг, продемонстрировал железную решимость сохранять свою свободу в пространстве беззакония, сдвигая границы существующих норм и энергично противодействуя даже намекам на новые законы. В период с 2009 по 2017 год компания увеличила свои расходы на лоббирование в 50 раз, создав «огромную лоббистскую армию вашингтонских политических воротил». Вдобавок к расходам на лоббирование в размере 11,5 миллиона долларов в 2017 году Facebook потратил 4,6 миллиона долларов на пожертвования в ходе избирательного цикла 2016 года[55].

Биометрия приносит Цукербергу немалые выгоды. В 2017 году Facebook мог похвастать двумя миллиардами ежемесячных пользователей, загружающими по 350 миллионов фотографий в день — канал поставок, который собственные исследователи корпорации называют «практически неисчерпаемым»[56]. В 2018 году исследовательская группа Facebook объявила, что «преодолела разрыв» и способна теперь распознавать лица «на лету» с точностью до 97,35%, «приближаясь к человеческим показателям». В отчете подчеркиваются преимущества корпорации в области поставок сырья и производства и особенно в использовании «глубокого обучения» на основе «больших обучающих наборов данных»[57]. Facebook объявил о своем стремлении использовать распознавание лиц в качестве средства для более мощного таргетинга рекламы, но еще больший взлет будет вызван огромными возможностями машинного обучения, возникающими при таком количестве фотографий. К 2018 году его машины учились распознавать виды деятельности, интересы, настроение, взгляд, одежду, походку, прическу, тип телосложения и позу[58]. Соответствующие маркетинговые возможности безграничны.

Никого из тех, кто знаком с императивом прогнозирования, не должно удивлять, что, обладая этими преимуществами, Facebook не желает соглашаться на что-

либо меньшее, чем полная победа, в его стремлении к оцифровке лиц ради более прибыльных прогнозных продуктов. Пока что Facebook и его собратья добились успеха, отклонив законодательные инициативы в Монтане, Нью-Гемпшире, Коннектикуте и Аляске и фатально ослабив законопроект, принятый в штате Вашингтон. Среди технологических компаний только Facebook продолжает выступать против этого штатного закона даже в его ослабленном виде[59].

Если остановить оцифровку, надзорный капитализм не устоит, потому что вся затея основана на этом первородном грехе. Этот факт наглядно отразился в публичной драме вокруг неудачной попытки 2015 года подготовить публичные рекомендации по созданию и использованию биометрической информации в рамках добровольного процесса «с участием всех заинтересованных сторон», организованного Национальным управлением по телекоммуникациям и информации под эгидой Министерства торговли США. После нескольких недель переговоров защитники прав потребителей вышли из них в знак протеста по поводу жесткой позиции технологических компаний и их лоббистов по единственной ключевой проблеме: необходимости получения согласия.

Компании настаивали на своем праве использовать системы распознавания лиц для идентификации «незнакомца на улице» без предварительного получения согласия этого человека. Как заявил прессе один из лоббистов, участвовавших в этих переговорах, «каждый человек имеет право фотографировать в общественных местах <…> если кто-то захочет применить распознавание лица, то действительно ли ему нужно получить перед этим согласие?» Специалисты по вопросам конфиденциальности с готовностью отвечали, что для таких действий не существует законно установленного права, не говоря уже о правах, гарантируемых Первой поправкой[60]. Никто не принял во внимание тот факт, что императив прогнозирования делает индивидуальное неведение предпочтительным условием операций по оцифровке — это именно то, что заметила Арендт и предписывал животным в дикой природе Маккей. Первородный грех предпочитает тьму.

Переговоры продолжались без защитников прав потребителей, и в 2016 году Национальное управление по телекоммуникациям и информации выпустило «Рекомендации в области конфиденциальности при коммерческом использовании распознавания лиц». В действительности эти руководящие принципы следует понимать как нечто «рекомендуемое» надзорным капиталистам, но полностью «противопоказанное» всем остальным. На языке этих рекомендаций техническим компаниям, розничным продавцам и всем, кто вознамерился получать надзорные доходы, просто «советуют» «должным образом ознакомить клиентов» со своей политикой по распознаванию лиц. Когда компании устанавливают оборудование для распознавания лиц в определенном физическом месте, то их «поощряют» «уведомлять» об этом потребителей[61]. Операциям по оцифровке молчаливо придается легитимность, не только в силу отсутствия возражений, но и потому, что они представляются неоспоримым фактом, обернутым в дешевые гирлянды беззубых «рекомендаций». Правовед из Джорджтаунского университета Альваро Бедойя, один из тех правозащитников, которые покинули переговоры, обрушился на рекомендации как на «издевательство над принципами честной информационной практики, на которых они якобы основаны»; они не предлагают «никакой реальной защиты» и «не могут восприниматься всерьез»[62].

При надзорном капитализме люди позволяют оцифровывать свой опыт не в силу свободного выбора или каких-либо обязательств, а из-за своего неведения и безальтернативной диктатуры. Повсеместный «аппарат» работает через принуждение и скрытность. Наш жизненный путь неизбежно пролегает через цифровое пространство, где принудительная оцифровка стала фактом, от которого никуда не деться. У нас почти не осталось права знать, права решать, кто будет знать, и права определять, кто будет принимать решения. Это патологическое разделение знания создается и поддерживается тайными распоряжениями, осуществляется невидимыми методами и направляется компаниями, подмятыми под экономические императивы странной новой рыночной формы. Надзорные капиталисты

из-за кулис навязывают свою волю, в то время как актеры исполняют для публики фальшивые колыбельные про «раскрытие информации» и «получение согласия».

Императив прогнозирования превращает то, что мы имеем, в то, что имеет нас, ради того, чтобы оцифровать весь спектр и все богатство нашего мира, наших домов и наших тел в качестве вещей, которым присуще некоторое поведение, для своих расчетов и фабрикаций на пути к прибыли. Однако на этом хроники оцифровки не заканчиваются. Акт второй требует путешествия из наших гостиных и улиц в другой мир, скрытый под поверхностью, — туда, где протекает внутренняя жизнь.

ГЛАВА 9
Оцифровка из глубины

Я ничего не чувствовал и попытался прикоснуться…

Леонард Коэн, *Аллилуйя*

1. Персонализация как завоевание

Генеральный директор Microsoft Сатья Наделла представил Кортану, «персонального цифрового помощника» корпорации, на ежегодной конференции Ignite в 2016 году:

> Это персональный цифровой помощник нового типа — это «среда выполнения», новый интерфейс. Она понимает ввод текста. Она понимает речь. Она хорошо знает вас. Она знает ваш контекст, вашу семью, вашу работу. Она знает мир. Она безгранична. Другими словами, речь о вас, а не о каком бы то ни было устройстве. Она всегда с вами. Она доступна на любом телефоне: iOS, Android, Windows — не имеет значения. Она доступна во всех приложениях, которые вы будете использовать в своей жизни[1].

Это новый рубеж поведенческого излишка, где ради чужих прибылей на свет божий извлекается темный континент данных вашей внутренней жизни — ваши намерения и мотивы, значения и потребности, предпочтения и желания, настроения и эмоции, личность и склонности, правдивость или жульничество. Суть не в том, чтобы помочь вам, а в том, чтобы оцифровать его весь в качестве неизмеримо крошечных частичек поведения, которые можно будет включить в расчеты, так чтобы каждая заняла свое место на конвейерной ленте, идущей от сырья к разработке продукта, производству и продажам.

Вторжение машин в человеческие глубины идет под лозунгом «персонализация», который показывает, с каким смаком и цинизмом решается мрачная задача эксплуатации потребностей и опасений второго модерна ради получения сверхприбыли. С точки зрения им-

ператива прогнозирования персонализация — средство «индивидуализации» поставок, необходимых для обеспечения непрерывного потока поведенческого излишка из самых глубин. Этот процесс может идти успешно только в условиях нашей непрекращающейся жажды признания, благодарности и особенно поддержки.

Напомним, что наметить этот курс помог главный экономист Google, Хэл Вэриан. «Персонализация и кастомизация» — это третье из «новых применений» компьютеризации взаимодействий. Вместо того чтобы ждать ваших вопросов, Google должен «понять, что вы хотите узнать, и сообщить это вам, прежде чем вы успеете спросить». Эта задача была поставлена перед Google Now, первым цифровым помощником корпорации. Вэриан предупреждал, что людям придется давать Google еще большую часть себя, чтобы использовать все возможности приложения: «Google Now должен много знать о вас и вашей среде, чтобы предоставлять эти услуги. Некоторых это тревожит». Он старается развеять любые опасения, утверждая, что передача личной информации Google ничем не отличается от сообщения разного рода деликатных сведений врачам, юристам и бухгалтерам. «Почему я готов поделиться всей этой личной информацией? — спрашивает он. — Потому что я получаю что-то взамен <…> Такие цифровые помощники будут настолько полезны, что каждый захочет их иметь». Вэриан уверен, что потребности людей второго модерна подорвут любое сопротивление оцифровке личного опыта, как условию выполнения обещания менее напряженной и более эффективной жизни[2].

В действительности персонализация, как ее понимает Вэриан, — полная противоположность тем отношениям с доверенными специалистами, на которые он ссылается. Врачи, бухгалтеры и адвокаты связаны по рукам и ногам взаимозависимостями и обязательствами, обусловленными глубокой институционализацией в виде профессионального образования, кодексов поведения и процедур оценки и надзора. Нарушители этих норм рискуют навлечь на себя наказания как со стороны профессионального сообщества, так и со стороны закона. Google и его собратья по надзорному капитализму не несут таких рисков.

Замечания Вэриана представляют собой один из тех редких случаев, когда туман технологической риторики рассеивается ровно настолько, чтобы можно было разглядеть полезность социального и экономического неравенства для стратегических целей надзорного капитализма. Согласно рассуждениям Вэриана, неравенство позволяет поднять ставки в сделке, в рамках которой Google обещает шанс на полноценную жизнь. Он говорит, что один из способов предсказать будущее — обратить внимание на то, что есть у богатых, потому что это также и то, чего захочет и средний класс, и бедные. «Что есть сегодня у богатых? — риторически вопрошает он. — Личные помощники».

То, что предметы роскоши одного поколения или класса становятся предметами первой необходимости для следующего, было одним из основополагающих факторов эволюции капитализма в течение последних пяти столетий. Историки описывают «потребительский бум», который спровоцировал первую промышленную революцию в Великобритании в конце XVIII века, когда благодаря таким провидцам, как Джозайя Веджвуд, и вследствие развития мануфактур пробившиеся в средний класс семьи начали приобретать фарфор, мебель и ткани, которыми до этого могли похвастать только богатые. Эта новая «склонность к потреблению» считается «беспрецедентной по глубине проникновения в низшие слои общества…»[3] В 1767 году политэконом Натаниэль Форстер беспокоился, что «модная роскошь» распространяется «как зараза», и жаловался на «вечное неодолимое стремление всех людей низшего звания возвыситься до уровня тех, кто чуть выше их…»[4] Адам Смит подробно писал об этом социальном процессе, отмечая, что предметы роскоши высшего сословия со временем могут превратиться в «предметы необходимости». Это происходит по мере того, как «устоявшиеся правила приличия» меняются, отражая новые обычаи, введенные верхами, что провоцирует изобретение более экономных способов производства, которые превращают прежде недостижимое в ставшие вдруг доступными товары и услуги[5]. «Модель Т» Форда — выдающийся пример этой последовательности в XX веке.

Вэриан представляет персонализацию как современный эквивалент этой исторической динамики, новый

«предмет первой необходимости» для изможденных масс, страдающих от тягот, связанных со стагнацией роста зарплат, трудностью распределения обязанностей в семье, где оба родителя работают, равнодушными корпорациями и выхолощенными жесткой экономией институтами государства. Вэриан ставит на то, что цифровой помощник будет настолько важным ресурсом в борьбе за полноценную жизнь, что обычные люди согласятся заплатить требуемую им цену. «Джина не загнать обратно в бутылку, — настаивает Вэриан, уверенный в неизбежности такого развития. — Каждый будет понимать, что за ним следят и за его действиями наблюдают, поскольку преимущества с точки зрения удобства безопасности и обслуживания будут столь велики <...> постоянный мониторинг будет нормой»[6]. Каждый — за исключением тех, кто достаточно богат или достаточно упрям, чтобы достичь эффективной жизни без помощи Google и, таким образом, избежать наиболее вопиющих крайностей оцифровки. Когда привилегиями богатых станут права на принятие решений и на самоопределение, что Вэриан будет отвечать тем, кто возжелает того же?

Исторически прорыв к производству более доступных товаров и услуг вызвал взрывное расширение производства и занятости, рост заработной платы и повышение уровня жизни для многих. Вэриан не предусматривает подобной взаимности. Вместо этого он тычет пальцем в открытую рану тревог второго модерна и запрягает нашу боль для выполнения задач надзорного проекта. У Вэриана жажда новых предметов первой необходимости истолковывается как подходящая возможность заняться изъятием, тем более что она удобно обеспечивает оправдание подобного изъятия вплоть до самых глубин.

Google Now был первым шагом, хотя позже он будет выглядеть, скорее, как фигура прикрытия и способ вызвать привыкание, прокладывая путь тому, что ждет впереди. Окрещенный «интеллектуальным поиском», он объединил в себе все системы, когда-либо созданные Google, в том числе достижения корпорации в области голосового поиска и нейронных сетей, ее знания о мире, представленные в насчитывающем миллиард единиц «графе знаний», и непревзойденные возможности ее ма-

шинного интеллекта. Вся эта огневая мощь была сконцентрирована для того, чтобы учиться на вашем контенте, контексте и поведении не только через поиск, электронную почту и календарь, но и с помощью данных вашего телефона, включая перемещение, местоположение, действия, речь и приложения. На этот раз целью было не только продать рекламу, но и «предугадать, какая информация вам понадобится в каждый данный момент», по мере вашего передвижения по реальному миру[7].

Как похвалялись в рекламном ролике, «Google Now всегда на шаг впереди, поэтому вы можете чувствовать себя более уверенно в ваших делах <…> с прогнозирующей силой Now вы получаете именно то, что хотите знать, именно тогда, когда нужно». Один автор назвал новую услугу «поисковиком, который стал частью вас»[8]. Информационные карточки приложения всплывают на домашнем экране вашего телефона, предугадывая ваши нужды: уведомление об изменении времени полета, погоде и пробках, близлежащих ресторанах и магазинах, о том музее, который вы хотели посетить. Один из руководителей Google рассуждал, что, поскольку Google уже знает о вас все это, то он вполне может превратить его в сервис, который откроет компании доступ к еще большей информации:

> Google будет знать, когда мой рейс, пришла ли уже посылка и где моя жена и сколько времени ей понадобится, чтобы добраться до дома сегодня вечером… Конечно, Google знает все эти вещи[9].

Прогнозирующие возможности Google Now следуют шаблону, который мы неоднократно видели: они основаны на машинных процессах, обученных на непрерывных потоках виртуального и реального поведения. Почему Google выделил столько машинных мощностей и ценных излишков, чтобы так заботливо помогать вам в течение дня? Причина в том, что в лице Google Now к нам пришло новое поколение прогнозных продуктов.

Революционный сканер Google сделал возможной молниеносную индексацию всемирной паутины, повсеместный «аппарат» сделал возможными новые операции по сканированию реальности, и теперь, на этом третьем этапе, требуются особые операции обеспечения

поставок, чтобы сканировать наши жизни. В Google Now можно увидеть первую вылазку в это новое пространство, в ходе которой способность веб-сканера находить информацию сочетается с новыми операциями по *сканированию жизни*, цель которых — оцифровать, предугадать и, как мы увидим, в конечном итоге изменить ваше поведение. Поведенческий излишек, собранный онлайн и офлайн, — содержимое электронной почты, где вы были днем, что сказали, что сделали, как себя чувствовали, — объединяется в прогнозные продукты, пригодные для нового рынка, где на продажу выставлены все стороны вашей повседневной реальности.

Еще один пример этого нового этапа — «М» от Facebook, запущенный в 2015 году как часть приложения Messenger. Он был представлен как «персональный цифовой помощник <…> который выполняет задачи и находит за вас информацию <…> основанный на искусственном интеллекте, обученном и контролируемом людьми»[10]. Вице-президент Facebook, отвечающий за приложения обмена сообщениями, так охарактеризовал назначение М: «Мы начинаем улавливать все ваши намерения, исходя из того, что вам необходимо сделать. Намерения часто приводят к покупке чего-либо или к сделке, и с течением времени это даст нам возможность [зарабатывать деньги]». Самое главное, подчеркнул вице-президент, это то, что «М учится на человеческом поведении»[11]. Машины корпорации будут обучаться на излишках, полученных от 700 миллионов ежедневных пользователей Messenger. Со временем, надеялись в Facebook, деятельность М будет полностью автоматизирована и не потребует людей-инструкторов.

К 2017 году Facebook умерил свои амбиции в области искусственного интеллекта и сосредоточил усилия личного помощника на его основной задаче: коммерции. «Команда, занятая помощником, сейчас ищет способы активировать коммерческие намерения пользователя внутри Messenger», — сообщал один из руководителей Facebook[12]. Идея в том, чтобы «отдать приоритет коммерческой составляющей пользовательского опыта» и разработать для пользователей новые способы «быстрой покупки» без обременительного ввода информации о кредитной карте, листания страниц или запуска

приложений. Каждый раз, когда во время вашего разговора с друзьями система выявляет возможное «коммерческое намерение», появляется всплывающая кнопка. Чтобы что-то заказать, купить или забронировать, просто нажмите на нее — и система сама сделает все остальное[13].

Тем самым «персональный цифровой помощник» раскрывается как инкарнация рынка, как еще один троянский конь, в котором решимость оцифровать и монетизировать вашу жизнь преподносится как «помощь» и расцвечивается поэзией «персонализации». Его дружеские рекомендации, советы и готовность действовать от вашего имени едва скрывают новый агрессивный рыночный космос, нависающий над каждым аспектом вашей повседневной жизни. Он может состоять из ресторанов, банков, сантехников, торговцев, продавцов билетов, авиакомпаний и бесконечной очереди всевозможных незнакомцев, которых приведет к вам их интерес к вашему поведению: прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. Они стоят наготове, чтобы успеть заработать на вашем пути на работу, вашем разговоре с ребенком-подростком или ваших стареньких кроссовках. Цифровой помощник может перенять ваши склонности и предпочтения, но это будет другое существо, в неизвестной степени искаженное и изуродованное невидимыми рыночными методами и конкуренцией, которые оно призвано скрыть.

Google присоединился к другим технологическим компаниям, решившим утвердить «разговор» в качестве главного средства, с помощью которого люди взаимодействуют с «аппаратом». Со временем одержимость голосом может отойти на второй план или к ней добавится что-то другое, так что простая мысль или движение пальца будет переводиться в действие или инициировать его. Но на данный момент есть веские причины для гонки за произнесенным словом. Первая из них очевидна: надежное распознавание голоса может трансформировать обширный ландшафт взаимодействий с сервисами в недорогой автоматизированный процесс теоретически неограниченного масштаба и охвата — факт, давно известный тем, кто занимается экономикой труда[14]. Конкурентную гонку между представителями нового поколения «персональных цифровых помощников» лучше

всего понимать именно под этим углом. Голос, который выйдет в ней победителем, Единый Голос, станет самым колоссальным каналом поставок поведенческого излишка, дающим потенциально непреодолимое конкурентное преимущество в своей способности завлечь и прибрать к рукам львиную долю человеческого опыта.

«Разговор» уникален в своем обещании доминирования в поставках сырья, и обладателя Единого Голоса ждет астрономическая награда. Неформальный диалог помогает стереть грань между «этим» — «аппаратом», насыщенным коммерческими агентами — и нами. Разговор предполагает дружественность. Чем больше мы представляем себе аппарат в качестве нашего доверенного лица, няни, гувернантки и системы поддержки — бестелесной, всепроникающей личной «миссис Даутфайер», — тем больше опыта мы позволяем ему оцифровать и тем богаче становятся его операции по обеспечению поставок. Общение — первая из человеческих радостей, и голосовой интерфейс ценится за легкость, с которой простое высказывание может вызвать действие, особенно рыночное: «Да будет свет». «Да будут новые кроссовки». Что может больше напоминать волшебный сон, чем ты сказал — и так оно и стало? Старший вице-президент Amazon комментирует управляемые голосом домашние устройства компании:

> Приятная вещь в бизнесе устройств Amazon состоит в том, что, когда мы продаем устройство, люди в целом начинают покупать больше синих джинсов. И маленьких черных платьев. И обуви. Так что это хорошо.

«Голосовой шопинг», заключает он, хорош для бизнеса и хорош для прогнозирования бизнеса[15].

В «разговоре», обращенном к цифровому устройству, в отличие от разговора в магазине, слова могут возникать на лету, с большей легкостью и меньшим усилием; там меньше сдержанности, раздражения и сравнений; меньше беспокойства о состоянии своего банковского счета или о том, откуда поставляется продукт или услуга; меньше сомнений и колебаний; меньше воспоминаний и сожалений. Говорящий чувствует себя в центре плавно текущей вселенной. Все швы спрятаны за кулисами, где машины сталкиваются и преодолевают упрямые

источники трения, такие как отдельные приложения и объекты; непокорные административные службы, системы дистрибуции, платежей и доставки; препятствия и границы, которые угрожают потокам желания и удовлетворения. Спонтанное и текучее, всеохватное журчание ваших «разговоров» превращает нового личного цифрового помощника в голос, который располагается между вашей жизнью и новыми рынками, где она продается, между вашим опытом и аукционами, где делают на него ставки — «среда выполнения, новый интерфейс», создающие ощущение вашего всемогущества, хотя на самом деле вы лишаетесь последних его следов.

В этом коммерческом сновидении слова, которые когда-то воспринимались как сказанные «за закрытыми дверями», с готовностью оцифровываются в качестве поведенческого излишка. Эти новые операции снабжения преобразуют ваш разговор в излишек двумя способами. Первый строится на том, *что* вы говорите, второй — *как* вы это говорите. Устройства «умного дома», такие как Amazon Echo или Google Home, оцифровывают целые реки случайных разговоров, тонкий контент-анализ которых выдает затем улучшенные прогнозы, «предугадывающие» ваши нужды. На конференции разработчиков в 2016 году Google представил публике диалоговую реинкарнацию Google Now, переименованного теперь в «Ассистента» и интегрированного во все устройства, сервисы, инструменты и приложения компании. «Мы хотим, чтобы пользователи вели постоянный двусторонний диалог с Google. Мы хотим помогать вам в ваших делах в реальном мире, и мы хотим делать их за вас, — пояснил генеральный директор Google Сундар Пичаи. — Скажем, вы стоите перед тем сооружением в Чикаго и спрашиваете Google: „Кто это придумал?“ Вам не нужно говорить „Фасолинка“ или „Клауд-Гейт“. Мы понимаем контекст и отвечаем, что скульптуру создал Аниш Капур»[16].

Google-ассистент пришел уже интегрированным в новый мессенджер Google под названием Allo, где он может искать информацию, выполнять задачи или даже составлять от вашего имени простые сообщения. Самое главное, Ассистент оживляет домашнее устройство фирмы, Google Home[17]. Идея в том, что со временем устройство

(или его преемник) сможет претендовать на оцифровку теоретически безграничных объемов одушевленных и неодушевленных домашних процессов: разговоры, лампочки, запросы, режим дня, движение, планирование поездки, системы отопления, покупки, безопасность дома, медицинские проблемы, музыку, связь с другими людьми и многое другое.

Было время, когда вы искали в Google, но теперь Google обыскивает вас. В рекламе Google Home фигурируют любящие семьи, которые ведут занятую, сложную жизнь, но с видимым облегчением возвращаются домой и падают в объятия этого всезнающего, эффективного смотрителя. Эта сбывшаяся мечта второго модерна требует необычайно высокую плату за обещание более полноценной жизни. Чтобы каждый пользователь мог, как хочет Пичаи, иметь свой собственный личный Google, Google должен иметь каждого пользователя[18].

Способность смотрителя эффективно вам служить полностью зависит от того, в какой степени ваша жизнь, знаете вы об этом или нет, оцифрована ради его служения. Ширина и глубина оцифрованной жизни соответствуют масштабу рыночных действий, которые могут быть инициированы и опосредованы Ассистентом. Между различными инкарнациями «персонализации» и «помощи», предлагаемыми техническими гигантами, существуют определенные различия, но они тривиальны по сравнению с коллективным стремлением к тотальному знанию — знанию о ваших внутренних состояниях, контексте реального мира и конкретных повседневных жизненных действиях — и все это ради успешного обучения машин, чтобы они могли лучше нацеливать рыночные операции на каждый момент вашей жизни.

Все потенциальные действия рынка, связанные с тем, что вы говорите, зависят от голосовой активации, распознавания голоса и голосового ответа. Все это, в свою очередь, — продукт сложнейших машинных систем, обученных на безграничных глобальных запасах произнесенных слов. Чем лучше эти машины структурируют разговорный излишек, тем больше продаж обеспечивает его контент. Это значит, что всю ценность того, что вы говорите, нельзя реализовать без машин, которые смогут извлекать информацию из того, *как* вы это говори-

те. Эта форма излишка основана на *структуре* вашей речи — словарном запасе, произношении, интонации, модуляциях, темпе, диалекте.

Соперничество за поставки слов превращает ваши фразы в эту вторую форму излишка, по мере того как компании, настроенные на развитие и совершенствование голосовых возможностей, прочесывают весь мир в поисках человеческой речи. «Amazon, Apple, Microsoft и китайский Baidu открыли всемирную охоту за терабайтами человеческой речи, — сообщает издание Bloomberg Businessweek. — Microsoft построил в городах всего мира демонстрационные „квартиры“ для записи голосов добровольцев в домашней обстановке». Технологические компании фиксируют потоки разговоров со своих умных интеллектуальных устройств и смартфонов, записывая и сохраняя ваши слова. Китайская поисковая фирма Baidu собирает речь на каждом диалекте: «Затем они берут все эти данные и обучают на них свои компьютеры понимать слова и отвечать на команды и запросы»[19].

Записи ваших разговоров регулярно и массово рассылаются сторонним фирмам, которые проводят «аудиосверку», в процессе которой виртуальным оценщикам поручается оценить степень соответствия между машинным текстом и исходным фрагментом человеческой речи, прослушивая аудиозаписи, сохраненные со смартфонов, приложений-мессенджеров и цифровых помощников. Такие компании, как Amazon, Google и Microsoft, используют этот аудиоанализ для совершенствования алгоритмов своих голосовых систем. Технологические компании настаивают, что такие записи полностью анонимны и представляют собой не более чем безымянные голоса. «У партнеров нет возможности связать образцы голоса с конкретными людьми», — заявил представитель Microsoft. Но одна журналистка, которая нанялась на работу в качестве виртуального оценщика аудиозаписей, пришла к совершенно противоположному выводу, слушая записи, полные страсти, интимных деталей и легко идентифицируемой личной информации:

> В самих записях пользователи охотно выдают личную информацию — информацию, которая особенно ценна в процессе оценки, поскольку она настолько специфична.

> Необычные имена, города и поселки с труднопроизносимыми названиями, гиперлокальные особенности <…> Я слышала, как люди называют свои полные имена, чтобы инициировать звонок или предлагают информацию, выдающую местонахождение, назначая встречу с врачом <…> на этих записях люди говорят вещи, которые они не хотели бы, чтобы кто-то когда-то услышал, анонимно или нет <…> И ничто особенно не удерживает людей, которые слушают эти записи, от того чтобы поделиться ими с кем-то еще[20].

На распознавание речи направляются также немалые капиталовложения, и Smart TV от Samsung иллюстрирует некоторые из этих закулисных процессов. Бизнес-аналитики регулярно предсказывают устойчивый рост рынка устройств с интернет-подключением, и Samsung входит в небольшую группу лидеров этого рынка. Его устройства используют платформу операционной системы Android, и еще на ранних этапах фирма создала альянсы с Nest (дочерней компанией Alphabet/Google) и с Cisco. «Наша первоочередная миссия — добавить в вашу сетевую жизнь ваш дом», — объяснял в 2014 году один из высших руководителей фирмы[21]. В 2015 году защитники конфиденциальности обнаружили, что умные телевизоры корпорации даже слишком умны и записывают все сказанное в непосредственной близости от них — *дай, пожалуйста, соль; у нас кончился стиральный порошок; я беременна; давайте купим новую машину; мы собираемся в кино; у меня редкая болезнь; она хочет развода; ему нужна новая коробка для завтрака; ты меня любишь?* — и отправляют все эти разговоры для транскрибирования другому лидеру рынка систем в области распознавания голоса, компании Nuance Communications[22].

«Политика надзора» этого телевизора — да-да, даже к телевизору сегодня прилагается *политика надзора* — раскрывает несколько уровней надзора и коммерческого интереса, действующих неведомо для нас в наших домах. Samsung признает, что голосовые команды, предназначенные для запуска функций распознавания голоса на телевизоре, отправляются третьей стороне, и добавляет: «Пожалуйста, имейте в виду, что, если произнесенные вами слова содержат личную или другую конфиденциальную информацию, то эта информация окажется среди данных, записанных и переданных третьей сторо-

не при использовании Распознавания голоса»[23]. Samsung отказывается от ответственности за политику сторонних фирм, как это делают почти все «политики надзора», включая политику той фирмы, которая фактически собирает и переводит разговоры своих ничего не подозревающих клиентов. Samsung рекомендует: «Вам следует проявлять осторожность и просматривать заявления о конфиденциальности, относящиеся к сторонним вебсайтам и услугам, которыми вы пользуетесь»[24]. Отважный потребитель, решившийся изучить эти документы, не найдет никакой подмоги в политике конфиденциальности Nuance, только тот же самый катехизис, который предлагает Samsung и почти любая другая компания. Samsung также побуждает вас ознакомиться с политикой конфиденциальности тех компаний, которым он продает ваши разговоры, и так далее: принудительный марш, ведущий к безумию или к капитуляции[25].

По крайней мере в Калифорнии законодатели приняли закон, запрещающий подключенным к интернету телевизорам собирать голосовые данные без соответствующей «информации на видном месте», а также запрещающий использование таких данных для сторонней рекламы[26]. Однако, как мы знаем из нашего исследования цикла изъятия, экономические императивы, побуждающие надзорных капиталистов собирать поведенческий излишек, остановить не так-то легко. К 2016 году Samsung с новым усердием продолжил развивать тайную оцифровку и сеть каналов поставок поведенческого излишка на основе Smart-TV, позиционируя свои новые модели в качестве центра новой «экосистемы умного дома Samsung Smart Things на открытой платформе, поддерживающей тысячи устройств», включая вентиляторы, светильники, термостаты, камеры видеонаблюдения и замки, — и все это с помощью одного универсального пульта дистанционного управления, способного понять любую вашу устную команду[27].

В 2017 году Федеральная торговая комиссия достигла урегулирования на сумму 2,2 миллиона долларов по иску, возбужденному Управлением генерального прокурора Нью-Джерси в отношении компании Vizio, одного из крупнейших в мире производителей и дистрибьюторов умных телевизоров с поддержкой интернета. По всей

видимости, Vizio ведет даже более агрессивные операции по поставкам излишка, чем Samsung. Следователи установили, что «каждую секунду Vizio берет часть пикселей на экране и сопоставляет с базой данных телевидения, фильмов и коммерческого контента». Затем компания собирала дополнительные данные о просмотре, исходя из «провайдера кабельного телевидения или широкополосной связи, телевизионной приставки, устройства потокового вещания, DVD-плеера и эфирной передачи». Все это давало в сумме до 100 миллиардов наблюдений в день только с 11 миллионов телевизоров, указанных в документе[28]. Vizio маскировал свои операции по обеспечению поставок поведенческого излишка за настройкой под названием «Интеллектуальная интерактивность», которая характеризовалась для потребителей как опция, «позволяющая предлагать и рекомендовать передачи» без какого-либо указания на ее действительные функции.

В необычно живом сообщении в своем блоге Федеральная торговая комиссия так описывает прямые продажи Vizio этого поведенческого излишка:

> Vizio затем превращал эту гору данных в наличные, продавая пользовательские истории просмотра рекламодателям и другим организациям. И давайте скажем ясно: мы не говорим о сводной информации о тенденциях просмотра в стране. Согласно жалобе Vizio перешел на личности. Компания предоставляла IP-адреса потребителей агрегаторам данных, которые затем сопоставили адрес с конкретным потребителем или домохозяйством. Соглашения Vizio с третьими сторонами запрещали повторную идентификацию потребителей и домохозяйств по имени, но допускали множество других личных данных — например, пол, возраст, доход, семейное положение, размер домохозяйства, образование и домовладение. И Vizio позволял этим компаниям отслеживать своих потребителей на разных устройствах и нацеливать на них рекламу[29].

В одновременно сделанном заявлении исполняющая обязанности председателя FTC Морин К. Олхаузен подчеркивает, что урегулирование вышло на новый рубеж, поскольку в нем утверждалось, что «индивидуальная история просмотра телевизионных программ подпадает под определение конфиденциальной информации», которая заслуживает защиты со стороны FTC[30]. Такая мера не сможет остановить лавину других подобных вторже-

ний, поскольку императив прогнозирования устроил настоящую охоту на еще не известные разговоры из повседневной жизни. Оцифровка захватила даже самые невинные источники излишка, такие как игрушки, которые стали теперь «игрушками-шпионами». Интерактивные куклы и игрушечные роботы нового поколения, включая куклу по имени «Моя подруга Кайла», оказываются центрами снабжения детским поведенческим излишком, подвергая маленьких детей и смартфоны их родителей «постоянному надзору <…> без каких-либо значимых мер по защите данных»[31].

Популярные игрушки, продаваемые компанией Genesis Toys, привязаны к мобильному приложению, которое после установки на смартфон «обеспечивает обработку данных», позволяя игрушке записывать и понимать все, что говорит ребенок[32]. По ходу дела приложение получает доступ к большинству функций телефона, включая такие, которые не имеют отношения к работе игрушки, вроде списка контактов и камеры. Приложение через Bluetooth связывает игрушку с интернетом и записывает и выгружает речь, по мере того как игрушка активно вовлекает ребенка в разговор. Одна кукла, о которой шла речь в жалобе, систематически побуждает детей предоставлять личные данные, в том числе информацию о том, где они живут.

Разговоры ребенка переводятся в текст с помощью стороннего программного обеспечения для распознавания голоса, снова от Nuance Communications, и эта информация используется для получения ответов на вопросы ребенка с помощью Поиска Google и других веб-источников. Исследователи обнаружили, что аудиофайлы с детской речью (Nuance называет их «диалоговыми блоками») загружаются на серверы компании, где они анализируются и хранятся[33]. Как и следовало ожидать, эти диалоговые блоки продолжают жизненный путь уже в виде поведенческого излишка, примерно так же, как звуки, записанные телевизорами Samsung, продаваясь вновь и вновь поставщикам «других услуг и продуктов», как и указано в соглашении об условиях предоставления услуг Genesis.

Тем временем идет в наступление одна из крупнейших в мире компаний по производству игрушек, Mat-

tel, со своими инновациями по части интерактивных, подключенных к интернету и управляемых машинным интеллектом игрушек, во главе с новой умеющей вести диалог куклой Барби и ее Домом мечты[34]. Умный, управляемый голосом кукольный домик знает более сотни команд, таких как «опустить лифт» и «включить диско-шар» — новый способ вызывать привыкание, нацеленный на нормализацию «повсеместности» в домашнем пространстве. «Новый умный дом Барби разложил все по полочкам, — ликовал журнал Wired. — Идеальная детская кроватка Барби управляется голосом <…> Вот каким должен быть настоящий умный дом: все великолепно работает с помощью универсального голосового управления вместо мешанины разнородных приложений, съедающих место на вашем телефоне <…> Будущее подано»[35].

В этом будущем дети знакомятся с Единым Голосом — средой выполнения, новым интерфейсом. Он доступен везде, чтобы выполнять их команды, предугадывать их желания и формировать их возможности. Вездесущность Единого Голоса с его капризным и нетерпеливым «вашим личным торговым центром», скрытым под его оболочкой, многое меняет. Интимность, какой мы ее себе представляли, нарушена, если не устранена совсем. Уединение удалено в корзину. Сначала дети узнают, что между «я» и рынком нет никаких границ. Позже они будут удивляться, как могло быть иначе.

Когда в январе 2017 года в Mattel наняли нового генерального директора, неудивительно, что он оказался выходцем из Google, который раньше отвечал за коммерческие и рекламные операции Google по Северной и Южной Америке[36]. Большинство аналитиков сошлись на том, что это назначение ознаменовало приверженность Mattel ее инновациям в области интернет-игрушек и виртуальной реальности, но назначение лучше позволяет смену приоритетов: компания теперь занимается не созданием замечательных продуктов *для* вас, а сбором замечательных данных *о* вас.

Кукла, которая когда-то была любимым зеркалом безграничного детского воображения, вместе со всеми другими игрушками в ящике для игрушек — а также сам ящик, и комната, в которой находится ящик,

и дом, в котором находится комната, — все стоит в очереди на оцифровку, расчет, подключение к интернету и получение прибыли. Уже не просто вещи, теперь это носители миллиона коммерческих возможностей, штампуемых из блоков наших диалогов и разнородного золотого песка.

В 2017 году немецкое Федеральное агентство по сетям запретило использование куклы Кайлы, признав ее незаконным устройством для слежки, и призвало родителей уничтожить любые такие куклы, которые у них имеются. В США Федеральной торговой комиссии еще только предстоит предпринять какие-либо действия против этой куклы или Genesis Toys. Между тем «подключенный» кукольный домик готовит наших детей и наши семьи к «подключенной» комнате (об этом проекте Mattel объявила в январе 2017 года, но девять месяцев спустя, когда родители и защитники конфиденциальности подняли шум, положила его на полку), что открывает путь к «подключенному» дому, производители которого надеются притупить наши чувства по отношению к «подключенному» миру, пока мы идем по пути к предопределенной «повсеместности» и обещанным ею надзорным доходам[37].

В погоне за *что* и *как* голосового излишка логика конкуренции состоит в том, чтобы заманивать к себе как можно большее его количество. Этот позыв к тотальности создает конкурентное давление, требующее от каждого стать *той самой* «средой выполнения» и *тем самым* «новым интерфейсом» — доминирующей, если не единственной, средой, через которую мы получаем доступ к «аппарату» и задействуем его, в то время как он задействует нас. Это гонка за то, чтобы прибрать к рукам все «разговоры» как необходимое условие достижения привилегированного статуса Единого Голоса, который наделяет победителя способностью предвидеть и монетизировать каждый момент жизни каждого человека в течение каждого дня.

Мессианское устремление к тотальности и превосходству проявляется в риторике и стратегиях ключевых участников этой гонки. Хотя и Google, и Microsoft, и Amazon, и Samsung претендуют на доминирование в захвате голоса, самый показательный пример — это

Amazon, его машинный ассистент Alexa и его растущая линейка узлов Echo и колонок Dot. Похоже, что Alexa стала пороговым событием, которое определит Amazon не только в качестве агрессивного капиталиста, но и в качестве надзорного капиталиста[38].

Amazon агрессивно открывал Alexa для сторонних разработчиков, чтобы расширить спектр «навыков» помощника, таких как чтение рецептов или заказ пиццы. Он также открыл свою платформу для производителей устройств умного дома, от систем освещения до посудомоечных машин, превратив Alexa в единый голос для управления вашими домашними системами и приборами. В 2015 году Amazon объявил, что Alexa будет продаваться как услуга под названием Amazon Lex, позволяющая любой компании интегрировать мозг Alexa в свои продукты. Amazon Lex описывается как «услуга встраивания диалоговых интерфейсов в любое приложение, использующее голос и текст <…> Lex позволяет вам создавать совершенно новые категории продуктов»[39]. Как объяснил старший вице-президент по Alexa, «Наша цель — попытаться создать своего рода открытую нейтральную экосистему для Alexa <…> и сделать ее настолько распространенной, насколько возможно»[40].

К 2018 году Amazon заключил сделки со строительными компаниями, встраивая свои колонки Dot непосредственно в потолки по всему дому, а также устройства Echo и сопряженные с Alexa дверные замки, выключатели, системы безопасности, дверные звонки и термостаты. Как говорится в одном отчете, «Amazon может получать более полные данные о жизненных привычках людей…» Компания хочет продавать услуги в реальном мире, такие как уборка дома, ремонт сантехники и доставка пищи, но, по мнению некоторых инсайдеров, эти замыслы простираются еще дальше: всеведущий голос, который знает все, что с вами было и предвидит все ваши действия[41]. Патенты Amazon с прицелом на будущее уже включают разработку «алгоритма голосового анализатора», встраиваемого в любое устройство и способного реагировать на такие ключевые слова, как «купить», «не нравится» или «люблю», предлагая продукты и услуги[42].

Amazon вышел на охоту за поведенческим излишком[43]. Это объясняет, почему компания присоединилась

к Apple и Google в соперничестве за приборную панель вашего автомобиля, заключив альянсы с Ford и BMW. «Покупки за рулем» означают, что рынки поведенческих фьючерсов разместятся на вашем переднем сиденье. Alexa поджидает наготове с рекомендацией ресторана или советом о том, где проверить ваши шины. Слова о «настолько распространенной, насколько возможно» объясняют, почему Amazon хочет, чтобы устройство Echo/Alexa также функционировало в качестве домашнего телефона, способного совершать и принимать звонки; почему компания подписала соглашение об установке Echo в почти 5000 комнатах отеля Wynn в Лас-Вегасе; и почему она продает Alexa колл-центрам для автоматизации процесса ответа на вопросы клиентов в прямом эфире по телефону и текстовыми сообщениями[44]. Каждое расширение территории Alexa увеличивает объем голосового излишка, который поступает на серверы Amazon и отправляется Alexa.

Путь к коронации Единого Голоса нелегок, и есть другие ходоки, решившие пробиться к финишной черте. Google тоже хочет, чтобы его «личный помощник» Google Home подвизался в качестве вашего домашнего телефона. Другой претендент — Samsung, который приобрел Viv, новую мощную голосовую систему, созданную первоначальными разработчиками личного помощника Apple Siri, разочарованными ограниченным подходом Apple. Ведущий разработчик Viv объяснил, что «вы можете сделать ту или иную вещь, просто сказав об этом устройству <…> рынок, который станет следующим большим полем…»[45]

Если жизнь — это дикая лошадь, то цифровой помощник — еще одно средство, с помощью которого оцифровка может эту лошадь объездить. Непослушную жизнь можно приструнить, оцифровать в виде поведенческих данных и переосмыслить как территорию для просмотра, поиска, изучения и изменения. Подобно тому как надзорный капитализм превратил всемирную паутину в пространство рыночного натиска, питаемого захватом и анализом поведенческого излишка, повседневной жизни суждено стать всего лишь полотном для взрывного роста нового постоянно действующего, построенного на нашем поведении рыночного космоса, от которого нет спасения.

II. Оцифровка личности

«Мы привыкли к общению лицом к лицу, когда слова растворяются в воздухе <…> Я предполагал, что клавиатурное общение будет похоже на письмо или телефонный звонок, но теперь я понимаю, что оно не растворяется. То, что электронное общение невидимо — миф…»[46] Это был блестящий ученый-исследователь в крупной фармацевтической компании, которую в своей книге 1988 года «Эпоха умных машин» я назвала «Корпорация Лекарство» (Drug Corp)[47]. Я тогда провела несколько лет, посещая их исследовательскую группу, и они как раз переводили большую часть своего повседневного общения с личных встреч на DIALOG, одну из первых в мире систем «компьютерных конференций». DIALOG был предшественником технологии, которую мы теперь называем социальной сетью. Платформа DIALOG создала новое социальное пространство, в котором научное сообщество Корпорации Лекарство расширяло и совершенствовало «сети своих отношений, доступа к информации, вдумчивого диалога и простой болтовни», как я описывала это тогда. Они встретили DIALOG с большим энтузиазмом, но закончилось все печально. «Со временем, — писала я, — стало ясно, что они также невольно поставили все то мимолетное и неощутимое, что было в их социальном обмене, под беспрецедентный контроль сверху». По интервью, которые охватывают те годы, можно документально проследить постепенное осознание учеными новых опасностей по мере того, как те стороны личного опыта, которые были прежде неявными и приватными, внезапно становились явными и публичными, чего они не ожидали и что имело последствия, о которых они глубоко пожалели.

Благодаря новой компьютерной среде профессиональные разговоры и дружеское общение ученых теперь стали электронным текстом — видимым, доступным для изучения и отправки другим. Во многих отношениях это помогало в работе, но это также создало неожиданные уязвимости, поскольку склонности, ценности, отношения и социальные взаимодействия превратились в объекты проверки. В ходе серии конфликтов, которые

разворачивались на протяжении этих лет, я наблюдала, как менеджеры и руководители Корпорации Лекарство просто не могли удержаться от того, чтобы не использовать новый социальный текст в качестве средства оценки, критики и наказания. Не раз я наблюдала за тем, как менеджеры распечатывали страницы разговоров из DIALOG, чтобы разложить их на полу и проанализировать мнения по конкретному вопросу, иногда даже доставая ножницы и сортируя записи по темам или персоналиям. Во многих случаях эти расследования были просто сбором информации, но нередко менеджеры хотели идентифицировать людей, согласных или не согласных с их распоряжениями.

Неустранимое свидетельство текста было адаптировано в качестве средства, с помощью которого менеджеры пытались «контролировать и направлять то, что всегда было наиболее эфемерными аспектами поведения подчиненных»[48]. Весь первоначальный энтузиазм и все надежды растворились в цинизме и тревоге, и ученые постепенно стали уходить с DIALOG, предпочитая ему обычное почтовое приложение и более формальные, безличные сообщения.

Спустя десятилетия дети и внуки этих ученых наряду с большинством из нас свободно общаются через смартфоны и социальные сети, не понимая, что нам предстоит вновь выучить горькие уроки Корпорации Лекарство, но теперь на совершенно новом витке оцифровки. Ученые были потрясены, увидев свои случайные разговоры в овеществленном виде, превращенные в объект иерархической проверки. Сегодня уже наша внутренняя жизнь — упрощенно обозначаемая как «индивидуальность» или «эмоции» — превращаются в сырье, доступное каждому, кто может изготовить или купить новое поколение аксессуаров для поставок излишка и средства производства, чтобы анализировать этот новый род поведенческого излишка и фабриковать крайне прибыльные прогнозные продукты.

«Персонализация» — это снова тот эвфемизм, который прокладывает путь поколению прогнозных продуктов, фабрикуемых из сырья психологии личности. Эти нововведения продолжают логику более ранних витков цикла изъятия — от просмотра страниц в интерне-

те через просмотр реальности — к *просмотру личности*. Как было и на предыдущих витках, идеи и методы, которые когда-то должны были помогать и обогащать, быстро исчезают в магнитном поле проекта коммерческого надзора, чтобы потом вновь возникнуть в качестве все более хитроумных способов поставки, производства и продаж.

Два с лишним миллиарда пользователей Facebook — это и есть потомки ученых из Корпорации Лекарство. Многие из них пришли в Facebook, чтобы избежать всепроникающего иерархического контроля над коммуникациями на рабочем месте, который стал обычным явлением в годы, прошедшие после первых экспериментов Корпорации Лекарство. Facebook, как они когда-то думали, был «их местом», столь же невинным и само собой разумеющимся, как старая добрая «Мамаша Белл»[49] необходимым местом сбора, общения и участия. Вместо этого Facebook стал одним из самых влиятельных и опасных источников прогнозного поведенческого излишка из глубин личности. С приходом нового поколения исследовательских инструментов он научился грабить ваше «я» вплоть до его самой интимной сердцевины. Новые операции по снабжению могут оцифровать в виде измеримого поведения все, от нюансов вашей личности до вашего чувства времени, сексуальной ориентации, интеллекта и десятков других психологических характеристик. Огромные мощности машинного интеллекта, которыми располагает корпорация, превращают эти данные в яркие прогнозные продукты.

Почва для осознания того, с какой легкостью можно обобрать ваш профиль в Facebook, начала готовиться в 2010 году, когда коллектив немецких и американских ученых пришел к неожиданному выводу, что профили Facebook — вовсе не идеализированные автопортреты пользователей, как многие думали. Вместо этого они обнаружили, что информация на Facebook отражает реальные черты личности пользователя, которые можно выявить с помощью проверенной процедуры «пятифакторной модели личности» и которые можно сопоставить с тем, как сами участники исследования описывали свое «идеальное Я»[50].

Как мы увидим в главе 16, есть убедительные данные, позволяющие предположить, что уникальная динами-

ка среды Facebook в конечном итоге усложняет эту картину «реальной личности», но в 2011 году эти первые результаты побудили трех исследователей из Университета Мэриленда сделать следующий логический шаг. Они разработали метод, который, опираясь на сложную аналитику и машинный интеллект, способен точно установить личность пользователя, исходя из общедоступной информации в его или ее профиле Facebook[51].

В ходе этого исследования команда сполна оценила магию поведенческого излишка, обнаружив, к примеру, что раскрытие человеком определенной личной информации, такой как религиозная принадлежность или политические симпатии, в меньшей степени способствует надежному анализу личности, чем сам тот факт, что человек готов поделиться такой информацией. Это понимание навело команду на мысль о новой перспективной поведенческой метрике. Вместо того чтобы анализировать содержимое пользовательских списков, вроде любимых телешоу, способов времяпрепровождения или музыки, они поняли, что простые «метаданные», такие как *объем* открытой самими пользователями информации, «оказались гораздо более полезными и предсказательными, чем исходные сырые данные». Расчеты, произведенные на основе этих поведенческих метрик, в сочетании с автоматизированным лингвистическим анализом и внутренней статистикой Facebook привели исследовательскую группу к выводу, что «мы можем предсказать, сколько баллов пользователь набирает по каждой черте личности с точностью до более чем одной десятой от действительного значения»[52]. Команда Университета Мэриленда начала то, что станет многолетним путешествием к инструментализации данных из глубин личности в рамках совершенно сознательной программы манипулирования и модификации поведения. Хотя исследователи не могли заглянуть очень далеко, они тем не менее предвидели полезность своих выводов для нетерпеливой аудитории надзорных капиталистов:

> Имея возможность определять черты личности пользователя, веб-сайты социальных сетей, магазины электронной коммерции и даже рекламные серверы, можно приспособить к тому, чтобы они учитывали личность пользователя и подавали информацию так, чтобы пользователи были

> наиболее восприимчивыми к ней <...> Показ рекламы в Facebook можно скорректировать на основе личности пользователя <...> Можно выделять обзоры продуктов, написанные авторами с тем же типом личности, что и пользователь, что повысит доверие и создаст ощущение полезности...[53]

Оказалось, что эти новые методы также работают на материале метаданных других социальных сетей. Позднее в том же году команда из Мэриленда опубликовала результаты исследований, в которых, используя общедоступные данные Twitter, удалось спрогнозировать результаты по каждому из пяти параметров личности, находящиеся в пределах 11–18% от фактических значений. Результаты других подобных исследований станут центральными в поведенческой оцифровке профилей Facebook ради новых тайников глубинного излишка[54].

Группа исследователей из Великобритании, куда входили Михал Косински из Кембриджского университета и заместитель директора Центра психометрических исследований Кембриджа Дэвид Стилвел, развила эту линию исследований дальше[55]. К тому времени Стилвел уже разработал базу данных myPersonality, «стороннее» приложение для Facebook, позволяющее пользователям проходить психометрические тесты, подобные тестам, основанным на пятифакторной модели, и получать отзывы о своих результатах. Запущенная в 2007 году и размещенная в Центре психометрических исследований, к 2016 году эта база данных содержала более шести миллионов профилей личности, в дополнение к четырем миллионам индивидуальных профилей Facebook. Когда-то считавшаяся уникальным, хотя и нестандартным источником психологических данных, myPersonality стала излюбленной базой данных для масштабирования, стандартизации и проверки новых моделей, способных *предсказывать* результаты по личностным шкалам на основе все меньшего количества данных и метаданных Facebook. Позже она станет образцом для работы небольшой консалтинговой компании под названием Cambridge Analytica, которая использовала эти новые кладези поведенческого излишка для широкой кампании политически мотивированного поведенческого микротаргетинга.

В статье 2012 года Косински и Стилвел пришли к выводу, что «личность пользователя можно легко и на-

дежно предсказать на основе общедоступных данных», и предупредили, что пользователи социальных сетей, при всей опасности этого, понятия не имеют об уязвимостях, которые они создают, когда открывают всем желающим большие массивы вполне невинной информации. В тексте они, в частности, упоминают об одностороннем нарушении генеральным директором Facebook Марком Цукербергом установленных норм конфиденциальности в 2010 году, когда он сделал свое знаменитое заявление, что пользователи Facebook больше не рассчитывают на конфиденциальность. Цукерберг сообщил о решении корпорации об одностороннем раскрытии личной информации пользователей: «Мы пошли на это, потому что решили, что теперь это и будет социальной нормой»[56].

Выразив определенные опасения, авторы тем не менее предполагают, что их выводы будут актуальными для «маркетинга», «дизайна пользовательского интерфейса» и систем рекомендаций[57]. В 2013 году другое провокационное исследование, выполненное Косински, Стилвелом и Тором Грэпелом из Microsoft показало, что «лайки» на Facebook позволяют «автоматически и точно определить широкий спектр личных данных, которые люди обычно считают приватными», включая сексуальную ориентацию, этническую принадлежность, религиозность и политические взгляды, черты личности, интеллект, счастье, употребление алкоголя и наркотиков, проживание с родителями или отдельно, возраст и пол[58].

Авторы выказывали все более двойственное отношение к социальным последствиям своих исследований. С одной стороны, они объявили, что эти новые возможности прогнозирования можно использовать для «улучшения многочисленных продуктов и услуг». Они пришли к выводу, что интернет-компании могут корректировать свои действия в соответствии с личностными особенностями каждого пользователя, психологически адаптируя маркетинг и рекомендации продуктов к конкретному человеку. Но авторы также предостерегают, что автоматизированные системы прогнозирования под управлением частных компаний, государства или самого Facebook, способны построить миллионы

профилей без индивидуального согласия или ведома и обнаруживать факты, «которыми человек, возможно, не намеревался делиться». Исследователи предупредили, что «можно представить ситуации, в которых такие догадки, даже будучи ошибочными, способны представлять угрозу для благополучия, свободы или даже жизни человека»[59].

Несмотря на подобные этические затруднения, к 2015 году Косинский перешел в Стэнфордский университет (сначала на факультет компьютерных наук, затем в Высшую школу бизнеса), где его исследования быстро привлекли финансирование со стороны таких компаний, как Microsoft, Boeing, Google, Национальный научный фонд и Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA)[60]. Косински вместе с целым рядом соавторов, среди которых часто был Стилвел, продолжал публиковать многочисленные статьи, где уточнялись и расширялись возможности, продемонстрированные в первых работах, и совершенствовались процедуры, которые позволяют «быстро и дешево оценивать большие группы участников с минимальным привлечением их самих»[61].

Работа, опубликованная в 2015 году, вновь открыла новые горизонты, объявив, что точность компьютерных прогнозов группы сравнялась с точностью оценщиков-людей или превысила ее, как в использовании «лайков» Facebook для оценки личностных качеств на основе пятифакторной модели, так и в предсказании «результатов в реальной жизни», таких как «удовлетворенность жизнью», «употребление психоактивных веществ» или «депрессия»[62]. Исследование показало, что настоящим прорывом в прогнозировании на основе Facebook стало достижение экономии в использовании этих интимнейших поведенческих глубин с помощью «автоматизированных, точных и дешевых инструментов оценки личности», которые эффективно нацелены на новый класс «объектов», когда-то известных как ваша «личность»[63]. То, что подобной экономии можно достичь без ведома «вольных животных», делает эти методы еще более привлекательными; как подчеркивает одна исследовательская группа, «традиционный метод оценки личности чрезвычайно дорог с точки зрения затрат времени

и труда, и с его помощью нельзя получить информацию о личности клиента без его ведома...»[64]

Анализ личности ради получения коммерческого преимущества основан на поведенческом излишке — так называемых метаданных или метриках среднего уровня, отточенных и протестированных исследователями, и результаты этого анализа заставят задуматься любого, кто считает, что он или она контролирует «объем» персональной информации, которую раскрывает в социальных сетях. Скажем, для получения доступной автомобильной страховки вы должны значиться как добросовестный, доброжелательный и открытый человек. Это не так легко подделать, потому что излишки, привлекаемые для анализа, для нас неизбежно непрозрачны. Нас изучают не на предмет содержания, а на предмет формы. Предложенная вам цена зависит не от того, *что* вы пишете, а от того, *как* вы это пишете. Дело не в смысле ваших предложений, а в их длине и сложности, не в том, *что* вы включили в список, а в том, что вы вообще его *составили*, не в картинке, а в выборе фильтра и степени насыщенности, не в том, *что* вы раскрываете, а в том, как вы делитесь или не делитесь, не *где* вы планируете встретиться с друзьями, но *как* вы это делаете: бросаете небрежное «увидимся» или оговариваете точное время и место? Восклицательные знаки и выбор наречий действуют как откровенные сигналы о вашем «я», за которые вы можете поплатиться.

То, что эти «личностные» откровения сами по себе банальны, не должно отвлекать нас от того факта, что объем и глубина новых запасов излишка, обеспечиваемых этими операциями по добыче, беспрецедентны; ни о чем подобном раньше нельзя было и помыслить[65]. Как сказал Косински в одном интервью 2015 года, мало кто понимает, что такие компании, как «Facebook, Snapchat, Microsoft, Google и другие имеют доступ к таким данным, о которых ученым всегда оставалось только мечтать»[66]. Специалисты по данным успешно предсказали черты личности согласно пятифакторной модели на основе излишка, извлеченного из фотографий профилей Twitter (цвет, композиция, тип изображения, демографическая информация, поворот головы, выражение лица...), селфи (цвет, стили фотографии, ви-

зуальная текстура...) и снимков в Instagram (оттенок, яркость, насыщенность...). Другие проверили альтернативные алгоритмы и модели личности. Одна исследовательская группа продемонстрировала способность предугадать по сообщениям в Facebook «удовлетворенность жизнью»[67]. В этом новом мире менеджеры не стоят на четвереньках или на коленках, кромсая ножницами бумажные страницы с сообщениями компьютерной конференции и раскладывая вырезки в тематические стопки. Ползают не по офисному полу. Ползают по вам.

В том интервью 2015 года Косински заметил, что «все наши взаимодействия осуществляются через цифровые продукты и услуги, что, в общем, означает, что все они записываются». Он даже назвал свои собственные исследования «жутковатыми»: «Я хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, многое из того, что <...> корпорации и государство *могут* сделать, они ни в коем случае *не должны делать* без согласия пользователей». Признавая крайне асимметричное разделение знания, он посетовал на отказ Facebook и других интернет-фирм делиться своими данными с «широкой публикой», заключив, что «Дело не в том, что они такие злодеи, а в том, что сама публика жутко тормозит <...> как общество, мы утратили способность убеждать крупные компании, имеющие огромные бюджеты и доступ к огромным массивам данных, что им следует делиться этими благами с нами. По сути, мы должны, наконец, повзрослеть и прекратить это»[68].

При капитализме, однако, скрытый спрос создает поставщиков и поставки. При надзорном капитализме происходит точно то же самое. Императив прогнозирования спускает надзорных гончих, чтобы они выследили поведение в глубинах психики, и добросовестные исследователи, ничего не подозревая, играют им на руку, оставляя за собой залежи дешевого сырого мяса, которое надзорным капиталистам остается лишь найти и заглотить. Что они и делают. К началу 2015 года IBM объявила, что служба Watson Personality Insights открыта для бизнеса[69]. Инструменты машинного интеллекта корпорации даже более сложны и агрессивны, чем те, что используются в большинстве академических исследований. В дополнение к пятифакторной модели личности IBM оценивает каждого человека по двенадцати

категориям «потребностей», включая «Возбудимость, Гармония, Любопытство, Идеал, Близость, Самовыражение, Свобода, Любовь, Практичность, Стабильность, Вызов и Структура». Затем идентифицируются «ценности», определяемые как «мотивирующие факторы, которые влияют на процессы принятия человеком решений в пяти измерениях: Преодоление себя/помощь другим, Консерватизм/традиция, Гедонизм/удовольствие от жизни, Самосовершенствование/достижение успеха, и Открытость к изменениям/возбудимость»[70].

IBM заявляет, что существуют «безграничные» возможности применения ее новых запасов излишков и обещает «глубинный портрет каждого клиента». Как и следовало ожидать, эти операции тестируются на подневольных сотрудниках, которые после приучения могут стать послушными представителями поведенчески чистого общества. Теперь можно определять «личностные корреляты», которые предсказывают, как в точности каждый клиент будет реагировать на маркетинговые усилия. Кто воспользуется купоном? Кто и какой продукт купит? Корпорация утверждает, что «контент и поведение в социальных сетях» можно использовать для «извлечения выгоды из таргетированных возможностей получения дохода», имея «правила, связывающие личностные черты с поведением». Отправку сообщений и обращения службы поддержки, страховых агентов, турагентств, риелторов, инвестиционных брокеров и т. д. можно будет «соотнести» с «личностью» клиента, причем психологические данные будут показаны агенту в самый момент контакта[71]. Исследования IBM показывают, что агенты, обладающие выраженными чертами личности, связанными с «доброжелательностью» и «добросовестностью», обеспечивают значительно более высокий уровень удовлетворенности клиентов. Это же подсказывает и здравый смысл, за исключением того, что теперь эти взаимодействия измеряются и контролируются в реальном времени и в большом масштабе, с прицелом на то, чтобы вознаграждать или вытеснять то или иное поведение в зависимости от его рыночного эффекта[72].

Благодаря оцифровке, несколько уже измеримых сегодня личностных характеристик, включая «потребность в любви», можно использовать для предсказа-

ния вероятности «симпатий по отношению к бренду»[73]. В эксперименте по таргетированной рекламе в твиттере IBM обнаружила, что это может значительно увеличить показатели кликабельности и количество «читателей», ориентируясь на людей с высокими показателями «открытости» и низкими показателями «невротизма» в рамках пятифакторного анализа личности. В другом исследовании IBM получила поведенческие данные 2000 пользователей Twitter для определения таких показателей, как количество ответов, уровень активности и промежуток времени между твитами, помимо обычного психолингвистического анализа твитов и пятифакторного анализа личности. IBM «обучила» свою прогностическую модель, задавая этим двум тысячам пользователей вопросы, связанные либо с их местоположением, либо с каким-либо продуктом. Результаты показали, что личностная информация предсказывала вероятность ответа. Люди, которых машины оценили как моральных, доверчивых, дружелюбных, экстравертированных и доброжелательных, обычно отвечали, по сравнению с низким уровнем ответов людей, оцененных как осторожные и тревожные. Многие черты, которые мы пытаемся воспитать в своих детях и культивировать в своем собственном поведении, для скрытых машинных процессов оцифровки оказываются просто благоприятными возможностями для изъятия излишка. В этом новом мире паранойя и тревожность становятся механизмами защиты от машинного вторжения с целью получения прибыли. Должны ли мы учить наших детей быть тревожными и подозрительными?

IBM, конечно, не одинока. Новая, изобретательная порода наемников, специализирующихся на грабеже личностных черт, быстро принялась за институционализацию этих новых процессов снабжения. Их усилия показывают, как быстро мы теряем ориентиры, когда институционализация сначала дает ощущение нормальности и общественного принятия, а затем постепенно приводит к онемению, сопровождающему привыкание. Процесс начинается с бизнес-планов и маркетинговых подач, новых продуктов и услуг и журналистских материалов, в которых новые факты будто бы принимаются как данность[74].

К этой новой когорте наемников принадлежит и британская консалтинговая фирма Cambridge Analytica, которой владеет нелюдимый миллиардер и спонсор Дональда Трампа Роберт Мерсер. Генеральный директор компании Александр Никс хвастался применением «микроповеденческого таргетирования» на основе личностных черт для поддержки брексита во время подготовки к голосованию за выход Великобритании из ЕС 2016 года и избирательной кампании Трампа в ходе предвыборной гонки перед президентскими выборами в США[75]. Никс утверждал, что в его распоряжении находятся данные «на индивидуальном уровне, где мы имеем примерно по четыре или пять тысяч точек данных на каждого взрослого в Соединенных Штатах»[76]. Пока ученые и журналисты пытались определить истинность этих утверждений и роль, которую эти методы могли сыграть в обоих драматических голосованиях 2016 года, новый директор по доходам этой фирмы тихо объявил о менее эффектной, но более прибыльной послевыборной стратегии: «После этих выборов она полностью переориентирована на работу с коммерческими компаниями». Сразу после американских выборов в журнале, адресованном автодилерам, он говорит им, что его новые аналитические методы показывают, «какой именно подход нужен к клиенту, какой у него тип личности и какие методы убеждения наиболее эффективны <…> Что он делает, так это изменяет поведение людей с помощью тщательно продуманных сообщений, которые находят у них отклик… Для того чтобы увидеть существенный сдвиг в доходах, требуется лишь небольшое повышение процента людей, выбравших ваш салон»[77].

Внутренний документ Facebook, оказавшийся в 2018 году в распоряжении издания Intercept, иллюстрирует важность данных, извлеченных из глубин психики при изготовлении прогнозных продуктов Facebook, подтверждая, что компания ориентируется прежде всего на свои поведенческие фьючерсные рынки и показывая степень, в которой спорные практики Cambridge Analytica отражают стандартные операционные процедуры в Facebook[78]. В этом конфиденциальном документе упоминается беспрецедентная «экспертиза Facebook в области машинного обучения», нацеленная на решение «основных бизнес-

задач» ее клиентов. С этой целью в нем описывается способность Facebook использовать свои непревзойденные хранилища в высшей степени личных данных «для прогнозирования будущего поведения» человека, таргетирования его на основе того, как он будет себя вести, совершать покупки и рассуждать: прямо сейчас, в ближайшем и более отдаленном будущем. Документ увязывает предсказание с вмешательством и изменением поведения. Так, сервис Facebook под названием «прогнозирование лояльности» восхваляется за его способность анализировать поведенческий излишек с целью выявления лиц, находящихся «в зоне риска» в плане готовности уйти к другому бренду. Идея состоит в том, что эти прогнозы могут побудить рекламодателей к оперативному вмешательству, подразумевающему агрессивные таргетированные сообщения, призванные стабилизировать лояльность и тем самым достичь гарантированных результатов путем изменения будущего.

«Прогнозный движок» Facebook построен на новой платформе искусственного интеллекта FBLearner Flow, которую компания называет новым «костяком» своего искусственного интеллекта и ключом к «персонализированному опыту», обеспечивающему «наиболее актуальный контент». Система машинного обучения «ежедневно переваривает триллионы точек данных, обучает тысячи моделей — в автономном режиме или в режиме реального времени — и затем развертывает их на наших серверах для применения в текущих прогнозах». Компания объясняет: «с момента создания платформы прошли обучение более миллиона моделей и наша система прогнозирования выросла настолько, что делает больше 6 миллионов прогнозов в секунду»[79].

Как мы уже видели, «персонализация» зависит от точности предсказания, а точность предсказания зависит от наличия все более богатых источников поведенческого излишка и, следовательно, от все более безжалостных операций по оцифровке. Действительно, в конфиденциальном документе приводятся некоторые примеры ключевого сырья, которое используется для этой высокоскоростной, крупносерийной и глубинной производственной операции, среди которых — не только местоположение, сведения о сети Wi-Fi и информация об устрой-

стве, но также данные из видео, анализ связей, детали дружб и общие черты с друзьями.

Вероятно, не случайно, что утечка презентации Facebook произошла примерно в то же время, когда один из молодых гениев Cambridge Analytica, ставший разоблачителем, Крис Уайли, обрушил на публику целый поток информации о тайных усилиях этой компании по прогнозированию и влиянию на голосование индивидуальных избирателей, сразу приковав внимание всего мира к этой небольшой фирме по политической аналитике и исполинскому источнику ее данных — Facebook. Без ответа осталось много вопросов о законности запутанных операций Cambridge Analytica, о масштабах ее реального влияния на политические события и об ее отношениях с Facebook. Наш интерес здесь ограничен тем ярким светом, который ее махинации проливают на могущество надзорного капитализма, особенно на его решимость оцифровывать данные из самых глубин психики.

Уже Косински и Стилвел обратили внимание на коммерческую ценность своих методов, понимая, что глубинный излишек открывает новые возможности для манипулирования поведением и его модификации. Уайли вспоминает о том, как захватили его мысли об этой перспективе, и в результате сложной цепочки событий именно он убедил Cambridge Analytica использовать данные Косински и Стилвела для продвижения политических целей ее владельца. Целью было «поведенческое микротаргетирование <…> влияние на избирателей, основанное не на демографических параметрах, а на чертах их личности…»[80] Когда переговоры с Косински и Стилвелом не привели к успеху, фирма наняла еще одного кембриджского ученого, Александра Когана, для накопления аналогичного кэша персональных данных из Facebook.

В Facebook Когана хорошо знали. Он сотрудничал со специалистами компании по данным в рамках проекта 2013 года, когда Facebook предоставила данные о 57 миллиардах «дружб». На этот раз он привлек примерно 270 000 человек, заплатив им, чтобы они прошли личностный тест. Втайне от участников, приложение Когана позволило ему получить доступ к их профилям в Facebook, а также к профилям в среднем 160 друзей

каждого из тестируемых, «ни один из которых не знал» об этом вторжении и «не имел оснований подозревать» его[81]. Это была масштабная операция по оцифровке, которая позволила Когану успешно создать психологические профили от 50 до 87 миллионов пользователей Facebook, данные, которые он затем продал Cambridge Analytica[82]. Когда в Facebook возникли вопросы относительно его приложения, Коган заверил компанию, что его исследование проводилось исключительно в академических целях. Действительно, взаимное уважение между двумя сторонами было настолько велико, что Facebook принял одного из помощников Когана в свою собственную команду исследователей-психологов[83].

«Мы использовали Facebook, чтобы собрать профили миллионов людей, — признал Уайли, — и построить модели, чтобы использовать то, что мы о них знаем, метя в их внутренних демонов». Это краткое изложение достижений Cambridge Analytica резюмирует весь проект надзорного капитализма и объясняет его решимость вести оцифровку вглубь. Это те самые возможности, которые набрали силу в течение почти двух десятилетий инкубационного периода надзорного капитализма на территориях беззакония. Действия Cambridge Analytica вызвали возмущение во всем мире, хотя на самом деле это обычная часть ежедневного усовершенствования методов и целей надзорного капитализма, как в Facebook, так и в других капиталистических компаниях, занимающихся надзором. Cambridge Analytica просто переориентировала механизмы надзорного капитализма с коммерческих рынков поведенческих фьючерсов на достижение гарантированных результатов в политической сфере. Именно Эрик Шмидт, а не Уайли, первым открыл этот ящик Пандоры, когда он подготовил почву для переноса ключевых механизмов надзорного капитализма в избирательный процесс, скрепив взаимное сродство политики и экономики, породившее надзорную чрезвычайщину. На самом деле Уайли в свое время даже прошел обучение под руководством этого обамовского «директора по таргетингу»[84]. Инновации Шмидта, теперь превратившиеся в грозное оружие, стали предметом зависти со стороны любой политической кампании и, что опаснее, со стороны любого врага демократии[85].

В дополнение к использованию основополагающих для надзорного капитализма механизмов — оцифровки, поведенческого излишка, машинного интеллекта, прогнозных продуктов, экономии за счет масштаба, охвата и действия — темная афера Cambridge Analytica также иллюстрирует тактические требования надзорного капитализма. Ее операции разрабатывались так, чтобы проходить в неведении для публики, — они должны были быть тайными и тщательно избегать обнаружения со стороны пользователей. Уайли называет это «информационной войной», справедливо признавая асимметрию знания и власти, необходимую для работы средств изменения поведения:

> Я думаю, что это хуже, чем травля, потому что люди не обязательно знают, что с ними так поступают. Травля по крайней мере признает за человеком право выбора, потому что он знает <...> если вы перестаете признавать за человеком право выбора, то все, что вы делаете с этого момента, уже не способствует демократии. И информационная война по самой своей сути не способствует демократии[86].

Эта «война» и применяемые в ее ходе механизмы вторжения и завоевания представляют собой стандартные операционные процедуры надзорного капитализма, которым ежедневно подвергаются миллиарды ничего не подозревающих людей, когда операции по оцифровке нарушают все границы, а операции по изменению поведения требуют господства над всеми людьми. Надзорный капитализм навязывает эту сделку, предлагая расстаться с «правом выбора» в обмен на информацию и связь, постоянно распространяя оцифровку на новые территории. В ходе военных действий такие компании, как Facebook и Google, нанимают на свою службу каждого пригодного солдата, включая социологов вроде Когана, которые добровольно впрягаются в лямку, помогая компании открывать, совершенствовать и интегрировать передовые методы, способствующие взятию следующих рубежей — явление, которое мы подробнее рассмотрим в главе 10.

Независимо от фактических возможностей компании Cambridge Analytica и реальных политических последствий ее действий, замыслы и планы, стоявшие за ее ам-

бициями, останутся свидетельством центральной роли глубинной оцифровки в прогнозировании и изменении поведения в вечной погоне за предсказуемостью. Миллиардеры, такие как Цукерберг и Мерсер, обнаружили, что могут проложить себе путь к господству над общественным разделением знания, если приберут к рукам эти операции оцифровки и человеческие судьбы, которые они предскажут. Их цель — обладание безраздельной властью знать, решать, кто будет знать, и определять, кому принимать решения. Оцифровка «личности» стала важной вехой в этом стремлении — рубеж, да, но не последний рубеж.

III. Машинные эмоции

В 2015 году основанный за восемь лет до этого стартап под названием Realeyes выиграл грант Европейской комиссии в размере 3,6 миллиона евро на проект под кодовым названием «SEWA: Автоматический анализ настроений в полевых условиях». Цель состояла в том, чтобы «разработать автоматизированную технологию, которая сможет читать эмоции человека, просматривающего контент, а затем установить, как они связаны с тем, насколько ему понравился этот контент». Директор по видео в компании AOL International назвал этот проект «огромным шагом вперед в технологии видеорекламы» и «Святым Граалем видеомаркетинга»[87]. Всего через год Realeyes получил от Европейской комиссии награду за инновации Horizon 2020 благодаря «основанным на машинном обучении инструментам, которые помогают маркетологам анализировать влияние своей рекламы и повышать ее актуальность»[88].

Проект SEWA — окно в бурно растущую новую область операций по оцифровке и снабжению поведенческим излишком, известную как «аффективные вычисления», «аналитика эмоций» и «анализ настроений». Благодаря этим новым инструментам, проект персонализации спускается еще глубже к океанскому ложу, претендуя на еще один рубеж оцифровки, которая настроена уже не только на вашу личность, но и на вашу эмоциональную жизнь. Если этому проекту добычи глу-

бинного излишка суждено быть успешным, то ваше бессознательное — где формируются чувства, еще до того, как появятся слова для их выражения, — должно быть преобразовано во всего лишь еще один источник сырья для машинной оцифровки и анализа, и все это ради более точного прогнозирования. Как объясняется в отчете об исследовании рынка аффективных вычислений, «знание эмоционального состояния в реальном времени может помочь фирмам продавать свой продукт и тем самым увеличить доходы»[89].

Продукты аналитики эмоций, такие как SEWA, используют специализированное программное обеспечение для прочесывания лиц, голосов, жестов, тел и мозгов, по мере того как все это считывается «биометрическими» и «глубинными» датчиками, часто в сочетании с крошечными «ненавязчивыми» камерами. Этот комплекс машинного интеллекта обучен изолировать, фиксировать и оцифровывать тончайшие и интимнейшие формы поведения, от случайного моргания до длящегося долю секунды расслабления челюсти от неожиданности. Различные комбинации датчиков и программного обеспечения могут распознавать и идентифицировать лица; оценить возраст, этническую принадлежность и пол; анализировать направление взгляда и движения век; отслеживать определенные точки лица, чтобы интерпретировать «микровыражения», движения глаз, эмоции, настроения, стресс, ложь, скуку, растерянность, намерения и многое другое, — и все это происходит мгновенно[90]. Как говорится в описании проекта SEWA:

> Технологии, способные надежно и точно анализировать выражения лица, равно как и голосовое и речевое поведение и взаимодействия в естественных условиях, на основе информации веб-камер цифровых устройств, окажут глубокое влияние как на фундаментальные науки, так и на коммерческий сектор. Они <…> замеряют индикаторы поведения, которые до сих пор сопротивлялись измерению, потому что были слишком тонкими или мимолетными, чтобы регистрироваться человеческим глазом и ухом…[91]

Это поведение ускользает и от сознания. Машины фиксируют на лице молодой женщины наносекундный эпизод отвращения, за которым следует быстрая череда гнева, понимания и, наконец, радости, пока она смотрит

несколько кадров фильма; при этом все, что она сумеет сказать вслух, — это «Мне понравилось!» В официальной документации Realeyes объясняется, что его вебкамеры снимают людей, которые смотрят видео у себя дома, «чтобы мы могли запечатлеть подлинные реакции». Алгоритмы обрабатывают выражения лица, и «эмоции обнаруживаются, агрегируются и передаются онлайн в режиме реального времени, каждую секунду <…> это позволяет нашим клиентам принимать лучшие бизнес-решения». Realeyes делает упор на свои собственные «проприетарные метрики», помогающие маркетологам «нацеливаться на конкретную аудиторию» и «прогнозировать результаты»[92].

И снова — ключевая тема машинного интеллекта состоит в том, что качество зависит от количества. Realeyes говорит, что его наборы данных содержат более 5,5 миллионов аннотированных видеозаписей более чем 7000 человек со всего мира:

> Мы постоянно работаем над созданием самых больших в мире наборов данных о выражениях лиц и поведении, повышая качество и объем наших уже существующих категорий, и создавая новые — для других выражений и эмоций, других поведенческих подсказок, для эмоций другой интенсивности <…> Автоматизировав этот процесс, мы можем теперь масштабировать его, чтобы одновременно отслеживать эмоции всей аудитории[93].

Клиентам рекомендуется «играть эмоциями своей аудитории, чтобы оставаться хозяевами положения»[94]. Вебсайт компании предлагает краткий обзор истории исследования человеческих эмоций, включая вывод, что «чем больше люди чувствуют, тем больше они тратят <…> Нематериальные „эмоции“ превращаются в конкретную социальную активность, узнаваемость бренда и прибыль»[95].

Председатель отраслевого консультативного совета SEWA откровенен в отношении этой затеи; он отмечает, что расшифровка смысла «невербального языка всего тела и интерпретация сложных эмоциональных реакций <…> будет замечательной вещью для интерпретации реакций на маркетинговые материалы», добавляя, что «просто глупо не учитывать эмоциональный отклик при оценке любых маркетинговых материалов».

Действительно, эти «бессознательные инструменты» извлекают из вашей внутренней жизни новые, более тонкие, грани поведенческого излишка, чтобы предсказать, что вы купите, и точно ухватить нужный момент, когда вы наиболее уязвимы для воздействия. Председатель совета говорит, что эмоциональная аналитика «похожа на определение отдельных музыкальных нот». Тогда каждый потенциальный клиент представляет собой небольшую прозрачную музыкальную композицию: «Мы сможем выявить каждую нотку человеческих реакций, таких как симпатия, скука и т. д. <…> Когда-нибудь мы научимся мастерски читать чувства и намерения друг друга»[96].

Это не первый случай, когда наше бессознательное становится инструментом для достижения чужих целей. В пропаганду и рекламу всегда закладывалось обращение к нашим непризнанным страхам и стремлениям. Эти сферы больше полагались на искусство, чем на науку, используя для целей массовой коммуникации очень грубые данные или профессиональную интуицию[97]. Подобные методы нельзя сравнивать и с научным применением сегодняшних исторически беспрецедентных вычислительных мощностей к точно выверенной, непрерывной оцифровке наших более или менее реальных чувств. Производители новых инструментов не собираются отнять у вас вашу внутреннюю жизнь, они намерены лишь следить за ней и пользоваться ею. Все, что они хотят, — это знать о вас больше, чем вы сами.

Хотя на протяжении тысячелетий сокровищница бессознательного понималась по-разному — от духа через душу к психике, — древнего жреца и современного психотерапевта объединяет вековое почтение к изначальной целительной силе бессознательного, приходящей через открытие своего «я», овладение им, обретение целостности, восстановление и трансценденцию. Напротив, понимание эмоций как наблюдаемых поведенческих данных впервые укоренилось в середине 1960-х годов в трудах Пола Экмана, тогда еще молодого профессора Калифорнийского университета в Сан-Франциско. Начиная со своих самых первых работ Экман утверждал, что «дела говорят громче, чем слова»[98]. Он исходил из того, что даже когда человек полон решимости

подвергать цензуре или контролировать выражение своих эмоций, что некоторые виды невербальных сигналов «ускользают от контроля и дают утечку»[99]. С самого начала он видел потенциальную полезность «категориальной схемы», которая надежно связывала внешние выражения (следствия) с эмоциями (причинами)[100], и в 1978 году Экман, совместно с Уоллесом Фризеном (с которым он нередко сотрудничал), опубликовал знаменитую «Систему кодирования выражений лица» (Facial Action Coding System, FACS), в которой и описывались эти связи.

FACS различает базовые движения лицевых мышц, разбивая их на двадцать семь «двигательных единиц» для лица, наряду с двигательными единицами для головы, глаз, языка и т. д. Позже Экман пришел к выводу, что шесть «базовых эмоций» (гнев, страх, печаль, радость, отвращение и удивление) представляют собой основу для широкого спектра выражения человеческих эмоций[101]. FACS и модель шести эмоций стали доминирующей парадигмой для изучения выражения лица и эмоций, во многом подобно тому, как пятифакторная модель доминирует в исследованиях личности.

Программа оцифровки эмоций началась вполне невинно. У ее истоков стояла профессор MIT Media Lab Розалинд Пикард, которая назвала новую область компьютерной науки «аффективными вычислениями». Она была одной из первых, кто осознал возможность для вычислительной системы автоматизировать анализ конфигураций лица по Экману и соотнести микровыражения лица с эмоциями, лежащими в их основе[102]. Она стремилась объединить выражение лица с вычислением вокальной интонации и других физиологических сигналов эмоций, которые можно измерить как поведение. В 1997 году она опубликовала книгу под названием «Аффективные вычисления», в которой предложила практическую реализацию идеи, что одни эмоции доступны сознательному разуму и могут быть выражены «когнитивно» («мне страшно»), в то время как другие могут ускользать от сознания, но тем не менее выражаться физически в виде капель пота, расширения глаз или едва уловимого сжатия челюстей.

Ключом к аффективным вычислениям, утверждала Пикард, является соотнесение сознательных и бес-

сознательных эмоций с наблюдаемым поведением, доступным для кодирования и расчетов. Компьютер, рассуждала она, сможет представить ваши эмоции в виде информации о поведении. Распознавание аффекта, по ее выражению, сводится к «распознаванию определенных комбинаций движений», а «выражение аффекта» — к синтезу этих комбинаций. Основной тезис состоял в том, что «компьютер способен распознавать эмоции не хуже, чем сторонний наблюдатель-человек».

Пикард надеялась, что ее находки относительно эмоций послужат какому-нибудь доброму или на худой конец безобидному делу. Большинство описываемых ею применений остаются в рамках логики «Осведомленного дома»: любые полученные знания будут принадлежать исходному индивиду и использоваться для помощи в его или ее самопознании. Например, она представляла себе «компьютер-интервьюер», который мог бы служить «аффективным зеркалом», тренирующим учащегося при подготовке к собеседованию или свиданию, а также автоматического помощника, который предупреждал бы вас о враждебных нотках в вашем собственном тексте до того, как вы нажмете «отправить». Пикард предвидела и другие инструменты, сочетающие в себе программное обеспечение и сенсоры, которые, как она полагала, улучшат повседневную жизнь в целом ряде ситуаций, таких как помощь детям с аутизмом в развитии эмоциональных навыков, предоставление разработчикам программного обеспечения обратной связи по уровню разочарования пользователей, назначение очков игрокам в видеоиграх для поощрения смелости или снижения стресса, создание учебных модулей, которые стимулируют любопытство и минимизируют беспокойство, и анализ эмоциональной динамики в классе. Она представляла себе цифровых помощников, которые изучат ваши предпочтения и найдут для вас новости, одежду или произведения искусства, которые вызовут у вас улыбку[103]. Каким бы ни было наше отношение к подобным идеям, они следуют одной ключевой закономерности: в отличие от модели SEWA, предполагалось, что данные Пикард были *для* вас, а не просто *про* вас.

Еще в 1997 году Пикард признавала необходимость обеспечения конфиденциальности, «с тем, чтобы вы

могли контролировать, кто получает доступ к этой информации». Для нас важно, что на последних страницах своей книги она выразила определенные опасения:

> есть веские причины не транслировать свою эмоциональную жизнь на весь свет <…> Вы можете похвастать перед друзьями хорошим настроением <…> вы вряд ли хотите, чтобы об этих вещах прознали армии продавцов, горящих желанием использовать зависящие от настроения покупательские привычки, или рекламодателей, жаждущих убедить вас, что ваше настроение поднимется, если попробуете их новую газировку прямо сейчас.

Она отметила возможность навязчивого мониторинга на рабочем месте и сделала оговорки о возможности антиутопического будущего, в котором «злокозненное» государство использует аффективные вычисления, чтобы контролировать эмоции населения и манипулировать ими[104].

Несмотря на эти опасения, уместившиеся в несколько абзацев, ее выводы были успокоительными. Каждая технология имеет свои «за и против», писала она. Эти проблемы не являются «непреодолимыми», потому что «могут быть разработаны защитные меры». Пикард была уверена, что технологии и технические методы могут решить любую проблему, и представляла себе «носимые компьютеры», которые «собирают информацию исключительно для вашего собственного использования…» Она подчеркнула важность обеспечения «того, чтобы владелец сохранял полный контроль над устройствами, которые он решил носить, чтобы они были инструментами расширения возможностей, а не подчинения враждебным силам»[105].

Следуя теперь уже слишком хорошо знакомой закономерности, защитные меры не поспевали за событиями, а надзорный капитализм процветал. К началу 2014 года Facebook уже подал заявку на патент на «обнаружение эмоций», призванный реализовать все то, чего опасалась Пикард[106]. Идея заключалась в «одном или нескольких программных модулях, способных распознавать эмоции, выражения лица или другие характеристики пользователя по информации, содержащейся в изображении». Как всегда, цели компании были амби-

циозны. Список эмоций, подлежащих распознаванию, «приводимый в качестве примера, а не конечного перечня» включал в себя такие слова, как «улыбка, радость, юмор, изумление, радостное волнение, удивление, недовольство, грусть, разочарование, растерянность, ревность, безразличие, скука, гнев, депрессия или боль». Авторы патента надеялись, что «со временем» этот модуль сможет оценивать «интерес пользователя к отображаемому контенту» в целях «тонкой подстройки на основе эмоционального состояния»[107].

К 2017 году, ровно через двадцать лет после публикации книги Пикард, ведущая компания по исследованию рынка прогнозировала, что «рынок аффективных вычислений», охватывающий программы распознавания речи, жестов и выражений лица, а также датчики, камеры, устройства хранения и процессоры, вырастет с 9,35 миллиарда долларов в 2015 году до 53,98 миллиарда долларов в 2021 году, предсказав среднегодовой темп роста почти в 35%. Что произошло такого, что могло повлечь за собой этот взрыв? В отчете делается вывод, что во главе списка «триггеров» подобного резкого роста стоит «растущий спрос на распознавание человеческих эмоций, особенно со стороны маркетингового и рекламного секторов…»[108] Благие намерения Пикард оказались похожи на невинные железные опилки в присутствии магнита, когда рыночный спрос, созданный императивом прогнозирования, втянул аффективные вычисления в мощное силовое поле надзорного капитализма.

В конечном итоге Пикард станет частью этой новой индустрии изъятия излишка, основав, совместно со своей протеже, научным сотрудником MIT Media Lab Раной эль Калиуби, компанию Affectiva. Перерождение этой компании, перешедшей от добрых дел к надзорному капитализму, — метафора судьбы всего предприятия по анализу эмоций в целом, которое быстро втягивается в конкурентный водоворот погони за надзорными доходами.

Пикард и Калиуби разделяли мысль о применении своих исследований в медицинских и терапевтических условиях. Проблемы детей с аутизмом, казалось, идеально подходили для решения с помощью их открытий, поэтому они обучили машинную систему под назва-

нием MindReader распознавать эмоции, наняв актеров, которые изображали определенные эмоциональные реакции и мимику. С самого начала корпоративные спонсоры MIT Media Lab — Pepsi, Microsoft, Bank of America, Nokia, Toyota, Procter and Gamble, Gillette, Unilever и другие — забросали исследовательниц вопросами о возможности использования их системы для замера эмоциональных откликов клиентов. Калиуби описывает сомнения женщин и их решимость сосредоточиться на применении «добрых дел». По ее словам, лаборатория поощряла их воспользоваться своими результатами для создания стартапа, который они назвали Affectiva и который представляли себе как «маленькую IBM для эмоционально интеллектуальных машин»[109].

Очень быстро новая компания почувствовала живой интерес к себе со стороны рекламных агентств и маркетинговых компаний, которым не терпелось приступить к автоматизированной оцифровке и анализу глубин психики. Характеризуя то время, Пикард сказала одному журналисту: «нашего генерального директора совершенно не устраивало медицинское направление». В результате Пикард «вытеснили» из фирмы через три года после ее основания. Как рассказал один из научных сотрудников Affectiva,

> мы начали с мощного набора продуктов, которые могли помочь людям, испытывающим трудности с восприятием эмоций <…> Затем они начали делать акцент только на лице, чтобы сосредоточиться на рекламе и предугадывать, нравится ли кому-то какой-либо продукт, и совершенно ушли от первоначальной миссии[110].

Такие компании, как исследовательская фирма Millward Brown и рекламный гигант McCann Erickson, конкурирующие в новом мире таргетированной «персонализированной» рекламы, уже стремились получить доступ к бездонным глубинам потребительских эмоциональных реакций. В Millward Brown даже сформировали свое нейробиологическое подразделение, но обнаружили, что не могут масштабировать его операции. И анализ одной особенно тонкой рекламы для Millward Brown, сделанный Affectiva, поразил руководство компании и решительно переломил ход событий для стартапа.

«Эта программа сообщала нам то, чего мы потенциально не видели, — сказал один из руководителей Millward Brown. — Люди обычно не могут сформулировать такие детали за шестьдесят секунд»[111].

К 2016 году Калиуби стала генеральным директором компании, переосмыслив ее бизнес как «Эмоциональный искусственный интеллект» и назвав его «следующим рубежом искусственного интеллекта»[112]. Компания привлекла венчурный капитал в размере 34 миллионов долларов, включила в число своих клиентов 32 компании из списка Fortune 100 и 1400 брендов со всего мира и утверждала, что располагает крупнейшим в мире хранилищем эмоциональных данных, содержащим 4,8 миллиона видеозаписей лиц людей из 75 стран, в то же время продолжая расширять маршруты поставок за счет данных, полученных от онлайн-просмотра, участия в видеоиграх, разговоров и вождения автомобилей[113].

Именно в этом коммерческом контексте Калиуби сочла возможным утверждать, что «чип эмоций» станет базовой операционной единицей новой «экономики эмоций». Она любит рассказывать своим слушателям о чипе, встроенном во все, что угодно и где угодно, постоянно работающем в фоновом режиме и генерирующем «эмоциональный пульс» всякий раз, когда вы проверяете свой телефон: «Я думаю, в будущем мы станем исходить из того, что каждое устройство просто знает, как читать ваши эмоции»[114]. По крайней мере одна компания, Emoshape, отнеслась к ее прогнозам серьезно. Фирма, чей слоган звучит как «Жизнь — главная ценность», выпускает микрочип, который называет «первым в отрасли движком синтеза эмоций», обеспечивающим «высокопроизводительное автоматическое распознавание эмоций». Компания пишет, что ее чип может классифицировать двенадцать эмоций с 98-процентной точностью, что позволяет «искусственному интеллекту или роботу воспринимать 64 триллиона возможных различных эмоциональных состояний»[115].

Калиуби предвидит, что повсеместное «сканирование эмоций» будет такой же само собой разумеющейся вещью, как файлы cookie, установленные на вашем компьютере для отслеживания вашей активности в интернете. В конце концов такие cookie когда-то вызывали

возмущение, а теперь без них в интернете и шагу не ступить. Например, по ее ожиданиям, YouTube будет сканировать эмоции своих зрителей, пока они смотрят видео. Ее уверенность подкрепляется спросом, создаваемым императивом прогнозирования: «Я смотрю на это так: не важно, что у вашего Fitbit нет камеры, потому что она есть в телефоне, есть в ноутбуке и будет в телевизоре. Все эти данные объединяются с биометрическими данными ваших носимых устройств и создают ваш эмоциональный профиль». Для начала Affectiva ввела понятие «эмоции как услуги», предлагая свою аналитику как услугу по требованию: «Просто отснимите людей, выражающих эмоции, а затем отправьте нам эти видео или фото, чтобы получить мощные метрики эмоций»[116].

Возможности оцифровки вглубь кажутся безграничными, и, возможно, так и будет, если Affectiva, ее клиенты и попутчики получат свободу рук, чтобы подвергать разграблению наши «я» по своему усмотрению. Есть признаки того, что эти амбиции простираются гораздо дальше и что «эмоция как услуга» может перейти от наблюдения к модификации. До «счастья как услуги» уже недалеко. «Я действительно считаю, что если у нас будет информация о ваших эмоциональных переживаниях, то мы можем помочь вам быть в хорошем настроении», — говорит Калиуби. Она предвидит системы распознавания эмоций, выдающие призовые баллы за счастье, потому что, в конце концов, счастливых клиентов легче «увлечь»[117].

IV. Когда они придут за моей правдой

На сегодняшний день оцифровка стала глобальным проектом надзорного капитала, и в ходе ее распространения вглубь мы наблюдаем ее самые пагубные проявления. Интимные территории «я», такие как наша личность и эмоции, объявлены наблюдаемым поведением и стали желанным источником богатых залежей прогнозного излишка. Сегодня новое племя торговцев личностью, полных решимости разложить по полочкам и упаковать нашу внутреннюю жизнь ради надзорных прибылей, официально перевело личные границы, защищающие

эту жизнь, в категорию «плохо для бизнеса». Накопленные ими знания и опыт подрывают само понятие автономного индивида, вознаграждая «безграничность» любыми доступными средствами — предложениями элитного статуса, бонусами, баллами счастья, скидками, кнопкой «купить», всплывающей на вашем устройстве в точный момент наиболее вероятного успеха — так, чтобы нам оставалось лишь разоблачиться и сдаться на милость загребущих лап и любопытных глаз машин, стоящих на службе нового рыночного космоса.

Я сознательно ухожу от более детального обсуждения того, что такое «личность» или «эмоция», «сознательно» или «бессознательно», в пользу, как я надеюсь, менее капризной истины, которую четко высветила эта последняя фаза вторжения. Опыт — это не нечто данное мне, а то, что я сделаю с этой данностью. Опыт, который высмеиваю я, у вас может вызвать энтузиазм. Я — это внутреннее пространство жизненного опыта, из которого создаются подобные значения. В этом творении я опираюсь на фундамент личной свободы: «фундамент», потому что я не могу жить без осмысления своего опыта.

Сколько бы у меня ни забрали, эта внутренняя свобода создавать смысл остается моим последним убежищем. Жан-Поль Сартр писал, что «свобода есть не что иное, как *существование* нашей воли», и уточнял: «На самом деле недостаточно иметь волю; нужно иметь волю к воле»[118]. Это восстание *воли к воле* — внутренний акт, делающий нас автономными существами, которые проецируют свой выбор в мир и демонстрируют качества самоопределяющегося морального суждения — необходимый и конечный оплот цивилизации. В этом и заключается смысл другого прозрения Сартра: «Без ориентиров, толкаемых лишь безымянной тоской, словам трудно <…> Голос рождается из риска: либо потеряешь себя, либо заслужишь право говорить от первого лица»[119].

По мере того как императив прогнозирования проникает в глубины личности, устоять перед ценностью добываемого по его велению излишка становится невозможно, и операции по его привлечению поднимаются на новый уровень. Что произойдет с правом говорить от первого лица, от самого себя, когда все более безумная институционализация, запущенная императивом про-

гнозирования, станет тренироваться, вылавливая мои вздохи, моргания и высказывания, в попытке добраться до моих мыслей, чтобы использовать их как средства для достижения чужих целей? Сегодня надзорный капитал извлекает излишек не просто из того, что я ищу, покупаю и просматриваю. Он больше не довольствуется одними только координатами моего тела во времени и пространстве. Теперь он вторгается в самое сокровенное внутреннее пространство, когда машины и их алгоритмы начинают определять значение моего дыхания и моих глаз, мышц моих челюстей, дрожи в моем голосе и восклицательных знаков, поставленных невинно и с надеждой.

Что станет с моей *волей к воле* существовать от первого лица, когда окружающий рыночный космос будет притворяться моим зеркалом, меняя форму в соответствии с тем, что, по его мнению, я чувствую, или чувствовал, или буду чувствовать — игнорируя, подстрекая, упрекая, подбадривая или наказывая меня? Надзорный капитал не может удержаться от того, чтобы хотеть меня всего, так глубоко и так далеко, насколько сможет зайти. Одна фирма, специализирующаяся на «человеческой аналитике» и аффективных вычислениях, предлагает своим маркетинговым клиентам такой заголовок: «Стань ближе к истине. Узнай подлинную причину». Что произойдет, когда они придут за моей «истиной», не прошеные, но полные решимости пройтись по моему «я», забирая все то, что будет питать их машины для достижения их целей? Загнанному в угол своего «я», человеку уже некуда бежать[120].

Похоже, что подобные вопросы могли все же беспокоить Пикард. В лекции «На пути к машинам, которые отрицают своего создателя», которую она прочитала в 2016 году в Германии, на смену успокоительным заверениям книги 1997 года, что «могут быть разработаны защитные меры», что новые технологии и технические методы могут решить любую проблему и что «носимые компьютеры» будут «собирать информацию исключительно для вашего собственного использования», будучи «инструментами расширения ваших возможностей, а не подчинения враждебным силам»[121], пришли новые размышления. «Некоторые организации хотят прощу-

пывать человеческие эмоции, оставляя людей в неведении об этом и не спрашивая их согласия, — говорит она. — Некоторые ученые хотят создать компьютеры, которые будут намного превосходить людей и будут способны не только воспроизводить себе подобных <…> Как сделать так, чтобы новые аффективные технологии меняли человеческую жизнь к лучшему?»[122]

Пикард представить себе не могла, что рыночные силы превратят оцифровку эмоций в прибыльный излишек, в средство для достижения чужих целей. То, что ее видение реализовано сегодня в тысячах видов деятельности, должно было быть триумфом, но триумф ослабляется тем фактом, что многие из этих видов деятельности связаны с проектом коммерческого надзора. Неспособность установить ориентиры раз за разом способствует привыканию, нормализации и в конечном итоге легитимации. Подчиненный более широким целям надзорного капитализма, смысл аффективного проекта изменился, как будто исказился в кривом зеркале парка развлечений.

Этот цикл заставляет вспомнить слова другого профессора Массачусетского технологического института, специалиста по компьютерной науке и гуманиста Джозефа Вейценбаума, который не раз красноречиво говорил о непреднамеренном сговоре ученых-компьютерщиков, направленном на создание ужасающих систем вооружений. Я полагаю, что он метал бы молнии в адрес сегодняшних иногда невольных, а иногда добровольных торговцев личностью, так что уместно будет закончить главу его словами:

> Я не совсем понимаю, вся ли компьютерная наука в целом или только ее раздел, занимающийся искусственным интеллектом, проявляет столь безграничное пристрастие к эвфемизмам. Мы так эффектно и с такой готовностью говорим о компьютерных системах, которые понимают, видят, решают, выносят суждения <…> не сознавая свою собственную поверхностность и неизмеримую наивность в отношении этих концепций. И в процессе подобных разговоров мы притупляем свою способность <…> осознавать их конечное назначение <…> Нельзя выйти из этого состояния, не спрашивая снова и снова: «Что я на самом деле делаю? Каково окончательное применение и использование плодов моего труда?» и в конечном счете: «Устраивает ли меня то, как они применяются, или мне стыдно за это?»[123]

ГЛАВА 10
Пусть они попляшут

Но вот чей-то плач.
Ах, причина известна —
Растление душ и паденье столиц,
Ибо зло неизбывно, ибо даже сам принц,
Ко лжи прибегая, царит в Поднебесной.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, XI*[1]

I. Экономия за счет действия

«Сегодня сила — *действие*, — сказал мне один старший инженер-программист. — Интеллект, присущий „интернету вещей“, означает, что датчики могут быть также *активаторами*». Директор по разработке программного обеспечения для компании, которая играет важную роль в «интернете вещей», добавляет:

> Речь идет уже не просто о повсеместной компьютеризации. Настоящая цель сегодня — повсеместное вмешательство, действие и контроль. Настоящая власть в том, что теперь вы можете *изменять* действия в реальном времени в реальном мире. Подключенные к сети интеллектуальные датчики могут регистрировать и анализировать любое поведение, а затем вычислить, как его изменить. Аналитика в реальном времени превращается в действие в реальном времени.

Ученые и инженеры, с которыми я беседовала, называют эту новую способность «активацией» (actuation) и описывают ее как критический, хотя и почти не обсуждаемый поворотный момент в эволюции аппарата повсеместности.

Способность к активации определяет новый этап развития императива прогнозирования, на котором важнее всего *экономия за счет действий*. На этом этапе в арсенал добавляются новые *способы изменения поведения*, что представляет собой решительный и необходимый шаг в развитии «средств производства» надзорного капитализма в направлении к более сложной, многослойной и могущественной экономической системе. Это важнейшее достижение в погоне за гарантированными результатами.

При надзорном капитализме цели и операции автоматической модификации поведения разрабатываются и контролируются компаниями, стремящимися достичь своих собственных целей с точки зрения прибыли и роста. Один старший инженер сказал мне:

> С помощью датчиков изменять поведение людей так же легко, как и поведение устройств. Благодаря «интернету вещей» можно сделать много хороших вещей, например снизить температуру во всех домах на вашей улице, чтобы не перегружать трансформатор, или оптимизировать весь промышленный техпроцесс. Но на индивидуальном уровне это также означает способность принимать меры, которые могут перевесить то, что вы делаете, или даже заставить вас приняться за то, о чем вы и не помышляли.

Ученые и инженеры, с которыми я беседовала, выделили три ключевых подхода к экономии за счет действия, каждый из которых направлен на изменение поведения. Первые два я называю «подстройка» (tuning) и «понуждение» (herding). Третий — известное явление, которое психологи-бихевиористы называют «обусловливанием» (conditioning). Стратегии, применяемые для экономии за счет действия, различаются тем, как именно сочетаются эти подходы и какое место отводится каждому из них.

«Подстройка» происходит разными способами. Она может состоять в сигналах подсознанию, призванных тонко подправить поток поведения в определенное место и в определенное время, точно рассчитанное для максимально эффективного воздействия. Другой тип подстройки подразумевает то, что поведенческие экономисты Ричард Талер и Касс Санстейн называют «подталкиванием» (nudge), которое они определяют как «любой аспект архитектуры выбора, предсказуемо влияющий на поведение людей»[2]. Термин «*архитектура выбора*» относится к тому, как те или иные ситуации заранее структурированы, чтобы направлять внимание и формировать действия. В некоторых случаях эти архитектуры специально предназначены, чтобы побудить к нужному поведению, например школьный класс, в котором все стулья обращены к учителю, или онлайн-бизнес, который вынуждает вас открывать множество непонятных страниц, чтобы отказаться от его отслеживающих файлов cookie. Использование этого термина — еще один способ сказать на би-

хевиористском языке, что социальные ситуации всегда насыщены всяческой «подстройкой», остающейся большей частью вне нашего сознания.

Поведенческие экономисты отстаивают взгляд на мир, в основе которого лежит представление о том, что человеческое мышление хрупко и чревато ошибками, ведущими к иррациональным решениям, неадекватно учитывающим всю структуру вариантов действия. Талер и Санстейн призывают правительства активно разрабатывать «подталкивания», которые должным образом направляют процессы индивидуального принятия решений к таким результатам, которые максимально соответствуют интересам самих этих индивидов, как их понимают эксперты. Классический пример, часто приводимый Талером и Санстейном, — директор школьной столовой, который подталкивает учеников к выбору более полезных блюд, выставляя фруктовый салат на видное место, впереди пудинга; другой пример — автоматическое продление полиса медицинского страхования как средство защитить тех, кто недооценивает важность действий по возобновлению страховки в конце каждого года.

Надзорные капиталисты приспособили к своим нуждам многие из весьма спорных допущений поведенческих экономистов, используя их в качестве еще одного прикрытия, легитимирующего их практическую приверженность односторонней коммерческой программе изменения поведения. Разница в том, что в этом случае «подталкивания» заставляют принимать решения, выгодные для архитектора, а не для самого индивида. В результате специалисты по данным, обученные экономии за счет действия, считают совершенно нормальным овладевать искусством и наукой «цифрового подталкивания» ради коммерческих интересов своей компании. Так, главный специалист по данным одной национальной сети аптек рассказывает, как его компания разрабатывает автоматические цифровые «подталкивания», которые тонко подводят людей к определенному поведению, желаемому компанией:

> С помощью этой технологии вы можете заставлять людей что-то сделать. Даже если это всего 5% людей, то вы заставили 5% людей совершить действие, которое они ина-

> че бы не совершили, так что в некоторой степени здесь присутствует элемент потери самоконтроля со стороны пользователя.

Второй подход, основанный на контроле ключевых элементов в непосредственном окружении человека, — «понуждение». Пример техники понуждения — «недоговор». Выключение двигателя автомобиля необратимо меняет непосредственные обстоятельства водителя, понуждая его выйти из машины. Понуждение позволяет дистанционно управлять человеческой ситуацией, исключая альтернативные действия и тем самым направляя поведение по пути повышенной вероятности, которая приближается к определенности. «Мы пытаемся писать музыку, а затем пусть музыка сама заставит их поплясать», — объясняет разработчик программного обеспечения для «интернета вещей», добавляя:

> Мы можем спроектировать контекст вокруг определенного поведения и вынудить изменить поведение в нужную сторону. Данные, учитывающие контекст, позволяют нам связать воедино ваши эмоции, ваши когнитивные функции, ваши жизненные показатели и так далее. Мы можем знать, что вам не следует садиться за руль, и можем просто отключить вашу машину. Мы можем сказать холодильнику: «Эй, запрись-ка, потому что ему не следует есть», или мы говорим телевизору выключиться, чтобы заставить вас немного поспать, или стулу, чтобы он начал дрожать, потому что вам не стоит так долго сидеть, или крану, чтобы он включился, потому что вам нужно пить больше воды.

«Обусловливание» — это хорошо известный подход к изменению поведения, связанный прежде всего с известным гарвардским бихевиористом Б. Ф. Скиннером. Он утверждал, что изменение поведения должно имитировать эволюционный процесс, в котором условия окружающей среды «отбирают» самые успешные виды естественного поведения. Вместо более ранней, более упрощенной модели стимула/реакции, связанной с такими бихевиористами, как Уотсон и Павлов, Скиннер предложил третью переменную: «подкрепление». В своей лабораторной работе с мышами и голубями Скиннер научился наблюдать у экспериментальных животных различные виды естественного поведения, а затем подкреплять конкретное действие или «оперант», которое

он хотел, чтобы животное воспроизводило. В конечном итоге он освоил замысловатые схемы или «графики» подкрепления, которые могли надежно формировать точные поведенческие последовательности.

Скиннер назвал применение подкреплений для формирования желаемого поведения «оперантным обусловливанием». Его проект в целом был известен как «модификация поведения» или «поведенческая инженерия», в ходе которой поведение непрерывно формируется ради усиления одних действий за счет других. В конце концов голубь учится, например, дважды нажимать на кнопку, чтобы получить кусочек корма. Мышь учится пробираться через сложный лабиринт и обратно. Скиннер предвидел повсеместную «технологию поведения», в рамках которой можно было бы применять такие методы на людских сообществах.

Как сказал мне главный специалист по данным из очень известной образовательной компании Кремниевой долины, «обусловливание в большом масштабе крайне важно для новой науки о массовом проектировании человеческого поведения». Он считает, что смартфоны, носимые устройства и весь набор постоянно подключенных сетевых узлов в целом позволяют его компании изменять существенный диапазон поведения своих пользователей и управлять им. По мере того как цифровые сигналы отслеживают повседневную деятельность человека, компания постепенно нащупывает и совершенствует схему подкреплений — вознаграждений, похвал и просто упоминаний об успехе, которые могут надежно приводить к конкретным действиям пользователей, избранным компанией для распространения:

> Цель всего, что мы делаем, — массовое изменение реального поведения людей. Мы хотим выяснить, как организовать изменение человеческого поведения, а затем хотим изменить то, как множество людей принимают свои повседневные решения. Когда люди используют наше приложение, мы можем фиксировать их поведение и выявлять хорошее и плохое [поведение]. Затем мы разрабатываем «методы вмешательства» или «кусочки данных», которые помогают отбирать хорошее поведение. Мы можем проверить, насколько действенны наши сигналы для них и насколько выгодны определенные виды их поведения для нас.

Хотя и можно представить себе автоматизированную модификацию поведения без участия надзорного капитализма, невозможно вообразить надзорный капитализм без модификации поведения вкупе с технологическими средствами для автоматизации этого процесса. Эта связка совершенно необходима для экономии за счет действия. Скажем, можно представить себе фитнес-трекер, автомобиль или холодильник, данные с которого и управление которыми доступны исключительно их владельцам, чтобы помочь им чаще выполнять физические упражнения, более безопасно управлять автомобилем или правильнее питаться. Но, как мы уже видели на множестве примеров из множества самых различных областей, возвышение надзорного капитализма уничтожило идею простой цепочки обратной связи, характерной для цикла реинвестирования поведенческой стоимости. В конце концов, дело не в самих устройствах; дело в веберовской «экономической ориентации», которая теперь определяется надзорным капитализмом.

Соблазнительность надзорных доходов ведет к непрерывному накоплению все более и более прогностических форм поведенческого излишка. Самый надежный источник предсказаний из всех — поведение, которое уже должным образом изменено в сторону гарантированного исхода. Слияние новых цифровых средств модификации поведения и новых экономических целей дает целый ряд новых методов создания и привлечения этих новых форм излишка. Показательно исследование под названием «Методы изменения поведения, реализованные в электронных консультантах по образу жизни». Ученые из Университета Техаса и Университета Центральной Флориды изучили тринадцать таких приложений и пришли к выводу, что устройства для мониторинга образа жизни «содержат широкий спектр методов изменения поведения, обычно используемых при клинических вмешательствах». Исследователи пришли к выводу, что операции по изменению поведения расширяются в результате их распространения на цифровые устройства и подключения к интернету. Они отмечают, что сама возможность простой обратной связи, разработанной потребителем и для потребителя, кажется безнадежно ускользающей, что приложения, изменяющие

поведение, «поддаются <…> различным типам надзора» и что «официальных методов» безопасной и простой передачи данных «в этих приложениях, по-видимому, в настоящее время не существует»[3].

Вспомним, что экономист Google Хэл Вэриан нахваливал «новые применения» для больших данных, которые исходят из повсеместных компьютерных транзакций. Среди них он назвал возможность «непрерывного экспериментирования». Вэриан отмечал, что команда инженеров и специалистов по обработке данных Google постоянно проводит тысячи A/B-экспериментов, которые используют рандомизацию и контрольные группы для оценки реакций пользователя на сотни вариантов параметров страницы от макета до кнопок и шрифтов. Вэриан поддержал и превознес эти самозваные эксперименты, предупредив, что все данные мира «могут измерить лишь корреляцию, а не причинность»[4]. Данные показывают, что произошло, но молчат о том, почему это произошло. В отсутствие знания о причинно-следственных связях даже самые лучшие прогнозы являются лишь экстраполяциями прошлых закономерностей.

Отсюда понятно: последний решающий элемент, необходимый для построения высококачественных прогнозных продуктов — то есть таких, которые приближаются к гарантированным результатам, — зависит от знания причинно-следственных связей. Как говорит Вэриан, «если вы действительно хотите понять причинность, вы должны проводить эксперименты. И если вы проводите эксперименты непрерывно, вы можете непрерывно совершенствовать свою систему»[5].

Поскольку «система» должна поставлять прогнозы, «непрерывное совершенствование системы» означает сокращение разрыва между прогнозом и наблюдением с целью приближения к достоверности. В аналоговом мире подобные амбиции были бы слишком дороги, чтобы думать о практическом осуществлении, но, как замечает Вэриан, в сфере интернета «эксперименты могут быть полностью автоматизированы».

Вэриан щедро разрешает надзорным капиталистам взять на себя роль экспериментаторов, и это преподносится как очередной свершившийся между делом факт. В действительности же это отражает последний кри-

тический шаг надзорных капиталистов в радикальном утверждении за собой новых прав. На этом этапе развития императива прогнозирования надзорные капиталисты заявляют о своем праве на изменение чужого поведения с целью извлечения прибыли, проводимого методами, которые работают без ведома людей, обходя личное право на принятие решений и весь комплекс процессов саморегулирования, которые мы обобщенно именуем такими словами, как *автономия* и *самоопределение*.

Теперь я расскажу две истории о надзорных капиталистах как об «экспериментаторах», использующих асимметрию знаний, чтобы навязать свою волю ничего не подозревающим испытуемым, каковыми являются их пользователи. Экспериментальные данные, накопленные с помощью их односторонних зеркал, имеют решающее значение для разработки, тонкой настройки и изучения дальнейших перспектив развития коммерческих способов модификации поведения каждой из этих фирм. В экспериментах над пользователями, проведенных Facebook, и в игре дополненной реальности Pokémon Go (задуманной и выращенной в Google) мы видим, как прямо на наших глазах развиваются коммерческие средства изменения поведения. И то и другое совершенно по-новому сочетает в себе компоненты экономии за счет действия и методы подстройки, понуждения и обсусловливания, показывая нам воинов, притаившихся глубоко внутри троянского коня, — экономическую ориентацию, скрытую под завесой цифры.

11. Facebook сочиняет музыку

В 2012 году исследователи из Facebook поразили публику статьей с провокационным названием «Эксперимент по социальному влиянию и политической мобилизации с 61 миллионом участников», которая была опубликована в научном журнале Nature[6]. В этом контролируемом рандомизированном исследовании, проведенном в преддверии промежуточных выборов в Конгресс США 2010 года, исследователи ради эксперимента манипулировали социальным и информационным содержанием сообщений, связанных с голосованием, в новостных лен-

тах почти 61 миллиона пользователей Facebook, одновременно наблюдая за контрольной группой.

Одной группе в верхней части новостной ленты показывалось сообщение, побуждавшее пользователя голосовать. В нем была ссылка на информацию о месте голосования, активируемая кнопка с надписью «Я проголосовал», счетчик, показывающий, сколько других пользователей Facebook сообщили о голосовании, и до шести фотографий из профилей друзей этого пользователя, которые уже кликнули по кнопке «Я проголосовал». Вторая группа получила ту же информацию, но без фотографий друзей. Третья, контрольная, группа не получала никаких специальных сообщений.

Результаты показали, что пользователи, получившие сообщение с фотографиями из профилей друзей, примерно на 2% чаще нажимали кнопку «Я проголосовал», чем те, кто получил только информацию, и на 0,26% чаще переходили к информации о месте голосования. Экспериментаторы из Facebook установили, что обмен сообщениями в социальных сетях является эффективным средством массовой подстройки поведения, поскольку он «напрямую влияет на политическое самовыражение, поиск информации и реальное поведение миллионов людей при голосовании», и пришли к выводу, что «показ знакомых лиц пользователям может резко повысить эффективность мобилизационного сообщения».

По подсчетам группы, благодаря экспериментальным социальным сообщениям на промежуточных выборах 2010 года на избирательные участки дополнительно пришло 60 000 избирателей и еще 280 000 избирателей проголосовали в результате эффекта «социальной заразительности», что дало в общей сложности 340 000 дополнительных голосов. В своих заключительных замечаниях исследователи утверждали:

> мы продемонстрировали важность социального влияния в деле изменения поведения <…> наши результаты показывают, что онлайн-сообщения могут влиять на различные формы поведения в реальной жизни, что требует нового взгляда на роль социальных сетей в обществе…[7]

Эксперимент удался потому, что создавал социальные сигналы, которые «давали подсказки» пользователям

или «подготавливали» их таким образом, чтобы настроить их поведение в реальном мире на конкретные действия, заданные «экспериментаторами». В процессе подобного экспериментирования возможности для экономии за счет действий обнаруживаются, оттачиваются и в конечном итоге институционализируются в виде компьютерных программ и алгоритмов, которые действуют автоматически, непрерывно, повсеместно и всепроникающе для достижения экономии за счет действия. Излишек Facebook направлен на решение одной задачи: как и когда вмешиваться в игру вашей повседневной жизни, чтобы изменить ваше поведение и тем самым резко повысить предсказуемость ваших действий прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. Проблема, стоящая перед надзорными капиталистами, состоит в том, чтобы научиться делать это эффективно, автоматически и, следовательно, экономно, как пишет бывший продакт-менеджер Facebook:

> В какой-то момент его пребывания на сайте эксперименты проводятся на каждом пользователе. Это может быть рекламное объявление другого размера, или новые маркетинговые сообщения, или новые кнопки с призывами к действию, или его лента начинает генерироваться другими алгоритмами ранжирования <…> Фундаментальная цель большинства людей из Facebook, которые работают с данными, состоит в том, чтобы влиять на настроения и поведение людей. Все это время они работают над тем, чтобы вам больше нравились посты, чтобы вы чаще кликали по рекламе, проводили больше времени на сайте. Так работают сайты, так делают все, и все знают, что так делают все[8].

Публикация исследования Facebook вызвала ожесточенные споры, по мере того как эксперты и широкая общественность постепенно начинали осознавать беспрецедентные возможности Facebook — и других интернет-компаний — по убеждению, влиянию и в конечном счете фабрикации поведения. Джонатан Зиттрейн, гарвардский специалист по интернет-праву, признал, что теперь можно себе представить, что Facebook будет втихаря манипулировать выборами, используя средства, которые его пользователи не могут ни обнаружить, ни контролировать. Он охарактеризовал эксперимент Facebook как вызов «коллективным правам», который

может подорвать «право народа в целом <…> пользоваться преимуществами демократического процесса…»[9].

Обеспокоенность общественности не смогла заставить Facebook отказаться от практики массового изменения поведения. В то самое время, когда в 2012 году шли споры по поводу эксперимента по социальному влиянию, специалист по данным из Facebook уже работал, в сотрудничестве с академическими учеными, над новым исследованием «Экспериментальное подтверждение массовой передачи эмоций в социальных сетях», отправленном для публикации в престижный журнал Proceedings of the National Academy of Sciences в 2013 году, где оно было отредактировано известным социальным психологом из Принстона Сьюзан Фиск и опубликовано в июне 2014 года.

На этот раз экспериментаторы «манипулировали тем, насколько люди (N = 689 003) были подвержены эмоциональным воздействиям в своей новостной ленте»[10]. Эксперимент строился как один из тех с виду невинных A/B-тестов. В этом случае одной группе показывали в ленте новостей преимущественно позитивные сообщения, а другой — преимущественно негативные. Идея состояла в том, чтобы проверить, может ли даже подсознательное воздействие определенного эмоционального содержания заставить людей изменить свое собственное поведение в социальной сети в соответствии с этим контентом. Ответ — может. Действительно ли пользователи чувствовали себя счастливее или печальнее, или нет, но тон их высказываний менялся вслед за новостной лентой.

Результаты эксперимента не оставляют сомнений в том, что тщательно продуманные, незаметные и неоспоримые подсознательные сигналы Facebook снова вышли за пределы экрана и проникли в повседневную жизнь сотен тысяч наивных пользователей, предсказуемо активировав определенные качества эмоционального выражения посредством процессов, действующих вне сознания испытуемых-людей, подобно тому, что некогда предписывал Стюарт Маккей в отношении галапагосских черепах и канадского лося (см. главу 7). «Эмоциональные состояния могут передаваться другим через эмоциональное заражение, заставляя ни-

чего не подозревающих людей испытывать те же эмоции», — заявляют исследователи. «Онлайн-сообщения влияют на наш эмоциональный опыт, что может повлиять на различные формы поведения в реальной жизни». Команда назвала свою работу «одним из первых экспериментальных подтверждений спорного положения о том, что эмоции могут распространяться по сети», и они размышляли о том, что даже их относительно минимальные манипуляции имели измеримый эффект, пусть и небольшой[11].

О чем исследователи Facebook не упомянули, обсуждая результаты обоих экспериментов, так это о том, что восприимчивость человека к подсознательным сигналам и его или ее уязвимость к эмоциональному «заражению» в значительной степени зависят от эмпатии — способности понимать и разделять психическое и эмоциональное состояние другого человека, в том числе переживать его чувства и быть способным взглянуть на вещи его глазами, что иногда называют «аффективной» или «когнитивной» эмпатией. Психологи обнаружили, что чем больше человек способен поставить себя на место другого и представить чувства другого человека, тем более вероятно, что он будет подвержен влиянию подсознательных сигналов, включая гипноз. Эмпатия ориентирует людей на других людей. Она позволяет человеку погрузиться в эмоциональный опыт и откликаться на опыт других, включая неосознанное подражание выражениям лица или «языку тела» другого человека. Заразительный смех и даже заразительное зевание — примеры такого отклика[12].

Эмпатия считается необходимой предпосылкой для образования социальных связей и эмоциональных привязанностей, но она может также спровоцировать «заместительную тревогу», передающуюся от жертв или других людей, которым действительно плохо. Некоторые психологи называют эмпатию «рискованным преимуществом», потому что она побуждает сопереживать не только радости, но и боли других людей[13]. Успешная подстройка, проявившаяся в обоих экспериментах Facebook, является результатом эффективного использования естественной эмпатии, присутствующей среди его пользователей.

Исследователи из Facebook утверждают, что из полученных ими результатов следуют два вывода. Во-первых, для массовой и активной аудитории, такой как пользователи Facebook, даже небольшие воздействия «могут иметь большие совокупные последствия». Во-вторых, авторы предложили читателям представить, чего можно достичь с помощью более значительных манипуляций и при еще большем числе испытуемых, отметив важность своих результатов для «общественного здравоохранения».

Общественное возмущение и на этот раз было немалым. «Если Facebook может манипулировать эмоциями и заставить нас голосовать, то на что еще он способен?» — вопрошала газета Guardian. Журнал Atlantic цитирует редактора, которая готовила статью к публикации, несмотря на свои явные опасения[14]. Она сказала изданию, что, будучи частной компанией, Facebook не обязан придерживаться правовых стандартов, обязательных для экспериментов, проводимых академическими и государственными учреждениями.

Эти правовые нормы известны как Общее правило (Common Rule). Эти нормы, разработанные для защиты от злоупотребления экспериментатором своей властью, должны соблюдаться всеми исследованиями, получающими федеральное финансирование. «Общее правило» предусматривает соблюдение процедур информированного согласия, предупреждения причинения вреда, последующего разбора эксперимента с испытуемыми и прозрачности, и за применением этих правил следят группы ученых, известные как «внутренние комиссии по этике», существующие в каждом исследовательском учреждении. Фиск признала, что ее убедили доводы Facebook о том, что рассматриваемые экспериментальные манипуляции были ничем не примечательным продолжением стандартной практики корпорации по манипулированию новостными лентами людей. Как вспоминала Фиск, «Они сказали, что Facebook всегда манипулировал новостными лентами пользователей и не скрывал этого <…> Кто знает, какие еще исследования они проводят?»[15] Другими словами, Фиск согласилась, что эксперимент был просто продолжением стандартной для Facebook практики изменения пове-

дения, которую тот вполне безнаказанно применяет уже какое-то время.

Специалиста по данным и основного автора работы, Адама Крамера, СМИ забросали сотнями запросов, что заставило его написать на своей странице в Facebook, что корпорацию действительно «заботят» эмоциональные последствия ее действий. Один из его соавторов, Джеффри Хэнкок из Корнелльского университета, сказал газете New York Times, что не понимал, что манипулирование новостными лентами, даже незначительное, заставит некоторых людей почувствовать себя ущемленными в правах[16]. Газета Wall Street Journal сообщила, что с момента своего создания в 2007 году группа по изучению данных Facebook провела более тысячи экспериментов и действовала практически без каких-либо ограничений и в отсутствие комиссии по этике. В статье в газете Guardian профессор психологии Крис Чамберс резюмировал, что «исследование Facebook рисует мрачное будущее, в котором академические исследователи уходят от этических ограничений, объединяясь с частными компаниями для проверки все более опасных или вредоносных воздействий»[17].

Через месяц после публикации исследования об эмоциональном заражении главный редактор журнала Proceedings of the National Academy of Sciences Индер М. Верма опубликовал «редакционную статью с выражением озабоченности» в отношении исследования Facebook. Признав легитимность стандартной защиты, что технически на Facebook «Общее правило» не распространяется, Верма добавил: «все же вызывает беспокойство тот факт, что сбор данных Facebook мог включать в себя практики, которые не полностью соответствуют принципам получения информированного согласия и возможности для участников отказаться от эксперимента»[18].

Из американских ученых самые всесторонние доводы в пользу того, что Facebook и другие компании, работающие в социальных сетях, должны придерживаться стандартов, представленных Общим правилом, опубликовал профессор права Университета Мэриленда Джеймс Гриммельман. Он полагал, что корпоративные исследования с большей вероятностью, чем академические, могут быть скомпрометированы серьезным конфликтом

интересов, что делает соблюдение общих стандартов проведения экспериментов особенно важным и совсем не тем, что можно оставить на личное моральное усмотрение. Гриммельмана пугала возможность «этического „отмывания“ с помощью комиссий по этике», когда ученые смогут «обходить исследовательские этические нормы, если достаточно тесно сотрудничают с отраслевыми партнерами. Общее правило потонет в таких исключениях»[19].

Несмотря на свои твердые убеждения в этом вопросе, на последних страницах своего анализа Гриммельман признал, что даже самое всеобъемлющее применение «Общего правила» мало что сможет сделать для обуздания непомерной власти такой компании, как Facebook, которая регулярно и массово манипулирует поведением пользователей, используя средства, которые не поддаются обнаружению и, значит, наказанию. Подобно Фиск, Гриммельман осознавал существование более масштабного проекта экономии за счет действия, находящегося за пределами досягаемости для установленных правовых и социальных норм.

Много внимания привлекло письмо, опубликованное в журнале Nature, авторы которого — биоэтик Мишель Мейер с пятью соавторами, говорившие от имени двадцати семи других специалистов по этике — решительно вставали на защиту эксперимента Facebook. В письме утверждалось, что необходимость кодифицировать новые знания об онлайн-среде оправдывает эксперименты, даже если в них не соблюдаются или не могут соблюдаться общепринятые этические принципы проведения исследований на людях. Но доводы Мейер во многом строились на пророческом предостережении, что «крайняя реакция на это исследование <…> может привести к тому, что подобные исследования будут проводиться втайне <…> Если критики считают, что манипулирование эмоциональным содержанием в этом исследовании вызывает достаточную озабоченность, чтобы распространить на него правовое регулирование <…> то ту же озабоченность должна вызывать и стандартная практика Facebook…»[20]

Критики и защитники эксперимента сошлись лишь в одном: Facebook может легко показать норов, при-

грозив действовать тайно, если регуляторы попытаются вмешиваться в его работу. Академическое сообщество испытывало тревогу перед лицом уже известного: Facebook владеет беспрецедентными средствами изменения поведения, которые работают скрытно, массово, и в полном отсутствии социальных или правовых механизмов, позволяющих обговаривать, оспаривать или контролировать их. Даже самое строгое применение Общего правила вряд ли изменит эти факты.

Когда ученые обещали созвать экспертные группы для рассмотрения этических вопросов, поднятых исследованиями Facebook, корпорация объявила о своих собственных планах по улучшению саморегулирования. Директор по технологиям корпорации Майк Шропфер признался, что он оказался «не готов» к подобной реакции общественности на исследование распространения эмоций, и допустил, что «кое-что нам следовало сделать иначе». Принятые компанией «новые правила» проведения исследований предусматривают четкие общие принципы, внутреннюю комиссию по этике, включение модуля о научно-исследовательских практиках в знаменитую интенсивную корпоративную программу ориентации и тренинга для новых сотрудников, а также веб-сайт для размещения опубликованных научных исследований. Эти наложенные на себя «правила» не поколебали фундаментального факта использования онлайн-сообщества Facebook в качестве необходимой питательной среды и конечной цели корпоративной экономии за счет действия.

Этот факт в конечном итоге подтверждается документом, добытым австралийской прессой в мае 2017 года. Спустя три года после публикации исследования по распространению эмоций газета Australian рассказала о конфиденциальном 23-страничном документе Facebook, составленном двумя его руководителями в 2017 году и предназначенном для рекламодателей из Австралии и Новой Зеландии. В отчете описываются корпоративные системы для сбора «психологической информации» о 6,4 миллиона старшеклассников и студентов, а также уже работающих молодых австралийцев и новозеландцев. В документе Facebook подробно описываются многочисленные способы использования корпораци-

ей своих запасов поведенческого излишка для точного определения момента, когда молодой человек нуждается в «повышении уверенности» и потому наиболее уязвим для конкретной конфигурации рекламных сигналов и подводок: «отслеживая сообщения, фотографии, взаимодействия и активность в интернете, Facebook может вычислить, когда молодые люди „испытывают стресс“, „тревогу“ или „бессилие“, „нервничают“, чувствуют себя „глупо“, кажутся себе „проигравшими“, „никчемными“, „тупицами“ или „неудачниками“»[21].

Отчет раскрывает заинтересованность Facebook в использовании этого аффективного излишка в целях экономии за счет действия. В нем говорится о существовании подробной информации о «переменах настроения» среди молодых людей на основе «внутренних данных Facebook» и утверждается, что прогнозные продукты Facebook могут не только «следить за настроением», но и предсказывать, как будут выражаться эмоции в разные моменты в течение недели, сопоставляя каждой эмоциональной фазе подходящие рекламные сообщения в попытке максимизировать вероятность гарантированных исходов. «Эмоции, связанные с приятными ожиданиями, скорее всего, будут проявляться в начале недели, — подсказывает анализ, — в то время как рефлексивные эмоции усиливаются в выходные. С понедельника по четверг — укрепление доверия; выходные — для трансляции достижений».

Facebook публично отрицал эту практику, но Антонио Гарсиа-Мартинес, бывший продакт-менеджер Facebook и автор полезной книги о Кремниевой долине под названием «Обезьяны в бизнесе»[22], описал в газете Guardian рутинное применение таких методов и обвинил корпорацию в «циничной лжи». Его вывод: «Суровая реальность состоит в том, что Facebook ни за что не станет ограничивать подобное использование своих данных, если не поднимется такая шумиха, которую невозможно будет заглушить»[23]. Конечно, ни общественное возмущение попытками Facebook встроиться в эмоциональную жизнь своих пользователей, как это проявилось в исследовании эмоционального заражения, ни его обещание саморегулироваться не ослабили его коммерческий интерес к эмоциям пользователей или стремле-

ние корпорации систематически использовать это знание от имени и в сотрудничестве с ее клиентами. Этого не произошло, потому что не могло произойти, по крайней мере до тех пор, пока выручка компании связана с экономией за счет действия, диктуемой императивом прогнозирования.

Упорство Facebook снова напоминает нам о неумолимой поступи цикла изъятия. Facebook публично признал и принес извинения за свое известное экспериментальное *вторжение* в изменение поведения и манипуляцию эмоциями и обещал *адаптацию*, направленную на обуздание или смягчение этой практики. Между тем был преодолен новый порог вмешательства в тайны личной жизни. Потенциальное мастерство Facebook по части эмоциональных манипуляций стало предметом обсуждения и даже воспринималось как должное по мере наступления *привыкания*. Эксперты, будь то Фиск из Принстона, или критик корпорации Гриммельман, или ее защитник Мейер, полагали, что, если действия Facebook будут втиснуты в какие-либо новые нормативные рамки, корпорация просто продолжит делать то же самое втайне. Австралийские документы раскрыли одну из этих тайных практик, свидетельствующую о переходе к завершающей фазе цикла изъятия — *перенаправлению* действий на подпольные территории, защищенные непрозрачностью и непроницаемостью, в точности как и предвидели эти ученые.

Эксперимент Facebook по политической мобилизации показал, что, манипулируя уязвимостями пользователей к социальному влиянию, можно создать мотивационное условие («хочу быть похожим на моих друзей»), которое увеличивает вероятность того, что соответствующие сигналы, подталкивающие к действию — кнопка «Я проголосовал» — возымеют действие. Исследование эмоционального заражения эксплуатировало ту же ориентацию на социальное окружение. В этом случае Facebook встроил подсознательные сигналы в виде позитивного или негативного эмоционального языка, которые, в сочетании с мотивационным состоянием, вызванным социальным сравнением — «хочу быть похожим на друзей», — создало измеримый, пусть и слабый, эффект заражения. Наконец, австралийский

документ по таргетированию рекламы свидетельствует о серьезности и сложности закулисных мер по усилению этого эффекта путем уточнения мотивационных условий. Он раскрывает не только масштаб и охват поведенческого излишка Facebook, но и заинтересованность корпорации в использовании своего излишка для точного определения в реальном времени моментов наибольшей уязвимости пользователя к таргетированию такой информации о брендах, которая, скорее всего, даст гарантированный результат.

Успех экспериментов Facebook демонстрирует, что подстройка через внушение может быть эффективной формой массовой удаленной стимуляции. Держать индивида и общество в неведении о происходящем было решающим условием для успеха Facebook в модификации поведения, как это и утверждал Маккей. Первый абзац исследовательской статьи об эмоциональном заражении превозносит эту хитрость: «Эмоциональные состояния могут передаваться другим через эмоциональное заражение, заставляя людей испытывать те же эмоции без *осознания их источника*». Молодые австралийские горожане также не подозревают, что их страхи и фантазии, в точно отмеренных дозах, используются для достижения коммерческого результата в час и минуту их наибольшей уязвимости.

Эта скрытность не является ни случайным совпадением, ни побочным явлением — на деле это один из несущих элементов всей постройки надзорного капитализма. Осознание индивидом происходящего — враг телестимулирования, поскольку оно — необходимое условие мобилизации когнитивных и экзистенциальных ресурсов. Не может быть автономного суждения без осознания. Согласие и несогласие, участие и отказ от участия, сопротивление или сотрудничество — ни одно из этих автономных решений не может быть принято без осознания.

Существует богатая и разнообразная исследовательская литература, освещающая предпосылки, условия, последствия и проблемы человеческой автономии как всеобщей потребности. Способность к самоопределению понимается как необходимая основа для многих видов поведения, которые мы связываем с таки-

ми критически важными способностями, как эмпатия, воля, рефлексия, личностное развитие, аутентичность, целостность, познание, достижение целей, контроль над импульсами, творческий подход и поддержание долговременных близких отношений. «В этом процессе подразумевается „я“, которое устанавливает цели и стандарты, *осознает* свои собственные мысли и поведение и способно их изменить, — пишут профессор университета штата Огайо Дилан Вагнер и профессор Дартмута Тодд Хизертон в работе, посвященной центральному месту самосознания в самоопределении. — Действительно, некоторые теоретики предполагают, что основная цель самосознания состоит в том, чтобы сделать возможной саморегуляцию». Каждая угроза человеческой автономии начинается с посягательства на осознание, «что уничтожает нашу способность владеть своими мыслями, эмоциями и желаниями»[24].

Первостепенная значимость самосознания для здоровой саморегуляции также подчеркивается в работе двух исследователей из Кембриджского университета, которые разработали шкалу для измерения «восприимчивости человека к убеждению». Они обнаружили, что наиболее важным отдельным фактором, определяющим способность человека противостоять убеждению, является то, что они называют «способностью заблаговременного продумывания действий» (the ability to premeditate)[25]. Это означает, что люди, которые, опираясь на самосознание, продумывают последствия своих действий, более склонны прокладывать свой собственный курс и значительно менее уязвимы для различных методик убеждения. Самосознание также играет роль во втором по важности факторе на их шкале — приверженности (commitment). Люди, которые сознательно привержены курсу действий или набору принципов, с меньшей вероятностью подадутся убеждению сделать что-то, что нарушает эту приверженность.

Мы уже видели, что демократия угрожает надзорным доходам. Практика Facebook позволяет сделать не менее тревожный вывод: надзорным доходам угрожает само человеческое сознание, поскольку осознание происходящего ставит под угрозу весь проект изменения поведения. Философы признают «саморегуляцию», «само-

определение» и «автономию» проявлениями «свободы воли». Слово *автономия* — греческое по происхождению и буквально означает «саморегулирование». Противоположность ей — *гетерономия*, что означает «регулирование со стороны других». Конкурентные нужды экономии за счет действия означают, что надзорные капиталисты должны использовать все доступные средства для замены автономных действий гетерономными.

В каком-то смысле нет ничего примечательного в наблюдении, что капиталисты предпочитают людей, которые соглашаются работать и потреблять так, как это выгоднее всего капиталу. Достаточно вспомнить разрушительные последствия кризиса ипотечного кредитования, который спровоцировал финансовый кризис 2008 года, или ежедневное попрание человеческой автономии со стороны бесчисленных бизнесов — от авиакомпаний до страховых компаний, — чтобы найти множество иллюстраций этого очевидного факта.

Однако опасно было бы питать иллюзию, что надзорные капиталисты лишь продолжают эту тенденцию. Структурное требование извлечения экономии за счет действия превращает средства изменения поведения в двигатель роста. Никогда прежде в истории частные корпорации, сконцентрировавшие в своих руках беспрецедентные богатства и власть, не могли свободно осуществлять экономию за счет действия при поддержке всепроникающей глобальной архитектуры повсеместной компьютеризации и контроля, созданной и поддерживаемой всеми передовыми научными ноу-хау, которые только можно купить за деньги.

Самое показательное, что заявление Facebook о своем праве на эксперимент означает притязание надзорных капиталистов на власть над будущим ходом человеческого поведения. Заявляя о своем праве тайно, ради собственной выгоды изменять человеческие действия, надзорный капитализм по сути изгоняет нас из нашего собственного поведения, смещая локус контроля над будущим временем с «я буду» на «ты будешь». Каждый из нас может идти своим путем, но экономия за счет действия означает, что этот путь уже сформирован экономическими императивами надзорного капитализма. Борьба за власть и контроль в обществе больше не связа-

на со скрытыми фактами класса и их связи с производством; она касается скрытых фактов автоматически осуществляемой модификации поведения.

III. Pokémon Go! Пошел!

Стоял на редкость изнурительный июльский полдень 2016 года. Много часов Дэвид вел заседание по спорному страховому случаю в пыльном зале суда в Нью-Джерси, где из-за скачка напряжения накануне ночью вышла из строя хрупкая система кондиционирования. Затем дерганая пятничная поездка домой, когда чья-то проклятая машина сломалась из-за жары и превратила некогда подававший надежды поток в стоячее болото. Очутившись наконец дома, Дэвид поставил машину в гараж и направился прямиком к боковой двери, ведущей в прачечную и дальше на кухню. Мгновенно его охватила волна прохладного воздуха, как будто он рухнул в океан, и впервые за весь день он глубоко вдохнул. В записке на столе говорилось, что жена вернется через несколько минут. Он глотнул воды, налил себе выпить и поднялся по лестнице, намереваясь принять продолжительный душ.

Теплая вода едва успела ударить в его ноющую спину, как прозвенел дверной звонок. Она забыла ключ? Выключив душ, он накинул футболку и шорты и побежал вниз, открыв входную дверь паре подростков, которые стали размахивать перед его лицом сотовыми телефонами. «Эй, у вас покемон на заднем дворе. Это наш! Ничего, если мы зайдем туда и поймаем его?»

«Кто-кто?» Он понятия не имел, о чем они говорят. Скоро он будет знать об этом все.

В тот вечер звонок Дэвида звонил еще четыре раза: это были совершенно незнакомые люди, жаждавшие зайти в его двор и выражавшие недовольство, получая отказ. На протяжении всех последующих дней и вечеров на лужайке перед его домом собирались кучки охотников за покемонами, одни из которых были молоды, другие давно лишились этого оправдания. Они пялились в свои телефоны, показывали куда-то и кричали, осматривая его дом и сад на предмет существ «дополненной

реальности». Глядя на этот маленький кусочек мира через свои телефоны, они могли видеть свою добычу-покемона, но лишь за счет полной слепоты ко всему остальному. Они не замечали ни семейного жилища, ни границ вежливости, которые делали его сокровенным пространством для живших там мужчины и женщины. Вместо этого игра захватила дом и окружающий мир, превратив все это в огромную сетку GPS-координат. Это было новое слово в коммерции — экспроприация имущества в коммерческих целях, когда реальность превращается в безграничные объемы пустого пространства, из которых можно выжимать доходы ради обогащения других. Давид не мог понять: *Когда это кончится? Кто дал им право? Куда звонить, чтобы прекратить это?*

В момент, когда его выдернули из душа, он, неведомо для себя, присоединился к жителям английской деревни Бротон, которые вышли на улицы в 2009 году, протестуя против вторжения снабженных камерами автомобилей Просмотра улиц Google. Как и их, его внезапно втянули в состязание с экономическими императивами надзорного капитализма, и, как и они, он скоро поймет, что звонить некуда, нет телефона службы спасения, по которому можно экстренно уведомить соответствующие инстанции об ужасной ошибке, поселившейся на его лужайке.

Как мы видели в главе 5, тогда, в 2009 году, вице-президент по продукту Карт Google и босс Просмотра улиц Джон Ханке проигнорировал протестующих Бротона, настаивая на том, что только он и Google знают, как лучше, и не только для Бротона, но и для всех остальных. Теперь здесь, на следующем рубеже надзорного капитализма, снова был Ханке, на этот раз в качестве основателя компании Niantic Labs, стоящей за Pokémon Go. Ханке, как мы помним, сохранял твердое намерение овладеть всем миром, нанеся его на карту. Он основал Keyhole, стартап спутниковой картографии, финансируемый ЦРУ и позже приобретенный Google и переименованный в Google Планета Земля. В Google, он был вице-президентом по Картам Google и главным действующим лицом в противоречивой попытке компании реквизировать общественные и частные пространства с помощью Просмотра улиц.

Ханке рассказывает, что Pokémon Go родился из Карт Google, из которых вышла также большая часть первоначальной команды разработчиков игры[26]. Больше того, на этом новом этапе вторжения к Ханке присоединился тот загадочный инженер Просмотра улиц, Мариус Милнер. К 2010 году Ханке создал собственную стартовую площадку в виде Niantic Labs, все еще в материнском лоне Google. Его целью была разработка игр «параллельной реальности», способных следить за людьми и направлять их в тех самых пространствах, на которые так дерзко претендовал для своих карт Просмотр улиц. В 2015 году, после создания корпоративной структуры Alphabet и много времени спустя после разработки Pokémon Go, Niantic Labs была официально учреждена как независимая компания с финансированием в размере 30 миллионов долларов США, получаемым от Google, Nintendo (японской компании, которая первоначально поддерживала Pokémon на своих устройствах Game Boy в конце 1990-х) и Pokémon Company[27].

Ханке уже давно понял, что игровой формат — мощное средство достижения экономии за счет действия. Еще работая в Google, он сказал интервьюеру: «Больше 80% людей, которые владеют мобильным устройством, утверждают, что играют на нем в игры <…> часто это занятие номер 1 или номер 2… так что мы считаем, что для Android как операционной системы, а также и для Google, важно внедрять инновации и быть лидерами в <…> будущем мобильных игр»[28].

Стоит отметить, что Ханке назвал свою группу в честь торгового парусника XIX века, погибшего из-за жадности. Niantic был продан и перепрофилирован для более прибыльного китобойного промысла, когда в 1849 году он отправился в Сан-Франциско и к китобойным угодьям северной части Тихого океана. Капитан корабля сделал незапланированную остановку в Панаме, чтобы взять на борт сотни людей, привлеченных Калифорнийской золотой лихорадкой, каждый из которых был готов добавить лишний доллар за тесные и вонючие каюты китобойного судна. Жадность капитана оказалась роковой для судьбы корабля, когда эти пассажиры заразили золотой лихорадкой и экипаж корабля. По приходе в Сан-Франциско моряки бросили капитана и судно и отпра-

вились на золотые прииски. Не имея возможности продолжить путь, капитан был вынужден продать корабль за гроши, оставив его втиснутым глубоко в песчаные отмели у подножия улиц Клэй и Монтгомери. В 2016 году Ханке подхватил дело той мятежной команды. Его Niantic взял курс на золотые прииски новой эпохи, на передовые рубежи последней волны завоеваний императива прогнозирования — экономии за счет действия.

Pokémon Go Ханке был выпущен в июле 2016 года и должен был дать новый ответ на вопрос, стоящий перед инженерами и учеными, формирующими проект надзорного капитализма: как быстро и массово включить человеческое поведение, направив его к гарантированным исходам? В своем зените, летом 2016 года, Pokémon Go был воплощением всех мечтаний надзорного капиталиста, соединяя в себе масштаб, охват и активацию действий, непрерывно создавая источники поведенческого излишка, и предоставляя свежие данные для уточнения карт внутренних и наружных, общественных и частных пространств. Самое главное, он предоставил живую лабораторию для изучения массового телестимулирования, где владельцы игры учились автоматически обусловливать и направлять коллективное поведение, подгоняя его к требованиям работающих в реальном времени рынков поведенческих фьючерсов, и проделывая все это без ведома пользователей. В подходе Ханке экономия за счет действия достигается благодаря самой динамике игры.

В созданную в Niantic новую игру надо было «играть» в реальном мире, а не на экране. Идея состояла в том, что игроки должны «выйти на улицу» для «пеших приключений» в открытых пространствах городов, поселков и пригородов[29]. Игра основана на «дополненной реальности» и строится подобно охоте за сокровищами. Установив приложение от Niantic, вы используете GPS и камеру смартфона для охоты за виртуальными существами, называемыми покемонами. Их фигуры появляются на экране вашего смартфона так, словно они находятся рядом с вами в реальной обстановке: на заднем дворе ничего не подозревающего человека, на городской улице, в пиццерии, в парке, в аптеке. Поимка покемона вознаграждается игровой валютой — конфетами и звезд-

ной пылью, — а сам покемон используется для сражений с другими пользователями. Конечная цель состоит в том, чтобы собрать полный набор из 151 покемона, но по ходу игры игроки зарабатывают «очки опыта», последовательно поднимаясь по уровням опыта. На пятом уровне игроки могут присоединиться к одной из трех команд, чтобы сразиться с покемонами в специально отведенных местах, называемых спортзалами.

Подготовка началась еще за несколько лет до этого в виде Ingress, первой мобильной игры Niantic, разработанной, чтобы играть в реальном мире. Выпущенная в 2012 году, Ingress была предшественником и полигоном для испытания возможностей и методов, которые воплотятся в Pokémon Go. Игра заставляла пользователей передвигаться по городам и поселкам, чтобы находить и контролировать назначенные «порталы» и захватывать «территории», пока владельцы игры, используя GPS, отслеживали перемещения пользователей и составляли карту территорий, через которые те проходили.

Ханке размышлял над тем, чему он и его команда научились благодаря Ingress. Самым важным было «удивление» команды Niantic, когда они поняли, насколько сильно «меняется поведение игроков»[30]. Ханке осознал, что семена поведенческой модификации были заложены в правилах игры и социальной динамике:

> Если вы хотите превратить мир в игровое поле, места, с которыми вы хотите, чтобы люди взаимодействовали, должны иметь определенные характеристики <...> Должны быть причины, по которым игрок может туда пойти <...> Игра задействует их и подталкивает вас к таким взаимодействиям[31].

Один из пользователей, чье имя в Ingress было Spottiswoode, приводит пример:

> Когда я еду на велосипеде, я останавливаюсь рядом с тем местом, которое раньше уже обыскивал, где был слабый вражеский портал. Я атакую, используя накопленную ХМ («экзотическую материю»), чтобы уничтожить вражескую инфраструктуру <...> Во встроенном чате Ingress игрок по имени Igashu хвалит мою работу. «Хорошо поработал, Spottiswoode», — говорит он. Я доволен собой и двигаюсь дальше, обдумывая штурм следующих вражеских порталов[32].

По словам Ханке, Pokémon Go будет разработан, чтобы использовать то, что, как теперь понимает команда, является ключевыми источниками мотивации, побуждающими игроков изменить свое поведение: социальное игровое сообщество, основанное на действиях в реальном мире[33].

Все игры обставляют поведение правилами, вознаграждая одни формы действий и наказывая другие, и Niantic не первая из них, которая использует форму игры в качестве средства для изменения поведения своих игроков. Действительно, сегодня огромный интерес вызывает такой подход к поведенческой инженерии, как «геймификация», которой уже посвящен целый корпус академической и популярной литературы[34]. По словам профессора Уортонской школы бизнеса Кевина Вербаха, игры включают в себя три уровня действия. На самом высоком уровне находится «динамика», управляющая мотивационной энергией игры. Это могут быть эмоции, вызванные соревнованием с другими участниками или разочарованием, убедительным сюжетом, структурой последовательных этапов игры, которая создает опыт развития и продвижения к высшей цели, или человеческими отношениями, которые порождают такие чувства, как командный дух или агрессия. Следующий уровень — «механика». Это процедурные строительные блоки, которые управляют ходом игры, а также создают вовлеченность. Например, игра может быть структурирована как состязание с другими участниками или одиночный вызов, играться по очереди или вместе, как серия транзакций или «победитель получает все», как командный спорт или индивидуальное достижение. Наконец, есть игровые «компоненты», которые реализуют механику. Это наиболее заметные аспекты игры: точки, обозначающие прогресс, квесты, предложенные в виде заранее определенных задач, «значки», обозначающие достижения, «таблицы лидеров», визуально отображающие успехи всех игроков, «битва с боссом», означающая кульминацию уровня, и так далее[35].

В большинстве исследований игр делается вывод о том, что эти структуры могут эффективно мотивировать действия и исследователи в целом прогнозируют, что игры будут все чаще использоваться в качестве пред-

почтительной методологии для изменения индивидуального поведения[36]. На практике это означает, что способность игр изменять поведение беззастенчиво эксплуатируется по мере того, как геймификация распространяется на тысячи ситуаций, в которых какая-либо компания хочет всего лишь подстраивать, вынуждать и обусловливать поведение своих клиентов или сотрудников ради достижения своих собственных целей. Как правило, это включает в себя применение нескольких компонентов, таких как бонусные баллы и уровни продвижения, для конструирования поведения, отвечающего непосредственным интересам компании, в рамках таких программ, как схемы лояльности клиентов или внутренние конкурсы по продажам. Один аналитик составил обзор более девяноста таких «случаев геймификации», предоставив даже статистику окупаемости соответствующих инвестиций[37]. Ян Богост, профессор интерактивных вычислений Технологического института Джорджии и специалист по вопросам цифровой культуры, настаивает на том, что эти системы следует называть «эксплуатационным программным обеспечением» (exploitationware), а не играми, потому что их единственная цель — манипулирование поведением и его модификация[38].

Pokémon Go направляет эти возможности в совершенно другое русло, заставляя игроков перемещаться по реальному миру, но не ради той игры, в которую, по их мнению, они играют. Уникальный гений Ханке был в том, чтобы направить задаваемую игрой модификацию поведения на цель, лежащую в неисследованной зоне за пределами осведомленности игроков. Его целью было формирование поведения в рамках еще более крупной игры надзорного капитализма.

Впервые Pokémon Go был представлен в газете Wall Street Journal в сентябре 2015 года, вскоре после отделения Niantic от Google. Владельцы игры сказали репортеру, что в игре не будет рекламы. Вместо этого доходы будут поступать за счет «микротранзакций», предположительно внутриигровых покупок виртуальной атрибутики, хотя Niantic «отказалась назвать», что именно будет выставлено на продажу. Niantic также пообещала браслет для отслеживания местоположения, который «вибрирует и загорается», когда человек приближается

к покемону. Было ясно, что Pokémon Go будет как минимум свежим источником излишка для уточнения и расширения карт, от которых зависит игра[39].

Выпущенный в США, Австралии и Новой Зеландии 6 июля 2016 года, Pokémon Go стал самым загружаемым и самым кассовым приложением в США всего за неделю, быстро завоевав столько же активных пользователей Android, сколько было у Twitter. Более 60% загруженных приложений использовались ежедневно, и к 8 июля это в среднем означало около 43,5 минут на пользователя[40]. Поскольку серверы Niantic едва справлялись с нагрузкой, развертывание игры в Европе было отложено до 13 июля. Однако к тому времени Niantic уже доказал ценность своего подхода к экономии за счет действия, продемонстрировав беспрецедентную эффективность в преодолении той пресловутой «последней мили» до гарантированных исходов.

Нечто беспрецедентное улавливалось уже в первые дни после запуска игры. Один бар в Вирджинии предложил команде Pokémon Go скидку; чайный магазин в Сан-Франциско предложил игрокам акцию «два по цене одного»[41]. Владелец пиццерии в Квинсе, Нью-Йорк, заплатил около 10 долларов за «модули-приманки», предметы виртуальной игровой атрибутики, предназначенные для привлечения покемонов в определенное место и успешно приводящие виртуальных существ на барные стулья и в туалетные кабинки. В первые же выходные после начала игры продажи еды и напитков в этом баре подскочили на 30%, а позже, как сообщалось, превышали средний уровень на 70%. Репортеры агентства Bloomberg умилялись, что игра воплотила в жизнь недосягаемую мечту ритейлеров об использовании отслеживания местоположения для привлечения реальных клиентов:

> Легко представить, что разработчики будут продавать рекламу в игровом мире местным торговцам или даже продавать с аукциона обещание превратить определенные магазины и рестораны в пункты назначения для игроков[42].

Ханке намекнул газете New York Times, что эти реальные рынки в реальном времени и были с самого начала его планом. «Niantic заключал подобные сделки в случае с Ingress, — пишет газета, — и г-н Ханке заявил, что в бу-

дущем компания объявит о спонсорских местах и в Pokémon Go»[43].

Будущее наступило быстро. В течение недели основные элементы логики накопления надзорного капитализма встали на свое место и были объявлены блестящим успехом. Как объяснил Ханке, «игра опирается на множество современных технологий в области сотовой телефонии и передачи данных для создания дополненной реальности, но трафик, генерируемый игрой, также меняет то, что происходит в реальном мире»[44]. К 12 июля газета Financial Times ликовала, что «идет волна слухов о будущей мощи этой игры в качестве дойной коровы для розничных продавцов и всех других, кто жаждет наплыва посетителей». Акции Nintendo выросли на 52%, добавив к рыночной капитализации компании 10,2 миллиарда долларов[45].

Первоначальное обещание, что игра не будет показывать рекламу, оказалось техническим заявлением, требующим тщательного разбора. По сути, основанная на надзоре логика интернет-рекламы никуда не делась. Скорее, она превратилась в зеркальное отображение самой себя, но уже в физическом мире, подобно тому как Дэн Докторофф из Sidewalk Labs представлял себе «город Google», в виде точного продолжения методов и целей, отточенных в онлайн-мире, но теперь, под давлением императива прогнозирования, перенесенных в «реальность» (см. главу 7).

К 13 июля Ханке признал в газете Financial Times, что помимо «платежей в приложении» за игровой комплект, «в нашей бизнес-модели в Niantic есть еще один компонент, а именно концепция *спонсорских местоположений*». Он объяснил, что этот новый источник доходов всегда входил в их планы, отметив, что компании «будут платить нам за то, чтобы фигурировать на виртуальной игровой доске — исходя из того, что это стимул, который способствует росту физического трафика посетителей». С этих спонсоров, пояснил Ханке, будет взиматься плата по принципу «цена за посещение», аналогично принципу «цены за клик», используемому в поисковой рекламе Google[46].

Понятие «спонсируемые местоположения» — эвфемизм для рынков поведенческих фьючерсов Niantic,

эпицентра новой золотой лихорадки Ханке. Элементы и динамика игры в сочетании с ее новаторской технологией дополненной реальности помогают прогонять массы игроков через пропускные пункты монетизации в реальном мире, расставленные настоящими заказчиками игры — всеми теми, кто платит за игру на игровом поле реальной жизни, привлеченный перспективой гарантированных результатов.

Какое-то время казалось, что зарабатывают все. Niantic подписала соглашение с McDonald's, чтобы привлечь пользователей игры к 30 000 его ресторанов в Японии. Владелец британских торговых центров нанял «команды перезарядки», которые должны были дежурить в его торговых центрах с портативными зарядными устройствами для пользователей игры. Starbucks объявил, что «присоединяется к вечеринке», и 12 000 его кофеен в США станут официальными «покеточками» (Pokéstops) или «спортзалами», вдобавок к новому «Фрапучино Pokémon Go... идеальному быстрому угощению для любого тренера покемонов». Другая сделка, с компанией Sprint, превратит 10 500 точек розничной торговли и обслуживания Sprint в покемон-центры. Сервис потоковой музыки Spotify сообщил о трехкратном росте продаж музыки, связанной с покемонами. Британская страховая компания предложила специальные условия для мобильных телефонов, предупреждая: «Не дайте случайным поломкам помешать поймать их всех». В Disney признали, что разочарованы своими собственными стратегиями «смешивания физического и цифрового для создания новых видов сетевого игрового опыта» и планируют трансформировать свой гигантский игрушечный бизнес «в направлении, подобном Pokémon Go»[47].

Энтузиазм по поводу Pokémon Go постепенно спал, но достижения Ханке оставили неизгладимый след. «Это было только начало», — сказал Ханке сборищу фанов[48]. Игра показала, что можно добиться экономии за счет действия в глобальном масштабе, одновременно направляя конкретные индивидуальные действия навстречу конкретным возможности местного рынка, где тот, кто готов платить, получает результаты, все больше приближающиеся к гарантированным.

Отличительным достижением Niantic было применение геймификации как способа гарантировать результаты для своих подлинных клиентов — компаний, участвующих в основанных и поддерживаемых ею рынках поведенческих фьючерсов. Игра Ханке доказала, что надзорный капитализм может работать в реальном мире не хуже, чем в виртуальном, используя свое одностороннее знание (масштаб и охват), чтобы формировать ваше текущее поведение (активация действия) для более точного прогнозирования вашего будущего поведения. Отсюда следует, что доходы в реальном мире будут расти пропорционально способности компании увязывать людей с их местоположениями, подобно тому как Google научился использовать излишек как средство таргетирования онлайн-рекламы конкретным людям.

Эти требования предполагают, что Niantic будет строить свою деятельность таким образом, чтобы создавать значительные цепочки поставок излишка, ориентированные на масштаб и охват. Действительно, «политика надзора» компании сигнализирует о ее спросе на поведенческие данные, превышающем уровень, разумный для того, чтобы игра работала. Всего через шесть дней после выхода игры в июле 2016 года репортер издания Buzz Feed Джозеф Бернштейн посоветовал пользователям Pokémon проверить, сколько данных приложение собирает с их телефонов. Согласно его анализу, «как и большинство приложений, которые используют на вашем смартфоне GPS, Pokémon Go может многое рассказать о вас, основываясь на ваших передвижениях во время игры: куда вы отправились, когда вы туда пришли, как вы туда попали, как долго там пробыли и кто еще там был. И, как и многие разработчики, которые создают эти приложения, Niantic хранит эту информацию». В то время как другие приложения, основанные на местоположении, могут собирать аналогичные данные, Бернштейн пришел к выводу, что «невероятно детализированные, улица за улицей, картографические данные Pokémon Go в сочетании с бешено растущей популярностью вскоре могут сделать его одним из, если не *самым* подробным слепком общества, составленным на основе местоположений»[49].

Отраслевой новостной сайт Tech Crunch поднял аналогичные опасения относительно практики сбора дан-

ных в игре, усомнившись в обоснованности «длинного списка разрешений, необходимых приложению». Да, эти разрешения включали камеру, но также и разрешение «читать список контактов» и «находить на устройстве учетные записи». В «политике надзора» Niantic отмечается, что она может передавать «обобщенную информацию и информацию, не позволяющую установить личность, третьим лицам для проведения исследований и анализа, демографического профилирования и других аналогичных целей». Tech Crunch отметил «точное отслеживание местоположения» в игре и «способность выполнять аудиодактилоскопию» через доступ к камере и микрофону, заключив, что «отсюда разумно ожидать, что некоторые данные о вашем местоположении окажутся в руках Google»[50]. Информационный центр электронной конфиденциальности отметил в письме-жалобе в Федеральную торговую комиссию, что Niantic не предоставил убедительных обоснований того «объема» информации, который он регулярно собирает с телефонов пользователей и их профилей Google. Не установлено также никаких ограничений на то, как долго компания может хранить, использовать данные о местоположении или делиться ими. Как заключалось в письме,

> нет никаких доказательств, что сбор и сохранение данных о местонахождении, осуществляемые Niantic, необходимы для функционирования игры или что они иным образом обеспечивают потребителям преимущества, перевешивающие наносимый этим ущерб конфиденциальности и безопасности[51].

К середине июля 2016 года Niantic получила письмо от американского сенатора Эла Фрэнкена с запросом о политике конфиденциальности компании[52]. Ответ Niantic, датированный концом августа, поучителен — это дивный пример умения уйти от ответа и сохранить секретность, который фокусируется на механике игры и не раскрывает ничего касающегося ее бизнес-модели или в целом логики накопления, стоящей за этой моделью:

> Pokémon Go уже получил высокую оценку со стороны представителей здравоохранения, учителей, психиатров, родителей, служащих парков и обычных граждан во всем мире как приложение, способствующее здоровой игре и открытию нового.

Признавая широту диапазона данных, которые она собирает в качестве условия игры — службы геолокации, фотографии, мультимедиа, файлы, камера, контакты и данные оператора связи, — Niantic настаивает на том, что данные используются «для предоставления и улучшения» ее услуг. Однако она не признает, что ее сервисы работают на двух уровнях: игровые сервисы для игроков и сервисы прогнозирования для клиентов Niantic. Компания допускает, что использует сторонние сервисы, в том числе Google, для «сбора и интерпретации данных», но старательно обходит цели этого анализа[53].

В этом семистраничном письме только однажды упоминаются «спонсируемые местоположения», с прибавлением, что спонсоры получают отчеты о посещениях и игровых действиях. Нет упоминаний о «цене за посещение» или об излишке, который требуется для управления этим показателем, точно так же, как «цена за клик» у Google зависит от поведенческого излишка, извлеченного из онлайн-активности. Самопрезентация Niantic тщательно скрывает ее цели в разработке и развитии экономии за счет действия, которая направляет поведение в реальном мире и в реальном времени на рынки поведенческих фьючерсов Niantic.

Гений Pokémon Go заключался в том, чтобы превратить игру, которую вы видите, в игру более высокого уровня, в игру надзорного капитализма, игру об игре. Игроки, которые принимали город за игровую доску, странствуя по его паркам и пиццериям, невольно образовывали собой совершенно другое, людское игровое поле для этой второй и куда более важной игры. Игроков этой другой, *настоящей* игры не найти среди кучек энтузиастов, размахивающих телефонами на краю лужайки Дэвида. В настоящей игре прогнозные продукты принимают форму протоколов, которые навязывают способы телестимулирования, предназначенные для того, чтобы подгонять и понуждать людей, разбросанных по территориям реального мира, тратить свои реальные деньги в реальных коммерческих заведениях, участвующих на самых что ни на есть настоящих рынках поведенческих фьючерсов Niantic.

Niantic был подобен крошечному зонду, выдвинувшемуся из безбрежных недр Google с его картографически-

ми мощностями, потоками излишка, средствами производства и обширными парками серверов, в попытке компании создать и протестировать прототип глобального средства изменения поведения, которое должно поступить во владение и распоряжение надзорного капитализма. Niantic обнаружила, что в пылу захватывающей конкурентной социальной игры пугающая «сила трения» индивидуальной воли добровольно уступает дорогу игровым протоколам, которые устанавливают условия «естественного отбора». Так игра автоматически вызывает и воспроизводит то конкретное поведение, которого ждут крупные игроки на рынках поведенческих фьючерсов Niantic. Пока идет игра на этой второй игровой доске, игроки в настоящей игре борются за место поближе к денежному следу, который сопровождает каждую довольную особь из стада.

В конце концов приходится признать, что зонд был разработан для исследования нового рубежа — средств изменения поведения. Игра про игру на самом деле оказывается экспериментальным образцом того, что уготовано надзорным капитализмом для нашего будущего. Она доводит императив прогнозирования до его логического завершения, в котором данные о нас, во всем их масштабе и охвате, объединяются с исполнительными механизмами, которые подстраивают наше поведение к требованиям нового рыночного космоса. Все потоки излишка со всех пространств, всех вещей, всех тел, всего смеха и всех слез направлены в конечном счете на этот триумф гарантированных исходов и на те доходы, которые он поможет материализовать.

IV. Средства изменения поведения в недавнем прошлом

Новые глобальные средства модификации поведения, которые, как мы видим, разрабатывают в Facebook и Niantic, представляют новую регрессивную эпоху *автономного капитала* и *гетерономных индивидов*, в то время как сами возможности демократического процветания и человеческого созидания зависят от обратного. Это беспрецедентное положение дел — нечто более важное

и всеобъемлющее, чем споры об «Общем правиле». Оно подрывает самую основу нашей приверженности идеалам демократического общества, какими бы труднодостижимыми они ни были.

Что при этом упускают, так это то, что «Общее правило» возникло в результате аналогичного вызова принципам индивидуальной автономии и подлинной демократии. Оно стало одним из результатов непримиримой борьбы, в которой демократически настроенные государственные чиновники объединились с общественными активистами, учеными и юристами, чтобы противостоять разработке и внедрению поведенческой модификации от имени государственной власти. Не так уж давно американское общество сумело мобилизоваться, чтобы противостоять средствам изменения поведения, поставить их в правовые рамки и взять под контроль, и именно на эту историю мы можем теперь опереться, чтобы заново обрести ориентиры и понимание происходящего.

В 1971 году Подкомитет Сената по конституционным правам, возглавляемый сенатором от Северной Каролины Сэмом Эрвином и имевший в своем составе таких тяжеловесов со всего политического спектра, как Эдвард Кеннеди, Берч Байх, Роберт Бёрд и Стром Турмонд, начал многолетнее расследование «разнообразных программ, призванных прогнозировать, контролировать и изменять человеческое поведение». Эрвин был консервативным демократом и экспертом по конституционному праву, неожиданно превратившимся в героя-защитника гражданских свобод, когда в качестве председателя Сенатского комитета по Уотергейту отстаивал демократию во время уотергейтского кризиса. На этот раз Подкомитет по конституционным правам впервые подвергнет принципы и возможные применения изменения поведения тщательному анализу с точки зрения конституционного права, поставив под сомнение и в конечном итоге отвергнув использование изменения поведения в качестве орудия государственной власти.

Сенатское расследование было вызвано растущим со стороны общественности чувством тревоги по поводу распространения психологических техник контроля над поведением. Отправных точек было много, но наиболее заметной была холодная война и порожденный ею

целый диапазон психологических методов и программ изменения поведения. Корейская война обнародовала коммунистические методы «промывания мозгов», которые, согласно недавно назначенному тогда директору ЦРУ Аллену Даллесу, вводили американских военнопленных в состояние роботоподобной пассивности, когда мозг жертвы «превращается в фонограф, играющий пластинку, поставленную на него внешней силой, на которую он не в состоянии повлиять»[54]. Казалось, враги Америки вот-вот овладеют искусством и наукой «контроля над сознанием» с помощью психологических и фармакологических методов, неизвестных американским военным. Были сообщения о китайских и советских достижениях в области удаленного изменения умственных способностей субъекта и нейтрализации его «свободной воли»[55]. Даллес поручил агентству провести оперативное исследование и разработку возможностей «контроля над сознанием», от «разрушения» (de-patterning) и «переписывания» личности заново до формирования взглядов и действий целой страны[56].

Так началась болезненно захватывающая, нередко причудливая глава в истории американского шпионского ремесла[57]. Большая часть этой новой работы проводилась в рамках засекреченного проекта ЦРУ «МК-Ультра», в задачу которого входило «исследование и разработка химических, биологических и радиологических материалов, пригодных для использования в тайных операциях по контролю над поведением человека». Согласно показаниям, данным в 1975 году в ходе сенатского расследования секретных операций внешней и военной разведки ЦРУ, в отчете об «МК-Ультра», составленном Генеральным инспектором в 1963 году, отмечалось несколько оснований для засекречивания программы, но главным из них был тот факт, что изменение поведения виделось незаконным. «Многие специалисты в области медицины и смежных областях считают, что исследования в сфере манипулирования поведением человека являются нарушением профессиональной этики, и следовательно репутация профессиональных участников программы „МК-Ультра“ в этом случае подвергается опасности», — говорится в отчете. В нем также отмечается, что многие мероприятия программы неза-

конны, нарушают права и интересы американских граждан и способны оттолкнуть общественное мнение[58].

С нашей точки зрения ключевой интерес представляет развитие и совершенствование модификации поведения как расширения политической власти. С этой целью «спрос» со стороны ЦРУ вызывал к жизни все более и более смелое предложение в части научных исследований и практического применения методов изменения поведения со стороны ученых-психологов. Специалисты по медицине и психологии взялись демистифицировать китайские методы «промывания мозгов», переосмысливая их в привычных рамках изменения поведения.

Эти исследования пришли к выводу, что «контроль над сознанием» лучше понимать как комплексную систему обусловливания, основанную на непредсказуемых схемах подкрепления, что согласовывалось с важными открытиями Б. Ф. Скиннера по оперантному обусловливанию. По словам гарвардского историка Ребекки Лемов, исследователи «контроля над сознанием» оказали мощное влияние на ЦРУ и других силовиков. Представление о том, что «человеческий материал изменчив» — что личность, идентичность, сознание и способность к автономному поведению могут быть сломлены, устранены и заменены внешним контролем, — породила новое чувство паники и уязвимости:

> Если мир действительно полон угроз не только для внешней, но и внутренней целостности человека, то специалисты в этих сферах нужны как никогда. Многие достойные и доброжелательные профессора — специалисты по «человеческой инженерии», как называли себя некоторые их них, — приняли участие в программах ЦРУ, чтобы добиться постепенных или резких изменений в умах и поведении людей[59].

К тому времени, когда в 1971 году собрался сенатский Подкомитет по конституционным правам, перенос методов изменения поведения с военных на гражданские применения шел полным ходом. Методы модификации поведения начали распространяться из финансируемых государством (обычно ЦРУ) психологических лабораторий и армейских подразделений на целый ряд институциональных применений. В каждом случае это вдохновлялось необходимостью скорректировать лич-

ностные дефекты людей, находящихся в зависимом положении, в условиях, которые предлагали «тотальный контроль» или были близки к этому — в тюрьмах, психиатрических палатах, учебных классах, учреждениях для людей с проблемами в психическом развитии, школах для детей с аутизмом, на производстве.

Подкомитет подтолкнула к действию обеспокоенность общественности, переросшая в негодование при виде того, как подобные программы изменения поведения начали становиться обычным делом. Историк психологии Александра Резерфорд отмечает, что практики изменения поведения в духе Скиннера в 1960-х и 1970-х годах быстро расширялись, добившись некоторых «примечательных успехов», но также и подвергнув тех, кто был в них занят, пристальному вниманию часто враждебно настроенной общественности. Методы изменения поведения освещались в ряде журналистских материалов; усердие, с которым применялись эти методы, и ощущение, что они унижают тех, кто им подвергается, нарушают этические нормы и ущемляют фундаментальные гражданские свободы, вызывали тревогу[60].

Другим фактором был выход в 1971 году книги провокационных социальных размышлений Б. Ф. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства». Скиннер предписывал будущее, основанное на поведенческом контроле, отвергнув саму идею свободы (вместе со всеми принципами либерального общества) и объявив понятие человеческого достоинства проявлением своекорыстного нарциссизма. Скиннер представлял себе всепроникающие «технологии поведения», которые однажды откроют возможность применять методы модификации поведения в масштабах целых обществ.

Последовавшая буря споров сделала «По ту сторону свободы и достоинства» международным бестселлером. «Наука Скиннера о человеческом поведении, будучи вполне бессмысленной, равно близка как либертарианцам, так и фашистам, — написал Ноам Хомский в широко известной рецензии на книгу. — Утверждать, что, поскольку обстоятельства можно устроить таким образом, что поведение станет вполне предсказуемым — как, например, в тюрьме или <…> в концентрационном лагере <…> то не стоит тревожиться о свободе и достоин-

стве „автономного человека“, было бы не просто абсурдно, но и глубоко гротескно»[61]. (В Гарварде середины 1970-х годов, где Скиннер был профессором, а я училась в аспирантуре, многие из нас называли эту книгу «К рабству и унижению».)

С первых же строк предисловия к отчету подкомитета 1974 года, написанного сенатором Эрвином, любому пленнику надзорного капитализма XXI века должно быть очевидно, что американское общество претерпело социальный сдвиг более глубокий, чем можно было бы предположить, если судить только по датам. Стоит прочитать собственные слова Эрвина, чтобы прочувствовать всю страсть, с которой он соотносит деятельность подкомитета с ключевыми идеями Просвещения, обещая встать на защиту либеральных идеалов свободы и достоинства:

> Когда отцы-основатели создали нашу конституционную систему правления, они основали ее на своей фундаментальной вере в святость личности <…> Они понимали, что самоопределение есть источник индивидуальности, а индивидуальность — фундамент свободы <…> Однако в последнее время развитие технологии привело в разработке новых методов контроля над поведением, способных изменить не только действия человека, но и саму его личность и образ мышления <…> поведенческие технологии, которые разрабатываются сегодня в Соединенных Штатах, затрагивают самые глубокие источники индивидуальности и саму суть личной свободы <…> самая серьезная угроза <…> это власть, даваемая этой технологией одному человеку навязывать свои взгляды и ценности другому <…> Понятия свободы, частной жизни и самоопределения по своей сути несовместимы с программами, призванными контролировать не только физическую свободу, но также и источник свободной мысли <…> Вопрос встает еще острее, когда эти программы осуществляются, как это происходит сегодня, в отсутствие строгого контроля. Какую бы тревогу ни вызывало изменение поведения в теоретическом плане, неконтролируемый рост практической технологии поведенческого контроля — повод для еще большей озабоченности[62].

Критика изменения поведения, содержащаяся в отчете, на редкость актуальна для нашего времени. Она начинается с вопроса, который должны задать и мы: «Как это сошло им с рук?» Они ссылаются на «чрезвычайщину» той эпохи. Подобно тому как надзорный капитализм

смог изначально укорениться и расцвести под защитой так называемой войны против террора и вызванной ею жажды предсказуемости, в середине XX века средства изменения поведения переместились из лабораторий в большой мир прежде всего под прикрытием тревог холодной войны. Позже, в 1960-х и 1970-х годах, профессионалы по изменению поведения понадобились и на гражданской службе, затребованные обществом, напуганным многими годами городских беспорядков, политических протестов и роста преступности и «противоправного поведения». Сенаторы пришли к выводу, что призывы к «законности и порядку» толкали к поискам «немедленных и эффективных средств контроля над насилием и другими формами антиобщественного поведения. Стремление обуздать насилие вытеснило собой требующие более длительного времени усилия понять его источники».

Поскольку многие программы по изменению поведения были нацелены на подневольных обитателей тюрем и психиатрических учреждений, сенаторы признали, что средства изменения поведения должны считаться формой государственной власти, и поставили под сомнение конституционное право правительства на «контроль» над поведением и мыслями граждан. В своем обзоре правительственных учреждений подкомитет обнаружил, что «в настоящее время в Соединенных Штатах под эгидой федерального правительства <...> используется широкий спектр методик изменения поведения», и отметил, что «в условиях быстрого распространения методов изменения поведения особую обеспокоенность вызывает то, что было предпринято мало реальных попыток рассмотреть важнейшие вопросы индивидуальной свободы и <...> фундаментального конфликта между индивидуальными правами и поведенческими технологиями»[63].

Однако самые сильные слова сенаторы приберегли для того, что они сочли двумя самыми крайними и пагубными методами изменения поведения. Первым из них была психохирургия. Вторым — «электрофизиология», определяемая как «использование механических устройств для контроля над различными сторонами поведения человека». С особым ужасом в отчете говорится об «устройствах», предназначенных для ношения

субъектом ради «непрерывного наблюдения и контроля за его поведением с помощью компьютера» и «для недопущения нежелательного поведения».

Первая поправка к конституции, утверждал подкомитет, «должна в равной степени защищать право человека на генерирование идей», а право на неприкосновенность частной жизни должно защищать граждан от вторжений в их мысли, поведение, личность и идентичность, если мы не хотим, чтобы эти понятия «потеряли всякий смысл». Именно в этом контексте для критического анализа была выбрана поведенческая инженерия Скиннера:

> Крупный сегмент новых технологий поведенческого контроля связан с обусловливанием, посредством которого различные формы убеждения используются для стимулирования определенных типов поведения и одновременного подавления других[64].

Предвосхищая будущие методы геймификации как средства изменения поведения, в докладе подкомитета также с тревогой отмечаются более «мягкие» подходы, основанные на «позитивном подкреплении», от «стимулов в виде простых „звездочек“ для учеников начальной школы» до сложных систем поощрений, нацеленных на «перестройку личности с помощью искусственно применяемых методик». Всеобщая одержимость контролем над насилием также породила методы «прогнозирования поведения», которые «поднимают фундаментальные вопросы, касающиеся надлежащей правовой процедуры, неприкосновенности частной жизни и индивидуальных свобод». Психолог, писавший в 1974 году в журнале Monitor, выпускаемом Американской психологической ассоциацией, озвучил эту тревогу, предостерегая коллег, которые похвалялись способностью «контролировать поведение», что теперь на них «смотрят с растущим подозрением, если не с отвращением, и угрожают ограничениями <…> *Социальный контроль над поведенческим контролем уже в действии*»[65].

Деятельность подкомитета возымела серьезные долгосрочные последствия. Не только группы по защите прав заключенных и пациентов получили мощную поддержку в своих усилиях по прекращению поведенческого угнетения, применявшегося в этих государственных учрежде-

ниях, но и психологи также начали обсуждать необходимость профессионализации своей дисциплины, что подразумевало разработку четких этических стандартов, процедур аккредитации, программ обучения и карьерных лестниц[66]. Национальный закон о научных исследованиях, принятый в 1974 году, предусматривал создание при исследовательских институтах комиссий по этике и заложил основу для разработки и институционализации «общего правила» этического обращения с участниками исследований, от соблюдения которых, как известно, освободил себя Facebook. В том же году конгресс учредил Национальную комиссию по защите людей, принимающих участие в биомедицинских и поведенческих исследованиях. Когда пять лет спустя комиссия опубликовала свои выводы в виде «Отчета Белмонта», они стали профессиональным стандартом этических принципов, применяемым ко всем финансируемым из федерального бюджета исследованиям на людях в США[67].

Активное правовое сознание 1970-х годов изгнало поведенческую модификацию из гражданской жизни, или по крайней мере заставило слегка померкнуть ее звезду. Сотрудник Федерального бюро тюрем рекомендовал руководителям программ избегать использования «термина „изменение поведения“, вместо этого говоря о положительном вознаграждении и подкреплении в ответ на такое поведение, которое мы пытаемся привить». Другой сотрудник сказал: «Мы делаем то, что всегда делали <…> но называть это „поведенческой модификацией“ — значит только усложнять ситуацию»[68]. «Научно-популярная» книга Скиннера 1976 года под названием «О бихевиоризме», написанная им, чтобы рассеять то, что он считал заблуждениями общественности, сложившимися после жесткой реакции на «По ту сторону свободы и достоинства», не смогла привлечь к себе достаточного внимания публики. По словам биографа Скиннера, «битва достигла кульминации». Публика, которая сделала «По ту сторону свободы и достоинства» бестселлером, «не менее единодушно отвергла доводы Скиннера, что есть более важные культурные вопросы, чем сохранение и расширение индивидуальной свободы»[69].

Самое удивительное то, что в течение всех этих многолетних лет споров и тревог невозможно было пред-

ставить какие-либо иные средства изменения поведения, кроме принадлежащих государству и используемых им: это казалось привилегией государственной власти. Автор статьи в журнале Harvard Law Review за 1966 год, посвященной вопросам электронной слежки, надзора и поведенческого контроля, рассуждал: «мы рассмотрим правительственные попытки изменять поведение, *поскольку они кажутся более вероятными, чем попытки со стороны частных лиц*»[70]. Демократический импульс американского общества, которое отталкивали эксцессы его спецслужб, поддержка ими преступных действий, предпринятых администрацией Никсона, и проникновение поведенческой модификации как средства дисциплинарного контроля в государственные учреждения, привел к отказу от техник изменения поведения как проявления государственной власти.

Сенаторы, ученые, правозащитники, юристы и многие другие граждане, выступавшие против антидемократического вторжения поведенческой инженерии, не знали, что методы поведенческой модификации не исчезли. Весь проект всплыл вновь в виде совершенно неожиданной инкарнации в качестве *творения рынка*, его беспрецедентных цифровых возможностей, масштаба и охвата, расцветших сегодня под флагом надзорного капитализма. В те же самые годы, когда демократические силы США объединились, чтобы противостоять изменению поведения как форме государственной власти, передовые отряды капитализма уже вели работу внутри общества. Корпорация должна была пользоваться правами личности, но быть свободной от демократических обязательств, правовых ограничений, моральных доводов и социальных соображений. По крайней мере в американском случае ослабленное государство, выборные должностные лица которого зависят от корпоративного богатства в ходе каждого избирательного цикла, не проявляет особого рвения в сопротивлении поведенческой модификации как рыночному проекту, не говоря уже о том, чтобы встать на защиту моральных императивов автономного индивида.

В своей последней инкарнации поведенческая модификация оживает как глобальная цифровая рыночная архитектура, не сдерживаемая географией, независимая

от конституционных ограничений и формально безразличная к рискам, которые она представляет для свободы, достоинства или поддержания либерального порядка — всего того, что намеревался защитить подкомитет Эрвина. Этот контраст еще более удручающ в свете того факта, что в середине XX столетия средства модификации поведения были направлены на отдельных лиц и группы, которые конструировались как «они»: военных врагов, заключенных и других узников закрытых дисциплинарных режимов.

Сегодняшние средства модификации поведения откровенно направлены на «нас». Этот новый рыночный невод захватывает всех и вся, включая психодрамы обычных, ничего не подозревающих подростков, которых тревожат приближающиеся выходные. Все известные каналы связи работают на нужды частной власти, захватывающей поведение с целью извлечения прибыли. Куда делся молот демократии сегодня, когда угроза исходит от вашего телефона, цифрового помощника, вашего логина Facebook? Кто сегодня поднимется на защиту свободы, когда Facebook грозится уйти в тень, если мы посмеем стать той силой трения, которая тормозит экономию за счет действия, тщательно сконструированную, детально продуманную и дорого обошедшуюся, все ради того, чтобы эксплуатировать нашу естественную эмпатию, ускользать от нашего внимания и лишить нас всякой возможности самоопределения? Если мы не обратим на это внимания сейчас, сколько у нас времени до того, как мы потеряем чувствительность к этому и всем последующим вторжениям? До того, как мы перестанем что-либо замечать? До того, как мы забудем, кем мы были до того, как они нами завладели, склонившись в тусклом свете над старыми текстами о самоопределении, укутавшись в шаль, с лупой в руке, словно расшифровывая древние иероглифы?

В этих главах мы вернулись к основным вопросам, определяющим разделение знания: *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?* Что касается того, кто знает, мы видели исполинские залежи знаний о нашем поведении в теневом тексте, от широких закономерностей, касающихся целых обществ, до интимнейших подробностей жизни отдельно-

го человека. Эти новые информационные территории являются частными и привилегированными, известными только машинам, прикрепленной к ним священной касте специалистов и участникам рынка, которые платят за игру в этих новых пространствах. Хотя совершенно очевидно, что мы отстранены от этих возможностей, потому что это знание предназначено не для нас, эти главы раскрыли более глубокую структурную основу нашего отстранения. Теперь мы знаем, что *способность надзорных капиталистов держать нас в неведении — необходимое условие производства знания*. Мы отстранены, потому что мы — сила трения, препятствующая развитию теневого текста и, вместе с ним, доминированию надзорного капитализма над знанием.

Что касается того, кто принимает решения, то это разделение знания было достигнуто декларациями и вторжениями владельцев частного надзорного капитала в качестве еще одного необходимого условия накопления, которому способствовало нежелание государства утверждать демократический контроль над этой тайной сферой. Остается вопрос, кто определяет, кому принимать решения. Пока что это делает асимметричная власть надзорного капитализма, не сдерживаемая законом.

Превращение поведения в товар в условиях надзорного капитализма толкает нас к будущему обществу, в котором эксклюзивное разделение знания защищено недоступностью для понимания, секретностью, и экспертизой. Даже когда знания, полученные из вашего поведения, возвращаются вам в первом тексте в качестве «благодарности» за участие, параллельные секретные операции теневого текста собирают излишки для создания прогнозных продуктов, предназначенных для других рынков, которые *про* вас, а не *для* вас. Этим рынкам вы нужны разве что в качестве, во-первых, источника сырья, из которого извлекают излишек, и, во-вторых, мишени для гарантированных результатов. У нас нет формального контроля, потому что мы не важны для этих рыночных действий. В этом будущем мы изгнанники из нашего собственного поведения, нам отказано в доступе или контроле над знанием, полученным из нашего опыта. Знания, полномочия и власть — у надзорного капитала, для которого мы просто «полезные ископаемые».

ГЛАВА 11
Право на жизнь в будущем времени

Но Он ему судьбу такую прочит!
О нет, душа его не умерла
Для правды! Позже он ее восхочет
И возблагодарит. Послал орла.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, IX*[1]

I. Воля к воле

Я ПРОСЫПАЮСЬ рано. Мой день начинается еще до того, как я открываю глаза. Мой разум в движении. Во сне сквозь него струились слова и предложения, решая задачки со вчерашних страниц. Первым делом — поймать эти слова, раскрывающие загадку. Только после этого я готова пробудить свои чувства. Я пытаюсь различить каждый голос в птичьей симфонии за окнами: чибис, дрозд, голубая сойка, пересмешник, дятел, зяблик, скворец и синица. Выше, чем все эти песни, разносятся крики гусей над озером. Я плещу в лицо теплой водой, выпиваю прохладной воды, чтобы заставить проснуться тело, и немного общаюсь с собакой в нашем все еще безмолвном доме. Я готовлю кофе и приношу его в свой кабинет, где усаживаюсь в свое рабочее кресло, поднимаю экран и начинаю. Я думаю. Я пишу эти слова и представляю, как вы их читаете. Все это я проделываю каждый день — как делала все последние годы — и скорее всего буду продолжать делать ближайший год или два.

Из окна над столом я наблюдаю за сменой времен года: сначала зелень, потом красное с золотым, потом белизна, а затем снова зелень. Когда приходят в гости друзья, они заглядывают в мой кабинет. Все поверхности и большая часть пола заняты книгами и бумагами. Я знаю, что это зрелище их слегка подавляет, и иногда я чувствую, как они молча жалеют меня за то, что я взялась за эту работу, которая опутывает мои дни. Не думаю, что они понимают, насколько я свободна. На самом

деле, я никогда не чувствовала себя более свободной. Как это возможно?

Я обещала завершить эту работу. Это обещание — мой флаг, установленный в будущем времени. Оно представляет мою приверженность построению будущего, которое не настанет, если я решу отказаться от своего обещания. Этого будущего не будет без моей способности сначала представить себе его факты, а затем пожелать воплотить их в жизнь. Я — червь, решительно и целеустремленно ползущий по дистанции от «сейчас» к «потом». Каждый крошечный кусочек территории, который я пересекаю, присоединяется к известному миру, по мере того как мои усилия перерабатывают неопределенность в факты. Если я откажусь от своего обещания, мир не рухнет. Мой издатель переживет аннулирование нашего контракта. Вы найдете себе множество других книг, которые можно почитать. Я займусь другими проектами.

Мое обещание, однако, — как якорь, который наделяет меня силой, позволяющей мне устоять перед капризами настроений и искушений. Это продукт моей воли к воле и компас, направляющий мой путь к желаемому будущему, которое еще не стало реальностью. События могут рождаться из источников энергии, лежащих вне моей воли и внезапно изменять мой курс, и я не буду в состоянии ни предсказывать их, ни контролировать. Собственно говоря, такое уже бывало. Несмотря на эту уверенность в неопределенности, я не сомневаюсь, что свободна. Я могу обещать создать будущее, и я могу сдержать свое обещание. Если книге, которую я задумала, суждено в будущем существовать, то это может произойти лишь потому, что у меня есть воля к воле на это. Я живу посреди пространного ландшафта, который уже включает в себя будущее, которое только я могу вообразить и наметить. В моем мире эта книга, которую я пишу, уже существует. Выполняя свое обещание, я делаю это явным. *Этот акт воли — моя заявка на жизнь в будущем времени.*

Сделать обещание — значит предсказать будущее; выполнение обещания актом воли превращает это предсказание в реальность. Наши сердца качают кровь, наши почки фильтруют эту кровь, а наша воля творит буду-

щее, терпеливо нащупывая каждое новое предложение или делая каждый новый шаг. Так мы заявляем о своем праве говорить от первого лица в качестве авторов своего будущего. Философ Ханна Арендт посвятила целую книгу исследованию воли как «органа для будущего», подобно тому как память — наш ментальный орган для прошлого. Воля важна своей уникальной способностью иметь дело с вещами, «видимыми и невидимыми, которых никогда не было вовсе <…> И точно так же, как прошлое всегда предъявляет себя уму под видом определенности, основная характеристика будущего — его глубинная неопределенность, вне зависимости от того, насколько велика вероятность предвидимого». Когда мы думаем о прошлом, мы видим только объекты, но взгляд в будущее приносит с собой «проекты», вещи, которым еще только предстоит быть. Имея свободу воли, мы предпринимаем действия, которые всецело зависят от нашей решимости довести наш проект до конца. Это действия, которые мы могли бы «с таким же успехом <…> не делать», если бы не наши обязательства. «Несвободная воля — заключает Арендт, — это противоречие в определении»[2].

Воля — это орган, с помощью которого мы вызываем к существованию свое будущее. Метафора воли, которую использует Арендт, — ментальный орган для нашего будущего — предполагает, что она нечто встроенное в нас: органичное, внутреннее, неотчуждаемое. Моральные философы называют ее «свободной волей», потому что она — человеческий ответ страху перед неопределенностью, удушающему исходное действие. Арендт называет обещания «островками предвидимости» и «путеводными знаками [надежности]» в «море неопределенности». Они, утверждает она, — единственная альтернатива совсем другому способу «введения чего-то вроде порядка в дела человеческого сосуществования», который опирается на «овладение собой и господство над другими»[3].

О понятии свободной воли споры идут столетиями, но слишком часто их результаты сводились к тому, что наши собственные изъявления воли приглушались, как будто мы стесняемся утверждать этот самый фундаментальный человеческий факт. Я признаю свой прямой опыт свободы как неприкосновенную истину, которую

нельзя свести к бихевиористскому пониманию жизни как чего-то неизбежно вероятностного и случайного, формируемого внешними стимулами, о которых я ничего не знаю и на которые не могу повлиять, и сопровождаемого иррациональными и ненадежными психическими процессами, которых я не могу ни распознать, ни избежать[4].

Американский философ Джон Сёрль, идеи которого о «декларациях» мы рассматривали в главе 6, в своем исследовании «свободы воли» приходит к аналогичным выводам. Он указывает на «причинный разрыв» между основаниями совершить то или иное действие, и его совершением. У нас могут быть веские основания что-то делать, замечает он, но это не обязательно означает, что мы так и сделаем. «Традиционное философское название этого разрыва — „свобода воли“». Размышляя о «сомнительной истории» этой концепции, он говорит:

> Даже если этот разрыв — иллюзия, то это иллюзия, от которой мы не можем избавиться <…> Представление о том, что можно давать и держать обещания, предполагает этот разрыв… [Это] требует сознания и чувства свободы со стороны дающего и сдерживающего обещания агента[5].

Свобода воли — это тот экзистенциальный скелет, который несет на себе моральную плоть каждого обещания, и когда я настаиваю на верности ей, то это не потворство ностальгии или произвольное предпочтение доцифровой жизни как чего-то более подлинно человеческого. Это единственный вид свободы, который мы можем гарантировать себе, невзирая на всю мощь энтропии или инерции, и независимо от сил и страхов, которые пытаются свести время к вечному бою с воображаемым противником, снова, и снова, и снова. Этот скелет — необходимое условие существования цивилизации как «моральной среды», которая благоприятствует достоинству личности и уважает уникально человеческие способности к диалогу и решению проблем. Любой человек, идея или практика, которые ломают этот скелет и разрывают эту плоть, лишают нас будущего, авторами которого были бы наши «я» и наше «мы».

Эти принципы — не диковинные безделушки, которыми выставляет их Хэл Вэриан и ему подобные. Это с тру-

дом завоеванные достижения, которые кристаллизовались в течение тысячелетий человеческой борьбы и жертв. Наша свобода процветает только тогда, когда у нас есть непоколебимая воля сомкнуть разрыв между обещанием и его выполнением. В этом действии подразумевается утверждение о том, что я своей волей могу повлиять на будущее. Разумеется, оно не подразумевает полной власти над будущим, только над моей его частью. *Таким образом, утверждение свободы воли утверждает также право на жизнь в будущем времени как условие подлинно человеческой жизни.*

Почему такой базовый человеческий опыт, как это притязание на жизнь в будущем времени, должен рассматриваться как одно из прав человека? Краткий ответ состоит в том, что это стало необходимо именно сегодня, потому что сегодня этот опыт в опасности. Сёрль утверждает, что подобные базовые права — «черты человеческой жизни» — кристаллизуются в формальные права человека только в тот исторический момент, когда они начинают подвергаться систематической угрозе. Так, например, возможность говорить есть нечто базовое. Концепция «свободы слова» как формального права появилась только тогда, когда общество развилось до такой степени политической сложности, что свобода говорить оказалась под угрозой. Философ отмечает, что речь не более фундаментальна для человеческой жизни, чем дыхание или возможность двигаться. Но никто не объявил о существовании «права на дыхание» или «права на физическое движение», потому что эти фундаментальные права и не подвергаются нападкам и, следовательно, не требуют формальной защиты. Что именно относится к фундаментальным правам, утверждает Сёрль, это вопрос «исторически обусловленный» и «прагматический»[6].

Я думаю, что сегодня мы столкнулись с тем историческим моментом, когда базовому *праву на жизнь в будущем времени* угрожает повсеместная и всеохватная цифровая архитектура изменения поведения, принадлежащая надзорному капиталу и управляемая им, обусловленная его экономическими императивами и ведомая его «законами движения», и все это ради необходимых ему гарантированных исходов.

II. У нас есть воля к воле

Говоря проще всего, без неопределенности нет свободы; это та среда, в которой выражается в обещаниях человеческая воля. Конечно, мы даем обещания не только себе; мы даем обещания и друг другу. Когда мы объединяем наши воли и наши обещания, мы создаем возможность коллективных действий, направленных на общее будущее и связанных решимостью претворить наше видение в реальную жизнь. Это истоки института, который мы называем «договором», начиная с древних римлян[7].

Договоры возникли как коллективные «островки предсказуемости», призванные смягчать неопределенность для человеческих сообществ, и они до сих пор играют эту роль. «Самый простой способ сформулировать суть договорного права состоит в том, что оно поддерживает и формирует социальную практику обещаний и соглашений и их выполнения», — заключает один видный ученый. «Договорное право посвящено проблемам сотрудничества», резюмирует другой. «Договорное право <…> отражает моральный идеал равного уважения к каждому. Этот факт объясняет, почему договорное право может создавать подлинные правовые обязательства и не является просто системой принуждения», — отмечает третий[8].

Именно в этом контексте наиболее четко проявляется деструктивность «недоговора». Вспомним утверждение Вэриана, что если кто-то перестанет делать ежемесячные платежи за автомобиль, то «в наши дни намного легче просто дать указание системе мониторинга автомобиля не включать зажигание и сообщить место, откуда можно его эвакуировать». Вэриан называет эту новую возможность «новой формой договора», тогда как на самом деле недоговор уходит от человеческого мира юридически связывающих обещаний и заменяет его позитивистскими расчетами автоматизированных машинных процессов[9]. Не моргнув глазом «недоговор» Вэриана избавляется от нескольких тысячелетий социальной эволюции, в течение которых западная цивилизация институционализировала договор как великое достижение общей воли.

Ни для кого не секрет, что институт договора искажался и подвергался злоупотреблениям во все эпохи, от «Требований» конкистадоров до «договора о рабстве»; действующая власть всегда навязывала болезненные неравенства, уничтожающие смысл и, в сущности, саму возможность взаимных обещаний[10]. Так, Макс Вебер предостерегал, что великие достижения свободы договора создают возможности для эксплуатации собственности в качестве средства «достижения власти над другими»[11].

Однако сегодняшний «недоговор» беспрецедентен в своей способности навязывать одностороннюю власть. Используя «аппарат», он сочетает всепроникающий мониторинг и дистанционную активацию действий, создавая опирающуюся на интернет «новую экономику», которая обходится без человеческих обещаний и социальной вовлеченности[12]. Вместо этого «недоговор» стремится создать условия, которые экономист Оливер Уильямсон называет «договорной утопией»: состояние совершенной информации, известной идеально рациональным людям, которые всегда действуют так, как обещали[13]. Проблема, пишет Уильямсон, в том, что «*все сложные договоры неизбежно неполны* <…> стороны столкнутся с необходимостью адаптироваться к непредвиденным помехам, возникающим из-за пробелов, ошибок и упущений в изначальном договоре»[14].

Если вы когда-либо видели, как в соответствии с архитектурными планами строится дом, то вы достаточно хорошо себе представляете, что имеет в виду Уильямсон. Нет никакой инструкции, которая бы во всех деталях описывала все, что необходимо для преобразования чертежей и спецификаций в реальный дом. Ни в каком плане нельзя предвидеть все проблемы, которые могут возникнуть; большинство планов и близко не пытаются это сделать. Мастерство строителей зависит от того, как они сотрудничают, чтобы изобрести действия, которые исполнят замысел чертежей, по мере того как они справляются с неожиданными, но неизбежными осложнениями, возникающими в этом процессе. Они работают вместе, чтобы построить реальность из неопределенности плана.

Подобно строителям, люди, состоящие в договорных соглашениях, осуществляют такое же сотрудничество.

Это не просто поиск пути через лабиринт к уже согласованной конечной точке, а постоянное уточнение и прояснение целей и средств перед лицом непредвиденных препятствий. Эта социальная сторона договора иногда влечет за собой конфликты, разочарования, угнетение или гнев, но она также может создавать доверие, сотрудничество, сплоченность и адаптацию как способы, которыми люди справляются с непознаваемым будущим.

Если бы «договорная утопия» существовала, то, по словам Уильямсона, ее лучше всего было бы понимать как «планирование», которое, как и другие «утопические способы экономической организации», требует «глубокой преданности коллективным целям» и «соблюдения субординации». Субординации по отношению к чему? К плану. Договор в этом контексте полной рациональности — это то, что Уильямсон называет «миром, где господствует планирование». Такое планирование было основным институтом социалистической экономики, в которой «человек нового типа» идеализировался как обладатель «высокого уровня познавательных способностей», и поэтому, как утверждается, мог разрабатывать весьма эффективные планы[15]. Вэриан ловко избавляется от «нового человека» социализма и вместо этого устанавливает рынок, определяемый экономическими императивами надзорного капитализма, выраженными в повсеместной вычислительной архитектуре, мощностях машинного интеллекта, непрерывно подпитываемых новыми данными, аналитике, распознающей закономерности, и алгоритмах, которые преобразовывают их в правила. В этом и заключается сущность «недоговора», который преобразует человеческие, юридические и экономические риски договора в планы, разрабатываемые, отслеживаемые и поддерживаемые частными фирмами во имя гарантированных исходов — не столько договорная утопия, сколько *недоговорная антиутопия*.

События ноября 2016 года в маленьком городке Бельвиль (штат Иллинойс) наглядно показали, что мы теряем, когда подчиняемся антиутопическому правлению недоговора. Пэт и Стэнфорд Киппинг были должны кредитному кооперативу 350 долларов за «Бьюик» 1998 года. В очередной раз они не смогли внести ежеме-

сячный платеж в размере 95 долларов. Кредитный кооператив привлек человека с местной эвакуаторной стоянки, Джима Форда, чтобы тот забрал их машину.

Когда Форд пришел в дом Киппингов в Бельвиле, он с тревогой обнаружил пожилую пару, которой приходилось выбирать между покупкой лекарств и платежами по кредиту за машину. Первоначальная реакция Форда состояла в том, чтобы отказаться от эвакуации машины и соответствующей оплаты. Киппинги горячо поблагодарили его, пригласили на чай и поведали свою историю. Тогда-то Форд и решил сомкнуть разрыв между неопределенной реальностью и условиями их договора. Он сделал нечто человеческое, позвонив в кредитный кооператив и предложив оплатить долг этой пары.

Менеджер кредитного кооператива настаивал на том, что Форд должен «следовать процедуре». Форд продолжал взывать к древним социальным принципам договора, нащупывая путь через лабиринт к чему-то, что казалось справедливым. В итоге менеджер согласился «поработать» с парой, чтобы посмотреть, что можно сделать. Дело этим не закончилось. В течение двадцати четырех часов онлайн-кампания по сбору средств собрала достаточно, чтобы расплатиться за машину Киппингов, отремонтировать ее, купить индейку на День благодарения и оставить супругам дополнительный подарок в размере 1000 долларов.

Самое интересное, что когда местная газета подхватила эту историю, она мгновенно разлетелась по сети и традиционным СМИ. Миллионы людей прочитали и отреагировали на эту драму, предположительно потому, что она пробудила воспоминания о чем-то ценном и необходимом, но теперь находящемся под угрозой исчезновения. Джим Форд напомнил нам о самых заветных требованиях цивилизованной жизни — нашем совместном утверждении прав на жизнь в будущем времени, выражающемся в объединении наших воль и взаимной приверженности диалогу, решению проблем и сопереживанию. Он красноречиво высказался по этому поводу:

> Просто относитесь к людям по-человечески. Это не так сложно. То, что началось такое сумасшествие, это довольно печально. Это должно быть обычным делом, нормальной вещью[16].

В условиях антиутопии недоговора это обычная человеческая вещь ненормальна. Что, если бы кредитный кооператив, в котором состояли Киппинги, пользовался телематикой Spireon и должен был просто дать команду системе мониторинга автомобиля отключить зажигание? Не было бы никакого менеджера по ссудам, обговаривающего взаимные уступки с клиентами. Алгоритм, призванный устранить беспорядочные, непредсказуемые, ненадежные порывы человеческой воли, захватил бы старый Бьюик. Не было бы чаепития с Киппингами и некому было бы выслушать их историю. Не было бы возможности найти альтернативный путь через лабиринт, возможности построить доверие, не было бы повода для коллективных действий, согревающей душу праздничной истории о доброте, никаких проблесков надежды на человеческое будущее, в котором лучший из наших институтов сохраняется и укрепляется, не было бы общей проблемы неопределенности и общей свободы.

В условиях антиутопии недоговора усилия надзорного капитализма по достижению определенности заполняют пространство, некогда занятое всей той человеческой работой по созданию и укреплению общественного доверия, которая теперь оказывается ненужной силой трения на пути к гарантированным исходам. Устранение неопределенности преподносится как победа над человеческой природой — нашей изворотливостью и находчивостью. Все, что остается теперь важного, — это правила, задающие те или иные действия, объективные показатели поведения, и степень соответствия между первым и вторым. Социальное доверие в конечном итоге изнашивается, становясь своего рода рудиментарной причудой, вроде третьего соска или зуба мудрости — следами эволюционного прошлого, которые больше не выполняют никаких функций, потому что их контекст и, следовательно, их смысл, утрачены[17].

Недоговорные и коммерческие схемы изменения поведения, в рамках которых последнее достигает своих целей, конструируют общество как бесплодную пустыню, в которой недоверие воспринимается как должное. Заранее считая нашу совместную жизнь обреченной на провал, оно оправдывает принудительное вмеша-

тельство во имя определенности. На фоне постепенной нормализации этого автоматизированного плана и его авторов человеческая реакция одного эвакуаторщика — простейшее свидетельство того, что именно предстоит изжить надзорному капитализму.

Прежде неудачи и триумфы в процессе выбора человеком своего будущего перед лицом неопределенности придавали ему новые силы, но теперь это уступает место пустоте вечного повиновения. Слово *доверие* остается, но означаемое им явление человеческого опыта растворяется в памяти, архаичной отсылкой к далеким воспоминаниям про мечту о мечте, которая давно угасла ради новой диктатуры рыночной рациональности. По мере того как мечта умирает, умирает и наше чувство удивления и протеста. Мы цепенеем, и наше онемение готовит почву для дальнейшего повиновения. Патологическое разделение знания, сформированное беспрецедентной асимметрией знания и власти, фиксирует нас в состоянии нового неравенства, в котором есть настройщики и настраиваемые, пастыри и стада, сырье и его добытчики, экспериментаторы и их незадачливые испытуемые, те, кто имеет волю к будущему и те, кого перенаправляют к гарантированным для других результатам.

Итак, давайте расставим наши ориентиры. Неопределенность — это не хаос, а необходимая среда обитания в настоящем времени. Потенциальную ошибочность совместных обещаний и решение задач мы ставим выше тирании определенности, навязанной какой-либо доминирующей силой или планом, потому что это та цена, которую мы платим за свободу воли, которая дает нам право на жизнь в будущем времени. В отсутствие этой свободы будущее обрушивается в бесконечное настоящее, состоящее из механического поведения, в котором не может быть ни субъектов, ни проектов — лишь *объекты*.

В будущем, которое готовит нам надзорный капитализм, существование моей и вашей воли создает угрозу потоку надзорных доходов. Его цель — не уничтожить нас, а просто стать нашим автором и извлечь выгоду из этого авторства. В прошлом об этом задумывались, но только сегодня это стало осуществимо. В прошлом это отвергалось, но только сегодня этому позволили пустить корни. Мы попали в силки, но не осознаем этого,

лишенные осмысленных альтернатив, чтобы отказаться, сопротивляться или защищаться.

Обещание обещания и воля к воле лежат глубже, чем все эти исторические аномалии. Они снова напоминают нам о том месте, где мы, люди, исцеляем разрыв между известным и непознаваемым, лавируя по морям неопределенности в суденышках совместных обещаний. В реальном мире человеческого дерзновения не бывает ни полной информации, ни полной рациональности. Жизнь побуждает нас действовать и брать на себя обязательства, даже когда будущее неизвестно. Любой, кто растил ребенка или как-то иначе отдавал свое сердце в любви, знает, что это правда.

Боги знают будущее, но мы движемся вперед, идем на риск и связываем себя с другими, несмотря на то что мы не можем знать все о настоящем, не говоря уже о будущем. В этом суть нашей свободы, проявляющейся как базовое право на жизнь в будущем времени. С созданием и присвоением новых средств изменения поведения судьба этого права следует траектории, которую мы уже установили. Оно не уничтожается, а узурпируется — захватывается и прибирается к рукам надзорным капитализмом, единолично притязающим на наше будущее.

III. Как это сошло им с рук?

На протяжении вот уже десяти глав я утверждаю, что надзорный капитализм являет нам беспрецедентную логику накопления, определяемую новыми экономическими императивами, механизмы и эффекты которых нельзя понять с помощью существующих моделей и допущений. Это не означает, что старые императивы — неудержимое стремление к максимизации прибыли наряду с интенсификацией средств производства, роста и конкуренции — исчезли. Однако теперь они должны действовать через новые цели и механизмы надзорного капитализма. Здесь я вкратце подведу итоги разговора о новых императивах, как в качестве небольшого повторения уже пройденного материала, так и в качестве прелюдии к вопросу о том, *как это сошло им с рук?*

Новая история надзорного капитализма начинается с обнаружения *поведенческого излишка* в более или менее готовом виде в онлайн-среде, когда стало понятно, что, используя «выхлоп данных», забивающий серверы Google, в сочетании с достаточно большими аналитическими мощностями, можно прогнозировать поведение пользователя. Эти *прогнозные продукты* легли в основу сверхъестественно прибыльного процесса продаж, который породил новые *рынки будущего поведения*.

По мере возрастания объемов данных, «машинный интеллект» Google совершенствовался, приводя к созданию более качественных прогнозных продуктов. Эта динамика породила *императив извлечения*, который выражает необходимость *эффекта масштаба в накоплении излишка* и зависит от работы автоматизированных систем, которые неустанно выслеживают, прибирают к рукам и приумножают поведенческий излишек. Google запустил логику завоевания, определяя человеческий опыт как нечто принадлежащее любому желающему, доступное для оцифровки в виде данных и присвоения в качестве надзорных активов. Компания научилась использовать целый спектр риторических, политических и технологических стратегий, чтобы напустить туман на эти процессы и их последствия.

Потребность в массовости питала неустанный поиск новых крупномасштабных источников поведенческого излишка, создавая конкурентную динамику, нацеленную на завладение этими поставками сырья и на поиски беззащитных территорий беззакония, где можно было бы проворачивать эти нежданные и мало кому понятные акты изъятия. Все это время надзорные капиталисты скрытно, но неуклонно приучали нас к своим притязаниям. В результате наш доступ к необходимой информации и услугам стал заложником их деятельности, наши средства участия в социальной жизни слились с их интересами.

Высокоприбыльные *прогнозные продукты* зависят от поведенческого излишка, а конкуренция вывела проблемы с поставками на новый уровень, отраженный в *императиве прогнозирования*. Более мощные прогнозные продукты требовали экономии не только за счет масштаба, но и за счет *охвата*, не только за счет объема,

но и за счет разнообразия. Это разнообразие существует в двух измерениях. Первое — это разнообразие *вширь* с охватом различных видов человеческой деятельности; второе — это *глубина* прогнозных деталей в рамках каждого вида деятельности.

На этом новом этапе конкурентной гонки надзорные капиталисты вынуждены выбраться из виртуального мира в реальный. Эта миграция требует новых машинных процессов для *оцифровки* всех аспектов человеческого опыта в виде поведенческих данных. Сегодня конкуренция разворачивается в контексте быстро растущей глобальной архитектуры повсеместной компьютеризации и, следовательно, повсеместных операций снабжения, и все чаще ожидается, что прогнозные продукты будут приближаться к определенности и, следовательно, гарантировать поведенческие исходы.

На третьем этапе конкурентной гонки надзорные капиталисты обнаружили необходимость *экономии за счет действия,* применяя новые методы, которые выходят за рамки отслеживания, сбора, анализа и прогнозирования поведения, и начинают вмешиваться в ход игры и активно формировать поведение у его истока. В результате средства производства подчиняются сложнейшим новым *средствам изменения поведения*, которые опираются на различные машинные процессы, методы и тактики (подстройка, понуждение, обусловливание) для формирования поведения индивидов, групп и обществ способами, которые дают все большее и большее приближение к гарантированным исходам. Подобно тому как промышленный капитализм был одержим постоянной интенсификацией средств производства, надзорные капиталисты сегодня оказались заперты в цикле непрерывной интенсификации способов изменения поведения.

Интересы надзорных капиталистов сместились с использования автоматизированных машинных процессов, помогающих узнать о вашем поведении, на использование машинных процессов, помогающих формировать ваше поведение в соответствии с их интересами. Другими словами, эта траектория длиной в полтора десятилетия привела нас от *автоматизации потоков информации о вас* к *автоматизации вас самих*. В условиях роста повсеместной компьютеризации стало трудно, а может и не-

возможно, избежать неумолимых пут этой дерзко расставленной паутины.

Чтобы вновь обрести наши ориентиры, я просила возродить чувства удивления и возмущения. Но, самое главное, я призывала отвергнуть фаустовский пакт об участии в обмен на изъятие, требующий нашего подчинения средствам изменения поведения, построенным на фундаменте деклараций Google. Но я помню, что, когда мы спрашиваем «как это сошло им с рук?», есть много веских доводов, каждый из которых стоит рассмотреть, но ни один из которых не работает сам по себе. Вместо простых причинно-следственных связей ответы на наш вопрос образуют обширную панораму истории, случайностей, зыбучих песков и принуждения.

Наш вопрос вызывает еще большую досаду в свете того факта, что в подавляющем большинстве опросов, призванных выявить отношение публики к утрате конфиденциальности и другим сторонам деятельности надзорного капитализма, мало кто из нас поддерживает статус-кво. В сорока шести из сорока восьми крупных опросов, проведенных в период с 2008 по 2017 год, значительное большинство поддерживает меры по улучшению конфиденциальности и контролю пользователей над личными данными. (Только два ранних опроса дали несколько менее определенные результаты, потому что очень многие участники указали, что они не понимают, как или какая именно личная информация собирается.) Действительно, уже к 2008 году было надежно установлено, что чем больше человек осведомлен о «конфиденциальности в интернете», тем вероятнее, что он будет сильно обеспокоен конфиденциальностью[18].

Хотя опросы различались по своей направленности и конкретным вопросам, основные тенденции проявлялись настолько последовательно, что это заслуживает внимания. К примеру, один серьезный опрос 2009 года показал, что, когда американцы получают информацию о том, как компании собирают данные для целевой интернет-рекламы, от 73 до 86% из них отвергают такую рекламу. Другое заметное исследование, проведенное в 2015 году, обнаружило, что 91% респондентов не согласны с тем, что сбор личной информации «без моего ведома» является справедливой уступкой ради сниже-

ния цены. 55% не согласились с тем, что это справедливо в обмен на более качественные услуги. В 2016 году исследователи из Pew Research сообщили, что только 9% респондентов «вполне уверены», что стоит доверять сайтам социальных сетей свои данные, и 14% — что следует доверять личные данные компаниям. Более 60% хотели делать больше для защиты своей конфиденциальности и считали, что должно быть более значительное правовое регулирование защиты конфиденциальности[19].

Фирмы надзорного капитализма, как правило, отмахивались от результатов этих опросов, указывая вместо этого на впечатляющий рост выручки и количества пользователей. Это несоответствие осложнило исследования и формирование государственной политики. Как получилось, что эта рыночная форма смогла добиться такого успеха, когда столько людей отвергают практики надзорного капитализма, даже с учетом того, как мало большинство из нас действительно что-то знает об этих практиках? Причин множество:

1. *Беспрецедентность:* Большинство из нас не оказало сопротивления ранним вторжениям Google, Facebook и других операций надзорного капитализма потому, что было невозможно понять, чем они отличались от всего им предшествовавшего. Основные операционные механизмы и методы ведения бизнеса были настолько новыми и странными, настолько абсолютно не похожими ни на что другое, что все, что мы смогли увидеть, — это стайка «инновационных» безлошадных экипажей. И что самое важное: тревога и бдительность сконцентрировались на известных угрозах в виде надзора и контроля, исходящих от государственной власти. Предыдущие вторжения масштабной поведенческой модификации рассматривались как часть государственной политики, и мы не были готовы к натиску со стороны частных фирм.
2. *Декларация как вторжение:* Отсутствие прецедентов оставило нас обезоруженными и завороженными. Тем временем Google научился искусству вторжения с помощью деклараций, беря то, что хотел, и называя это своим. Корпорация заявила о своих правах действовать без нашего ведома, забирать себе наш опыт

и преобразовывать его в данные, считать своей собственностью и принимать решения относительно использования этих данных, разрабатывать стратегии и тактики, которые держат нас в неведении относительно ее деятельности, и настаивать на условиях беззакония, необходимых для этих операций. Эти декларации институционализировали надзорный капитализм как рыночную форму.

3. *Исторический контекст:* надзорный капитализм нашел убежище в неолиберальном духе времени, который приравнивал государственное регулирование бизнеса к тирании. Эта «паранойя» благоприятствовала режимам самоуправления, которые не накладывали значительных ограничений на корпоративную практику. Параллельно с этим «война с террором» переключила внимание правительства с законодательства о конфиденциальности на неотложную потребность в быстро развивающихся возможностях и технологиях Google и других надзорных капиталистов, находящихся на подъеме. Это «избирательное сродство» породило тенденцию к надзорной чрезвычайщине, которая дала новой рыночной форме дополнительную защиту от критического внимания и подпитывала ее развитие.
4. *Линии укреплений:* Google агрессивно защищал свои операции, показав их полезность в избирательном процессе, наладив прочные отношения с избранными и назначенными должностными лицами, поддерживая взаимообмен сотрудниками между Вашингтоном и Кремниевой долиной, не жалея средств на лоббирование и ведя постоянную кампанию «мягкой силы», нацеленную на всепроникающее культурное влияние.
5. *Цикл изъятия:* Сначала в Google, а затем в Facebook и других фирмах, лидеры надзорного капитализма осваивали ритмы и этапы изъятия. Дерзкие набеги продолжаются до тех пор, пока не встречают сопротивление, за чем следует целый ряд тактических приемов — от сложных операций в сфере связей с общественностью до юридического отпора, — каждый из которых призван выиграть время для постепенного приучения к некогда вопиющим фактам. Для третьего этапа характерны публичные демон-

страции способности к адаптации и даже к отступлению, в то время как на заключительном этапе ресурсы перенаправляются на достижение тех же целей, замаскированных новой риторикой и тактикой.

6. *Зависимость:* Бесплатные сервисы Google, Facebook и других взывают к скрытым потребностям людей второго модерна, которые ищут ресурсы для эффективной жизни во все более враждебной институциональной среде. Однажды распробовав этот соблазнительный плод, трудно остановиться. По мере того как надзорный капитализм распространился по интернету, средства социального участия становится все труднее отличить от средств изменения поведения. Эксплуатация потребностей второго модерна, которая изначально способствовала возникновению надзорного капитализма, в конечном итоге распространилась почти на все каналы социального участия. Большинству людей трудно отказаться от подобных услуг, и многие усомнились, возможно ли это в принципе.
7. *Корыстный интерес:* Новые рынки будущего поведения порождают сети попутчиков, партнеров, сотрудников и клиентов, доходы которых зависят от императива прогнозирования. Институциональные факты множатся. Владелец пиццерии на карте Pokémon Go, торговец, который усеивает свой магазин маячками, и страховые компании, борющиеся за поведенческие данные, — все участвуют в гонке за гарантированными исходами и надзорными доходами.
8. *Вовлеченность:* Многим людям кажется, что если тебя нет в Facebook, то тебя не существует. В Pokémon Go люди бросились играть по всему миру. Когда сфера надзорного капитализма привлекает к себе столько энергии, успеха и капитала, то оставаться за ее бортом, а тем более противостоять ей, может показаться одинокой и рискованной затеей.
9. *Идентификация:* Надзорные капиталисты агрессивно преподносят себя как героических предпринимателей. Многие люди восхищаются финансовым успехом и популярностью надзорных капиталистов, отождествляют себя с ним и считают образом для подражания.

10. *Авторитет:* Многие также рассматривают эти корпорации и их лидеров как авторитетные источники информации о будущем — гениев, которые видят дальше всех нас. Легко стать жертвой естественной логической ошибки, рассуждая, что, поскольку компании успешны, они также должны быть правы. В результате многие из нас с уважением относятся к экспертному статусу этих лидеров и стремятся участвовать в инновациях, предвещающих будущее.
11. *Социальное убеждение:* Как мы уже неоднократно видели, существует бесконечное разнообразие ловких риторических приемов, направленных на то, чтобы убедить людей в оправданности чудес, связанных с надзорно-капиталистическими инновациями: таргетированной рекламы, персонализации, цифровых помощников. Помимо этого, экономия за счет действия намеренно устроена так, чтобы убедить нас следовать друг другу в предписанном образе действий.
12. *Отсутствие альтернатив:* «Безальтернативная диктатура» цветет здесь пышным цветом. Мы видели, что цикл реинвестирования поведенческой стоимости становится все большей редкостью. На смену «Осведомленному дому» пришел Google Home. Надзорный капитализм распространился по всему интернету, и необходимость в экономии на охвате и действии вытолкнула его в реальный мир. От приложений к устройствам и к Единому Голосу — путь к бегству находить все труднее, не говоря уже о подлинных альтернативах.
13. *Риторика неизбежности:* Троянский конь в виде компьютерного посредничества — устройства, приложения, доступ в интернет — выходит на сцену вместе с непрерывным потоком риторики неизбежности, успешно отвлекая нас от скрытого в нем, задуманного и воплощенного в жизнь конкретными людьми, исторически случайного надзорного капитализма. Институционализация ширится и помогает стабилизировать эти новые практики. Мы беспомощно самоустраняемся.
14. *Идеология человеческой слабости:* В дополнение к идеологии неизбежности, надзорный капитализм с готовностью взял на вооружение проповедуемую по-

веденческой экономикой идеологию человеческой слабости — мировоззрение, которое представляет человеческое мышление прискорбно иррациональным и не способным замечать свои регулярные ошибки. Надзорные капиталисты используют эту идеологию для легитимации своих средств изменения поведения — подстройки, понуждения и обусловливания отдельных лиц и целых групп способами, призванными остаться незамеченными.

15. *Неведение:* Оно остается одним из очевидных объяснений. Надзорные капиталисты доминируют в аномальном разделении знания, в рамках которого они знают то, чего мы знать не можем, в то же время имея веские причины скрывать свои намерения и практики, действуя тайно, за кулисами. Невозможно понять то, что было создано втайне и изначально задумано как нечто невразумительное. Эти системы предназначены для того, чтобы заманить нас в ловушку, пользуясь нашими уязвимостями, порожденными асимметричным разделением знания и усиленными нехваткой у нас времени, ресурсов и поддержки.
16. *Скорость:* Надзорный капитализм прошел дистанцию от своего изобретения до доминирования за рекордно короткое время. Это отражает его способность привлекать капитал и его законы движения, но также является результатом вполне конкретной стратегии, в рамках которой быстроту действий сознательно используют для того, чтобы парализовать понимание и заморозить сопротивление, одновременно отвлекая нас немедленным удовлетворением. Благодаря молниеносности своих действий надзорный капитализм опережает демократию и саму нашу способность понять происходящее и представить последствия. Эта стратегия заимствована из обширного наследия политических и военных подходов к скорости как форме насилия, в самое последнее время ставших известными как «шок и трепет»[20].

Эти шестнадцать ответов позволяют предположить, что за почти два десятилетия, прошедшие с момента изобретения надзорного капитализма, существующие законы,

в основном сфокусированные на неприкосновенности частной жизни и антимонопольном законодательстве, оказались недостаточными, чтобы нарушить его рост. Нам нужны законы, которые отвергают основополагающую легитимность деклараций надзорного капитализма и останавливают его основные операции, включая незаконную оцифровку человеческого опыта в качестве поведенческих данных; использование поведенческого излишка в качестве свободно доступного сырья; крайне высокую концентрацию новых средств производства; изготовление прогнозных продуктов; торговлю поведенческими фьючерсами; использование прогнозных продуктов для операций третьего порядка — изменения поведения, влияния на него и контроля над ним; работу средств изменения поведения; накопление эксклюзивных частных запасов знания (теневой текст); и власть, которую дает такая концентрация знания.

Отказ от этих новых институтов надзорного капитала и от деклараций, на которых они построены, будет означать отказ со стороны общества от согласия с целями и методами надзорного капитализма, подобно тому как раньше мы уже отозвали согласие на антисоциальные и антидемократические методы дикого промышленного капитализма, исправив баланс сил между работодателями и работниками путем признания прав работников на коллективные переговоры, запретов на использование детского труда, на опасные условия труда, чрезмерную продолжительность рабочего времени и т. д.

Отзыв согласия принимает две широкие формы, и это различие будет полезно, когда мы перейдем к части III. Первая — это то, что я называю *контрдекларацией*. Это оборонительные меры, такие как шифрование и другие инструменты защиты конфиденциальности, или доводы в пользу «собственности на данные». Такие меры могут быть эффективными в конкретных ситуациях, но они оставляют противостоящие им факты нетронутыми, признавая их устойчивость и тем самым парадоксальным образом укрепляя их легитимность. Если я, например, «отказываюсь» от отслеживания, это касается только меня и мои действия не бросают вызов самой практике отслеживания и не изменяют ее. Второй способ выразить несогласие я называю *синтетической декла-*

рацией. Если декларация — это «шах», то контрдекларация — «мат», а синтетическая декларация меняет саму игру. Он утверждает альтернативный взгляд, который трансформирует противостоящие факты. Контрдекларация помогает выиграть время и сделать жизнь более сносной, но только синтетическое альтернативное видение изменит дикий надзорный капитализм в пользу цифрового будущего, которое мы сможем назвать своим домом.

В качестве иллюстрации этих двух форм несогласия я обращусь к истории Берлинской стены. С 1961 по начало 1980-х годов отважные жители Восточного Берлина проложили сквозь песчаный грунт под городом семьдесят один тоннель, что позволило нескольким сотням горожан бежать в Западный Берлин[21]. Эти тоннели — свидетельство необходимости контрдеклараций, но они не разрушили ни стену, ни власть, стоявшую за ней.

Синтетическая декларация набирала силу в течение десятилетий, но ее полного выражения пришлось ждать до полуночи 9 ноября 1989 года, когда Харальд Ягер, старший офицер, дежуривший той ночью на пропускном пункте на улице Борнхольмер, отдал приказ открыть ворота и двадцать тысяч человек хлынули за стену в Западный Берлин. Один историк так описывал эти события:

> К вечеру 9 ноября люди пришли к Берлинской стене и потребовали у пограничников ответа на вопрос *Вы нас пропустите?* Эти люди были настолько уверены в себе, а пограничники настолько не уверены в себе, что ответом было *Пропустим*[22].

IV. Пророчества

Почти семьдесят лет назад историк экономики Карл Поланьи размышлял о том, как рыночная динамика промышленного капитализма, будучи предоставлена самой себе, разрушает те самые вещи, которые она стремится покупать и продавать: «товарная фикция совершенно игнорировала тот факт, что отдать землю и человека в полную власть рынка значило, по сути, уничтожить их»[23]. В отсутствие синтетической декларации дело, по-

хоже, идет к исполнению пророчества Поланьи, и уже одно это должно нас настораживать. Что предвещает пророчество Поланьи для нашего времени?

Промышленный капитализм следовал своей собственной логике «шока и трепета», целя в природу, чтобы покорить ее в интересах капитала; сегодня надзорный капитализм положил глаз на *человеческую* природу. Мы лишь постепенно пришли к пониманию того, что конкретные методы господства, применяемые промышленным капитализмом на протяжении более чем двух столетий, в корне дестабилизировали условия, поддерживающие жизнь на Земле, нарушив самые базовые заповеди цивилизации. Несмотря на многочисленные преимущества и огромные достижения промышленного капитализма, он оставил нас в опасной близости от повторения судьбы жителей острова Пасхи, которые погубили землю, которая дала им жизнь, а затем поставили статуи, чтобы те всматривались в горизонт в ожидании помощи и спасения, которые так никогда и не придут. *Если промышленный капитализм губит природу, то какое опустошение может оставить надзорный капитализм в человеческой природе?*

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к императивам. Промышленный капитализм поставил нас на грань грандиозной опасности, но не вследствие злодейской жажды уничтожения или вышедшей из-под контроля технологии. К этому результату неуклонно вела его внутренняя логика накопления, с ее императивами максимизации прибыли, конкуренции, неослабевающего стремления к повышению производительности труда посредством технического совершенствования производства, и роста, финансируемого непрерывным реинвестированием прибыли[24]. Имеет значение именно веберовская «экономическая ориентация», а также то, как эта ориентация справляется с конкретной формой капитализма, которая выходит на первый план в ту или иную эпоху.

Логика промышленного капитализма освобождала предприятие от ответственности за разрушительные последствия его деятельности, развязав дестабилизацию климатической системы и тот хаос, на который это обрекает все живое. Поланьи понимал, что дикий ка-

питализм не может объездить себя сам. Он утверждал, что именно общество должно навязать капитализму необходимые обязательства, настаивая на мерах, которые привязывают капиталистический проект к социальному, сохраняя и поддерживая жизнь и природу.

Точно так же значение пророчества Поланьи для нас сегодня можно понять только через призму экономических императивов надзорного капитализма, определяющих его притязания на человеческий опыт. Если мы хотим вернуть себе чувство потрясенного изумления, то вот что достойно его в полной мере: *если индустриальная цивилизация процветала за счет природы и теперь мы рискуем потерять саму Землю, то информационная цивилизация, сформированная надзорным капитализмом, будет процветать за счет человеческой природы и угрожает отнять у нас нашу человечность*. Пророчество Поланьи требует, чтобы мы задались вопросом, можем ли мы еще предотвратить этот исход своими собственными синтетическими декларациями.

Части I и II были посвящены осмыслению истоков надзорного капитализма и выявлению, именованию и пристальному изучению его основополагающих механизмов и экономических императивов. С самого начала мы исходили из того, что именование и укрощение неразрывно связаны, что свежие и тщательно подобранные слова послужат инструментами, которые помогут нам остановить механизмы изъятия, обратить вспять их действие, создать столь необходимую силу трения, бросить вызов патологическому разделению знания и в конечном итоге синтезировать новые формы информационного капитализма, действительно отвечающие нашей потребности в эффективной жизни. Ради участия в обществе и ради индивидуальной эффективности мы не должны жертвовать правом на жизнь в будущем времени, которое включает в себя нашу волю к воле, нашу автономию, наши права на принятие решений, конфиденциальность нашей частной жизни, да и саму нашу человеческую природу.

Однако не стоит думать, что надзорный капитализм можно понять только сквозь призму его экономических действий или что проблемы, с которыми мы сталкиваемся, ограничиваются выявлением, сдерживанием

и преобразованием его основополагающих механизмов. Последствия работы этой новой логики накопления уже просочились и продолжают просачиваться за пределы коммерческих практик в ткань наших социальных отношений, трансформируя наши отношения с самими собой и друг с другом. Эти преобразования порождают почву, на которой процветал надзорный капитализм, — инвазивный вид, сам себе создающий пропитание. Преобразуя нас, он производит пищу для своего продвижения вперед.

Возможно, в этих процессах легче разобраться, если заглянуть в прошлое. Разница между промышленным капитализмом и индустриальной цивилизацией — это разница между экономикой и теми обществами, которые она вызвала к жизни. Разновидность промышленного капитализма, достигшая господства в конце XIX — начале XX века, породила особую моральную среду, которую мы интуитивно ощущаем, даже если не называем по имени.

Промышленный капитализм был отмечен специализированным разделением труда с его исторически специфическими чертами: преобразование ремесленного труда в массовое производство на основе стандартизации, рационализации и взаимозаменяемости деталей; движущаяся сборочная линия; объемы производства; большие группы наемных работников, сконцентрированные на заводах и фабриках; профессиональные управленческие иерархии; власть менеджеров; функциональная специализация; различие между трудовыми задачами рабочих и служащих.

Это примерный, а не исчерпывающий список, но его достаточно, чтобы напомнить нам, что индустриальная цивилизация выросла из этих проявлений экономических императивов, которые управляли промышленной экспансией. Разделение труда сформировало культуру, психологию и социальный опыт. Переход от ремесленного труда к наемному создал новые группы работников и потребителей, мужчин и женщин, полностью зависящих от средств производства, которыми владеют и управляют частные фирмы.

Это и было горнило массового общества, его иерархического устройства и его централизованных бюро-

кратических форм государственной и частной власти, пронизанных призраками конформизма, послушания и стандартизации человека. Жизнь определялась институтами, отражавшими организацию промышленности: в школе, больнице и даже во многих сторонах семейной и домашней жизни, возраст и стаж функционировали по образцу промышленной системы, от обучения до выхода на пенсию.

В наше время, когда доминирующей формой информационного капитализма стал надзорный капитализм, мы должны задаться вопросом: какую цивилизацию предвещает он? Главы, которые вошли в часть III, задают только начало этого насущного разговора. Я сказала, что не может быть курса на «гарантированные исходы» без власти добиваться таких исходов. Какова природа этой новой власти? Как она трансформирует наши общества? Какое она предлагает решение для третьего модерна? Какая новая борьба наполнит эти новые времена и что она предвещает для цифрового будущего, которое мы смогли бы назвать своим домом? Вот вопросы, которые подводят нас к части III.

Часть III

Инструментарная власть для третьего модерна

ГЛАВА 12
Две разновидности власти

Вот век и пролетел. И весь тот вымер род —
В постелях, одряхлев, недвижны и несчастны;
Теперь они одни, и жизнь их безопасна:
Тень исполинских ног на луг их не падет.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, X*[1]

I. Возвращение к беспрецедентному

При надзорном капитализме «средства производства» служат «средствам изменения поведения». Машинные процессы заменяют собой человеческие отношения, так чтобы определенность могла заменить собой доверие. Эта новая сборка опирается на обширный цифровой «аппарат», на всемирно-историческую концентрацию передовых компьютерных знаний и навыков, а также на колоссальные богатства. Цикл массового изменения поведения объединяет многие из рассмотренных нами операций: повсеместное извлечение и оцифровку данных, активирование действий (подстройка, понуждение, обусловливание), цепочки поставок поведенческого излишка, основанные на машинном интеллекте производственные процессы, изготовление прогнозных продуктов, динамические рынки поведенческих фьючерсов и «таргетирование», которое ведет к новым раундам подстройки, понуждения, обусловливания и вынужденных «недоговоров», тем самым возобновляя весь цикл.

Эта сборка — рыночный проект: ее цель — изготовление прогнозов, которые становятся тем более ценными, чем ближе подходят к определенности. Лучшие прогнозы опираются на всю совокупность данных, и на волне этого движения к тотальности надзорные капиталисты прибрали к рукам разделение общественного знания. Они властвуют над знанием с решающей вершины социального порядка, где они питают и защищают теневой текст — оригинал самой определенности. В эту рыночную сеть мы и попались.

В частях I и II мы рассмотрели условия, механизмы и процессы, создающие это частное царство знаний и его прибыльные прогнозы, которые эволюционируют в сторону определенности, чтобы гарантировать рыночным игрокам нужные им исходы. Как я писала в главе 7, никакой исход нельзя *гарантировать*, если у вас нет возможности его добиться. Это темное сердце надзорного капитализма — нового типа бизнеса, который переосмысливает нас через призму собственной специфической власти, действующей через средства изменения поведения. Что это за власть и как она переделывает человеческую природу ради требуемой ею прибыльной определенности?

Эту разновидность власти я называю *инструментаризмом*, определяя его как *инструментовку и инструментализацию поведения в целях его изменения, прогнозирования, монетизации и контроля*. В этой формулировке «инструментовка» относится к марионеткам — это повсеместная подключенная к сети материальная архитектура восприимчивой компьютеризации, которая оцифровывает, интерпретирует и приводит в действие человеческий опыт. «Инструментализация» же обозначает социальные отношения, которые ориентируют кукловодов на человеческий опыт, когда надзорный капитал владеет машинами, превращающими нас в средства для достижения рыночных целей других людей. Надзорный капитализм заставил нас иметь дело с беспрецедентной формой капитализма. Теперь же инструментарная власть, которая поддерживает и расширяет надзорно-капиталистический проект, вынуждает нас ко второму столкновению с беспрецедентным.

Когда ученые, лидеры гражданского общества, журналисты, общественные деятели, да и большинство из нас, мужественно выступают против этой новой власти, мы неизменно обращаемся к Большому Брату Оруэлла и в целом к призраку тоталитаризма как к той призме, через которую следует интерпретировать сегодняшние угрозы. Google, Facebook и все поле коммерческого надзора часто изображаются как «цифровой тоталитаризм»[2]. Я восхищаюсь теми, кто противостоит вторжениям коммерческого надзора, но я также полагаю, что приравнивать инструментарную власть к тота-

литаризму — значит только затруднять наше понимание, а также нашу способность сопротивляться, нейтрализовывать и в конечном итоге побеждать ее мощь. Исторического прецедента инструментаризму нет, но зато у нас есть яркий прецедент подобного же рода встречи с беспрецедентной новой разновидностью власти.

В те годы, когда тоталитаризм еще не был назван по имени и формально проанализирован, его критики прибегали к языку империализма как к единственному доступному языку, позволяющему формулировать смертельную угрозу, которую представляла собой эта новая власть, и противостоять ей. Сегодня надзорный капитализм пустил нас в плавание по еще одному странному, темному морю невиданных и потому невидимых опасностей. Теперь уже мы, подобно ученым и гражданам прошлого, в надежде на спасение хватаемся за знакомые слова, описывающие власть XX века.

Когда мы привязываем новое чувство опасности к старым, знакомым фактам, не осознавая, что выводы, к которым они нас приведут, с необходимостью неверны, мы возвращаемся к синдрому безлошадного экипажа. Вместо этого нам следует понять специфическую внутреннюю логику накопления власти, всецело принадлежащую XXI веку, для которой мы не найдем адекватного компаса в прошлом. Тоталитаризм был одержим перестройкой человеческого рода посредством двойного механизма геноцида и «инженерии человеческих душ». Инструментарная власть, как мы увидим, ведет нас в совершенно ином направлении. Надзорных капиталистов не интересуют убийства или преобразование наших душ. Хотя их цели во многом не менее амбициозны, чем цели тоталитарных лидеров, это все же совершенно другие цели. Работа по наименованию странной формы власти, беспрецедентной в человеческом опыте, должна начаться заново ради эффективного сопротивления и творческой возможности настаивать на будущем, которое будет делом наших собственных рук.

Оставшаяся часть этой главы — подготовительная. Первая задача — развить наше понимание того, чем инструментарная власть *не* является, поэтому в следующем параграфе мы кратко рассмотрим ключевые элементы тоталитаризма XX века. Самое важное — это тот факт,

что, как и инструментаризм, тоталитарная власть была чем-то беспрецедентным. Она буквально не бросала вызов человеческому пониманию. Мы можем многому научиться из усилий и просчетов ученых, журналистов и граждан, которых подмяла под себя непостижимая и неодолимая сила. После того как мы рассмотрим эти вопросы, мы будем готовы исследовать истоки инструментаризма в области знания, ставшей известной как «радикальный бихевиоризм», наиболее ярким представителем которого был Б. Ф. Скиннер с его мечтой о «технологии поведения». В главе 13 мы свяжем наши находки в единое целое, рассматривая уникальные цели и стратегии инструментарной власти.

11. Тоталитаризм как новая разновидность власти

Слово «тоталитаризм» впервые появилось в начале XX века в работе итальянского философа Джованни Джентиле и вошло в более широкое употребление после выхода статьи Муссолини «Доктрина фашизма», написанной в 1932 году совместно с Джентиле, который стал к тому времени главным философом фашизма в Италии[3]. Италия вступила в XX век как страна второго сорта, игнорируемая на мировой арене, затаившая чувства неудачи и унижения и не способная прокормить свой собственный народ — миллионы эмигрировали в поисках лучшей жизни. В течение первого десятилетия XX века новое поколение интеллектуалов и авангардистов-футуристов стало вынашивать мечту о «новой Италии». Этому националистическому возрождению и посвятил Джентиле свои философские таланты.

В основе политической философии Джентиле лежит концепция «тотальности»[4]. Государство следовало понимать как всеобъемлющее органическое единство, нечто высшее по отношению к жизни отдельных людей. Вся обособленность и все различия уступают государству ради этой высшей тотальности. В 1932 году Муссолини поручил Джентиле написать философское введение к его книге, в то время как Муссолини написал о социальных и политических принципах, которые должны

определять фашистское мировоззрение[5]. «Доктрина» начинается с провозглашения фашистской позиции как, прежде всего, «духовной позиции», проникающей за самые сокровенные линии обороны каждого своего приверженца:

> Чтобы знать людей, нужно знать человека <…> фашизм тоталитарен и фашистское государство, как синтез и единство всех ценностей, истолковывает и развивает всю народную жизнь <…> [Это] внутренняя форма и норма, дисциплинирующая всю личность и охватывающая как ее волю, так и разум <…> [Его главное начало] проникает в глубину, внедряется в сердце действующего человека, будь он мыслитель, артист или ученый: это душа души <…> Он стремится переделать не форму человеческой жизни, но ее содержание, самого человека, характер, веру. <…> Для этой цели он стремится к дисциплине и авторитету, проникающему в дух человека и в нем бесспорно властвующему…[6]

В том же году, на блестящем московском приеме, когда шампанское лилось рекой, Сталин увековечил перестройку душ как отличительную черту тоталитарного импульса. Это была встреча с писателями, устроенная послушным Максимом Горьким в просторном особняке, подаренном Сталиным знаменитому писателю по его возвращении в Россию из добровольного итальянского изгнания. Когда Сталин взял слово для тоста, в комнате стихло.

> Ничего ваши танки не будут стоить, если души у них будут гнилыми. Нет, производство душ важнее вашего производства танков! <…> Человек перерабатывается в самой жизни. Но и вы помогите переделке его души. Это важное производство — души людей. И вы — *инженеры человеческих душ*. Вот почему выпьем за писателей![7]

Писатели, собравшиеся тем вечером вокруг Сталина, подняли бокалы под его тост, — возможно, их подтолкнули воспоминания о менее сговорчивых коллегах, уже сосланных или казненных, в том числе о пытках и казнях художников и писателей в 1929 году на Соловках, в часовне с подходящим названием Часовня Усекновения главы Иоанна Предтечи[8].

К 1933 году термин «тоталитаризм» начал получать все более широкое хождение в Германии. Им стал пользоваться министр пропаганды Йозеф Геббельс, а не-

мецкие интеллектуалы объявили о «повороте к тоталитаризму». Нацизм также существенно изменил эту доктрину, утверждая прежде всего «движение», а не «государство» в качестве духовного ядра немецкого тоталитаризма, — связь, в первые годы канцлерства Гитлера нашедшая выражение в популярном лозунге национал-социализма «движение повелевает государством»[9].

Тот факт, что тоталитаризм был новым видом власти, с самого начала осложнял его анализ, пока его русский и немецкий варианты подминали под себя эти два общества, бросая вызов основам западной цивилизации. Хотя эти тоталитарные режимы начали укореняться еще за несколько лет до Второй мировой войны — сначала в России в 1929 году с приходом к власти Сталина, а затем в Германии в 1933 году с назначением Гитлера канцлером, — они избегали систематического изучения до самого конца войны. Анализ частично затруднялся покровом тайны и постоянным движением, в котором находились эти системы: секретные планы, приводимые в исполнение тайной полицией, молчаливые соучастники и скрытые злодеяния, беспрестанные изменения в том, кто или что вошло в фавор или попало в немилость, преднамеренное скручивание фактов в антифакты, сопровождаемое постоянным потоком пропаганды, дезинформации, эвфемизмов и лицемерия. Авторитарный лидер, или «эгократ», если использовать термин французского философа Клода Лефора, заменяет собой верховенство закона и «здравый» смысл, становясь капризным судьей в том, что является справедливым или несправедливым, истинным или ложным в каждый отдельный момент[10].

Западная публика, особенно американская, была искренне не способна понять всю чудовищность происходящего. Оно буквально не укладывалось в голове. Этот интеллектуальный паралич увековечен на страницах культурной иконы той эпохи, журнала Look. В номере от 15 августа 1939 года вышла передовая статья «Что происходит в России?», написанная бывшим руководителем московского бюро газеты New York Times и лауреатом Пулитцеровской премии Уолтером Дюранти[11]. Статья появилась спустя всего несколько месяцев после окончания Большого террора, когда, в 1937–1938 годах Ста-

лин приказал уничтожить целые слои советского населения, от поэтов до дипломатов, от генералов до верных политических сторонников. По словам историка советской России Роберта Конквеста, этот двухлетний период ознаменовался семью миллионами арестов, миллионом казней, двумя миллионами погибших в трудовых лагерях, миллионом попавших в заключение и еще семью миллионами находившихся в лагерях на конец 1938 года[12].

Несмотря на все эти только что свершившиеся катастрофические злодеяния, статья Дюранти описывает Конституцию СССР как одну из «самых демократических в мире <…> фундамент, на котором можно построить будущую демократию». В дополнение к хвалебным описаниям Красной Армии, бесплатного образования и медицинского обслуживания, коммунального жилья и равенства полов, он дает оптимистичный комментарий, в котором «большая чистка» бодро описывается как «одна из периодических чисток коммунистической партии». Дюранти сообщает, что эта «чистка» «теперь закончилась» и люди «восстанавливают ущерб», словно речь идет о наведении порядка после особенно суровой зимней бури. В действительности же сталинская волна насилия, арестов, ссылок и казней просто развернулась и со всей своей ужасающей яростью обрушилась на страны Балтии и восточную Польшу. Среди многочисленных злодеяний 1939–1941 годов — отправка сотен тысяч поляков в северные трудовые лагеря[13] и убийство десятков тысяч членов Коммунистической партии Польши[14]. Всего неделю спустя после статьи Дюранти Сталин подписал пакт о ненападении с Гитлером, в сентябре напал на Польшу, а в ноябре Красная Армия вторглась в Финляндию[15]. В 1940 году Сталин приказал казнить 15 000 польских националистов, взятых в плен во время наступления 1939 года[16].

Самым поразительным местом в статье Дюранти была характеристика самого Сталина. Между восхищенной заметкой о фильме под названием «Волшебник страны Оз» и обширным материалом с неловкими фото знаменитостей, вроде фото знаменитой куклы-чревовещателя Чарли Маккарти с сигаретой в его деревянном рту, размещалась фотография красивого улыбающего-

ся Иосифа Сталина, с подписью «Сталин, председатель внутреннего круга Коммунистической партии <...> не устанавливает закон, как это делал Ленин. Сталин, перед тем как принять собственное решение, предпочитает выслушивать мнения своих товарищей»[17]. За героизацией Сталина в журнале Look в 1939 году как образца коллегиального управления последовало, уже через несколько месяцев, его восхождение на обложку журнала Time в качестве «Человека года». Всего, за период с 1930 по 1953 год, Сталин появлялся на обложке Time десять раз. Все это дает некоторое представление о степени развития и институционализации тоталитаризма задолго до того, как он был назван и проанализирован в качестве новой целостной формы власти, которая, как заключат многие ученые, представляла величайшую в истории угрозу цивилизации[18].

За некоторыми важными исключениями, только после поражения нацистов вещи начали называть своими именами. «Была доступна масса информации, противоречащей официальной картине», — пишет Конквест. Он спрашивает, почему «журналисты, социологи и другие люди, приезжавшие в СССР», купились на ложь советского режима. Одна из причин заключается в том, что советское правительство приложило очень много усилий, чтобы представить ложную картину, в том числе создавая «образцовые тюрьмы», которые не выдавали ни следа огромного государственного механизма пыток и смерти. Другой причиной была доверчивость самих наблюдателей. В некоторых случаях, как, например, с Дюранти, они были ослеплены идеологической приверженностью идее социалистического государства[19].

Но самое убедительное объяснение — это то, что в большинстве случаев журналистам, ученым и правительствам западных стран было трудно взглянуть в глаза всей правде чудовищных достижений тоталитаризма, потому что факты были настолько «невероятными», что даже специалистам было трудно постичь саму их возможность. «Сталинская эпоха, — пишет Конквест, — изобилует тем, что для ума, не подготовленного к тому, чтобы иметь дело с этим явлением, кажется невероятным»[20]. Это непонимание имеет непосредствен-

ное значение для нас, когда мы учимся смотреть в лицо надзорному капитализму и его новой инструментарной власти.

Противостояние с невероятностью тоталитаризма отражено в трогательных усилиях первых ученых, решивших поднять завесу над ужасными истинами той эпохи. Почти каждый интеллектуал, который обращался к этому проекту в первые послевоенные годы, упоминает о чувстве удивления внезапностью, с которой, как выразился гарвардский политолог Карл Фридрих, тоталитаризм «обрушился на человечество <…> нежданно и без предупреждения»[21]. Его проявления были настолько новыми и неожиданными, такими шокирующими, молниеносными и беспримерными, что все это ускользало от языка, бросая вызов всем традициям, нормам, ценностям и принятому образу действий. Систематическое нарастание насилия и соучастия, в которое с предельной быстротой погружались целые общества, вызывало растерянное недоумение, которое заканчивалось параличом даже для многих величайших умов XX века.

Фридрих стал одним из первых исследователей тоталитаризма, обратившихся к этому опыту невероятного, когда в 1954 году написал:

> …практически никто до 1914 года не предвидел того пути развития, по которому пошла с тех пор западная цивилизация <…> Ни один из выдающихся ученых в области истории, права и общественных наук не разглядел, что ждет впереди <…> что завершилось тоталитаризмом. Этой неспособности предвидеть соответствовало неумение постичь[22].

Даже самые дальновидные толкователи индустриального общества начала века, такие мыслители, как Дюркгейм и Вебер, не ожидали такого смертоносного оборота событий. Ханна Арендт назвала поражение нацистской Германии «первым шансом попытаться рассказать и понять, что произошло <…> всё еще в горе и печали <…> оплакать, но уже не в безмолвной ярости и бессильном ужасе»[23].

В конечном счете возникнет целый корпус смелых и блестящих научных трудов, посвященных решению задачи понимания. Эти труды охватывали различные модели и школы мысли, у каждой из которых были свои

особенности и свои находки, но их объединяла общая цель — дать наконец имя этому великому злу. «Тоталитаризм открыл способ господства над людьми и устрашения их изнутри», — писала Арендт, немецкий философ, которая проведет первые шесть послевоенных лет за написанием своего необыкновенного исследования тоталитарной власти, вышедшего в 1951 году под названием «Истоки тоталитаризма»[24].

Работа Арендт была детальным разоблачением и новаторской попыткой теоретизировать произошедшее. «Понимание», писала она, — это необходимая реакция на «подлинно радикальную природу Зла», явленного тоталитаризмом. «Оно означает <…> изучение и сознательное принятие того бремени, которое возложил на нас наш век. Не следует ни отрицать существование этого бремени, ни покорно подчиняться ему». Тоталитаризм вознамерился «разрушить человечество» и «сущность человека», и, как она настаивала, «будет мало пользы, если мы просто повернемся спиной к разрушительным силам нашего столетия»[25]. Для тоталитаризма существенным было разрушение всех связей и источников значения, кроме «движения»: «Тотальной преданности» — а она составляет «психологическую основу для тотального господства» — «можно ждать лишь от полностью изолированной человеческой особи, которая при отсутствии всяких других социальных привязанностей — к семье, друзьям, сослуживцам или даже просто к знакомым — черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению, из своего членства в партии»[26].

Ученые середины века, такие как Фридрих, Адорно, Гуриан, Бжезинский и Арон, развили эти мысли, признав настоятельное стремление тоталитаризма к господству над человеческой душой[27]. Чтобы повелевать массами, вплоть до души каждого человека, требуются невообразимые усилия, что было одной из причин, по которым тоталитаризм был невообразим. Для этого нужны прихвостни, и прихвостни этих прихвостней, и прихвостни этих последних прихвостней, готовые засучить рукава и погрузить обе руки в кровь и экскременты реальных живых людей, тела которых воняют,

потеют и плачут от ужаса, горя и боли[28]. Тоталитаризм измеряет успех на клеточном уровне, проникая в живую плоть, где ниспровергает и овладевает каждым невысказанным стремлением в погоне за геноцидным видением, которое историк Ричард Шортен называет «экспериментом по преобразованию человечества»[29].

Разрушение и перестройка общества и очищение человеческого рода вершились в сталинском Советском Союзе во имя «класса», а в гитлеровской Германии — во имя «расы». Оба режима изобрели «чужих», обреченных на смерть — евреев, цыган, гомосексуалистов и революционеров в Германии и Восточной Европе, и целые слои населения в сталинской России — и «своих», от которых требовалось подчинить тела и души режиму[30]. Так тоталитарные режимы смогли достичь своей фантастической цели, когда люди стали «все-как-один», как описывает это Клод Лефор:

> Социальное единодушие соответствует внутреннему единодушию, поддерживаемому ненавистью, направленной на «врагов народа»[21].

Тоталитарной власти не добиться успеха, пользуясь лишь «дистанционным управлением». Простого повиновения недостаточно. Власть притязает на внутреннюю жизнь каждого человека, которая должна быть преобразована постоянной угрозой наказания без преступления. Массовое убийство требует экономии за счет масштаба — лагерей, массовых убийств и гулагов — но для всех остальных это будет террор ручной работы, который нацелен на переделку всех сторон индивида изнутри — сердца, разума, сексуальности, его личности и его духа. Это ремесло требует поддержания тонкого баланса изоляции, тревоги, страха, убеждения, фантазии, тоски, вдохновения, пыток, ужаса и надзора. Арендт описывает беспощадный процесс «атомизации» и слияния, в ходе которого террор разрушает обычные человеческие узы права, норм, доверия и привязанности, «жизненное пространство для свободы каждого индивида». «Стальная лента» террора «бесцеремонно сжимает людей <…> друг с другом, в результате чего само пространство свободного действия <…> исчезает». Террор «создает единство всех людей»[32].

III. Противоположный горизонт

Инструментарная власть движется иначе и по направлению к противоположному горизонту. Тоталитаризм действовал через средства насилия, но инструментарная власть действует через средства изменения поведения, и именно на них мы должны переключить наше внимание. Инструментарную власть не интересуют наши души или наше идейное воспитание. Она не занимается подготовкой людей к духовному спасению, не дает идеологии, которой должны соответствовать наши действия. Ей не нужно обладать каждым человеком изнутри. Она не собирается истреблять или уродовать наши тела и умы во имя чистой преданности. Она приветствует данные о том, что происходит с нашей кровью и нашими экскрементами, но не будет пачкаться в них. У нее нет нужды причинять нам горе, боль или вселять в нас ужас, хотя она с радостью приветствует поведенческий излишек, который можно изъять из наших страданий. Ей глубоко и бесконечно безразличны наши смыслы и мотивы. Обученная на измеримых действиях, она заботится только о том, чтобы все, что мы делаем, было *доступно* для проводимых ею и постоянно развивающихся операций по оцифровке, вычислению, модификации, монетизации и контролю.

Хотя он и не смертоносен, инструментаризм столь же поразителен, непостижим и нов для человека, как и тоталитаризм для его свидетелей и жертв. Наше столкновение с беспрецедентной властью помогает объяснить, почему было трудно назвать и познать этот новый вид принуждения, сформированный тайно, замаскированный технологией и технической сложностью и скрытый за подкупающей риторикой. Тоталитаризм был политическим проектом, который объединился с экономикой, чтобы сокрушить общество. Инструментаризм — рыночный проект, который объединяется с цифровым, чтобы достичь своей собственной уникальной разновидности социального доминирования.

Поэтому неудивительно, что специфическая «смотровая площадка» инструментаризма сформировалась в рамках спорной области знания, известной как «ра-

дикальный бихевиоризм», а также его предшественников в теоретической физике рубежа веков. В оставшейся части этой главы наше исследование власти в эпоху надзорного капитализма будет вращаться вокруг этой исходной точки, далекой от убийств и хаоса тоталитаризма. Мы отправляемся в лаборатории и классы, а также в сферы мысли, сотканные людьми, для которых свобода была синонимом невежества, а человеческие существа — далекими организмами, закованными в модели поведения, находящиеся за пределами их понимания или контроля, подобно муравьям, пчелам или стадам лосей Стюарта Маккея.

IV. Другой

В 1971 году гвоздем одного из номеров журнала Time была статья о Берресе Фредерике «Б. Ф.» Скиннере, где его называли «гарвардской институцией <…> самым влиятельным из ныне живущих американских психологов и самой противоречивой на сегодня фигурой в области изучения человеческого поведения <…> для одних он — обожаемый мессия, для других — ненавистная угроза»[33]. Большая часть карьеры Скиннера связана с факультетом психологии Гарвардского университета, и некоторые из моих самых ярких воспоминаний времен учебы в аспирантуре — это время, проведенное в непосредственных спорах с ним. Несмотря на то что эти разговоры мало что изменили в наших с ним взглядах, они оставили у меня неизгладимое чувство магической притягательности подхода к пониманию человеческой жизни, который принципиально отличался — и отличается — от моего.

В качестве академического психолога Скиннер прославился гениальными инструментами и техниками, изобретенными им для изучения поведения животных — сначала в древнем темном подвале Мемориального зала, потом на седьмом этаже только что построенного Холла им. Уильяма Джеймса, — а также научными находками, его самого и его учеников, касающимися того, как формировать это поведение: голуби и рычаги, голуби и шарики пищи, голуби на электрических плит-

ках, крысы в лабиринтах. Первые же его исследования открыли новые горизонты, когда он разработал разнообразные «графики подкрепления» для обучения детальным моделям поведения, чуждым изначальному поведенческому репертуару животного — методику, названную им «оперантным обусловливанием».

Вдохновленный своей работой во время Второй мировой войны над проектом по превращению стаи голубей в работающий на условных рефлексах интеллект для управляемых ракет (проектом, который в конечном итоге не дал желаемых результатов), Скиннер вступил на новый путь под знаком поведенческой инженерии. В 1947 году на одном симпозиуме он сказал: «Дело не в том, чтобы принести мир в лабораторию, а в том, чтобы распространить практику экспериментальной науки *на реальный мир*. Мы можем сделать это так скоро, как пожелаем»[34]. Ракетный проект показал смысл его экспериментальной работы «в новом свете», размышлял он годы спустя в своей автобиографии. «Это был уже не просто экспериментальный анализ. Он положил начало новой технологии»[35].

Скиннер горел желанием применить свои лабораторные идеи к решению мировых проблем, имея лишь очень скромные основания для своих логических скачков. Как общественный деятель, он провел почти семь десятилетий пытаясь убедить публику в том, что его радикальный бихевиоризм предлагает принципы социальной организации, необходимые для защиты цивилизации от катаклизма. Дерзко экстраполируя поведение животных в искусственных лабораторных условиях, он создал всеобъемлющие теории социального поведения и эволюции человека, изложенные в таких его книгах, как «утопический» роман 1948 года «Второй Уолден» и социально-философский трактат 1971 года «По ту сторону свободы и достоинства». В 1974 году Скиннер опубликовал «О бихевиоризме» — еще одно объяснение его радикального бихевиористского проекта, на этот раз адресованное широкой публике. Книга была нацелена на то, чтобы нейтрализовать оппозицию его взглядам, которая стала еще более яростной после необычных — и для многих отталкивающих — доводов книги «По ту сторону свободы и достоинства». Он расценил

такую оппозицию как результат «редкостного недопонимания» и неустанно работал над тем, чтобы изменить общественное мнение в свою пользу. Он верил, что, как только люди правильно поймут, что он имел в виду, они без сомнения согласятся с его идеями.

На первых же страницах книги «О бихевиоризме» Скиннер, игнорируя возмущение, порожденное «По ту сторону свободы и достоинства», углубляется вместо этого в разговор о корнях бихевиоризма и его первых теоретиках и практиках. Основную вину за антипатию по отношению к бихевиоризму он возлагает на человека, которого многие считают его основателем, Джона Б. Уотсона[36]. Именно Уотсон, как известно, в 1913 году сформулировал кредо бихевиоризма:

> Психология, как она видится бихевиористу, — чисто объективный экспериментальный раздел естествознания. Его теоретическая цель — прогнозирование и контроль поведения. Интроспекция не является существенной частью его методов <…> Бихевиорист <…> не признает <…> никакого водораздела между человеком и животным[37].

Но Уотсон оказался не в меньшей степени шоуменом, чем ученым, и Скиннер горько критикует его далеко идущие утверждения и «недостаток фактов», которые до сих пор ставят под сомнение радикальный бихевиоризм.

Указав на Уотсона как на основной источник проблемы, Скиннер затем называет ключом к ее решению труды Макса Мейера, малоизвестного экспериментального психолога начала XX века, который учился в Германии, но провел большую часть своей карьеры в университете Миссури. Мейер проходил обучение в докторантуре в Берлинском университете, где одним из его научных руководителей был Макс Планк, которому суждено было стать одним из самых знаменитых физиков всех времен. Планк настаивал на единстве физического мира и познаваемости естественных законов — в том числе законов человеческого поведения, — которые откроют свои секреты только методам математического анализа[38]. «Внешний мир представляет собой нечто независимое от нас, абсолютное, чему мы противостоим, — писал Планк, — а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются <…> самой прекрасной зада-

чей в жизни ученого»[39]. Мейер перенес учение Планка на свое стремление найти принципы, которые в конечном итоге поднимут изучение человеческого поведения до подлинно научного статуса.

Согласно Скиннеру, Мейеру удалось добиться прорыва, который, наконец, позволил психологии занять свое законное место рядом с физикой, химией и биологией[40]. Почему Скиннер вознес его работы, на которые в целом мало кто обращал внимание, даже при его жизни? Скиннер особо выделил учебник 1921 года, название которого звучит зловеще: «Психология Другого». В момент выхода он привлек мало внимания — Мейер писал его в первую очередь для своих студентов, — а позже был совершенно забыт[41]. Тем не менее Скиннер высоко оценил книгу за разработку эпистемологических и методологических основ современного бихевиоризма: «рассматривайте только те факты, которые можно объективно пронаблюдать в поведении конкретного человека и связать с историей его прошлого взаимодействия с окружающей средой»[42]. В формулировке Скиннера книга Мейера была поворотным моментом, смело сочетая психологию и физику в поиске абсолютного. В ней содержалась самая суть бихевиористской точки зрения, согласно которой «внутренний мир Другого теряет свой привилегированный статус»[43].

Выражение, которое точно характеризует этот новый научный подход, — «Другой». Человеческое поведение поддастся научному изучению только в том случае, если психологи научатся смотреть на людей как на *других*. Такая «смотровая площадка» — абсолютное требование для «объективной науки о человеческом поведении», которая перестанет путать внутренний опыт с внешним действием[44]. Центральным для этой новой точки зрения было представление о человеке как об *организме*. Человеческое существо переосмысливается как «нечто», как «оно», как «живое существо» — «организм среди организмов», отличающийся от салата, лося или гусеницы только степенью сложности[45]. Научная психология ограничит свой интерес лишь социальным и, следовательно, видимым поведением этого «организма как организма». Это должно было быть «изучением жизни Другого, — но его жизни лишь в той мере, в какой

она имеет социальное значение, в противоположность ее значению для него самого <…> Мы изучаем Другого, а не Наши „Я“»[46].

Логические последствия новой точки зрения потребовали переосмысления человеческого опыта более высокого порядка, который мы называем «свобода» и «воля». Мейер, вторя Планку, утверждал, что «свобода действий в мире животных — то же самое, что случайность в мире физики»[47]. Случайность — просто явление, для которого недостает информации и понимания. Так же и со свободой. Либеральная идея свободы сохраняется в обратной зависимости от роста научных знаний, особенно в области психологии. Знание и свобода с необходимостью противостоят друг другу. Как писал Мейер:

> Поведение Другого свободно и беспричинно только в том смысле, в каком свободны и беспричинны исход болезни или войны, погода, урожай, — то есть в смысле обычного человеческого незнания конкретных причин конкретного результата[48].

Десятилетия спустя это мировоззрение определит ядро спорной социальной философии, развиваемой в книге «По ту сторону свободы и достоинства», в которой Скиннер говорит, что знание не делает нас свободными, но освобождает нас от иллюзии свободы. В действительности, пишет он, свобода и незнание — синонимы. Обретение знания — вещь героическая в том смысле, что оно спасает нас от незнания, но также и трагическая, потому что оно с необходимостью раскрывает невозможность свободы.

Для Мейера и Скиннера наша привязанность к таким понятиям, как свобода, воля, автономия, цель и выбор, — это защитный механизм, который оберегает нас от неприятного факта человеческого невежества. Я представляю себе диккенсовского Скруджа, когда он впервые сталкивается с печальным, волочащим цепи призраком своего покойного партнера Джейкоба Марли и отрицает это привидение, говоря: «Может быть, вы вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины, или лишняя капля горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренная картофелина». Так же и со свободой: непереваренный

кусок страха, крошка отрицания, которые, переварившись, рассеют мираж и вернут нас к реальности. Окружающая среда определяет поведение, и наше незнание того, как именно она это делает, — это та пустота, которую мы заполняем фантазиями о свободе.

Мейер прилагал большие усилия, чтобы показать, что явления внутреннего мира — «душа», «я», «разум», «сознание» — имеют значение исключительно с точки зрения субъективной жизни человека. Они не могут иметь научной ценности, потому что их нельзя наблюдать и измерять: «Мы не отрицаем душу, но мы не тратим на нее свое время. У нас достаточно, и более чем достаточно, забот в процессе изучения тела». Душа — это «твое личное дело», личный опыт и непреодолимая тайна, формально изъятые из ведения науки: «Таким образом, человеческие общества можно понимать как происходящие из естественных законов, не как группы душ, а как группы организмов»[49].

Мейер утверждал, что будущее социальных наук и самой цивилизации зависит от этого перехода от души к другим людям, от внутреннего к внешнему, от живого опыта к наблюдаемому поведению. «Отчуждение» (otherization) человечества должно подготовить почву качественно новому политическому освобождению. Мрачные перечни репрессий, пыток, резни, порабощения и геноцида, которыми полна история и целью которых было достижение религиозной или политической власти, вершились во имя господства человеческой души. Самому Мейеру в Миссури 1921 года, сразу после окончания Первой мировой войны, предложенное им решение для эффективного и рационального модерна должно было казаться вопросом жизни и смерти:

> Тот, чей интерес сосредоточен на душе, думает, что когда он заставляет других произносить его молитву, утверждать его вероучение, преклонить колени перед его алтарем, он спасает их души и не в силах понять, что он лишь принудил их тела <…> Политический терроризм также имеет свой главный и неиссякаемый источник в человеческой склонности думать о других существах не как о телах, открытых для научного изучения, а как о душах, о таинственных сущностях, управляемых либо волшебством, либо, если волшебство терпит неудачу, как оно, естественно, и должно быть, пытками и смертью <…> Вспомните ужасы пыток <…> таких

> судов, как испанская инквизиция или процессы над ведьмами XVII века <…> Эти злодеяния стали возможны потому, что судья должен был читать мысли, а обвиняемый считался прежде всего душой[50].

С точки зрения Мейера, переход от взгляда «человек как душа» к «человеку как организму» объясняет, «почему история движется в направлении демократии». По мере того как цивилизация все больше опирается на науку, Мейер предвидел новое глобальное признание равенства и демократического братства, основанное на простом факте нашего всеобъемлющего сходства как человеческих организмов. Разногласия, которые преследуют общество, политику и экономику, основанные на классе, богатстве, либеральности, расе и т. д., станут смешными:

> В реальной человеческой жизни во всем мире различия между людьми полностью подавляются их сходством. Для того, кто придерживается научной точки зрения, согласно которой человеческое общество представляет собой группу организмов, это абсурдное предложение — делиться <…> на… классы <…>[51]

Мейер полагал, что каждая социальная наука, которая претендует на статус подлинной науки, перейдет на точку зрения Другого — это касается, конечно, психологии, но также и социологии, экономики, криминологии, истории и психологии религии: «Христос идет среди своих собратьев, организм среди организмов…»[52] Так будет проложен путь к рациональному будущему с его блеклыми удовольствиями, которые смирят человечество с утратой свободы как ценой знания.

V. Против свободы

Приверженность Скиннера точке зрения Другого была непоколебимой, и именно благодаря его разработке этой точки зрения мы можем подойти к пониманию сути инструментарной власти. На первой же странице первой книги Скиннера «Поведение организмов», опубликованной в 1938 году, он повторяет предостережение Мейера (и Планка): свобода — это лишь незнание, ожидающее преодоления. «Первобытные системы поведения» припи-

сывают причинность «сущностям вне человека». В равной степени неадекватны «продвинутые системы поведения», которые приписывают контроль смутным выдумкам, таким как «я» или «свободная воля». «Внутренний организм, — писал он, — от бессилия может быть назван свободным, как в случае „свободной воли“, когда дальнейшее расследование не представляется возможным»[53].

Скиннер назвал свои взгляды «радикальным бихевиоризмом», настаивая на том, что единственный приемлемый объект изучения — наблюдение за действиями, лишенными субъективных смыслов. Это и делало его радикальным. «Поведение — это то, что делает организм, или, точнее, то, что он делает по наблюдениям другого организма», — заявляет он на первых страницах своей книги. Его термином для этого активного, наблюдаемого «делания» было «оперантное» поведение. Из словаря, пригодного для описания оперантного поведения, должно было быть вычищено все внутреннее: нельзя говорить, что организм «видит», нужно — что он «смотрит на». Только такие объективные описания могут дать нам измеримые поведенческие факты, которые, в свою очередь, приведут к закономерностям и в конечном итоге к документированию причинно-следственных связей между средой и поведением[54].

В 1951 году Скиннер опубликовал «Науку и человеческое поведение», где утверждал, что все наблюдения, даже наблюдения своего собственного поведения, должны проводиться с точки зрения Другого. Соблюдение этого правила позволяет брать в качестве объекта поведенческого анализа почти все, включая предполагаемые виды поведения, такие как «выбор» или «решение проблем», — именно эту точку зрения впоследствии будет широко использовать новая дисциплина поведенческой экономики:

> Когда человек контролирует самого себя, выбирает, как поступить, решает проблему или стремится получить новые знания о себе, он *совершает поведение*. Он контролирует себя точно так же, как он контролировал бы поведение другого, — посредством манипуляции переменными, функцией которых является поведение. В этом отношении его поведение является надлежащим предметом анализа и в конечном итоге должно быть объяснено с помощью переменных, лежащих вне самого человека[55].

Почти в каждой своей книге и статье Скиннер провозглашал истину, которой Планк научил Мейера, а Мейер сообщил своим студентам, единственную истину, которую можно постичь только с точки зрения Другого: *свобода* есть *незнание*. Ощущаемый опыт свободной воли — это лишь кусочек непереваренного отрицания, вызванный недостатком информации о действительных детерминантах поведения. Подобно Мейеру и Планку до него Скиннер рассматривал свободу как «случайность», утверждая, что само понятие «случайности» иллюзорно, как снимок одного момента, который обнаруживает пробел, ожидающий быть заполненным и в конечном итоге благодаря успехам знания преобразованным в проявление регулярной, предсказуемой закономерности. Под взглядом бихевиориста эти лакуны невежества, которые мы ошибочно принимаем за свободную волю, выстраиваются в очередь в ожидании объяснений, подобно тому, кто отдает свое тело на сохранение в крионическом состоянии в надежде на пробуждение и исцеление когда-то в будущем.

В своем самом смелом писательском опыте, большом философском эссе, опубликованном в 1971 году под названием «По ту сторону свободы и достоинства», Скиннер повторяет: «в случайной природе случайных событий нет ничего хорошего»[56]. Вся работа посвящена тому, что Скиннер продолжал считать главным препятствием на пути социального прогресса — концептуальной путанице, облачающей наше глубочайшее невежество в священные одежды свободы и достоинства. Скиннер утверждал, что наша верность этим высоким понятиям — просто способ защитить себя от той суровой истины о «не вызывающих сомнений связях между поведением и окружающей средой»[57]. Эти представления — психологический «путь к отступлению», который постепенно закрывается благодаря «новым доказательствам предсказуемости человеческого поведения». «Индивидуальное избавление от абсолютного детерминизма отменяется по мере прогресса научного анализа <…> Исключение личности из детерминистской картины мира по мере развития научного анализа отменяется <…> объем достижений, являющихся заслугой самого человека, по-видимому, стремится к нулю <…> нас

восхищает поведение, которое мы пока не можем объяснить»[58].

Ричард Херрнштейн, один из самых верных учеников Скиннера, а позже его коллега по факультету психологии Гарварда и одно из светил радикального бихевиоризма, однажды объяснял мне, что любое действие, рассматриваемое как проявление свободной воли, — это просто действие, для которого «водоворот стимулов», которые произвели его, еще нельзя должным образом установить. Нам просто не хватает средств наблюдения и вычисления. Я была двадцатитрехлетней студенткой, и этот термин был для меня нов и поразителен. Я никогда не забывала об этом разговоре, возможно потому, что он как никогда близко подошел к бихевиористской концепции Бога. Действительно, было время, когда, если вы поднимались на лифте на седьмой этаж на факультет психологии в лабораторию Скиннера, то первое, что вы увидели, была табличка с надписью «Бог — это ПИ», переменный интервал поведенческого подкрепления, вырванный из водоворота стимулов.

С этой точки зрения «свобода» или «случайность» сокращаются по мере того, как наши растущие измерительные и вычислительные возможности начинают давать все больше информации о «водовороте стимулов». Незнание о человеческом поведении — как тающий айсберг в эпоху глобального потепления, обреченный на исчезновение по мере того изобретения все более хитроумных средств и методов, позволяющих сначала расшифровать, а затем взять под контроль водоворот стимулов, формирующий каждый факт человеческого поведения. Скиннер приводил прогнозирование погоды как наглядный пример этого перехода от невежества к законам, как это десятилетиями ранее сделал Мейер:

> Проблемы, связанные со сложностью предмета изучения, следует решать по мере их возникновения. Со временем часто удается справиться даже с, казалось бы, неразрешимыми случаями. Лишь недавно стал возможен подход к погоде, основанный хоть на каких-то законах <…> Из сложности не следует самодетерминация. Сложность расчета траектории мухи не доказывает ее непредсказуемости, хотя и может сделать невозможным доказательство чего-то еще[59].

VI. Технология человеческого поведения

В течение шести десятилетий своего научного и научно-популярного творчества Скиннер настаивал на том, что «дальнейшее расследование» всегда возможно. На первых страницах «По ту сторону свободы и достоинства» он призывает к технологическому решению проблемы незнания:

> ...нам необходимы огромные изменения в поведении человека, и они невозможны лишь с помощью физики или биологии, как бы мы ни старались <...> Технология поведения — вот что нам необходимо <...> поведенческая технология, сопоставимая по мощи и точности с физической и биологической технологиями...[60]

Скиннер представлял себе технологии, которые будут повсеместно институционализировать точку зрения Другого, наблюдая, вычисляя, анализируя и автоматически подкрепляя поведение ради необходимых, по его мнению, «огромных изменений в поведении». Таким образом, законы человеческого действия, наконец, прояснятся, так что можно будет эффективно прогнозировать и формировать поведение, подобно тому как другие технологии позволили физике и биологии изменить мир:

> Различие состоит в том, что они используют средства и методы соответствующей сложности. То обстоятельство, что *в области поведения человека нет средств и методов той же мощности*, не является объяснением. Это только часть головоломки[61].

Скиннер пришел к выводу, что «на пути дальнейших достижений человечества» стоит литература о свободе и достоинстве[62]. Он утверждал, что недостающей деталью головоломки, который сдерживает оперативную разработку «инструментов и методов», необходимых для технологии поведения, является упрямая привязанность к этим антикварным идеям со стороны людей, не готовых расстаться с представлениями о «собственной заслуге» в каждом действии. Вера

в «автономного человека» — реакционный источник сопротивления рациональному будущему, «альтернативным объяснениям поведения», препятствующий развитию общества.

Профессор полагал, что человечеству срочно необходим план, и он представлял себе новые мощные инструменты, которые могли бы проектировать поведение в любой области. Еще в 1953 году он предвосхитил спроектированную в цифровой среде обстановку сегодняшних казино, степень проработанности которой для точного формирования поведения игроков сделала ее испытательным полигоном как для спецслужб, так и для надзорных капиталистов[63]. «Однако при надлежащей организации вполне возможно усовершенствовать практики во всех этих областях. Так, и игральные автоматы могут быть „усовершенствованы“ — *с точки зрения их владельцев* — путем внедрения решений, вознаграждающих на основе вариативного соотношения, но только тогда, когда частота игры является очень высокой»[64].

Технологии поведенческой инженерии не должны были ограничиваться «устройствами», но также включать в себя организационные системы и процедуры, предназначенные для формирования поведения, направленного на достижение конкретных целей. В 1953 году Скиннер предвидел такие инновации, как системы стимулирования Майкла Дженсена, призванные максимизировать акционерную стоимость, и «архитектуры выбора» поведенческой экономики, «подталкивающие» поведение на желаемый путь:

> Режимы подкрепления в производстве, продажах и сфере услуг, а также использование бонусов, премий и так далее могут быть улучшены с точки зрения поддержания максимальной производительности[65].

Скиннер понимал, что поведенческая инженерия рискует оскорбить чувства людей и нарушить социальные нормы, особенно связанные с неприкосновенностью личной жизни. Чтобы развеять эти опасения, он советовал, чтобы надзор был ненавязчивым, в идеале оставаясь вне поля зрения организма:

> ...поведение также можно изучать и с минимальным взаимодействием между субъектом и ученым, и естественно, что именно с этого каждый и пытается начать[66].

Но проблемы возникнут. Новые технологии поведения должны будут сдвинуть границу между публичным и приватным, чтобы получить доступ ко всем данным, необходимым для прогнозирования и контроля над поведением. В этом он предвосхитил сегодняшние рубежи оцифровки, когда новые системы обнаружения проникают в глубины личности и эмоций:

> Но все еще остаются события, которые происходят на личном уровне и которые важны для организма без инструментального усиления. То, как организм реагирует на эти события, останется важным вопросом, даже если однажды они могут стать доступны каждому[67].

Подобные конфликты будут разрешены, полагал Скиннер, через постепенное ослабление норм приватности, отступающих перед лицом развития знания: «Граница между публичным и личным не является фиксированной». Как и сегодняшние надзорные капиталисты, он был уверен, что технические изобретения, капля за каплей, в конечном итоге подточат нормы приватности и вытеснят личную жизнь на обочины человеческого опыта, где она присоединится к «свободе» и другим спорным иллюзиям. На смену всему этому придет точка зрения Другого, воплощенная в новых инструментах и методах:

> [Граница] смещается с каждым открытием техники, позволяющей сделать личные события публичными <...> Таким образом, в итоге проблема приватности может быть решена с помощью технических достижений[68].

Несмотря на то что защитники частной жизни и многие другие критики надзорного капитализма в поисках смысла и метафоры, которая ухватила бы ощущение новой угрозы, спешат ухватиться за оруэлловский язык, инструментарную власть надзорного капитала лучше всего рассматривать как прямой антитезис Большого Брата Оруэлла. Мы обращаемся теперь к этому резкому контрасту, ярче всего проявляющемуся в двух различных подходах к утопии, связанных с этими двумя видами власти.

VII. Две утопии

И Скиннер, и журналист и писатель Джордж Оруэлл опубликовали свои целительные, «утопические» романы после кровопролитий Второй мировой, когда непостижимые масштабы насилия поставили под вопрос перспективы модерна. При поверхностном взгляде, «Второй Уолден» Скиннера, вышедший в 1948 году, и «1984» Оруэлла, опубликованный годом позже, имеют много общего. В обоих романах детально прорабатывалась своя законченная концепция специфической властной логики, каждый рисовал общество в полном расцвете этой власти, и каждый был утопичен с точки зрения той формы власти которую описал[69]. Но разница в общественной реакции на них была невероятно огромной: «Второй Уолден» был отвергнут как антиутопический бред и больше десяти лет игнорировался широкой публикой[70]. Оруэлловский «1984» был сразу же канонизирован как шедевр антиутопии и кристаллизация худших кошмаров XX века.

Эти две утопии часто путают друг с другом по содержанию и целям. В статье в одном из номеров журнала Time за 1971 год, посвященной Скиннеру, говорится, что «Второй Уолден» пробуждает «призрак оруэлловского общества 1984 года, каким оно действительно могло бы стать». Великий историк и литературный критик Льюис Мамфорд даже назвал «Второй Уолден» «тоталитарной утопией» и изображением «ада», но в действительности подобные характеристики — распространенное и, как мы увидим, опасное заблуждение[71]. Хотя считается, что обе эти книги описывали тоталитаризм, формы власти, показанные в них, глубоко различны. В большинстве отношений они являются полными противоположностями.

Современность, как она виделась Мейеру, основывалась на научной объективации человеческого опыта и его сведении к наблюдаемому измеримому поведению. Если взять это в качестве отправной точки, утопия Оруэлла — это то, что было «до»; она предшествует мейеровской как страшный результат донаучной тяги к господству над душами. Утопия Скиннера — то, что будет

«после» переосмысленной Мейером современности, прошедшей через идеи великого физика Планка. «Второй Уолден» базируется на научной точке зрения Мейера, точке зрения Другого, и показывает в полном цвете надежды Мейера на научно обоснованную глобальную гармонию организмов, в которой свобода неизбежно проигрывает знанию. Оруэлл обнажает болезнь, Скиннер дает противоядие.

Тоталитарная власть, описанная в «1984», является чем-то совершенно беспрецедентным, состряпанным в XX веке из смеси индустриализма и отчаяния, совершенно новой для человека формой общества. Оруэлл всего лишь беллетризовал и экстраполировал тоталитарный проект. Он бил тревогу, рисуя устрашающую цепочку причинно-следственных связей, ведущих от недавнего германского прошлого и не намеренного отступать советского настоящего к воображаемому, но такому возможному будущему. Его гениальность заключалась в том, что он создал историю, которая воплотила в себе сущность тоталитаризма: безжалостное требование абсолютного владения каждым отдельным человеком, не как далеким другим, известным только по своему поведению, а взятым изнутри.

Бдительность Большого Брата не ограничивается громадами армий и государственного управления или наблюдаемыми потоками тел и толп. Большой Брат — это всепроникающее всеобщее сознание, которое заражает каждую отдельную душу и овладевает ею, вытесняя все прежние привязанности романтической любви и доброй дружбы. Его суть заключается не просто в том, что он знает каждую мысль и чувство, но в том безжалостном упорстве, с которым он стремится уничтожить и заменить неприемлемый для него внутренний опыт. «Мы не довольствуемся негативным послушанием и даже самой униженной покорностью», — говорит хитрый приспешник О'Брайен мятежному Уинстону:

> Мы сомнем вас так, что вы уже никогда не подниметесь <...> Когда вы окончательно нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется; покуда он сопротивляется, мы его не уничтожим. Мы обратим его, мы захватим его

> душу до самого дна, мы его переделаем <...> Он примет нашу сторону — не формально, а искренне, умом и сердцем. Он станет одним из нас, и только тогда мы его убьем[72].

В конечном счете, как знает каждый читатель, упрямая душа Уинстона оказывается успешно «запрограммирована». Леденящие душу последние строки книги Оруэлла должным образом завершают жизненный цикл сухого семени, посеянного на рубеже веков на бесплодной итальянской почве и вскормленного войной, лишениями и унижением, чтобы расцвести в кошмаре нацистской Германии и апокалипсисе сталинской России и принести наконец плоды в воображении Оруэлла — вечный памятник тому, что Муссолини назвал «свирепой тоталитарной волей», и душам, которыми она питается. Уинстон купается в безмятежном восторге: «Душа его была чиста, как родниковая вода... Он одержал над собой победу. Он любил Большого Брата»[73].

В противоположность этому «Второй Уолден» был задуман не как предупреждение, а как противоядие от тоталитаризма и, в более широком плане, как практический рецепт, отвечающий на трудности послевоенного восстановления западных обществ. Скиннер понимал свою утопию как методологическое лекарство от кошмара раздавленных душ, лекарство, которое, как он настаивал, превосходит любые обычные предлагаемые политические, экономические или духовные средства. Идею о том, что ответ — в «демократии», он считал смехотворной, потому что это политическая система, которая лишь создает иллюзию свободы, в то же время препятствуя господству науки. Обещание «свободного рынка» как целительного лекарства для послевоенного общества было, по его мнению, такой же пустой мечтой, поскольку рынок поощряет разрушительную конкуренцию между людьми и классами. Скиннер также отверг новый гуманизм экзистенциализма, рассматривая его как питательную среду для пассивности, и считал религию худшим лекарством из всех, увековечивающим невежество и подрывающим научный прогресс.

Лекарство, предложенное Скиннером, было другим и уникальным — утопическая методика, которая обещала социальное равенство и бесстрастную гармонию, осно-

ванные на точке зрения Другого, «организме среди организмов» как объекте «поведенческой инженерии». Это будущее, о котором мечтал Мейер, где Фрейзер, основатель и глава вымышленного Второго Уолдена и красноречивый аватар Скиннера, описывает это идеальное сообщество как «суперорганизм», который можно формировать и контролировать «так же гладко и эффективно, как чемпионские футбольные команды»[74].

Утопия Скиннера была призвана проиллюстрировать возможность успешного социального порядка, который выше применения силы и в то же время отвергает необходимость властвовать над человеческими душами. Сообщество Второго Уолдена с таким же презрением относится и к практикам демократической политики и представительного правления. Его законы основаны на науке о человеческом поведении, а именно на радикальном бихевиоризме самого Скиннера, построенном на исходящем от великого физика идеале Другого. Его утопия была рупором и для других амбиций, намереваясь проиллюстрировать поведенческие решения, необходимые для решения проблем во всех сферах современной жизни: ядерная угроза, загрязнение, перенаселение, рост городов, экономическое неравенство, преступность, образование, здравоохранение, развитие личности, активный отдых. Он был направлен на то, чтобы культивировать «хорошую жизнь», ради которой надо отказаться от всех идеалов либерального общества — свободы, автономии, неприкосновенности частной жизни, права людей на самоуправление.

Форма художественного романа, в которую был облечен «Второй Уолден», обеспечивала прикрытие, необходимое Скиннеру для экстраполяции с мейеровских методологических принципов Другого и его собственных исследований поведения животных на утопическое сообщество, в котором поведение пришло на смену человеческому духу в качестве локуса контроля. Фрейзер сетует на то, что людей «удерживают на месте» не только внешние силы, но, «гораздо более тонко, система убеждений, внедренная в их умы. Иногда это почти безнадежная задача — снять кандалы с их душ, но это можно сделать <...> В долгосрочной перспективе вы не можете ничего навязать. Мы не применяем силу! Все,

что нам нужно, — это соответствующая поведенческая инженерия»[75].

Две эти утопии отражают два разных вида власти, и каждый роман ставил целью избавление будущего от того кошмара, который случился в XX веке с душой. Оруэлл мог использовать недавнее прошлое, но Скиннер представлял себе будущее, до которого ему не посчастливится дожить. Если надзорный капитализм и его инструментарная власть продолжат процветать, то именно нам может быть суждено увидеть воплощение видения Второго Уолдена, когда свобода падет жертвой чужого знания — но на этот раз на службе чужого богатства и власти.

Видение Скиннера воплощается в жизнь в неуклонном преследовании экономических императивов надзорного капитализма и повсеместного цифрового аппарата, создаваемого надзорным капитализмом и используемого им для достижения его новых целей. Инструментарная мощь подчиняет новый цифровой аппарат — всеохватный, автономный, повсеместный, воспринимающий, подсчитывающий, приводящий в действие, соединенный в сеть и подключенный к интернету — интересам надзорно-капиталистического проекта, реализуя наконец призыв Скиннера к «инструментам и методам» «технология поведения <...> сопоставимая по мощи и точности с физической и биологической технологиями». Результат — всеобъемлющие и всепроникающие средства модификации поведения, которые создают экономию за счет действия, позволяющую максимизировать надзорные доходы.

До появления надзорного капитализма место инструментарной власти было в туманном мире мечтаний и заблуждений. Этот новый вид власти следует логике Планка, Мейера и Скиннера, меняя свободу на знание, но ни один из этих ученых не смог предвидеть действительные условия этой капитуляции. Знание, которое теперь заменяет свободу, находится в частной собственности. Знание принадлежит *им*, но утраченная свобода — исключительно *наша*.

Разобравшись с корнями, в главе 13 мы теперь обратимся к детальному изучению инструментарной власти, вводящей в человеческое сообщество новую грубую асим-

метрию: знание, ради которого мы жертвуем своей свободой, выстраивается ради продвижения коммерческих интересов надзорных капиталистов, а не наших собственных. Это резкое отклонение от технического происхождения аппарата в принципах телеметрии Маккея, которые обменивали свободу животных на научное знание, призванное помочь самим животным. Вместо этого режим поведенческих рынков надзорного капитализма наконец получает в свое распоряжение инструменты и методы, способные внедрить скиннеровские технологии поведения в различные сферы повседневной жизни, вплоть до глубин наших «я», которые теперь воспринимаются как глобальная лаборатория капитала.

ГЛАВА 13
Большой Другой и возвышение инструментарной власти

Он слепо им служил — и, говорят, был слеп.
Меж ними он ходил, ощупывая вещи,
Их ощущенья пели в нем, но вслед
Они кричали — «Бога голос вещий!»

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, VII*[1]

I. Инструментаризм как новый вид власти

Надзорный капитализм — кукловод, который навязывает людям свою волю с помощью повсеместного цифрового аппарата. Теперь я буду называть этот аппарат *Большим Другим*: это чувствующая, вычисляющая, подключенная к сети марионетка, которая оцифровывает, отслеживает, вычисляет и изменяет поведение человека. Большой Другой объединяет в себе эти функции знания и действия, образуя всепроникающее и беспрецедентное *средство модификации поведения*. Экономическая логика надзорного капитализма, работающая через огромные мощности Большого Другого, создает инструментарную власть, заменяя инженерию душ инженерией поведения.

Инструментарная власть культивирует необычный «способ познания», который сочетает в себе «формальное безразличие» неолиберального мировоззрения с точкой зрения внешнего наблюдателя, заимствованной у радикального бихевиоризма (см. рис. 4 на с. 516–517). Благодаря мощностям Большого Другого, инструментарная власть сводит человеческий опыт к измеримому и наблюдаемому поведению, неизменно оставаясь безразличной к смыслу этого опыта. Я называю этот новый способ познания *радикальным безразличием*. Это форма *наблюдения без свидетелей*, которая порождает некий перевертыш интимной насильственной политической религии и не-

сет с собой хаос совершенно другого рода — отдаленное и отвлеченное презрение непроницаемо сложной системы и интересов, которые ее создали, стремительным потоком несущих людей к исполнению чужих желаний. То, что можно назвать социальными отношениями и экономическим обменом, сегодня осуществляется через посредство этой роботизированной завесы абстракции.

Радикальное безразличие инструментаризма воплощается в дегуманизированных методах оценки со стороны Большого Другого, которые создают *эквивалентность без равенства*. Эти методы сводят людей к наименьшему общему знаменателю сходства — организмам среди организмов — несмотря на все жизненно важные различия между нами. С точки зрения Большого Другого, мы всего лишь Другие — *организмы*, *демонстрирующие поведение*. Большой Другой образует точку зрения Другого, присутствующую в глобальном масштабе. Тут нет никакого Брата, большого или маленького, злого или доброго; никаких родственных связей, даже самых мрачных. Нет никаких отношений между Большим Другим и его отчужденными объектами, как не было никаких отношений между «исследователями и исследуемыми» Б. Ф. Скиннера. Нет господства над душой, которое заменяет всю близость и привязанность на страх, — гораздо лучше, если будет цвести множество взаимоотношений. Большому Другому нет дела до того, что мы думаем, чувствуем или делаем, до тех пор пока миллионы, миллиарды и триллионы его воспринимающих и реагирующих компьютерных глаз и ушей могут наблюдать, оцифровывать, датафицировать и инструментализировать бездонные резервуары поведенческого излишка, извлекаемого из вселенского живого клубка человеческих связей и общения.

При этом новом режиме моральной средой, в которой разворачивается наша жизнь, становится объективация. Хотя Большой Другой может имитировать близость благодаря неутомимой преданности Единого Голоса — услугам бодрой амазоновской Алексы, напоминаниям и бесконечной информации Google-ассистента — не стоит принимать эти успокоительные звуки ни за что другое, кроме эксплуатации ваших потребностей. Я представляю себе слона, величественнейшее из млекопитающих:

Большой Другой браконьерствует в нашем поведении ради излишка и отбрасывает все смыслы, заложенные в наших телах, наших мозгах и наших бьющихся сердцах, что мало чем отличается от чудовищной резни слонов из-за слоновой кости. Забудьте клише, что если нечто бесплатно, то «товар — вы сами». Вы не товар; вы — разлагающиеся останки. «Товар» изготовят из излишка, вырезанного из вашей жизни.

Большой Другой позволяет наконец использовать ту универсальную технологию поведения, которая, как настаивали Скиннер, Стюарт Маккей, Марк Уайзер и Джо Парадизо, тихо, но настойчиво достигает своих целей, используя методы, которые намеренно скрыты из нашего поля зрения, растворенные в виде незаметного фона всех вещей. Вспомним, какую бурю негодования вызвал в 2015 году Эрик Шмидт из Alphabet/Google, когда в ответ на вопрос о будущем сети сказал, что «интернет исчезнет». На самом деле он имел в виду, что «интернет исчезнет в Большом Другом».

Благодаря мощностям Большого Другого, инструментарная власть стремится создать состояние *определенности без страха* в форме «гарантированных исходов». Поскольку она не претендует на наши тела, чтобы подвергнуть их какому-нибудь чудовищному режиму боли и убийств, мы склонны недооценивать ее последствия действий и снижать бдительность. Вместо смерти, пыток, перевоспитания или обращения, инструментаризм, по сути, изгоняет нас из нашего собственного поведения. Он отрывает нашу внутреннюю жизнь от внешней, нашу субъективность и глубину от наблюдаемых действий. Он придает правдоподобия гипотезе поведенческих экономистов о слабости человеческого разума, делая его таковым, поскольку отчужденное поведение обретает собственную жизнь, которая отдает наше будущее на потребу целям и интересам надзорного капитализма.

В инструментаристской утопии Большой Другой имитирует водоворот стимулов, превращая «естественный отбор» в «неестественный отбор» вариаций и подкреплений, созданных участниками рынка и их конкуренцией за надзорные доходы. Мы можем принять Большого Другого за бихевиористского бога водоворота

стимулов, но только потому, что он успешно скрывает махинации надзорного капитала, которые и есть настоящий волшебник за цифровым занавесом. Соблазнительный голос, созданный по ту сторону завесы, — *Гугл, ты ли это?* — мягко подталкивает нас на путь, который обещает выдать максимальный поведенческий излишек и максимальное приближение к определенности. Не вздумайте задремать в этом опиумном тумане на обочине сети. За этим всезнающим голосом стоят цели и правила того самого места, из которого мы когда-то надеялись сбежать, с его коммерческими ритуалами конкуренции, презрения и унижения. Один неверный шаг, одно отклонение от накатанного пути гладкой предсказуемости, и в том же самом голосе мгновенно появятся стальные нотки, когда он будет распоряжаться, чтобы «система мониторинга автомобиля не включала зажигание».

При режиме инструментарной власти ментальная свобода выбора и обладание человеком правом на будущее время постепенно оттеснятся новым типом автоматизма, когда живой опыт стимула-реакции-подкрепления агрегируется в виде появления и исчезновения «всего лишь организмов». Для успеха инструментаризма не требуется наше послушание. Нет нужды в массовом подчинении социальным нормам, никакой утраты самого себя в пользу коллектива, вызванной террором и принуждением, никаких перспектив принятия и принадлежности в качестве награды за уступку требованиям группы. Все это заменяется цифровым порядком, который процветает в вещах и телах, превращая волю в подкрепление, а действие — в условный рефлекс.

Таким образом инструментарная власть создает для надзорных капиталистов бесконечное накопление знания и бесконечно уменьшает свободу для нас, постоянно возобновляя господство надзорного капитализма над общественным разделением знания. Ложное сознание больше не порождается скрытыми фактами класса и их отношением к производству; вместо этого его создают скрытые факты господства инструментарной власти над общественным разделением знания, узурпирующей право отвечать на главные вопросы: *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?* Когда-то власть отождествлялась с собственностью

на средства производства, но сегодня она отождествляется с собственностью на средства изменения поведения — на Большого Другого.

II. Рыночный проект тотальной определенности

Большой Другой и инструментарная власть, которую он делает возможной, представляют собой реализацию видения Скиннера для человечества. Еще в 1948 году во «Втором Уолдене» Скиннер мечтал о новых измерительных и вычислительных мощностях, которые раскрыли бы тайны водоворота стимулов и прояснили бы нам те акты невежества, которые мы по глупости своей ценим как свободную волю. «Я не утверждаю, что поведение всегда предсказуемо, как не утверждаю, что погода всегда предсказуема, — говорит Фрейзер, главный герой „Второго Уолдена". — Часто приходится учитывать слишком много факторов. Мы не можем их все точно измерить, и даже если бы могли, у нас нет возможности выполнить все расчеты, необходимые для прогнозирования»[2].

Для Скиннера, злая ирония судьбы состояла в том, что ему было дано предвидеть возможность инструментарной власти и ее воплощения в Большом Другом до того, как появились инструменты для реализации этого видения. Его лаборатория всегда была фантастическим миром инженерных инноваций для его поведенческих экспериментов — лабиринты и коробки для создания у животных условных рефлексов, измерительные инструменты и записывающие устройства. Полноценно действующая технология поведения была вожделенной целью, которая всю жизнь ускользала от Скиннера, что стало для него источником постоянного разочарования, которое сквозило в каждой его статье и лекции, вплоть до самых последних.

Хотя Скиннер был уверен, что наука в конце концов преодолеет сложности, связанные с практическим воплощением поведенческой технологии, он был больше обеспокоен культурными препятствиями для развития науки о прогнозировании и контроле над человече-

ским поведением, основанной на точке зрения Другого. Он ненавидел силы трения, производимые людьми в их упорной привязанности к ценностям и идеалам свободы, унаследованным от философов XVIII века; не меньше презирал он и экзистенциальный проект послевоенных философов, который заложил аутентичность, свободу воли и автономное действие в самое сердце устремлений второго модерна.

В своем предпоследнем эссе, написанном в 1990 году, меньше чем за три года до смерти, Скиннер попрощался с перспективами поведенческого прогнозирования как основы нового общества, построенного на научном знании: «Сказать, что человек — это просто место, где что-то происходит, кажется еще более угрожающим, когда это связано с вопросом о том, что мы сделаем, а не о том, что мы уже сделали»[3]. В эти последние годы он, казалось, почти смирился с неизбежностью создаваемой человеком силы трения и упрямой человеческой приверженностью чему-то вроде свободы воли, и голос Скиннера звучал менее возмущенно и агрессивно, чем у автора книги «По ту сторону свободы и достоинства» двумя десятилетиями раньше. В его последних раздумьях гнев и презрение перерастают в усталость и отчаяние:

> Могут сказать, что это очень обескураживающий взгляд на поведение человека и что мы с большей вероятностью будем что-то делать ради будущего, если будем продолжать верить, что наша судьба в наших руках. Эта вера сохранялась на протяжении многих веков и привела к замечательным достижениям, но эти достижения были лишь непосредственными последствиями того, что было сделано. Теперь мы знаем, что были и другие последствия и что они угрожают нашему будущему. То, что мы сделали с нашей судьбой, может оказаться не тем памятником, который мы хотим оставить миру[4].

В наши времена надзорной чрезвычайщины, когда удивление уступает беспомощности и смирению, сопротивление, на которое жаловался Скиннер, идет на спад. Вера в то, что мы можем выбрать свою судьбу, поставлена под сомнение, и в результате драматического разворота событий мечта о технологии поведенческого прогнозирования и контроля — за которую на Скиннера вылилось

столько публичного презрения — теперь свершившийся факт. Эта желанная добыча теперь в огромных количествах привлекает капитал, человеческий гений, научные разработки, государственную защиту, институциональные экосистемы и очарование, которые всегда сопровождали и всегда будут сопровождать власть.

Возвышение инструментаризма идет по пути «проливающих свет событий», которые, как пишет Ханна Арендт, раскрывают «в прошлом некое начало, которое прежде было скрыто»[5]. В самой природе инструментарной власти заложена тенденция действовать на расстоянии и двигаться скрытно. Она растет не с помощью террора, убийств, отмены демократических институтов, расправ или изгнаний. Она растет благодаря декларациям, самоуправству, риторическим подменам, эвфемизмам и тихим, дерзким закулисным действиям, специально задуманным так, чтобы остаться незамеченными, в этом процессе заменяя индивидуальную свободу чужим знанием, а общество — определенностью. Она не противостоит демократии, а разрушает ее изнутри, подрывая человеческие способности и самопонимание, необходимые для поддержания демократической жизни.

История экспериментальных маневров Facebook, Pokémon Go как прообраз общества, в котором правят бал рынки поведенческих фьючерсов, бесконечные примеры цифровых инноваций, сокрушенных пятóй надзорной идеологии, — что это, как не публичное объявление «проливающих свет на историю» перемен, проходящих по нам и среди нас, необратимо изменяя жизнь, какой мы ее знали. Здесь нет никакого насилия, только постепенное удушение воли к воле, воплощенной в самоопределении, выраженной в говорящем от первого лица голосе, и получающей подпитку и подкрепление в святилище, существование которого зависит от возможности личной жизни и обещания общественной свободы.

Инструментарная власть, как Фауст Гёте, морально нейтральна. Единственный ее моральный императив извлечен из мировоззрения пустой утопической похлебки. Если есть какой-то грех, то это грех автономии — смелость отвергнуть поток, несущий нас всех к предсказуемости. Силы трения — единственное зло. Попытки

чинить ей препятствия — законом, действием или риторикой — просто ретроградство. Норма — подчинение предполагаемым железным законам технологической неизбежности, которые не терпят возражений. Здравый смысл, как считается, требует сдаться и возрадоваться новоприобретенным удобствам и гармониям, погрузиться в первый текст и приветствовать насильственное неведение о его теневом собрате.

Тоталитаризм представлял собой преобразование государства в тотального владельца. Инструментаризм и Большой Другой знаменуют превращение рынка в проект тотальной определенности, который невозможно себе представить за пределами цифровой среды, но он так же невообразим вне логики накопления надзорного капитализма. Эта новая власть — порождение беспрецедентной конвергенции двух процессов: роста надзорных и активирующих действие возможностей Большого Другого и открытия и монетизации поведенческого излишка. Только в контексте этой конвергенции мы можем себе представить экономические принципы, которые используют и контролируют человеческий опыт, чтобы систематически и предсказуемо формировать поведение в денежных интересах других.

Инструментарная власть занимает точку зрения Другого, сводя людей к простому животному поведению, лишенному внутреннего смысла. Она видит только организмы, принуждаемые служить новым законам капитала, в подчинение которым сегодня поставлено все поведение. Арендт десятилетия назад предвидела разрушительный потенциал бихевиоризма, когда оплакивала низведение нами «мышления» до чего-то, что осуществляется «мозгом» и поэтому может быть перенесено на «электронные инструменты»:

> На своей завершающей стадии трудовой социум превращается в социум jobholders, обладателей рабочего места, а он не требует от принадлежащих к нему почти ничего кроме автоматического функционирования, как если бы жизнь индивида уже полностью погрузилась в поток жизненного процесса, правящего жизнью рода, и как если бы единственно активное, индивидуальное решение заключалось уже лишь в том чтобы неким образом отпустить себя, отрешиться от своей индивидуальности, приглушить ощущения, пока

> еще регистрирующие жизненную тяготу и нужду, чтобы тогда уж вполне «успокоившись» тем лучше и беспроблемнее «функционировать».
>
> В современных теориях бихевиоризма тревожны не их неувязки, а то, что они, наоборот, могут оказаться слишком верны, что они, возможно, лишь в теоретически абсолютизированной форме описывают нечто действительно происходящее в современном обществе. Вполне мыслимо что Новое время, начавшееся такой неслыханной и неслыханно многообещающей активизацией всех человеческих способностей и деятельностей, завершится в конечном счете самой мертвенной, самой стерильной пассивностью, какую когда-либо знала история[6].

Неужели это и должно стать нашим домом — автоматизация наших «я» как необходимое условие автоматизации общества, и все это ради требуемых другими людьми гарантированных результатов?

III. Проклятие этого века

Одно место, с которого можно начать размышление над этим вопросом, — «Заключительные замечания» Арендт в первом издании «Истоков тоталитаризма», слова которые преследуют меня с тех пор, как я впервые прочитала их много лет назад. Они были написаны в то время, когда тоталитаризм, побежденный в Европе, безоговорочно господствовал в сталинском СССР. Это было время, когда большую часть мира объединяла насущная необходимость понимания и воспоминания, не только ради завещания потомкам, но также и в качестве прививки от будущего террора.

Размышления Арендт суммируют не только «тщету» и «нелепость» тоталитаризма, но и ее ощущение «тревожной актуальности тоталитарных режимов». Она предостерегала, что тоталитаризм нельзя списывать как случайный поворот к трагедии, утверждая, что он «глубоко связан с кризисом этого столетия». Она заключила: «Дело в том, что подлинные проблемы нашего времени нельзя понять, не говоря уже о том, чтобы решить, не признав, что тоталитаризм стал проклятием нашего столетия лишь потому, что он так чудовищно стал решать его проблемы»[7].

Теперь представьте себе, что спустя десятилетия другой мыслитель задумался бы о «тревожной актуальности» инструментарной власти и пришел к выводу, что «подлинные проблемы нашего времени нельзя понять, не говоря уже о том, чтобы решить, не признав, что инструментаризм стал проклятием нашего столетия лишь потому, что он так чудовищно стал решать его проблемы».

Какие проблемы? Я утверждала, что надзорный капитализм и его инструментарная власть питаются неустойчивыми «условиями существования», которые я обобщенно назвала «коллизией». Надзорный капитализм предлагает людям решения в форме социальных связей, доступа к информации, удобной экономии времени и зачастую иллюзию поддержки. Это ресурсы первого текста. Что еще более важно, он предлагает решения и для учреждений — в форме всеведения, контроля и определенности. Смысл не в том, чтобы излечить нестабильность — коррозию социального доверия, разрушение связей взаимности, опасные крайности неравенства, режимы исключения — а в том, чтобы использовать уязвимости, создаваемые этими обстоятельствами.

Полезно отметить, что, несмотря на широко разрекламированные социальные преимущества постоянного доступа в интернет, социальное доверие в США резко упало именно в тот период, когда расцвел надзорный капитализм. Согласно замерам «установки на межличностное доверие», осуществляемым в ходе регулярного Общего социального опроса (General Social Survey) в США, процентная доля американцев, которые «считают, что большинству людей можно доверять», оставалась относительно стабильной в период между 1972 и 1985 годами. Несмотря на небольшие отклонения, в 1972 году 46% американцев выказывали высокий уровень межличностного доверия, а в 1985 году — почти 50%. По мере того как последствия неолиберальных мер начинали чувствоваться все сильнее, этот процент стал неуклонно снижаться и опустился до 34% в 1995 году, когда возник общедоступный интернет. С конца 1990-х устойчивое снижение продолжилось и в 2014 году достигло 30%[8].

Общества с низким уровнем межличностного доверия обычно демонстрируют еще и низкий уровень до-

верия к законной власти; и действительно, уровень доверия к правительству в США также значительно снизился, особенно в течение полутора десятилетий роста интернета и распространения надзорного капитализма. В 1958 году более 75% американцев заявляли, что всегда или как правило доверяют правительству, в 1985 году — около 45%, в 2015 году — около 20%, и в 2017 году — только 18%[9]. Социальное доверие тесно связано с мирным коллективным принятием решений и гражданским участием. В его отсутствие авторитет общих ценностей и взаимных обязательств начинает таять. Оставшаяся пустота — громкий сигнал социальной уязвимости. Растерянность, неуверенность и недоверие позволяют власти заполнить эту социальную пустоту. Они прямо-таки напрашиваются на это.

В эпоху надзорного капитализма эту пустоту заполняет именно инструментарная власть, заменяя социальные отношения машинами, что равносильно *замене общества на определенность*. В этой воображаемой коллективной жизни свобода утрачивается в пользу чужих знаний, достижение, которое возможно только благодаря ресурсам теневого текста.

Во главе этих амбициозных преобразований коллективной жизни и индивидуального опыта идут частные институты капитала, но они находят необходимую поддержку со стороны институтов государства, особенно в связи с тем, что объявление «войны с террором» узаконило все поползновения на закрепление машинной определенности как окончательного решения проблемы социальной неопределенности. Это взаимное сродство гарантирует, что инструментарная власть будет не пасынком, а равным партнером или даже, все чаще и чаще, господином и хозяином, на которого полагается государство в его стремлении к «тотальной осведомленности».

То, что инструментарная власть рассматривается как надежное решение для неопределенных социальных обстоятельств, проявляется в том, как ее привлекает к работе государство. Разнообразные и сложные институциональные модели, создаваемые в ходе этих взаимодействий, — важное поле для изучения и демократического обсуждения. Но моя цель сейчас состоит в том, чтобы просто указать на несколько примеров,

которые иллюстрируют постоянный спрос со стороны государства на интенсификацию производства инструментарной власти надзорным капитализмом, состоящую в росте и усложнении Большого Другого в качестве предпочтительного решения проблем социального распада, недоверия и неопределенности. Хотя мы потеряли чувствительность к, по-видимому, бесконечной череде таких примеров, важно понимать, что в этих запутанных ситуациях государственные и рыночные институты демонстрируют общую приверженность неустанному стремлению к гарантированным исходам. Их взаимное сродство может помочь нам определить проблему, которая угрожает сделать инструментарную власть проклятием нашего столетия.

Неудивительно, что инструментарная власть неизменно задействуется в качестве одного из ответов, если не главного ответа, на угрозу терроризма. Акты террора отвергают авторитет цивилизационных норм и обнажают невозможность общества без взаимного доверия. Сегодня правительства обращаются к инструментарной власти в качестве решения этой новой проблемы социальной неопределенности, требуя машины определенности, обещающие прямые, надежные средства обнаружения, прогнозирования и даже автоматической активации контрмер.

В течение шестнадцати лет администраций Буша и Обамы «прогресс в области информационных технологий» понимался как «наиболее эффективный ответ» на эту угрозу. Питер Суайр отмечает, что государственные чиновники «знают, что частный сектор разрабатывает много новых методов сбора и обработки данных и принятия решений на основе этих данных». Следствием этого является «продолжающийся масштабный переход к информационно емким стратегиям», опирающимся на эти рыночные возможности[10].

Это положение вещей было нарушено в 2013 году, когда Эдвард Сноуден обнародовал информацию о скрытом взаимодействии между спецслужбами и техническими компаниями. В последовавшем за этим скандале надзорные капиталисты столкнулись с новыми проблемами в сфере связей с общественностью, связанные с тем, что они изображали как непростой или даже нежеланный

союз между частной властью и нуждами государственной безопасности. Тем не менее новые террористические угрозы неизменно ориентируют государственных чиновников на усиление и дальнейшее развертывание Большого Другого и инструментарной власти, которую он дает. Их способность пользоваться этой огромной властью, однако, чревата трениями. Она не просто то, чем они вольны повелевать. Они должны действовать, хотя бы отчасти, через надзорных капиталистов.

К примеру, после терактов в декабре 2015 года в Париже президент Обама, американские законодатели и государственные чиновники по всему миру призвали технические компании, особенно Google, Facebook и Twitter, идентифицировать и удалять террористский контент. По сообщениям, компании были не слишком готовы стать, или по крайней мере восприниматься, «инструментами государства»[11]. Журналисты заметили, что государственные чиновники разработали «обходные пути», направленные на получение доступа к инструментарной власти, не создавая новых проблем для репутации этих компаний у публики. Скажем, государственное учреждение может заявить, что опасный онлайн-контент нарушает условия предоставления услуг интернет-компании, и инициировать быстрое удаление искомых материалов, «не оставляя бумажного следа, который возник бы при судебном решении». Аналогичным образом Google расширил программу «доверенных модераторов», с помощью которой чиновники и другие лица могли идентифицировать проблемный контент, требующий незамедлительных действий[12].

Компании ответили инициативами со своей стороны. Эрик Шмидт предложил новые инструменты, в том числе «проверку на ненависть», для выявления и устранения аккаунтов террористов, удаления контента до того, как он успел разойтись, и ускорения распространения контрсообщений[13]. Высокопоставленные чиновники администрации Обамы поддержали эту перспективу в ходе паломничества в Кремниевую долину в январе 2016 года на «антитеррористический саммит» с технологическими лидерами. Повестка дня включала дискуссии о том, как срывать террористическую деятельность в интернете, продвигать альтернативный контент, на-

рушить пути к радикализации и дать возможность органам безопасности предотвращать атаки[14]. Меморандум с брифинга в Белом доме призвал компании разработать «алгоритм радикализма», который бы просеивал социальные сети и другие источники излишка для получения чего-то вроде кредитного рейтинга, но нацеленного на оценку степени «радикальности» онлайн-контента[15].

Обращение к инструментарной власти как к решению проблемы неопределенности не ограничивается правительством США. Терроризм вызывает аналогичные реакции в Германии, Франции, Великобритании и многих других странах. После нападения 2016 года на берлинской рождественской ярмарке немецкие чиновники объявили о планах требовать от подозреваемых экстремистов носить электронные метки для постоянного отслеживания[16]. В 2017 году надзорные капиталисты, включая Facebook, Microsoft, Google и Twitter, создали Глобальный интернет-форум по противодействию терроризму. Задача состояла в том, чтобы крепче затянуть сеть инструментарной власти посредством «сотрудничества в разработке технических решений проблемы совместного использования методов классификации контента», «продвижения антитеррористических точек зрения» и создания общей базы данных «уникальных цифровых отпечатков» изображений террористического характера, чтобы ускорить идентификацию учетных записей террористов[17]. В 2017 году в совместный доклад пяти стран — Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и Соединенных Штатов — были включены четыре ключевых обязательства, самым первым из которых было взаимодействие с интернет-компаниями для борьбы с террористической деятельностью в интернете и поддержки отраслевого форума во главе с Google и Facebook[18]. В том же году Европейский совет объявил, что рассчитывает, что «представители отрасли» окажутся на высоте своей обязанности «разрабатывать новые технологии и инструменты для совершенствования автоматического обнаружения и удаления контента, подстрекающего к террористическим актам»[19]. Собравшись в Гамбурге в 2017 году, страны «большой двадцатки» пообещали работать с интернет-компаниями, настаивая на необходимости более совершенных инструментов

фильтрации, обнаружения и удаления контента, а также «поощряя» бизнесы инвестировать в технологии и человеческий капитал, способные обнаруживать и пресекать террористическую активность в интернете[20].

Появляются и другие комбинации инструментарной и государственной власти. Так, в 2016 году бывший директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер заявил конгрессу, что разведывательные службы могут использовать «интернет вещей» для «идентификации, надзора, мониторинга, отслеживания местоположения и отбора кандидатов для вербовки или для получения доступа к сетям или учетным данным пользователя»[21]. Более того, исследовательский отчет гарвардского Центра Беркмана Кляйна по изучению интернета и общества показал, что волна «умных» приборов и продуктов, сетевых датчиков и «интернета вещей» надзорного капитализма откроет «широкие возможности для государственных органов требовать доступ как к записанным сообщениям, так и к коммуникациям в режиме реального времени»[22].

То, что «умное» и «подключенное к интернету» означает новые каналы для коммерческого *и* государственного надзора, — не домысел и не удел одних лишь спецслужб. В одном деле об убийстве 2015 года полиция использовала для установления личности подозреваемого данные с «умного» бытового счетчика и с iPhone 6s Plus, а также аудиофайлы, захваченные устройством Amazon Echo[23]. В 2014 году данные с браслета Fitbit использовались в деле о телесных повреждениях, а в 2017 году полиция использовала данные кардиостимулятора, чтобы обвинить мужчину в поджоге и страховом мошенничестве[24].

В США к очереди учреждений, стремящихся получить доступ к инструментарной власти, присоединились местные правоохранительные органы. Компании, занятые «надзором как услугой», охотно продают свой товар местным полицейским управлениям, которые также решили найти короткий путь к определенности. Один из стартапов под названием Geofeedia специализируется на точном отслеживании местоположения активистов и протестующих, таких как члены Greenpeace или профсоюзные организаторы, и на вычислении пред-

ставляемой каждым из них «степени угрозы», используя данные, взятые из социальных сетей. Среди самых ценных клиентов Geofeedia — правоохранительные органы[25]. Когда в 2016 году бостонское полицейское управление объявило о своем желании присоединиться к этому списку, городской комиссар полиции заявил в интервью газете Boston Globe, что верит в машинную определенность как противоядие от социального хаоса: «Нападение <...> на кампус Университета штата Огайо — лишь последняя иллюстрация того, почему местным правоохранительным органам нужно осваивать все доступные инструменты, которые могут помочь остановить терроризм и другие акты насилия еще до того, как они будут совершены»[26]. Юрист из Американского союза защиты гражданских свобод возражал, что правительство использует технологические компании «для создания подробных досье на людей», основанных только на их высказываниях, защищенных конституционной поправкой о свободе слова[27]. Еще одна, более известная, компания по «надзору как услуге», Palantir, некогда разрекламированная изданием Bloomberg Businessweek как «секретное оружие в войне с терроризмом», оказалась замешана в тайном сотрудничестве с департаментом полиции Нового Орлеана, тестируя свою технологию «предиктивной полицейской деятельности». Программное обеспечение Palantir не только идентифицировало членов банд, но также «отслеживало связи людей с другими членами банд, выявляло криминальное прошлое, анализировало социальные сети и предсказывало вероятность того, что человек применит насилие или станет его жертвой»[28].

IV. Китайский синдром

Одно логическое следствие этой тенденции к подмене общества определенностью теперь уже можно себе представить, потому что правительство Китая разрабатывает всеобъемлющую систему «социального кредита», которую один китайский ученый назвал «ядром» китайской интернет-программы. Ее цель состоит в том, чтобы «использовать взрывной рост количества персональных данных <...> для улучшения поведения граждан <...>

Предприятия и отдельные лица будут оцениваться по различным аспектам их поведения — куда вы ходите, что покупаете и кого знаете — и эти оценки будут интегрированы в комплексную базу данных, которая увязана не только на информацию от государственных органов, но и на данные, собранные частным бизнесом»[29].

Система отслеживает «хорошее» и «плохое» поведение в различных сферах финансовой и социальной деятельности, автоматически назначая наказания и награды, чтобы решительно толкать поведение в направлении «укрепления честности» в экономической, социальной и политической жизни:

> Цель заключается в том, чтобы за каждым гражданином Китая закрепить файл, накапливающий данные из открытых и частных источников <...> с возможностью поиска по отпечаткам пальцев и другим биометрическим характеристикам[30].

Хотя проект введения социальных кредитов в Китае неизменно рассматривается как «цифровой тоталитаризм» и часто сравнивается с миром оруэлловского «1984», его лучше понимать как апофеоз инструментарной власти, питаемой государственными и частными источниками данных и контролируемой авторитарным государством. Сообщения о его пилотных программах полны ярких примеров присущей надзорному капитализму экономии за счет действия и тонкого выстраивания сверхмассовых средств изменения поведения. Цель в том, чтобы автоматизировать общество путем подстройки, понуждения и обусловливания для получения заранее отобранных форм поведения, которые государство сочло желательными и, значит, способными «не допустить дестабилизации», как выразился один из экспертов по стратегическим исследованиям[31]. Другими словами, цель состоит в том, чтобы, используя инструментарные средства изменения поведения, достичь гарантированных *социальных*, а не *рыночных* исходов. Результатом является формирующаяся на наших глазах система, которая позволяет нам подсмотреть одну из версий будущего, определяемого всесторонним слиянием инструментарной и государственной власти.

Китайский проект задуман как ответ на уникальный китайский вариант социального распада. В статье в жур-

нале Foreign Policy журналистка Эми Хокинс объясняет, что проблема, лекарством для которой призвана стать система социальных кредитов — это эпидемия социального недоверия в Китае:

> Быть китайцем сегодня — значит жить в обществе недоверия, где каждая открывающаяся возможность — потенциальная подстава, а каждый акт великодушия может быть использован в корыстных целях другими[32].

Захватывающее эмпирическое исследование социального доверия в современном Китае в действительности обнаруживает высокий уровень доверия к «своим», но при этом коррелирует с негативными последствиями для здоровья. Вывод этого исследования в том, что многие китайцы доверяют только тому, кого хорошо знают. Все остальные взаимоотношения связаны с подозрительностью и тревогой, что имеет очевидные последствия для социального доверия, равно как и для социального благополучия[33]. Эта вакханалия недоверия, обычно связываемая с травмой быстрой модернизации и переходом к квазикапиталистической экономике, также является наследием китайского тоталитаризма. Коммунистическая партия Китая разрушила традиционные сферы, создавшие принадлежность, идентичность и социальный смысл — семью, религию, гражданское общество, интеллектуальный дискурс, политическую свободу — вызывая в памяти описание Арендт «атомизации», разрушающей узы доверия[34]. Хокинс пишет:

> Но вместо того, чтобы ради сокращения пропасти недоверия способствовать органичному возвращению традиционной морали, китайское правительство предпочло направить свою энергию на технологические решения <...> и это только приветствует публика, уставшая от незнания, кому доверять <...> отчасти потому, что не видит альтернативы[35].

Китайское правительство намерено задействовать инструментарную власть, чтобы заменить разрушенное общество гарантированными исходами.

В 2015 году китайский Центральный банк объявил о пилотном проекте, в рамках которого ведущие компании, занимающиеся электронной торговлей, опробуют интеграцию данных и разработку программного обес-

печения для создания персонального кредитного рейтинга. Среди крупнейших участников была Ant Financial (входящая в Alibaba Group) и ее система «персонального кредитного рейтинга» под названием Sesame Credit. Система Sesame Credit производит «целостную» оценку «характера» с применением алгоритмического обучения, которая выходит далеко за рамки своевременной оплаты счетов и займов. Алгоритмы оценивают и ранжируют покупки (видеоигры против детских книг), уровень образования, а также количество и «качество» друзей. Опыт одной журналистки с Sesame Credit говорит о том, что алгоритм занимается чистым «шаманизмом», учитывая кредитные рейтинги ее социальных контактов, марку ее машины, ее работу, ее вуз и множество не уточняемых поведенческих переменных, которые предположительно «коррелируют с хорошим кредитным рейтингом». Теневой текст находится вне досягаемости, и пользователям остается только гадать, как можно улучшить свой рейтинг, в том числе избавляясь от друзей с низкими показателями и набирая побольше друзей с высокими показателями, которые, как полагают некоторые, могут повысить ваш собственный рейтинг[36].

Генеральный директор компании гордится тем, что система рейтингования «гарантирует, что плохим людям в обществе будет некуда пойти, в то время как хорошие люди могут передвигаться свободно и безо всяких помех». Те, кто заработал высокий рейтинг, получают награды и поощрения от клиентов Sesame Credit на рынках его поведенческих фьючерсов. Они могут взять напрокат автомобиль без залога, получить кредит на выгодных условиях и арендовать квартиру, рассчитывать на ускоренное прохождение процедур на получение визы, получать больше показов своего профиля в приложениях для знакомств и получить множество других льгот. Тем не менее один отчет предупреждает, что привилегии, связанные с высоким личным кредитным рейтингом, могут внезапно пропасть по причинам, не связанным с потребительским поведением, например в результате жульничества на экзамене в университете[37].

В 2017 году центральный банк отказался от поддержки частных программ по ведению личного кредитного рейтинга, возможно, потому, что они оказались слиш-

ком успешными, а концентрация знаний и власти в них были чересчур велики. Всего за два года компания Sesame Credit приобрела более 400 миллионов пользователей, застолбив себе практически все аспекты жизни этих пользователей[38]. Журналист, написавший книгу об Ant Financial, ожидает, что государство готовится установить контроль над всей системой: «Государство не хочет, чтобы эта важнейшая инфраструктура рейтингования людей находилась в руках одной крупной компании». Китайское правительство, похоже, понимает, что власть достается владельцам средств изменения поведения. Именно владельцы устанавливают поведенческие параметры, которые определяют гарантированные результаты. Так слияние продвигается вперед.

Некоторое представление о том социальном мире, который может возникнуть в результате слияния инструментарной и государственной власти, можно получить, например, из «списка нарушителей», названного в журнале Economist сердцем системы социального кредита и, возможно, наилучшим индикатором ее широких амбиций. В этот список входят должники и все, кто когда-либо нарушал судебный приказ:

> Лицам, включенным в этот список, могут не позволить купить билеты на самолет или поезд (в скоростном поезде либо в первом или бизнес-классе); продать, купить или построить дом; отправить детей в дорогую платную школу. Для нарушителей существуют ограничения на прием и продвижение в партии и армии, на получение наград и званий. Если нарушителем является компания, она не может выпускать акции или облигации, получать иностранные инвестиции или участвовать в государственных проектах[39].

Согласно статье в газете China Daily, должники из этого черного списка с момента его создания в 2013 году 6,15 миллиона раз подпадали под автоматический запрет на полеты. Не исполнившим судебные решения 2,22 миллиона раз было отказано в продаже билетов на скоростные поезда. Около 71 000 неплательщиков упустили из-за своих долгов назначение на руководящие должности на предприятиях. Китайский банк промышленности и торговли заявил, что отказал должникам из списка в кредитах на общую сумму более 6,97 миллиарда юаней (1,01 миллиарда долларов)[40]. Никого не отправляют на пе-

ревоспитание в лагеря, но каждому могут запретить покупать предметы роскоши. По словам директора Института изучения кредита Китайской академии международной торговли и экономического сотрудничества, «Из-за этого неудобства 10% людей, попавших в список, спонтанно начали выплачивать деньги, которые за ними числились. Это говорит о том, что система начинает работать»[41]. Экономия за счет действия работает по плану.

Слияние инструментарной и государственной власти больно ударило по 400 миллионам пользователей Sesame Credit. Тот, кто оказывается в черном списке, обнаруживает, что эта кредитная система устроена так, что его рейтинг начинает катиться вниз по наклонной:

> Сначала ваш рейтинг падает. Потом ваши друзья узнают, что вы попали в черный список, и, опасаясь, что может пострадать их рейтинг, потихоньку удаляют вас из списка контактов. Алгоритм замечает это, и ваш рейтинг падает еще ниже[42].

Планы китайского правительства, возможно, чересчур амбициозны — великая мечта о полной осведомленности и полной определенности, на службу которой поставлены алгоритмы, фильтрующие постоянный поток данных из частных и общественных онлайн- и офлайн-источников из всех сфер жизни. Этот поток способен срикошетить обратно в жизнь каждого из 1,5 миллиарда человек, автоматизируя социальное поведение по мере того, как алгоритмы вознаграждают, наказывают и формируют действия вплоть до покупки билета на последний автобус. Пока что проект разбит на множество мелких пилотных проектов, не только в технологических компаниях, но также в городах и регионах, так что трудно по-настоящему оценить масштабы задуманного правительством. Многие эксперты считают, что единую систему такого размаха и сложности запустить будет трудно, если не невозможно.

Есть и другие веские причины, по которым система социального кредита может оказаться для нас не очень актуальной. Очевидно, что Китай не является демократической страной и его культура сильно отличается от западной. Исследователь из Сиракузского университета Ян Ван отмечает, что китайская культура придает меньшее значение неприкосновенности частной жизни, чем запад-

ная, и что большинство китайцев приспособились к неотвратимости государственного надзора и цензуры в интернете. До середины 1990-х годов в популярных китайских словарях даже не было самого распространенного сегодня слова для обозначения неприкосновенности частной жизни, *yinsi*[43]. Граждане Китая смирились с национальными удостоверениями личности с биометрическими чипами, «разрешениями на рождение ребенка», а теперь и с рейтингами «социального кредита», потому что их общество уже на протяжении десятилетий насыщено надзором и профилированием. Например, «dang'an» — это обширное личное досье, которое начинает составляться на сотни миллионов горожан с самого детства и ведется на протяжении всей жизни. Эта «система эпохи Мао для фиксирования самых интимных подробностей жизни» обновляется учителями, функционерами Коммунистической партии и работодателями. Граждане не имеют права просматривать его содержимое, не говоря уже о том, чтобы оспаривать его.

Такое досье — это всего лишь одна из черт давно устоявшихся и всепроникающих административных систем поведенческого контроля и надзора в повседневной жизни, которые награждают одних и наказывают других. С ростом интернета программы социального контроля расширились. Скажем, программа «Золотой щит» — это обширная система надзора в интернете. Китайские киберцензоры могут приостанавливать действие учетных записей в интернете или социальных сетях, если их пользователи отправляют сообщения, содержащие опасные слова, такие как «независимость Тибета» или «события на площади Тяньаньмэнь»[44].

Но как бы ни были различны наши культуры и политические системы, имеющиеся у нас свидетельства китайских инициатив в области социального кредита передают логику надзорного капитализма и создаваемой им инструментарной власти. Sesame Credit усугубляет все аспекты работы надзорного капитализма, когда сотни миллионов людей увязли в шестеренках системы автоматической модификации поведения и связанных с ней оживленных рынков поведенческих фьючерсов, раздающих бонусы и поощрения, вроде волшебной пыли Pokémon Go, в обмен на гарантированные исходы.

С каждым их действием китайских пользователей оцифровывают, классифицируют и ставят в очередь на составление прогнозов, и ровно то же самое происходит и с нами. Нас оценивают Uber, eBay, Facebook и многие другие веб-компании, и это только те рейтинги, которые мы видим. Китайским пользователям присваивается балл за «поведение», тогда как правительство США призывает технические компании обучать алгоритмы ставить баллы за «экстремизм». В этом и состоит задача теневого текста — оценивать, классифицировать и прогнозировать наше поведение миллионами разных способов, о которых мы не можем ни знать, ни противостоять им — это уже *наши* цифровые досье. Если уж говорить о кредитных рейтингах, американские и британские банки и компании, предоставляющие финансовые услуги, разработали массу бизнес-моделей, основанных на извлечении и анализе данных социальных сетей для оценки кредитоспособности. Сам Facebook намекнул на свою заинтересованность и даже подал заявку на патент[45]. Эти попытки пошли на спад только потому, что Федеральная торговая комиссия пригрозила ввести регулирование[46].

Китаевед из Оксфордского университета Роджер Кримерс, который перевел некоторые из первых документов по системе социального кредита, отмечает, что «тенденция к социальной инженерии и „подталкиванию“ людей к „улучшению“ поведения — также составная часть подхода Кремниевой долины, в соответствии с которым человеческие проблемы можно раз и навсегда разрешить с помощью разрушительного могущества техники <…> В этом смысле, пожалуй, самым шокирующим элементом этой истории являются не планы китайского правительства, а то, насколько они похожи на те пути развития, по которым пошла технология и в других местах»[47].

В 2017 году на выставке-ярмарке надзорных технологий, проходившей в Шэньчжэне, было полно американских компаний, предлагающих свой новейший товар, особенно камеры, оснащенные искусственным интеллектом и системой распознавания лиц. Среди посетителей был управляющий директор компании CCTV direct, британского дистрибьютора оборудования для надзора. Он сетовал, «насколько сильно отстали страны Запада» на фоне опыта и взрывного развития надзорной инфра-

структуры в Китае, но также и утешал себя той мыслью, что «то, что начинается здесь, в итоге окажется в домах, аэропортах и на предприятиях Америки»[48].

Разница между надзорным капитализмом на Западе и формирующейся системой социального кредита в Китае кроется в разных моделях переплетения и взаимодействия между инструментарной и государственной властью. Между ними есть структурные различия. На Западе, как мы уже видели, эти модели приняли самые разнообразные формы. Государство начинало как материнское лоно и укрытие, а потом становилось нетерпеливым учеником и завистливым кузеном. Надзорный капитализм и его инструменты сегодня уже достигли совершеннолетия, что привело к неровному, но неизбежному партнерству. Основные инструментарные мощности принадлежат крупным надзорным капиталистическим фирмам, и государство, чтобы получить доступ к той власти, к которой оно стремится, должно действовать в согласии с этими фирмами и через них.

В китайском контексте командовать парадом будет государство, и это будет не рыночный, а политический проект, машинное решение, которое формирует новое общество автоматизированного поведения для гарантированных политических и социальных исходов — определенности без террора. Все каналы всех цепочек поставок будут нести поведенческий излишек на потребу этому новому комплексному средству изменения поведения. Роль бихевиористского бога, владеющего теневым текстом и определяющего график подкреплений, и формируемые им способы поведения, возьмет на себя государство. Свободу променяют на знание, но это будет государственное знание, с помощью которого государство будут не извлекать прибыль, а продлевать свое собственное существование.

V. Развилка на дороге

Вспомним наблюдение Карла Фридриха о том, как трудно постичь голые факты тоталитаризма: «практически никто до 1914 года не предвидел того пути развития, по которому пошла с тех пор западная цивилизация <...>

Две разновидности власти

Сравнительные элементы	Тоталитаризм	Инструментаризм
Центральная метафора	Большой Брат	Большой Другой
Тотализирующее видение	Тотальное владение	Тотальная определенность
Трансцендентная цель	Совершенствование общества/вида, определяемое классом или расой	Автоматизация рынка/общества для уверенности в гарантированных результатах
Локус власти	Контроль над средствами насилия	Контроль над разделением общественного знания
Средства власти	Иерархическое применение террора	Собственность на средства изменения поведения
Основополагающие механизмы	Произвольный террор; убийство	Изъятие поведенческого излишка для вычислений, контроля и прогнозирования
Теория и практика	Теория легитимирует практику	Практика скрывает теорию
Идеологический стиль	Политическая религия	Радикальное безразличие

Сравнительные элементы	Тоталитаризм	Инструментаризм
Социальные стратегии	Атомизация и разделение; тотальный верующий или тотальный враг	Взгляд на предсказуемые организмы с точки зрения Другого
Основные социальные процессы	«Свои» и «чужие» ради конформизма и послушания	Сознание улья; социальное сравнение ради слияния и предсказуемости
Единица общественного производства	Масса (политическая)	Население (статистическая)
Вектор социального влияния	«Перевоспитание» осуществляет контроль изнутри	Поведенческая модификация осуществляет контроль извне
Социальные паттерны	Радикальная изоляция	Радикальная связь
Требования к индивиду	Абсолютная лояльность через подчинение государству/виду	Абсолютная прозрачность через подчинение гарантированным исходам
Основной источник индивидуальной привязанности к власти	Нарушенная идентичность	Нарушенная эффективность
Основной способ индивидуальной привязанности к власти	Идентификация	Зависимость

РИС. 4. Две разновидности власти

Этой неспособности предвидеть соответствовало неумение постичь»[49]. Вспомним и ухмыляющегося, довольного «дядюшку Джо» — Сталина — красующегося среди голливудских знаменитостей на глянцевых страницах журнала Look 1939 года. Окажемся ли мы такими же недальновидными, как те, кто не мог осмыслить взлет тоталитаризма, парализованные одним лишь могуществом Большого Другого и бесконечными отголосками последствий его действий, отвлеченные нашими потребностями и сбитые с толку его стремительностью, скрытностью и успешностью?

Чтобы проснуться от этого сна, нужно возродить в себе изумление. Оно необходимо, но оно не должно заставить нас застыть в недоверчивости. Мерный барабанный бой «предначертанной судьбы» Большого Другого, захватывающая дух стремительность его действий, неясность его замыслов и целей призваны обезоружить, дезориентировать и поставить в тупик. Идеология неизбежности стремится приравнять надзорный капитализм и его инструментарную власть к силам природы — не дело рук человека, а нечто больше похожее на реку или ледник, то, к чему можно только присоединиться или перетерпеть. Тем больше оснований спросить: не обернутся ли, с высоты столетий, банальности сегодняшних деклараций («поручить системе мониторинга транспортного средства отключить зажигание») семенами величайшего кошмара нашего столетия? Как насчет авторов инструментарного проекта? Как мы будем смотреть на улыбающиеся, довольные лица технических титанов, когда вернемся к этим фото в глянцевых пикселях какого-нибудь аналога журнала Look XXI века? Путь из Шэньчжэня в американский или европейский аэропорт также ведет к пылесосу Roomba, составляющему карту вашей гостиной, к вашему завтраку с Alexa. Это дорога к машинной определенности, навязанной инструментарной властью и созданной надзорным капитализмом. Этот маршрут короче, чем вы думаете.

Но на дороге есть развилка.

В одну сторону — возможность синтетической декларации о третьей современности, основанной на укреплении демократических институтов и творческом построе-

нии «двойного процесса» для нашего времени. На этом пути мы отдаем цифровую среду тем формам информационного капитализма, которые, воссоединяя спрос и предложение, действительно делают жизнь лучше, и это совместимо с процветающим демократическим общественным строем. Первый шаг на этом пути — назвать вещи своими именами, установить ориентиры, пробудить спящее изумление и поделиться друг с другом чувством праведного негодования.

Если мы пойдем по другой дороге, той, которая связывает нас с Шэньчжэнем, то найдем путь к антидемократическому третьему модерну, сформированному инструментарной властью, каким его видит надзорный капитализм. Это будущее, полное определенности, достигнутой без применения насилия. Мы расплатимся за это будущее не своими телами, а своей свободой. Это будущее еще не наступило, но, как и во сне Скруджа о будущих Святках, все нужные детали на месте и готовы к сборке. Глава 14 рассматривает эту следующую станцию на пути, который начался с беспрецедентного капитализма, повернул к беспрецедентной власти и теперь ведет к беспрецедентному обществу, осмысляемому и легитимируемому растущей как на дрожжах интеллектуальной экосистемой мыслителей, исследователей и практиков. Что это за новое место, которое они хотят, чтобы мы назвали своим домом?

ГЛАВА 14
Утопия определенности

Года ко всем щедры, все в жизнь свою
От них себе в подарок взяли что-то:
Пчела — устройство общества и соты,
Форель — форелий хвост и чешую.
И всем успех давался в первый раз...

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, I*[1]

I. Общество как Другой

Хотя он и не дал ей никакого имени, пророк повсеместной компьютеризации Марк Уайзер предвидел необъятность инструментарной власти как тотального общественного проекта. Из его слов ясно, что он понимал и полную его беспрецедентность, и то, насколько опасно было бы спутать его с чем-то происходившим прежде: «сотни компьютеров в каждой комнате, способных воспринимать находящихся рядом с ними людей и связанных высокоскоростными сетями, имеют такой потенциал, что тоталитаризм, который мы знали до сих пор, покажется чистейшей анархией»[2]. На деле все эти компьютеры не ведут к цифровому гипертоталитаризму. Они, как, я думаю, чувствовал и Уайзер, создают фундамент для беспрецедентной власти, которая может изменить общество беспрецедентным образом. Если по сравнению с инструментарной властью тоталитаризм может казаться анархией, то что она может нам готовить?

Семь десятилетий назад протоинструментарная бихевиористская утопия Скиннера, «Второй Уолден», была встречена с отвращением. Сегодня она — источник вдохновения для риторики надзорного капитализма, в то время как его лидеры продвигают инструменты и схемы, которые воплотят идеи стародавнего профессора в жизнь... в *наши жизни*. Процессы нормализации и привыкания начались. Мы уже видели, что стремление надзорного капитализма к определенности — проистекающее из императива прогнозирования — требует непрерывного приближения к тотальной информации

как идеальному условию работы машинного интеллекта. В погоне за тотальностью надзорные капиталисты расширили охват с виртуального на реальный мир. Реалити-бизнес оцифровывает всех людей, вещи и процессы, превращая их в компьютерные объекты, выстраивающиеся в бесконечную очередь эквивалентности без равенства. Сегодня, когда реалити-бизнес интенсифицируется, гонка за тотальностью неизбежно ведет к аннексии «общества», «социальных отношений» и ключевых общесоциальных процессов как новой территории для оцифровки, расчета, модификации и прогнозирования.

Перед вездесущностью Большого Другого склоняются как перед неизбежностью, но это еще не финал. Целью на этом новом этапе является всесторонняя видимость, координация, слияние, контроль и гармонизация социальных процессов в погоне за масштабом, охватом и действием. Хотя инструментаризм и тоталитаризм — это два разных зверя, они оба жаждут тотальности, хотя и совершенно по-разному. Тоталитаризм стремится к тотальности как политическому условию и, чтобы расчистить к нему путь, полагается на насилие. Инструментализм стремится к тотальности как к условию доминирования на рынке и, расчищая путь, полагается на контроль над разделением общественного знания, которое обеспечивается и поддерживается Большим Другим. Результатом является применение инструментарной власти для оптимизации общества во имя рыночных целей — утопия определенности.

Хотя они во многом перекликаются с инструментарным социальным видением политической элиты Китая, у надзорных капиталистов есть собственные цели. С их точки зрения, инструментарное общество — это рыночная возможность. Все навязываемые ими нормы и ценности призваны способствовать гарантированному достижению рыночных целей. Общество, как и человеческая жизнь, ставится в подчинение динамике рынка и перерождается в виде объективированных вычислительных поведенческих метрик, доступных надзорным капиталистам для экономии за счет масштаба, охвата и действия в погоне за самыми прибыльными залежами поведенческого излишка. Для достижения этих це-

лей надзорные капиталисты вызвали к жизни пугающие видения. Они стремятся создать новое общество по образцу машинного обучения, во многом так же, как индустриальное общество строилось по лекалам методов и норм фабричного производства. В этом видении инструментарная власть заменяет собой социальное доверие, Большой Другой подменяет социальные отношения определенностью, и общество, каким мы его знаем, мало-помалу уходит в прошлое.

II. Тотальность включает в себя общество

Как генералы, горделиво ведущие учет своим армиям, лидеры надзорного капитализма заботятся о том, чтобы убедить союзников в своей непобедимости. Обычно это выражается в перечне инструментарных войск, сосредоточенных на границе, готовых к оцифровке всего и вся в погоне за тотальностью. Эта погоня, как становится ясно, не просто *имеет последствия* для общества; она *включает в себя* общество.

Весной 2017 года генеральный директор Microsoft Сатья Наделла взобрался на сцену, чтобы открыть ежегодную конференцию разработчиков компании; его тонкий профиль подчеркивали дежурные черная рубашка поло, черные джинсы и модные черные кеды. Он быстро ослепил аудиторию перекличкой своих войск. Наделла рассказал о 500 миллионах устройств с Windows 10; 100 миллионах ежемесячных пользователей Office; 140 миллионах ежемесячных пользователей цифрового «помощника» корпорации — Cortana; и о более чем 12 миллионах организаций, использующих ее облачные сервисы, в том числе 90% фирм из списка Fortune 500.

Наделла не преминул напомнить слушателям о сокрушительной стремительности инструментарного проекта, вызывающей колоссальный шок и трепет, особенно в последние годы, когда надзорный капитализм стал доминировать в цифровых услугах: интернет-трафик увеличился в 17,5 миллиона раз по сравнению с 100 гигабайтами в день в 1992 году; 90% данных, существовавших в 2017 году, были генерированы в предыдущие два года; один беспилотный автомобиль будет генерировать

100 гигабайт в секунду; по оценкам, к 2020 году будет около 25 миллиардов умных устройств.

> Потрясающе видеть, как прогресс распространяется во всю ширь и глубь нашего общества и нашей экономики и то, насколько *всепроникающими* стали цифровые технологии <...> Вопрос в том, что вы можете сделать с этой технологией, чтобы это имело широкие последствия.

Его заключительный призыв к собравшимся разработчикам — «Измените мир!» — вызвал бурные аплодисменты[3].

Генеральный директор Google Сундар Пичаи, расписывая амбиции компании перед ее разработчиками в 2017 году, вторил Наделле, демонстрируя численность своих войск, пока батальоны Google расходятся по всем уголкам общественной жизни, показывая широту и глубину инструментарной мощи корпорации с рвением, которое порадовало бы профессора Скиннера. Пичаи сообщает, что семь из наиболее заметных «продуктов и платформ» компании, включая Gmail, Android, Chrome, Карты, Поиск, YouTube и Google Play Store, привлекают миллиард активных пользователей в месяц; два миллиарда активных Android-устройств; 800 миллионов активных ежемесячных пользователей Google Drive, каждую неделю загружающих три миллиарда объектов; каждый день 500 миллионов пользователей Google Фото загружают 1,2 миллиарда фотографий; 100 миллионов устройств используют Помощника Google. Каждое устройство превращается в носитель Помощника, который будет доступен «в течение всего дня, дома и в дороге» для выполнения любых задач или социальных функций. Пичаи хочет еще большего, говоря своей команде: «Мы должны идти глубже». Помощник должен быть везде, где «люди могут захотеть попросить о помощи». Руководители Google разделяют его энтузиазм. «Технологии сейчас находятся на пороге того, чтобы перенести нас в век волшебства, — пишет Эрик Шмидт, — уже сегодня решая проблемы, которые мы просто не смогли бы решить самостоятельно»[4]. Машинное обучение, по его словам, будет делать все, от лечения слепоты до спасения вымирающих видов животных.

Всех, однако, превзошел основатель Google Ларри Пейдж, который уже давно устремил взгляд на преоб-

разование общества. «Наша главная цель — социальная», заявил Пейдж газете Financial Times в 2016 году[5]. «Нам нужны революционные сдвиги, а не постепенные перемены, — сказал он в том же году в другом интервью. — Вероятно, мы могли бы решить многие проблемы, стоящие перед человеком»[6]. По большей части, его видение будущего — это стандартные утопические мотивы, повторяющиеся уже на протяжении тысячелетий. Пейдж предвидит машинный интеллект, который вернет человечество в райский сад, вознеся нас от тяжкого труда и борьбы в новое царство досуга и исполнения желаний. Он говорит, например, что в обществе будущего будет «изобилие» во всем, а работа по найму останется лишь далеким «безумным» воспоминанием[7].

Крайне необычно, однако, что Пейдж изображает тоталистические амбиции Google логическим следствием его приверженности усовершенствованию общества. С его точки зрения, мы должны приветствовать возможность опереться на Большого Другого и добровольно подчинить все свои знания и права на принятие решений планам Google. Ради этих планов общество во всей его полноте — вплоть до каждого человека, объекта и процесса — должно быть подключено к цепочкам поставок, питающих машины, которые, в свою очередь, задействуют алгоритмы, оживляющие Большого Другого, чтобы компенсировать нашу слабость:

> Чего вы должны от нас хотеть, так это чтобы мы создавали действительно потрясающие продукты и чтобы на самом деле сделать это <...> мы должны разбираться в приложениях, и мы должны разбираться во всем, что вы можете захотеть купить, и мы должны разбираться в авиабилетах. Мы должны разбираться во всем, что вы будете искать. И люди — это важная вещь, которую вы будете искать <...> Мы будем рассматривать людей как первостепенный объект для поиска <...> чтобы мы могли хорошо поработать, удовлетворяя ваши информационные потребности, нам на самом деле нужно разбираться во всем, и мы должны разбираться очень основательно[8].

Тотальное знание преподносится как необходимое условие для оказания «упреждающих» услуг, что ведет к решению в виде всезнающего, оснащенного искусственным интеллектом Ассистента Google:

> Он действительно пытается понимать все на свете и разобраться в этом <…> Многие запросы на самом деле касаются разных мест, поэтому мы должны понимать места. <…> Многие запросы касаются контента, который мы не можем найти. Мы занимались книгами и так далее <…> Итак, мы постепенно расширяем это <…> может быть, вы не хотите спрашивать. Может быть, вы хотите иметь ответ до того, как успели задать вопрос. Это было бы лучше[9].

Google зародился, имея в виду оптимальную организацию информации всего мира, но Пейдж хочет, чтобы корпорация оптимизировала организацию самого общества:

> В моем очень долгосрочном видении, — сказал он в 2013 году, — наше программное обеспечение глубоко понимает, в чем вы хорошо осведомлены и в чем нет и как организовать мир так, чтобы мир мог решить важные проблемы[10].

Генеральный директор Facebook Марк Цукерберг разделяет эти тотальные амбиции, и он все откровеннее говорит об «обществе», а не только об отдельных его членах, как о чем-то подчиненном охвату Facebook. Среди его «трех больших целей компании» — «соединение всех; понимание мира; и построение экономики знаний, чтобы у каждого пользователя было „больше инструментов“ для обмена „различными видами контента“»[11]. Прекрасное понимание Цукербергом слабых мест второго модерна — и присущей ему жажды поддержки и коммуникации, которая является одной из его самых ярких особенностей, вселяет в него уверенность, как было раньше и с экономистом Google Хэлом Вэрианом. Корпорация будет знать каждую книгу, фильм и песню, которые человек когда-либо читал, смотрел или слушал. Прогнозирующие модели позволят корпорации «сказать вам, в какой бар пойти», когда вы прибудете в незнакомый город. Видение вполне детализировано: когда вы приходите в бар, бармен уже приготовил ваш любимый напиток, и, если осмотреться кругом, то можно увидеть людей, похожих на вас.

Цукерберг сказал, что поток поведенческого излишка «растет экспоненциально <…> что позволяет нам заглядывать в будущее <…> через два года люди будут делиться вдвое больше <…> через четыре — в восемь раз

больше…». И, намекая на уже достаточно острую конкуренцию за тотальность, Цукерберг предвидел, что социальный граф Facebook «станет лучше отображать то, как вы пользуетесь интернетом, чем традиционная структура ссылок»[12].

С этой целью, сообщил генеральный директор инвесторам, Facebook донесет доступный интернет «до каждого человека на планете», так что каждый пользователь будет иметь «больше инструментов», чтобы делиться «различными видами контента»[13]. Ничто не может помешать успехам корпорации на социальном фронте, утверждал он, потому что «у людей есть такое глубокое стремление к самовыражению»[14].

В 2017 году Цукерберг, формулируя свои социальные амбиции, пошел еще дальше, на этот раз нацелившись в самое сердце страхов второго модерна: «Люди чувствуют себя неустроенными. Многого из того, что в прошлом давало чувство устроенности, больше не существует». Цукерберг считает, что он и его компания могут обеспечить будущее, «которое сработает для всех» и удовлетворит «личные, эмоциональные и духовные потребности» «иметь цель и надежду», «моральное подтверждение» и «утешение тем, что мы не одиноки». «Для прогресса сейчас необходимо, чтобы человечество объединилось не просто в рамках городов или отдельных стран, — призывал Цукерберг, — но и как глобальное сообщество <…> самое важное, что мы можем сделать в Facebook, — это развитие социальной инфраструктуры <…> для создания глобального сообщества…». Ссылаясь на Авраама Линкольна, основатель Facebook определил миссию своей компании в рамках эволюционной схемы развития цивилизации, когда человечество организовывалось сначала в племена, затем в города, а потом в нации. Следующим этапом социальной эволюции станет «глобальное сообщество», и Facebook должен проложить этот путь, создавая средства и присматривая за целями[15].

Выступая на конференции разработчиков Facebook в 2017 году, Цукерберг связал свое утверждение об исторической роли компании в создании «глобального сообщества» со стандартным мифом современной утопии, заверив своих последователей:

> В будущем технология <...> освободит нас и позволит тратить больше времени на вещи, которые по-настоящему важны для всех нас, например, общаться друг с другом и выражать себя по-новому <...> Гораздо больше людей будут заниматься тем, что сегодня считается искусством, и это станет основой многих наших сообществ[16].

В то время как Наделла и другие надзорные капиталисты лелеют свои утопические мечты, они забывают упомянуть, что за век волшебства придется заплатить: Большой Другой должен расширяться в сторону тотальности, стирая все границы и подавляя все источники трения в угоду своим экономическим императивам. Любая власть жаждет тотальности, и на пути стоят только существующие институты: демократия; законы и подзаконные акты; права и обязанности; контракты и внутренние нормы организаций; обычные рыночные ограничения, создаваемые потребителями, конкурентами и работниками; гражданское общество; политическая власть народа; и моральная власть отдельных людей, которые не утратили своих ориентиров.

Этот момент обыгрывается в басне Гёте об ученике чародея, когда, в отсутствие чародея с его умением направлять и сдерживать чары, ученик превращает веник в демоническую силу неимоверной мощи:

> Я забыл слова заклятья
> Для возврата прежней стати!
> И смеется подлый веник,
> Скатываясь со ступенек.
> Возвратился скоком
> И опять ушел,
> И вода потоком
> Заливает пол[17].

III. Прикладной утопизм

Инструментарная власть, как и веник ученика, развернулась в отсутствие чародея, когда не было авторитета, способного ее сдержать, и аппетиты надзорных капиталистов к тотальности росли по мере развития этих успехов. Утопическая риторика про век волшебства имела решающее значение для этих побед. Представление о том, что Большой Другой решит все проблемы человечества,

в то же время расширяя возможности каждого человека, обычно отвергается как «техноутопизм», но для нас было бы ошибкой игнорировать эту риторику, не присмотревшись к ее целям. Подобные речи — не простая болтовня. Это саперный взвод, который идет впереди пехотинцев, и хитрый дипломат, заранее засланный, чтобы разоружить врага и облегчить дорогу к тихой капитуляции. Обещание века волшебства играет критическую стратегическую роль, отвлекая нас от тотальных амбиций надзорного капитализма, которые неизбежно включают «людей» в качестве «первостепенного объекта», и одновременно узаконивая эти амбиции.

«Общесоциальная цель», сформулированная ведущими надзорными капиталистами, идеально сочетается с идеей безграничного технического прогресса, которая преобладала в утопической мысли с конца XVIII до конца XIX века, и кульминацией которой стал Маркс. Действительно, у надзорных капиталистов, таких как Наделла, Пейдж и Цукерберг, можно найти пять из шести черт, с помощью которых выдающиеся знатоки утопической мысли, Фрэнк и Фрици Мануэль, рисуют классический портрет наиболее амбициозных современных утопистов: (1) склонность к узко сфокусированному туннельному зрению, которое упрощает задачу утописта, (2) более раннее и более проницательное понимание «нового состояния бытия», чем у других современников, (3) одержимость и отстаивание idée fixe, (4) непоколебимая вера в неизбежность того, что идея осуществится и (5) стремление к полному преобразованию на уровне человеческого рода и всей мировой системы[18].

Фрэнк и Фрици Мануэль выделяют и шестую характеристику ориентированного на будущее современного провидца, и вот здесь-то рассматриваемые нами люди и корпорации оказываются резким исключением из правила:

> Часто утопист предвидит дальнейший ход и последствия технического прогресса, уже присутствующие в зародыше; у него могут быть чувствительные к будущему антенны. *Его гаджеты, однако, редко выходят за рамки механических возможностей его века. Как ни старается он изобрести что-то совершенно новое, он не может сотворить целый мир из ничего*[19].

В наше время, однако, надзорные капиталисты могут и творят такой мир — отклонение от нормы подлинно исторического масштаба.

Знанию, власти и богатству, которыми располагают надзорные капиталисты, индивидуально и коллективно, позавидовал бы любой властитель древности, точно так же как о них мечтают сегодня современные государства. Имея, на счетах и в ценных бумагах, по итогам 2017 года, 126 миллиардов долларов в случае Microsoft, 92 миллиарда долларов у Google и около 30 миллиардов долларов у Facebook и заручившись одобрением своих постоянно расширяющихся инструментарных режимов со стороны финансовых рынков, обеспечивших им рыночную капитализацию в размере более чем 1,6 триллиона долларов в середине 2017 года, они оказались теми редкими утопистами, которые способны проследить за воплощением своих фантазий в жизнь, не прибегая к армиям и кровопролитию[20].

В этом отношении лидеры надзорного капитализма — утописты особого рода. Маркс постигал мир с помощью своей тщательно проработанной теории, но силой одних лишь идей он не мог реализовать свое видение. Такие люди, как Ленин, Сталин и Мао, применили теории Маркса к реальной жизни спустя много лет после их публикации. Собственно, Фрэнк и Фрици Мануэль и называют Ленина специалистом по «прикладному утопизму»[21]. В отличие от всех них надзорные капиталисты захватывают мир на практике. Их теории скудны — по крайней мере это касается взглядов, которыми они делятся с общественностью. Обратное можно сказать об их власти, которая монументальна и почти не встречает препятствий на своем пути.

В том что касается теории и практики, то обычная последовательность состоит в том, что теорию можно изучить, проанализировать и обсудить перед тем, как начинать действовать. Это позволяет наблюдателям судить о пригодности теории для применения, учесть непредвиденные последствия применения и оценить соответствие применения теории, из которой оно возникло. Неизбежный разрыв между теорией и практикой создает пространство для критического исследования. Например, мы можем задаться вопросом, соответству-

ет ли закон или действия правительства конституции страны, хартии прав и руководящим принципам, потому что мы можем изучать, интерпретировать и обсуждать эти документы. Если разрыв слишком велик, граждане предпринимают действия для его устранения, оспаривая соответствующий закон или практику.

Надзорные капиталисты переворачивают нормальную последовательность теории и практики. Их практика стремительно движется вперед в отсутствие явной и проверяемой теории. Они специализируются на применении уникальной инструментаристской разновидности тактики шока и трепета, которая оставляет зрителей ошеломленными, неуверенными и беспомощными. В отсутствие четкой формулировки теории нам, остальным, остается самим осмысливать ее практические последствия — систему мониторинга транспортных средств, которая отключает двигатель вашей машины; пункт назначения, который отображается вместе с маршрутом; рекомендуемую покупку, которая всплывает на вашем телефоне в тот самый момент, когда уровень эндорфинов на максимуме; непрерывное отслеживание Большим Другим вашего местоположения, поведения и настроения; то, как бодро он сгоняет горожан к клиентам надзорного капитализма.

Какими бы скудными и скрытными ни были теории надзорных капиталистов, инструментарная власть, которой они обладают, способна воплотить в жизнь их мечты или по крайней мере вызвать ураган последствий, когда они попытаются это сделать. Единственный способ понять теорию, продвигаемую в их прикладном утопизме — это проанализировать их действия и тщательно изучить их смысл, как мы это делаем на этих страницах.

В Facebook, Google и Microsoft прикладной утопизм пришел в движение, когда рубежи извлечения поведенческого излишка стали перемещаться в сферы жизни, традиционно понимаемые как социальные и организуемые в рамках какого-то сочетания гражданских институтов и государственного руководства. Цукербергоская формулировка миссии Facebook в 2017 году, представленной как «построение глобального сообщества», возвестила о новом этапе прикладного утопизма:

> В целом важно, чтобы управление нашим сообществом масштабировалось в соответствии с его сложностью и потребностями его людей. Мы стремимся к постоянному улучшению, даже если это означает создание всемирной системы голосования, чтобы дать вам больше голоса и контроля. Мы надеемся, что эта модель даст примеры того, как коллективное принятие решений может работать в других сферах деятельности мирового сообщества[22].

Позже в том же году, выступая перед разработчиками, Цукерберг сказал:

> у нас есть детальная дорожная карта продуктов, которые помогут созданию групп и сообществ, помогут построить более информированное общество, помогут обеспечивать безопасность наших сообществ, и нам предстоит сделать еще многое другое[23].

Весной 2017 года глава Microsoft Наделла с той же сцены призывал своих разработчиков:

> Будь то точная медицина или точное сельское хозяйство, будь то цифровые носители или промышленный интернет, у нас, как у разработчиков, никогда еще не было более широких возможностей оказать повсеместное, глубокое влияние на все компоненты общества и все компоненты экономики[24].

Видение, которое Наделла обнародовал в тот день, символизирует более широкий план надзорного капитализма для нашего будущего. Куда, по их мнению, они нас ведут?

IV. Слияние как отношения между машинами

Для того чтобы прочувствовать подлинный вкус инструментарного общества, оставим в стороне шелуху «века волшебства» и вместо этого сосредоточимся на практиках прикладного утопизма и образе общества, который они предполагают. Наделла предоставил нам ценную возможность, когда представил серию практических приложений, подразумевающих широкое новое видение машинных отношений как шаблона для социальных отношений новой эры.

Откровения начинаются с рассказа Наделлы о сотрудничестве Microsoft со шведским производителем

высокоточного металлорежущего оборудования с полуторавековой историей, который в XXI веке изобрел себя заново. Этот проект — новейшая иллюстрация того, что Наделла называет «фундаментальным сдвигом в парадигме приложений, которые мы создаем, изменение в мировоззрении <…> от <…> мобильного и облачного мира к новому миру, который будет состоять из интеллектуального облака и интеллектуальной технологии (intelligent edge)». Искусственный интеллект, говорит он, «учится на информации и взаимодействует с физическим миром», тем самым ссылаясь на возможности, необходимые для экономии за счет действия[25].

Сначала Наделла описывает машины, в рамках новой заводской среды связанные между собой с помощью телеметрии, которые непрерывно передают данные в «центр интернета вещей» в «облаке», где анализ Microsoft выявляет аномалии, которые могут подвергать машины риску. Каждая аномалия прослеживается по потоку данных до ее причины, и машинный интеллект в центре учится выявлять причинно-следственные связи, с тем чтобы превентивно отключать находящееся под угрозой оборудование, примерно за две секунды, прежде чем успеет произойти потенциально опасное событие.

Затем Наделла описывает новый «прорыв», когда компьютерный «активирующий действия» датчик встраивается непосредственно в машину, что резко сокращает время до превентивного отключения: «Эта логика теперь работает локально, поэтому нет необходимости обращаться к облаку». «Интеллектуальная технология» немедленно понимает, что машина столкнулась с событием, которое предвещает будущую аномалию, и отключает оборудование в течение 100 миллисекунд после получения этого результата, «20-кратное улучшение». Это превозносится как «сила облака, работающая в гармонии с интеллектуальной технологией», чтобы *предвидеть и упреждать отклонения от нормы* «до того, как они произойдут»[26].

Возможности машинного обучения растут в геометрической прогрессии, поскольку устройства учатся на опыте друг друга, подпитываясь интеллектом центра и опираясь на него. При таком сценарии дело не в том, что целое больше суммы его частей; скорее, ча-

стей уже нет. Целое повсюду, полностью явленное в каждом устройстве, встроенном в каждую машину. Наделла переводит эти факты в плоскость практического применения, замечая, что, когда вокруг вас накапливается достаточно много устройств, «импровизированный центр обработки данных» создается «на производстве, дома или в любом другом месте… Вы можете превратить что угодно в безопасное управляемое искусственным интеллектом место»[27].

После этого утверждения, наконец, становится ясно, что «безопасный» означает «автоматически лишенный аномалий». На фабрике Наделлы на смену незнанию мгновенно приходит машинное знание, подгоняя все машинное поведение под заранее установленные нормы. Вместо того чтобы беспокоиться об умножении рисков и цепной реакции отказов в случае, если с машинным обучением что-то пойдет не так, Наделла восхваляет синхронность и универсальность гарантированных исходов, когда все машины будут одинаковыми и работающими в унисон.

Как и столетие назад, когда логика массового производства и связанная с ним управленческая вертикаль стали прототипом индустриального общества и всей связанной с ним цивилизационной среды, так и фабрика нового века, какой она видится Наделле, оказалась лабораторией для его социального видения — надзорно-капиталистического видения — инструментарного общества, ставшего возможным благодаря новой форме коллективного действия. Машинное обучение представляется здесь коллективным разумом — разумом улья, — в котором каждый элемент учится и действует в согласии с любым другим элементом, модель коллективного действия, в которой все машины в сетевой системе плавно идут к слиянию, обладая одним и тем же пониманием и согласованно работая с максимальной эффективностью ради достижения одних и тех же результатов. Слияние действий означает, что «свобода» каждой отдельной машины уступает место знанию, которым она делится между собой. Как и предсказывали бихевиористы — Планк, Мейер и Скиннер — эта жертва означает тотальную войну со случайностью, ошибкой и непредсказуемостью в целом.

Наделла берет эту схему новых отношений между машинами и применяет ее для иллюстрации работы более сложной системы, состоящей из людей и машин, хотя все еще из «сферы экономики». На этот раз это строительная площадка, где поведение человека и машины настроено в соответствии с заранее заданными параметрами, установленными вышестоящими инстанциями и называемыми политикой. Алгоритмические «недоговоры» применяют правила и заменяют собой социальные функции, такие как надзор, переговоры, общение и решение проблем. Каждый человек и единица оборудования занимают место среди эквивалентных объектов, каждый из которых «узнаваем» для «системы» через устройства с искусственным интеллектом, распределенные по всей стройплощадке.

Например, квалификация каждого человека, уровень допуска, история трудоустройства и другая справочная информация немедленно отображаются в системе. «Политика» может оговаривать, что «отбойный молоток могут использовать только сотрудники, обладающие соответствующим допуском». Если к инструменту подходит сотрудник, не имеющий разрешения на работу с отбойным молотком, передается сообщение о возможном нарушении и отбойный молоток испускает сигнал тревоги и мгновенно отключается.

Важно отметить, что не только объединенные действия неодушевленных предметов на площадке выстраиваются в соответствии с «политикой». Мобилизуется и слияние человеческих действий, когда в упреждающей работе по предотвращению аномалий запускаются процессы социального влияния. В случае с отбойным молотком люди на площадке мобилизуются, чтобы броситься к месту ожидаемого искусственным интеллектом аномального проступка, чтобы «быстро решить вопрос». «Интеллектуальная технология, — сказано разработчикам Microsoft, — это интерфейс между компьютером и реальным миром <…> вы можете находить в реальном мире людей, объекты и действия и *применять к ним политики*…»[28].

Как только люди и их отношения будут оцифрованы и предстанут отчужденными, эквивалентными друг другу «объектами в облаке», можно будет мобилизовать

25 миллиардов компьютерных устройств, способных активировать действия, для формирования поведения вокруг безопасных и гармоничных параметров, заданных в «политиках». Самый «глубокий сдвиг», объяснил Наделла, заключается в том, что «люди и их отношения с другими людьми теперь являются в облаке *объектом первостепенной важности*. Не только люди, но и их отношения, их отношения ко всем рабочим артефактам, их графикам, планам проектов, их документам — все это теперь отражается в графе Microsoft». Эти потоки тотальной информации являются ключом к оптимизации «будущей производительности», восторгался Наделла[29].

В инструментарном обществе Microsoft фабрики и рабочие места напоминают лаборатории Скиннера, а машины заменяют собой голубей и крыс. Именно там архитектура инструментарной власти и присущий ей стремительный образ действий подготавливаются к переводу в общество, к строительству «Второго Уолдена» цифровой эпохи, когда машинные отношения станут моделью социальных отношений. Стройплощадка Наделлы иллюстрирует грандиозное слияние, в котором машины и люди становятся объектами в облаке, в равной степени подчиненными аранжировке и оркестровке, заданной «политиками». Блеск «политик» заключается именно в том, что они появляются на сцене в виде гарантированных результатов, которые автоматически навязываются, контролируются и поддерживаются «системой». Они изначально заложены в операции Большого Другого, в бесконечную вереницу «недоговоров», оторванных от каких бы то ни было социальных процессов, связанных с частным или государственным управлением — конфликтов и переговоров, обещаний и компромиссов, согласия и общих ценностей, демократической состязательности, легитимации и авторитета.

В результате «политики» оказываются функционально эквивалентны планам, в соответствии с которыми Большой Другой направляет действия людей и машин. От них зависит, будут ли заблокированы или разблокированы двери, замолчат или оживут автомобильные двигатели, просигналит ли отбойный молоток свое «нет» в самоубийственном самопожертвовании, будет ли рабочий придерживаться норм, ринется ли группа устранять

аномалию. Мы все будем в безопасности, когда каждый организм будет мирно трудиться в гармонии со всеми остальными организмами, не столько обществом, сколько населением, сливающимися воедино из ничем не замутненных потоков, управляемых средствами изменения поведения, которые ускользают от нашего сознания и потому не вызовут ни возмущения, ни сопротивления.

Так же, как в XX веке разделение труда распространилось из экономической сферы на общество в целом, стройплощадка Наделлы является экономической чашкой Петри, в которой, мутируя, рождается новое разделение знания, готовое к переносу на все общество. В XX веке важнейшие факторы успеха промышленного капитализма — эффективность, производительность, стандартизация, взаимозаменяемость, детальное разделение труда, дисциплина, внимание, планирование, конформизм, иерархическое управление, разделение знания и действия и т. д. — были открыты и доведены до ума на производстве и затем перенесены в общество, где были институционализированы в школах, больницах, семейной жизни и чертах личности. Как подтверждает уже не одно поколение ученых, общество стало напоминать фабрику, чтобы мы могли обучать своих детей, воспитывая в них соответствие новым требованиям массового производства.

Мы заново вступили в этот цикл, но теперь цель состоит в том, чтобы преобразовать общество XXI века в «вещь первостепенной важности», организованную по образу машинного улья, чтобы обеспечить определенность для других. Связи, к которым мы когда-то стремились ради личной поддержки и эффективности, преобразуются в средство распространения нового вида власти и социального слияния, которое ведет к гарантированным результатам.

V. Слияние как общество

Ученые Microsoft годами работают над тем, чтобы создать способы взять ту же логику автоматического упреждающего контроля, которая применяется на передовом крае сетевых технологий, и перенести ее на социальные отношения. Как заметил Наделла в 2017 году,

если «мы» можем сделать это в «физическом месте», это можно сделать «повсеместно» и «где угодно». Он советовал собравшимся прикладным утопистам: «Вы можете начать рассуждать о людях, об их связях с другими людьми, с находящимися в этом месте вещами…»[30]

Творческий диапазон этого нового мышления демонстрирует заявка Microsoft на патент от 2013 года, обновленная и переизданная в 2016 году под заголовком «Мониторинг поведения пользователя на компьютеризированном устройстве»[31]. Подкрепленное нескрываемо скудной теорией в сочетании с богатой практикой, запатентованное устройство призвано отслеживать поведение пользователя с целью упреждающего обнаружения «любого отклонения от нормального или приемлемого поведения, которое могло бы повлиять на психологическое состояние пользователя. Прогностическую модель, охватывающую признаки одного или нескольких психологических состояний, можно сравнить с признаками, основанными на текущем поведении пользователя».

Ученые предлагают приложение, которое можно встроить в операционную систему, сервер, браузер, телефон или носимое устройство, и оно будет постоянно отслеживать поведенческие данные человека: взаимодействие с другими людьми или компьютерами, сообщения в социальных сетях, поисковые запросы и онлайн-действия. Приложение может активировать датчики для записи голоса и речи, видео и изображений, движения и обнаруживать, например, «когда пользователь слишком много кричит, проверяя телефонные звонки пользователя и сравнивая соответствующие характеристики с прогностической моделью».

Все эти поведенческие данные хранятся для будущего ретроспективного анализа с целью улучшения прогностической модели. Если пользователь обычно ограничивает громкость своего голоса, то внезапный громкий крик может указывать на некое «психосоциальное событие». В другом варианте поведение может быть оценено в отношении «распределения признаков, представляющих нормальное и/или приемлемое поведение для среднестатистического представителя популяции <…> статистически значимое отклонение от этого базового уровня поведения указывает на ряд возможных психологи-

ческих событий». Вначале предполагается, что в случае обнаружения аномалии устройство будет предупреждать «доверенных лиц», таких как члены семьи, врачи и лица, обеспечивающие уход. Но по мере углубления в детали патента этот круг расширяется. Ученые отмечают полезность подобных сигналов для медицинских учреждений, страховых компаний и сотрудников правоохранительных органов. Это новая возможность «надзора как услуги», предусматривающая предотвращение любого поведения на выбор клиентов.

Патент Microsoft возвращает нас к Планку, Мейеру и Скиннеру, а также к точке зрения Другого. В их восходящем в своих истоках к физике представлении о человеческом поведении, аномалии — это «случайности», которые называются свободой, но на самом деле указывают на незнание; они просто еще не могут быть объяснены фактами. Планк/Мейер/Скиннер полагали, что утрата этой свободы — необходимая цена за «безопасность» и «гармонию» общества, свободного от аномалий, в котором все процессы оптимизированы для достижения наибольшего блага. Скиннер надеялся, что при правильной технологии поведения знание будет превентивно устранять аномалии, подгоняя все поведение под заранее установленные параметры, которые соответствуют социальным нормам и целям. «Если бы мы могли показать, что члены нашего общества предпочитают жизнь во Втором Уолдене, — говорит Фрейзер-Скиннер, — это было бы наилучшим возможным доказательством того, что мы достигли безопасной и продуктивной социальной структуры»[32].

В этой модели социальных отношений поведенческая модификация действует за порогом человеческого сознания, чтобы побуждать, поощрять, подталкивать, наказывать и подкреплять поведение в соответствии с «правильной политикой». Так, Facebook обнаруживает, что может предсказуемо отклонять стрелки общественного мнения в том, что касается моделей голосования, эмоциональных состояний или чего-то еще, на выбор. Niantic Labs и Google обнаруживают, что они могут предсказуемо пополнить кошельки McDonald's или любых других своих клиентов. В каждом случае корпоративные цели определяют «политику», в направлении которой гармонично течет слияние поведений.

Машинный улей — слитое воедино сознание, созданное машинным обучением, — это материальное средство для окончательного устранения хаотических элементов, которые не дают гарантированных результатов. Эрик Шмидт и Себастьян Трун, гуру машинного интеллекта, который когда-то руководил X Lab в Google и помогал руководить разработкой Просмотра улиц и беспилотного автомобиля Google, говорят именно об этом, когда отстаивают самоуправляемые машины Alphabet. «Давайте перестанем психовать каждый раз, когда речь заходит об искусственном интеллекте», — пишут они.

Шмидт и Трун подчеркивают «решающее отличие между тем, как учится искусственный интеллект и как учится человек»[33]. Вместо типичных заверений в том, что машины можно конструировать так, чтобы они больше походили на людей и, значит, были бы менее угрожающими, Шмидт и Трун утверждают нечто прямо противоположное: людям необходимо стать более похожими на машины. Машинный интеллект возводится на трон как апофеоз коллективных действий, в котором все машины в сетевой системе плавно движутся к слиянию, разделяя одно понимание и тем самым работая в унисон с максимальной эффективностью для достижения одного и того же результата. Отбойные молотки не оценивают ситуацию самостоятельно; каждый из них знает то, что знают они все. Каждый из них одинаково реагирует на неуполномоченные руки, их мозги одинаково служат «политике». Машины справляются или не справляются вместе, правы или ошибаются вместе. Шмидт и Трун сокрушаются:

> За рулем люди в основном учатся на собственных ошибках, а на ошибках других — редко. Взятые в целом, люди раз за разом совершают одни и те же ошибки. В результате каждый год сотни тысяч людей во всем мире гибнут в дорожно-транспортных происшествиях. Искусственный интеллект развивается иначе. Когда один из беспилотных автомобилей совершает ошибку, на ней могут научиться все беспилотные автомобили. По сути, каждый новый беспилотный автомобиль рождается уже с полным набором навыков своих предков и сверстников. Так что, взятые в целом, эти машины могут учиться быстрее, чем люди. Благодаря таким знаниям, беспилотные автомобили за короткое время благополучно вписались в наши дороги наряду с водителями-

> людьми, продолжая постоянно учиться на ошибках друг друга <...>. Сложные инструменты на основе искусственного интеллекта позволят нам лучше учиться на опыте других <...>. Урок беспилотных автомобилей заключается в том, что коллективно мы можем научиться большему и сделать больше[34].

Это сжатое, но необычайно важное изложение машинной модели социальных отношений инструментарного общества. Суть этих фактов заключается в том, что, во-первых, *машины — это не люди*, а во-вторых, что *мы должны быть больше похожи на машины*. Машины подражают друг другу, значит и нам надо так делать. Машины работают в согласии, образуя единый поток вместо множества ручейков, значит, и нам надо так делать. Каждой машиной управляет один и тот же ход мысли и все они движутся к одной и той же цели, значит, и мы должны быть так же устроены.

Инструментарное будущее неизбежно включает в себя подобный симбиоз, в котором машинный и социальный миры действуют в гармонии, царящей и внутри, и между «видами», когда люди подражают превосходящим их процессам обучения умных машин. Это подражание не имеет в виду возврат к массовому производству эпохи тейлоризма или бедному чаплинскому рабочему, поглощаемому механическим порядком. Симбиоз избирает другой путь, при котором человеческое взаимодействие отражает отношения умных машин, и люди учатся мыслить и действовать, подражая друг другу, подобно беспилотным машинам или отбойным молоткам, свято чтущим «политику».

Таким образом, машинный улей становится образцом для подражания для нового человеческого улья, в котором мы все мирно шагаем в ногу в одном и том же направлении, основываясь на одном и том же «правильном» понимании, строя мир, где никто не ошибается, не оступается и не попадает в беду. В этом мире «правильные» результаты известны заранее и гарантированы в действии. Та же всеобщая заданность и прозрачность, которые определяют машинную систему, должны определять и социальную систему, которая, в конце концов, является просто еще одним способом описания основной истины инструментарного общества.

В этом человеческом улье личная свобода отдана в обмен на коллективное знание и коллективное действие. Негармоничные элементы превентивно преследуются интенсивной подстройкой, понуждением и обусловливанием, на службе которых вся искушающая сила социального убеждения и влияния. Мы шагаем в полной определенности, как умные машины. Мы учимся жертвовать своей свободой ради коллективного знания, навязываемого другими ради гарантированных результатов для себя. Это лейтмотив третьего модерна, предложенного надзорным капиталом как его ответ на наше стремление к эффективной жизни сообща.

ГЛАВА 15
Инструментарный коллектив

Вот век и пролетел. И весь тот вымер род —
В постелях, одряхлев, недвижны и несчастны;
Теперь они одни, и жизнь их безопасна:
Тень исполинских ног на луг их не падет.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, X*[1]

I. Жрецы инструментарной власти

Прикладные утописты, стоящие во главе компаний, такие как Пейдж, Наделла и Цукерберг, редко говорят о своих теориях. Информация, которой мы располагаем на этот счет, в лучшем случае отрывочна и поверхностна. Но этот пробел с энтузиазмом заполняют специалисты по данным и «компьютерные социологи», предложившие подробные экспериментальные и теоретические объяснения набирающей обороты инструментарной власти, давая нам бесценные возможности для понимания социальных принципов инструментарного общества.

Один из ярких примеров — работа Алекса Пентленда, директора Лаборатории динамики человека (Human Dynamics Lab) в рамках MIT Media Lab. Пентленд — тот редкий прикладной утопист, который, в сотрудничестве со своими учениками и коллегами, активно формулирует, исследует и продвигает теорию инструментального общества, параллельно предлагая многочисленные технические инновации и практические решения. По исследованиям, опубликованным этой группой, можно судить о мировоззрении специалистов по данным, которое становится чем-то все более и более само собой разумеющимся. Теории и инновации этих ученых существуют в динамическом взаимодействии с развитием надзорного капитализма, как в случае аффективных вычислений Пикард и цифрового всеведения Парадизо. Тем не менее мало кто их них рассматривает социальные последствия своей работы с тем пониманием и убежден-

ностью, которые присущи Пентленду, предоставляя нам бесценную возможность критически исследовать управленческие аксиомы, принципы построения социума и социальные процессы, которые определяют инструментарное общество. Моя цель состоит в том, чтобы вывести теорию, лежащую в основе этих практик, в ходе которых надзорные капиталисты объединяют «общество» как «первостепенный объект» для оцифровки, вычислений, модификации, монетизации и контроля.

Пентленд — плодовитый автор и соавтор сотен статей и исследований в области науки о данных, а также выдающийся практик, который консультирует ряд организаций, включая Всемирный экономический форум, Data-Pop Alliance, Google, Nissan, Telefonica и Канцелярию Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Исследовательская лаборатория Пентленда финансируется сливками глобального корпоративного мира, консалтинговых компаний и правительств — Google, Cisco, IBM, Deloitte, Twitter, Verizon, Комиссией ЕС, правительством США, правительством Китая «и другими сторонами, обеспокоенными вопросом о том, почему мы не знаем, что происходит в мире…»[2]

Хотя Пентленд — не единственная фигура в этой сфере, он стал чем-то вроде первосвященника в узкой касте священников. В отличие от Хэла Вэриана, Пентленд не говорит о Google, используя местоимение «мы», но его деятельность занимает почетное место в мире надзорного капитализма, где она обеспечивает материальную и интеллектуальную поддержку, необходимую для легитимации инструментарных практик. На презентации в Google, где Пентленд входит в Консультативный совет Группы по передовым технологиям и проектам, бывший докторант Пентленда и топ-менеджер Google Брэд Хоровиц представил своего наставника как «вдохновляющего педагога», имеющего достижения во многих дисциплинах, бывшие ученики которого задают тон в компьютерных науках, как в теории, так и в практических применениях[3].

Пентленда часто называют «крестным отцом носимых устройств», особенно Google Glass. В 1998 году он предсказал, что носимые устройства «будут продолжением человеческих органов чувств, улучшат память, при-

годятся в социальной жизни их владельца и даже помогут ему или ей оставаться спокойным и собранным»[4]. Тэд Старнер, один из докторантов Пентленда, разработал простейшее «носимое» устройство, еще будучи студентом в Массачусетском технологическом институте и в 2010 году был нанят Сергеем Брином, чтобы продолжать эту работу в Google, — это и был проект, вылившийся в Google Glass. Более пятидесяти докторантов Пентленда продолжили продвигать инструментарное видение в ведущих университетах и отраслевых исследовательских группах, а также в трех десятках компаний, соучредителем, спонсором или консультантом которых является Пентленд. Каждый из них применяет тот или иной аспект теории, аналитики и изобретений Пентленда к реальным людям в организациях и городах[5].

Академические заслуги, ум и красноречие Пентленда помогают легитимировать общественное видение, которое отталкивало и тревожило интеллектуалов, чиновников и широкую общественность всего несколько десятилетий назад. Самое примечательное — что Пентленд «дополняет» Скиннера, наполняя социальное видение последнего большими данными, повсеместным цифровым инструментарием, сложными математическими расчетами, всеобъемлющей теорией, многочисленными авторитетными соавторами, институциональной легитимностью, щедрым финансированием и корпоративными друзьями на высоких постах, не вызывая при этом повсеместного возмущения, морального отторжения и потоков желчи, которые некогда лились на прямолинейного гарвардского бихевиориста. Уже один этот факт говорит о глубине психического онемения, которому мы поддались, и об утрате наших коллективных ориентиров.

Подобно Скиннеру, Пентленд — утопист и мыслитель высокого полета, делающий смелые выводы о животных и переносящий их на все человечество. Он также непосредственно участвует в разработке практической архитектуры инструментаризма и решении вычислительных задач. Пентленд называет свою теорию общества «социальной физикой» — концепция, утверждающая его как Б. Ф. Скиннера нашего века, через Планка, Мейера и Маккея[6]. И хотя Пентленд ни разу не упоминает ве-

ликого бихевиориста, его книга, «Социальная физика», взывает к социальному видению Скиннера в применении к XXI веку, которое теперь реализуется с помощью инструментов, ускользавших от Скиннера при его жизни. Пентленд подкрепляет инструментарный импульс исследованиями и теорией, которые дерзко основаны на моральных идеях и эпистемологии Скиннера, отразившихся в «точке зрения Другого».

Как и Скиннер, профессор Пентленд начинал свой интеллектуальный путь с изучения поведения животных. Если Скиннер тестировал свои находки, изучая тонкости поведения ничего не подозревающих отдельных особей, то Пентленд интересовался обобщенным поведением целых популяций животных. Еще будучи студентом, подрабатывая в Институте экологических исследований НАСА, он разработал метод оценки популяции канадских бобров из космоса путем подсчета количества бобровых запруд: «Вы наблюдаете за образом жизни и получаете косвенный индикатор»[7].

Этот опыт, кажется, подсадил Пентленда на отстраненный взгляд издалека, который он потом будет называть «взглядом с высоты Бога». Вы могли на себе почувствовать, что такое взгляд Бога, сидя у окна самолета, когда он взлетает над городом, превращая все радости и беды внизу в неслышную суету муравейника. Там, на высоте, ощущение «нас» быстро растворяется в точке зрения Другого, и именно этот взгляд положил начало научной работе Пентленда, когда он учился применять разработанные Маккеем принципы удаленного наблюдения и телестимулирования к людям:

> Если задуматься, то вы можете многое рассказать о людях, разговаривающих на другом конце комнаты <…> Это как наблюдать за бобрами из космоса, как Джейн Гудолл наблюдала за шимпанзе. Вы наблюдаете со стороны[8].

(Это, конечно, клевета на Гудолл, гениальность которой и состояла в ее способности понять изучаемых ею шимпанзе не как «других», а как «таких же, как мы».)

Взгляд с высоты Бога станет неотъемлемой частью концепции инструментарного общества, но всеобъемлющая картина рождалась постепенно, в ходе многих лет тщательных экспериментов. В следующем парагра-

фе мы проследим этот путь, на котором Пентленд и его ученики учились оцифровывать, измерять и вычислять социальное поведение. После этого мы будем готовы обратиться к «Социальной физике» Пентленда, которая стремится превратить общество в инструментарный разум-улей — подобно машинам Наделлы, — но на основательной теоретической базе, имеющей глубокие параллели с формулировками, ценностями, мировоззрением и видением человеческого будущего, предложенными Скиннером.

11. Когда Большой Другой поглощает общество: оцифровка социальных отношений

Скиннер горько сетовал на отсутствие «инструментов и методов» для изучения человеческого поведения, сравнимых с теми, что доступны физикам. Словно отвечая ему, Пентленд и его ученики последние два десятилетия только и делали, что работали над инструментами и методами, которые могли бы преобразовать все человеческое поведение, особенно социальное, в предиктивную математику. Одной из первых вех стало в 2002 году совместное исследование с тогдашним докторантом Тэнзимом Чоудхури, в котором соавторы написали:

> Насколько нам известно, в настоящее время нет доступных методов автоматического моделирования взаимодействия лицом к лицу. Этот пробел, вероятно, связан с трудностью надежного измерения реальных взаимодействий внутри сообщества <…>. Мы считаем, что измерение и моделирование физических взаимодействий между людьми является неразработанным ресурсом[9].

Другими словами, «социальное» оставалось неуловимым, хотя компьютеры и соответствующие данные стали более доступными.

Ответ исследователей состоял в том, чтобы ввести «социометр», носимый датчик, который сочетает в себе микрофон, акселерометр, модуль Bluetooth, аналитическое программное обеспечение и методы машинного обучения, предназначенные для определения «структуры и динамических отношений» в человеческих группах[10].

(Чоудхури впоследствии возглавит группу «За компьютеры, понимающие людей» в Корнелльском университете.) Начиная с этого момента Пентленд и его команда работали над тем, чтобы взломать код инструментовки и инструментализации социальных процессов во имя тотального социального видения, основанного на всеобъемлющих средствах модификации поведения.

Совместная работа 2005 года с докторантом Натаном Иглом еще раз подтвердила существование проблемы недостаточности данных о человеческом обществе, отметив «предвзятость, скудность данных и отсутствие преемственности» в понимании человеческого поведения социальными науками и вытекающее из этого «отсутствие детальных непрерывных данных, что также мешает группам, занятым машинным обучением и агентным моделированием, строить более всесторонние прогностические модели человеческой динамики»[11]. Пентленд настаивал на том, что даже такая относительно новая область, как «интеллектуальный анализ данных», не может ухватить всю реальность разговоров и непосредственных взаимодействий, необходимых для точного и всестороннего понимания социального поведения[12]. Но он также признал, что быстро растет та доля человеческой деятельности — от покупок до общения, — которая опосредована компьютером, в основном в результате распространения сотовых телефонов.

Команда видела, что можно будет использовать все более «повсеместную» инфраструктуру мобильных телефонов и объединять эти данные с новыми потоками информации с носимых устройств, отслеживающих поведение. Результатом стало радикально новое решение, которое Пентленд и Игл назвали «добычей реальности (reality mining)». Наставник и его ученик продемонстрировали, как данные с мобильных телефонов «могут быть использованы для выявления повторяющихся правил и структуры поведения как отдельных лиц, так и организаций», тем самым способствуя успешному выявлению и анализу поведенческого излишка и указывая путь к более широкому переходу в изъятии излишка от виртуального к фактическому и социальному опыту[13]. Будучи важной технологической и культурной вехой, объявление исследователей о том, что «реальность» стала

теперь законной и доступной добычей для сбора, поиска, извлечения, оцифровки, датафикации и анализа информации, а затем прогнозирования и вмешательства, помогло проложить путь к новым практикам, которые в конечном итоге станут «реалити-бизнесом».

Пентленд и Игл начали с сотни студентов и преподавателей MIT, в основном из MIT Media Lab, оснастив их сотней телефонов Nokia, с заранее установленным специальным приложением, в рамках проекта, который станет основой докторской диссертации Игла. Два исследователя показали, каких откровений можно ждать от непрерывно собираемых поведенческих данных, достоверность которых они подтвердили с помощью опроса, проведенного непосредственно с каждым участником. Их анализ дал подробные портреты индивидуальной и групповой жизни — «социальной системы», как это назвали авторы. Они смогли установить временные и пространственные модели перемещения, деятельности и использования связи, которые вместе позволили с точностью до 90% прогнозировать, где будет находиться конкретный человек через час и что он будет делать, а также весьма точные прогнозы, касающиеся его коллег, приятелей и близких. Команда выявила модели общения и взаимодействия внутри рабочих групп, а также более широкие «организационные ритмы и сетевую динамику» MIT Media Lab. (Игл стал генеральным директором компании Jana, занимающейся мобильной рекламой и предлагающей на развивающихся рынках бесплатный интернет в обмен на поведенческий излишек.)

Теория и практика «добычи реальности» продолжала развиваться в лаборатории, рабочих проектах и идеях Пентленда, и в 2008 году журнал MIT Technology Review назвал «добычу реальности» одной из «10 технологий будущего». «Вместе со своими студентами я создал две платформы для измерения поведения, которые позволят ускорить развитие этой новой науки, — сказал Пентленд. — В настоящее время они производят огромное множество количественных данных для сотен научно-исследовательских групп по всему миру»[14].

Это пристрастие к скорости, как мы знаем, не случайность, а ключевой элемент в искусстве и науке прикладного утопизма. Пентленд понимает стремительное на-

ступление Большого Другого и инструментарной власти как явление «гиперсвязанного, сверхскоростного мира», в котором «могут формироваться за считанные минуты» виртуальные толпы из миллионов людей со всего света. Он рассматривает сообщество МТИ как авангард — как блестящих первопроходцев сверхсветовых скоростей, уже живущих в этом экстремальном ритме и задающих тем самым образец для всего общества. Размышляя о своих учениках и коллегах, Пентленд пишет:

> я увидел, *что* креативные отрасли должны в себе изменить, чтобы успешно функционировать в гиперсвязанном, сверхскоростном мире MIT, в среде, по направлению к которой сейчас движется весь остальной мир[15].

Пентленд приходит к выводу, что адаптация его группы к нормам быстрого реагирования, принятым в МТИ, лишь предвещает то, что ждет нас всех.

В восторженной статье в журнале MIT Technology Review за 2008 год, посвященной «добыче реальности», отмечались тогда все еще новые и тревожные факты, касающиеся поведенческого излишка: «Некоторые люди нервничают по поводу своих цифровых следов. Сэнди Пентленд, однако, упивается этим». Пентленд хотел бы, чтобы телефоны собирали «еще больше информации» о своих пользователях: «Это очень интересный взгляд с высоты Бога»[16]. Действительно, Пентленд регулярно превозносит «прогнозную силу цифровых следов» в своих статьях, пускаясь в эвфемизмы и поверхностные рационализации, к которым обычно прибегают и надзорные капиталисты и которые способствуют нормализации изъятия человеческого опыта. Например, он говорит:

> Занимаясь своими повседневными делами, мы оставляем за собой виртуальные следы — цифровую историю своих звонков, мест, где мы были, того, что мы ели и что купили. Эти следы рисуют более точную картину нашей жизни, чем все, что мы можем поведать о себе сами… Цифровые следы — это летопись нашего поведения, составляемая по мере того, как оно происходит[17].

Пентленд был одним из первых, кто осознал коммерческую значимость поведенческого излишка. Хотя он не говорит об этом явно, он, видимо, поддерживает си-

ловую политику надзорного капитализма как необходимое условие существования инструментарного общества. Компании, принадлежащие самому Пентленду, являются продолжением его прикладного утопизма, служа испытательным полигоном инструментарных методов и каналом приучения населения к повсеместной оцифровке, мониторингу и изменению поведения в погоне за надзорными доходами.

С самого начала Пентленд понимал «добычу реальности» как ворота в новую вселенную коммерческих возможностей. В 2004 году он утверждал, что сотовые телефоны и другие носимые устройства с «вычислительными мощностями» обеспечат «основу» для «добычи реальности» как «целого ряда новых захватывающих возможностей для бизнеса». Уже тогда он считал, что бизнесы должны воспользоваться своим привилегированным знанием «реальности» и формировать поведение ради максимизации коммерческих целей. Он говорит о новых экспериментальных работах, в которых технология распознавания речи создала «профили отдельных лиц на основе используемых ими слов», что позволило менеджеру «сформировать команду сотрудников с гармоничным сочетанием социального поведения и навыков»[18].

В статье 2006 года Пентленд и Игл объясняют, что их данные будут «иметь значительную ценность на производстве»; вдвоем они подали совместную заявку на патент на «комбинированную сеть, сочетающую радиосвязь малого радиуса действия и сотовую телефонную связь, в целях межличностной коммуникации», которая пополнит арсенал доступных бизнесу инструментов для «добычи реальности»[19]. В том же году Игл сказал изданию Wired, что исследования по «добыче реальности» дают нам «беспрецедентные данные о непрерывном поведении человека», которые революционизируют изучение групп и открывают новые возможности для коммерческого применения. Сообщалось, что он «ведет переговоры» с крупной компанией, которая уже хочет применить его инструменты и методы[20]. Пентленд утверждал, что информация, собранная его социометрами — «удобными носимыми датчиками», измеряющими коммуникации, тона речи и языка тела, — «могла бы помочь менеджерам понять, кто с кем работает, и вычис-

лить отношения между коллегами» и «была бы эффективным способом находить людей, которые могли бы сработаться друг с другом»[21].

В 2009 году в сотрудничестве с несколькими аспирантами Пентленд представил результаты разработки и развертывания «платформы для носимых компьютеров», основанной на социометрическом датчике и машинном анализе получаемых с него данных. Цель, по словам авторов, состояла в том, чтобы создать машины, способные «отслеживать социальные коммуникации и обеспечивать вмешательство в режиме реального времени». С этой целью двадцать два офисных работника в течение одного месяца «оснащались» датчиками, позволяющими «автоматически фиксировать индивидуальные и коллективные модели поведения, предсказывать поведение человека по неосознанным социальным сигналам, выявлять социальную близость среди людей, которые работали в одной команде, и корректировать социальные взаимодействия, предоставляя пользователям нашей системы обратную связь». Исследование дало правдоподобные результаты, выявив шаблоны общения и поведения, которые, как заключили авторы, «были бы недоступны без использования такого устройства, как *социометрический* датчик. Наши результаты <…> являются сильным доводом в пользу применения инструментов для сбора данных с автоматических сенсоров для понимания социальных систем». Они предупредили, что организации станут «по-настоящему *разумными*» только тогда, когда задействуют «сотни или тысячи беспроводных встроенных в окружающую среду и носимых датчиков, способных отслеживать поведение людей, извлекать значимую информацию и предоставлять менеджерам групповые показатели эффективности, а сотрудникам — оценки и рекомендации по самоэффективности»[22].

Изобретение 2002 года постоянно совершенствовалось и в конечном итоге было выведено из лаборатории на рынок. В 2010 году Пентленд и его соавторы по работе 2009 года основали компанию Sociometric Solutions, чтобы представить долгожданные «инструменты и методы», которых так не хватало Скиннеру, на рынке. Она станет одной из множества компаний, которые создаст Пентленд, чтобы применить формулы своей социальной

физики к подневольному населению офисных работников[23]. Генеральный директор Sociometric Solutions Бен Уабер, один из докторантов Пентленда, называет то, чем занимается фирма, «аналитикой людей», и в своей одноименной книге предвидит будущее, полное «коммуникации, сотрудничества и данных» благодаря бейджику или чему-то подобному, «задействованному на миллионах людей в разных компаниях в странах по всему миру на протяжении не минут, а лет или десятилетий. <…> Представьте, сколько всего мы могли бы узнать, чтобы помочь людям более эффективно сотрудничать…»[24]

Пентленд и его команда продолжили разработку социометра и его приложений, и к 2013 году устройством успели воспользоваться десятки исследовательских групп и компаний, в том числе входящих в список Fortune 1000. Исследование 2014 года, выполненное Уабером совместно с его коллегами из Гарварда и Северо-Восточного университета измерило гендерные различия в моделях взаимодействия. Успех этого анализа послужил поводом для следующего заявления: «Теперь стало возможным активно замерять поведение человека для сбора подробных данных о различных аспектах социального взаимодействия». Авторы обозначили свою цель — использовать кардинальное правило Маккея о ненавязчивом надзоре при эффективном мониторинге стад и стай, признавая, что непрерывный всепроникающий сбор данных о поведении человека может быть успешным только в том случае, если его присутствие ускользает от человеческого сознания, устраняя тем самым возможное сопротивление, как мы и видели это в Facebook. Как отметили исследователи, «электронные датчики могут использоваться как для дополнения, так и для полной замены людей-наблюдателей, и хотя они могут придавать ощущение, что за тобой следят, это чувство, вероятно, будет сходить на нет по мере того как датчики становятся все более миниатюрными и, следовательно, все более ненавязчивыми». Они пришли к выводу, что «минимально инвазивные способы измерения поведения человека» позволят осуществлять всесторонний сбор данных в «условиях реальной жизни».

К 2015 году компания в рамках усилий по ребрендингу решила прибегнуть к эвфемизму, изменив название

на Humanyze. Ее технологию описывали как платформу, использующую «умный бейдж сотрудника для сбора его поведенческих данных, которые привязаны к определенным показателям с целью повышения эффективности бизнеса»[25]. Уабер изображает эти разработки «волшебной палочкой» для бизнеса, которая позволит любой организации управлять своими работниками, как спортивной командой, основываясь на измерениях того, как они перемещаются в течение дня, с кем общаются, на измерениях их интонаций, того, наклоняются ли они к говорящему, их положения в социальной сети в различных офисных ситуациях и многого другого, всего сорок различных показателей, которые затем отображаются на «панели бизнес-метрик». Компания не раскрывает своих клиентов, хотя в одном месте упоминается ее работа с 10 000 сотрудниками центров обслуживания клиентов Bank of America и партнерство с консалтинговой фирмой Deloitte[26]. Пентленд писал о силе социометрических данных в журнале Scientific American:

> Я убедил менеджера колл-центра Bank of America планировать перерывы на кофе одновременно для всех. Цель состояла в том, чтобы способствовать большему взаимодействию между сотрудниками. Одно это изменение привело к увеличению производительности на 15 миллионов долларов в год[27].

Из девятнадцати коммерческих предприятий, перечисленных на данный момент в биографии Пентленда на сайте MIT, многие являются компаниями по надзору-как-услуге. В частности, Пентленд был соучредителем компании Endor, которая для своих бизнес-клиентов позиционирует себя в качестве ответа на вызов со стороны императива прогнозирования. На веб-сайте Endor рассказывается о рождении компании из «революционной новой науки» социальной физики в сочетании с «запатентованной технологией», что привело в созданию «мощного движка, способного объяснять и предсказывать любые виды человеческого поведения…». На сайте объясняется, что любая человеческая деятельность (например, телефонные разговоры, покупки по кредитным картам, поездки на такси, активность в сети) содержит в себе скрытые математические закономерности. Анали-

зируя эти данные, можно выявить «возникающие поведенческие паттерны» еще до того, как их можно будет обнаружить «любым другим методом <...> Мы работаем с ведущими мировыми потребительскими брендами, решая самые сложные задачи, требующие сбора и анализа данных»[28].

В 2014 году еще одну компанию Пентленда под названием Sense Networks приобрела YP — когда-то эти две буквы обозначали «желтые страницы» (yellow pages), но теперь это название «крупнейшей в Северной Америке компании, занимающейся местным поиском, СМИ и рекламой, которая связывает потребителей с местным бизнесом». Заявление YP от 2014 года о приобретении Sense Networks рисует знакомую картину погони за поведенческим излишком, называя фирму «комплексной платформой для обработки данных о местоположении с охватом массовой мобильной аудитории. Решения Sense Networks в области ретаргетинга, предлагаемые розничным продавцам, способны выявлять существующих и потенциальных покупателей ведущих продавцов и обращаться к ним с помощью соответствующей мобильной рекламы, когда они находятся поблизости от продавца... будь то дома или на работе»[29].

Пентленд понимает, что его эксперименты и платные рецепты по оптимизации производства наглядно иллюстрируют подходы к решению более широких проблем социальных отношений в инструментарном обществе. Мы снова видим наметки пути, пролегающего из экономической сферы в социальную. Снабженные датчиками офисные работники служат живыми лабораториями для переноса инструментарных отношений на общество в целом. В 2016 году Пентленд участвовал в конференции, организованной Университетом Сингулярности — центром идеологии инструментаризма, расположенным в Кремниевой долине и частично финансируемым Ларри Пейджем. Интервьюер, которому было поручено написать о Пентленде, объясняет:

> Хотя люди являются одним из наиболее ценных активов любой организации, многие компании все еще подходят к управлению с менталитетом XX века <...> Пентленд увидел, что фактор, который всегда все портит — это люди[30].

Как и Наделла, Пентленд назвал своей целью создание социальных систем, которые основывались бы на тех же принципах, что и машинные системы, используя потоки поведенческих данных для оценки «правильности» выбранного образа действий и для вмешательства, когда нужно поменять «неправильное» действие на «правильное». «Если люди взаимодействуют неправильно, и информация распространяется неправильно, — предупреждает Пентленд, — люди принимают плохие решения <…> Мы же пытаемся создать симбиоз человека и машины, где люди благодаря компьютерам будут лучше понимать сеть взаимодействий, а компьютеры смогут лучше понимать, как устроены люди». Как отмечает собеседник, «Пентленд обнаружил, что эти данные [от социометрических датчиков] могут очень помочь организациям исправлять „нарушения в поведении“»[31].

Масштабы инструментарного общества, как оно виделось Пентленду, росли вместе с ростом его инструментария, и его идеи становились все более амбициозными по мере того, как эти новые инструменты и методы его лаборатории сливались с современной волной компьютеризации, прокладывая путь к глобальному проникновению Большого Другого. Пентленд изложил свои амбиции в отношении возможностей и целей этой новой среды в целой серии работ, опубликованных в основном в период с 2011 по 2014 год, но среди них выделяется замечательное эссе 2011 года, единственным автором которого был он: «Нервная система общества: построение эффективного правительства, энергетики и здравоохранения»[32].

Пентленд начинает статью с перечисления своих связей с различными институциями, что должно было подтверждать состоятельность его выводов:

> Опираясь на уникальное многолетнее сотрудничество с главами крупнейших компаний, действующих в сферах ИТ, беспроводных технологий, аппаратного обеспечения, здравоохранения и финансов, а также с руководством американских, европейских и других регулирующих организаций, а также с рядом неправительственных организаций [в примечании упоминается Всемирный экономический форум], я описываю потенциал для всепроникающего и мобильного зондирования и вычислений в течение следующего десятилетия…

Затем с помощью ряда широких умозаключений он собирает воедино решающее обоснование для тоталистического общества, построенного, поддерживаемого и направляемого инструментарной властью. Исходная предпосылка достаточно разумна: технологии индустриального века когда-то революционизировали мир, обеспечив развитие надежных систем водоснабжения и канализации, транспорта, производства пищи и энергии, полиции, здравоохранения, образования и т. д., но по меркам сегодняшнего дня эти системы безнадежно «устарели», они чересчур «централизованы» и «неустойчивы».

Требуются новые цифровые системы, которые должны быть «интегрированными», «целостными», «отзывчивыми», «динамическими» и «саморегулирующимися»:

> Нам необходимо радикально переосмыслить системы общества. Мы должны создать нервную систему для человечества, которая поддерживает стабильность систем наших обществ по всему миру.

Ссылаясь на развитие компьютерных сенсорных устройств, способных управлять сложными машинными процессами и информационными потоками, Пентленд отмечает, что технологии «органов чувств», необходимых для этой нервной системы, «уже имеются». Еще в 2011 году Пентленд понимал, что основные контуры Большого Другого уже запущены и функционируют, и назвал его «охватывающим весь мир живым организмом», в котором «системы беспроводного трафика, датчики безопасности и особенно мобильные телефонные сети объединяются, чтобы стать интеллектуально реагирующими системами, которым датчики служат глазами и ушами <…> эта эволюция <…> будет продолжаться с ускоряющейся скоростью <…> устройства будут иметь больше датчиков…»[33]

Но Пентленд видел одну проблему. Хотя технологии повсеместной компьютеризации далеко продвинулись на пути к решению технических проблем глобальной нервной системы, Большой Другой не будет завершен, пока он не поймет также и *человеческое поведение* в глобальном масштабе: «Чего не хватает <…> так это динамических моделей потребностей и реакций», а также ар-

хитектуры, гарантирующей «безопасность, стабильность и эффективность <…> Требуемые модели должны описывать *человеческие* потребности и реакции, поскольку люди лежат в основе всех этих систем <…> необходимы наблюдения над индивидуальным поведением…»[34]

Пентленд обнаружил опасную пустоту, которая предвосхищала «глубокий сдвиг», к которому в 2017 году призывал разработчиков Microsoft Наделла, говоря: «Люди и их отношения с другими людьми теперь являются в облаке вещью первостепенной важности!» Чтобы не стать жертвой «неправильного» поведения, «люди» должны подпасть под юрисдикцию Большого Другого. На карту поставлены безопасность, стабильность и эффективность всего общества. К счастью, сообщает нам Пентленд, инструменты и методы захвата поведенческого излишка при «добыче реальности» идеально подходят, чтобы принять этот вызов:

> Впервые в истории большая часть человечества связана между собой <…> Как следствие, нашу мобильную беспроводную инфраструктуру можно подвергнуть «глубинному анализу», чтобы <…> отслеживать нашу среду и планировать развитие нашего общества. <…> «Добыча реальности» из «цифровых следов», оставленных в процессе нашей повседневной жизни, дает потенциал для создания замечательных, посекундных моделей групповой динамики и реакций в течение продолжительных периодов времени. <…> Короче говоря, теперь у нас есть возможность собирать и анализировать данные о людях с таким размахом и такой глубиной, которые раньше были немыслимы[35].

В стиле, напоминающем критику «старых законов» Ларри Пейджем, Пентленд не менее решительно отвергает целый ряд концепций и представлений, унаследованных от Просвещения и политической экономии. Пентленд настаивает на том, что «старые» социальные категории статуса, класса, образования, расы, пола и поколения устарели и так же неадекватны, как системы энергетики, продовольственного обеспечения и водоснабжения, которые он собирается заменить на новые. Эти категории описывают общества через призму истории, власти и политики, но Пентленд предпочитает обществам «населения», значениям и смыслам — «статистические показатели», закону — «расчеты». Он усматривает «расслоение

населения», не по линиям расы, доходов, рода занятий или пола, а по «моделями поведения», которые создают «поведенческие подгруппы» и новую «демографию поведения», которая может предсказать болезнь, финансовый риск, потребительские предпочтения и политические взгляды «в 5–10 раз *точнее*» стандартных мер[36].

Возникает настоятельный вопрос о том, как заставить самих людей в этих системах участвовать в предложенном плане. Его ответы лежат не в сфере убеждения или образования, а в сфере поведенческой модификации. Он говорит, что нам нужны «новые прогностические теории принятия решений человеком», а также «разработка механизма стимулирования» — нечто напоминающее «графики подкрепления» Скиннера. Что же до вопроса о том, как заставить людей следовать плану, Пентленд предлагает принцип «социального влияния». Он объясняет механизмы, с помощью которых можно направить миллионы людей в сторону гарантированных результатов в виде безопасности, стабильности и эффективности. Он ссылается на свои собственные исследования, в которых «проблемы промышленности и правительства» в значительной степени объясняются закономерностями передачи информации, особенно того, как люди влияют друг на друга и подражают друг другу.

Понятие социального влияния — важная часть схемы Пентленда, предвосхищающая многое из того, что нас ждет впереди. Пентленд понимает, что Большой Другой — это не только архитектура мониторинга и контроля. Инструментарий и потоки данных Большого Другого также делают людей видимыми друг для друга, от новостей о вашем завтраке до людских потоков в городах. Еще в 2011 году Пентленд восторгался: «Новые революционные <…> инфраструктуры позволяют нам взглянуть с высоты Бога на самих себя»[37]. Цель — компьютеризированное общество, где наша взаимная видимость становится привычной средой, где мы подстраиваемся друг к другу, создавая основанные на подражании социальные закономерности, которыми можно манипулировать, чтобы добиться слияния, как и предполагает логика машинного улья.

Что касается стимулов, Пентленд обрисовывает в общих чертах принцип «социальной эффективности», ко-

торый состоит в том, что участие должно идти на пользу как отдельному человеку, так и *системе в целом*[38]. Подразумевается, что ради этого целого каждый из нас полностью отдастся измеренной вдоль и поперек жизни инструментарного порядка. Звуча точь-в-точь как Эрик Шмидт и Ларри Пейдж с их вкрадчивыми обещаниями всезнающего упреждающего волшебства Google, Пентленд утверждает, что то, что мы можем потерять, более чем компенсируется социальным вознаграждением в виде эффективных корпораций и правительств и индивидуальным вознаграждением, которое просто *волшебно*. Он напрямую взывает к трудностям второго модерна:

> Для общества надежда состоит в том, что мы можем использовать это новое глубинное понимание индивидуального поведения для повышения эффективности и скорости реагирования отраслей и правительств. Что будет привлекательно для отдельного человека, так это возможность такого мира, в котором все организовано для его удобства — медосмотр волшебным образом запланирован как раз на то время, когда вы начинаете заболевать, автобус прибывает как раз тогда, когда вы добираетесь до автобусной остановки, а в мэрии никогда не бывает очереди. По мере того как эти новые способности будут совершенствоваться за счет использования более тонких статистических моделей и сенсорных возможностей, мы вполне можем увидеть возникновение количественной, прогностической науки о человеческих организациях и человеческом обществе[39].

III. Принципы инструментарного общества

Теория инструментарного общества Пентленда расцветает полным цветом в его книге 2014 года «Социальная физика», в которой созданные им инструменты и методы становятся неотъемлемой частью обширного видения нашего будущего в инструментарном обществе, одержимом данными и управляемом компьютерами. Пентленд превращает допотопную чудаковатую утопию Скиннера в нечто звучащее изощренно, волшебно и правдоподобно, во многом потому, что предлагаемое им резонирует с волнами прикладного утопизма, которые ежедневно омывают нашу жизнь. Завершая то, что не успел Скиннер, Пентленд создает нечто большее, чем обновленную картину бихевиористской утопии. Он обрисовы-

вает принципы полномасштабного инструментарного общества, основанного на повсеместном распространении датчиков и измерении человеческого поведения в целях изменения, контроля и — в свете доминирования надзорного капитализма в сетевой сфере — получения прибыли.

Пентленд настаивает на том, что «социальные явления — это всего лишь совокупности миллиардов мелких взаимодействий между отдельными людьми...». Это ключевой момент, потому что оказывается, что для того, чтобы социальная физика могла заменить собой старый образ мышления, требуется тотальное знание всех этих миллиардов мелочей:

> Большие данные дают нам возможность рассматривать общество во всей его сложности, посредством миллионов ниточек, протягивающихся от человека к человеку в процессе социального взаимодействия. Если бы у нас было всевидящее око, мы, возможно, могли бы прийти к истинному пониманию того, как устроено общество, и предпринять шаги к решению наших проблем[40].

В этом вопросе Пентленд оптимистичен: тотальное знание уже в пределах досягаемости. По его словам, «уже по прошествии каких-нибудь нескольких лет *мы, возможно, будем располагать невероятно богатыми данными о поведении практически всего человечества — и причем постоянно. Эти данные уже существуют*»[41]. Право на жизнь в будущем времени, а вместе с ним и социальное доверие, властный авторитет и политика передаются Большому Другому и трансцендентным компьютерным системам, которые будут править под бдительным наблюдением группы, которую Пентленд называет «мы». Он никогда не определяет это «мы», которое создает отношения «мы/они», а с ними и эксклюзивность теневого текста и одностороннего зеркала. Это упущение, зияющее во всей его книге. Относится ли это «мы» к касте специалистов по данным, таким как сам Пентленд? К этой касте совместно с собственниками средств изменения поведения?

Его теория направлена на выведение законов социального поведения, сравнимых с законами физики, и Пентленд формулирует два таких закона, которые,

по его словам, определяют успех каждого «социального организма». Первый — это качество «потока идей», которое характеризуется «поиском нового», генерирующим новые идеи, и «вовлеченностью», координирующей поведение вокруг лучших из этих идей. Второй — «социальное научение», в ходе которого люди подражают друг другу, пока новые идеи не станут привычками, общими для всего населения. (Социальное научение определяется как математическое отношение, рассчитанное исходя из «того, как состояние объекта влияет на состояния других объектов и наоборот».) Пентленд отмечает, что социальное научение базируется на «статистической физике и машинном обучении»[42]. Социальный улей призван повторять машинный улей, и с этой целью Пентленд выступает за методы, с помощью которых социальное научение «можно ускорить и формировать под действием *социального давления*»[43].

Научные цели социальной физики Пентленда зависят от набора тесно связанных между собой новых социальных норм и индивидуальных адаптаций, которые я резюмирую здесь в виде пяти всеобъемлющих принципов, характеризующих социальные отношения инструментарного общества. Эти принципы перекликаются со скиннеровской социальной теорией поведенчески контролируемого общества, в котором свободу заменяет знание. Рассматривая каждый из них, я сравниваю утверждения Пентленда с собственными формулировками Скиннера по этим вопросам. Как мы увидим, идеи Скиннера, некогда подвергавшиеся всеобщему поношению, теперь определяют этот новый рубеж инструментарной власти.

1. Поведение ради большего блага

Скиннер подчеркивал настоятельную необходимость начать смотреть на вещи с точки зрения коллектива и коллективных ценностей. «Целенаправленное проектирование культуры и контроль над человеческим поведением, который оно предполагает, жизненно необходимы для дальнейшего развития человеческого рода», — писал он в книге «По ту сторону свободы и достоинства»[44]. Необходимость развернуть человеческое

поведение в сторону большего блага ясно просматривается еще во «Втором Уолдене», главный герой которого, Фрейзер, утверждает: «Факт в том, что мы не только *можем* контролировать поведение человека, но и *должны* это делать»[45]. В конечном счете эта проблема воспринималась как техническая. «И каковы же методы и инженерные практики, которые будут формировать поведение членов группы, чтобы каждый бесперебойно функционировал на благо всех?» — спрашивает Фрейзер[46]. Скиннер, устами Фрейзера, ратовал за то, что «спланированное общество» хорошо тем, что оно «направляет человеческий ум на правильный путь, на благо общества, а не на благо человека, обладающего этим умом <…> Для этого нужно сделать так, чтобы человек не забывал про свою личную заинтересованность в благополучии общества»[47].

Пентленд понимает инструментарное общество как исторический поворотный момент, сравнимый с изобретением печатного станка или интернета. Оно означает, что впервые в истории человечества «у нас будут все данные для того, чтобы по-настоящему познать самих себя и понимать, как эволюционирует наше общество»[48]. Пентленд говорит, что «непрерывные потоки данных о поведении людей» означают, что все, от уличного движения и использования энергии до болезней и уличной преступности, будет точно прогнозироваться, что позволит создать «мир, где не будет войн и финансовых кризисов, где инфекционные заболевания быстро распознаются и предотвращаются, где энергия, вода и другие ресурсы не растрачиваются впустую, а органы государственной власти являются частью решения, а не частью проблемы»[49]. Этот новый «коллективный разум» служит большему благу, и мы учимся «скоординированно» действовать на основе «социальных универсалий».

«Мы можем сделать огромные шаги вперед в области здравоохранения, транспорта, энергетики и безопасности, — пишет Пентленд, но сетует на препятствия, стоящие на пути этих успехов. — Основные препятствия — проблема конфиденциальности и тот факт, что мы пока не пришли к единому мнению о том, как достичь правильного баланса между личными и социальными ценностями». Как и Скиннер, он подчеркивает,

что эта привязанность к ушедшей эпохе несовершенного знания угрожает подорвать перспективу идеально сконструированного будущего общества: «Мы не можем игнорировать те общественные блага, которые может обеспечить такая виртуальная нервная система…»[50]. Пентленд избегает вопроса «большее благо для кого?» Как определяется большее благо, когда надзорный капитализм владеет машинами и средствами изменения поведения? «Благо» является нам уже ориентированным на интересы владельцев средств изменения поведения и их клиентов, для которых они стремятся обеспечить гарантированные результаты. Большее благо для кого-то, но не обязательно для нас.

2. Планирование вместо политики

Скиннер жаждал вычислительных возможностей, которые способствовали бы совершенствованию поведенческого прогнозирования и контроля, позволяя идеальному знанию вытеснить политику в качестве средства коллективного принятия решений. Несмотря на свои доцифровые ограничения, Скиннер легко сумел осмыслить необходимое требование для спасения человеческого рода как новую «коммунальную науку». Как объясняет Фрейзер, «мы почти ничего не знаем об особых возможностях *группы* <…> отдельный человек, каким бы выдающимся он ни был <…> не способен мыслить достаточно широко»[51].

Бесперебойное действие системы не оставляет места для недостаточно продуманных или случайных исходов, и Скиннер рассматривал созидательные, но часто непростые конфликты, характерные для политики, особенно демократической, как источник трений, которые угрожают рациональной эффективности сообщества как единого, выполняющего самые высшие функции «суперорганизма». Он сожалеет о нашей склонности пытаться менять ситуацию с помощью «политических действий» и приветствует то, что он считает повсеместной утратой веры в демократию. Во «Втором Уолдене» Фрейзер настаивает: «мне не нравится деспотизм невежества. Мне не нравится деспотизм наплевательства, безответственности, даже деспотизм случайности. И мне не нравится деспотизм демократии!»[52]

Капитализм и социализм в равной мере запятнаны своим общим упором на экономический рост, порождающий чрезмерное потребление и загрязнение. Скиннер заинтригован китайской системой, но отвергает ее на том основании, что любые попытки обратить в нее Запад потребуют кровавой революции. «К счастью, — заключает Скиннер в предисловии ко „Второму Уолдену", — есть еще одна возможность». Эта возможность — скиннеровская версия бихевиористского общества, которая позволяет «избежать политических действий». Во «Втором Уолдене» политику заменяет «планирование», за которое отвечает «неконкурентная» группа «плановиков», отказавшихся от власти в пользу бесстрастного управления графиками подкрепления, нацеленными на большее благо[53]. Плановики осуществляют уникальный контроль над обществом, но «только потому, что этот контроль необходим для правильного функционирования сообщества»[54].

Как и Скиннер, Пентленд утверждает, что подсчеты с неизбежностью заменят политику в качестве основы инструментарного правления. Преданность Пентленда той идее, что машины определенности вытеснят более ранние формы правления, напоминает энтузиазм Наделлы относительно людей и отношений как «объектов в облаке». «Наличие математической, прогностической общественной науки, включающей в себя индивидуальные различия и отношения между людьми, — пишет Пентленд, — дает нам возможность кардинально изменить то, как государственные чиновники, руководители в сфере производства и простые граждане мыслят и действуют»[55].

Пентленд обеспокоен тем, что наши политико-экономические конструкты, такие как «рынок» и «класс», родом из старого, медленного мира XVIII и XIX веков. Новый «сверхскоростной, гиперсвязанный мир» не оставляет времени для рациональных размышлений, переговоров лицом к лицу и компромиссов, характеризовавших социальную среду, в которой возникли подобные политические концепции:

> Мы больше не можем мыслить о себе как об отдельных индивидах, принимающих тщательно продуманные решения; мы должны учитывать динамические социальные эффекты,

> которые влияют на наши индивидуальные решения и являются движущей силой экономических пузырей, политических революций и интернет-экономики[56].

Стремительность процессов инструментарного общества не оставляет нам времени на то, чтобы установить ориентиры, и эта стремительность возводится здесь в ранг морального императива, требующего от нас отказаться от индивидуального выбора в пользу автоматизированных систем, которые смогут идти в ногу со временем, быстро оценивать ситуацию и навязывать правильные ответы ради большего блага. Политике нет места в инструментарном обществе, потому что политика означает установление и утверждение наших ориентиров. Индивидуальные моральные и политические ориентиры — это источники трения, которые приводят к напрасным потерям драгоценного времени и отвлекают поведение от слияния в единый поток.

Вместо политики, рынков, классов и тому подобного, Пентленд сводит общество к законам своей социальной физики — реинкарнации «коммунальной науки» Скиннера. Действительно, Пентленд рассматривает свою работу как практическую основу новой «вычислительной теории поведения», способной создать «каузальную теорию социальной структуры <...> математическое объяснение причин того, почему общество реагирует определенным образом и как эти реакции могут (или не могут) решить человеческие проблемы...» Этот новый математический анализ не только раскрывает глубинные «механизмы социальных взаимодействий» («особые возможности группы» Скиннера), но также, в сочетании с «теми обширными поведенческими данными, которые мы получили за последние годы», способен выявить причинные закономерности, которые помогут в «моделировании... совершенных социальных систем», и все это на основе «беспрецедентного инструментария»[57].

Таким образом, компьютерный расчет заменяет собой политическую жизнь сообщества как основу управления. Глубина и размах инструментария, по словам Пентленда, позволяют просчитывать потоки идей, структуру социальных сетей, степень социального влияния одних людей на других и даже «индивидуальную восприимчи-

вость к новым идеям». Самое важное, что этот инструментарий позволяет тем, кому доступен взгляд с высоты Бога, изменять поведение остальных. Данные предоставляют «надежный прогноз того, как изменение любой из этих переменных изменит поведение всех людей в сети» и, таким образом, помогают достичь оптимальной производительности скиннеровского суперорганизма. Подобная математика потока идей лежит в основе «планирования» Пентленда, которое определяет цели и задачи изменения поведения. Поведение людей следует загнать внутрь параметров, предусмотренных планом, и не допускать выхода за их границы, точно так же как поведение на строительной площадке Наделлы постоянно и автоматически приводилось в соответствие с параметрами, заданными политикой. Пентленд называет это «*настройкой сети*».

«Настройщики» играют роль, отведенную для «мы» Пентленда. Например, он говорит, что города можно понимать как «двигатели идей» и что мы «сможем с помощью уравнений социальной физики настроить их таким образом, чтобы они стали более продуктивными»[58]. Как и плановики Скиннера, настройщики Пентленда присматривают за досадными аномалиями, которые представляют собой утечки из старого мира, где невежество принималось за свободу. Настройщики делают так, чтобы операции Большого Другого превентивно направляли это ошибочное поведение обратно в поток гармоничного слияния и оптимального функционирования на большее благо того, кто или что владеет машинами, которые выполняют расчеты и платит настройщикам за расшифровку и применение параметров. Пентленд приводит пример из одной из своих собственных «живых лабораторий»:

> математически полученная концепция потока идей позволяет нам «настроить» социальные сети так, чтобы принимать более разумные решения и достигать более совершенных результатов <…> Изучая мир электронных финансов в сети eToro, мы выяснили, что потоками идей между людьми можно управлять, давая небольшие стимулы или же подталкивая отдельных индивидов так, чтобы изолированные трейдеры больше взаимодействовали с другими, а те, кто завяз в слишком большом количестве контактов, обобщались меньше[59].

3. Социальное давление в пользу гармонии

В сообществе «Второго Уолдена» подкрепление устроено так, чтобы точечно устранять эмоции, угрожающие сотрудничеству. Допускаются только «производительные и укрепляющие эмоции — радость и любовь». Чувства горя и ненависти, «а также высоковольтные разряды гнева, страха и ярости» считаются «расточительными и опасными» угрозами «потребностям современной жизни». Различия между людьми в любой форме подрывает гармонию целого и его способность служить коллективным целям. Фрейзер признает, что силой невозможно заставить людей поступать правильно. Решение гораздо тоньше и сложнее, и оно основано на научно протестированных графиках подкрепления:

> Вместо этого вам нужно запустить определенные поведенческие процессы, которые заставят человека самостоятельно выстраивать свое «правильное» поведение. <…> Мы называем такие вещи самоконтролем. Но не обманывайте себя, *контроль всегда находится в конечном итоге в руках общества*[60].

Мысль Пентленда сходна: «социально-физический подход объединяет людей, используя социально-сетевые стимулы» — его версию «подкрепления». С такими стимулами, объясняет он, «мы фокусируемся на преобразовании связей между людьми, а не на изменении поведения отдельных людей <…> с помощью этого взаимообмена мы можем сформировать социальное давление, провоцирующее изменения в поведении»[61]. Социальные сети играют решающую роль в создании этих возможностей для настройки, считает Пентленд, поскольку именно в такой среде социальное давление лучше всего контролировать, направлять, манипулировать и масштабировать[62].

По мнению Пентленда, Facebook уже являет собой пример этой динамики. Эксперименты этой компании по эмоциональному заражению показывают активное владение способностью манипулировать человеческой эмпатией и привязанностью с помощью таких техник «подстройки», как инструктаж и внушение. Действительно, Пентленд находит эксперименты Facebook по «заражению» особенно полезными, видя в них

богатый источник всевозможных практических идей. Например, в эксперименте Facebook по голосованию с участием 61 миллиона человек Пентленд видит подтверждение того, что социальное давление может стать эффективным орудием в социальных сетях, особенно среди людей с «сильными связями»: «знание, что наши близкие друзья уже проголосовали, сформировало достаточно социального давления, чтобы убедить людей пойти голосовать»[63]. Обладая этим и другим подобным знанием, «мы» Пентленда, настройщики, сможет активировать «правильные стимулы».

То, что «мы» Пентленда способно «сформировать социальное давление, провоцирующее изменения в поведении», отражает его понимание суперорганизма. Взгляд с высоты Бога убеждает его, что оценка человеческих действий действительно сравнима с подсчетом бобров: «мы можем наблюдать за людьми точно так же, как мы наблюдаем за обезьянами или пчелами, и выводить правила поведения, реагирования и обучения»[64]. Во всех этих группах коллектив оказывает давление на каждый организм, чтобы он плыл по течению, держался стада, возвращался в улей и взлетал вместе со всей стаей. Потоки идей повторяют структуру машинного улья, обод сливается со ступицей, идентичность уступает место синхронности, части растворяются в целом. Он пишет:

> Мы можем рассматривать каждый поток идей как вихрь коллективного разума, который движется во времени по мере того, как находящиеся в нем люди учатся на опыте друг друга, чтобы совместно отыскать модели предпочтений и практических привычек, больше всего отвечающих их физическому и социальному окружению. Это противоречит тому, как большинство современных западных людей видит себя — как рациональных индивидов, которые знают, чего хотят, и самостоятельно решают, какие действия предпринять для достижения своих целей[65].

Этот переход от общества к рою и от людей к организмам является краеугольным камнем, на котором зиждется все здание инструментарного общества.

Пентленд игнорирует роль эмпатии в подражании, потому что эмпатия — это ощущаемый опыт, который ускользает от наблюдаемых метрик, необхо-

димых для компьютерного правления. Вместо этого Пентленд прибегает к ярлыку Homo imitans, чтобы передать тот факт, что именно мимикрия, а не эмпатия и тем более не политика, определяет человеческое существование. Он взял этот термин из работ по обучению маленьких детей, но для Пентленда это подходящее объяснение всего человеческого поведения в любой период жизни — утверждение, как и у Скиннера, что контроль всегда остается за обществом. «Важнейшим отдельным фактором, способствующим принятию нового поведения, — пишет он, — является поведение тебе подобных»[66].

Поскольку мы рождены, чтобы подражать друг другу, утверждает Пентленд, весь человеческий род чувствителен к социальному давлению как эффективному средству изменения поведения. Такая модель человеческого обучения — это возвращение назад к пчелам и обезьянам, но также шаг вперед к машинному улью. Машины не учатся на сопереживании; знания автоматически обновляются в ходе синхронного прогресса коллективного разума.

4. Прикладной утопизм

И Скиннер, и Пентленд верят в право утописта навязывать свой план обществу. Инструментарное общество — это спланированное общество, созданное посредством тотального контроля над средствами изменения поведения. Ни плановики Скиннера, ни настройщики Пентленда не уклоняются от ответственности за осуществление власти, формирующей суперорганизм.

Скиннер так и не потерял веру в социальное видение «Второго Уолдена». Он понимал утопию как «тотальную социальную среду», в которой все части гармонично работают на благо коллективных целей:

> Домашняя среда не вступает в противоречия со школой или улицей, религия не конфликтует с государством и т. д. <…> И если плановые экономики, доброжелательные диктатуры, перфекционистские общества и другие утопические проекты провалились, то нельзя забывать, что неудачи также терпели и стихийные, демократичные и несовершенные культуры. Провал не всегда означает ошибку: возможно, это просто лучшее, на что можно рассчитывать в определенных условиях. Прекратить пытаться — вот настоящая ошибка[67].

Пентленд тоже рассматривает свою социальную физику как всеобъемлющую и необходимую. Лишь тотальная оцифровка и контроль над всем человеческим поведением пойдут на пользу цивилизации в гиперсвязанном будущем; не дрогнув, он готов утверждать компьютерное правление всей сферой человеческих усилий во имя коллективной судьбы. Политика и экономика этой коллективной судьбы, иными словами, власть и авторитет, которые лежат в ее основе и поддерживают на плаву, не требуют уточнения, потому что машины с их расчетами выходят за рамки этих когда-то фундаментальных координат человеческого общества. Вместо этого вычисления выявляют скрытые внутри данных истины и, следовательно, устанавливают, что является «правильным». Новый социальный класс настройщиков постоянно сохраняет бдительность, чтобы излечить человеческую природу от ее слабостей, обеспечивая подстройку, понуждение и обусловливание населения для выработки наиболее эффективного поведения. «Социально-сетевые стимулы» — это все, что требуется, чтобы «установить новые нормы поведения, а не полагаться на регулятивные взыскания и рыночную конкуренцию <…> Учитывая известные недостатки человеческой природы, социальная эффективность — это цель, к которой нам следует стремиться <…> Наше внимание должно быть направлено на поток идей, необходимый для того, чтобы индивиды могли принимать правильные решения и развивать полезные поведенческие нормы…»[68] Наконец, как и Скиннер, Пентленд отвергает идею о том, что воображаемое им «управляемое данными общество» является просто утопической фантазией, настаивая взамен, что оно не только осуществимо на практике, но также является моральным императивом, в котором польза для коллектива перевешивает все остальные соображения.

5. Смерть индивидуальности

Индивидуальность — это угроза для инструментарного общества, назойливая сила трения, которая отнимает энергию у «сотрудничества», «гармонии» и «интеграции». В статье под названием «Смерть индивидуальности» Пентленд настаивает на том, что

> вместо индивидуальной рациональности наше общество, похоже, управляется коллективным разумом, который исходит из окружающего потока идей и примеров <…>. Настало время отбросить выдумку, что единицей рациональности является отдельный человек, и признать, что наша рациональность в значительной степени определяется окружающей социальной тканью…[69]

И снова мы видим, что первую и самую красноречивую версию этой мысли уже озвучил гарвардский бихевиорист, возвышая Другого и высмеивая автономное «я». В книге «По ту сторону свободы и достоинства» Скиннер не сдерживает своего презрения к этому наиболее трансцендентному идеалу сартровского века — воле к воле говорить и действовать от первого лица. Скиннер утверждал, что различия между людьми и другими биологическими видами сильно преувеличены, и полностью согласился бы с Пентлендом, отрицающим личность в пользу отдаленного, опосредованного компьютером взгляда. Бобры или люди, разница едва ли имеет какое-то значение, когда мы отбрасываем разрушительную фикцию индивидуальной автономии. Индивид отдается в руки плановиков, что расчищает путь к безопасному и процветающему будущему, основанному на отказе от свободы в пользу знания. В этом вопросе Скиннер был непреклонен:

> Тот, кто «отменяется», — это автономный человек, внутреннее Я, гомункулус, вселившийся дух, человек, защищаемый литературой свободы и достоинства. Его упразднение откладывали слишком долго <…> Он был создан из нашего невежества, и по мере роста наших знаний исчезает сама субстанция, из которой он состоит <…> [наука] обязана сделать это для того, чтобы предотвратить исчезновение человечества как биологического вида. «Скатертью дорога!» — охотно скажем мы человеку *как таковому*. Только изгнав его, мы сможем обратиться к подлинным причинам человеческого поведения. Только тогда мы сможем перейти от воображаемого к наблюдаемому, от сверхъестественного к природному, от недоступного к управляемому[70].

Давно назревшая смерть индивидуальности, наконец, рассеивает докучливые фикции, фетишизирующие понятия свободы и достоинства. Бихевиорист XX века из Гарварда и специалист по данным XXI века из MIT согласны в том, что понятие свободной воли — это еще

один досадный рудимент темного века, когда наука еще не продемонстрировала, что, как говорит Скиннер, мы живем «под контролем социального окружения <…>, которое он [человек] и миллионы других ему подобных создавали и поддерживали в ходе эволюции культуры». Прямолинейный бихевиорист выдает свою окончательную истину: «не человек воздействует на мир, а мир — на него»[71].

В своей лекции в Google, снискавшей восторженные аплодисменты, Пентленд польстил аудитории, дав понять, что знатоки и ценители цифрового мира с легкостью примут идею о моральном устаревании концепции индивида как неизбежность: «А как насчет свободной воли? — вопрошал он у аудитории в Маунтин-Вью. — Возможно, это не приходило вам в голову, но традиционно задаются именно этим вопросом». И принялся объяснять, что поведение большинства людей — от политических взглядов до решений относительно расходов на музыку, которую люди слушают, — предсказывается тем, «что сейчас в моде <…> знакомством с тем, что делают другие». Многие отвергают эту идею, отметил он, потому что «в нашем обществе принята другая риторика». Затем он заверил гугловцев: «Вы, ребята, последние, кому надо об этом говорить, потому что вы же самые лучшие и самые умные в мире». Для таких людей, как бы говорил Пентленд, смерть индивида — давно не новость:

> Вы наслышаны о рациональных индивидах. И все потешаются над «рациональными». Я не буду этого делать. Я собираюсь поиздеваться над «индивидами», ОК? Потому что я не думаю, что мы индивиды. Наши желания, то, как мы учимся их исполнять, ценности, — все это вопрос консенсуса <…> индивидуальные стимулы <…> это часть этого мышления, которое восходит к XVIII столетию <…> все происходит не между нашими ушами. Все происходит в наших социальных сетях, ОК? Мы общественные животные[72].

Видение Пентленда — это видение Скиннера, только теперь стоящее на плечах Большого Другого с его Большими Данными и его Большой Математикой. Это те ресурсы умных машин, которые нужны, чтобы прийти к «правильным» ответам. Пентленд настолько сильно резонирует с социальной теорией Скиннера, что,

ни разу не упомянув имя бихевиориста, последний раздел 10 главы своей книги он озаглавил «Социальная физика и понятия свободы воли и достоинства».

Если уж мы собираемся уничтожить и похоронить человека как экзистенциальную реальность, философскую идею и политический идеал, то эта смерть по крайней мере заслуживает всей торжественности древнегреческого погребального ритуала. В конце концов, существование индивида — это достижение, обретенное ценой тысячелетий человеческих страданий и жертв. Вместо этого Пентленд отмахивается от этого события, будто это очередная отладка компьютерного кода человечества, давно назревшее обновление устаревшего программного обеспечения, каковым является долгая человеческая история.

Однако, в отличие от Скиннера, Пентленд осторожен на поворотах, возможно, надеясь избежать резких рецензий со стороны таких людей, как Ноам Хомский. (В «Доводах против Б. Ф. Скиннера», как вы, возможно, помните из главы 10, Хомский разнес книгу Скиннера как «бессмысленную» и «лишенного научного содержания», оценивая ее работу как полную заблуждений, которые «практически гарантируют провал»[73]). Пентленд пытается уйти от плачевной участи Скиннера, принимая более мягкий тон:

> Некоторые люди негативно реагируют на словосочетание «социальная физика», потому что, как им кажется, оно предполагает, что люди — это машины, лишенные свободной воли и способности функционировать независимо от своей социальной роли[74].

Как и Мейер, Пентленд признает, что люди обладают «способностью к независимому мышлению», но настаивает на том, что социальной физике «не нужно пытаться объяснить это». С точки зрения Пентленда, проблема не в том, что «независимая мысль» пропадает из общей картины, а в том, что «внутренние, недоступные для наблюдения» мыслительные процессы — это просто сила трения, которая «иногда <…> будет проявляться, разрушая наши лучшие модели, построенные по системе социальной физики». К счастью, в действительности этим моделям ничто не угрожает, потому что, «как показыва-

ют данные, отклонения от наших регулярных социальных шаблонов встречаются очень редко»[75]. Автономный индивид — это всего лишь статистическая ошибка, опечатка, которую легко исправить в общем порыве к слиянию воедино на чье-то большее благо.

В этом духе профессор Пентленд не игнорирует такие вопросы, как конфиденциальность и социальное доверие. Он активно предлагает решения этих проблем, но в избранные им решения уже заложена интенсификация «управляемого данными» инструментарного общества. Подход Пентленда напоминает первоначальное убеждение его бывшей докторантки Розалинд Пикард в том, что социальные проблемы не являются непреодолимыми, что новые технические решения позволят решить любые проблемы и что «можно продумать должные гарантии». Теперь, два десятилетия спустя, Пикард утратила свой оптимизм, но у Пентленда мы не найдем и следов сомнения. Пентленд, к примеру, работает с влиятельными институтами, такими как Всемирный экономический форум, для выработки «нового курса по данным», который приветствует индивидуальную «собственность» на персональную информацию, но не ставит под сомнение изначальную повсеместную оцифровку такой персональной информации[76]. Собственность на данные, считает он, создаст финансовые стимулы для участия в рыночно ориентированном инструментарном обществе. Как и Скиннер, Пентленд исходит из того, что растущее давление разнообразных стимулов, а также повсеместного сетевого доступа, мониторинга и подстройки поведения в конечном итоге сами по себе отодвинут в сторону прежние заботы, такие как стремление к неприкосновенности частной жизни.

> Новый курс дает клиентам долю в новой экономике данных; это принесет сначала большую стабильность, а затем в конечном итоге большую прибыльность, по мере того как люди будут свыкаться с раскрытием личных данных[77].

Согласно представлениям Пентленда о собственности на данные, будут мобилизованы машины определенности, такие как блокчейн, который использует сложное шифрование и алгоритмы для создания децентрализо-

ванной защищенной от несанкционированного доступа базы данных; эти механизмы позволят обойтись без социального доверия. Он выступает за системы, «которые обитают везде и нигде, защищая и обрабатывая данные миллионов людей и выполняясь на миллионах интернет-компьютеров»[78]. Одно важное исследование биткоина, криптовалюты, которая опирается на блокчейн, говорит о том, что подобные машинные решения способствуют общему разрушению социальной ткани способами, которые согласуются с инструментаризмом и помогают прокладывать путь к его успеху. Специалисты по компьютерной науке Примавера де Филиппи и Бенджамин Лавлак пришли к выводу, что, вопреки распространенному мнению, «биткоин не является ни анонимным, ни конфиденциальным <...> любой, кто имеет копию блокчейна, может видеть историю всех транзакций с биткоином <...> каждая транзакция, когда-либо совершённая в сети биткоина, может быть прослежена до самого истока». Такие системы опираются на «совершенную информацию», но процессы координации, которые создают открытые демократические общества, такие как «социальное доверие» или «лояльность», «изгоняются» в пользу «глубоко рыночного подхода»[79]. Как и Вэриан, Пентленд не признает социальных и политических последствий таких систем, последствий, которые в любом случае не важны для инструментарного будущего, где на смену демократии и социальному доверию придут машины определенности, их жрецы и их владельцы.

Надзорный капитализм стал доминировать в те годы, когда Пентленд отстаивал свой «Новый курс», и в то же время эта система извлекала выгоду из его теоретических и коммерческих инноваций. В те же самые годы, как мы видели, жертвой надзорной парадигмы пали «аффективные вычисления» Пикард. Тем не менее профессор Пентленд полон оптимизма относительно способности рыночных сил оттеснить в сторону надзорный капитализм, несмотря на накопленную последним концентрацию знания, прав и власти, его односторонний контроль над теневым текстом и его доминирующее положение в разделении общественного знания.

> Для этого, всего-навсего, требуется, чтобы творческие бизнесмены, опираясь на волю потребителей, создали ценное предложение, которое было бы лучше, чем нынешняя парадигма в духе «украдем все ваши данные». Мы просто должны проталкиваться вперед[80].

Власть, политика и право не входят в это уравнение — видимо, потому, что в рамках формирующегося здесь социального видения они уже устарели.

IV. Третий модерн как улей

В том, что капитализм формирует общественные отношения, нет ничего удивительного. Столетие назад именно новые средства массового производства и сформировали массовое общество по своему образу и подобию. Сегодня новую модель нашего будущего предлагает надзорный капитализм — машинный улей, в котором наша свобода утрачена в пользу совершенного знания, применяемого для получения прибыли другими. Это ползучая социальная революция, трудноразличимая в тумане утопической риторики и высокоскоростного прикладного утопизма, вызванных к жизни ведущими надзорными капиталистами и многочисленными сообществами практиков — от разработчиков до специалистов по данным — которые обеспечивают и поддерживают доминирование проекта коммерческого надзора.

Надзорные капиталисты усердно трудятся над тем, чтобы замаскировать свою цель, осваивая способы применения инструментарной власти для формирования нашего поведения, ускользающие от нашего внимания. Поэтому Google и скрывает операции, которые превращают нас в объекты его поиска, а Facebook отвлекает наше внимание от того факта, что так ценимые нами социальные связи необходимы для получения прибыли и власти, вытекающих из повсеместности его сети и тотальности его знания.

Экспериментальная работа и теоретический анализ Пентленда играют важную политическую и социальную роль в преодолении этого тумана. Они намечают тактические и концептуальные ходы инструментарного общества, ставящие средства модификации поведения в осно-

ву этой социальной системы, построенной на научном и техническом контроле над коллективным поведением и управляемой классом специалистов. В Китае государство, похоже, вознамерилось присвоить себе этот комплекс, но на Западе он в значительной степени принадлежит надзорному капиталу и управляется им.

Инструментарное общество несет с собой окончательную институционализацию патологического разделения знания. *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?* Сравнение с Китаем полезно и здесь. Аномальное разделение знания характерно как для Китая, так и для Запада. В Китае государство соперничает за контроль со своими надзорными капиталистами. В США и Европе государство работает с надзорными капиталистами и через них для достижения своих целей. Именно частные компании сумели преодолеть отвесный подъем и получить контроль над высотой. Они расположились на вершине разделения знания, накопив беспрецедентное и исключительное богатство, информацию и опыт, основанные на изъятии нашего поведения. Они готовы осуществить свои мечты. Даже Скиннер не мог и мечтать о таком положении дел.

Социальные принципы инструментаристского третьего модерна представляют собой резкий разрыв с наследием и идеалами либерального порядка. Инструментарное общество — это королевство кривых зеркал, в котором все, что нам дорого, перевернуто с ног на голову и вывернуто наизнанку. Пентленд только удваивает нелиберальность поведенческой экономики. В его руках эта идеология человеческой слабости становится не просто поводом для презрения, но и оправданием смерти индивидуальности. Самоопределение и автономное моральное суждение, обычно рассматриваемые как оплот цивилизации, превращаются в угрозу коллективному благополучию. Социальное давление, хорошо известное психологам как опасный источник послушания и конформизма, превозносится в качестве наивысшего блага и средства для устранения непредсказуемого влияния со стороны автономного мышления и морального суждения.

Эти новые архитектуры пользуются нашим стремлением к общности для эксплуатации и в конечном счете

удушения того субъективного внутреннего мира, который является источником личной автономии и морального суждения, высказывания от первого лица, воли к воле и ощущения неотъемлемого права на жизнь в будущем времени. Наша отзывчивость к другим должна быть чем-то украшающим жизнь, но этот третий модерн усиливает наш взаимный резонанс до такой степени интенсивности, которая становится мучительной. В окружении тотального инструментария мы не столько резонируем в ответ на присутствие друг друга, сколько захлебываемся от его неустранимости.

Инструментаризм переосмысливает общество как улей, который нужно контролировать и подстраивать для достижения гарантированных результатов, но это ничего не говорит нам о живом опыте его членов. Каковы последствия жизни в этом улье, где надзорные капиталисты, конструкторы и настройщики, навязывающие свои инструменты и методы, воспринимают тебя как «другого»? Как и когда каждый из нас становится просто организмом среди организмов, как для себя, так и друг для друга, и с каким результатом? Ответы на эти вопросы — не только догадки. Для начала мы можем спросить об этом у наших детей. Сами того не осознавая, мы отправили наименее сформировавшихся и наиболее уязвимых из нас, чтобы они разведали улей и начали заселять его пустыню. Теперь вести от них начинают просачиваться сквозь границу.

ГЛАВА 16
О жизни в улье

Все так взросло́, что стала жизнь мала,
Зачем все это? Он не помнил боле.
Один, хотя толпа кругом была…

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, VIII*[1]

1. Наши канарейки в угольной шахте

«Мне было так одиноко… я плохо спала, потому что не могла общаться и делиться с другими», — вспоминает китаянка. «Пустота, — жаловался аргентинский мальчик. — От пустоты нет спасения». Подросток из Уганды бормотал: «Мне казалось, что со мной что-то не так», а студент-американец хныкал: «Я впал в состояние полной паники». Это лишь часть жалоб, высказанных тысячей студентов — участников международного исследования использования средств коммуникации, охватившего десять стран и пять континентов. Их попросили воздержаться от всех цифровых средств связи всего лишь на двадцать четыре часа, и это породило такой зубовный скрежет и стон отчаяния по всей планете, что он встревожил даже самих руководителей исследования[2]. Увенчивая коллективный вопль души, студент словацкого университета размышлял: «Может быть, это не здоро́во, что я не могу существовать, не зная, что люди говорят и чувствуют, где они находятся и что происходит».

Впечатления этих студентов — это послание в бутылке для всех нас, повествующее о психологической и эмоциональной обстановке в инструментарном обществе с присущей ему архитектурой поведенческого контроля, социального давления и асимметричной власти. Главное состоит в том, что наши дети первыми ощутили на себе эмоциональное бремя точки зрения Другого, поскольку молодые люди оказались погруженными в жизнь улья, где другой для меня — «оно», и я ощущаю самого себя как то «оно», которое видят другие. Эти послания по-

зволяют заглянуть в инструментарное будущее, подобно картинам, показанным призраком будущих Святок у Диккенса. Скрудж был настолько потрясен видением своей грядущей судьбы, что посвятил остаток жизни изменению ее хода. Что сделаем *мы*?

Этот вопрос будет преследовать нас на всем протяжении этой главы. Пентленд воспевает Facebook как идеальную среду для эффективного социального давления и подстройки поведения. В ближайших параграфах мы рассмотрим механизмы, которыми восхищается Пентленд. Почему молодым людям так трудно отключиться? Каковы последствия этой привязанности для них и для всех нас? Facebook научился глубоко ухватываться за психологические потребности молодых людей, осложняя процессы формирования индивидуальной идентичности и личной автономии. Последствия уже фиксируются в целом ряде исследований, в которых прослеживается эмоциональное воздействие социальных сетей на молодых людей. Как мы увидим, улей и охватывающая его архитектура Большого Другого ввергают нас в невыносимый мир безвыходности.

Международное исследование «отключения» помогает начать разговор, поскольку оно выявило целый спектр эмоциональных отклонений, собранных в шесть категорий: зависимость, неспособность отключиться, скука, растерянность, стресс и изоляция. Внезапное отключение студентов от сети вызвало тоску, депрессию и тревожность, которые характерны для клинически диагностируемых зависимостей. В результате большинство участников в каждой стране признали, что они не способны продержаться день без подключения к сети. Их тревогу усугубляла та же фаустовская сделка, которая нам уже слишком хорошо знакома, так как они обнаружили, что удовлетворение почти всех их повседневных логистических, коммуникационных и информационных нужд зависит от подключенных к сети устройств: «Встретиться с друзьями стало трудно или невозможно, добраться до нужного места без онлайн-карты или доступа к интернету стало сложной задачей, и просто организовать свой вечер у себя дома стало чем-то проблематичным». Что еще хуже, студенты не могли себе представить даже случайного

неформального общения без помощи социальных сетей, особенно Facebook: «Все чаще молодой человек, который хочет быть частью общества, не может позволить себе *не* проявлять активность на сайте, а активная деятельность на сайте означает, что ваша жизнь проходит на сайте».

Аналитики в сфере бизнеса и технологий называют структурным источником доминирования Facebook в социальных сетях «сетевые эффекты», но эти эффекты изначально возникли из особенностей спроса со стороны подростков и молодежи, отражавшего характерную для их возраста и жизненного этапа ориентацию на сверстников. Действительно, раннее преимущество Facebook в этой работе возникло во многом благодаря тому, что его основатели и первые разработчики сами были подростками и молодыми взрослыми. Они создали практики для воображаемой вселенной пользователей-подростков и студентов колледжей, и впоследствии эти практики были институционализированы для всех остальных, сведя социальный мир к подсчету «друзей», которые на деле никакие не друзья, и «лайков», создающих непрерывную «бегущую строку» твоей стоимости на социальном рынке, разжигая подростковые тревоги и предвосхищая гипнотические социальные правила улья[3].

Ученые пришли к выводу, что их глобальное исследование студентов «разорвало завесу» над тем одиночеством и полной дезориентацией, которые охватывают молодых людей, когда они сталкиваются с отключением от социальных сетей. Дело не просто в том, что не знали, чем себя занять, а в том, что «им было трудно выразить то, что они чувствуют или даже кем являются, если нет связи». Студенты чувствовали себя так, как будто «они потеряли часть себя»[4].

Подобные чувства дезориентации и изоляции говорят о психологической зависимости от «других», и дополнительные исследования только углубляют наше понимание того, насколько «поколение Z», демографическая когорта людей, родившихся в 1996 году и после, — первая группа коренных обитателей цифрового мира, не помнящих жизни до появления надзорного капитализма — полагается на психологическую

поддержку со стороны различных социальных сетей, разрываясь более или менее одновременно между четырьмя или пятью платформами. Рассмотрим сначала более старые когорты. Опрос 2012 года показал, что молодые взрослые уделяют социальным сетям больше времени, чем любой другой повседневной деятельности, проводя там в той или иной форме почти по двенадцать часов в день[5]. В 2018 году исследовательский центр Pew Research сообщил, что почти 40% молодых людей в возрасте 18–29 лет говорят, что они находятся в сети «почти постоянно», как и 36% людей в возрасте 30–49 лет. Поколение Z усиливает эту тенденцию: 95% из них пользуются смартфонами, и 45% подростков говорят, что находятся в сети «практически на постоянной основе»[6]. Если это то, как вы проводите свои дни и ночи, то результаты исследования 2016 года вполне логичны, так как 42% респондентов-подростков сказали, что социальные сети влияют на то, как люди их воспринимают. Принятый ими подход к самовыражению исследователи называют «взглядом извне» (outside-looking-in). Их зависимость глубоко задевает их субъективное благополучие, влияя на отношение к себе (42%) и на уровень счастья (37%)[7].

В рамках дальнейшего уточнения психологических последствий самоощущения через «взгляд извне» опрос молодых британок в возрасте 11–21 лет 2017 года показал, что социальные принципы инструментарного общества, с таким энтузиазмом разрабатываемые Пентлендом и подхваченные лидерами надзорного капитализма, похоже, работают эффективно[8]. 35% опрошенных заявили, что в интернете их сильнее всего беспокоит сравнение себя и своей жизни с другими, поскольку они втянуты в «постоянные сравнения с часто идеализированными версиями жизней и тел других»[9].

Директор проекта заметил, что даже самые молодые девушки в этой группе чувствуют давление, чтобы создать «личный бренд», высшую точку самообъективации, поскольку они ищут одобрения «в форме лайков и репостов». Когда газета Guardian попыталась изучить реакцию девушек на результаты этого опроса, ответы красноречиво показали участь «организма среди других организмов». «Да, я постоянно чувствую, что мне нужно быть идеальной и сравнивать себя с другими, — го-

ворит одна из них. «Вы видите жизни других людей и то, что они делают… вы… видите их „идеальные“ жизни, и это заставляет вас думать, что ваша жизнь далека от идеала», — говорит другая[10].

В свете этих находок один британский медик дала такой комментарий о молодых людях, которые к ней обращались:

> Люди вырастают с желанием задавать тон, теперь это почти профессия <…>. Я не уверена, что родители в должной степени осознают то давление, с которым сталкиваются их дети…[11]

Действительно, только 12% респондентов в опросе 2017 года сочли, что их родители понимают это давление. Эти исследования подтверждают, что социальное давление хорошо институционализировано как средство социального влияния онлайн, но, вопреки уверенности Пентленда в том, что «классовые» разногласия исчезнут, жизнь в улье создает новые линии и формы расслоения: не только «настраивай или настроят тебя самого», но и «оказывай давление или окажешься под давлением сам».

Ничто не подытоживает жизнь молодежи в улье лучше, чем находки североамериканского директора по маркетингу самого Facebook, Мишель Кляйн, которая в 2016 году рассказала аудитории, что, если средний взрослый проверяет свой телефон 30 раз в день, то средний миллениал, сообщила она с энтузиазмом, проверяет его больше *157* раз в день. Теперь мы знаем, что поколение Z превзошло этот темп. Кляйн описала инженерное достижение Facebook: «сенсорный опыт коммуникации, который помогает нам быть на связи с другими, *не отрываясь от дел*», с удовлетворением отмечая, что это обстоятельство — находка для маркетологов. Она подчеркнула особенности дизайна, которые производят этот гипнотический эффект: это дизайн нарративный, захватывающий, непосредственный, эспрессивный, иммерсивный, адаптивный и динамичный[12].

Если вам уже перевалило за тридцать, то вы знаете, что Кляйн не описывает ни ваше отрочество, ни молодость ваших родителей, или тем более ваших бабушек и дедушек. Годы отрочества и взросления проходят

в улье впервые — тщательно формируемые наукой поведенческой инженерии; институционализированные в обширных и сложных архитектурах компьютеризированных средств модификации поведения; под присмотром Большого Другого; направляемые к экономии за счет масштаба, охвата и действия при захвате поведенческого излишка; и финансируемые надзорным капиталом, накопленным в результате беспрецедентной концентрации знания и власти. Наши дети пытаются вырасти в улье, который принадлежит и управляется прикладными утопистами надзорного капитализма и постоянно контролируется и формируется растущими силами инструментарной власти. Та ли это жизнь, которую мы хотим для самых открытых, податливых, горячих, вдумчивых и многообещающих членов нашего общества?

11. Рука и перчатка

Магнетическое притяжение, которое социальные сети оказывают на молодых людей, влечет их к более автоматическому и менее добровольному поведению. Для слишком многих это незаметно переходит на территорию по-настоящему навязчивого влечения. Что же так гипнотизирует самых юных из нас, втягивая их в мир социальных сетей, несмотря на стресс и беспокойство, с которыми они там сталкиваются?

Ответ заключается в сочетании науки о поведении с работой лучших дизайнеров и программистов, которые создают продукт, в точности рассчитанный на то, чтобы ухватиться за насущные потребности этого возраста и этого жизненного этапа — как идеально подогнанная к руке перчатка. Социальные сети призваны вовлекать и удерживать людей всех возрастов, но прежде всего они отражают психологическую структуру подросткового возраста и ранней взрослости, когда человек естественно ориентируется на «других», особенно на радости группового признания, принятия, принадлежности и участия. Для многих эта точная подгонка в сочетании с практической необходимостью участия в жизни группы превращает социальные сети в токсичную среду. Эта среда не только ложится тяжким бременем на пси-

хику, но и угрожает подорвать процессы психологического развития сегодняшней молодежи и людей следующих поколений, которые играют для нас роль духов будущих Святок.

Технологическая зависимость, устроенная по принципу «руки и перчатки», не была изобретена в Facebook; ее придумали, испытали и довели до совершенства, с выдающимися результатами, в игровой индустрии — еще одной среде, в которой зависимость официально признана безграничным источником прибыли. Скиннер предвидел актуальность своих методов для казино, которые усилиями их руководителей и инженеров превратились в максимально наглядную иллюстрацию потрясающей власти поведенческой инженерии и ее способности эксплуатировать индивидуальные наклонности и превращать их в замкнутые циклы одержимости и навязчивости.

Никто не раскрыл принципы работы казино более проницательно, чем социальный антрополог из MIT Наташа Доу Шулл в захватывающем исследовании игры на игральных автоматах в Лас-Вегасе «Зависимость по расчету». Для нас интереснее всего то, как она описывает симбиотические принципы работы игровых автоматов нового поколения, рассчитанных на манипулирование психологической ориентацией игроков, так что в начале у них нет необходимости ни на что отвлекаться, а в конце они утрачивают способность это делать. Шюлл выяснила, что игроки, подсевшие на игру, не ищут развлечения и не рассчитывают на мифический джекпот. Вместо этого они преследуют то, что специалист по зависимостям из Гарвардской медицинской школы Говард Шаффер называет «способностью наркотика или азартной игры сдвигать субъективный опыт» в поисках состояния, которое Шюлл называет «машинной зоной», состояния самозабвения, в котором человека ведет за собой непреодолимый импульс, дающий ощущение, что это «машина играет тобой»[13]. Машинная зона дает чувство полного погружения, что напоминает перечисленные Кляйн принципы разработки Facebook — захват, погружение, непосредственность — и сопровождается утратой самосознания, автоматическим поведением и полным поглощением человека ритмом,

уносящим его на волне навязчивого влечения. В конечном счете все аспекты устройства игрового автомата призваны отзываться на жажду этого субъективного сдвига и усиливать ее, но всегда таким образом, чтобы это ускользало от сознания игрока.

Шюлл описывает занявший многие десятилетия процесс обучения, когда руководители игорного бизнеса постепенно поняли, что компьютерные игровые автоматы нового поколения способны вызывать и усиливать навязчивое желание попасть «в машинную зону», а также продлевать время, которое каждый игрок проводит в этой зоне. Эти инновации увеличивают доходы благодаря одному лишь дополнительному времени игры, когда каждая машина превращается в «персонализированное устройство вознаграждения»[14]. В понимании казино идея заключается в том, чтобы исключить все, что может отвлечь или прервать слияние игрока с машиной; консоли «подстраиваются под естественную для игрока позу», устраняя расстояние между телом игрока и мгновенно действующими сенсорными экранами: «*Все стороны игрового автомата — его математическая структура, визуальная графика, динамика звука, сидение и эргономика экрана — откалиброваны для увеличения „времени за устройством“ и поощрения „игры до последнего“*»[15]. Цель — нечто вроде безумного машинного секса, интимная, тесно замкнутая архитектура одержимости, потери себя и самоудовлетворения. Ключ, говорит один из руководителей казино слишком знакомые слова, «вычислить, как использовать технологию, чтобы воздействовать на предпочтения клиентов, [при этом] сделав ее настолько невидимой — или, как я говорю, автомагической, насколько это возможно»[16].

Психологические последствия, связанные с точной подгонкой по принципу руки и перчатки, идут далеко за пределы залов казино, где игроки стремятся попасть в машинную зону — они определяют исходную суть успеха Facebook. Корпорация приносит в этот паразитический симбиоз больше капитала, информации и науки, чем это когда-либо смогла бы игровая индустрия. Ее достижения, сделанные во имя надзорных доходов, создали прообраз инструментарного общества и его социальных принципов, особенно для самых юных из нас.

Мы можем во многом понять непосредственный опыт жизни в улье, рассматривая проблемы молодых людей, которым было суждено обрести зрелость в этой новой социальной среде, где силы капитала брошены на производство навязчивого влечения. Директор Facebook по маркетингу открыто хвастается, что точные инструменты корпорации создают среду, в которой пользователям «никогда не придется отвлекаться», но корпорация намного более осмотрительна в отношении конкретных методов, которые в конечном итоге делают пользователей, особенно молодых, *не способными* отвлечься.

Но в этой броне есть свои щели. Так, в 2017 году соучредитель Napster и бывший президент Facebook Шон Паркер откровенно признал, что Facebook разрабатывался так, чтобы поглощать максимально возможное количество времени и внимания пользователей. Идея состояла в том, чтобы «время от времени» посылать вам «небольшую дозу дофамина» — «переменное подкрепление — в форме лайков и комментариев. Цель была в том, чтобы держать пользователей приклеенными к улью, в стремлении получить следующую дозу, и собирать потоки сырья, оставляемые ими по дороге»[17].

Шаффер, специалист по зависимостям, выделил пять элементов, которые характеризуют это навязчивое состояние: частота использования, продолжительность действия, сила воздействия, способ применения, свойства самого игрока. Мы знаем уже немало о высокой частоте обращения и продолжительности нахождения молодежи в социальных сетях. В чем нам еще нужно разобраться, так это в (1) психологических качествах, которые в первую очередь влекут их к социальным сетям (рука), (2) методах проектирования, которые повышают силу воздействия, чтобы превратить склонности в неутолимые потребности (перчатка) и (3) психологические и эмоциональные последствия все более изощренной способности Facebook вовлекать молодых людей в погоню за их собственной разновидностью «машинной зоны».

Возьмем заключительные черты портрета тринадцатилетней девочки, входящего в серию материалов, опубликованных в газете Washington Post в 2017 году и повествующих о том, «каково расти в эпоху лайков,

троллей и неодолимых желаний». Это ее день рождения, и ее счастье зависит только от одного: достаточно ли она нравится своим друзьям, чтобы по этому случаю они выложили фотографии с ней на своих страницах? «Она прокручивает, она ждет. Когда появится это окошко с уведомлением»[18]. Независимо от вашего возраста, кто из нас может похвастать, что ему не знакомо это чувство? Подростковый возраст всегда был временем, когда принятие, включение в группу и признание со стороны «других» казались вопросами жизни и смерти, и для этого не требовались социальные сети. Так ли уж отличаются сегодняшние подростки от подростков всех других эпох? Ответ — «да»... и «нет».

Отрочество как жизненный этап было официально «открыто» в Соединенных Штатах в 1904 году Дж. Стэнли Холлом, и уже тогда Холл, первый доктор психологии в стране, связал проблемы молодежи с быстро меняющимся контекстом «нашей урбанизированной тепличной жизни, которая заставляет все созревать раньше срока»[19]. На дворе стоял 1904 год, но, по его наблюдениям, отрочество — это период сильнейшей ориентации на сверстников: «Некоторые, какое-то время, словно бы не имеют внутренних ресурсов, и унизительно зависят в своем счастье от своих друзей»[20]. Он также указал на потенциальную возможность проявлений жестокости в группе сверстников, явление, которое современные психологи называют «абьюзивными отношениями». Десятилетия спустя психолог Эрик Эриксон, многое сделавший для объяснения подростков XX века, как известно, охарактеризовал центральную проблему подросткового возраста как «формирование идентичности». Эриксон подчеркивал трудный путь подростков по конструированию связной идентичности из взаимного «единства» подростковой клики. Он описал «нормативный кризис», когда фундаментальные вопросы «добра» и «зла» требуют привлечения внутренних ресурсов, связанных с «самоанализом» и «личным экспериментом». Здоровое разрешение этого конфликта между своим «я» и другими людьми приводит к формированию прочного чувства идентичности[21].

Сегодня большинство психологов сходятся во мнении, что выросшая продолжительность жизни в сочетании с проблемами информационного общества еще

больше удлинили промежуток времени между детством и взрослостью. Многие, чтобы обозначить годы между восемнадцатью и ближе к тридцати как новую жизненную стадию, остановились на понятии «формирующейся взрослости» (emerging adulthood) — для XXI века это то же самое, чем был подростковый возраст для XX века[22]. И хотя современные исследователи используют разнообразные методы и парадигмы, большинство из них согласны с тем, что основной проблемой формирующейся взрослости остается дифференциация «я» от «других»[23].

Существует широкий консенсус в отношении того, что наши более продолжительные жизни часто требуют от нас снова и снова возвращаться к ключевым вопросам идентичности, но исследователи согласны с тем, что психологический успех в период формирующейся взрослости зависит от хотя бы частичного разрешения проблем идентичности в качестве основы для перехода к полной зрелости. Как пишет один из исследователей: «Главная задача формирующейся взрослости — стать автором своей собственной жизни»[24]. Кому из нас не знаком этот вызов? Экзистенциальная проблема одна и та же, это источник преемственности, связывающей поколения. Что *изменилось*, так это обстоятельства, в которых молодым людям сегодня приходится решать эту проблему.

III. Доказательства существования

Ранняя взрослость — это «эпицентр» борьбы за «автономию в отношениях», которая готовит молодых людей к переходу во взрослую жизнь, как ее характеризуют психологи из Университета Нотр-Дам Дэниел Лэпсли и Райан Вудбери[25]. Говоря об «автономии в отношениях», они хотят подчеркнуть ту мысль, что автономия не равна упрощенному клише «индивидуализма», не обремененного привязанностью или эмпатией, но вместо этого она устанавливает жизненно важный баланс между культивированием внутренних ресурсов и способностью к близости и человеческим отношениям. Формирующаяся взрослость требует «нелегкого компромисса» для формирования личности, которая отдельна от других, но в то же время связана с ними, и качество

этого внутреннего компромисса «дает формирующейся взрослости чувство предвкушения и настоятельности», способствуя успешному переходу во взрослую жизнь[26].

Даже с учетом этих достижений очень непросто до конца понять ощущения молодых людей, которые, как метко выразился Холл более века назад, «словно бы не имеют внутренних ресурсов». Пожалуй, труднее всего ухватить то, что в этот период, предшествующий нелегким компромиссам, «внутреннего» чувства «я» еще просто не существует. Это время, когда «я» — *действительно* то, чем меня считают другие, и то, что «я» *чувствую*, зависит лишь от того, как относятся ко мне «другие». Вместо стабильного чувства идентичности существует только хамелеон, который заново изобретает себя в зависимости от того социального зеркала, в которое он вовлечен. В этом состоянии «другие» — это не отдельные люди, а аудитория, перед которой я выступаю. Кто «я» такой, зависит от аудитории. Это состояние существования в зеркале — «слияние» в чистом виде, и оно отражает состояние тринадцатилетней девочки, с нетерпением ожидающей появления окошка уведомлений как признака ее существования и ее ценности. Молодой человек, который еще не отгородил себе внутреннее пространство, существует для себя глазами Другого. Без «других» свет гаснет. О том, чтобы сердиться, не может быть и речи: ты не осмеливаешься оттолкнуть других, потому что они — твое зеркало и тем самым доказательство твоего существования.

В этом самом базовом смысле будет вполне уместным и точным сказать, что молодой человек, который чувствует себя вынужденным пользоваться социальными сетями, действительно «цепляется за жизнь», жизнь в глазах других, потому что это единственная жизнь, которая у него есть, даже когда она полна боли. Как описывал подростковый опыт психолог развития задолго до появления Facebook Роберт Киган, в подростковом возрасте «на самом деле нет никакого „я“, независимого от контекста „симпатии со стороны других“»[27]. Это не признак моральной или эмоциональной ущербности, это особенность этой стадии развития, и она влечет за собой определенные предсказуемые последствия. Например, человек обычно действует через социальное

сравнение. Не имея защиты от социального давления и других форм социального влияния, легко стать жертвой манипуляций. Внутреннюю пустоту слишком легко может заполнить фиксированная система убеждений устоявшейся группы, подменяя работу самосозидания на идентичность внешнего происхождения[28].

Преодоление «слияния» означает превращение из человека, который *является* своими отношениями, в человека, который *поддерживает* свои отношения. Это влечет за собой глубокую перестройку того, как мы осмысливаем наш опыт. На языке Кигана это означает переход от «культуры взаимности» к более сложной «культуре идентичности, самоизобретения и личной автономии». Этот сдвиг зависит от встречи с людьми и жизненным опытом, которые требуют чего-то большего, чем зеркальные отражения. Он требует людей и ситуаций, которые настаивают на нашем голосе от первого лица, провоцируя нас на то, чтобы выработать свой собственный уникальный ответ миру.

Это внутренний акт, который ускользает от оцифровки или датафикации, по мере того как мы начинаем формировать внутреннее чувство обоснованной правоты и моральной независимости. Это та точка отсчета, после которой мы можем сказать: «я думаю», «я чувствую», «я верю». Постепенно это «я» учится осознавать себя автором и обладателем этих ощущений. Оно может размышлять о себе, познавать себя и регулировать себя с помощью преднамеренного выбора и целенаправленных действий. Исследования показывают, что эти важные шаги на пути становления личности стимулируются такими переживаниями, как структурированное размышление, конфликт, диссонанс, кризис и неудача. Люди, которые помогают вызвать этот новый взгляд внутрь, отказываются действовать как наши зеркала. Они отвергают слияние в пользу подлинной взаимности. «То, с кем сводит человека судьба, — замечает Киган, — это, возможно, важнейший отдельно взятый фактор, влияющий на то, в кого превратится этот человек»[29].

К чему приводит неспособность достичь здорового баланса между внутренним и внешним, между собой и своими отношениями? Клинические исследования выявляют конкретные закономерности, связанные с этой

остановкой в развитии. Предсказуемо, среди них — неспособность переносить одиночество, чувство слияния с другими, нестабильное чувство своего «я» и даже чрезмерная потребность контролировать других как способ держать зеркало поближе. Утрата зеркала ощущается как утрата самого себя[30].

Таким образом, культивирование внутренних ресурсов имеет решающее значение для способности к близости и взаимоотношениям, задачам, которые на каждом новом этапе модерна поглощают все больше времени. И хотя непреходящая экзистенциальная задача самоизобретения стоит перед молодыми людьми как никогда остро, наше повествование подсказывает три важнейших пути, какими эта задача пересекается с текущим историческим моментом и уникальными условиями существования в наше время.

Во-первых, постепенный уход от традиционного общества и усложнение социальной структуры ускорили процессы индивидуализации. Больше, чем когда-либо в истории человечества, мы должны полагаться на самоизобретение и внутренние ресурсы, и когда терпим в этом неудачу, то испытываем горькое чувство неприкаянности и изоляции.

Во-вторых, цифровая связь стала необходимым средством социального участия, отчасти из-за повсеместной неспособности различных социальных институтов адаптироваться к потребностям нового общества индивидов. В то же время компьютеризация социальной инфраструктуры меняет человеческое общение, делая более видимым индивидуальное и коллективное поведение, как оно отражается в постоянном потоке твитов, лайков, кликов, моделей мобильности, поисковых запросов, сообщений и тысяч других ежедневных действий.

В-третьих, в цифровых коммуникациях доминирует надзорный капитализм, приспосабливающий их для своих целей. Как пишет в своей работе, посвященной социальной жизни сетевых подростков, дэна бойд:

> Появление и развитие социальных медиа привело к тому, что в наши дни стремление молодежи устанавливать социальные связи и добиваться самостоятельности выражается в *сетевых публичных кругах общения, сетевых пабликах*[31].

Это правда, что в процессе установления социальных связей муки формирования идентичности становятся видны более широкой группе. Но само понятие «сетевых публичных кругов общения» парадоксально. На самом деле наша видимость усиливается и обусловливается не только публичностью сетевых пространств, но и тем фактом, что они приватизированы. Молодость сегодня протекает в пространствах частного капитала, которыми владеют и управляют надзорные капиталисты, опосредуется их «экономической ориентацией» и реализуется в практиках, призванных максимизировать надзорные доходы. Эти частные пространства — та среда, в рамках которой все виды социального влияния — социальное давление, социальное сравнение, моделирование, подсознательное внушение — призываются для того, чтобы подстраивать, понуждать и манипулировать поведением во имя надзорных доходов. Именно здесь сегодня и формируется взрослость.

В то время как руководители казино и разработчики игровых автоматов могут болтать и хвастать, с готовностью делясь своими достижениями в области «фабрикации зависимости», проект надзорного капитализма полагается на секретность. В результате родился целый дискурс, посвященный расшифровке скрытого дизайна, который сначала не позволяет пользователю отвлекаться, а затем делает его не способным к этому. Существуют чаты и бесконечные цепочки обсуждений, где люди гадают, что на самом деле делает Facebook. Соответствующие методы обсуждаются в журналистских работах, а также в книгах с такими названиями, как «Зло по расчету» (Evil by Design), «Подсаженные» (Hooked) и «Устоять невозможно» (Irresistible), каждая из которых помогает нормализовать те самые методы, которые в них обсуждаются. Например, автор книги «Зло по расчету» Крис Ноддер, консультант по вопросам взаимодействия с пользователями, объясняет, что разработчики, пользуясь человеческими слабостями, стремятся создавать интерфейсы, которые «эмоционально вовлекают пользователей в действия, приносящие больше пользы разработчику, чем им самим». Он тренирует у своих читателей психическое онемение, убеждая их принять тот факт, что такие практики стали стандар-

том, предлагая потребителям и дизайнерам найти способы «обернуть их себе на пользу»[32].

Если мы хотим судить о взрослении в наше время, то мы должны разобраться в конкретных практиках, превращающих социальное участие в перчатку, которая не просто обволакивает руку, а намагничивает и парализует ее ради экономических императивов. Facebook опирается на конкретные практики, которые подпитывают склонность людей, особенно молодых, узнавать себя «взглядом снаружи». Самое важное, что чем больше удовлетворяется потребность в «других», тем менее способным оказывается человек к самоизобретению. Неспособность достичь того положительного равновесия между внутренней и внешней жизнью столь разрушительна, что, по словам Лэпсли и Вудбери, она лежит «в основе» большинства расстройств личности у взрослых[33].

Например, Ноддер подчеркивает редкостное мастерство Facebook в «социальном доказательстве»:

> Многое в нашем поведении определяется нашими впечатлениями о том, как было бы правильно поступить <…> основанными на наших наблюдениях за действиями других <…> Это влияние известно как *социальное доказательство*[34].

Компания эксплуатирует эту сторону личности подростков, используя сообщения от «друзей», чтобы сделать продукт, услугу или деятельность по виду более «личными и эмоциональными». Эта вездесущая тактика, которой восхищался Пентленд, использовалась в эксперименте Facebook по голосованию. Она подпитывает потребность молодых людей получать одобрение и избегать неодобрения, делая то, что делают другие.

Самым значительным отдельным нововведением Facebook в поведенческой инженерии является сегодня уже не менее вездесущая кнопка «Нравится», введенная в 2009 году. Согласно тогдашним постам в блоге одного из давних руководителей Facebook Эндрю Босуорта, кнопка «Нравится» обсуждалась внутри компании более полутора лет, прежде чем Цукерберг принял окончательное решение запустить ее. Несколько раз он отвергал эту идею, опасаясь, что она будет отвлекать от других функций, призванных повышать монетизацию, таких как спорная программа Beacon. Примечательно, что ос-

нователь компании принял кнопку только тогда, когда новые данные показали, что она является мощным источником поведенческого излишка, который усиливает притягательность новостной ленты Facebook, измеряемую количеством комментариев[35].

Похоже, что руководство Facebook лишь постепенно осознало, что кнопка может превратить платформу из книги в зеркальный лабиринт, из пассивного чтения в активное море взаимных отражений, которое приклеит пользователей к их новостным лентам. Со стороны предложения кнопка «Нравится» оказалась односторонним зеркалом планетарного масштаба, способным экспоненциально увеличивать поставки сырья. Чем больше лайков ставит пользователь, тем больше он информирует Facebook о точной форме и составе своей «руки», что позволяет компании все плотнее подгонять «перчатки» и повышать прогнозную ценность исходящих от пользователя сигналов.

Протоколы Instagram, принадлежащего Facebook, служат еще одним хорошим примером этих процессов. Здесь можно наблюдать тесные взаимосвязи, когда принуждение привлекает больше излишков, которые питают дальнейшее принуждение. Instagram приковывает своих пользователей фотографиями, которые соответствуют их интересам. Как же он выбирает эти фотографии из миллионов доступных? Очевидным, но неправильным ответом будет то, что он анализирует содержание фотографий, которые вам нравятся, и показывает вам подобные. В действительности аналитика Instagram основана на поведенческом излишке — на теневом тексте. Как описывает это один менеджер: «Вы строите прогнозы на каком-то действии, а затем выстраиваете свои действия вокруг этого действия». Действия — это сигналы, такие как подписки, лайки и перепосты, сейчас и в прошлом. Затем круг расширяется. С кем ты поделился? На кого он подписан, кого лайкает и с кем делится? «Instagram глубоко анализирует многослойную социальную сеть, соединяющую пользователей», но этот анализ основан на наблюдаемом, измеримом поведении, изменяющемся во времени, — на динамическом излишке теневого текста, извлекаемом из его собственных кэшей, а также из кэшей Facebook, а не на контенте, фигурирую-

щем в публичном тексте[36]. В итоге фотографии, которые вы видите, странным образом резонируют с вашей собственной жизнью. Дальше — больше.

Со стороны спроса, «лайки» Facebook быстро стали желанными и завидными, превращаясь в универсальную систему вознаграждения, которую один молодой разработчик приложений назвал «крэк-кокаином нашего поколения». «Лайки» стали теми точно приуроченными по времени дозами дофамина, которые заставляют пользователей повышать ставки «каждый раз, когда они делятся фотографией, веб-ссылкой или обновляют статус. Пост с нулевым количеством лайков — не только личная боль, но и своего рода публичное осуждение»[37]. На деле большинство пользователей жаждут вознаграждения больше, чем боятся унижения, и кнопка «Нравится» стала фирменной фишкой Facebook, распространяясь по цифровой вселенной и активно объединяя пользователей в новом типе взаимозависимости, выражающемся в оргии дарения и получения психологических подкреплений, расцвеченной в цвета Facebook.

Кнопка «Нравится» оказалась только началом того, чему суждено было стать исторической стройкой нового социального мира, который для многих пользователей, особенно среди молодежи, определяется слиянием с социальным зеркалом. Подобно тому как игроки казино стремятся к зоне слияния с машиной, молодой человек, погруженный в культуру взаимности, преследует зону слияния с социальным зеркалом. Для каждого, кто уже пытается решить проблему должного баланса между собой и другими, кнопка «Нравится» и ее собратья постоянно склоняют чашу весов на вчерашние позиции.

Короткая история новостной ленты Facebook — еще одно доказательство эффективности все более и более тесных петель обратной связи, призванных формировать и поддерживать это слияние. Когда новостная лента была впервые запущена в 2006 году, она превратила Facebook из сайта, на котором пользователям приходилось посещать страницы друзей, чтобы увидеть, что у них нового, в место, где эти обновления автоматически публикуются в потоке новостей на домашней странице каждого пользователя. Сотни тысяч пользователей объединились в группы протеста, не желая при-

нимать одностороннее вторжение компании в частную жизнь. «Никто не был готов к тому, что их онлайн-активность внезапно станет материалом для массового потребления», — вспоминал TechCrunch в десятую годовщину запуска новостной ленты в 2016 году, предлагая читателям «Исчерпывающее руководство по новостной ленте» с инструкциями о том, «как сделать так, чтобы ваш контент был виден большему количеству людей», как выглядеть «заметно» и как найти отклик у вашей «аудитории»[38]. За десять лет до этого репортер TechCrunch дальновидно заметил: «Пользователи, которые откажутся принимать в этом участие, быстро обнаружат, что выпадают из потока внимания, и, как я подозреваю, быстро вернутся»[39].

Тогда, в 2006 году, когда у Facebook было всего 9,5 миллиона пользователей (и для регистрации требовался вузовский адрес электронной почты), игра на страхе невидимости и изоляции сработала и способствовала принятию каждого последующего изменения в новостной ленте, пока Facebook не накопил более 2 миллиардов пользователей. Новостная лента стала «эпицентром» финансового успеха корпорации и «самым ценным рекламным щитом на Земле», как заявил журнал Time в 2015 году, всего через три года после первичного публичного размещения акций Facebook[40].

И именно лента новостей поддерживает социальное зеркало. В годы, прошедшие между отвращением и благоговением, новостная лента стала наиболее пристально изучаемым специалистами по данным объектом в Facebook и предметом обширных организационных инноваций, причем все это предпринималось на таком уровне сложности и капиталоемкости, который гораздо более естественно смотрелся бы, если бы речь шла об усилиях по искоренению в мире голода, излечению рака или предотвращению изменения климата.

В дополнение к и без того сложному вычислительному механизму Facebook для таргетинга рекламы к 2016 году функционирование ленты новостей зависело от одного из самых скрытных алгоритмов прогнозирования в мире, построенного на основе взгляда с высоты Бога на более чем 100 000 элементов поведенческого излишка, которые постоянно подсчитываются для опре-

деления рейтинга «личной релевантности» тысяч возможных постов. Алгоритм «сканирует и собирает все, что было опубликовано в течение последней недели каждым из ваших друзей, всеми, на кого вы подписаны, каждой группой, в которой вы состоите, и на каждой странице Facebook, которой вы поставили лайк, — пишет Уилл Оремус в журнале Slate. — Так что тот пост, который вы видите в верхней части своей ленты, был выбран из тысяч других, поскольку именно он, вероятнее всего, заставит вас засмеяться, заплакать, улыбнуться, кликнуть, лайкнуть, поделиться или прокомментировать»[41]. Перчатка сжимается вокруг руки все более плотными петлями обратной связи, ставших возможными благодаря взгляду с высоты Бога, который выделяет посты людей, с которыми вы уже взаимодействовали, посты, на которые активно реагировали другие, и посты, похожие на те, на которые уже отреагировали вы сами[42].

В 2015 году был запущен «инструмент отбора» «Приоритет в показе» («Показывать в первую очередь») чтобы получать данные о форме социального зеркала пользователя напрямую, запрашивая его или ее личные приоритеты для новостной ленты. Директор по продукту Facebook рассказывает о заинтересованности корпорации в получении информации о том, что «наиболее значимо» для вас узнать сегодня из «всего, что произошло на Земле <...> опубликованное где бы то ни было любым из ваших друзей, из членов вашей семьи, любым новостным источником»[43]. Каждый пост, включенный в новостную ленту, теперь также имеет ряд явных опций обратной связи: «Хочу видеть больше таких публикаций. Показывать меньше таких публикаций». Эти прямые линии поставок излишка являются важными источниками инноваций, нацеленных на расширение целевой аудитории зоны слияния и увеличение плотности прилегания постоянно затягивающейся перчатки. В 2016 году директор по продукту Facebook подтвердил, что этот прямой источник излишка «привел к общему росту вовлеченности и времени, проведенного на сайте»[44].

Научная и техническая экспертиза Facebook направлена на создание замкнутого цикла, который подпитывает, укрепляет и усиливает склонность отдельного пользователя к слиянию с группой и тенденцию чрез-

мерно делиться личной информацией. Хотя наиболее уязвима к этому молодежь, тенденция к тому, чтобы чрезмерно делиться информацией, не ограничивается ею. Трудности, связанные с добровольным подчинением себя дисциплине в части обмена личными мыслями, чувствами и другой личной информацией, были неоднократно продемонстрированы в социальных исследованиях и обобщены в важной обзорной работе 2015 года профессорами Университета Карнеги—Меллона Алессандро Акквисти, Лаурой Брандимарте и Джорджем Левенстайном. Они пришли к выводу, что в силу ряда психологических и контекстуальных факторов «люди часто не знают, что делятся информацией, не знают, как ее могут использовать, и даже в тех редких случаях, когда они полностью осведомлены о последствиях, они не уверены в своих предпочтениях...» Исследователи предупредили, что на людей «легко повлиять в отношении того, что именно и в каком объеме они раскрывают. Более того, то, чем они делятся, может быть использовано для воздействия на их эмоции, мысли и поведение...». В результате происходит изменение «баланса сил между теми, кто хранит данные, и теми, кто является предметом этих данных»[45].

Facebook имеет на своей стороне так ценимый Пентлендом взгляд с высоты Бога, непревзойденный ресурс, который используется для преобразования этого естественно желанного слияния в пространство, из которого нет выхода. К этому рассчитанному на долгосрочную перспективу проекту привлечены и наука, и капитал. Вчера это была кнопка «Нравится», сегодня это дополненная реальность, а завтра в этот репертуар добавятся новые изобретения. Рост компании в терминах вовлечения пользователей, захвата излишков и увеличения доходов свидетельствуют о том, что инновации достигли своих целей.

Молодые люди стремятся в улей, и Facebook предоставляет им эту возможность, но на сей раз улей принадлежит и управляется надзорным капиталом и, оборудованный по последнему слову науки, создает непрерывную спираль растущего слияния, сполна удовлетворяя пяти критериям Шаффера, характеризующим состояние непреодолимого влечения. Воздействие создается в со-

ответствии с рецептом, продиктованным скрытыми качествами тех, кто жаждет подтверждения своей ценности от группы, чтобы заполнить пустоту, в которой в конечном итоге должно появиться собственное «я».

Эти устремления, возможно, и не являются единственной мотивацией всех двух миллиардов нынешних пользователей Facebook, но они точно характеризуют те качества, на которых прежде всего рассчитывает сыграть Facebook. Восхождение на вершину баланса между собой и другими — это путь, который должен пройти каждый, и он полон риска, конфликтов, неопределенности и волнующих открытий. Но что произойдет, когда силы надзорного капитала превратят гору в целый горный хребет? *Посмотри на нас! Да, ты жив! Не отвлекайся! Зачем тебе это? Сможешь ли ты? Вдруг сегодня мы поставим тебе «лайк»!*

IV. Грядущая человеческая природа

Накапливается все больше свидетельств того, какую психологическую нагрузку создает жизнь в улье, где опыт поведенческой инженерии надзорного капитала приходит в столкновение с вызревавшим столетия человеческим импульсом к самоизобретению. Исследователи уже дают ответы на два ключевых вопроса: Какие психологические процессы доминируют в улье? Каковы индивидуальные и социальные последствия этих процессов? Согласно 302 наиболее значимым научным количественным исследованиям, посвященным взаимосвязи между использованием социальных сетей и психическим здоровьем (большинство из них было проведено после 2013 года), психологический процесс, который сильнее всего характеризует опыт пользования Facebook, — это то, что психологи называют «социальным сравнением»[46]. Обычно оно считается естественным и практически автоматическим процессом, действующим за пределами осознания, «по сути навязанным человеку его социальным окружением»: мы применяем оценочные критерии, молчаливо усвоенные из нашего общества, общины, группы, семьи и друзей[47]. Как отмечается в одном обзоре исследований, «первоначальная всеобъемлющая оценка сходств между другими и самим собой делается

почти мгновенно в первый же момент встречи с ними»[48]. По мере того как мы в нашей жизни сталкиваемся с другими людьми, мы естественным образом сравниваем себя с ними на предмет сходств и различий — *Я такой же, как ты. Я не похож на тебя* — подсознательные восприятия, которые переходят в суждения — *Я лучше тебя. Ты лучше меня.*

Исследователи начинают понимать, как именно эти автоматические человеческие процессы взаимодействуют с меняющимися условиями каждой исторической эпохи. На протяжении большей части человеческой истории люди жили в небольших общинах и, как правило, были окружены другими людьми, очень похожими на них самих. Социальные сравнения в рамках таких однородных сообществ вряд ли влекли за собой серьезный психологический риск. Исследования показывают, что распространение телевидения во второй половине XX века радикально увеличило интенсивность и негативные аспекты социального сравнения, ярко показав существование другой и более обеспеченной жизни, резко отличающейся от твоей. Одно исследование показало рост количества краж по мере распространения во всех слоях общества телевидения, которое знакомило людей с потребительскими благами и пробуждало стремление к ним. Родственная проблема заключалась в том, что повышение доступности телевизионных передач, изображающих изобилие, привело к «переоценке богатства других людей и росту неудовлетворенности собственной жизнью»[49].

Социальные сети знаменуют собой новую эру в том, что касается интенсивности, плотности и повсеместности процессов социального сравнения, особенно для самых юных из нас, которые «почти постоянно в сети» в тот период жизни, когда идентичность, личность и моральные установки находятся еще в процессе становления. Психологическое цунами социального сравнения, вызванное распространением социальных сетей, беспрецедентно. Если телевидение усилило неудовлетворенность жизнью, то что произойдет в бесконечных пространствах социальных сетей?

И телевидение, и социальные сети лишают нас реальных встреч, в ходе которых мы можем прикоснуться

к внутреннему миру другого и поделиться чем-то из своего, создавая тем самым определенные нити общности. Однако в отличие от телевидения социальные сети подразумевают активную самопрезентацию, для которой характерна «инфляция профиля», когда биографические данные, фотографии и обновления выстраиваются так, чтобы подавать себя все более изумительным, в ожидании роста популярности, самооценки и счастья[50]. Инфляция профиля понижает самооценку человека, когда он сравнивает себя с другими, что затем приводит к дальнейшей инфляции профиля, особенно в рамках более крупных сетей, включающих больше «далеких друзей». Как показало одно исследование, «расширение своей социальной сети путем добавления ряда далеких друзей в Facebook может иметь пагубный эффект, вызывая у пользователей отрицательные эмоции»[51].

Одним из последствий новой плотности триггеров социального сравнения и соответствующих петель отрицательной обратной связи является психологическое состояние, известное как FOMO (fear of missing out, страх упустить что-то важное). Это форма социальной тревоги, определяемая как «неприятное и порой всепоглощающее ощущение, что <…> другие делают, знают или обладают чем-то большим или лучшим по сравнению с вами»[52]. Она характерна для молодых людей и ведет к плохому настроению и низкому уровню удовлетворенности жизнью. Исследования связали FOMO с навязчивым использованием Facebook: люди, подверженные FOMO, непрестанно проверяли свою ленту Facebook — во время еды, за рулем, только что проснувшись или перед самым сном и так далее. Это навязчивое поведение призвано принести облегчение в виде социального одобрения, но, как и следовало ожидать, порождает лишь больше беспокойства и новые усилия[53].

Социальное сравнение может заставить людей делать то, что они иначе бы не сделали. И эксперименты Facebook, и дополненная реальность Pokémon Go используют взаимную видимость и неизбежно связанный с ней запуск процессов социального сравнения для успешной подстройки и понуждения. Оба проекта иллюстрируют то, как некогда естественные психологические процессы перенаправляются на повышение эффективности

«социального давления», которым восторгался Пентленд, что позволяет массово модифицировать поведение. «Хочу быть как ты» активирует социальное давление, поскольку риск различия и отчуждения угрожает негативным социальным сравнением.

Что мы знаем о том, какие последствиях для психического здоровья имеет социальное сравнение, так притягательное для пользователей Facebook, особенно молодых? Большая часть исследований, направленных на понимание причинно-следственных связей в пользовательском опыте, проводилась с участниками студенческого возраста, и даже краткий обзор нескольких ключевых исследований рисует мрачную картину того, как подростки и молодые взрослые мечутся по этим оцифрованным социальным территориям в поисках доказательств своего существования. Исследование, проведенное в 2011 году, показало, что самооценка пользователей социальных сетей, которым показывали изображения «красивых пользователей», понижалась в сравнении с теми, кому показывали менее привлекательные изображения профиля. Мужчины, которым показывали профили других мужчин с высоким карьерным статусом, чаще оценивали свои собственные занятия как неадекватные, по сравнению с теми, которые видели профили менее успешных мужчин[54]. К 2013 году исследователи обнаружили, что использование Facebook может предсказать отрицательные сдвиги как в текущем сиюминутном самоощущении молодых людей, так и их удовлетворенности жизнью в целом[55]. В том же году немецкие исследователи обнаружили, что «поразительное <…> богатство социальной информации», представленное в Facebook, создает «основу для социального сравнения и зависти в беспрецедентных масштабах». Их работа показала, что «подписка» в Facebook усугубляет чувство зависти и снижает удовлетворенность жизнью. Более 20% всех недавних эпизодов зависти, о которых вспомнили студенты в этом исследовании, были вызваны воздействием Facebook[56].

Трехэтапное расследование 2014 года показало, что просмотр профилей в Facebook в течение продолжительного времени приводит к ухудшению настроения сразу после этого. Затем, поразмыслив, эти пользовате-

ли чувствовали себя еще хуже, поняв, что впустую потратили свое время. Вместо того чтобы выйти, они обычно снова принимались за просмотр в надежде почувствовать себя лучше, рассчитывая на внезапный и чудесный поворот судьбы, который оправдал бы прошлые страдания. Этот цикл не только приводит к нарастанию социального сравнения и зависти, но также связан с симптомами депрессии[57].

Самообъективация, идущая рука об руку с социальным сравнением, связана и с другими психологическими рисками. Сначала мы представляем себя как доступные для наблюдения наборы данных, а затем начинаем и воспринимать себя как видимое другим «это». Одно исследование 2014 года продемонстрировало пагубное влияние этих циклов обратной связи на ощущение своего тела. Анализ молодых мужчин и женщин, которые использовали Facebook в течение не менее чем шести лет, показал, что, независимо от пола, более активное использование Facebook ведет к тому, что человек начинает больше замечать свое тело. Чувство своей ценности начинает зависеть от твоего внешнего вида и восприятия тебя другими как сексуального объекта. Стыд за свое тело ведет к постоянному циклу манипулирования самопрезентацией в угоду практически незнакомой аудитории «подписчиков»[58].

Жизнь в улье особенно привлекательна для тех, кто естественным образом ориентируется прежде всего на внешние сигналы, а не на собственные мысли, чувства, ценности и сознание своей индивидуальности[59]. Если смотреть с точки зрения баланса между собой и другими, то позитивные социальные сравнения не менее пагубны, чем негативные. И то и другое заменяет «нелегкий компромисс» создания собственного «я», способного на взаимность, а не на слияние. Независимо от того, движется ли стрелка вверх или вниз, социальное сравнение — это маховик, приводящий в действие замкнутый контур между тягой к социальному зеркалу и подкреплением этой тяги. И подтверждение своего эго, и его травмирование подгоняют к поиску новых внешних сигналов.

Со временем исследования усложняются в попытке установить причинные механизмы, в силу которых соци-

альное сравнение в социальных сетях оказывается связано с симптомами депрессии и чувством социальной изоляции[60]. В одном известном трехлетнем исследовании, опубликованном в 2017 году, рассматривались как прямые данные Facebook, касающиеся более чем пяти тысяч пользователей, так и данные самоотчетов об их «социальных сетях в реальном мире». Этот подход позволил провести прямые сопоставления между отношениями в реальном мире и связями в Facebook и четырьмя сферами субъективного благополучия: физическим здоровьем, психологическим здоровьем, удовлетворенностью жизнью и индексом массы тела. «Лайки чужому контенту и переходы к постам друзей, — резюмировали исследователи, — устойчиво связаны с ухудшением благополучия, тогда как количество обновлений статуса связано с сообщениями о проблемах с психологическим здоровьем». Эти связи оказались настолько сильны, что «увеличение на 1 стандартное отклонение по „поставленным лайкам“ <…> „кликнутым ссылкам“ <…> или „обновлениям статуса“ связано с ухудшением самооценок психического здоровья на 5–8% стандартного отклонения», даже с учетом исходного субъективного благополучия человека. Окончательный вывод исследователей? «Использование Facebook не способствует благополучию <…> Пользователям социальных сетей пойдет на пользу ограничение использования социальных сетей и сосредоточение на реальных отношениях»[61].

V. Инстинкт возвращения в стаю

Это не репетиция. Это само шоу. Facebook — это прообраз инструментарного общества, а не пророчество о нем. Это первый рубеж новой социальной территории, и самые молодые из нас — его авангард. Опыт жизни на этом рубеже — это лавинообразное умножение точки зрения Другого, гиперобъективация личности индивида, формируемая неуклонным расширением жизни, проживаемой под «взглядом извне». Результатом этого оказывается всеохватная тревога и дезориентация после простого отключения от цифрового мира, в то время как подключение несет с собой новые тревоги, которые

парадоксальным образом оставляют слишком многих с ощущением изоляции, ущербности и подавленности. Тут хочется сказать, что взросление бывает болезненным процессом в любую эпоху и что сегодняшней молодежи просто выпало работать над самоизобретением в этой цифровой среде, где каждый на виду, с ее поистине чудесными возможностями для самовыражения, общения, обмена информацией и экспериментов. Хочется сказать, что они прорвутся, подобно другим поколениям, которые тоже прошли через подростковые проблемы в другое время и в другом месте.

Но на этот раз речь не просто о том, чтобы собрать им обед с собой и скрестить пальцы, отпуская их в школьный лабиринт подростковых клик, или отправить их в колледж, зная, что их могут ждать трудности и неудачи, но что в конце концов они найдут свою страсть и своих людей, найдя себя самих. На этот раз мы отправили их в самое сердце мошеннического капитализма, который накопил свое состояние и власть благодаря изъятию поведенческого излишка, переходящему в изменение поведения, в интересах гарантированных результатов для других.

Они жаждут попасть в улей, как это делали и подростки Холла в 1904 году, но улей, с которым они столкнутся, не будет незамутненным продуктом их собственной природы и свойственной им культуры взаимности. Это зона асимметричной власти, созданная надзорным капиталом, действующим тайно, не встречая сопротивления и не зная ответственности. Это искусственное сооружение, призванное служить высшему благу надзорного капитала. Когда молодые люди входят в этот улей, они связываются с надзорной кастой — с лучшими в мире специалистами по данным, программистами, экспертами по машинному обучению и разработчиками, единственная миссия которых состоит в том, чтобы натянуть перчатку потуже, и которые руководствуются экономическими императивами надзорного капитала и его «законов движения».

Невинные тусовки и разговоры встроены в проект поведенческой инженерии планетарного масштаба и амбиций, закрепленный в архитектурах Большого Другого для повсеместного мониторинга, анализа и контроля.

Сталкиваясь с проблемой баланса между собой и другими, подростки выходят на игровое поле, уже наклоненное надзорным капиталом так, чтобы столкнуть их прямиком к социальному зеркалу и привязать к его отражениям. Все зависит от алгоритмов, которые могут эффективно и точно вцепиться в него или в нее и не отпускать. Весь инженерный гений и все деньги вложены в достижение единственной цели — чтобы пользователи, особенно молодые, прилипли к социальному зеркалу, как насекомые к лобовому стеклу.

Научные исследования и личные истории, которые мы рассмотрели, показывают хищническую суть столь возносимого инструментарного «слияния», в котором гармония достигается за счет психологического здоровья участников. Это мир «социального научения» Пентленда, его теория «настройки», которая сводится к не более чем систематическому манипулированию поощрениями и наказаниями в виде принадлежности и исключения. Успех достигается благодаря естественной склонности человека избегать психологической боли. Точно так же, как обычные потребители в руках поведенческих технологий игровой индустрии могут стать игроманами, психологически нормальные молодые люди вовлекаются в беспрецедентный вихрь социальной информации, который автоматически запускает социальное сравнение в столь же беспрецедентных масштабах. Эта психологическая и эмоциональная среда словно бы заражает вирусом неуверенности и беспокойства, который все глубже затягивает молодого человека в замкнутый круг все более непреодолимых влечений, когда он или она гонится за облегчением в виде долгожданных сигналов, подтверждающих собственную ценность.

Этот цикл неестественно обостряет и усиливает естественную ориентацию на группу. И хотя мы все в той или иной степени разделяем эту предрасположенность, она наиболее выражена на этапах жизни, которые мы называем отрочеством и формирующейся взрослостью. Этологи называют эту ориентацию «инстинктом возвращения в стаю» (homing to the herd) — адаптация, характерная для определенных видов, таких как странствующий голубь и сельдь, которые инстинктивно стремятся вернуться в стаю, а не на конкретную территорию. Од-

нако в противостоянии с таким хищником, как человек, этот инстинкт оказался фатальным.

Так, биолог Бернд Генрих описывает судьбу странствующих голубей, «социальные инстинкты которых были настолько сильны, что это привлекло нового хищника, технологически оснащенного человека. Эти инстинкты привели к тому, что птицу не только было легко поймать, но и легко обмануть». Коммерческие ловцы выслеживали маршруты перелетов и места гнездования и затем использовали огромные сети для поимки голубей тысячами за раз, ежегодно отправляя миллионы их по железной дороге на рынки от Сент-Луиса до Бостона. Ловцы применяли особый метод, призванный использовать необычайные узы эмпатии, связывающие этих птиц, и увековеченный в выражении «подсадная утка»[62]. Сначала ловили несколько птиц и привязывали к шесту, предварительно зашив им глаза. Завидев этих птиц, в панике бьющими крыльями, стая спускалась, чтобы «позаботиться» о них. Это позволяло ловцам без труда «ловить и убивать» голубей целыми тысячами. Последний странствующий голубь умер в зоопарке города Цинциннати в 1914 году:

> Голубь не имел домашней территории, по которой мог бы расселяться, и продолжал ориентироваться только на себя, так что он мог быть везде, до самого конца <…> Для голубей единственным «домом», который они знали, была стая, и теперь они пали жертвой этого <…> отсутствие территориальных границ у человеческих хищников склонило чашу весов и сделало их адаптацию их проклятием[63].

Facebook, социальные сети в целом — это среда, созданная для того, чтобы укреплять и расширять этот инстинкт возвращения в человеческую стаю, особенно среди молодежи. Социальное зеркало влечет нас, наше внимание приковывает его темные чары социального сравнения, социального давления, социального влияния. «Весь день онлайн», «почти весь день онлайн». Пока мы зациклены на толпе друзей, технологически оснащенные коммерческие ловцы тихо окружают нас и расставляют свои сети. Эта искусственная интенсификация «возвращения в стаю» может только усложнить, отсрочить или затруднить и без того нелегкий психо-

логический компромисс достижения баланса между собой и другими. Когда мы умножим этот эффект на сотни миллионов и распространим его по всему миру, что это может означать для перспектив человеческого и общественного развития?

Facebook — это тигель этой новой темной науки. Он устремлен на неослабное стимулирование социального сравнения, в котором манипулируют естественной эмпатией, делая ее инструментом изменения поведения в интересах других. Этот синтетический улей — дьявольская сделка для молодого человека. С точки зрения обычной повседневной эффективности — контакты, логистика, взаимодействия, коммуникации — стоит отвернуться, и вы потерялись. Если же вы просто жаждете живой воды «слияния», которая в определенном возрасте и на определенном этапе является доказательством вашего существования — стоит отвернуться, и вас больше нет.

Это новое явление — постоянно жить под взглядом других, чувствовать на себе сотни или тысячи глаз, в помощь которым даны устройства, датчики, лучи и волны Большого Другого, непрерывно что-то оцифровывающие, фиксирующие, анализирующие и приводящие в действие. Непреклонный темп, интенсивность и объем этих взглядов обеспечивают бесперебойный поток оценочных метрик, которые с каждым кликом повышают или понижают курс вашей социальной валюты. В Китае эти рейтинги являются публичной территорией, сверкающими знаками чести, алыми буквами, которые открывают или закрывают любую дверь. На Западе у нас есть «лайки», «друзья», «подписчики» и сотни других секретных рейтингов, которые исподтишка опутывают нашу жизнь.

Размах и глубина проникновения таковы, что охватывают все возможные точки данных, но не могут учесть латентность внутри каждого человека, именно потому, что ее нельзя наблюдать и измерить. Это латентность возможного «я», которое ждет, чтобы воспламениться от единственной искры, вызванной заботливым вниманием другого телесного человеческого существа. Именно в этом столкновении кислорода с тлеющими угольками латентное воспринимается, постигается и врывается в существование. Это настоящая жизнь: мясистая, подат-

ливая, неуверенная и полная молчания, риска и, когда улыбнется удача, подлинной близости.

Facebook пришел в мир в обход старых институциональных границ, предлагая нам свободу общения и произвольного самовыражения. Невозможно сказать, каково было бы пользоваться Facebook, если бы компания избрала путь, не зависящий от надзорных доходов. Вместо этого мы сталкиваемся с внезапным ростом инструментарной власти, которая отправляет наше общество в непредвиденном направлении. Прикладной утопизм Facebook — это прообраз инструментарного будущего, демонстрирующий мастерство поведенческой инженерии, готовящее население к суровым фактам принудительных гармоний инструментаризма. Его операции призваны эксплуатировать склонность человека к эмпатии, поиску принадлежности и признания. Система тонко настраивает наше поведение с помощью поощрений и наказаний, социального давления, загоняя человеческие сердца в единый поток как средство достижения коммерческих целей других.

Глядя с этой точки зрения, мы видим, что работа Facebook в целом представляет собой гигантский эксперимент по изменению поведения, призванный не только протестировать конкретные возможности механизмов подстройки, как это было в его официальных «масштабных экспериментах», но и сделать это на максимально широком социальном и психологическом материале. Наиболее существенно то, что прикладной утопизм социального давления, заложенный в его основе маховик социального сравнения и замкнутые циклы, которые привязывают каждого пользователя к групповой системе, наглядно подтверждают теоретическую интерпретацию этого случая Пентлендом. Инструментарные социальные принципы здесь очевидны, и не как гипотезы, а как факты — факты, которые сегодня образуют пространства, в которых должны «взрослеть» наши дети.

То, чему мы здесь являемся свидетелями, — это готовность решительно поставить все на социализацию и нормализацию инструментарной власти ради надзорных доходов. Как и утверждал Пентленд, эти замкнутые циклы навязываются в обход политики и индивидуальной воли. Они надвигаются скрыто, создавая

свои эффекты на уровне автоматических психологических реакций и нарушая баланс между «я» и «другими» в пользу псевдогармонии улья и его коллективного разума. В ходе этого процесса внутренняя жизнь — необходимый источник автономного действия и морального суждения — страдает и задыхается. Это подготовительные шаги к смерти индивидуальности, за которую ратует Пентленд.

По сути, эта смерть пожирает вековые плоды развития индивидуальности: (1) политический идеал XVIII века — индивид как средоточие неотъемлемого достоинства, прав и обязанностей; (2) индивидуализированный человек начала XX века, порожденный историей и вступивший на путь, о котором говорил Мачадо, потому что он должен, потому что ему суждено творить «собственную жизнь» в мире постоянного нарастания социальной сложности и отступления традиции; и (3) психологически автономная личность конца XX века, внутренние ресурсы и способность к нравственному суждению которой отвечают на брошенный историей вызов самоизобретения и выступают оплотом против поползновений со стороны власти. Самоизобретение, к которому стремятся молодые люди, продолжает эти истории, укрепляя, защищая и омолаживая притязания каждой эпохи на святость и суверенитет отдельной личности.

То, что мы видели в Facebook, является живым примером третьего модерна, который предлагает инструментаризм, определяемого новым коллективизмом, которым владеет и управляет надзорный капитал. Взгляд с высоты Бога позволяет делать расчеты. Расчеты делают возможной подстройку. Подстройка заменяет и частное управление, и государственную политику, без которых индивидуальность остается лишь ненужным рудиментом. И точно так же, как «недоговор» обходит социальное недоверие, вместо того чтобы исцелять его, надежность и прогнозная сила постполитических общественных процессов, связывающих улей воедино, основывается на социальном сравнении и социальном давлении, устраняя необходимость в доверии. Права на жизнь в будущем времени, их выражение в воле к воле и их освящение в обещаниях стали заложниками надзорного

капитала. Пользуясь этой экспроприацией, настройщики усиливают хватку, и система процветает.

Промышленный капитализм зависел от эксплуатации природы и контроля над ней, с катастрофическими последствиями, которые мы только сейчас начинаем осознавать. Надзорный же капитализм, как я предположила, зависит от эксплуатации и контроля над человеческой природой. Рынок сводит нас к нашему поведению, превращенному в еще одну товарную фикцию и расфасованному на потребу другим. В социальных принципах инструментарного общества, уже вошедших в жизнь нашей молодежи, мы можем более четко видеть, как эта новая разновидность капитализма стремится изменить нашу природу ради своего успеха. Нас будут контролировать и телестимулировать, как стада и стаи Маккея, бобров и пчел Пентленда, как машины Наделлы. Нам уготована жизнь в улье — жизнь, которая естественным образом сложна и часто болезненна, как может подтвердить любой подросток, но жизнь в улье, ожидающая нас, не является чем-то естественным. «Его сотворили люди». Его сотворили надзорные капиталисты.

Молодые люди, о которых мы говорили в этой главе, — это призраки будущих Святок. Они живут на пограничье новой формы власти, которая объявляет конец человеческому будущему, с его антикварной преданностью индивиду, демократии и человеческой автономии как необходимому условию морального суждения. Если мы с решимостью Скруджа очнемся от миражей, покорности и психического онемения, то мы еще можем избежать этого будущего.

VI. Некуда деться

Когда в конце XVIII века Сэмюэль Бентам, брат философа Иеремии Бентама, придумал паноптикум, в качестве средства надзора за непокорными крепостными в имении князя Потемкина, он черпал вдохновение в архитектуре русских православных церквей, которыми была усеяна сельская округа. Как правило, центром этих построек был главный купол, с которого на прихожан, и предположительно на все человечество, взирал

лик всемогущего «Спаса Вседержителя». Нельзя было скрыться от его взгляда. В этом же смысл руки и перчатки. Замкнутый цикл и тесное прилегание призваны сделать так, чтобы *деться было некуда*. Когда-то было некуда деться от всезнания и всесилия Бога. Сегодня некуда деться от других, от Большого Другого и от надзорных капиталистов, которые принимают решения. Это состояние безысходности прокрадывается потихоньку. Сначала нам просто незачем отвлекаться, а потом мы не в силах отвлечься.

В заключительных строках экзистенциальной драмы Жана-Поля Сартра «Нет выхода» один из ее персонажей по имени Гарсан приходит к своей знаменитой мысли: «Ад — это другие люди». Это было задумано не как лозунг человеконенавистничества, а как признание того, что невозможно достичь должного баланса между собой и другими, пока «другие» постоянно «смотрят». Другой социальный психолог середины века, Ирвинг Гофман, подхватил эти темы в своем бессмертном «Представлении себя другим в повседневной жизни». Гофман развивал идею «кулис» как места, в котором наше «я» укрывается от жизни на людях, требующей постоянного спектакля.

Язык «сцены» и «кулис», вдохновленный наблюдениями за театром, стал метафорой для всеобщей потребности в таком убежище, где мы можем «быть самими собой». За кулисами «осознанные противоречия с насаждаемым впечатлением принимаются как должное», здесь «открыто фабрикуются иллюзии и рассчитываются впечатления». Такими устройствами, как телефон, «завладевают» для «приватного» использования. Разговоры «расслаблены» и «откровенны». Это место, где «жизненно важные секреты» могут лежать на виду. Гофман заметил, что в работе, как и в жизни, «контроль закулисья» позволяет людям «самортизировать давление обступающих их со всех сторон детерминистских жизненных необходимостей». Язык за кулисами — это язык взаимности, близкого знакомства, интимности, юмора. Он предлагает уединение, в котором можно не думать о «сохранении лица» во время сна, дефекации, секса, «насвистывания, жевания, покусывания губ, рыгания и пускания газов». Но, пожалуй, прежде всего это возможность «регрессировать», когда нам не нуж-

но быть «милыми»: «вернейший признак существования закулисной солидарности — это чувство безопасной возможности дать волю потенциально заразительному настроению угрюмой молчаливой раздражительности». В отсутствие возможностей для такой передышки, когда могли бы расти и крепнуть ростки «настоящего» «я», идея Сартра об аде начинает обретать смысл[64].

Студенты обсуждают в учебной аудитории свои стратегии самопрезентации в Facebook, в которых ученые видят «эффекты сдерживания»: непрерывная «доработка» своих фотографий, комментариев и профиля с удалениями, добавлениями и изменениями, которые направлены на максимизацию количества «лайков» как сигнала своей ценности на этом экзистенциальном рынке[65]. Я спрашиваю, действительно ли эти усилия по самопрезентации в XXI веке так уж отличаются от того, что описывал Гофман, — просто, создавая и разыгрывая наши сценические образы, мы поменяли реальный мир на виртуальный? Тишина, студенты задумываются, затем одна девушка говорит:

> Разница в том, что Гофман исходил из существования кулис, где можно быть самим собой. Для нас пространство за кулисами съеживается. Почти не осталось места, где я могла бы быть самой собой. Даже когда я иду одна и думаю, что я за кулисами, что-то происходит — появляется объявление на телефоне или кто-то делает снимок, и я обнаруживаю, что я на сцене, и все меняется[66].

Что это за «всё», которое меняется? Это приходит внезапное осознание — частью понимание, частью воспоминание — что Большой Другой не знает преград. Оцифровка человеческого опыта легко проходит сквозь некогда надежную границу виртуального и реального миров. Это служит к непосредственной выгоде надзорного капитализма — «Добро пожаловать в McDonald's!» «Купите эту куртку!» — но любой земной опыт можно не менее легко доставить в улей: пост здесь, фотография там. Повсеместный интернет означает, что аудитория всегда рядом, и этот факт приносит давление улья в наш мир и в наши тела.

Исследователи все чаще обращаются к этому мрачному факту, который группа британских ученых на-

зывает «расширенным эффектом подавления»[67]. Идея состоит в том, что люди — особенно молодежь, хотя и не только она — сегодня подвергают цензуре и подправляют свое поведение в реальном мире с оглядкой на социальные сети, а также на более широкую потенциальную аудиторию интернета. Исследователи приходят к выводу, что участие в социальных сетях «глубоко переплетается со знанием о том, что информация о наших поступках офлайн может появиться в интернете, и что мысль о том, как бы не вызвать недовольство „воображаемой аудитории“, меняет наше поведение в реальной жизни».

Когда я ловлю себя на том, что хочу подбодрить студентов, для которых сеть стала источником боли, но которые страшатся ее утраты, я думаю о значении выражения «некуда деться», каким оно предстает в личных воспоминаниях социального психолога Стэнли Милгрэма по поводу эксперимента, который продемонстрировал, «насколько сильна ситуационная обусловленность человеческих переживаний и поведения»[68].

Студенты Милгрэма изучали то, насколько сильно поведение контролируется социальными нормами. У него возникла мысль исследовать это жизненное явление, заставив своих студентов подходить к человеку в метро и, не приводя никакого оправдания, просто смотреть ему в глаза и просить уступить его или ее место. Однажды Милгрэм тоже отправился в метро, чтобы самолично поучаствовать в эксперименте. Несмотря на годы, проведенные за наблюдением и осмыслением проблематичных моделей человеческого поведения, оказалось, что он не был готов к своему собственному моменту социальной конфронтации. Полагая, что ему будет «несложно» проделать этот опыт, Милгрэм подошел к пассажиру и собирался произнести «волшебную фразу», но «слова застряли у меня в горле и наотрез отказывались выходить наружу. Я застыл на месте, а затем ретировался, не выполнив своей миссии <…> центры самоконтроля были парализованы». В конце концов психолог заставил себя попробовать снова. Он рассказывает, что произошло, когда он наконец подошел к пассажиру и «выдавил из себя» свою просьбу: «Простите, пожалуйста, вы не уступите мне место?»

> На мгновение меня охватил совершеннейший, безотчетный ужас. Но человек тут же поднялся и уступил место <…> Сев, я почувствовал острую необходимость оправдать эту просьбу своим поведением. Я почувствовал, что бледнею, и скорчился так, что едва не уперся лбом в колени. Ролевая игра тут ни при чем. Казалось, что я вот-вот отдам концы[69].

Через несколько минут поезд прибыл на следующую станцию и Милгрэм вышел. Он был удивлен, обнаружив, что, как только он сошел с поезда, «напряжение исчезло без следа». Милгрэм вышел из метро, где существовал на одной волне с «другими», и это освобождение позволило ему вернуться к своему «я».

Когда Милгрэм и его студенты проанализировали свой опыт, Милгрэм выявил три ключевые темы, проявившиеся в эксперименте с метро. Первой было новое осознание серьезности той тревоги, которую обычно вызывает у нас «нарушение правил поведения в обществе» и «которая выступает как сдерживающий фактор». Второй — что реакция «нарушителя» является проявлением не индивидуальных особенностей, а «подчиняется логике общественных отношений». Сильная «тревога», которую Милгрэм и другие испытывали, сталкиваясь с социальной нормой, «ставит мощный барьер, который необходимо преодолеть, независимо от того, является ли этот поступок важным — таким, как неподчинение авторитету, или заурядным — просьба уступить место в метро… Смущение и страх нарушить вполне заурядные нормы часто ставят нас в ужасно неприятное положение. И это смущение, страх нарушить норму относятся не к второстепенным, а к основным силам, регулирующим наше поведение в обществе».

И, наконец, Милгрэм осознал, что любое противостояние социальным нормам в решающей степени зависит от возможности скрыться. В тот день в метро сел не подросток. Милгрэм был умудренным взрослым человеком и экспертом по человеческому поведению, особенно по механизмам, связанным с подчинением власти, социальному влиянию и конформизму. Метро — всего лишь частичка обычной жизни, а не капиталоемкая архитектура надзора и изменения поведения и не «устройство для персонализированного вознаграждения». Тем не менее Милгрэм не мог справиться с тревогой, со-

здаваемой этой ситуацией. Единственное, что позволило ее вынести, была возможность выйти.

В отличие от Милгрэма, мы сталкиваемся с невыносимой ситуацией. Подобно игрокам во чреве «машинной зоны», мы должны слиться с системой и играть до последнего — не до последней копейки, а до окончательного исчезновения наших «я». Игра до последнего — конструктивная особенность, формализованная в отсутствие выхода. Цель настройщиков — удерживать нас «во власти непосредственных обстоятельств», в подчинении «логике социальных отношений» улья, чтобы мы поддавались точно рассчитанным импульсам социального давления, эксплуатирующего нашу естественную эмпатию. Непрерывное затягивание петель обратной связи отрезает нас от выхода, создавая невозможно высокий уровень тревоги, который еще больше сужает петлю на пути к всеобщему слиянию. То, что должно быть здесь уничтожено, — это внутренний импульс к автономии и кропотливое, волнующее сотворение автономного «я» как источника морального суждения и как силы, способной попросить уступить место в метро или противостоять мошеннической власти.

Внутри улья легко забыть, что каждый выход — это и вход. Выйти из улья — значит войти на ту территорию за его пределами, где можно найти убежище от искусственно настроенного социального давления других людей. Выход оставляет позади точку зрения Другого и переносит в то место, где взгляд может наконец устремиться внутрь. Выйти — значит войти туда, где может родиться и возрастать «я». У истории есть название для такого места: *святилище*.

ГЛАВА 17
Право на святилище

Убежище и проспект — противоположности: убежище маленькое и темное; проспект — широк и ярок... Нам нужно и то и другое, и они нужны нам вместе.

Грант Хильдебранд,
Истоки архитектурного удовольствия

1. Большой Другой выходит за пределы общества

В ТУ ЛЕТНЮЮ ночь, когда наш дом погиб от удара молнии, мы стояли под проливным дождем и смотрели, как полыхают в огне фронтоны и веранда. Через несколько часов там, где был дом, землю покрывали лишь тлеющие россыпи золы и пепла. В последующие месяцы и годы мои воспоминания о доме приобрели неожиданную форму — всплывали не столько комнаты и предметы, сколько пятна света и тени и запахи. Я могла абсолютно ясно чувствовать волну аромата моей матери, вырывавшуюся, когда я открыла когда-то заветный ящик с ее шарфами. Я закрывала глаза и видела вечернее солнце, рассекающее бархатистый воздух у камина в спальне, со складками его античной мантии. На камине были выставлены наши сокровища: фотография моего отца и меня, наши головы склоняются друг к другу, смешивая две копны вьющихся черных волос; миниатюрные расписные шкатулки, обнаруженные на парижском блошином рынке за многие годы до мысли о материнстве, ставшие впоследствии хранилищем молочных зубов наших детей, сложенных там словно жемчужины в тайнике. Невозможно передать эту печаль и тоску — то, в каком симбиозе мы сами и жизнь нашей семьи развивались с теми пространствами, которые мы называли домом. Как наши привязанности превратили здание в священное место любви, смысла и памяти.

Загадка начала разрешаться, только когда я обнаружила работы Гастона Башляра, необыкновенного че-

ловека, который был почтовым работником, физиком, философом и в конечном счете стал профессором философии в Сорбонне:

> Не представляет ли собой дом прошлого некую геометрию отзвуков для того, кто воспринимает его слухом? Голоса, голос прошлого звучат неодинаково в большой гостиной и в маленькой комнате... У прихотливых воспоминаний, весьма далеких от геометрии чертежа, свой порядок: нужно уловить тональность освещения, затем — нежные запахи, витающие в опустелых комнатах...[1]

Одна работа Башляра, «Поэтика пространства», особенно поучительна, когда мы пытаемся осмыслить перспективу жизни в безвыходной тени Большого Другого и его закулисных боссов. В этой книге Башляр развивает свое понятие «топоанализа» — исследования того, как наши самые глубокие связи с внутренним «я» и с внешним миром формируются в нашем опыте пространства, в частности того пространства, которое мы называем домом:

> Дом — пристанище мечты, дом — убежище мечтателя, дом позволяет нам грезить в мире и покое <...> Дом — одна из самых мощных сил, интегрирующих человеческие мысли, воспоминания и грезы <...> Дом — тело и душа. Это первомир для человека. Прежде чем быть «заброшенным в мир» <...> человек покоится в колыбели дома <...> Жизнь начинается хорошо, с самого начала она укрыта, защищена и согрета во чреве дома[2].

Дом — это наша школа уединения, где мы впервые учимся быть людьми. Его уголки и закоулки таят в себе сладость одиночества; его комнаты обрамляют наш опыт отношений. Его защита, стабильность и безопасность помогают сконцентрировать наше уникальное внутреннее чувство себя, идентичность, которая навсегда наполнит наши дневные грезы и ночные сны. Его укрытия — шкафы, комоды, ящики, замки и ключи — удовлетворяют нашу потребность в тайне и независимости. Двери — запертые, закрытые, полуприкрытые, широко распахнутые — вызывают у нас чувства удивления, безопасности, открытых возможностей и приключений. Башляр постигает смыслы не только человеческого дома, но и гнезд и раковин, «первообразов» дома, передающих абсолютную «изначальность» нужды в безопасном убежище:

> Блаженство возвращает нас к первозданности убежища. Физически существо, обретшее чувство укрытия, сжимается в комок, свертывается клубком, съеживается, прячется, затаивается <…> существо, испытывающее физическое блаженство, любит «затаиться в укромном уголке»[3].

Приют дома — это наш изначальный образ жизни в пространстве, обнаруживает Башляр, формирующий не только экзистенциальный контрапункт между «дома» и «не дома», но и многие из наших самых фундаментальных способов осмысления опыта: дом и вселенная, убежище и мир, внутри и снаружи, конкретное и абстрактное, бытие и небытие, это и то, здесь и в другом месте, тесное и просторное, глубина и необъятность, личное и общественное, близкое и отдаленное, «я» и другой.

Наша семья инстинктивно учитывала эти мотивы, думая о новом доме. Когда мы наконец смогли приняться за осуществление этого проекта, мы стали выискивать долговечные натуральные материалы: старый камень и неказистые деревянные балки, которые выдержали испытание временем. Нас тянуло к старой мебели, которая уже прожила много жизней, наполняя чужие дома. Так и получилось, что стены нового дома стали массивными, почти в фут толщиной, не считая утепления. Результат был именно тот, на который мы рассчитывали: убаюкивающий, мирный покой. Мы знаем, что в этом мире ничто не дает полной гарантии безопасности и уверенности, но спокойствие этого дома и его многослойное молчание нас утешает.

Дни протекают теперь в объятиях этих щедрых стен, где наши души снова могут заполнить пространство и укорениться. Так здание становится домом, а дом — святилищем. Я чувствую это острее всего, когда забираюсь ночью в постель. Я жду, пока не услышу дыхание мужа, которому вторят приглушенные вздохи любимой собаки на полу рядом с нами, кого-то азартно догоняющей во сне. Я продолжаю прислушиваться, я чувствую надежный оплот стен нашей спальни и засыпаю под их колыбельную уединения.

По мнению архитекторов Большого Другого, эти стены должны пасть. Не может быть никакого убежища. Первородный зов к гнезду и раковине отброшен в сторону, словно груда обломков из допотопных человеческих

времен. С приходом Большого Другого внутри наших стен, уже не стоящих на страже святилища, обосновывается вся вселенная. Теперь стены — просто наборы координат для «умных» термостатов, камер видеонаблюдения, динамиков и выключателей, которые извлекают и оцифровывают наш опыт с целью управления нашим поведением.

То, что наши стены крепкие и толстые, сегодня не имеет значения, потому что границы, которые задают само ощущение дома, должны быть стерты. Не может быть никаких уголков, в которых можно уютно свернуться и вкусить удовольствия уединенной сосредоточенности на себе. Не может быть никаких тайных укрытий, потому что не может быть никаких тайн. Большой Другой заглатывает прибежище целиком, вместе со всеми категориями понимания, которые берут начало в его базовых дихотомиях: дом и вселенная, глубина и необъятность. Эти нестареющие противоположности, в которых мы обнаруживаем и развиваем свое «я», небрежно смахиваются в сторону, когда в моем холодильнике устраивается сама бесконечность, в зубной щетке болтает целый мир, где-то еще стоит анализатор моей крови, а ветерок в саду перебирает колокольчики, развешенные на ветках ивы, только чтобы их слышала вся планета. Замки́? Они исчезли. Двери? Они распахнуты.

Самой первой жертвой наступления институциональных интересов, вознамерившихся внедрить Большого Другого, падёт самая древняя цитадель — принцип святилища. С самого начала человеческой истории привилегия святилища была противоядием против власти. Даже в древних обществах, в которых царила тирания, право на святилище оставалось нерушимым. Из тотальной власти был выход, и этому выходу соответствовал вход в святилище в виде города, общины или храма[4]. Ко времени древних греков святилищами были храмы, возведенные по всему греческому миру и служившие целям убежища и религиозных жертвоприношений. Греческое слово asylon означает «неразграбляемый» и основывает понятие святилища как неприкосновенного пространства[5]. Во многих частях Европы право на убежище сохранялось до XVIII века, будучи привязано к святым местам, церквям и монастырям. Упразднение привиле-

гии святилища было не отказом от самой идеи, а отражением социальной эволюции и установления прочного верховенства закона. Один историк так резюмировал эту трансформацию: «правосудие как святилище»[6].

В эпоху модерна святость, неприкосновенность и благоговение, которые когда-то были связаны с правом убежища, перешли на конституционные гарантии и декларации неотъемлемых прав. Английское общее право сохранило идею замка как неприкосновенной крепости и перенесло ее на более широкое понятие «дома», святилища, свободного от произвольного вторжения — неразграбляемого. Долгая история привилегии святилища проявляется и в американской юриспруденции. В статье 1995 года правовед Линда Макклейн утверждала, что отождествление дома со святилищем связано не столько со святостью прав собственности, сколько с приверженностью «неприкосновенности частной жизни». Как она заметила,

> существует устойчивое представление о том, что должна существовать сфера, недоступная или тайная для всего остального мира, а также идея общественной важности такого защищенного внутреннего пространства…»[7].

Те же темы развиваются и в рамках психологии. Те, кто хочет выпотрошить святилище, стремятся перейти в наступление, застигнув нас врасплох вызывающим чувство вины вопросом: «Что тебе скрывать?» Но, как мы видели, важнейшая задача выстраивания баланса между собой и другим не может быть адекватно решена без святости «неподключенного» времени и пространства, необходимых для созревания внутреннего сознания и для размышления — размышления о себе самом и размышления самостоятельного. Настоящая психологическая истина состоит в следующем: *Если тебе нечего скрывать, ты ничто*.

Это подтверждается эмпирическим исследованием. В «Психологических функциях неприкосновенности частной жизни» Дарл Педерсен определяет приватность как «пограничный контроль», который опирается на право принятия решений, связанных с «ограничением или поиском взаимодействий»[8]. В работе Педерсена выделено шесть категорий поведения, связанного с при-

ватностью: одиночество, изоляция, анонимность, скрытность, близость с друзьями и близость с семьей. Его исследование показывает, что эти разнообразные модели поведения выполняют широкий спектр сложных психологических «функций приватности», которые считаются важными факторами психологического здоровья и успешного психологического развития: созерцание, автономия, омоложение, доверие, свобода, творчество, восстановление, катарсис и сокрытие. Это тот опыт, без которого мы не можем ни процветать, ни быть полезными для наших семей, друзей и соседей и общества в целом.

По мере интенсификации цифровой эры и распространения надзорного капитализма существующее уже веками решение «правосудие как святилище» утратило силу. Выходя за пределы общества и закона, Большой Другой начинает самовольно уничтожать право на святилище, подавляя соображения справедливости тактическим мастерством шока и трепета. Доминирование надзорного капитализма в разделении знания, не сбавляющий ход маховик цикла изъятия, институционализации средств изменения поведения, превращение последних в необходимые средства социального участия, а также выпуск прогнозных продуктов для продажи на рынках поведенческих фьючерсов — все эти факты свидетельствуют о переходе в новое состояние, пока еще не укрощенное законом. В оставшейся части этой главы мы исследуем последствия этого положения дел. Что потребуется для укрощения? Какая жизнь останется нам, если укрощение не удастся?

11. Справедливость на новых рубежах власти

Если святилищу суждено уцелеть, то для этого необходимы синтетические декларации — альтернативные пути, ведущие к более человечному будущему. Нам нужно заняться стеной, а не тоннелями. Пока что американские законы о неприкосновенности частной жизни не поспевают за поступью инструментаризма. Подходы к «вторжению в частную жизнь», по словам правоведа Аниты Аллен, делится на «несколько очевидных категорий». Аллен противопоставляет «физическую приватность»

(иногда называемую пространственной) «информационной приватности». Она отмечает, что физическая приватность нарушается, «когда человек безуспешно пытается уединиться или скрыться». Информационная приватность компрометируется, «когда данные, факты или разговоры, которые человек желает сохранить в тайне или анонимизировать, тем не менее кем-то приобретаются или раскрываются»[9].

В эпоху Большого Другого эти категории гнутся и трещат по швам. Физические пространства, включая наши дома, все сильнее насыщаются информационными нарушениями, пока наша жизнь оцифровывается в качестве поведения и экспроприируется как излишек. В некоторых случаях мы сами навлекаем это на себя, обычно потому, что не знаем о закулисных операциях или не понимаем все их последствия. Другие нарушения просто навязываются нам, как в случае с говорящей куклой, слушающим телевизором, сотнями приложений, запрограммированных на тайную оцифровку, и так далее. Мы видели уже многие объекты и процессы, предназначенные надзорным капиталом быть умными, чувствительными, активирующими действия, соединенными в сеть и подключенными к интернету. К тому времени, как вы будете читать эти строки, их станет больше, а потом еще больше. Это ученик чародея, обреченный постоянно подзаряжаться и движимый безграничными притязаниями, утверждающими его право на все.

Когда американские ученые и юристы оценивают то, как цифровые возможности бросают вызов существующему законодательству, основное внимание уделяется доктрине Четвертой поправки, ограничивающей отношения *между индивидом и государством*. Конечно, жизненно важно, чтобы защита Четвертой поправки шла в ногу с XXI веком, защищая нас от информационного обыска и конфискации способами, отражающими современные реалии производства данных[10]. Проблема в том, что даже расширенная защита со стороны государства не защищает нас от наступления на святилище, ведомого инструментарной властью и вдохновляемого экономическими императивами надзорного капитализма[11]. Четвертая поправка в ее современном истолковании не поможет в этом. Не предвидится никакого чародея,

готового приказать надзорным капиталистам, словами Гёте: «В угол, веник. Сгиньте, чары».

Юридическая наука только начинает осмысливать эти факты. Статья 2016 года об «интернете вещей», написанная специалистом по Четвертой поправке Эндрю Гатри Фергюсоном, приходит к выводу:

> Если миллиарды датчиков, переполненных персональными данными, окажутся за рамками защиты, предоставляемой Четвертой поправкой, то мы получим крупномасштабную сеть надзора, существующую без каких-либо конституционных ограничений[12].

Как мы уже видели, мы уже ее получили. Голландские ученые приводят аналогичные доводы в пользу неадекватности голландского законодательства, не поспевающего за Большим Другим и уже не способного эффективно отстаивать святость жилища от агрессивных действий бизнеса или государства: «Стены больше не могут эффективно защитить человека от поползновений извне в его стремлении <...> к личной жизни без вторжений...»[13].

Сегодня много надежд возлагают на новый корпус законодательных норм ЕС, известный как Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR), вступивший в силу в мае 2018 года. Подход ЕС принципиально отличается от американского тем, что компании должны обосновывать свои действия с данными в рамках нормативной базы GDPR. Регламент вводит несколько ключевых материальных и процессуальных новшеств, в том числе требование уведомлять людей о взломе персональных данных; строгое понимание «согласия», ограничивающее компаниям возможность опираться на эту тактику получения одобрения на использование персональных данных; действующий по умолчанию запрет на публикацию персональных данных; требование закладывать конфиденциальность при разработке систем; право на удаление данных; расширенную защиту от принятия автоматизированными системами решений, имеющих «серьезные» последствия для жизни человека[14]. Новая нормативно-правовая база также предусматривает за нарушения значительные штрафы, которые могут достичь 4% глобальных доходов компании, и позволяет возбуждать коллективные иски,

в которых пользователи могут объединяться для утверждения своих прав на конфиденциальность и защиту данных[15].

Это крайне важные и необходимые достижения, и для нашей истории ключевым вопросом будет то, станет ли этот новый режим регулирования трамплином для оспаривания легитимности надзорного капитализма и в конечном счете преодоления его инструментарной власти. Со временем мир узнает, сможет ли GDPR выйти вперед Большого Другого, восстановив разделение знания, соответствующее ценностям и чаяниям демократического общества. Такая победа будет зависеть от того, сможет ли общество отвергнуть рынки, основанные на изъятии человеческого опыта как средства прогнозирования и контроля человеческого поведения с целью извлечения прибыли для других.

Ученые и специалисты спорят о последствиях этих радикальных новых правил, при этом одни предвидят неизбежность решительных перемен, другие считают преемственность более вероятной по сравнению с драматическими изменениями положения дел[16]. Однако кое-что мы знаем. Ни один человек, который борется с мириадами сложностей, связанных с защитой собственных данных, не сможет в одиночку противостоять ошеломляющей асимметрии знания и власти надзорного капитализма. Если последние два десятилетия нас чему-то и научили, так это тому, что один человек не вынесет бремени этой борьбы на новых рубежах власти.

Пример тому — одиссея бельгийского математика и активиста защиты данных Пола-Оливье Дайе, который в декабре 2016 года инициировал запрос на получение своих персональных данных, собранных через «пользовательские аудитории» Facebook и инструменты отслеживания Pixel, которые позволили бы выявить вебстраницы, на которых Facebook его отслеживал. Дайе, вероятно, знал больше о мошеннических операциях с данными в Cambridge Analytica, чем кто-либо в мире, не считая ее персонала и вдохновителей. Его целью было расследование «снизу», раскрывающее секреты незаконных способов изменения политического поведения.

Первым шагом было определение того, что о нем знает Facebook, особенно тех данных, которые стали бы

актуальными в контексте выборов и, таким образом, сделали бы его и других уязвимыми перед скрытыми маневрами того рода, которые использовала Cambridge Analytica. Дайе хотел понять, как гражданин может узнать о данных, сбор которых, судя по всемирному возмущению по поводу разоблачений тайных политических манипуляций в интернете, создал то, что многие считают весьма «серьезной» угрозой. Он тщательно задокументировал все свои шаги, надеясь, что его опыт будет полезен журналистам, гражданам и сообществам, настроенным на понимание масштабов деятельности Facebook и создаваемых ею политических уязвимостей. Дайе пишет:

> Конечно, очень сложно общаться с такой компанией, как Facebook, в качестве частного лица, поэтому к апрелю 2017 года мне пришлось передать вопрос ирландскому комиссару по защите данных. К октябрю 2017 года, после моих многочисленных понуканий, ирландский комиссар по защите данных наконец согласился предпринять первые действия в связи с моим делом и запросил у Facebook комментарий. К декабрю 2017 года он, очевидно, получил ответ, но по состоянию на март 2018 года он все еще «оценивает» его, несмотря на мои постоянные напоминания. Очень трудно не увидеть, что правоприменение здесь буксует[17].

В марте 2018 года, через пятнадцать месяцев после своего первоначального запроса, Дайе наконец получил электронное письмо от Отдела операций с конфиденциальной информацией Facebook. Ему сказали, что информация, которую он ищет, «недоступна через наши инструменты самообслуживания», но хранится в «области хранения журналов» Facebook под названием Hive (улей), где она сохраняется для «анализа данных» и не смешивается с «базами данных, которые обеспечивают работу сайта Facebook». Компания настаивала на том, что для доступа к данным ей пришлось бы преодолеть «огромные технические проблемы». «Эти данные, — пишет компания, — *также не используются для непосредственного обслуживания веб-сайта Facebook, который видят пользователи*»[18].

На нашем языке информация, которую хотел получить Дайе, требовала доступа к «теневому тексту»,

включая, в частности, подробный анализ таргетинга, который определял рекламу, которую ему показывали в Facebook. Ответ корпорации указывает на то, что данные Hive являются частью этого эксклюзивного «второго текста», в котором поведенческий излишек стоит в очереди на изготовление прогнозных продуктов[19]. Этот процесс полностью отделен от «первого текста», «который видят пользователи».

Facebook ясно дает понять, что теневой текст недоступен пользователям, несмотря на продвижение своих инструментов самообслуживания, которые должны предоставить пользователям доступ к их личным данным, хранящимся в компании. В самом деле, конкурентная динамика надзорного капитализма делает теневой текст важнейшим проприетарным преимуществом. Любая попытка взломать его содержание будет восприниматься как угроза жизненным интересам; ни один надзорный капиталист *добровольно* не предоставит данные из теневого текста. Только закон может бросить этот вызов патологическому разделению знания.

После скандала с Cambridge Analytica в марте 2018 года Facebook объявил, что расширит диапазон персональных данных, которые позволит выгружать пользователям, но даже эти данные целиком и полностью лежат в рамках первого текста, состоящего главным образом из информации, которую предоставили сами пользователи, включая информацию, которую они удалили, — друзья, фотографии, видео, рекламные объявления, по которым они кликнули, посещенные страницы, сообщения, местоположения и т. д. Эти данные не включают поведенческий излишек, прогнозные продукты и судьбу этих прогнозов, используемых для модификации поведения, покупаемых и продаваемых. Когда вы выгружаете свою «личную информацию», вы получаете доступ к сцене, а не к закулисью — к ширме, не к волшебнику[20].

Ответ Facebook Дайе иллюстрирует еще одно важное последствие крайней асимметрии знания. Компания настаивала на том, что доступ к запрашиваемым данным требовал преодоления «огромных технических проблем». По мере того как потоки поведенческого излишка сливаются вместе в рамках основанных на машинном обучении производственных процессов, сам объем ис-

ходных данных и методов анализа начинает выходить за рамки человеческого понимания. Рассмотрим такую тривиальную вещь, как подбор машинами Instagram изображений для показа вам. Расчеты основаны на различных потоках поведенческого излишка от искомого пользователя, затем других потоков от сети друзей этого пользователя, затем идут потоки от действий людей, которые подписаны на те же учетные записи, что и искомый пользователь, затем данные и социальные связи этого пользователя в Facebook. Когда он, наконец, применяет логику ранжирования, чтобы предсказать, какие изображения пользователь захочет увидеть дальше, этот анализ также использует данные о прошлом поведении пользователя. В Instagram этим «обучением» занимаются машины, потому что люди на такое не способны[21]. В более «судьбоносных» случаях операции будут, скорее всего, не менее, а более изощренными.

Это напоминает наш разговор о «движке прогнозирования» Facebook FBLearner Flow, где машины получают десятки тысяч точек данных, извлеченных из поведенческого излишка, ставя под сомнение само понятие права на оспаривание «автоматического принятия решений». Чтобы действительно оспорить алгоритм, потребуются новые серьезные полномочия и власть, в том числе машинные ресурсы и экспертиза, способные проникнуть в ключевые области машинного интеллекта и разработать альтернативные подходы, доступные для проверки, обсуждения и противодействия им. Действительно, один эксперт уже предложил создать правительственное агентство — аналог Управления по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, но для алгоритмов» — для надзора за разработкой, распространением, продажей и использованием сложных алгоритмов, утверждая, что существующие законы «окажутся не в силах решать сложнейшие загадки регулирования, которые ставят алгоритмы»[22].

Опыт Дайе — это всего лишь одна из иллюстраций самоподдерживающегося характера патологического разделения знания и неподъемного бремени, которое ложится на людей, пытающихся оспорить его несправедливость. Дайе — активист, и его целью было не только получить доступ к данным, но и задокументировать

трудность и даже абсурдность этого начинания. Учитывая эти реалии, он предполагает, что правила защиты данных сопоставимы с законами о свободе информации. Процедуры запроса и получения информации в соответствии с этими законами несовершенны и обременительны, и, как правило, их задействуют юристы, но тем не менее они необходимы для демократической свободы[23]. Несмотря на то что для эффективного оспаривания потребуются решительные личности, один человек не сможет вынести бремя справедливости, так же как отдельный работник в первые годы XX века не мог нести бремя борьбы за справедливую заработную плату и условия труда. Эти проблемы XX века требовали коллективных действий, и сегодняшние требуют того же[24].

Антрополог Лора Нейдер, рассуждая о «жизни закона», напоминает нам, что закон предусматривает «возможность демократического расширения прав и возможностей», но что эта возможность осуществляется только тогда, когда граждане активно оспаривают несправедливость, используя закон как средство достижения высших целей. «Жизнь закона — в истце», — пишет Надер, и мы видели, что эту истину воплощают в жизнь граждане Испании, заявившие о своем праве на забвение. «Место закона в историческом процессе определяется тогда, когда истцы и их адвокаты оспаривают с помощью закона совершенную по отношению к ним несправедливость»[25]. И истцов не следует рассматривать в изоляции; они выступают от имени гражданского коллектива как необходимого средства противодействия коллективной несправедливости.

Это возвращает нас к GDPR и вопросу об его потенциальной роли. Единственно возможный ответ — что все зависит от того, как европейские общества будут интерпретировать новый режим регулирования в процессе законотворчества и в судах. На эти интерпретации повлияют не формулировки норм, а народные движения на местах. Столетие назад рабочие сорганизовались для коллективных действий и в конечном итоге склонили чашу весов в свою пользу, и сегодняшние «пользователи» должны будут мобилизоваться по-новому, так, чтобы это отражало наши собственные уникальные

«условия существования» в XXI веке. Нам нужны синтетические декларации, которые закреплены в новых центрах демократической власти, экспертизы и конкуренции, которые бросают вызов сегодняшней асимметрии знания и власти. Если мы в конечном итоге сумеем заменить беззаконие законами, утверждающими право на святилище и право на жизнь в будущем времени как необходимые для эффективной человеческой жизни, то нам не обойтись без коллективных действий такого рода.

Уже различимо рождение нового понимания важности коллективных действий, по крайней мере в сфере приватности. Один из примеров — некоммерческая организация «Не ваше дело» (None of Your Business, NOYB) во главе с активным защитником приватности Максом Шремсом. После многих лет юридической борьбы в 2015 году Шремс вошел в историю, когда его вызов практикам сбора и хранения данных в Facebook — которые, как он утверждал, нарушают законодательство ЕС о неприкосновенности частной жизни — привел к тому, что Суд Европейского союза признал недействительным соглашение о «Безопасной гавани» (Safe Harbor), регулировавшее обмен данными между США и ЕС. В 2018 году Шремс запустил NOYB в качестве средства «профессиональной помощи в обеспечении приватности». Идея была в том, чтобы подталкивать регулирующие органы к сокращению разрыва между писаными нормативными актами и реальной корпоративной практикой в области приватности, используя угрозу значительных штрафов для изменения действующих в какой-либо компании процедур. NOYB хочет стать «стабильной европейской правоприменительной платформой», которая объединяет группы пользователей и помогает им в процессе судебного разбирательства, создавая коалиции и продвигая «специально отобранные и стратегически важные судебные процессы ради максимизации воздействия „на право на частную жизнь“»[26]. Как бы ни сложилась судьба этого начинания, для нас ключевой момент — то, как оно указывает на социальную пустоту, которая должна быть заполнена новыми творческими формами коллективных действий, если жизнь закона обернется против надзорного капитализма.

Только время покажет, станет ли GDPR катализатором новой фазы борьбы, которая оспорит и укротит незаконный рынок поведенческих фьючерсов, питающие его операции с данными и инструментарное общество, к которому он нас ведет. В отсутствие новых синтетических деклараций мы, вероятно, будем разочарованы неприступностью статус-кво. Если прошлое можно считать прологом, то законов о неприкосновенности частной жизни, защите данных и антимонопольном регулировании будет недостаточно, чтобы остановить надзорный капитализм. Объяснения, которые мы перебрали, отвечая на вопрос «Как им сошло это с рук?», предполагают, что безмерность и запутанность структур надзорного капитализма с его императивами потребуют более прямого вызова.

Прошедшее десятилетие позволяет сделать по крайней мере один вывод: несмотря на гораздо более строгие законы о приватности и защите данных в ЕС по сравнению с США, а также решительную приверженность антимонопольным мерам, Facebook и Google продолжают процветать в Европе. Так, в период с 2010 по 2017 год совокупный годовой темп роста ежедневных активных пользователей Facebook составлял в Европе 15% по сравнению с 9% в США и Канаде[27]. В этот же период выручка компании росла в совокупном годовом выражении на 50% в обоих регионах[28]. В период с 2009 по первый квартал 2018 года доля Google на рынке поиска в Европе сократилась примерно на 2%, в то время как в США она увеличилась примерно на 9%. (Доля Google на европейском рынке оставалась высокой — 91,5% в 2018 году в сравнении с 88% в США.) Однако в том, что касается мобильных телефонов на Android, доля рынка, приходящаяся на Google, увеличилась на 69% в Европе по сравнению с 44% в США. Браузер Google Chrome увеличил свою рыночную долю на 55% в Европе и на 51% в США[29].

Как показывает наш перечень причин, по которым «это сошло им это с рук», такие темпы роста — не случайная удача. Признавая этот факт, европейский инспектор по защите данных Джованни Буттарелли заявил газете New York Times, что эффект GDPR будет зависеть от регуляторов, которые «будут противостоять хорошо

финансируемым командам лоббистов и юристов»[30]. В самом деле, в тот момент корпоративные юристы уже оттачивали стратегии противодействия возможным изменениям привычного порядка вещей и готовили почву для предстоящих битв. К примеру, один официальный документ, опубликованный известной международной юридической фирмой, уже бросил корпорациям клич с призывом объединить усилия в вопросе обработки данных, утверждая, что перспективный способ обхода новых нормативных препятствий предоставляет правовая концепция «законного интереса»:

> Законный интерес может быть наиболее серьезным основанием для обработки [данных] во многих контекстах, так как он требует оценки и взвешивания рисков и преимуществ обработки для организаций, отдельных лиц и общества в целом. Законные интересы контролера или третьей стороны могут также включать в себя другие права и свободы. Поиск правильного баланса будет также иногда учитывать <…> свободу выражения мнений, право заниматься экономической деятельностью, право на защиту прав интеллектуальной собственности и т. д. Эти права также должны учитываться при сопоставлении их с правом отдельных лиц на неприкосновенность частной жизни[31].

Экономические императивы надзорного капитализма пришли в движение уже в конце апреля 2018 года, в ожидании вступления GDPR в силу в мае того года. Перед этим в апреле глава Facebook объявил, что корпорация будет придерживаться «духа» GDPR по всему миру. На практике, однако, компания вносила изменения, чтобы гарантировать, что GDPR не будет ограничивать большую часть ее операций. До тех пор 1,5 миллиарда ее пользователей, в том числе в Африке, Азии, Австралии и Латинской Америке, руководствовались соглашением об условиях обслуживания, выпущенным международной штаб-квартирой компании в Ирландии, что означало, что эти условия подпадали под действие законов ЕС. В конце апреля Facebook без лишнего шума выпустил новое соглашение об условиях предоставления услуг, переместив эти 1,5 миллиарда пользователей под действие американских законов о приватности и тем самым лишив их возможности подавать иски в ирландские суды[32].

III. На каждого единорога найдется охотник

Какая жизнь нас ждет, если приручение не удастся? Без защиты от надзорного капитализма и его инструментарной власти — их поведенческих и социальных целей — мы застряли в состоянии, когда «некуда деться», в окружении стен, сделанных из стекла. Естественное человеческое стремление к убежищу должно быть уничтожено, а древний институт святилища упразднен.

«Некуда деться» — необходимое условие процветания Большого Другого, а его процветание — необходимое условие для всего, что должно за ним последовать: потоков поведенческого излишка, преобразующихся в доходы; определенности, готовящей каждому игроку на рынке гарантированный результат; обхода доверия в пользу радикального безразличия «недоговора»; фантастических возможностей мгновенной связи, эксплуатирующей нужды опустошенного человека второго модерна и превращающей его жизнь в средство достижения чужих целей; разграбления «я»; вымирания автономного морального суждения ради неограниченного контроля; активации действий и модификации поведения, понемногу истощающих волю к воле; утраты собственного голоса от первого лица в пользу чужих планов; разрушения социальных и политических отношений, которые строились на старых и медлительных и все еще не реализованных идеалах самоопределения граждан, неразрывно связанных с законной, демократически избранной властью.

Каждый из этих прекрасных единорогов вдохновлял человечество на его высшие свершения, каким бы несовершенным ни оказалось достигнутое. Но на каждого единорога есть охотник, и идеалы, питавшие либеральный порядок, не исключение. Ради этого охотника не должно быть ни дверей, ни замков, ни трения, ни противоположности между близостью и дистанцией, домом и вселенной. Уже нет необходимости в «топоанализе», потому что все пространства слились в одно пространство, которое является Большим Другим. Не ищите уютное местечко в глубине раковины. Нет смысла сворачиваться калачиком в темном дальнем конце ее

спирали. Раковина — всего лишь еще одно звено в цепи, и ваши грезы уже нашли свою аудиторию в пульсирующей сети этой шумной жизни за стеклом.

В отсутствие синтетических деклараций, которые обеспечивают дорогу к человечному будущему, непереносимость жизни за стеклом втягивает общество в «гонку вооружений» взаимных контрдеклараций, в которой мы стремимся ко все более изощренным способам *укрыться в своей собственной жизни*, в поисках передышки от внимания беззаконных машин и их хозяев. Мы делаем это, чтобы удовлетворить нашу извечную потребность в святилище, а также в качестве акта сопротивления, отвергающего инструментарные правила улья, его «расширенные эффекты подавления» и неуемную жадность Большого Другого. В контексте надзора со стороны государства, практики «укрытия» называли «протестами в связи с неприкосновенностью частной жизни»; как известно, такие практики вызывают подозрения у правоохранительных органов[33]. Сегодня на попытки «укрыться» от них также жалуются Большой Другой и его рыночные хозяева, которые обладают необычайно широким и глубоким влиянием, обосновавшись внутри наших стен, наших тел и наших улиц, претендуя на наши лица, наши чувства и наш страх остаться за бортом.

Я сказала, что слишком много лучших и умнейших представителей нового поколения посвящают свои таланты интенсификации потока кликов. Не менее печально, что новое поколение активистов, художников и изобретателей чувствует себя призванным создавать искусство и науку укрытия[34]. Невыносимые условия жизни за стеклом заставляют этих молодых художников посвящать свой гений перспективам человеческой невидимости, пусть даже их творения требуют от нас настойчивого поиска и обретения ориентиров. Их провокации уже приняли различные формы — блокирующие сигнал футляры для телефона, фальшивые протезы отпечатков пальцев, не дающие вашим пальцам «стать ключом к вашей жизни», светодиодные козырьки, препятствующие распознаванию лиц, куртки, блокирующие радиоволны и устройства слежения, излучатель запахов, который выделяет металлический аромат, когда какое-то из ваших устройств обнаруживает неза-

щищенный веб-сайт или сеть, приложение-«рандомизатор», которое препятствует любому надзору, «опирающемуся на то, что поднадзорный будет придерживаться предсказуемых шаблонов поведения», линейка одежды под названием «Камуфляж», включающая в себя рубашки с изображениями лиц знаменитостей, чтобы запутать программы распознавания лиц, головной убор против сканирования мозга, препятствующий оцифровке мозговых волн, и антинадзорное пальто, создающее щит для блокировки инвазивных сигналов. Чикагский художник Лео Сельваджо создает на 3D-принтере пластиковые маски-протезы, затрудняющие распознавание лица. Он называет свою работу «организованным художественным вмешательством»[35].

Но, пожалуй, самые горькие чувства вызывает набор инструментов Backslash — «серия функциональных устройств, разработанных для протестов и беспорядков будущего», в который входят умная бандана для встраивания скрытых сообщений и открытых ключей; носимые устройства, образующие независимую сеть; персональные «черные ящики» для регистрации злоупотреблений со стороны правоохранительных органов; и роутеры для быстрого развертывания автономной связи[36]. Backslash был создан в рамках магистерской диссертации одного студента Нью-Йоркского университета, и прекрасно отражает борьбу за третий модерн, которую предстоит вести этому поколению. Разработчик пишет, что для молодых протестующих, с рождения живущих в цифровом мире, «*связь — одно из основных прав человека*». Тем не менее, сетует он, «будущее технологий в протестах выглядит мрачным» из-за всепроникающего надзора. Придуманный им набор инструментов призван создать «пространство для исследования напряженных отношений между протестом и технологиями, пространство для развития диалога о свободе самовыражения, беспорядках и разрушительных технологиях». В сходном направлении мыслят учащиеся Вашингтонского университета, разработавшие прототип «нательного передатчика из обычных устройств». Идея в том, что многие легкодоступные устройства «можно приспособить для передачи информации только беспроводным приемникам, находящимся в контакте с телом», со-

здавая таким образом основу для безопасной и частной коммуникации, независимой от обычных передач Wi-Fi, которые легко обнаружить[37].

Прогуляйтесь по магазину в Новом музее современного искусства на Манхэттене, и на видном месте вы увидите хит продаж — настольное зеркало, отражающая поверхность которого покрыта ярко-оранжевой надписью: «Сегодняшнее селфи — завтрашний биометрический профиль». Это «Селфи-зеркало „не забывай о приватности“» — проект молодого берлинского художника Адама Харви, чьи работы привлекают внимание к проблеме надзора и защиты от тех, кто им занимается. Искусство Харви начинается с «анализа <…> алгоритмов компьютерного зрения» с целью обнаружения и использования их уязвимостей с помощью маскировки и других форм укрытия. Пожалуй, его самая известная работа — «Одежда-невидимка» (Stealth Wear), серия носимых модных вещей, призванных подавить, сбить с толку и избежать надзора со стороны дронов и программ распознавания лиц. Посеребренные ткани отражают тепловое излучение, «позволяя пользователю избежать теплового отслеживания с воздуха». Наряды Харви вдохновлены традиционной мусульманской одеждой, выражающей мысль, что «одежда создает необходимую дистанцию между человеком и Богом». Теперь он переосмысливает это, создавая одежду, которая обеспечивает необходимую дистанцию между человеческим опытом и силами надзора[38]. В рамках другого проекта Харви создал эстетику макияжа и укладки — синие перья, свисающие с толстых черных челок, дреды, болтающиеся ниже носа, скулы, покрытые толстыми клиньями черно-белой краски, локоны, змеящиеся вокруг лица и шеи, как щупальца осьминога, — все ради создания помех программам распознавания лиц и другим формам компьютерного зрения.

Харви — один из художников, часто *молодых*, которые обращаются к темам надзора и сопротивления и число которых неуклонно растет. «Деметрикаторы» в Facebook и Twitter художника Бенджамина Гроссера — это программные интерфейсы, представляющие страницы этих сайтов с удаленными метриками: «Количество „лайков“, „друзей“, подписчиков, ретвитов <…> все исче-

зает». «Как меняет наше понимание дружбы интерфейс, затеняющий количество друзей? — спрашивает он. — Убери цифры — и узнаешь». Проект Гроссера под названием «Go Rando» — это расширение для веб-браузера, которое «запутывает ваши чувства в Facebook», случайным образом выбирая эмодзи каждый раз, когда вы нажимаете на кнопку «Нравится», тем самым создавая препятствия для анализа излишка, необходимого для вычисления личностных и эмоциональных профилей[39]. Богато оркестрованные перформансы Тревора Паглена используют музыку, фотографию, спутниковые снимки и искусственный интеллект, показывая вездесущее знание и всепроникающее действие Большого Другого. «Это попытка заглянуть внутрь программ, работающих на искусственном интеллекте <…> заглянуть в архитектуры других систем компьютерного зрения, попытка понять, что они видят», говорит Паглен. Инсталляция китайского художника Ай Вейвея «Гензель и Гретель» 2017 года создала мощную среду, в которой участники воочию сталкиваются с надзорными последствиями собственных невинных действий — фотосъемки, загрузки фото в Instagram, твитов, текстовых сообщений, расстановки тегов и публикаций[40].

Художники, как и молодежь, — это наши канарейки на угольной шахте. То, что необходимость сделаться невидимыми стала темой блестящих авангардистских работ, — еще одно послание в бутылке, отправленное с линии фронта скорби и отвращения. Жить за стеклом невыносимо, но ничем не лучше жить пряча лица под масками и облекая тела в непроницаемые для сигнала ткани, чтобы помешать вездесущим беззаконным машинам. Как и с любой другой контрдекларацией, укрытие от рисков становится способом приспособиться, тогда как оно должно стать моментом кристаллизации возмущения. *Эта ситуация неприемлема. Тоннелей под стеной недостаточно. Стена должна пасть.*

Наибольшая опасность состоит в том, что в жизни за стеклом, или в возможности от нее укрыться, мы начнем чувствовать себя как дома. Обе альтернативы лишают нас жизненно важного обращения внутрь, рождаемого в святилище, которое в конечном итоге и отличает нас от машин. Это тот колодец, из которого мы черпаем

способность обещать и любить, без чего увядают и отмирают как личные узы общения, так и публичные узы общества. Если сегодня мы не изменим этот курс, последующим поколениям мы завещаем монументальную работу. Промышленный капитализм повелевал природой лишь для того, чтобы оставить грядущим поколениям бремя горящей планеты. Дополним ли мы его вторжением в человеческую природу и покорением ее надзорным капитализмом? Будем ли мы стоять в стороне, пока он тонко навязывает нам жизнь улья, требуя отказаться от святилища и права на жизнь в будущем времени во имя его богатства и власти?

Парадизо называет это революцией, Пентленд говорит о смерти индивидуальности. Наделла и Шмидт выставляют машинный улей, с его принудительным слиянием и упреждающими гармониями, образцом для подражания. Пейдж и Цукерберг понимают трансформацию общества как средство достижения своих коммерческих целей. Конечно, среди нас есть несогласные, но декларации в пользу жизни без стен пока что не привели к массовому отзыву согласия. Отчасти это результат нашей зависимости, отчасти — следствие того, что мы еще не оценили всю широту и глубину того, что припасли для нас архитекторы улья, не говоря уже о последствиях, которые может повлечь за собой эта «революция».

По мере развития, тестирования, совершенствования и нормализации его операций, наши чувства немеют перед чудовищностью Большого Другого. Нас оглушает колыбельная стен. Способы укрытия от машин и их хозяев постепенно превращаются из того, чем одержим лишь авангард, в обычный предмет обсуждения и в конечном итоге в тему разговоров за обеденным столом. Каждый шаг на этом пути происходит словно в дыму военных сражений — бессвязные фрагменты и инциденты, возникающие внезапно и часто в непонятных обстоятельствах. Трудно различить общие тенденции, не говоря уже об их истоках и значении. Тем не менее каждое сокращение пространства для святилища оставляет за собой пустоту, которая плавно и беззвучно заполняется новыми фактами инструментарной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГЛАВА 18

Верхушечный переворот

Он отвергает, что незримо, ждет
Любви развоплощенной, без объекта,
И терпит небывалый прежде гнет.

У. Х. Оден, *Сонеты из Китая, III*[1]

Надзорный капитализм отклоняется от истории рыночного капитализма в трех поразительных отношениях. Во-первых, он настаивает на своем праве на неограниченную свободу и неограниченное знание. Во-вторых, он отказывается от давней органической взаимности с людьми. В-третьих, сквозь призрак жизни в улье просвечивает коллективистское видение общества, основанного на радикальном безразличии и его материальном выражении в Большом Другом. В этой главе мы исследуем каждое из этих отклонений от исторической нормы, а затем поднимем вопрос, на который они неизбежно нас наталкивают: является ли надзорный капитализм просто еще одной разновидностью «капитализма»?

I. Свобода и знание

Требуя свободы от каких-либо ограничений, надзорные капиталисты ничем не отличаются от других капиталистов. Они настаивают на «свободе для» применения любых новых методов, настойчиво утверждая необходимость для них «свободы от» законов и норм. Эта классическая модель отражает два базовых допущения относительно капитализма, сделанных его собственными теоретиками. Во-первых, рынки по своей природе *непознаваемы*. Во-вторых, незнание, вызванное этой непознаваемостью, требует широкой *свободы* действий для участников рынка.

Представление о незнании и свободе как существенных характеристиках капитализма коренится в обстоятельствах жизни до прихода современных систем связи и транспорта, не говоря уже о глобальных цифровых сетях, интернете или повсеместных компьютеризованных, воспринимающих, активирующих действие архитектурах Большого Другого. До недавнего времени жизнь была неизбежно локальной и «целое» было неизбежно невидимым для «части».

Знаменитая метафора «невидимой руки» Адама Смита опиралась на эти непреходящие реалии человеческой жизни. Каждый человек, рассуждал Смит, использует свой капитал локально в стремлении к непосредственным удобствам и удовлетворению потребностей. Каждый «имеет в виду лишь свой собственный интерес <…> преследует лишь свою собственную выгоду, <…> невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения». Этой целью является эффективное использование капитала на более широком рынке — богатство народов. Отдельные действия, создающие эффективные рынки, складываются в потрясающе сложную систему, загадку, которую ни один человек или организация не может и надеяться познать или понять, не говоря уже о том, чтобы направлять: «Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы <…> присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению…»[2].

Неолиберальный экономист Фридрих Хайек, чьи идеи мы кратко рассмотрели в главе 2, поскольку они послужили основой для рыночно ориентированной экономической политики последнего полувека, извлек самые базовые положения своей аргументации из допущений Смита относительно целого и части. «Адам Смит, — писал Хайек, — был первым, кто понял, что методы упорядочения экономического сотрудничества, на которые мы натолкнулись, не умещаются в пределах нашего знания и нашего восприятия. Его „невидимую руку“, наверное, правильнее было бы определить как невидимую или не поддающуюся непосредственному восприятию структуру (pattern)»[3].

Подобно Планку, Мейеру и Скиннеру, Хайек и Смит недвусмысленно связывают свободу с незнанием. В интерпретации Хайека, тайна рынка заключается в том, что огромное множество людей ведут себя эффективно, оставаясь в неведении о целом. Люди не только *могут* свободно выбирать, но они *должны* свободно выбирать, чем заниматься, потому что альтернативы нет, нет никакого источника тотального знания или сознательного контроля, чтобы их направлять. «Человеческий проект» невозможен, говорит Хайек, потому что соответствующие информационные потоки шире, чем «сфера, подконтрольная чьему бы то ни было разуму». Динамика рынка позволяет людям действовать, оставаясь в неведении, «без чьих-либо указаний, что же им надлежит делать»[4].

Хайек выбрал рынок, а не демократию, утверждая, что рыночная система обеспечивает не только разделение труда, но и «скоординированное употребление ресурсов, основанное на *равномерно разделенном знании*». Эта система, утверждал он, единственная, совместимая со свободой. Не исключено, что можно придумать какую-то другую разновидность цивилизации, считал он, «вроде „государства“ муравьев», но она не будет совместима с человеческой свободой[5].

Но что-то здесь не так. Да, многие капиталисты, включая надзорных капиталистов, энергично используют эти старинные оправдания своей свободы, отвергая нормативные, законодательные, судебные, социальные или любые другие формы вмешательства общества в методы своей работы. Тем не менее Большой Другой и устойчивый рост инструментарной власти бросают вызов классическому балансу свободы и незнания.

Когда дело доходит до операций надзорных капиталистов, «рынок» больше не является невидимым, по крайней мере так, как это представляли себе Смит или Хайек. Конкурентная борьба среди надзорных капиталистов порождает стремление к тотальности. Тотальная информация ведет к определенности и перспективе гарантированных результатов. Эти операции означают, что спрос и предложение на рынках поведенческих фьючерсов оцифровываются в мельчайших деталях. Таким образом, надзорный капитализм заменяет тайну на определенность, предлагая оцифровку, изме-

нение поведения и прогнозирование вместо старой «необозримой картины». Это кардинальный отказ от классического идеала «рынка» как по самой своей природе непознаваемого.

Вспомним похвальбу Марка Цукерберга о том, что Facebook будет знать каждую книгу, фильм и песню, которые когда-либо смотрел, читал или слушал человек, и что его прогностические модели подскажут вам, в какой бар идти, когда вы прибудете в незнакомый город, причем у бармена будет наготове ваш любимый напиток[6]. Как однажды размышлял руководитель подразделения Facebook по науке о данных:

> Никогда еще мир не видел такого количества и качества данных о человеческом общении <…>. Впервые у нас есть микроскоп, который <…> позволяет нам исследовать социальное поведение на тончайшем уровне, на котором его до сих пор не удавалось увидеть…[7]

Один из ведущих инженеров Facebook лаконично сказал об этом: «Мы пытаемся составить модель всего на свете и того, как оно связано со всем остальным»[8].

Эти цели разделяют и другие ведущие надзорно-капиталистические фирмы. Как заметил в 2010 году Эрик Шмидт из Google:

> Вы даете нам больше информации о себе, своих друзьях, и мы можем улучшить качество нашего поиска. Нам вообще не нужно, чтобы вы набирали текст. Мы знаем, где вы находитесь. Мы знаем, где вы бывали раньше. Мы более или менее можем знать, о чем вы думаете[9].

Сатья Наделла из Microsoft понимает все физические и институциональные пространства, людей и социальные отношения как индексируемые и доступные для поиска — все это годится для машинного мышления, распознавания образов, прогнозирования, упреждения, прерывания и модификации[10].

Надзорный капитализм — это не тот же старый капитализм, и его лидеры — не капиталисты Смита или даже Хайека. При этом режиме свобода и незнание больше не близнецы, не две стороны одной медали, имя которой — тайна. Надзорный капитализм определяется беспрецедентной конвергенцией свободы *и* знания. Степень

этой конвергенции в точности соответствует размаху инструментарной власти. Это беспрепятственное накопление власти эффективно подрывает общественное разделение знания, создавая динамику включения и исключения, от которой зависят надзорные доходы. Надзорные капиталисты говорят о необходимости свободы для упорядочивания знания, а затем используют это преимущество в знании для защиты и расширения своей свободы.

Хотя нет ничего необычного в том, что капиталистические предприятия стремятся получить всевозможные преимущества в знании на конкурентном рынке, возможности надзорных капиталистов, превращающих незнание в знание, беспрецедентны, поскольку они опираются на тот ресурс, который отличает надзорных капиталистов от традиционных утопистов — финансовый и интеллектуальный капитал, обеспечивающий настоящее преобразование мира, материализованный в постоянно расширяющихся архитектурах Большого Другого. Еще поразительнее, что источником надзорного капитала является изъятие человеческого опыта, воплощенное в его односторонних и всепроникающих программах оцифровки: *они прочесывают и продают наши жизни, чтобы финансировать свою свободу и наше подчинение, свое знание и наше незнание того, что они знают*.

Это новое состояние разрушает неолиберальное оправдание выхолащивания «двойного процесса» и триумфа дикого капитализма — свободных рынков, рациональных агентов и саморегулирующихся предприятий. Это говорит о том, что надзорные капиталисты овладели риторикой и политическим гением идеологов неолиберализма, в то же время следуя новой логике накопления, отрицающей самые фундаментальные постулаты капиталистического мировоззрения. Дело не в том, что просто перетасованы карты; сами правила игры преобразованы в нечто беспрецедентное и невообразимое вне цифровой среды и в отсутствие огромных ресурсов богатства и научного таланта, которые положили на стол новые прикладные утописты.

Мы тщательно рассмотрели новаторские основополагающие механизмы, экономические императивы, растущую власть и социальные цели надзорного капитализма. Один из выводов нашего расследования состоит

в том, что власть и контроль надзорного капитализма над общественным разделением знания — его фирменная черта, которая порывает со старыми оправданиями в духе невидимой руки и вытекающими из них правами. Комбинация знания и свободы усиливает асимметрию власти между надзорными капиталистами и обществами, в которых они действуют. Этот цикл будет прерван лишь тогда, когда мы — граждане, общества и цивилизация в целом — поймем, что надзорные капиталисты *знают слишком много, чтобы претендовать на свободу*.

II. После взаимности

Еще один решительный разрыв надзорных капиталистов с капиталистическим прошлым состоит в отказе от органической взаимности с людьми, которая долгое время была признаком стойкости и приспособляемости капитализма. Символизируемая в XX веке пятидолларовым днем Форда, эта взаимность восходит к первоначальным озарениям Адама Смита относительно продуктивных социальных отношений капитализма, когда фирмы полагаются на людей как на наемных работников и как на клиентов. Смит утверждал, что рост цен должен был быть уравновешен ростом заработной платы, «чтобы рабочий мог по-прежнему приобрести то количество этих необходимых предметов, которого требует для него состояние спроса на труд...»[11]. Движение за права акционеров и глобализация в значительной степени разрушили этот многовековой общественный договор между капитализмом и его обществами, заменив взаимность формальным безразличием. Надзорный капитализм идет дальше. Он не только отбрасывает Смита, но и официально отменяет любые остающиеся взаимности с обществом.

Во-первых, надзорные капиталисты больше не нуждаются в людях как в потребителях. Вместо этого ось спроса и предложения разворачивает надзорную капиталистическую фирму в направлении бизнесов, жаждущих предвидеть поведение отдельных лиц, групп и целых обществ. В результате, как мы видели, «пользователи» становятся источниками сырья для производ-

ственного процесса цифрового века, ориентированного на нового бизнес-клиента. В тех случаях, когда отдельный потребитель продолжает существовать как часть надзорно-капиталистических операций — например, покупая пылесосы Roomba, кукол-шпионов, умные бутылки водки или основанные на поведении страховые полисы, — социальные отношения больше не строятся на взаимном обмене. В этих и многих других случаях продукты и услуги служат всего лишь «хозяевами» для паразитических операций надзорного капитализма.

Во-вторых, по историческим меркам крупные надзорные капиталисты нанимают относительно мало работников по сравнению со своими беспрецедентными вычислительными ресурсами. Эта схема, при которой небольшая, высокообразованная рабочая сила повелевает мощью огромной капиталоемкой инфраструктуры, называется гипермасштабированием. Историческая беспрецедентность этих гипермасштабных бизнес-операций становится очевидной, если сравнить уровни занятости и рыночной капитализации General Motors в течение семи десятилетий с соответствующими недавними (после IPO) данными по Google и Facebook. (Я ограничилась здесь Google и Facebook, потому что обе компании были чисто надзорными капиталистическими фирмами еще до публичного размещения акций.)

С момента, когда они стали публичными, и до 2016 года рыночная капитализация Google и Facebook неуклонно росла, достигнув 532 миллиардов долларов к концу 2016 года для Google и 332 миллиардов долларов для Facebook, при этом в Google никогда не было занято более 75 000 человек, а в Facebook — более 18 000. General Motors потребовалось четыре десятилетия, чтобы достичь максимальной рыночной капитализации в 225,15 миллиарда долларов в 1965 году, когда в нем работало 735 000 женщин и мужчин[12]. Больше всего поражает, что в GM было занято больше людей в разгар Великой депрессии, чем в Google или Facebook, когда они достигли высот рыночной капитализации.

История GM — это образцовая американская история XX века, до того, как глобализация, неолиберализм, движение за права акционеров и плутократия развалили публичную корпорацию и институты «двойного

процесса». Существование этих институтов оправдывало политику занятости GM справедливыми трудовыми практиками, профсоюзами и коллективными переговорами, символизирующими стабильную взаимность в течение десятилетий, предшествовавших глобализации в XX веке. Так, в 1950-х годах 80% взрослых американцев сказали, что «большой бизнес» — благо для страны, 66% полагали, что бизнес не нуждается или почти не нуждается в каких-либо изменениях, а 60% согласились с тем, что «прибыли крупных компаний помогают улучшить жизнь всем, кто покупает их товары или услуги»[13].

Хотя некоторые критики считали эту взаимность причиной неспособности GM адаптироваться к глобальной конкуренции в конце 1980-х годов, которая в конечном итоге привела к его банкротству в 2009 году, анализ показал, что основную ответственность за легендарный упадок фирмы несут хроническая самоуспокоенность менеджмента и заведомо провальные финансовые стратегии. Этот вывод подтверждается успехами немецкой автомобильной промышленности в XXI веке, где сильные трудовые институты имеют официальные полномочия по принятию решений[14].

Гипермасштабные фирмы стали символом современного цифрового капитализма, и, как капиталистические изобретения, они поднимают серьезные социальные и экономические проблемы, включая их влияние на занятость и заработную плату, концентрацию и монополизацию[15]. В 2017 году 24 гипермасштабные фирмы эксплуатировали 320 центров обработки данных, в которых работали от тысяч до миллионов серверов (Google и Facebook были среди крупнейших из них[16].

Однако не все гипермасштабные фирмы относятся к надзорному капитализму, и наше внимание здесь ограничено конвергенцией этих двух сфер. Надзорные капиталисты, которые работают в гипермасштабе или полагаются на аутсорсинг гипермасштабных операций, резко сокращают какую бы то ни было зависимость от своих обществ как источников наемных работников, и те немногие, за кого они все же конкурируют, как мы видели, набираются из специалистов по данным самого высокого уровня.

Отсутствие органической взаимности с народом как источником потребителей или работников — вопрос исключительной важности в свете исторических отношений между рыночным капитализмом и демократией. На самом деле, происхождение демократии как в Америке, так и в Британии восходит именно к этой взаимности. В Америке нарушение взаимности с потребителями пробудило неудержимый импульс к свободе по мере превращения экономической власти в политическую. Спустя полвека в Британии неохотное, продиктованное чисто практическим нуждами, корыстное уважение к неизбежной взаимозависимости капитала и труда переросло в новые конфигурации политической власти, выразившиеся в постепенном расширении права голоса и ненасильственном переходе к более инклюзивным демократическим институтам. Даже краткий взгляд на эти изменившие мир события может помочь нам понять, насколько надзорный капитализм отклоняется от типичного капиталистического прошлого.

Американская революция — яркий пример того, как взаимность с потребителями способствовала росту демократии. Историк Т. Х. Брин в своем новаторском исследовании «Рынок революции» утверждает, что именно нарушение этих взаимностей проложило дорогу к революции, объединив разрозненных, незнакомых друг другу провинциалов в радикально новую патриотическую силу. Брин объясняет, что американские колонисты стали зависеть от «империи товаров», импортируемых из Англии, и что эта зависимость вызвала чувство взаимообязывающего общественного договора: «Для простых людей ощутимый опыт участия в расширяющемся англо-американском потребительском рынке» усиливал их чувство «подлинного партнерства» с Англией[17]. В конечном итоге, как известно, британский парламент неверно понял права и обязанности, вытекающие из этого партнерства, введя серию налогов, которые превратили импортные товары, такие как ткань и чай, в «символы имперского гнета». Брин описывает оригинальность политического движения, рожденного в общем опыте потребления, возмущение нарушением основных взаимозависимостей между производителем и потребителем, а также решимость заставить «товары говорить с властью».

Превращение потребительских ожиданий в демократическую революцию происходило в три этапа, начавшись в 1765 году, когда Гербовый акт вызвал массовые протесты, беспорядки и организованное сопротивление, которые в конечном итоге вылились в «антиимпортное движение» (сегодня мы бы назвали это потребительским бойкотом). В изложении Брина, важны были не столько конкретные детали Гербового акта, сколько осознание колонистами того, что Англия не воспринимает их равными себе, обладающими политическими и экономическими правами людьми, связанными взаимовыгодными отношениями:

> Поставив под угрозу способность американцев покупать желаемые товары, парламент продемонстрировал намерение относиться к колонистам как к подданным второго сорта, заставляя платить высокую цену за стремление к материальному счастью[18].

Гербовый акт был воспринят как нарушение прав колонистов не только как подданных империи, но и как потребителей империи — это был первый случай трансформации экономической власти потребителей в политическую власть, «радикально новая форма политики», в рамках которой самые рядовые члены колониального общества испытали «головокружительный всплеск полномочий»[19]. Парламент отозвал Гербовый акт еще до того, как антиимпортное движение успело эффективно распространиться по колониям, и было похоже, что принцип «нет налогообложения без представительства» возобладал.

Когда всего два года спустя, в 1767 году, были приняты законы Тауншенда, на этот раз вводившие налоги на ряд импортируемых товаров, новая волна возмущения мобилизовала людей в каждой колонии. Детальные антиимпортные соглашения превратили жертву со стороны потребителей в линию политического сопротивления. Общий опыт нарушенных ожиданий не зависел от региональных, религиозных и культурных различий, обеспечив новую основу для социальной солидарности[20]. К 1770 году законы Тауншенда также были отменены, и снова казалось, что полномасштабного восстания удастся избежать.

Чайный закон 1773 года вверг колонии в новую фазу сопротивления, которая сместила политический акцент с бойкота импорта, который зависел от дисциплины торговцев, на *бойкот потребления*, который требовал участия всех людей в рамках уникальной солидарности в их общем статусе как «покупателей». Именно в этом контексте Сэмюэль Адамс провозгласил, что дело свободы «зависит от способности американского народа освободиться от „британских безделушек“»[21].

Британские товары стали настолько ярко символизировать зависимость и угнетение, что, когда жители крошечного бедного городка Гарвард, штат Массачусетс, собрались, чтобы обсудить прибытие в Бостонскую гавань торговых судов, загруженных сундуками с чаем, они сочли это «вопросом не менее интересным и важным, если рассматривать все его последствия не только для этого города и провинции, но для Америки в целом и для грядущих веков и поколений, чем любой другой вопрос, когда-либо обсуждавшийся в этом городе»[22].

Год спустя, в 1774 году, в Филадельфии собрался Первый континентальный конгресс, который принял «грандиозную схему» отмены торговли с Англией. «Это было плодом блестяще оригинальной стратегии потребительского сопротивления политическому угнетению, — пишет Брин, — стратегии, которая предлагала американцам взглянуть на себя как на американцев еще до того, как они начали питать мысли о независимости»[23].

В Великобритании начала XIX века, как показали Дарон Аджемоглу и Джеймс А. Робинсон, развитие демократии было неразрывно связано с зависимостью промышленного капитализма от «масс» и вклада последних в процветание, обусловленного новой организацией производства[24]. Рост массового производства и связанной с ним наемной рабочей силы дал британским рабочим экономическую власть и привел к растущему пониманию их политической власти и легитимности. Это породило новое чувство взаимозависимости между простыми людьми и элитами.

Аджемоглу и Робинсон приходят к выводу, что «динамическая положительная обратная связь» между «инклюзивными экономическими институтами» (то есть промышленными фирмами, практикующими взаимность

со своими работниками) и политическими институтами имела решающее значение для крупных ненасильственных демократических реформ в Великобритании. Инклюзивные экономические институты, утверждают они, «выравнивают игровое поле», особенно когда речь идет о борьбе за власть, что делает для элит более трудным «усмирить массу недовольных граждан силой», вместо того чтобы пойти им на уступки. Взаимность в сфере занятости порождала и поддерживала взаимность в политике:

> Подавление народного протеста и борьба с инклюзивными политическими институтами могли разрушить <…> [экономические] приобретения, и если бы правящие круги противились дальнейшему развитию демократии, они сами могли бы вследствие этого разрушения потерять собственное благосостояние[25].

В противоположность прагматическим уступкам ранних британских промышленных капиталистов крайняя структурная независимость надзорных капиталистов от человека порождает эксклюзивность вместо инклюзивности и закладывает основу для уникального подхода, который мы назвали радикальным безразличием.

III. Новый коллективизм и виртуозы радикального безразличия

Накопление свободы *и* знания в сочетании с отсутствием органической взаимности с людьми формирует третью необычную черту надзорного капитализма — коллективистскую ориентацию, которая, расходясь с давними ценностями рыночного капитализма и рыночной демократии, также резко отклоняется от неолиберального мировоззрения, стоявшего у истоков надзорного капитализма. Ради собственного коммерческого успеха надзорный капитализм направляет нас к коллективу улья. Этот приватизированный инструментарный общественный строй представляет собой новую форму коллективизма, при которой рынок, а не государство концентрирует в своей сфере и знание, и свободу.

Эта коллективистская ориентация — явление неожиданное, учитывая корни надзорного капитализма в нео-

либеральном учении, возникшем шестьдесят лет назад как реакция на кошмар тоталитарного коллективизма середины XX века. Позже, с исчезновением угроз со стороны фашизма и социализма, идеологи неолиберализма сумели ловко переопределить современное демократическое государство как новый источник коллективизма, которому нужно сопротивляться всеми возможными средствами. Выхолащивание «двойного процесса» творилось во имя победы над предполагаемой коллективистской опасностью «избытка демократии»[26]. Теперь улей имитирует «государство муравьев», которое даже презиравший демократию Хайек высмеивал как нечто несовместимое с человеческой свободой.

Конвергенция свободы и знания превращает надзорных капиталистов в самозваных хозяев общества. Со своих доминирующих позиций в сфере разделения знания привилегированная каста «настройщиков» управляет ульем, культивируя его как источник непрерывных поставок сырья. Подобно тому как менеджеров начала XX века учили «административной точке зрения» как режиму знания, необходимому в условиях иерархической сложности новой большой корпорации, сегодняшние первосвященники практикуют прикладное искусство радикального безразличия — принципиально асоциальный режим знания. Когда применяется радикальное безразличие, контент оценивается по его объему, диапазону и глубине содержащегося в нем излишка, измеряемым «анонимной» эквивалентностью кликов, лайков и времени задержки, несмотря на очевидный факт, что вложенные в него и глубоко непохожие друг на друга смыслы берут свое начало в совершенно различных человеческих ситуациях.

Радикальное безразличие — это ответ на экономические императивы, и лишь изредка мы можем беспрепятственно бросить взгляд на его применение в качестве чисто управленческой нормы. Одним из таких эпизодов был внутренний меморандум Facebook 2016 года, ставший доступным порталу BuzzFeed в 2018 году. Написанный одним из давних и наиболее влиятельных руководителей компании Эндрю Босуортом, он дал представление о применении радикального безразличия на практике. «Мы часто говорим о хорошем и плохом в нашей рабо-

те. Я хочу поговорить о грязном», — начинает Босуорт. Далее он объясняет, что в рамках мировоззрения «организм среди организмов», необходимого для продвижения к тотальности и, следовательно, к росту надзорных доходов, эквивалентность выше равенства:

> Мы соединяем людей. Это может быть благом, если они воспользуются этим во благо. Может, кто-то найдет свою любовь. Может, это даже спасет жизнь тому, кто был на грани самоубийства. И мы соединяем все больше людей. Это может быть злом, если они используют это во зло. Может, это будет стоить чьей-то жизни, если кто-то подвергнется травле. Может, кто-то погибнет в результате террористической атаки, скоординированной с помощью наших инструментов. И все же мы соединяем людей. Грязная правда в том, что <...> все, что позволяет нам связывать больше людей, де-факто чаще хорошо. Это, наверно, единственная область, в которой метрикам можно верить в том, что касается нас <...> Поэтому все, что мы делаем для роста, оправданно. Все эти сомнительные практики импорта контактов. Все эти уклончивые формулировки, которые помогают людям оставаться доступными для поиска друзьями. Все, что мы проделываем, чтобы дать людям больше общения <...> Выигрывают не лучшие продукты. Выигрывают те продукты, которыми все пользуются <...> не стоит обольщаться: тактики роста — это то, как мы добились того, чего добились[27].

Как дает ясно понять Босуорт, с точки зрения радикального безразличия плюсы и минусы должны рассматриваться как нечто равноценное, несмотря на различные моральные смыслы и человеческие последствия. С этой точки зрения единственной рациональной целью является стремление создавать продукты, которые «всех заманят», а не «лучшие продукты».

Важным результатом систематического применения радикального равнодушия является то, что обращенный к публике «первый текст» может быть легко испорчен содержанием, которое обычно воспринималось бы как неприемлемое: ложь, систематическая дезинформация, мошенничество, насилие, разжигание ненависти и т. д. Пока контент способствует «тактике роста», Facebook «побеждает». Эта уязвимость может быть взрывоопасной проблемой на стороне спроса, на стороне пользователя, но она прорвется сквозь укрепления радикального безразличия лишь тогда, когда станет угро-

жать прервать поток излишка для второго, «теневого» текста — того, который для них, а не для нас. Норма состоит в том, что деградация контента не рассматривается как нечто проблематичное, если не представляет собой жизненную угрозу операциям снабжения — императив связанности Босуорта — либо потому, что может отпугнуть пользователя, либо потому, что может привлечь внимание регулирующих органов. Это означает, что любые усилия по «модерации контента» следует рассматривать как защитные меры, а не как проявление социальной ответственности.

На сегодняшний день самые большие проблемы для радикального безразличия возникли как следствие непомерных амбиций Facebook и Google по вытеснению профессиональной журналистики в интернете. Обе корпорации взяли на себя роль посредников между издателями и их читателями, подчинив журналистский «контент» тем же категориям эквивалентности, которые господствуют в других пространствах надзорного капитализма. Строго говоря, профессиональная журналистика является полной противоположностью радикального безразличия. Работа журналиста состоит в том, чтобы создавать новости и анализ, которые отделяют правду от лжи. Этот отказ от эквивалентности задает весь смысл существования журналистики, а также ее органическую взаимность с читателями. При надзорном капитализме, однако, эта взаимность стирается. К важным последствиям, к примеру, привело решение Facebook стандартизировать подачу контента новостной ленты таким образом, чтобы «все новости выглядели примерно одинаково <...> будь то расследования в Washington Post, сплетни в New York Post или откровенная ложь в Denver Guardian, газете насквозь поддельной»[28]. Это выражение эквивалентности без равенства сделало «первый текст» Facebook крайне уязвимым для того, что станет известно как «fake news».

Это тот контекст, в котором Facebook и Google оказались в центре внимания всего мира после обнаружения организованных политических кампаний дезинформации и проплаченных «fake news» во время президентских выборов в США 2016 года и британского голосования по Brexit ранее в том же году. Эконо-

мисты Хант Оллкотт и Мэтью Генцкоу, которые подробно изучили эти явления, определяют «fake news» как «искаженные сигналы, никак не связанные с истиной», которые создают «частные и социальные издержки, усложняя… осложняя построение истинной картины мира…» Они обнаружили, что в преддверии выборов 2016 года в США имело место 760 миллионов случаев, когда пользователи читали эту преднамеренно организованную ложь в интернете, или около трех таких эпизодов на каждого взрослого американца[29].

Однако радикальное безразличие предсказуемо привело к тому, что «fake news» и другие формы подрыва качества информации стали привычными чертами онлайн-среды Google и Facebook. Можно найти бесчисленные примеры дезинформации, которые сохранялись и даже процветали, потому что выполняли экономические императивы, и я назову лишь несколько. В 2007 году один видный финансовый аналитик выразил обеспокоенность тем, что кризис ипотечного кредитования может нанести вред прибыльному рекламному бизнесу Google. Это может казаться странным, пока вы не узнаёте, что в годы, предшествовавшие Великой рецессии, Google охотно приветствовал теневых субстандартных кредиторов на своих рынках поведенческих фьючерсов, стремясь получить львиную долю из тех 200 миллионов долларов, которые ипотечные кредиторы ежемесячно тратили на рекламу в интернете[30]. В отчете некоммерческой организации Consumer Watchdog за 2011 год о рекламных методах Google, незадолго до и во время Великой рецессии, делается вывод о том, что «Google стал одним из тех, кто больше всех выиграл от национального кризиса ипотечного кредита, принимая обманчивую рекламу от мошеннических операторов, которые раздают неосторожным потребителям лживые обещания решить их проблемы с ипотекой и кредитами». Несмотря на эти факты, которые становились все более известными, Google продолжал обслуживать своих мошеннических бизнес-клиентов до 2011 года, когда министерство финансов США наконец потребовало от компании приостановить рекламные отношения с «более чем 500 интернет-рекламодателями, связанными с 85 предполагаемыми схемами мошенничества

с ипотекой в интернете и соответствующей недостоверной рекламой»[31].

Всего за несколько месяцев до этого министерство юстиции оштрафовало Google на 500 миллионов долларов, что стало «одним из самых крупных денежных наказаний в истории», за прием рекламы от канадских онлайн-аптек, которая, несмотря на неоднократные предупреждения, поощряла пользователей Google в США незаконно импортировать лекарства, оборот которых строго контролируется. Как сообщил прессе заместитель генерального прокурора США:

> Министерство юстиции будет продолжать привлекать к ответственности компании, которые в погоне за прибылью нарушают федеральное законодательство и ставят под угрозу здоровье и безопасность американских потребителей[32].

Обилие недостоверной информации характерно и для среды Facebook. Обвинения, связанные с кампаниями политической дезинформации в США и Великобритании 2016 года в Facebook — широко известная проблема, обезобразившая выборы и социальный дискурс в Индонезии, на Филиппинах, в Колумбии, Германии, Испании, Италии, Чаде, Уганде, Финляндии, Швеции, Голландии, Эстонии и Украине. Ученые и политические аналитики годами пытались привлечь внимание к вредоносности онлайн-дезинформации[33]. Один политический аналитик на Филиппинах в 2017 году беспокоился, что, возможно, уже слишком поздно решать эту проблему: «Первые признаки мы видели еще несколько лет назад… Голоса, прежде державшиеся в тени, теперь оказались в центре публичного дискурса»[34].

Руководящие принципы радикального безразличия можно наблюдать в действиях скрытой низкооплачиваемой рабочей силы Facebook, на которую возложена задача ограничивать деградацию первого текста. Нигде непомерное влияние надзорного капитализма на общественное разделение знания не находит более конкретного проявления, чем в выполнении этой грязной функции «модерации контента», и нигде взаимосвязь экономических императивов и разделения знания не обнажается так ярко, как в повседневной банальности этого рационализированного рабочего процесса, в котором

ужас и ненависть всего мира приговаривается к жизни или смерти с такой скоростью и в таком объеме, которые оставляют лишь мгновение на то, чтобы принять решение, заблокировать или пропустить. Только благодаря решительным действиям нескольких журналистов-расследователей и ученых мы можем бросить редкий взгляд на эти в высшей степени секретные процедуры, распределенные сегодня между целым рядом call-центров, мелких фирмочек и сайтов «микрозанятости» по всему миру. Как отмечается в одном репортаже, «Facebook и Pinterest, наряду с Twitter, Reddit и Google, отказались предоставлять копии своих нынешних или прошлых руководящих принципов внутренней модерации»[35].

В тех немногих статьях, в которых удалось дать оценку работе Facebook, этот мотив возникает неизменно. Эта секретная рабочая сила — одни оценивают ее в по меньшей мере 100 000 «модераторов контента», по подсчетам других, цифра должна быть намного выше, — действует на определенном удалении от основных функций корпорации, сочетая человеческое суждение и инструменты машинного обучения[36]. Называемые иногда «санитарами», они просматривают длинную очередь контента, отмеченного пользователями в качестве проблемного. Хотя некоторые общие правила, например касающиеся порнографии и показа жестокого обращения с детьми, применяются единообразно, существуют детальные правила, направленные на то, чтобы отклонять как можно меньше контента в контексте локальной оценки минимального порога терпимости пользователей. Основная задача всей затеи — найти точку равновесия между способностью привлечь пользователей и их излишки на сайт и риском оттолкнуть их. Это расчеты радикального безразличия, которые не имеют ничего общего с оценкой правдивости контента или подержания взаимности с пользователями[37]. Это помогает объяснить, почему устранение дезинформации — не приоритет. В репортаже об одном расследовании цитируются слова одного из сотрудников Facebook: «У них есть абсолютно все инструменты, чтобы прикрыть „fake news“...»[38].

Тот факт, что радикальное безразличие порождает эквивалентность без равенства, влияет также на науку целевой рекламы. Например, журналистка Джулия Эн-

гвин и ее коллеги из организации ProPublica обнаружили, что Facebook «позволил рекламодателям включить свои материалы в новостные ленты почти 2300 человек, которые проявили интерес к таким темам, как „ненавистник евреев“, „как сжигать евреев“ или „История того, почему евреи губят мир“»[39]. Как объяснили журналисты, «Facebook уже давно практикует политику невмешательства по отношению к своему рекламному бизнесу <…> Facebook автоматически генерирует свои рекламные категории как на основе того, чем пользователи делятся с Facebook в явном виде, так и учитывая то, что они неявно сообщают о себе своими действиями онлайн». Точно так же репортеры из BuzzFeed обнаружили, что Google позволяет рекламодателям настраивать таргетинг объявлений на людей, которые вводят расистские термины в строку поиска, и даже предлагает варианты размещения объявлений рядом с результатами поисков «коварные евреи» и «контроль евреев над банками»[40].

После выборов 2017 года в США и Великобритании, когда «fake news» были у всех на устах, журналисты обнаружили сотни случаев, когда прогнозные алгоритмы размещали рекламу признанных брендов, таких как Verizon, AT&T и Walmart, рядом с материалами вопиющего содержания, включая дезинформацию, ненавистнические высказывания, экстремистский политический контент, а также с террористическими, расистскими и антисемитскими публикациями и видеороликами[41].

Интереснее всего было предполагаемое возмущение и удивление клиентов надзорного капитализма — рекламных агентств и их заказчиков, которые давным-давно продали душу радикальному безразличию, превратив Google и Facebook в дуополию рынка онлайн-рекламы и стимулируя мощный рост надзорного капитализма[42]. К тому времени прошло почти два десятилетия с тех пор, как Google изобрел формулу, которая отдавала рекламное место на откуп показателям эквивалентности на основе подсчета кликов, вытеснив более ранние подходы, которые пытались увязывать рекламу с контентом, отражающим ценности бренда рекламодателя. Клиенты отказались от этих установившихся взаимностей в пользу «автомагических» секретных алгоритмов Google, обученных на проприетарном пове-

денческом излишке, изъятом у ничего не подозревающих пользователей. В сущности, именно радикальное безразличие подсчета кликов в первую очередь и породило онлайн-проявления экстремизма и стремления к сенсационности, поскольку прогнозные продукты отдают предпочтение контенту, созданному, чтобы привлекать внимание.

Скандалы вокруг выборов без прикрас показали эти устоявшиеся практики, к которым мир уже успел привыкнуть. В пылу этих споров многие ведущие бренды демонстративно объявили о приостановке рекламы в Google и Facebook до тех пор, пока эти компании не устранят предосудительный контент или не гарантируют приемлемые принципы размещения рекламы. Политики в Европе и США обвиняли Google и Facebook в том, что они наживаются на ненависти и ослабляют демократию с помощью неприемлемой информации. Первоначально обе компании исходили из того, что шум быстро утихнет. Марк Цукерберг заявил, что было бы «безумием»[43] думать, что «fake news» повлияли на выборы. Google ответил своим рекламным клиентам расплывчатыми банальностями, не предложив существенных изменений.

Это был не первый случай, когда публика и пресса призвали ведущих надзорных капиталистов к ответу[44]. В дополнение к многочисленным раундам возмущения, вызванным Просмотром улиц, Beacon, Gmail, Google Glass, новостной лентой Facebook и другими вторжениями, откровения Эдварда Сноудена о сговоре технологических компаний с государственными спецслужбами в 2013 году вызвали бурю международного негодования, направленного на надзорных капиталистов. Google и Facebook научились выдерживать эти шторма с помощью того, что я назвала циклом изъятия, и внимательный анализ этого нового кризиса показывал, что очередной цикл находился в полном разгаре. По мере роста угрозы вмешательства со стороны регулирующих органов, фаза адаптации в этом цикле оказалась особенно яркой. Последовали публичные извинения, акты раскаяния, попытки умиротворения и выступления перед Конгрессом США и парламентом ЕС[45]. Цукерберг «сожалел» о своем «пренебрежительном» от-

ношении и молился о прощении в еврейский день искупления, Йом Кипур[46]. Шерил Сандберг сказала ProPublica, что «мы никогда не хотели и не могли представить, чтобы эта функциональность использовалась подобным образом…»[47]. Facebook признал, что может делать больше для борьбы с экстремизмом в интернете[48]. Глава европейского подразделения Google сказал клиентам: «Мы приносим свои извинения. Когда бы ни происходило подобное, мы не хотим такого и берем на себя ответственность за это»[49].

В полном согласии с целями фазы адаптации цикла изъятия, издание Bloomberg Businessweek заметило о Google: «Компания пытается бороться с фальшивыми новостями, не внося радикальных изменений»[50]. Хотя и Google, и Facebook сделали небольшие операционные коррективы, пытаясь уменьшить экономические стимулы для дезинформации, и ввели системы оповещения для предупреждения пользователей о возможных злоупотреблениях, Цукерберг также использовал свое право суперголосования, чтобы отклонить предложение акционеров, которое потребовало бы от компании отчитываться о том, как она решает проблему дезинформации и социальных последствий своей деятельности, а руководители Google в том же году успешно отбились от аналогичного предложения акционеров[51]. Время покажет, смогут ли пользователи и клиенты навлечь финансовое наказание на эти компании, и если да, то насколько долговременными окажутся эти усилия.

К началу 2018 года, тихо перейдя от адаптации к перенаправлению, Facebook уже стоял на пороге того, чтобы превратить кризис в новые возможности. «Несмотря на то что мы сталкиваемся с важными проблемами <…> мы также должны продолжать создавать новые инструменты, чтобы помочь людям связываться друг с другом, укреплять наши сообщества и сближать мир», — сказал Цукерберг инвесторам[52]. За сообщением Цукерберга последовало заявление ответственного в компании за новостную ленту, в котором было объявлено, что отныне предпочтение в ленте будет отдаваться сообщениям друзей и родственников, особенно сообщениям, которые «вызывают на диалог и осмыс-

ленное взаимодействие между людьми <...> мы будем прогнозировать, какие сообщения могут подтолкнуть вас на обмен мнениями с друзьями <...> Это посты, которые вдохновляют на разговор <...> будь то пост друга, ищущего совета <...> новостная статья или видео, побуждающие к оживленному обсуждению <...> Видеотрансляции часто ведут к обсуждению зрителями <...> создавая в шесть раз больше взаимодействий, чем обычные видео»[53].

Радикальное безразличие означает, что не имеет значения, что внутри трубопровода, пока он наполнен и работает. Замаскированная под отход от злоупотреблений, новая стратегия удвоила усилия в области тех видов деятельности, которые богаты поведенческим излишком, особенно видеотрансляций, предмета давних мечтаний Цукерберга. В статье в New York Times рекламодатели поспешили отметить, что новые правила будут подпитывать «„давнишние“ видеоамбиции Facebook» и что компания ясно дала понять, что видит свое будущее в области видео и видеорекламы. Один рекламщик добавил, что видеоконтент — это «одна из тех вещей, которыми чаще всего делятся и которые больше всего комментируют в интернете»[54].

За всеми объяснениями засилья дезинформации в онлайн-среде надзорного капитализма стоит более глубокий и более упрямый факт: радикальное безразличие — постоянно действующее приглашение к злоупотреблениям в первом тексте. Оно поддерживает патологическое разделение общественного знания, отказываясь от честного информирования общества ради расширения объема и охвата теневого текста. Радикальное безразличие оставляет пустоту там, где когда-то процветала взаимность. При всех знаниях и всей свободе, которыми они обладают, это та пустота, которую надзорные капиталисты не способны заполнить, потому что это нарушит логику их собственного накопления. Очевидно, что мошеннические силы дезинформации осознают этот факт более четко, чем подлинные пользователи и клиенты Facebook или Google, продолжая учиться использовать слепоту радикального безразличия и усиливать перекосы разделения знания в открытом обществе.

IV. Что же такое надзорный капитализм?

Успешные притязания надзорного капитализма на свободу *и* знание, его структурная независимость от человека, его коллективистские амбиции, а также радикальное безразличие, которое оказывается возможным, необходимым и устойчивым в силу всех этих трех фактов, толкают нас сегодня к обществу, в котором капитализм не функционирует как средство утверждения инклюзивных экономических или политических институтов. Напротив, надзорный капитализм следует признать глубоко антидемократической социальной силой. Аргументы, к которым я прибегаю, не только мои. Они перекликаются с непреклонной защитой демократической перспективы в «Правах человека» Томаса Пейна, полемическом шедевре, в котором он оспаривал доводы в защиту монархии, выдвинутые в «Размышлениях о революции во Франции» Эдмунда Бёрка. Пейн высоко ставил возможности простого человека и выступал против аристократических привилегий. Среди доводов, приводившихся им против власти аристократии, было отсутствие у нее подотчетности потребностям людей, «потому что нельзя доверять группе людей, ни перед кем не несущих ответственности»[55].

Антидемократическую и антиэгалитарную махину надзорного капитализма лучше всего понимать как движимый рыночными императивами верхушечный переворот. Это не государственный переворот (coup d'état, «удар по государству») в классическом смысле, а скорее «удар по народу» (coup de gens), свержение власти народа, совершаемое теми, кто скрывается внутри технологического троянского коня, каковым и является Большой Другой. Аннексировав человеческий опыт, этот переворот достигает исключительно высокой концентрации знания и власти, которая оказывает привилегированное влияние на общественное разделение знания — происходит приватизация центрального принципа социального упорядочения в XXI веке. Подобно конкистадорам, молчаливо заклинавшим свои «Требования», надзорный капитализм действует через декларации и навязывает социальные отношения, характерные для тради-

ционной абсолютистской власти. Это форма тирании, которая кормится людьми, но не рождается от их плоти и крови. Этот переворот сюрреалистически превозносится как «персонализация», хотя в действительности он оскверняет, игнорирует, отвергает и вытесняет все, что есть личного во мне и вас.

«Тирания» — это не то слово, которое я выбрала с легкой душой. Подобно инструментарному улью, тирания — это уничтожение политики. Она зиждется на особой разновидности радикального безразличия, при которой каждый человек, кроме тирана, понимается как организм среди организмов, один из многих эквивалентных Других. Ханна Арендт заметила, что тирания — это перверсия эгалитаризма, поскольку она относится ко всем остальным как к одинаково незначительным: «тиран правит сообразно со своей собственной волей и интересом <…> [это] правитель, который один правит всеми, и „все“, которых он угнетает, равны, а именно в равной степени лишены власти». Арендт отмечает, что классическая политическая теория «ставила тирана вне человечества, смотрела на него как на „волка в человеческом обличье“…»[56] Надзорный капитализм правит посредством инструментарной власти, материализованной в Большом Другом, который, как и древний тиран, существует вне человечества, хотя и парадоксально принимает человеческий облик. Тирания надзорного капитализма требует кнута деспота не больше, чем она требует лагерей и гулагов тоталитаризма. Все, что нужно, можно найти в обнадеживающих сообщениях и смайликах Большого Другого, в давлении других, действующем не страхом, а непреодолимым побуждением к слиянию, в ткани вашей рубашки, пропитанной сенсорами, в нежном голосе, отвечающем на ваши запросы, в телевизоре, который вас слышит, в доме, который вас узнает, в кровати, которая ждет вашего шепота, в книге, которая читает вас… Большой Другой действует от имени беспрецедентной совокупности коммерческих операций, для которых изменение человеческого поведения — условие коммерческого успеха. Он заменяет законный договор, верховенство права, политику и общественное доверие новой формой суверенитета и осуществляемым в частном порядке режимом подкрепления.

Надзорный капитализм — это форма, не знающая границ, которая игнорирует старые различия между рынком и обществом, рынком и миром, рынком и человеком. Это форма, стремящаяся к извлечению прибыли, при которой производство подчиняется извлечению, когда надзорные капиталисты в одностороннем порядке претендуют на контроль над человеческими, общественными и политическими территориями, выходящими далеко за пределы традиционной институциональной территории частной фирмы или рынка. Глядя сквозь призму Карла Поланьи, мы видим, что надзорный капитализм включает человеческий опыт в динамику рынка, так что он получает новую жизнь в качестве поведения — четвертая «товарная фикция». Первые три товарных фикции Поланьи — земля, труд и деньги — подчинялись закону. Хотя эти законы были несовершенны, институты трудового права, экологического права и банковского права являются нормативно-правовой базой, призванной защитить общество (а также природу, жизнь и обмен) от самых худших эксцессов дикого капитализма и его разрушительных сил. Экспроприация человеческого опыта надзорным капитализмом не сталкивается с подобными препятствиями.

Успех этого верхушечного переворота — печальное свидетельство неудовлетворенных потребностей второго модерна, который позволил надзорному капитализму расцвести и по-прежнему остается его самой богатой жилой для добычи и эксплуатации. В этом контексте нетрудно понять, почему Марк Цукерберг из Facebook предлагает свою социальную сеть в качестве долгожданного решения проблем третьего модерна. Он предвидит тотальный инструментарный строй — он называет это новой глобальной «церковью» — который соединит людей всего мира с «чем-то большим, чем они сами». По его словам, именно Facebook по силам решить проблемы цивилизационного масштаба и диапазона, выстроив «долгосрочную инфраструктуру, объединяющую человечество» и обеспечивающую безопасность людей с помощью «искусственного интеллекта», который быстро понимает «что происходит в нашем обществе»[57]. Как и Пентленд, Цукерберг предвидит, что машинный интеллект сможет «различить риски, которые

никто другой бы не выявил: например, террористов, планирующих атаки, используя частные каналы, людей, преследующих кого-то, кто слишком запуган, чтобы сообщить об этом самостоятельно, и другие возможные проблемы, как локальные, так и глобальные»[58]. Когда его спросили об ответственности перед акционерами, Цукерберг сказал CNN: «Вот поэтому полезно иметь контроль над компанией»[59].

На протяжении более чем трех столетий индустриальная цивилизация стремилась осуществлять контроль над природой во благо человека. Машины были средством расширения и преодоления ограничений нашего животного тела, помогающими достичь этого господства. Только позже мы начали постигать последствия: вся Земля оказалась в опасности, поскольку хрупкие физические системы, когда-то регулировавшие моря и небеса, вышли из-под контроля.

Сегодня мы находимся в начале нового исторического цикла, который я называю информационной цивилизацией, и он повторяет то же опасное высокомерие. На этот раз цель не в том, чтобы покорить *природу*, а в том, чтобы покорить *человеческую природу*. Акцент сместился с машин, которые преодолевают ограничения тел, на машины, которые изменяют поведение индивидов, групп и целых обществ на службе рыночным целям. Это глобальное внедрение инструментарной власти преодолевает и заменяет собой внутренний мир человека, питающий волю к воле и поддерживающий наш голос от первого лица, подрубая демократию у самых ее корней.

Возвышение инструментарной власти, конечно же, подразумевалось как бескровный переворот. Вместо насилия, направленного на наши тела, инструментарный третий модерн действует приручением. Его решение в ответ на все более громкие требования эффективной жизни строится вокруг постепенного устранения хаоса, неопределенности, конфликта, разнобоя и отклонений от нормы в пользу предсказуемости, автоматической регулярности, прозрачности, слияния, убеждения и умиротворения. Ожидается, что мы уступим свои полномочия, ослабим опасения, приглушим голоса, поплывем по течению и сдадимся технологическим провидцам, богатство и власть которых служат гаран-

тией безошибочности их суждений. Предполагается, что мы примем будущее, в котором у нас будет меньше личного контроля и больше беспомощности, где разделяют и властвуют новые источники неравенства, где некоторые из нас — субъекты, а остальные — объекты, некоторые — стимул, а остальные — реакция.

Принуждение к этому новому видению угрожает другим хрупким системам, на отладку которых также ушли многие тысячелетия, но на этот раз это системы социального и психологического рода. Я говорю о тех завоеванных великими трудами плодах человеческих страданий и конфликтов, которые мы называем демократической перспективой, и об утверждении человека в качестве источника автономного морального суждения. Технологическая «неизбежность» — мантра, к которой нас приучили, но это экзистенциальный наркотик, прописанный, чтобы мы опустили руки, — сладкий дурман для духа.

Нам говорят о «шестом массовом вымирании», когда число видов позвоночных животных сокращается быстрее, чем когда-либо с конца эпохи динозавров. Этот катаклизм — непреднамеренное следствие безрассудных и оппортунистических методов, также превозносившихся как неизбежные, с помощью которых индустриализация навязала себя миру природы, потому что ее собственные рыночные формы не привлекали ее к ответственности. Сегодняшний рост инструментарной власти как фирменного выражения надзорного капитализма предвещает иное вымирание. Это «седьмое массовое вымирание» будет касаться не природы, а того, что считалось самым драгоценным в человеческой природе, — воли к воле, святости личности, уз близости, социальности, которая связывает нас обещаниями, и доверия, которое эти обещания порождают. Вымирание этого человеческого будущего будет не более непреднамеренным, чем любое другое.

V. Надзорный капитализм и демократия

Инструментарная власть набрала силу вне человечества, но также и вне демократии. Не может быть закона, защищающего нас от беспрецедентного, и демокра-

тические общества, подобно невинному миру индейцев таино, уязвимы перед лицом беспрецедентной власти. Тем самым надзорный капитализм может рассматриваться как часть тревожного глобального дрейфа — дрейфа в сторону того, что многие политологи сегодня считают смягчением общественного мнения относительно необходимости и нерушимости самой демократии.

Многие специалисты указывают на глобальный «спад демократии» или «деконсолидацию» западных демократий, которые долгое время считались невосприимчивыми к антидемократическим угрозам[60]. Масштабы и конкретная природа этой угрозы остаются предметом споров, но наблюдатели описывают горькую ностальгию, связанную с быстрыми социальными изменениями и страхом перед будущим, звучащую, например, в жалобах, что «дети не увидят ту жизнь, которой я жил»[61]. Подобные чувства отчуждения и тревоги выразили многие люди по всему миру в ходе опроса, проведенного в 38 странах и опубликованного организацией Pew Research в конце 2017 года. Результаты опроса показывают, что демократический идеал больше не является священным императивом даже для граждан зрелых демократических обществ. Хотя 78% респондентов говорят, что представительная демократия — это «благо», 49% утверждают, что благом является и «власть экспертов», 26% поддерживают «власть сильного лидера», а 24% предпочитают «власть военных»[62].

Серьезную обеспокоенность вызывает слабеющая привязанность к демократии в Соединенных Штатах и многих европейских странах[63]. Согласно упомянутому опросу Pew, только 40% респондентов в США поддерживают демократию *и в то же время* отвергают альтернативы ей. Целых 46% считают приемлемыми как демократические, так и недемократические альтернативы, а 7% придерживаются только недемократических вариантов. Выборка из США немного отстает от Швеции, Германии, Нидерландов, Греции и Канады по глубине приверженности демократии, но другие ключевые западные демократии, включая Италию, Великобританию, Францию и Испанию, наряду с Польшей и Венгрией, находятся на уровне или ниже медианного показателя

для 38 стран, который составляет 37% тех, кто поддерживает только демократию.

Из этого многие пришли к выводу, что рыночная демократия больше не жизнеспособна, несмотря на то что сочетание рынков и демократии хорошо послужило людям, способствовав избавлению большей части человечества от тысячелетнего невежества, бедности и боли. Одни из этих идеологов считают, что пора расстаться с рынком, другие — что именно демократия должна отправиться на свалку истории. Учитывая отталкивающую социальную деградацию и климатический хаос, вызванный почти четырьмя десятилетиями неолиберальной политики и практики, разношерстная группа видных ученых и активистов утверждает, что эпоха капитализма подошла к концу. Одни предлагают более гуманные экономические альтернативы[64], другие ожидают затяжной спад[65], а третьи, отвергая социальную сложность, предпочитают комбинацию элитарной власти и авторитарной политики более или менее по образцу авторитарной системы в Китае[66].

Эти события открывают нам более глубокую истину: так же, как капитализм в сыром виде несъедобен, люди не могут жить, не ощущая возможности возвращения домой. Ханна Арендт исследовала эту территорию более шестидесяти лет назад в книге «Истоки тоталитаризма», где проследила путь от незрелой личности к тотализирующей идеологии. Именно личный опыт незначительности, ненужности, политической изоляции и одиночества разжигал пламя тоталитарного террора. Такие идеологии, заметила Арендт, выглядят «чем-то вроде последнего оплота в мире, где ни на кого и ни на что нельзя положиться»[67]. Много лет спустя, в своем трогательном эссе 1966 года «Чему учить после Освенцима?», социальный теоретик Теодор Адорно связал успех немецкого фашизма с тем, как стремление к эффективной жизни стало слишком тяжким бременем для слишком многих людей:

> Надо признать, что фашизм и весь ужас, который он вызвал, связаны с тем, что старая власть <…> устарела и была сброшена, в то время как люди психологически не были готовы к самоопределению. Они оказались не готовы к свободе, которая свалилась им в руки[68].

Если мы устанем от нашей собственной борьбы за самоопределение и поддадимся обольщениям Большого Другого, то невольно обменяем будущее, в котором есть возвращение домой, на безжизненную перспективу молчаливой, стерильной тирании. Третий модерн, решающий наши проблемы ценой человечного будущего, — это жестокое извращение капитализма и его цифровых возможностей. Это также неприемлемое оскорбление демократии. Я повторю предостережение Тома Пикетти: рыночная экономика, предоставленная сама себе, «содержит в себе <…> мощные силы расхождения, которые могут стать угрозой для наших демократических обществ и для лежащих в их основе ценностей социальной справедливости»[69]. Это именно та буря, которую мы пожнем от рук надзорного капитализма, беспрецедентной формы дикого капитализма, которая, безусловно, способствует ослаблению приверженности демократической перспективе, успешно подчиняя общества своей сладкоречивой воле. Она многое дает, но требует взамен еще большего.

Надзорный капитализм появился на сцене, когда демократия уже была под ударом; первые годы неолиберальные притязания на свободу давали ему защиту и подпитку, что отдалило его от жизни людей. Надзорные капиталисты быстро научились использовать крепнущий импульс, направленный на то, чтобы выхолостить смысл и силу демократии. Несмотря на демократические обещания его риторики и возможностей, он способствовал расцвету нового «позолоченного века» крайнего неравенства в распределении богатства, а также новых некогда невообразимых форм экономической эксклюзивности и новых источников социального неравенства, отделяющих настройщиков от настраиваемых. Среди многих актов попрания демократии и демократических институтов, ставших результатом этого «верхушечного переворота», я назову несанкционированную экспроприацию человеческого опыта; захват общественного разделения знания; структурную независимость от человека; скрытное навязывание коллективистского улья; возвышение инструментарной власти и радикального безразличия, которое поддерживает присущую ей логику извлечения; создание средств изменения поведе-

ния, которые являются Большим Другим, владение ими и их эксплуатация; упразднение базового права на жизнь в будущем времени и не менее базового права на святилище; подрыв самоопределяющегося индивида как опоры демократической жизни; и продвижение психического онемения как ответа на свою незаконную сделку. Сегодня мы видим, что надзорный капитализм делает еще более решительные шаги к господству, чем можно было ожидать, учитывая его неолиберальную ДНК, заявляя о своем праве на свободу *и* знание и в то же время устремляясь по направлению к коллективистскому видению, претендующему на тотальность общества. Несмотря на использование риторики в духе Хайека и даже Смита, его антидемократические коллективистские амбиции выдают в нем ненасытное дитя, пожирающее стареющих отцов.

Цинизм соблазнителен и может заставить нас упустить из виду тот непреходящий факт, что демократия остается нашим единственным каналом реформ. Это единственная идея, родившаяся из долгой истории угнетения человека человеком, которая настаивает на неотъемлемом праве людей самим управлять собой. Возможно, демократия сегодня в осаде, но мы не можем допустить, чтобы ее многочисленные несовершенства поколебали нашу верность ее обещаниям. Имея в виду именно эту дилемму, Пикетти отказывается признать поражение, утверждая, что даже «патологическая» динамика накопления смягчалась — и может быть смягчена снова — демократическими институтами, принимающими устойчивые и эффективные контрмеры: «для установления контроля над капитализмом просто нет другого выбора, кроме того, как идти до конца по пути демократии...»[70].

Демократия уязвима перед беспрецедентным, но сила демократических институтов — это те часы, которые отмеряют длительность и глубину этой уязвимости. В демократическом обществе споры и конкуренция, обеспечиваемые все еще здоровыми институтами, могут повернуть волну общественного мнения против нежданных источников угнетения и несправедливости; законодательство и судебная практика в конечном счете последуют за ней.

VI. Быть силой трения

Эти обещания демократии отражают памятный урок, усвоенный мной у Милтона Фридмана в Чикагском университете, когда, девятнадцатилетней студенткой, примостившись в задней части семинарской аудитории, я напрягала слух, пытаясь расслышать его наставления чилийским докторантам, которые под флагом Фридмана—Хайека скоро приведут свою страну к катаклизму. Профессор, будучи оптимистом и неутомимым педагогом, считал, что законодательные акты и судебные решения неизменно отражают общественное мнение двадцати-тридцатилетней давности. Это было то прозрение, которое он и Хайек — их называли «врагами, но родственными душами» — развили и превратили в систематические стратегии и тактики[71]. Как сказал Хайек Роберту Борку в интервью 1978 года:

> Я оперирую общественным мнением. Я даже не верю, что от изменений в законодательстве будет какой-то прок, пока не изменилось общественное мнение <...> прежде всего надо менять мнение...[72]

Это убеждение Фридмана ориентировало его на долгосрочную игру, и он пустился в совершенно неакадемический проект неолиберального проповедничества, выдавая постоянный поток популярных статей, книг и телевизионных программ. Он всегда чувствовал важность низового опыта, от школьных учебников до массовых политических кампаний.

Критическая роль общественного мнения объясняет, почему даже самые разрушительные «эпохи» не вечны. Я вторю здесь тому, что столетие назад говорил Эдисон: что с капитализмом «все идет не так, он вышел из строя». Во времена Эдисона нестабильность угрожала подорвать все обещания индустриальной цивилизации. На смену этому, настаивал он, должен был прийти новый синтез, воссоединяющий капитализм с людьми. Слова Эдисона оказались пророческими. Капитализм выжил, в долгосрочной перспективе, не столько в силу каких-либо конкретных преимуществ, сколько благодаря своей пластичности. Он выживает и процветает, пе-

риодически обновляя свои социальные корни, находя новые способы создания нового богатства путем удовлетворения новых потребностей. Его эволюция была отмечена конвергенцией нескольких базовых принципов — частной собственности, прибыли как мотивирующей силы, роста — но с новыми формами, нормами и практиками в каждую эпоху[73]. Именно в этом состоит урок открытия Форда и логика обновлений, следовавших одно за другим на протяжении многих веков. «Представление о том, что есть только одна возможная форма собственности на капитал и организации производства, ни в коей мере не соответствует реалиям развитого мира, — пишет Пикетти. — В будущем этот процесс будет только развиваться: необходимо придумывать все новые формы организации и собственности»[74]. Гарвардский философ Роберто Унгер развивает эту мысль, утверждая, что развитие рыночных форм может двинуться в любом из различных правовых и институциональных направлений, «*каждое из которых будет иметь драматические последствия для всех аспектов общественной жизни*» и «*огромное значение для будущего человечества*»[75].

Когда я разговариваю со своими детьми или аудиторией молодых людей, я стараюсь сделать так, чтобы они осознали исторически обусловленный характер «того, что нас имеет», привлекая внимание к общепринятым ценностям и ожиданиям тех времен, когда надзорный капитализм еще не начал свою кампанию психического онемения: «Прятаться внутри своей жизни — это неправильно, это ненормально, — говорю я им. — Ненормально тратить весь обеденный перерыв на разговоры о сравнительных достоинствах приложений, которые могли бы вас замаскировать и защитить от непрерывного нежелательного вторжения». *Пять трекеров заблокированы. Четыре трекера заблокированы. Пятьдесят девять трекеров заблокированы, лицо размыто, голос изменен…*

Я говорю им, что слово «поиск» означало дерзкое экзистенциальное путешествие, а не переход в одно касание к уже готовым ответам; что «друг» — воплощенная тайна, которую можно обрести лишь лицом к лицу и сердцем к сердцу; и то, что «узнавание» (recognition) — это проблеск чего-то родного и близкого, который

мы ловим в лице любимого, а не «распознавание лиц» (facial recognition). Я говорю, что ненормально, что наши лучшие позывы, направленные на общение, эмпатию и обмен информацией, эксплуатируются в рамках драконовской сделки, когда в обмен на эти блага наши жизни подвергаются непрерывному обыску. Ненормально, когда каждое движение, эмоция, слово и желание фиксируются, подвергаются манипуляциям, а затем используются для того, чтобы тайно прогнать нас сквозь будущее время ради чужой прибыли. «Это совершенно новые вещи, — говорю я им. — Они беспрецедентны. Вы не должны принимать их как должное, потому что это *не* нормально».

И чтобы обновить демократию в ближайшие десятилетия, нам необходимо разжечь чувство возмущения и утраты по поводу того, что у нас пытаются отобрать. При этом я имею в виду не только «персональные данные». На карту поставлено человеческое право на суверенитет над собственной жизнью и на авторство собственного опыта. На карту поставлены внутренний опыт, который формирует волю к воле, и общественное пространство, в котором можно действовать в соответствии с этой волей. На карту поставлен доминирующий принцип социального упорядочения в информационной цивилизации и наше право, как личностей и как общества, отвечать на вопросы. *Кто знает? Кто принимает решения? Кто определяет, кому принимать решения?* То, что надзорный капитализм узурпировал столь многие из наших прав в этих сферах, — вопиющее злоупотребление цифровыми возможностями и их когда-то грандиозным обещанием демократизировать знание и удовлетворить нашу неудовлетворенную потребность в эффективной жизни. Да будет цифровое будущее, но прежде всего пусть оно будет человеческим будущим.

Я отвергаю неизбежность и надеюсь, что в результате нашего совместного путешествия вы тоже ее отвергнете. Мы в начале этой истории, а не в конце. Если мы примемся решать древние вопросы сегодня, еще есть время взять управление на себя и повернуть ход событий в направлении человеческого будущего, которое мы сможем назвать домом. Еще раз я обращаюсь к Тому Пейну, который призывал каждое поколение отстаивать

свою волю, когда незаконные силы захватывают будущее и мы обнаруживаем, что нас несет навстречу судьбе, которую мы не выбирали:

> Права людей в обществе не завещаются, не передаются и не уничтожаются, но только наследуются; и ни одно поколение не в силах перехватить и прервать эту линию. Если люди нынешнего или любого другого поколения склонны быть рабами, это не уменьшает права людей последующего поколения быть свободными: неправедность не может переходить по наследству[76].

Что бы ни случилось, ответственность за исправление положения дел возобновляется с каждым поколением. Жалкая участь ждет нас и тех, кто придет следом, если мы променяем человечное будущее могущественным компаниям и мошенническому капитализму, которые не в состоянии учесть наши потребности или служить нашим подлинным интересам. Еще хуже была бы наша собственная безмолвная капитуляция перед идеологией неизбежности, правой рукой власти в бархатной перчатке. Ханна Арендт писала, что «естественная человеческая реакция на такие обстоятельства — это возмущение и негодование, потому что эти обстоятельства несовместимы с человеческим достоинством. Если я описываю эти обстоятельства, не позволяя моему возмущению вмешиваться, то я вырываю это конкретное явление из его контекста в человеческом обществе и тем самым лишаю его части природы, лишаю его одного из важных неотъемлемых от него качеств»[77].

И то же самое со мной и, возможно, с вами: голые факты надзорного капитализма неизбежно вызывают у меня негодование, потому что они унижают человеческое достоинство. Будущее всей этой истории будет зависеть от возмущенных граждан, журналистов и ученых, втянутых в этот пограничный проект; возмущенных политиков и чиновников, понимающих, что их полномочия проистекают из основополагающих ценностей демократического сообщества; и в особенности возмущенных молодых людей, осознавших, что эффективность без автономии неэффективна, обусловленное зависимостью повиновение — не общественный договор, улей без выхода никогда не сможет быть домом, опыт

без убежища — лишь тень, жизнь, требующая скрываться — не жизнь, прикосновение без чувства не раскрывает правды, а свобода от неопределенности — не свобода.

Все это возвращает нас к Джорджу Оруэллу, но, возможно, не так, как вы могли подумать. В гневной рецензии 1946 года на бестселлер Джеймса Бёрнема «Революция менеджеров» Оруэлл нападает на Бёрнема за его трусливую привязанность к власти. Тезис книги Бёрнема 1940 года состоял в том, что капитализм, демократия и социализм не выживут во Второй мировой войне. На смену всему этому придет новое плановое централизованное общество по образцу тоталитаризма. Новый «управленческий» класс, состоящий из директоров, техников, бюрократов и военных, сконцентрирует всю власть и привилегии в своих руках — аристократия таланта, возвышающаяся над полурабским обществом. На протяжении всей книги Бёрнем настаивал на «неизбежности» этого будущего и превозносил «очевидные» управленческие способности, характерные для политического руководства Германии и России. В 1940 году Бёрнем предсказывал победу Германии и «управляемое» общество, которое за ней последует. Позже, когда война еще бушевала и Красная Армия добилась ключевых успехов, Бёрнем написал к переизданиям книги серию дополнительных материалов, в которых с той же уверенностью утверждал, что доминировать в мире будет Россия.

Отвращение Оруэлла ощутимо в каждой строке:

> Видно, что каждый раз Бёрнем предсказывает *продолжение того, что уже происходит*. Метод этот — не просто плохая привычка, вроде неточности или преувеличения, которую можно исправить, подумав. Это серьезная психическая болезнь, и корни ее — отчасти в трусости, а отчасти в преклонении перед силой, что не вполне отличимо от трусости.

«Разительные» противоречия Бёрнема выдают его собственное увлечение властью и полную неспособность различить творческий принцип в истории человечества. В каждом случае, гремел Оруэлл, «он повиновался одному и тому же инстинкту: благоговеть перед сегодняшним победителем и принимать сегодняшнюю тенденцию за необратимую»[78].

Оруэлл бранил Бёрнема за полное отсутствие «морального усилия» с его стороны, проявившееся в глубокой утрате ориентиров. В этих условиях «буквально все может стать добром или злом, как пожелает того господствующий в данное время класс». Потеря ориентиров Бёрнемом позволила ему «очароваться нацизмом и поверить, будто на его основе может вырасти и, вероятно, вырастет прочный социальный порядок»[79].

Трусость Бёрнема должна послужить предостережением. Мы живем в тот момент, когда надзорный капитализм и его инструментарная власть выглядят непобедимыми. Смелость Оруэлла требует, чтобы мы отказались уступать будущее незаконной власти. Он требует разрушить чары восторга, беспомощности, безразличия и онемения. Мы ответим на его призыв, когда превратим себя в силу трения, отвергнув плавные потоки принудительного слияния. Смелость Оруэлла заставляет нас подняться против безжалостных волн изъятия, унижающих весь человеческий опыт. Сопротивление, смелость и ориентиры — вот те ресурсы, которые нам необходимы, чтобы начать совместную работу над синтетическими декларациями, которые утвердят цифровое будущее как нечто человеческое, потребуют, чтобы цифровой капитализм действовал как инклюзивная сила, привязанная к людям, которым он должен служить, и отстоят общественное разделение знания как источник подлинного демократического обновления.

Арендт, как и Оруэлл, утверждает возможность новых начал, которые не следуют слепо по заготовленному властью пути. Она напоминает нам, что каждое начало, если смотреть на него с точки зрения той структуры, которую оно прерывает, является чудом. Способность совершать такие чудеса — нечто абсолютно человеческое, утверждает она, поскольку она является источником любой свободы:

> Что в эпохи окаменения и предопределенного рока обычно остается нетронутым, так это способность свободы как таковая, сама по себе способность начинать, которая оживляет и вдохновляет всякую человеческую деятельность, тайно стоит за созданием всех великих и прекрасных вещей[80].

Десятилетия экономической несправедливости и огромных концентраций богатства, которые мы назы-

ваем «позолоченным веком», сумели научить людей тому, как они не хотят жить. Это знание позволило им положить конец «позолоченному веку», взяв на вооружение прогрессивное законодательство и Новый курс. Даже сейчас, когда мы вспоминаем «баронов», повелевавших в конце XIX века, мы называем их баронами-разбойниками.

Разумеется, Эпоху Надзорного Капитализма постигнет та же участь, потому что она учит нас тому, как *мы* не хотим жить. Угрожая уничтожить наши величайшие моральные и политические достижения, она учит нас их незаменимой ценности. Она напоминает нам, что взаимное доверие — единственная настоящая защита от неопределенности. Она свидетельствует о том, что власть, не приручennая демократией, ведет лишь к изгнанию и отчаянию. Фридмановский цикл общественного мнения и долговременного права теперь возвращается к нам: именно нам предстоит применить наши знания, восстановить наши ориентиры, побудить других к тому же и найти новое начало. При завоевании природы жертвы промышленного капитализма были немы. Те, кто попытается покорить человеческую природу, обнаружат, что предполагаемые жертвы могут высказаться в полный голос, готовые назвать опасность по имени и победить ее. Эта книга задумана как вклад в это коллективное усилие.

Берлинская стена пала по многим причинам, но прежде всего потому, что жители Восточного Берлина сказали: «Довольно!» Мы тоже можем породить много «великих и прекрасных» новых фактов, которые вернут нам цифровое будущее как человеческий дом. Довольно! Пусть это будет *нашей* декларацией.

Благодарности

Двух человек, которые больше других помогли этой работе на ее ранних этапах, больше нет рядом, чтобы я могла излить им свою благодарность. Когда в 2009 году молния сожгла наш дом, тысячи книг вместе со всеми следами моей научной карьеры и материалами новых работ пропали в одночасье. Я думала, что никогда больше не буду писать, но мой бесценный и горячо любимый муж, Джим Максмин, настоял, что время все вылечит. Так и произошло. В течение почти тридцати лет Джим был моим первым, последним и самым важным читателем и собеседником. Он терпеливо впитывал первые черновики этих глав, и мы горячо обсуждали все новые идеи. Мне до сих пор трудно поверить, что я не могу поделиться с ним плодами этого долгого труда. Огромная любовь и безграничный энтузиазм Джима придавали мне сил на длинном пути, в работе и в жизни. Его дух живет на этих страницах тысячами граней, которые невозможно перечислить.

Франк Ширрмахер, мужественный немецкий общественный деятель и издатель газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung, был необычайным источником поддержки и вдохновения, когда я начала собирать воедино свои теории надзорного капитализма и инструментарной власти. Франк убедил меня писать для FAZ, пока я занималась этой более масштабной работой, настаивая на публикации статей, которые, по своей монашеской натуре, я бы вынашивала еще много месяцев или лет. Наши бесконечные дискуссии многому меня научили, и именно благодаря Франку мои наработки, касающиеся Большого Другого и надзорного капитализма, стали

полезными рамками для общественного обсуждения задолго до того, как была завершена эта книга. Хотя уже четыре года как он ушел из жизни, я все еще тянусь к телефону, чтобы поделиться с ним новой мыслью. Франк! Я также благодарна нынешним и прошлым сотрудникам FAZ, особенно Эдо Реенцу и Джордану Мехиасу, которые помогли довести до публикации мои очерки.

Я глубоко благодарна профессионалам в области технологий и данных, которые так щедро отдавали свое время, знания и идеи в ходе многочисленных интервью, помогая мне собрать воедино мысли о надзорном капитализме, его императивах и механизмах его работы. Я бы с радостью поблагодарила каждого из этих проницательных и талантливых учителей по имени, если бы не обещала им конфиденциальность и анонимность. Я также должна поблагодарить те семьи в Великобритании и Испании, с которыми я беседовала в худшие годы Великой рецессии. Они так много рассказали мне о «коллизии» и о том, как она подготовила почву для процветания надзорного капитализма. Особая благодарность семье «Монтес», с которой мы познакомились в главе 2, и «Дэвиду», адвокату, фигурировавшему в рассказе о Pokémon Go, позволивших мне сообщить подробности своих историй, хотя их имена и некоторые детали были изменены, чтобы защитить их анонимность.

Несколько моих коллег внесли неоценимый вклад в эту работу, и каждый из них являет пример самоотверженного бескорыстия истинного ученого, вставшего на службу идеям. Я никогда не забуду эти дары. Защитник приватности Марк Ротенберг — выдающийся специалист, который прочитал и прокомментировал несколько черновых версий книги и помог мне отточить мое понимание ключевых тем, в том, что касается законов о конфиденциальности частной жизни. Правовед из Беркли Крис Джей Хуфнагл любезно согласился прочитать рукопись целиком на решающем этапе. Его щедрые комментарии внесли важный вклад в эту работу. Настоящий эрудит, Фрэнк Паскуале прочитал части рукописи на ранней стадии, предложив мудрые советы, идеи и свой энтузиазм. Дэвид Лидский приложил свой огромный редакторский талант к ранней версии рукописи. Присущая ему коллегиальность, концептуальное

понимание и непревзойденное владение своим ремеслом помогли мне нащупать окончательную структуру этой работы. Я также выражаю глубокую благодарность нескольким другим коллегам, которые за эти пять лет прочитали черновики отдельных глав в разной степени готовности и поделились своими проницательными комментариями: Полу Шварцу, Артеми Ралло, Миккелю Флайвербому, Дэвиду Лиону, Марте Пун, Матиасу Дёпфнеру, Карин Аллен, и Питеру ван ден Хеувелу. Крис Согиян и Брюс Шнайер терпеливо отвечали на мои вопросы, касавшиеся шифрования и обработки данных, одолевавшие меня, когда я вырабатывала понимание основополагающих механизмов надзорного капитализма.

Думать и писать — одинокие занятия, и я благодарна коллегам, которые дали мне возможность обменяться мыслями с другими учеными и студентами. Джонатан Зиттрейн пригласил меня поработать в качестве приглашенного преподавателя в Центре Беркмана Кляйна по изучению интернета и общества в Гарвардской школе права в важный момент развития моих взглядов. Ближе к завершению моего проекта, Дэвид Лион и Дэвид Мураками Вуд принимали меня в Университете Квинс, где дискуссии с преподавателями, аспирантами и студентами стимулировали меня на последних этапах написания книги. Особая благодарность студентам Квинс Хелен Косц и Чэнь Цяньли за их проницательные комментарии. Было много других замечательных приглашений, от которых пришлось отказаться, чтобы выполнить обязательства перед этими страницами, и я глубоко признательна моим коллегам по всему миру, которые выразили интерес к этой работе. Хотя они не могли этого знать, их энтузиазм поддерживал меня.

Спасибо Лесли Уиллкоксу из Лондонской школы экономики и Крису Сауеру из Оксфорда за их раннюю интеллектуальную поддержку. Как соавторы специального выпуска журнала Journal of Information Technology, посвященного теме «больших данных», они с энтузиазмом приветствовали мою первую научную статью о надзорном капитализме, «Большой другой: надзорный капитализм и перспективы информационной цивилизации», и помогли ускорить ее путь к публикации. Особая бла-

годарность Коллегии ведущих сотрудников Международной конференции по информационным системам (ICIS), признавшим «Большого Другого» лучшей работой ICIS 2016 года, что также укрепило мою приверженность этому более масштабному проекту.

Мой литературный агент Уэйн Кабак с самого начала был на одной волне с этим проектом и неутомимо оказывал поддержку и помощь. Я дорожу его дружбой и мудрым советом. Мой редактор Джон Махани был страстным сторонником этого начинания, вкладывая свою многолетнюю редакторскую мудрость в каждую версию черновика и не позволяя упускать из виду поставленные цели. Спасибо Кристине Фаццаларо, Хайме Лейферу, Коллину Трейси, Стефани Саммерхайс и всей команде Public Affairs за неизменное участие и поддержку.

Мое желание написать эту книгу никогда бы не осуществилось без моей заветной личной команды. Мой менеджер ссылок, Уильям Дики, присоединился ко мне в 2014 году, не имея ни малейшего представления о том, во что ввязывается. По мере разрастания проекта, вместо того чтобы сбежать, он закатал рукава и принялся осваивать процесс цитирования с целеустремленностью, переросшей в мастерство. Я так благодарна ему за его терпеливый дух, доброе сердце, вдумчивый вклад и дружбу, с которыми он спокойно и старательно выполнял свои обязанности. Мой научный помощник Джордан Кинэн присоединился к этому проекту в начале 2015 года и сразу же начал вносить выдающийся вклад, овладевая профессиональным искусством глубокого погружения в тему. На всех поворотах этого интеллектуального путешествия я могла положиться на него, видя, как он с удовольствием и охотой встречает каждый новый вызов, тренируя свой живой ум на новых исследовательских территориях. Как будто этого мало, его неизменный оптимизм, непринужденный юмор и тонкая восприимчивость сделали его бесценным товарищем в этом приключении.

Мои дети самоотверженно поддерживали мою работу над этой книгой все эти долгие годы. Они выслушивали мои идеи, поддерживали в моменты разочарований и праздновали мои успехи, проявляя столько любви, терпения и преданности. Когда развилки на дороге требовали срочных решений, они собирались вокруг, чтобы

помочь. Моя дочь, Хлоя Максмин, была стойким и мудрым советчиком, читая каждый черновик каждой главы и делая те откровенные резкие комментарии, которые необходимы каждому пишущему, но которые получают лишь немногие из них. Я понимала, что глава закончена, только когда Хлоя давала свою отмашку. Мой сын, Джейк Максмин, пережил написание этой книги во время учебы в колледже и сейчас в аспирантуре. Джейк был моим ярым поборником, засыпая меня сообщениями и звонками «у тебя все получится, мама!» каждый раз, когда я вступала в трудную полосу или когда горели сроки, и предлагая решающую помощь с чистовой правкой. Проницательные советы и ободрение со стороны Хлои и Джейка всегда помогали мне перевалить через хребет. Спасибо вам, mis vidas, mis corazones[1]. Без вас бы ничего не было.

Выражаю благодарность и любовь моим друзьям, которые звали на выходные и праздники, когда я была вся в работе, и все столы, стулья и полы были завалены исследовательскими материалами: Минде Голд, Жаку Весери, Исааку Весери, Ионе Весери, Лизе Кац, Эду, Тео и Тоби Сайдел, Мэри Ди Чот Грант, Гаррету Гранту, Кэти Лиман, Керри Альтьеро. Кэти Лиман прочитала книгу целиком, прежде чем я принялась за окончательную правку. Ее проницательность и пыл помогли мне очень во многом в течение последнего года работы над книгой. Вирджиния Алисия Хазенбалг-Корабиану подбодряла меня из Парижа («пожалуйста, закончи уже эту книгу!»), принимала моих детей и героически перевела одну из моих опубликованных лекций о надзорном капитализме на французский. Сьюзен Тросс была источником безусловной любви и поддержки. Мой друг и «приемный сын» Каньон Вудворд был преданным чирлидером, всегда зажигающим мой дух и мои истории. Наконец, эти изъявления благодарности были бы неполны без упоминания о моем верном любимце, Паччи Максмине.

То, что я хочу сказать сейчас, говорят все авторы, потому что это так и есть: в конечном счете со страницей ты остаешься один на один. Все, что в этой книге не оправдывает доверия, оказанного мне, остается на моей совести.

Примечания

1 Пер. В. Топорова.

Глава 1

1 Перевод В. Вересаева.

2 Martin Hilbert, "Technological Information Inequality as an Incessantly Moving Target: The Redistribution of Information and Communication Capacities Between 1986 and 2010," *Journal of the American Society for Information Science and Technology* 65, no. 4 (2013): 821–835.

3 К 2014 году, примерно через двадцать лет после изобретения всемирной паутины, обширное исследование *Pew Research* показало, что интернетом пользуются 87% американцев. Среди них 76% считают это «благом для общества», а 90% — «благом для меня». Действительно, во время сбоев работы Facebook многие звонят по телефону экстренной помощи 911. Менее двух десятилетий спустя после того, как широкой публике стал доступен браузер Mosaic, который обеспечил легкий доступ ко всемирной паутине, опрос BBC 2010 года показал, что 79% людей в двадцати шести странах считают доступ к интернету одним из основных прав человека. Шесть лет спустя ООН распространила положения статьи 19 Всеобщей декларации прав человека также на «онлайновую среду»: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». См.: Susannah Fox and Lee Rainie, "The web at 25 in the U.S.," *Pew Research Center*, February 27, 2014, http://www.pewinternet.org/2014/02/27/the-web-at-25-in-the-u-s; "911 Calls About Facebook Outage Angers L.A. County Sheriff's Officials," *Los Angeles Times*, August 1, 2014, http://www.latimes.com/local/lanow/la-me-ln-911-calls-about-facebook-outage-angers-la-sheriffs-officials-20140801-htmlstory.html; "Internet Access 'a Human Right'," BBC News, March 8, 2010, http://news.bbc.co.uk/2/hi/8548190.stm; "The Promotion, Protection and Enjoyment of Human Rights on the Internet," United Nations Human Rights Council, June 27, 2016, https://www.article19.org/data/files/Internet_Statement_Adopted.pdf; "Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие", Совет по правам человека, 27 июня 2016, https://digitallibrary.un.org/record/845728/files/A_HRC_32_L-20-RU.pdf.

4 João Leal, *The Making of Saudade: National Identity and Ethnic Psychology in Portugal* (Amsterdam: Het Spinhuis, 2000), https://run.unl.pt/handle/10362/4386.

5 Cory D. Kidd et al., "The Aware Home: A Living Laboratory for Ubiquitous Computing Research," in *Proceedings of the Second International Workshop on Cooperative Buildings, Integrating Information, Organization, and Architecture*, CoBuild '99 (London: Springer-Verlag, 1999), 191–198, http://dl.acm.org/citation.cfm?id=645969.674887.

6 "Global Smart Homes Market 2018 by Evolving Technology, Projections & Estimations, Business Competitors, Cost Structure, Key Companies and Forecast to 2023," *Reuters*, February 19, 2018, https://www.reuters.com/brandfeatures/venture-capital/article?id=28096.

7 Ron Amadeo, "Nest Is Done as a Standalone Alphabet Company, Merges with Google," *Ars Technica,* February 7, 2018, https://arstechnica.com/gadgets/2018/02/nest-is-done-as-a-standalone-alphabet-company-merges-with-google; Leo Kelion, "Google-Nest Merger Raises Privacy Issues," *BBC News,* February 8, 2018, http://www.bbc.com/news/technology-42989073.

8 Kelion, "Google-Nest Merger Raises Privacy Issues".

9 Rick Osterloh and Marwan Fawaz, "Nest to Join Forces with Google's Hardware Team," Google, February 7, 2018, https://www.blog.google/insidegoogle/company-annoucements/nest-join-forces-googles-hardware-team.

10 Grant Hernandez, Orlando Arias, Daniel Buentello, and Yier Jin, "Smart Nest Thermostat: A Smart Spy in Your Home," *Black Hat USA,* 2014, https://www.blackhat.com/docs/us-14/materials/us-14-Jin-Smart-Nest-Thermostat-A-Smart-Spy-In-Your-Home-WP.pdf.

11 Guido Noto La Diega, "Contracting for the 'Internet of Things': Looking into the Nest" (research paper, Queen Mary University of London, School of Law, 2016); Robin Kar and Margaret Radin, "Pseudo-Contract & Shared Meaning Analysis" (legal studies research paper, University of Illinois College of Law, November 16, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=3083129.

12 Hernandez, Arias, Buentello, and Jin, "Smart Nest Thermostat".

13 Одно из первых глубоких исследований этих вопросов см. в: Langdon Winner, "A Victory for Computer Populism," *Technology Review* 94, no. 4 (1991): 66. См. также: Chris Jay Hoofnagle, Jennifer M. Urban, and Su Li, "Privacy and Modern Advertising: Most US Internet Users Want 'Do Not Track' to Stop Collection of Data About Their Online Activities" (BCLT Research Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, October 8, 2012), https://papers.ssrn.com/abstract=2152135; Joseph Turow et al., "Americans Reject Tailored Advertising and Three Activities That Enable It," Annenberg School for Communication, September 29, 2009, http://papers.ssrn.com/abstract=1478214; Chris Jay Hoofnagle and Jan Whittington, "Free: Accounting for the Costs of the Internet's Most Popular Price," *UCLA Law Review* 61 (February 28, 2014): 606; Jan Whittington and Chris Hoofnagle, "Unpacking Privacy's Price," *North Carolina Law Review* 90 (January 1, 2011): 1327; Chris Jay Hoofnagle, Jennifer King, Su Li, and Joseph Turow, "How Different Are Young Adults from Older Adults When It Comes to Information Privacy Attitudes & Policies?" April 14, 2010, http://repository.upenn.edu/asc_papers/399.

14 Эта фраза взята из: Roberto Mangabeira Unger, "The Dictatorship of No Alternatives," in Roberto Mangabeira Unger, *What Should the Left Propose?* (London: Verso, 2006), 1–11.

15 Jared Newman, "Google's Schmidt Roasted for Privacy Comments," *PCWorld,* December 11, 2009, http://www.pcworld.com/article/184446/googles_schmidt_roasted_for_privacy_comments.html.

16 Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* (Berkeley, CA: University of California Press, 1978), 1:67; Макс Вебер, *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016), 1: 116.

Глава 2

1 Пер. В. Топорова.
2 Roben Farzad, "Apple's Earnings Power Befuddles Wall Street," *Bloomberg Businessweek*, August 7, 2011, https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-07-28/apple-s-earnings-power-befuddles-wall-street.
3 "iTunes Music Store Sells Over One Million Songs in First Week," *Apple Newsroom,* March 9, 2018, https://www.apple.com/newsroom/2003/05/05iTunes-Music-Store-Sells-Over-One-Million-Songs-in-First-Week.
4 Jeff Sommer, "The Best Investment Since 1926? Apple," *New York Times*, September 22, 2017, https://www.nytimes.com/2017/09/22/business/apple-investment.html.
5 См.: Shoshana Zuboff and James Maxmin, *The Support Economy: How Corporations Are Failing Individuals and the Next Episode of Capitalism* (New York: Penguin, 2002), 230.
6 Henry Ford, "Mass Production," *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1926), 821, http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field(NUMBER+@band(amrlg+lg48)).
7 Lizabeth Cohen, *A Consumers' Republic: The Politics of Mass Consumption in Postwar America* (New York: Knopf, 2003); Martin J. Sklar, *The Corporate Reconstruction of American Capitalism: 1890–1916: The Market, the Law, and Politics* (New York: Cambridge University Press, 1988).
8 Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society* (New York: Free Press, 1964), 275; Эмиль Дюркгейм, *О разделении общественного труда. Метод социологии* (Москва: Наука, 1990), 257 (выделено мной. — *Ш. З.*).
9 Ibid., 266; Там же, 248.
10 Ulrich Beck, *Risk Society: Towards a New Modernity* (Thousand Oaks, CA: Sage, 1992); Ульрих Бек, *Общество риска. На пути к другому модерну* (Москва: Прогресс-Традиция, 2000).
11 Читателям, которым интересен более детальный анализ возникновения этого феномена, я рекомендую обширное обсуждение в: Zuboff and Maxmin, *The Support Economy*. См. также: Ulrich Beck and Elisabeth Beck-Gernsheim, *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences* (London: Sage, 2002); Ulrich Beck, "Why 'Class' Is Too Soft a Category to Capture the Explosiveness of Social Inequality at the Beginning of the Twenty-First Century," *British Journal of Sociology* 64, no. 1 (2013): 63–74; Ulrich Beck and Edgar Grande, "Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010): 409–443.
12 Beck, *Risk Society*; Бек, *Общество риска*.
13 Talcott Parsons, *Social Structure and Personality* (New York: Free Press, 1964).
14 Отсылка к книге Бетти Фридан «Загадка женственности» (1963), в которой она говорит о неудовлетворенности женщины предписанной ей ролью домохозяйки, жены и матери. — *Прим. пер*.
15 Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization*.
16 Erik Erikson, *Childhood and Society* (New York: W. W. Norton, 1993), 279; Эрик Эриксон, *Детство и общество* (Москва: АСТ, 1996), 294.
17 Ronald Inglehart, *Culture Shift in Advanced Industrial Society* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990); Ronald F. Inglehart, "Changing Values Among Western Publics from 1970 to 2006," *West European Politics* 31, nos. 1–2 (2008): 130–146; Ronald Inglehart and Christian Welzel, "How We Got Here: How Development Leads to Democracy," *Foreign Affairs* 88, no. 2 (2012): 48–50; Ronald Inglehart and Wayne E. Baker, "Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values," *American Sociological Review* 65, no. 1 (2000): 19; Mette Halskov Hansen, *iChina: The Rise of the Individual in Modern Chinese Socie-*

ty, ed. Rune Svarverud (Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2010); Yunxiang Yan, *The Individualization of Chinese Society* (Oxford: Bloomsbury Academic, 2009); Arthur Kleinman et al., *Deep China: The Moral Life of the Person* (Berkeley: University of California Press, 2011); Chang Kyung-Sup and Song Min-Young, "The Stranded Individual Under Compressed Modernity: South Korean Women in Individualization Without Individualism," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Chang Kyung-Sup, "The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Munenori Suzuki et al., "Individualizing Japan: Searching for Its Origin in First Modernity," *British Journal of Sociology* 61, no. 3 (2010); Anthony Elliott, Masataka Katagiri, and Atsushi Sawai, "The New Individualism and Contemporary Japan: Theoretical Avenues and the Japanese New Individualist Path," *Journal for the Theory of Social Behavior* 42, no. 4 (2012); Mitsunori Ishida et al., "The Individualization of Relationships in Japan," *Soziale Welt* 61 (2010): 217–235; David Tyfield and John Urry, "Cosmopolitan China?" *Soziale Welt* 61 (2010): 277–293.

18 Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization;* Ulrich Beck, *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence,* trans. Rodney Livingstone (Cambridge, UK: Polity, 2010).

19 Thomas M. Franck, *The Empowered Self: Law and Society in an Age of Individualism* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

20 Beck and Beck-Gernsheim, *Individualization,* xxii.

21 Daniel Stedman Jones, *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012); Дэниел Стедмен-Джоунз, *Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер* (Москва: Мысль, 2017); T. Flew, "Michel Foucault's *The Birth of Biopolitics* and Contemporary NeoLiberalism Debates," *Thesis Eleven* 108, no. 1 (2012): 44–65, https://doi.org/10.1177/0725513611421481; Philip Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown* (London: Verso, 2013); Gérard Duménil and Dominique Lévy, *The Crisis of Neoliberalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013); Pierre Dardot and Christian Laval, *The New Way of the World: On Neoliberal Society* (Brooklyn: Verso, 2013); António Ferreira, "The Politics of Austerity as Politics of Law," *Oñati Socio-Legal Series* 6, no. 3 (2016): 496–519; David M. Kotz, *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017); Philip Mirowski and Dieter Plehwe, eds., *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009); Wendy Brown, *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution* (New York: Zone, 2015); David Jacobs and Lindsey Myers, "Union Strength, Neoliberalism, and Inequality: Contingent Political Analyses of US Income Differences Since 1950," *American Sociological Review* 79 (2014): 752–774; Angus Burgin, *The Great Persuasion: Reinventing Free Markets Since the Depression* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012); Энгус Бергин, *Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии* (Москва: Мысль, 2017); Greta R. Krippner, *Capitalizing on Crisis: The Political Origins of the Rise of Finance* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011).

22 Jones, *Masters of the Universe*, 215; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*, 273. См. также: Krippner, *Capitalizing on Crisis*.

23 Подробное описание этих событий см. в: Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*; Dardot and Christian Laval, *The New Way of the World*; Jones, *Masters of the Universe*; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*.

24 Friedrich August von Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, ed. William Warren Bartley, vol. 1, *The Collected Works of Friedrich August Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 14–15; Фридрих Август фон Хайек, *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* (Москва: Издательство "Новости" при участии издательства "Catallaxy", 1992), 34.

25 Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*, 53–67.

26 Michael C. Jensen and William H. Meckling, "Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure," *Journal of Financial Economics* 3, no. 4 (1976): 12; Майкл Дженсен и Уильям Меклинг, "Теория фирмы: поведение менеджеров, агентские издержки и структура собственности", *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Менеджмент», №4 (2004).

27 Krippner, *Capitalizing on Crisis*.

28 Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon, 2001), 79; Карл Поланьи, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002), 90.

29 Martin J. Sklar, *The United States as a Developing Country: Studies in U.S. History in the Progressive Era and the 1920s* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992); Sanford M. Jacoby, *Modern Manors: Welfare Capitalism Since the New Deal* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998); Michael Alan Bernstein, *The Great Depression: Delayed Recovery and Economic Change in America, 1929–1939* (Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987); C. Goldin and R. A. Margo, "The Great Compression: The Wage Structure in the United States at Mid-century," *Quarterly Journal of Economics* 107, no. 1 (1992): 1–34; Edwin Amenta, "Redefining the New Deal," in *The Politics of Social Policy in the United States*, ed. Theda Skocpol, Margaret Weir, and Ann Shola Orloff (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988), 81–122.

30 Ian Gough, Anis Ahmad Dani, and Harjan de Haan, "European Welfare States: Explanations and Lessons for Developing Countries," in *Inclusive States: Social Policies and Structural Inequalities* (Washington, DC: World Bank, 2008); Peter Baldwin, *The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State, 1875–1975* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); John Kenneth Galbraith, Sean Wilentz, and James K. Galbraith, *The New Industrial State* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967); Gerald Davis, "The Twilight of the Berle and Means Corporation," *Seattle University Law Review* 34, no. 4 (2011): 1121–1138; Alfred Dupont Chandler, *Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business,* ed. Thomas K. McCraw (Boston: Harvard Business School Press, 1988).

31 Jones, *Masters of the Universe*, 217; Джоунз, *Рождение неолиберальной политики*, 275.

32 См., напр.: Natali, *The Politics of the New Welfare State* (Oxford: Oxford University Press, 2012); Richard Münch, *Inclusion and Exclusion in the Liberal Competition State: The Cult of the Individual* (New York: Routledge, 2012), http://site.ebrary.com/id/10589064; Kyung-Sup Chang, *Developmental Politics in Transition: The Neoliberal Era and Beyond* (Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012); Zsuzsa Ferge, "The Changed Welfare Paradigm: The Individualization of the Social," *Social Policy & Administration* 31, no. 1 (1997): 20–44.

33 Gerald F. Davis, *Managed by the Markets: How Finance Reshaped America* (Oxford: Oxford University Press, 2011); Davis, "The Twilight of the Berle and Means Corporation"; Özgür Orhangazi, "Financialisation and Capital Accumulation in the Non-financial Corporate Sector: A Theoretical and Empirical Investigation on the US Economy: 1973–2003," *Cambridge Journal of Economics* 32, no. 6 (2008): 863–886; William Lazonick, "The Financialization of the U.S. Corporation: What Has Been Lost, and How It Can Be Regained," in *The Future of Financial and Securities Markets* (Fourth Annual Symposium of the Adolf A. Berle, Jr. Center for Corporations, Law and Society of the Seattle School of Law, London, 2012); Yuri Biondi, "The Governance and Disclosure of the Firm as an Enterprise Entity," *Seattle University Law Review* 36, no. 2 (2013): 391–416; Robert Reich, "Obama's Transition Economic Advisory Board: The Full List," *US News & World*

Report, November 7, 2008, http://www.usnews.com/news/campaign-2008/articles/2008/11/07/obamas-transition-economic-advisory-board-the-full-listn; Robert B. Reich, *Beyond Outrage: What Has Gone Wrong with Our Economy and Our Democracy, and How to Fix It,* rev. ed. (New York: Vintage, 2012).

34 Michael Jensen, "Eclipse of the Public Corporation," *Harvard Business Review*, September–October, 1989.

35 Michael C. Jensen, "Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function," *Business Ethics Quarterly* 12, no. 2 (2002): 235–256.

36 Thomas I. Palley, "Financialization: What It Is and Why It Matters" (white paper, Levy Economics Institute of Bard College, 2007), http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_525.pdf; Jon Hanson and Ronald Chen, "The Illusion of Law: The Legitimating Schemas of Modern Policy and Corporate Law," *Michigan Law Review* 103, no. 1 (2004): 1–149; Henry Hansmann and Reinier Kraakman, "The End of History for Corporate Law" (working paper, Discussion Paper Series, Harvard Law School's John M. Olin Center for Law, Economics and Business, 2000), http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1068&context=harvard_olin.

37 Davis, "The Twilight of the Berle and Means Corporation," 1131.

38 Gerald F. Davis, "After the Corporation," *Politics & Society* 41, no. 2 (2013): 41.

39 Juta Kawalerowicz and Michael Biggs, "Anarchy in the UK: Economic Deprivation, Social Disorganization, and Political Grievances in the London Riot of 2011," *Social Forces* 94, no. 2 (2015): 673–698.

40 Paul Lewis et al., "Reading the Riots: Investigating England's Summer of Disorder," *London School of Economics and Political Science*, 2011, 17, http://eprints.lse.ac.uk/46297.

41 Saskia Sassen, "Why Riot Now? Malaise Among Britain's Urban Poor Is Nothing New. So Why Did It Finally Tip into Widespread, Terrifying Violence?" *Daily Beast,* August 15, 2011, http://www.donestech.net/ca/why_riot_now_by_saskia_sassen_newsweek.

42 Lewis et al., "Reading the Riots," 25.

43 Lewis et al., "Reading the Riots". См. также: Kawalerowicz and Biggs, "Anarchy in the UK"; James Treadwell et al., "Shopocalypse Now: Consumer Culture and the English Riots of 2011," *British Journal of Criminology* 53, no. 1 (2013): 1–17; Tom Slater, "From 'Criminality' to Marginality: Rioting Against a Broken State," *Human Geography* 4, no. 3 (2011): 106–115.

44 Thomas Piketty, *Capital in the Twenty-First Century* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2014); Томас Пикетти, *Капитал в XXI веке* (Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015). Пикетти объединил данные о доходах за многие годы и сделал вывод о том, что неравенство в доходах в США и Великобритании достигло уровня, невиданного с XIX века. Верхние 10% американских наемных работников неуклонно увеличивали свою долю в национальном доходе с 35% в 1980-х гг. до более чем 46% в 2010. Основная часть этого роста приходится на верхний 1%, доля которого выросла с 9 до 20%, половина из которых пришлась на верхнюю 0,1%. Пикетти подсчитал, что 60–70% из верхних 0,1% в иерархии доходов состоят из менеджеров, которым удалось добиться «исторически беспрецедентной» компенсации благодаря новым структурам стимулирования, призванным максимизировать стоимость.

45 О значимости демократически ориентированных социальных, политических и экономических институтов для облегчения экономической ситуации см. в монументальном исследовании: Daron Acemoglu and James Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Business, 2012); Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон, *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* (Москва: Издательство АСТ, 2015). Институты также в центре внимания работы Роберта Райха о неравенстве и регрессивной экономической поли-

тике: Robert B. Reich, *Aftershock: The Next Economy and America's Future* (New York: Vintage, 2011); Роберт Райх, *Послешок. Экономика будущего* (Москва, Карьера Пресс, 2012). См. также: Michael Stolleis, *History of Social Law in Germany* (Heidelberg: Springer, 2014), www.springer.com/us/book/9783642384530; Mark Hendrickson, *American Labor and Economic Citizenship: New Capitalism from World War I to the Great Depression* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013); Swank, "The Political Sources of Labor Market Dualism in Postindustrial Democracies, 1975–2011"; Emin Dinlersoz and Jeremy Greenwood, "The Rise and Fall of Unions in the U.S." (NBER working paper, US Census Bureau, 2012), http://www.nber.org/papers/w18079; Basak Kus, "Financialization and Income Inequality in OECD Nations: 1995–2007," *Economic and Social Review* 43, no. 4 (2012): 477–495; Viki Nellas and Elisabetta Olivieri, "The Change of Job Opportunities: The Role of Computerization and Institutions" (Quaderni DSE working paper, University of Bologna & Bank of Italy, 2012), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983214; Gough, Dani, and de Haan, "European Welfare States"; Landon R. Y. Storrs, *Civilizing Capitalism: The National Consumers' League, Women's Activism, and Labor Standards in the New Deal Era,* rev. ed. (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000); Ferge, "The Changed Welfare Paradigm"; Jacoby, *Modern Manors*; Sklar, *The United States as a Developing Country;* J. Bradford De Long and Barry Eichengreen, "The Marshall Plan: History's Most Successful Structural Adjustment Program," in *Post–World War II Economic Reconstruction and Its Lessons for Eastern Europe Today,* ed. Rudiger Dornbusch (Cambridge, MA: MIT Press, 1991); Baldwin, *The Politics of Social Solidarity;* Amenta, "Redefining the New Deal"; Robert H. Wiebe, *The Search for Order: 1877–1920* (New York: Hill and Wang, 1967); John Maynard Keynes, "Economic Possibilities for Our Grandchildren," in John Maynard Keynes, *Essays in Persuasion* (New York: W. W. Norton, 1930); Джон Мейнард Кейнс, "Экономические возможности для наших внуков", *Вопросы экономики*, № 6 (2009): 60–69.

К 2014 г. в отчете Standard and Poor's был сделан вывод о том, что неравенство доходов препятствует экономическому росту и дестабилизирует социальную структуру — факт, давно признанный еще Генри Фордом с его пятидолларовым днем. См.: "How Increasing Income Inequality Is Dampening US Economic Growth, and Possible Ways to Change the Tide," *S&P Capital IQ*, Global Credit Portal Report, August 5, 2014, https://www.globalcreditportal.com/ratingsdirect/renderArticle.do?articleId=1351366&SctArtId=255732&from=CM&nsl_code=LIME&sourceObjectId=8741033&sourceRevId=1&fee_ind=N&exp_date=20240804-19:41:13.

46 Tcherneva, "Reorienting Fiscal Policy: A Bottom-Up Approach," 57. См. также: Francisco Rodriguez and Arjun Jayadev, "The Declining Labor Share of Income," *Journal of Globalization and Development* 3, no. 2 (2013): 1–18; Oliver Giovannoni, "What Do We Know About the Labor Share and the Profit Share? Part III: Measures and Structural Factors" (working paper, Levy Economics Institute at Bard College, 2014), http://www.levyinstitute.org/publications/what-do-we-know-about-the-labor-share-and-the-profit-share-part-3-measures-and-structural-factors; Dirk Antonczyk, Thomas DeLeire, and Bernd Fitzenberger, "Polarization and Rising Wage Inequality: Comparing the U.S. and Germany" (IZA discussion papers, Institute for the Study of Labor, March 2010), https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp4842.html; Duane Swank, "The Political Sources of Labor Market Dualism in Postindustrial Democracies, 1975–2001," conference paper presented at the American Political Science Association Annual Meeting, Chicago, 2013; David Jacobs and Lindsey Myers, "Union Strength, Neoliberalism, and Inequality: Contingent Political Analyses of US Income Differences Since 1950," *American Sociological Review* 79 (2014): 752–774; Viki Nellas and Elisabetta Olivieri, "The Change of Job Opportunities: The Role of Computerization and Institutions" (Quaderni DSE working paper, University of Bologna & Bank

of Italy, 2012), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983214; Gough, Dani, and de Haan, "European Welfare States: Explanations and Lessons for Developing Countries".

47 Jonathan D. Ostry, "Neoliberalism: Oversold?" *Finance & Development* 53, no. 2 (2016): 38–41; как заключил другой американский экономист, «великая рецессия 2008 г. решительно покончила с иллюзией экономического роста, обнажив вместо этого достижения финансового капитализма как они есть, без прикрас: для большинства — стагнация доходов с середины 1970-х, для крошечного меньшинства — огромная концентрация богатства». См. также: Josh Bivens, "In 2013, Workers' Share of Income in the Corporate Sector Fell to Its Lowest Point Since 1950," *Economic Policy Institute* (blog), September 4, 2014, http://www.epi.org/publication/2013-workers-share-income-corporate-sector.

Исследования либерализации и «финансиализации» как в развитых, так и в развивающихся экономиках показали, что эти процессы связаны с новыми нестабильностями, включая банкротства, закрытие банков, крайнюю волатильность активов и спад в реальном секторе экономики. См., например: Malcolm Sawyer, "Financial Development, Financialisation and Economic Growth" (working paper, Financialisation, Economy, Society & Sustainable Development Project, 2014), http://fessud.eu/wpcontent/uploads/2013/04/Financialisation-and-growth-Sawyer-working-paper-21.pdf. См. также: William A. Galston, "The New Challenge to Market Democracies: The Political and Social Costs of Economic Stagnation" (research report, Brookings Institution, 2014), http://www.brookings.edu/research/reports2/2014/10/new-challenge-market-democracies; Joseph E. Stiglitz, *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future* (New York: W. W. Norton, 2012); Джозеф Стиглиц, *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему* (Москва: Эксмо, 2015); James K. Galbraith, *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis* (New York: Oxford University Press, 2012); Ronald Dore, "Financialization of the Global Economy," *Industrial and Corporate Change* 17, no. 6 (2008): 1097–1112; Philip Arestis and Howard Stein, "An Institutional Perspective to Finance and Development as an Alternative to Financial Liberalisation," *International Review of Applied Economics* 19, no. 4 (2005): 381–398; Asil Demirguc-Kunt and Enrica Detragiache, "The Determinants of Banking Crises in Developing and Developed Countries," *Staff Papers—International Monetary Fund* 45, no. 1 (1998): 81–109.

48 Emanuele Ferragina, Mark Tomlinson, and Robert Walker, "Poverty, Participation and Choice," *JRF,* May 28, 2013, https://www.jrf.org.uk/report/poverty-participation-and-choice.

49 Helen Kersley et al., "Raising the Benchmark: The Role of Public Services in Tackling the Squeeze on Pay," *New Economics Foundation,* https://www.unison.org.uk/content/uploads/2013/12/On-line-Catalogue219732.pdf.

50 Sally Gainsbury and Sarah Neville, "Austerity's £18bn Impact on Local Services," *Financial Times,* July 19, 2015, http://www.ft.com/intl/cms/s/2/5fcbd0c4-2948-11e5-8db8-c033edba8a6e.html?ftcamp=crm/email/2015719/nbe/InTodaysFT/product#axzz3gRAfXkt4.

51 Carmen DeNavas-Walt and Bernadette D. Proctor, "Income and Poverty in the United States: 2014," US Census Bureau, September 2015, http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2014/demo/p60-249.pdf; Thomas Gabe, "Poverty in the United States: 2013," *Congressional Research Service*, September 25, 2014, http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/key_workplace/1329.

52 Alisha Coleman-Jensen, Mark Nord, and Anita Singh, "Household Food Security in the United States in 2012" (economic research report, US Department of Agriculture, September 2013), https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/45129/39937_err-155.pdf?v=42199.

53 Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 334–235; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 333–334. См. также: Theda Skocpol and Vanessa Williamson, *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism*, rev. ed. (New York: Oxford University Press, 2016); Naomi Oreskes and Erik M. Conway, *Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming* (London: Bloomsbury, 2010).

54 Nicholas Confessore, "The Families Funding the 2016 Presidential Election," *New York Times,* October 10, 2015, https://www.nytimes.com/interactive/2015/10/11/us/politics/2016-presidential-election-super-pac-donors.html.

55 Историк Нэнси Маклин и журналист Джейн Мэйер подробно описали незримую работу радикально-правых идеологов и их спонсоров-миллиардеров, располагающих неограниченными средствами для манипулирования политикой и обществом и опирающихся на теневую сеть «фабрик мысли», организаций-доноров и СМИ, с целью искусной эксплуатации гражданских волнений и подталкивания их к экстремистским взглядам. См.: Nancy MacLean, *Democracy in Chains: The Deep History of the Radical Right's Stealth Plan for America* (New York: Viking, 2017); Jane Mayer, *Dark Money: The Hidden History of the Billionaires Behind the Rise of the Radical Right* (New York: Anchor, 2017).

56 Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 571; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 585.

57 Milan Zafirovski, "'Neo-Feudalism' in America? Conservatism in Relation to European Feudalism," *International Review of Sociology* 17, no. 3 (2007): 393–427, https://doi.org/10.1080/03906700701574323; Alain Supiot, "The Public-Private Relation in the Context of Today's Refeudalization," *International Journal of Constitutional Law* 11, no. 1 (2013): 129–145, https://doi.org/10.1093/icon/mos050; Daniel J. H. Greenwood, "Neofeudalism: The Surprising Foundations of Corporate Constitutional Rights," *University of Illinois Law Review* 163 (2017).

58 Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 237–270; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 238–269.

59 Едкое и убедительное исследование этих тем см. в: Carol Graham, *Happiness for All? Unequal Hopes and Lives in Pursuit of the American Dream* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017); David G. Blanchflower and Andrew Oswald, "Unhappiness and Pain in Modern America: A Review Essay, and Further Evidence, on Carol Graham's 'Happiness for All?'" (NBER working paper, November 2017).

60 См.: Tim Newburn et al., "David Cameron, the Queen and the Rioters' Sense of Injustice," *Guardian*, December 5, 2011, http://www.theguardian.com/uk/2011/dec/05/cameron-queen-injustice-english-rioters.

61 Slater, "From 'Criminality' to Marginality".

62 Todd Gitlin, *Occupy Nation: The Roots, the Spirit, and the Promise of Occupy Wall Street* (New York: Harper Collins, 2012); Zeynep Tufekci, *Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest* (New Haven, CT: Yale University Press, 2017). См. также: Andrew Gavin Marshall, "World of Resistance Report: Davos Class Jittery amid Growing Warnings of Global Unrest," *Occupy.com*, July 4, 2014, http://www.occupy.com/article/world-resistance-report-davos-class-jittery-amid-growing-warnings-global-unrest.

63 Todd Gitlin, "Occupy's Predicament: The Moment and the Prospects for the Movement," *British Journal of Sociology* 64, no. 1 (2013): 3–25.

64 Anthony Barnett, "The Long and Quick of Revolution," *Open Democracy,* February 2, 2015, https://www.opendemocracy.net/anthony-barnett/long-and-quick-of-revolution.

65 Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity* (Cambridge, MA: Polity, 2000), 38; Зигмунт Бауман, *Текучая современность* (Санкт-Петербург: Питер, 2008), 46–47.

66 Peter Wells and Paul Nieuwenhuis, "Transition Failure: Understanding Continuity in the Automotive Industry," *Technological Forecasting and Social Change* 79, no. 9 (2012): 1681–1692.

67 Steven Levy, *In the Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* (New York: Simon & Schuster, 2011), 172–173.

68 Bobbie Johnson, "Privacy No Longer a Social Norm, Says Facebook Founder," *Guardian*, January 10, 2010, https://www.theguardian.com/technology/2010/jan/11/facebook-privacy.

69 См.: Charlene Li, "Close Encounter with Facebook Beacon," *Forrester,* November 23, 2007, https://web.archive.org/web/20071124121739/http://blogs.forrester.com/charleneli/2007/11/close-encounter.html.

70 Peter Linzer, "Contract as Evil," *Hastings Law Journal* 66 (2015): 971; Paul M. Schwartz, "Internet Privacy and the State," *Connecticut Law Review* 32 (1999): 815–859; Daniel J. Solove, "Privacy Self-Management and the Consent Dilemma," *Harvard Law Review* 126, no. 7 (2013): 1880–1904.

71 Yannis Bakos, Florencia Marotta-Wurgler, and David R. Trossen, "Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention to Standard-Form Contracts," *Journal of Legal Studies* 43, no. 1 (2014): 1–35, https://doi.org/10.1086/674424; Tess Wilkinson-Ryan, "A Psychological Account of Consent to Fine Print," *Iowa Law Review* 99 (2014): 1745; Thomas J. Maronick, "Do Consumers Read Terms of Service Agreements When Installing Software? A Two-Study Empirical Analysis," *International Journal of Business and Social Research* 4, no. 6 (2014): 137–145; Mark A. Lemley, "Terms of Use," *Minnesota Law Review* 91 (2006), https://papers.ssrn.com/abstract=917926; Nili Steinfeld, "'I Agree to the Terms and Conditions': (How) Do Users Read Privacy Policies Online? An Eye-Tracking Experiment," *Computers in Human Behavior* 55 (2016): 992–1000; Victoria C. Plaut and Robert P. Bartlett, "Blind Consent? A Social Psychological Investigation of Non-readership of Click-Through Agreements," *Law and Human Behavior*, June 16, 2011, 1–23.

72 Ewa Luger, Stuart Moran, and Tom Rodden, "Consent for All: Revealing the Hidden Complexity of Terms and Conditions," in *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, CHI '13 (New York: ACM, 2013), 2687–2696.

73 Debra Cassens Weiss, "Chief Justice Roberts Admits He Doesn't Read the Computer Fine Print," *ABA Journal,* October 20, 2010, http://www.abajournal.com/news/article/chief_justice_roberts_admits_he_doesnt_read_the_computer_fine_print.

74 Margaret Jane Radin, *Boilerplate: The Fine Print, Vanishing Rights, and the Rule of Law* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012), 14.

75 Radin, *Boilerplate*, 16–17.

76 Nancy S. Kim, *Wrap Contracts: Foundations and Ramifications* (Oxford: Oxford University Press, 2013), 50–69.

77 Jon Leibowitz, "Introductory Remarks at the FTC Privacy Roundtable," *FTC,* December 7, 2009, http://www.ftc.gov/speeches/leibowitz/091207.pdf.

78 Aleecia M. McDonald and Lorrie Faith Cranor, "The Cost of Reading Privacy Policies," *Journal of Policy for the Information Society,* 4, no. 3 (2008), http://hdl.handle.net/1811/72839.

79 Kim, *Wrap Contracts*, 70–72.

80 Пример такой риторики см. в: Tom Hayes, "America Needs a Department of 'Creative Destruction'," *Huffington Post,* October 27, 2011, https://www.huffingtonpost.com/tom-hayes/america-needs-a-departmen_b_1033573.html.

81 Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper Perennial Modern Classics, 2008), 68; Йозеф А. Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия* (Москва: Экономика, 1995), 110.

82 Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 83; Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия*, 126–127.

83 Joseph A. Schumpeter, *The Economics and Sociology of Capitalism*, ed. Richard Swedberg (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991), 417, 411 (выделено мной. — *Ш. З.*).

84 Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 83; Шумпетер, *Капитализм, социализм и демократия*, 127.

85 Yochai Benkler, *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom* (New Haven, CT: Yale University Press, 2006).

86 Tom Worden, "Spain's Economic Woes Force a Change in Traditional Holiday Habits," *Guardian*, August 8, 2011, http://www.theguardian.com/world/2011/aug/08/spain-debt-crisis-economy-august-economy.

87 Suzanne Daley, "On Its Own, Europe Backs Web Privacy Fights," *New York Times*, August 9, 2011, http://www.nytimes.com/2011/08/10/world/europe/10spain.html.

88 Ankit Singla et al., "The Internet at the Speed of Light" (ACM Press, 2014), https://doi.org/10.1145/2670518.2673876; Taylor Hatmaker, "There Could Soon Be Wi-Fi That Moves at the Speed of Light," *Daily Dot,* July 14, 2014, https://www.dailydot.com/debug/sisoft-li-fi-vlc-10gbps.

89 "Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos (Case C-131/12 (May 13, 2014)," *Harvard Law Review* 128, no. 2 (2014): 735.

90 *Google Spain*, 2014 E.C.R. 317, 80–81.

91 Paul M. Schwartz and Karl-Nikolaus Peifer, "Transatlantic Data Privacy," *Georgetown Law Journal* 106, no. 115 (2017): 131, https://papers.ssrn.com/abstract=3066971. A few of the many excellent analyses of the right to be forgotten include Dawn Nunziato, "Forget About It? Harmonizing European and American Protections for Privacy, Free Speech, and Due Process" (GWU Law School Public Law Research Paper, George Washington University, January 1, 2015), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1295; Jeffrey Rosen, "The Right to Be Forgotten," *Stanford Law Review Online* 64 (2012): 88; "The Right to Be Forgotten (Google v. Spain)," *EPIC.org,* October 30, 2016, https://epic.org/privacy/right-to-be-forgotten; Ambrose Jones, Meg Leta, and Jef Ausloos, "The Right to Be Forgotten Across the Pond," *Journal of Information Policy* 3 (2012): 1–23; Hans Graux, Jef Ausloos, and Peggy Valcke, "The Right to Be Forgotten in the Internet Era," Interdisciplinary Centre for Law and ICT, November 12, 2012, http://www.researchgate.net/publication/256039959_The_Right_to_Be_Forgotten_in_the_Internet_Era; Franz Werro, "The Right to Inform v. the Right to Be Forgotten: A Transatlantic Clash," *Liability in the Third Millennium*, May 2009, 285–300; "Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos". Всесторонний обзор см. в: Anita L. Allen and Marc Rotenberg, *Privacy Law and Society,* 3rd ed. (St. Paul: West, 2016), 1520–1552.

92 "Judgement in Case C-131/12: Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González" (Court of Justice of the European Union, May 13, 2014), https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2014-05/cp140070en.pdf.

93 Federico Fabbrini, "The EU Charter of Fundamental Rights and the Rights to Data Privacy: The EU Court of Justice as a Human Rights Court," in *The EU Charter of Fundamental Rights as a Binding Instrument: Five Years Old and Growing,* ed. Sybe de Vries, Ulf Burnitz, and Stephen Weatherill (Oxford: Hart, 2015), 21–22.

94 Отличное введение в вопрос о «свободе слова» и Первой поправке см. в: Anupam Chander and Uyên Lê, "The Free Speech Foundations of Cyberlaw" (UC Davis Legal Studies Research Paper 351, September 2013, School of Law, University of California, Davis).

95 Henry Blodget, "Hey, Europe, Forget the 'Right to Be Forgotten' — Your New Google Ruling Is Nuts!" *Business Insider,* May 14, 2014, http://www.businessinsider.com/europe-google-ruling-2014-5.

96 Greg Sterling, "Google Co-Founder Sergey Brin: I Wish I Could Forget the 'Right to Be Forgotten,'" *Search Engine Land*, May 28, 2014, http://searchengineland.com/google-co-founder-brin-wish-forget-right-forgotten-192648.

97 Richard Waters, "Google's Larry Page Resists Secrecy but Accepts Privacy Concerns," *Financial Times*, May 30, 2014, https://www.ft.com/content/f3b127ea-e708-11e3-88be-00144feabdc0.

98 James Vincent, "Google Chief Eric Schmidt Says 'Right to Be Forgotten' Ruling Has Got the Balance 'Wrong,'" *Independent,* May 15, 2014, http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/google-chief-eric-schmidt-says-right-to-be-forgotten-ruling-has-got-the-balance-wrong-9377231.html.

99 Pete Brodnitz et al., "Beyond the Beltway February 26–27 Voter Poll," *Beyond the Beltway Insights Initiative,* February 27, 2015, http://web.archive.org/web/20160326035834/http://beltway.bsgco.com/about; Mary Madden and Lee Rainie, "Americans' Attitudes About Privacy, Security and Surveillance," *PewResearchCenter* (blog), May 20, 2015, http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance. Национальный опрос, проведенный организацией Software Advice, показал, что 61% американцев считают, что право на забвение в каком-то виде необходимо, 39% хотят права на забвение в его широкой европейской трактовке и почти половина были обеспокоены тем, что «неактуальные» результаты поиска может навредить репутации человека. Опрос, проведенный YouGov, показал, что 55% американцев поддержали бы законодательство, подобное праву на забвение, по сравнению с лишь 14%, которые не готовы его поддержать. Опрос в США, проведенный Benenson Strategy Group и SKDKnickerbocker, опубликованный спустя почти год после решения ЕС, показал, что 88% респондентов в определенной степени (36%) или решительно (52%) поддерживают американский закон, который разрешил бы им обращаться к таким компаниям, как Google, Yahoo! и Bing, чтобы удалить определенную личную информацию, которая появляется в результатах поиска. См.: Daniel Humphries, "U.S. Attitudes Toward the 'Right to Be Forgotten,'" *Software Advice,* September 5, 2014, https://www.softwareadvice.com/security/industryview/right-to-be-forgotten-2014; Jake Gammon, "Americans Would Support 'Right to Be Forgotten,'" *YouGov,* December 6, 2017, https://today.yougov.com/news/2014/06/02/americans-would-support-right-be-forgotten; Mario Trujillo, "Public Wants 'Right to Be Forgotten' Online," *Hill,* March 19, 2015, http://thehill.com/policy/technology/236246-poll-public-wants-right-to-be-forgotten-online.

100 Francis Collins, "Vaccine Research: New Tactics for Tackling HIV," *NIH Director's Blog,* June 30, 2015, https://directorsblog.nih.gov/2015/06/30/vaccine-research-new-tactics-for-tackling-hiv; Liz Szabo, "Scientists Making Progress on AIDS Vaccine, but Slowly," *USAToday.com,* August 8, 2012, http://www.usatoday.com/news/health/story/2012-07-25/aids-vaccine/56485460/1.

101 Collins, "Vaccine Research".

102 Szabo, "Scientists Making Progress on AIDS Vaccine".

103 См.: Mary Madden and Lee Rainie, "Americans' Attitudes About Privacy, Security and Surveillance," *PewResearchCenter* (blog), May 20, 2015, http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance.

Глава 3

1 Пер. А. Ситницкого.

2 См. обсуждение в: David A. Hounshell, *From the American System to Mass Production, 1800–1932: The Development of Manufacturing Technology in the United States*, 7th ed., Studies in Industry and Society 4 (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997).

3 См.: Reinhard Bendix, *Work and Authority in Industry: Ideologies of Management in the Course of Industrialization* (Berkeley: University of California Press, 1974).

4 David Farber, *Sloan Rules: Alfred P. Sloan and the Triumph of General Motors* (Chicago: University of Chicago Press, 2005); Henry Ford, *My Life and Work* (Garden City, NY: Ayer, 1922); Генри Форд, *Моя жизнь, мои достижения* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014).

5 Chris Jay Hoofnagle, "Beyond Google and Evil: How Policy-Makers, Journalists, and Consumers Should Talk Differently About Google and Privacy," *First Monday*, April 6, 2009.

6 Reed Albergotti et al., "Employee Lawsuit Accuses Google of 'Spying Program,'" *Information*, December 20, 2016, https://www.theinformation.com/employee-lawsuit-accuses-google-of-spying-program.

7 См.: Steven Levy, *In the Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* (New York: Simon & Schuster, 2011), 116; Hal R. Varian, "Biography of Hal R. Varian," UC Berkeley School of Information Management & Systems, October 3, 2017, http://people.ischool.berkeley.edu/~hal/people/hal/biography.html; "Economics According to Google," *Wall Street Journal*, July 19, 2007, http://blogs.wsj.com/economics/2007/07/19/economics-according-to-google; Steven Levy, "Secret of Googlenomics: Data-Fueled Recipe Brews Profitability," *Wired*, May 22, 2009, http://archive.wired.com/culture/culturereviews/magazine/17-06/nep_googlenomics; Hal R. Varian, "Beyond Big Data," *Business Economics* 49, no. 1 (2014): 27–31.

Хотя Хэл Вэриан не отвечает в Google за принятие решений, имеется немало общедоступных данных, свидетельствующих о том, что именно он помог руководству Google понять работу и последствия собственной коммерческой логики компании, развивая и совершенствуя ее. Я сравниваю находки Вэриана с находками Джеймса Кузенса в Ford. Кузенс был инвестором и бизнесменом — позже он станет американским сенатором — и занимал должность генерального директора в Ford. Он помог привести Ford к его впечатляющим успехам, имея ясное понимание новой логики массового производства и ее экономического значения. Он не был ни теоретиком, ни плодовитым автором, как Вэриан, но его переписка и статьи отмечены необычайной прозорливостью и остаются важнейшим источником информации для всех, кто изучает массовое производство.

Прежде чем стать главным экономистом Google в 2007 г., Вэриан несколько лет проработал там консультантом. В своем биографическом материале он упоминает, что «с 2002 г. был связан со многими аспектами деятельности компании, включая разработку аукционов, эконометрический анализ, финансы, корпоративную стратегию и публичную политику». Когда в 2007 г. газета Wall Street Journal сообщила о новой должности Вэриана в Google, она отметила, что эта позиция подразумевает создание «команды экономистов, статистиков и аналитиков, которые будут помогать компании в „маркетинге, работе с персоналом, в стратегии, в политических вопросах“». В своей книге о Google Стивен Леви цитирует Эрика Шмидта, размышляющего о том, как фирма научилась использовать свою новую «экономику кликов»: «У нас есть Хэл Вэриан и у нас есть физики». Согласно статье Леви, посвященной «гуглономике», приводятся слова Шмидта о том, что именно проделанный Вэрианом ранний анализ рекламных аукционов фирмы и привел к моменту озарения, прояснившему истинную природу бизнеса Google: «Неожиданно мы поняли, что занимаемся аукционным бизнесом».

В работе, на которую я ссылаюсь здесь, Вэриан часто иллюстрирует свои аргументы примерами из Google. При этом он то и дело говорит в первом лице, множественном числе, например: «Наши собственные эксперименты принесли Google такой успех, что мы сделали их доступными для наших рекламодателей и издателей в рамках двух программ». Поэтому кажется справедливым предположить, что взгляды Вэриана могут послужить важным источником для понимания предпосылок и целей, определяющих эту новую форму рынка.

8 Hal R. Varian, "Computer Mediated Transactions," *American Economic Review* 100, no. 2 (2010): 1–10; Varian, "Beyond Big Data". Первая статья, вышедшая в 2010 г., представляет собой текст лекции Вэриана в память Ричарда Т. Эли. Вторая статья, как и лекция, посвящена опосредованным компьютерами трансакциям и во многом пересекается с материалом, содержащимся в лекции.
9 Varian, "Beyond Big Data," 27.
10 "Machine Intelligence," *Research at Google*, 2018, https://web.archive.org/web/20180427114330/https://research.google.com/pubs/MachineIntelligence.html.
11 Ellen Meiksins Wood, *The Origin of Capitalism: A Longer View* (London: Verso, 2002), 125.
12 Wood, *The Origin of Capitalism*, 76, 93.
13 Levy, *In the Plex*, 46; Jennifer Lee, "Postcards from Planet Google," *New York Times*, November 28, 2002, http://www.nytimes.com/2002/11/28/technology/circuits/28goog.html.
14 Kenneth Cukier, "Data, Data Everywhere," *Economist,* February 25, 2010, http://www.economist.com/node/15557443.
15 Levy, *In the Plex*, 46–48.
16 "Google Receives $25 Million in Equity Funding," *Google News*, July 7, 1999, http://googlepress.blogspot.com/1999/06/google-receives-25-million-inequity.html.
17 Hal R. Varian, "Big Data: New Tricks for Econometrics," *Journal of Economic Perspectives* 28, no. 2 (2014): 113.
18 Sergey Brin and Lawrence Page, "The Anatomy of a Large-Scale Hypertextual Web Search Engine," *Computer Networks and ISDN Systems* 30, nos. 1–7 (1998): 18.
19 "NEC Selects Google to Provide Search Services on Japan's Leading BIGLOBE Portal Site," *Google Press*, December 18, 2000, http://googlepress.blogspot.com/2000/12/nec-selects-google-to-provide-search.html; "Yahoo! Selects Google as Its Default Search Engine Provider," *Google Press*, June 26, 2000, http://googlepress.blogspot.com/2000/06/yahoo-selects-google-as-its-default.html.
20 Wood, *The Origin of Capitalism,* 125. Уже возникали конфликты между служением интересам растущей пользовательской базы и нуждами этих порталов.
21 Scarlet Pruitt, "Search Engines Sued Over 'Pay-for-Placement,'" *CNN.com,* February 4, 2002, http://edition.cnn.com/2002/TECH/internet/02/04/search.engine.lawsuit.idg/index.html.
22 Saul Hansell, "Google's Toughest Search Is for a Business Model," *New York Times,* April 8, 2002, http://www.nytimes.com/2002/04/08/business/googles-toughest-search-is-for-a-business-model.html.
23 Elliot Zaret, "Can Google's Search Engine Find Profits?" *ZDNet,* June 14, 1999, http://www.zdnet.com/article/can-googles-searchengine-find-profits.
24 John Greenwald, "Doom Stalks the Dotcoms," *Time,* April 17, 2000.
25 Alex Berenson and Patrick McGeehan, "Amid the Stock Market's Losses, a Sense the Game Has Changed," *New York Times,* April 16, 2000, http://www.nytimes.com/2000/04/16/business/amid-the-stock-market-s-losses-a-sense-the-game-has-changed.html; Laura Holson and Saul Hansell, "The Maniac Markets: The Making of a Market Bubble," *New York Times,* April 23, 2000.
26 Ken Auletta, *Googled: The End of the World as We Know It* (New York: Penguin, 2010).
27 Levy, *In the Plex*, 83.
28 Michel Ferrary and Mark Granovetter, "The Role of Venture Capital Firms in Silicon Valley's Complex Innovation Network," *Economy and Society* 38, no. 2 (2009): 347–348, https://doi.org/10.1080/03085140902786827.
29 Dave Valliere and Rein Peterson, "Inflating the Bubble: Examining Dot-Com Investor Behaviour," *Venture Capital* 6, no. 1 (2004): 1–22.

30 Valliere and Peterson, "Inflating the Bubble," 17–18. См. также: Udayan Gupta, ed., *Done Deals: Venture Capitalists Tell Their Stories* (Boston: Harvard Business School Press, 2000), 170–171, 190. Junfu Zhang, "Access to Venture Capital and the Performance of Venture-Backed Startups in Silicon Valley," *Economic Development Quarterly* 21, no. 2 (2007): 124–147.

31 Среди первого поколения интернет-стартапов Кремниевой долины, получивших венчурную поддержку, 12,5% осуществили первичное размещение акций в конце 2001 г., в сравнении с 7,3% в остальной части страны, и в то же время только 4,2% стартапов Долины вышли на прибыль, что существенно меньше, чем в остальной части страны.

32 Zhang, "Access to Venture Capital", 124–147.

33 Patricia Leigh Brown, "Teaching Johnny Values Where Money Is King," *New York Times,* March 10, 2000, http://www.nytimes.com/2000/03/10/us/teaching-johnny-values-where-money-is-king.html.

34 Kara Swisher, "Dot-Com Bubble Has Burst; Will Things Worsen in 2001?" *Wall Street Journal,* December 19, 2000, http://www.wsj.com/articles/SB9770911 8336535099.

35 S. Humphreys, "Legalizing Lawlessness: On Giorgio Agamben's State of Exception," *European Journal of International Law* 17, no. 3 (2006): 677–687, https://doi.org/10.1093/ejil/chl020.

36 Levy, *In the Plex*, 83–85.

37 Ibid., 86–87 (выделено мной. — *Ш. З.*).

38 Lee, "Postcards".

39 Ibid.

40 Ibid.

41 Auletta, *Googled*.

42 John Markoff and G. Pascal Zachary, "In Searching the Web, Google Finds Riches," *New York Times*, April 13, 2003, http://www.nytimes.com/2003/04/13/business/in-searching-the-web-google-finds-riches.html.

43 Peter Coy, "The Secret to Google's Success," *Bloomberg.com*, March 6, 2006, http://www.bloomberg.com/news/articles/2006-03-05/the-secret-to-googles-success (выделено мной. — *Ш. З.*).

44 См., например, следующую подборку типичных заявок на патенты, поданных Google примерно в этот период: Krishna Bharat, Stephen Lawrence, and Mehran Sahami, Generating user information for use in targeted advertising, US9235849 B2, filed December 31, 2003, and issued January 12, 2016, http://www.google.com/patents/US9235849; Jacob Samuels Burnim, System and method for targeting advertisements or other information using user geographical information, US7949714 B1, filed December 5, 2005, and issued May 24, 2011, http://www.google.com/patents/US7949714; Alexander P. Carobus et al., Content-targeted advertising using collected user behavior data, US20140337128 A1, filed July 25, 2014, and issued November 13, 2014, http://www.google.com/patents/US20140337128; Jeffrey Dean, Georges Harik, and Paul Buchheit, Methods and apparatus for serving relevant advertisements, US20040059708 A1, filed December 6, 2002, and issued March 25, 2004, http://www.google.com/patents/US20040059708; Jeffrey Dean, Georges Harik, and Paul Buchheit, Serving advertisements using information associated with e-mail, US20040059712 A1, filed June 2, 2003, and issued March 25, 2004, http://www.google.com/patents/US20040059712; Andrew Fikes, Ross Koningstein, and John Bauer, System and method for automatically targeting web-based advertisements, US8041601 B2, issued October 18, 2011, http://www.google.com/patents/US8041601; Georges R. Harik, Generating information for online advertisements from internet data and traditional media data, US8438154 B2, filed September 29, 2003, and issued May 7, 2013, http://www.google.com/patents/US8438154; Georges R. Harik, Serving advertisements using a search of advertiser web informati-

on, US7647299 B2, filed June 30, 2003, and issued January 12, 2010, http://www.google.com/patents/US7647299; Rob Kniaz, Abhinay Sharma, and Kai Chen, Syndicated trackable ad content, US7996777 B2, issued August 9, 2011, http://www.google.com/patents/US7996777; Method of delivery, targeting, and measuring advertising over networks, USRE44724 E1, filed May 24, 2000, and issued January 21, 2014, http://www.google.com/patents/USRE44724.

45 Методы и технологии, описанные в этом патенте (Generating user information for use in targeted advertising), изобрели трое выдающихся компьютерных ученых — Кришна Бхагат, Стивен Лоуренс и Мехам Сахами.

46 Bharat, Lawrence, and Sahami, Generating user information.

47 Ibid., 11.

48 Ibid., 11–12.

49 Ibid., 15 (выделено мной. — *Ш. З.*).

50 Ibid.

51 Ibid., 18.

52 Ibid., 12.

53 Ibid. (выделено мной. — *Ш. З.*).

54 Эмпирические исследования говорят о том, что, когда пользователи оценивают степень конфиденциальности, первостепенное значение они придают праву на принятие решений. См.: Laura Brandimarte, Alessandro Acquisti, and George Loewenstein, "Misplaced Confidences: Privacy and the Control Paradox," *Social Psychological and Personality Science* 4, no. 3 (2010): 340–347.

55 Bharat, Lawrence, and Sahami, Generating user information, 17 (выделено мной. — *Ш. З.*).

56 Ibid., 16–17. Список атрибутов включал в себя контент (например, словарный состав, ключевые слова и т. д.) посещенных пользователем веб-сайтов (или посещенных в течение определенного времени); демографическую информацию, географическую информацию, психографическую информацию, предыдущие пользовательские запросы (и/или связанную с ними информацию); информацию о рекламных объявлениях, которые пользователь в прошлом просмотрел, выбрал и/или после просмотра которых сделал покупки; информацию о документах (например текстовых файлах), просмотренных/запрошенных и/или измененных пользователем; интересы пользователя; действия в браузере; а также прошлое потребительское поведение.

57 Ibid., 13.

58 Douglas Edwards, *I'm Feeling Lucky* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011), 268.

59 Levy, *In the Plex*, 101.

60 Этот термин обсуждается в видеоинтервью с Эриком Шмидтом и его коллегой/соавтором Джонатаном Розенбергом. См.: Eric Schmidt and Jonathan Rosenberg, "How Google Works," interview by Computer History Museum, October 15, 2014, https://youtu.be/3tNpYpcU5s4?t=3287.

61 См., напр.: Edwards, *I'm Feeling Lucky*, 264–270.

62 См.: Levy, *In the Plex*, 13, 32, 35, 105–106; John Battelle, *The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture* (New York: Portfolio, 2006), 65–66, 74, 82; Auletta, *Googled*.

63 См.: Levy, *In the Plex*, 94.

64 Humphreys, "Legalizing Lawlessness".

65 Michael Moritz, "Much Ventured, Much Gained," interview, *Foreign Affairs,* February 2015, https://www.foreignaffairs.com/interviews/2014-12-15/much-ventured-much-gained.

66 Hounshell, *From the American System*, 247–248.

67 Ibid., 10.

68 Richard S. Tedlow, *Giants of Enterprise: Seven Business Innovators and the Empires They Built* (New York: HarperBusiness, 2003), 159–60; Donald Finlay Davis, *Con-*

spicuous Production: Automobiles and Elites in Detroit 1899–1933 (Philadelphia, PA: Temple University Press, 1989), 122.

69 David M. Kristol, "HTTP Cookies: Standards, Privacy, and Politics," *ArXiv:Cs/0105018*, May 9, 2001, http://arxiv.org/abs/cs/0105018.

70 Richard M. Smith, "The Web Bug FAQ," *Electronic Frontier Foundation,* November 11, 1999, https://w2.eff.org/Privacy/Marketing/web_bug.html.

71 Kristol, "HTTP Cookies," 9–16; Richard Thieme, "Uncompromising Position: An Interview About Privacy with Richard Smith," *Thiemeworks,* January 2, 2000, http://www.thiemeworks.com/an-interview-with-richard-smith.

72 Kristol, "HTTP Cookies," 13–15.

73 "Amendment no. 9 to Form S-1 Registration Statement Under the Securities Act of 1933 for Google Inc.," Securities and Exchange Commission, August 18, 2004, https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1288776/000119312512025336/d260164d10k.htm.

74 Henry Ford, "Mass Production," *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1926), 821, http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/coolbib:@field(NUMBER+@band(amrlg+lg48)).

75 См.: Levy, *In the Plex*, 69.

76 Edwards, *I'm Feeling Lucky*, 340–345.

77 Battelle, *The Search*.

78 Levy, *In the Plex*, 69.

79 См.: Hansell, "Google's Toughest Search".

80 См.: Markoff and Zachary, "In Searching the Web".

81 William O. Douglas, "Dissenting Statement of Justice Douglas, Regarding Warden v. Hayden, 387 U.S. 294" (US Supreme Court, April 12, 1967), https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/387/294; Nita A. Farahany, "Searching Secrets," *University of Pennsylvania Law Review* 160, no. 5 (2012): 1271.

82 George Orwell, *Politics and the English Language* (Peterborough: Broadview, 2006); Джордж Оруэлл, *Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии* (Москва: Московская школа политических исследований, 2003), 356.

83 В качестве типичного примера можно привести следующее высказывание в журнале Economist: «Google эксплуатирует информацию, являющуюся побочным продуктом взаимодействий с пользователем, или выхлопом данных, который автоматически перерабатывается для улучшения обслуживания или создания совершенного новых продуктов». "Clicking for Gold," *Economist,* February 25, 2010, http://www.economist.com/node/15557431.

84 Valliere and Peterson, "Inflating the Bubble," 1–22.

85 См.: Lev Grossman, "Exclusive: Inside Facebook's Plan to Wire the World," *Time.com* (blog), December 2015, http://time.com/facebook-world-plan.

86 David Kirkpatrick, *The Facebook Effect: The Inside Story of the Company That Is Connecting the World* (New York: Simon & Schuster, 2011), 257.

87 Kirkpatrick, *The Facebook Effect*, 80; Auletta, *Googled*.

88 См.: Auletta, *Googled*.

89 Kirkpatrick, *The Facebook Effect*, 266.

90 "Selected Financial Data for Alphabet Inc.," Form 10-K, Commission File, United States Securities and Exchange Commission, December 31, 2016, https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1652044/000165204417000008/goog10-kq42016.htm#s58C60B74D56A630AD6EA2B64F53BD90C. Сюда входят «доходы от сегмента Google в размере 89,5 млрд долл. при ежегодном росте 20%, и доходы от „Прочих проектов" в размере 0,8 млрд долл. с ежегодным ростом 82%». Рекламные доходы от сегмента Google составили 79 383 000 000 долл., или 88,73% доходов от сегмента Google.

91 "Google Search Statistics — Internet Live Stats," Internet Live Stats, September 20, 2017, http://www.internetlivestats.com/google-search-statistics; Greg Sterling, "Data: Google Monthly Search Volume Dwarfs Rivals Because of Mobile

Advantage," *Search Engine Land,* February 9, 2017, http://searchengineland.com/data-google-monthly-search-volume-dwarfs-rivals-mobile-advantage-269120. Это означало 76% всех поисковых запросов с настольных компьютеров и 96% запросов с мобильных устройств в США и соответственно 87 и 95% в мире в целом.

92 Roben Farzad, "Google at $400 Billion: A New no. 2 in Market Cap," *BusinessWeek,* February 12, 2014, http://www.businessweek.com/articles/2014-02-12/google-at-400-billion-a-new-no-dot-2-in-market-cap.

93 "Largest Companies by Market Cap Today," *Dogs of the Dow,* 2017, https://web.archive.org/web/20180701094340/http://dogsofthedow.com/largest-companies-by-market-cap.htm.

94 Jean-Charles Rochet and Jean Tirole, "Two-Sided Markets: A Progress Report," *RAND Journal of Economics* 37, no. 3 (2006): 645–667.

95 Обсуждение этого момента и его отношения к таргетированной онлайн-рекламе см. в: Katherine J. Strandburg, "Free Fall: The Online Market's Consumer Preference Disconnect" (working paper, New York University Law and Economics, October 1, 2013).

96 Kevin Kelly, "The Three Breakthroughs That Have Finally Unleashed AI on the World," *Wired,* October 27, 2014, https://www.wired.com/2014/10/future-of-artificial-intelligence.

97 Xiaoliang Ling et al., "Model Ensemble for Click Prediction in Bing Search Ads," in *Proceedings of the 26th International Conference on World Wide Web Companion,* 689–98, https://doi.org/10.1145/3041021.3054192.

98 Ruoxi Wang et al., "Deep & Cross Network for Ad Click Predictions," *ArXiv: 1708.05123* [*Computer Science. Learning*], August 16, 2017, http://arxiv.org/abs/1708.05123.

Глава 4

1 Пер. В. Топорова.

2 См.: Steven Levy, "Secret of Googlenomics: Data-Fueled Recipe Brews Profitability," *Wired*, May 22, 2009, http://archive.wired.com/culture/culture reviews/magazine/17-06/nep_googlenomics.

3 Douglas Edwards, *I'm Feeling Lucky* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011), 291.

4 Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. (Boston: Beacon, 2001), 75–76; Карл Поланьи, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002), 96–97.

5 Karl Marx, *Capital*, 3rd ed. (New York: Penguin, 1992), Ch. 26; Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд. Т. 23. (Москва: Издательство политической литературы, 1960), гл. 24.

6 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken, 2004), 198; Ханна Арендт, *Истоки тоталитаризма* (Москва: ЦентрКом, 1996), 216–217.

7 Michael J. Sandel, *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013); Майкл Сэндел, *Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013).

8 David Harvey, *The New Imperialism* (New York: Oxford University Press, 2005), 153.

9 Sergey Brin, "2004 Founders' IPO Letter," Google, https://abc.xyz/investor/founders-letters/2004.

10 Cato Institute, *Eric Schmidt Google/Cato Interview*, YouTube, 2014, https://www.youtube.com/watch?v=BH3vjTz8OII.

11 Nick Summers, "Why Google Is Issuing a New Kind of Toothless Stock," *Bloomberg.com,* April 3, 2014, https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-03/why-google-is-issuing-c-shares-a-new-kind-of-powerless-stock. Когда акционеры выступили против этой системы на ежегодном общем собрании компании, проголосовав 180 миллионами голосов за резолюцию о равном праве голоса, основатели компании, которым принадлежал 551 миллион голосов, просто не обратили на это никакого внимания.

12 Eric Lam, "New Google Share Classes Issued as Founders Cement Grip," *Bloomberg.com,* April 3, 2014, https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-03/new-google-shares-hit-market-as-founders-cement-grip-with-split.

13 Tess Townsend, "Alphabet Shareholders Want More Voting Rights but Larry and Sergey Don't Want It That Way," *Recode*, June 13, 2017, https://www.recode.net/2017/6/13/15788892/alphabet-shareholder-proposals-fair-shares-counted-equally-no-supervote.

14 Ronald W. Masulis, Cong Wang, and Fei Xie, "Agency Problems at Dual-Class Companies," *Journal of Finance* 64, no. 4 (2009): 1697–1727, https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2009.01477.x; Randall Smith, "One Share, One Vote?" *Wall Street Journal,* October 28, 2011, https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203911804576653591322367506. В 2017 г. в ходе первичного размещения акций Snap предлагались только неголосующие акции, что оставляло в руках учредителей 70% голосов; остальные голоса сохранили за собой первоначальные инвесторы. См.: Maureen Farrell, "In Snap IPO, New Investors to Get Zero Votes, While Founders Keep Control," *Wall Street Journal*, January 17, 2017, http://www.wsj.com/articles/in-snap-ipo-new-investors-to-get-zero-votes-while-founders-keep-control-1484568034. В ходе других IPO фигурировали суперголосующие акции, на каждую из которых приходилось во много раз (от 30 до 10 000) больше голосов, чем на обычную акцию. См.: Alfred Lee, "Where Supervoting Rights Go to the Extreme," *Information*, March 22, 2016.

15 "Power Play: How Zuckerberg Wrested Control of Facebook from His Shareholders," *VentureBeat* (blog), February 2, 2012, https://venturebeat.com/2012/02/01/zuck-power-play.

16 Spencer Feldman, "IPOs in 2016 Increasingly Include Dual-Class Shareholder Voting Rights," *Securities Regulation & Law Report*, 47 SRLR 1342, July 4, 2016; R. C. Anderson, E. Ottolenghi, and D. M. Reeb, "The Extreme Control Choice," paper presented at the Research Workshop on Family Business, Lehigh University, 2017.

17 Adam Hayes, "Facebook's Most Important Acquisitions," *Investopedia*, February 11, 2015, http://www.investopedia.com/articles/investing/021115/facebooks-most-important-acquisitions.asp; Rani Molla, "Google Parent Company Alphabet Has Made the Most AI Acquisitions," *Recode*, May 19, 2017, https://www.recode.net/2017/5/19/15657758/google-artificial-intelligence-ai-investments; "The Race for AI: Google, Baidu, Intel, Apple in a Rush to Grab Artificial Intelligence Startups," *CB Insights Research*, July 21, 2017, http://www.cbinsights.com/research/top-acquirers-ai-startups-ma-timeline.

18 "Schmidt: We Paid $1 Billion Premium for YouTube," *CNET*, March 27, 2018, https://www.cnet.com/news/schmidt-we-paid-1-billion-premium-for-youtube.

19 Adrian Covert, "Facebook Buys WhatsApp for $19 Billion," *CNNMoney*, February 19, 2014, http://money.cnn.com/2014/02/19/technology/social/facebook-whatsapp/index.html.

20 Tim Fernholz, "How Mark Zuckerberg's Control of Facebook Lets Him Print Money," *Quartz* (blog), March 27, 2014, https://qz.com/192779/how-mark-zuckerbergs-control-of-facebook-lets-him-print-money.

21 Duncan Robinson, "Facebook Faces EU Fine Over WhatsApp Data-Sharing," *Financial Times*, December 20, 2016, https://www.ft.com/content/f652746c-c6a4-11e6-9043-7e34c07b46ef; Tim Adams, "Margrethe Vestager: 'We Are Doing This Because People Are Angry,'" *Observer*, September 17, 2017, http://www.theguardi-

an.com/world/2017/sep/17/margrethe-vestager-people-feel-angry-about-tax-avoidance-european-competition-commissioner; "WhatsApp FAQ—How Do I Choose Not to Share My Account Information with Facebook to Improve My Facebook Ads and Products Experiences?" *WhatsApp.com*, August 28, 2016, https://www.whatsapp.com/faq/general/26000016.

22 Eric Schmidt and Jared Cohen, *The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives* (New York: Vintage, 2014); Эрик Шмидт и Джаред Коэн, *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013).

23 Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, 183; Арендт, *Истоки тоталитаризма*, 202.

24 Vinod Khosla, "Fireside Chat with Google Co-Founders, Larry Page and Sergey Brin," *Khosla Ventures*, July 3, 2014, http://www.khoslaventures.com/fireside-chat-with-google-co-founders-larry-page-and-sergey-brin.

25 Holman W. Jenkins, "Google and the Search for the Future," *Wall Street Journal*, August 14, 2010, http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704900110457542 3294099527212.

26 См.: Lillian Cunningham, "Google's Eric Schmidt Expounds on His Senate Testimony," *Washington Post*, September 30, 2011, http://www.washingtonpost.com/national/on-leadership/googles-eric-schmidt-expounds-on-his-senate-testimony/2011/09/30/gIQAPyVgCL_story.html.

27 Pascal-Emmanuel Gobry, "Eric Schmidt to World Leaders at EG8: Don't Regulate Us, or Else," *Business Insider*, May 24, 2011, http://www.businessinsider.com/eric-schmidt-google-eg8-2011-5.

28 См.: Jay Yarow, "Google CEO Larry Page Wants a Totally Separate World Where Tech Companies Can Conduct Experiments on People," *Business Insider*, May 16, 2013, http://www.businessinsider.com/google-ceo-larry-page-wants-a-place-for-experiments-2013-5.

29 Conor Dougherty, "Tech Companies Take Their Legislative Concerns to the States," *New York Times*, May 27, 2016, http://www.nytimes.com/2016/05/28/technology/tech-companies-take-their-legislative-concerns-to-the-states.html; Tim Bradshaw, "Google Hits Out at Self-Driving Car Rules," *Financial Times,* December 18, 2015, http://www.ft.com/intl/cms/s/0/d4afee02-a517-11e5-97e1-a754d5d9538c.html?ftcamp=crm/email/20151217/nbe/InTodaysFT/product#axzz3ufyqWR02; Jon Brodkin, "Google and Facebook Lobbyists Try to Stop New Online Privacy Protections," *Ars Technica*, May 24, 2017, https://arstechnica.com/tech-policy/2017/05/google-and-facebook-lobbyists-try-to-stop-new-online-privacy-protections.

30 Robert H. Wiebe, *The Search for Order: 1877–1920* (New York: Hill and Wang, 1967), 135–137. Вибе выделяет основные черты мировоззрения, которое отстаивали эти миллионеры, сплотившись перед лицом угрозы промышленному капиталу со стороны выборов, и это мировоззрение покажется хорошо знакомым всем тем, кто читал оправдания магнатов Кремниевой долины и то, как они восхваляют все связанное с «разрушением» и «предпринимательством». Согласно этому катехизису из XIX века, только «лучшие представители человеческой расы сумели открыть более эффективные способы использования земли, труда и капитала и повели общество за собой, в то время как остальные выстроились вслед за лидерами». Большинству «обычно одаренных» приходится лишь делить между собой то, что осталось после того, как капитал забрал свою долю, а «слабейшие просто исчезают». Результатом должно было стать «постоянно совершенствующееся человечество, проходящее через сито конкуренции». Любое нарушение этих «естественных законов» приведет лишь к «выживанию наименее приспособленных» и обратит вспять эволюцию человечества.

31 David Nasaw, "Gilded Age Gospels," in *Ruling America: A History of Wealth and Power in a Democracy,* ed. Steve Fraser and Gary Gerstle (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005), 124–125.

32 Nasaw, "Gilded Age," 132.
33 Ibid., 146.
34 Lawrence M. Friedman, *American Law in the 20th Century* (New Haven, CT: Yale University Press, 2004), 15–28.
35 Nasaw, "Gilded Age," 148.
36 Две выдающиеся работы об этом: Chris Jay Hoofnagle, *Federal Trade Commission: Privacy Law and Policy* (New York: Cambridge University Press, 2016); Julie E. Cohen, "The Regulatory State in the Information Age," *Theoretical Inquiries in Law* 17, no. 2 (2016), http://www7.tau.ac.il/ojs/index.php/til/article/view/1425.
37 Jodi L. Short, "The Paranoid Style in Regulatory Reform," *Hastings Law Journal* 63 (January 12, 2011): 633.
38 Замечательный сборник статей на эту тему: Steve Fraser and Gary Gerstle, eds., *The Rise and Fall of the New Deal Order 1930–1980* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989).
39 Alan Brinkley, *Liberalism and Its Discontents* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000).
40 Short, "The Paranoid Style," 44–46.
41 Short, "The Paranoid Style," 52–53. Историк экономики Филипп Мировски резюмирует «метатезисы», которые с 1980-х гг. помогли превратить неолиберализм в нечто вроде «парадигмы», несмотря на его аморфные, многогранные, а иногда и противоречивые теории и практики. Некоторые из них послужили важным прикрытием для смелых действий, тайных операций и риторических уловок надзорных капиталистов: (1) демократию следовало урезать в пользу активного восстановления государства как агента стабильного рыночного общества; (2) предприниматель и корпорация смешивались, а в качестве основного предмета правовой защиты закреплялись не права граждан, а «корпоративная личность»; (3) свобода определялась негативно, как «свобода от» вмешательства в естественные законы конкуренции, и любой контроль, кроме рыночного, рассматривался как принуждение; и (4) неравенство богатства и прав принималось и даже превозносилось как необходимая черта успешной рыночной системы и движущая сила прогресса. Позже, успех надзорного капитализма, его агрессивная риторика и готовность его лидеров противостоять любым вызовам, как в суде, так и в «суде» общественного мнения, еще больше закрепили эти руководящие принципы в политической жизни, экономической политике и законодательной практике в США. См.: Philip Mirowski, *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown* (London: Verso, 2013). См. также: Wendy Brown, *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution* (New York: Zone Books, 2015); David M. Kotz, *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015), 166–175.
42 Frank A. Pasquale, "Privacy, Antitrust, and Power," *George Mason Law Review* 20, no. 4 (2013): 1009–1024.
43 Существует множество разнообразных научных работ о том, как интернет-компании прибегали к Первой поправке в попытке защититься от регулирования. Вот только некоторые из многих важных исследований: Andrew Tutt, "The New Speech," *Hastings Constitutional Law Quarterly*, 41 (July 17, 2013): 235; Richard Hasen, "Cheap Speech and What It Has Done (to American Democracy)," *First Amendment Law Review* 16 (January 1, 2017), http://scholarship.law.uci.edu/faculty_scholarship/660; Dawn Nunziato, "With Great Power Comes Great Responsibility: Proposed Principles of Digital Due Process for ICT Companies" (GWU Law School Public Law research paper, George Washington University, January 1, 2013), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1293; Tim Wu, "Machine Speech," *University of Pennsylvania Law Review* 161, no. 6 (2013):

1495; Dawn Nunziato, "Forget About It? Harmonizing European and American Protections for Privacy, Free Speech, and Due Process" (GWU Law School Public Law research paper, George Washington University, January 1, 2015), http://scholarship.law.gwu.edu/faculty_publications/1295; Marvin Ammori, "The 'New' *New York Times:* Free Speech Lawyering in the Age of Google and Twitter," *Harvard Law Review* 127 (June 20, 2014): 2259–95; Jon Hanson and Ronald Chen, "The Illusion of Law: The Legitimating Schemas of Modern Policy and Corporate Law," *Legitimating Schemas of Modern Policy and Corporate Law* 103, no. 1 (2004): 1–149.

44 Steven J. Heyman, "The Third Annual C. Edwin Baker Lecture for Liberty, Equality, and Democracy: The Conservative-Libertarian Turn in First Amendment Jurisprudence" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, October 8, 2014), 300, https://papers.ssrn.com/abstract=2497190.

45 Heyman, "The Third Annual C. Edwin Baker Lecture," 277; Andrew Tutt, "The New Speech".

46 Daniel J. H. Greenwood, "Neofederalism: The Surprising Foundations of Corporate Constitutional Rights," *University of Illinois Law Review* 163 (2017): 166, 221.

47 Frank A. Pasquale, "The Automated Public Sphere" (Legal Studies research paper, University of Maryland, November 10, 2017).

48 Ammori, "The 'New' *New York Times*," 2259–2260.

49 Adam Winkler, *We the Corporations* (New York: W. W. Norton, 2018), xxi.

50 "Section 230 of the Communications Decency Act," Electronic Frontier Foundation, n.d., https://www.eff.org/issues/cda230.

51 Christopher Zara, "The Most Important Law in Tech Has a Problem," *Wired*, January 3, 2017.

52 David S. Ardia, "Free Speech Savior or Shield for Scoundrels: An Empirical Study of Intermediary Immunity Under Section 230 of the Communications Decency Act" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, June 16, 2010), https://papers.ssrn.com/abstract=1625820.

53 Paul Ehrlich, "Communications Decency Act 230," *Berkeley Technology Law Journal* 17 (2002): 404.

54 Ardia, "Free Speech Savior or Shield for Scoundrels".

55 См.: Zara, "The Most Important Law in Tech".

56 Ibid.

57 David Lyon, *Surveillance After September 11,* Themes for the 21st Century (Malden, MA: Polity, 2003), 7; Jennifer Evans, "Hijacking Civil Liberties: The USA Patriot Act of 2001," *Loyola University Chicago Law Journal* 33, no. 4 (2002): 933; Paul T. Jaeger, John Carlo Bertot, and Charles R. McClure, "The Impact of the USA Patriot Act on Collection and Analysis of Personal Information Under the Foreign Intelligence Surveillance Act," *Government Information Quarterly* 20, no. 3 (2003): 295–314.

58 В США первая волна законодательства, закреплявшего неприкосновенность частной жизни потребителя, прошла еще в 1970-х гг., когда конгресс принял важные знаковые законопроекты, такие как Закон о добросовестной кредитной отчетности (Fair Credit Reporting Act) 1970 г. и Принципы добросовестной информационной практики (Fair Information Practices Principles) 1973 г. В Европе ОЭСР приняла жесткий свод руководящих принципов в области конфиденциальности в 1980 г., а в 1998 вступила в силу первая Директива ЕС о защите данных. См.: Peter Swire, "The Second Wave of Global Privacy Protection: Symposium Introduction," *Ohio State Law Journal* 74, no. 6 (2013): 842–43; Peter P. Swire, "Privacy and Information Sharing in the War on Terrorism," *Villanova Law Review* 51, no. 4 (2006): 951; Ibrahim Altaweel, Nathaniel Good, and Chris Jay Hoofnagle, "Web Privacy Census," *Technology Science*, December 15, 2015, https://techscience.org/a/2015121502.

59 Swire, "Privacy and Information Sharing," 951; Swire, "The Second Wave"; Hoofnagle, *Federal Trade Commission*; Brody Mullins, Rolfe Winkler, and Brent Kendall,

"FTC Staff Wanted to Sue Google," *Wall Street Journal*, March 20, 2015; Daniel J. Solove and Woodrow Hartzog, "The FTC and the New Common Law of Privacy," *Columbia Law Review* 114, no. 3 (2014): 583–676; Brian Fung, "The FTC Was Built 100 Years Ago to Fight Monopolists. Now, It's Washington's Most Powerful Technology Cop," *Washington Post*, September 25, 2014, https://www.washingtonpost.com/blogs/the-switch/wp/2014/09/25/the-ftc-was-built-100-years-ago-to-fight-monopolists-now-its-washingtons-most-powerful-technology-cop; Stephen Labaton, "The Regulatory Signals Shift; F.T.C. Serves as Case Study of Differences Under Bush," *New York Times*, June 12, 2001, http://www.nytimes.com/2001/06/12/business/the-regulatory-signals-shift-ftc-serves-as-case-study-of-differences-under-bush.html; Tanzina Vega and Edward Wyatt, "U.S. Agency Seeks Tougher Consumer Privacy Rules," *New York Times*, March 26, 2012, http://www.nytimes.com/2012/03/27/business/ftc-seeks-privacy-legislation.html.

60 Robert Pitofsky et al., "Privacy Online: Fair Information Practices in the Electronic Marketplace: A Federal Trade Commission Report to Congress," Federal Trade Commission, May 1, 2000, 35, https://www.ftc.gov/reports/privacy-online-fair-information-practices-electronic-marketplace-federal-trade-commission.

61 Pitofsky et al., "Privacy Online," 36–37. В предлагаемом законодательстве будет установлен базовый уровень защиты конфиденциальности частной жизни для всех посещений коммерческих интернет-сайтов, ориентированных на потребителя, в части, еще не предусмотренной Законом о защите конфиденциальности частной жизни детей в интернете (Children's Online Privacy Protection Act, COPPA). Такое законодательство установит основные стандарты деятельности, связанной со сбором информации онлайн, и будет предусматривать создание органа по контролю за их исполнением, с полномочиями по принятию более подробных стандартов в соответствии с Законом об административных процедурах (Administrative Procedure Act), включая полномочия по обеспечению соблюдения этих стандартов. Все коммерческие потребительские интернет-сайты, собирающие онлайн-информацию от потребителей или о них, с помощью которой можно установить их личность, в той мере, в какой это не охватывается COPPA, должны будут соответствовать четырем общепринятым принципам добросовестной информационной практики:

(1) Уведомление. Веб-сайты должны будут предоставлять потребителям четкое, расположенное на видном месте уведомление об их информационных практиках, в том числе о том, какую информацию они собирают, как они ее собирают (например, непосредственно или с помощью неочевидных средств, таких, как файлы cookie), как они ее используют, как они реализуют для потребителей принципы Выбора, Доступа и Безопасности, раскрывают ли они собранную информацию другим и не собирает ли информацию через данный сайт кто-либо другой.

(2) Выбор. Веб-сайты должны будут предлагать потребителям возможность выбора способов использования идентифицирующей их информации, выходящих за пределы того, для чего была предоставлена информация (например, для совершения сделки). Такой выбор будет касаться как внутреннего вторичного использования (такого, как маркетинг среди потребителей), так и внешнего вторичного использования (такого, как раскрытие данных третьим сторонам).

(3) Доступ. Веб-сайты должны будут предоставлять потребителям, в разумных пределах, доступ к информации о них, собранной на веб-сайте, включая возможность, в разумных пределах, просматривать информацию и исправлять неточности или удалять информацию.

(4) Безопасность. Веб-сайты должны будут принимать разумные меры для защиты собираемой ими у потребителей информации.

62 Swire, "The Second Wave," 845.

63 Paul M. Schwartz, "Systematic Government Access to Private-Sector Data in Germany," *International Data Privacy Law* 2, no. 4 (2012): 289, 296; Ian Brown, "Government Access to Private-Sector Data in the United Kingdom," *International Data Privacy Law* 2, no. 4 (2012): 230, 235; W. Gregory Voss, "After Google Spain and Charlie Hebdo: The Continuing Evolution of European Union Data Privacy Law in a Time of Change," *Business Lawyer* 71, no. 1 (2015): 281; Mark Scott, "Europe, Shaken by Paris Attacks, Weighs Security with Privacy Rights," *New York Times — Bits Blog*, September 18, 2015; Frank A. Pasquale, "Privacy, Antitrust, and Power," *George Mason Law Review* 20, no. 4 (2013): 1009–1024; Alissa J. Rubin, "Lawmakers in France Move to Vastly Expand Surveillance," *New York Times*, May 5, 2015, http://www.nytimes.com/2015/05/06/world/europe/french-legislators-approve-sweeping-intelligence-bill.html; Georgina Prodham and Michael Nienaber, "Merkel Urges Germans to Put Aside Fear of Big Data," *Reuters,* June 9, 2015, https://www.reuters.com/article/us-germany-technology-merkel/merkel-urges-germansto-put-aside-fear-of-big-data-idUSKBN0OP2EM 20150609.

64 Richard A. Clarke et al., *The NSA Report: Liberty and Security in a Changing World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014), 27, 29; Declan McCullagh, "How 9/11 Attacks Reshaped U.S. Privacy Debate," *CNET,* September 9, 2011, http://www.cnet.com/news/how-911-attacks-reshaped-u-s-privacy-debate. «Отчет АНБ», подготовленный группой экспертов при президенте в 2013 г., описывает переданные разведке полномочия, которые сделали это возможным: «Нападения 11 сентября наглядно продемонстрировали потребность в подробной информации о деятельности потенциальных террористов <…> часть информации, которая могла оказаться полезной, не была собрана, а другая часть, которая могла бы помочь предотвратить нападения, не была передана другим ведомствам <…> Было ясно одно: если правительство будет проявлять чрезмерную осторожность в своих усилиях по выявлению и предотвращению террористических нападений, последствия для страны могут оказаться катастрофическими».

65 Hoofnagle, *Federal Trade Commission*, 158.

66 См.: Andrea Peterson, "Former NSA and CIA Director Says Terrorists Love Using Gmail," *Washington Post*, September 15, 2013, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2013/09/15/former-nsa-and-cia-director-says-terrorists-love-using-gmail.

67 Marc Rotenberg, "Security and Liberty: Protecting Privacy, Preventing Terrorism," testimony before the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States, 2003.

68 Swire, "The Second Wave," 846.

69 Hoofnagle, *Federal Trade Commission*, Chapter 6.

70 Lyon, *Surveillance After September 11*, 15.

71 Richard Herbert Howe, "Max Weber's Elective Affinities: Sociology Within the Bounds of Pure Reason," *American Journal of Sociology* 84, no. 2 (1978): 366–385.

72 См.: Joe Feuerherd, "'Total Information Awareness' Imperils Civil Rights, Critics Say," *National Catholic Reporter*, November 29, 2002, http://natcath.org/NCR_Online/archives2/2002d/112902/112902d.htm.

73 См.: Matt Marshall, "Spying on Startups," *Mercury News*, November 17, 2002.

74 Marshall, "Spying on Startups".

75 Mark Williams Pontin, "The Total Information Awareness Project Lives On," *MIT Technology Review*, April 26, 2006, https://www.technologyreview.com/s/405707/the-total-information-awareness-project-lives-on.

76 John Markoff, "Taking Spying to Higher Level, Agencies Look for More Ways to Mine Data," *New York Times*, February 25, 2006, http://www.nytimes.com/2006/02/25/technology/25data.html.

77 Inside Google, "Lost in the Cloud: Google and the US Government," Consumer Watchdog, January 2011, insidegoogle.com/wpcontent/uploads/2011/01/GOOG-Govfinal012411.pdf.

78 Nafeez Ahmed, "How the CIA Made Google," *Medium* (blog), January 22, 2015, https://medium.com/insurge-intelligence/how-the-cia-made-google-e836451a959e.

79 Verne Kopytoff, "Google Has Lots to Do with Intelligence," *SFGate*, March 30, 2008, http://www.sfgate.com/business/article/Google-has-lots-to-do-with-intelligence-3221500.php.

80 Noah Shachtman, "Exclusive: Google, CIA Invest in 'Future' of Web Monitoring," *Wired*, July 28, 2010, http://www.wired.com/2010/07/exclusive-google-cia.

81 Ryan Gallagher, "The Surveillance Engine: How the NSA Built Its Own Secret Google," *Intercept* (blog), August 25, 2014, https://firstlook.org/theintercept/2014/08/25/icreach-nsa-cia-secret-google-crisscross-proton.

82 Robyn Winder and Charlie Speight, "Untangling the Web: An Introduction to Internet Research," National Security Agency Center for Digital Content, March 2013, http://www.governmentattic.org/8docs/UntanglingTheWeb-NSA_2007.pdf.

83 Richard O'Neill, *Seminar on Intelligence, Command, and Control* (Cambridge, MA: Highlands Forums Press, 2001), http://www.pirp.harvard.edu/pubs_pdf/o'neill/o'neill-i01-3.pdf; Richard P. O'Neill, "The Highlands Forum Process," interview by Oettinger, April 5, 2001.

84 Mary Anne Franks, "Democratic Surveillance" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 2, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2863343.

85 Ahmed, "How the CIA Made Google".

86 Stephanie A. DeVos, "The Google-NSA Alliance: Developing Cybersecurity Policy at Internet Speed," *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal* 21, no. 1 (2011): 173–227.

87 Избирательное сродство, связывающее деятельность правительства с Google и более широким коммерческим надзорным проектом, стало очевидным в течение десятилетия, последовавшего за 11 сентября, когда АНБ старалось уподобиться Google, анализируя и интегрируя возможности Google в различных областях. Более подробные размышления об этом см. в: "Lost in the Cloud: Google and the US Government," *Inside Google*, January 2011, insidegoogle.com/wpcontent/uploads/2011/01/GOOGGovfinal012411.pdf; Ahmed, "How the CIA Made Google"; Verne Kopytoff, "Google Has Lots to Do with Intelligence," *SFGate,* March 30, 2008, http://www.sfgate.com/business/article/Google-has-lots-to-do-with-intelligence-3221500.php; "Google Acquires Keyhole Corp—News Announcements," *Google Press*, October 27, 2004, http://googlepress.blogspot.com/2004/10/google-acquires-keyhole-corp.html; Josh G. Lerner et al., "In-Q-Tel: Case 804–146," *Harvard Business School Publishing*, February 2004, 1–20; Winder and Speight, "Untangling the Web"; Gallagher, "The Surveillance Engine"; Ellen Nakashima, "Google to Enlist NSA to Help It Ward Off Cyberattacks," *Washington Post,* February 4, 2010, http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/02/03/AR20100 20304057.html; Mike Scarcella, "DOJ Asks Court to Keep Secret Any Partnership Between Google, NSA," *BLT: Blog of Legal Times*, March 9, 2012, 202, http://legaltimes.typepad.com/blt/2012/03/doj-asks-court-to-keep-secret-any-partnership-between-google-nsa.html; Shane Harris, *@WAR: The Rise of the Military-Internet Complex* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2014), 175.

88 Jack Balkin, "The Constitution in the National Surveillance State," *Minnesota Law Review* 93, no. 1 (2008), http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/225.

89 Jon D. Michaels, "All the President's Spies: Private-Public Intelligence Partnerships in the War on Terror," *California Law Review* 96, no. 4 (2008): 901–966.

90 Michaels, "All the President's Spies," 908; Chris Hoofnagle, "Big Brother's Little Helpers: How ChoicePoint and Other Commercial Data Brokers Collect and Package Your Data for Law Enforcement," *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation* 29 (January 1, 2003): 595; Junichi P. Semitsu, "From Facebook to Mug Shot: How the Dearth of Social Networking Privacy Rights Revolutionized Online Government Surveillance," *Pace Law Review* 31, no. 1 (2011).

91 Mike McConnell, "Mike McConnell on How to Win the Cyber-War We're Losing," *Washington Post*, February 28, 2010, http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/story/2010/02/25/ST2010022502680.html.

92 Davey Alba, "Pentagon Taps Eric Schmidt to Make Itself More Google-ish," *Wired*, March 2, 2016, https://www.wired.com/2016/03/ex-google-ceo-eric-schmidt-head-pentagon-innovation-board; Lee Fang, "The CIA Is Investing in Firms That Mine Your Tweets and Instagram Photos," *Intercept*, April 14, 2016, https://theintercept.com/2016/04/14/in-undisclosed-cia-investments-socialmedia-mining-looms-large.

93 Fred H. Cate and James X. Dempsey, eds., *Bulk Collection: Systematic Government Access to Private-Sector Data* (New York: Oxford University Press, 2017), xxv–xxvi.

94 Michael Alan Bernstein, *The Great Depression: Delayed Recovery and Economic Change in America, 1929–1939,* Studies in Economic History and Policy (Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987), chapters 1, 8.

95 http://bits.blogs.nytimes.com/2008/11/07/how-obamas-internet-campaign-changed-politics/?_r=0.

96 Sasha Issenberg, "The Romney Campaign's Data Strategy," *Slate*, July 17, 2012, http://www.slate.com/articles/news_and_politics/victory_lab/2012/07/the_romney_campaign_s_data_strategy_they_re_outsourcing_.single.html. См. также: Joe Lertola and Bryan Christie Design, "A Short History of the Next Campaign," *Politico*, February 27, 2014, http://www.politico.com/magazine/story/2014/02/a-short-history-of-thenext-campaign-103672.html.

97 Daniel Kreiss and Philip N. Howard, "New Challenges to Political Privacy: Lessons from the First U.S. Presidential Race in the Web 2.0 Era," *International Journal of Communication* 4 (2010): 1032–1050.

98 Sasha Issenberg, *The Victory Lab: The Secret Science of Winning Campaigns* (New York: Crown, 2012), 271.

99 «Я делаю это как частное лицо, — сказал Шмидт журналистам, — официально Google сохраняет нейтралитет» в этой избирательной кампании. Его первое появление вместе с Обамой имело место на одном мероприятии во Флориде, где они были модераторами секции по экономике. Шмидт сказал газете Wall Street Journal, что планируемая им поддержка Обамы будет «естественным продолжением» его роли неформального советника. См.: Monica Langley and Jessica E. Vascellaro, "Google CEO Backs Obama," *Wall Street Journal*, October 20, 2008, http://www.wsj.com/articles/SB122446734650049199; and Jeff Zeleny and Elisabeth Bumiller, "Candidates Face Off Over Economic Plans," *New York Times*, October 21, 2008, http://www.nytimes.com/2008/10/22/us/politics/22campaign.html.

100 Robert Reich, "Obama's Transition Economic Advisory Board: The Full List," *US News & World Report*, November 7, 2008, http://www.usnews.com/news/campaign-2008/articles/2008/11/07/obamas-transition-economic-advisory-board-the-full-listn.

101 Eamon Javers, "Obama–Google Connection Scares Competitors," *Politico*, November 10, 2008, http://www.politico.com/news/stories/1108/15487.html.

102 "Diary of a Love Affair: Obama and Google (Obama@Google)," *Fortune*, November 14, 2007, http://archive.fortune.com/galleries/2009/fortune/0910/gallery.obama_google.fortune/2.html.

103 Brody Mullins, "Google Makes Most of Close Ties with White House," *Wall Street Journal*, March 24, 2015, https://www.wsj.com/articles/google-makes-most-of-close-ties-to-white-house-1427242076.

104 Jim Rutenberg, "Data You Can Believe In: The Obama Campaign's Digital Masterminds Cash In," *New York Times*, June 20, 2013, https://www.nytimes.com/2013/06/23/magazine/the-obama-campaigns-digital-masterminds-cash-in.html.

105 Rutenberg, "Data You Can Believe In".

106 Lillian Cunningham, "Google's Eric Schmidt Expounds on His Senate Testimony," *Washington Post*, September 30, 2011, http://www.washingtonpost.com/national/on-leadership/googles-eric-schmidt-expounds-on-his-senate-testimony/2011/09/30/gIQAPyVgCL_story.html.

107 "Google's Revolving Door Explorer (US)," *Google Transparency Project*, April 15, 2016, http://www.googletransparencyproject.org/googles-revolving-door-explorer-us; Tess VandenDolder, "Is Google the New Revolving Door?" *DC Inno*, September 9, 2014, http://dcinno.streetwise.co/2014/09/09/is-google-the-new-revolving-door; "Revolving Door | OpenSecrets—Employer Search: Google Inc.," *OpenSecrets.org*, February 23, 2017, https://www.opensecrets.org/revolving/search_result.php?priv=Google+Inc; Yasha Levine, "The Revolving Door Between Google and the Department of Defense," *PandoDaily* (blog), April 23, 2014, http://pando.com/2014/04/23/the-revolving-door-between-google-and-the-department-of-defense; Cecilia Kang and Juliet Eilperin, "Why Silicon Valley Is the New Revolving Door for Obama Staffers," *Washington Post*, February 27, 2015, http://www.washingtonpost.com/business/economy/as-obama-nears-close-of-his-tenure-commitment-to-silicon-valley-is-clear/2015/02/27/3bee8088-bc8e-11e4-bdfa-b8e8f594e6ee_story.html.

108 Eric Schmidt and Jonathan Rosenberg, *How Google Works* (New York: Grand Central, 2014), 255; Эрик Шмидт, Алан Игл и Джонатан Розенберг, *Как работает Google* (Москва: Эксмо, 2015), 343.

109 Deborah D'Souza, "Big Tech Spent Record Amounts on Lobbying Under Trump," *Investopedia*, July 11, 2017, https://www.investopedia.com/tech/what-are-tech-giants-lobbying-trump-era; Brodkin, "Google and Facebook Lobbyists"; Natasha Lomas, "Google Among Top Lobbyists of Senior EC Officials," *TechCrunch* (blog), June 24, 2015, http://social.techcrunch.com/2015/06/24/google-among-top-lobbyists-of-senior-ec-officials; "Google's European Revolving Door," *Google Transparency Project*, September 25, 2017, http://googletransparencyproject.org/articles/googles-european-revolving-door.

110 "Google Enlisted Obama Officials to Lobby States on Driverless Cars," *Google Transparency Project*, March 29, 2018, https://googletransparencyproject.org/articles/google-enlisted-obama-officials-lobby-states-driverless-cars.

111 "Tech Companies Are Pushing Back Against Biometric Privacy Laws," *Bloomberg.com*, July 20, 2017, https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-20/tech-companies-are-pushing-back-against-biometric-privacy-laws; "Biometric Privacy Laws: Illinois and the Fight Against Intrusive Tech," March 29, 2018, https://news.law.fordham.edu/jcfl/2018/03/20/biometric-privacy-laws-illinois-and-the-fight-against-intrusive-tech; April Glaser, "Facebook Is Using an 'NRA Approach' to Defend Its Creepy Facial Recognition Programs," *Slate*, August 4, 2017, http://www.slate.com/blogs/future_tense/2017/08/04/facebook_is_fighting_biometric_facial_recognition_privacy_laws.html; Conor Dougherty, "Tech Companies Take Their Legislative Concerns to the States," *New York Times*, May 27, 2016, http://www.nytimes.com/2016/05/28/tech nology/tech-companies-take-their-legislative-concerns-to-the-states.html.

112 В 1999 г. Шмидт вошел в состав правления Фонда «Новая Америка». На 2013 г. он был председателем его Совета директоров, и его финансовый вклад по-прежнему оставался одним из самых значительных, уступая вкладам лишь трех других доноров: Государственного департамента США,

Фонда Люмина (Lumina Foundation) и Фонда Билла и Мелинды Гейтс. Среди доноров второго ряда мы встречаем Google. См.: http://newamerica.net/about/funding. Этот фонд является эпицентром вашингтонского политического дискурса, а список членов его совета читается как энциклопедия политического истеблишмента. См.: http://newamerica.net/about/board.

113 Tom Hamburger and Matea Gold, "Google, Once Disdainful of Lobbying, Now a Master of Washington Influence," *Washington Post*, April 12, 2014, http://www.washingtonpost.com/politics/how-google-is-transforming-power-and-politicsgoogle-once-disdainful-of-lobbying-now-a-master-of-washington-influence/2014/04/12/51648b92-b4d3-11e3-8cb6-284052554d74_story.html.

114 Дополнительные материалы см. в: David Dayen, "Google's Insidious Shadow Lobbying: How the Internet Giant Is Bankrolling Friendly Academics—and Skirting Federal Investigations," *Salon.com*, November 24, 2015, https://www.salon.com/2015/11/24/googles_insidious_shadow_lobbying_how_the_internet_giant_is_bankrolling_friendly_academics_and_skirting_federal_investigations.

115 Nick Surgey, "The Googlization of the Far Right: Why Is Google Funding Grover Norquist, Heritage Action and ALEC?" *PR Watch*, November 27, 2013, http://www.prwatch.org/news/2013/11/12319/google-funding-grover-norquist-heritage-action-alec-and-more. PR Watch — издание Центра медиа и демократии (Center for Media and Democracy). Заинтересованному читателю я настоятельно рекомендую найти эту статью и ознакомиться с полным перечнем антиправительственно настроенных получателей финансовой помощи со стороны Google и анализом их позиций и исследовательских приоритетов.

116 Mike McIntire, "ALEC, a Tax-Exempt Group, Mixes Legislators and Lobbyists," *New York Times*, April 21, 2012, https://www.nytimes.com/2012/04/22/us/alec-a-tax-exempt-group-mixes-legislators-and-lobbyists.html; Nick Surgey, "The Googlization of the Far Right: Why Is Google Funding Grover Norquist, Heritage Action and ALEC?" *PR Watch*, November 27, 2013, http://www.prwatch.org/news/2013/11/12319/google-funding-grover-norquist-heritage-action-alec-and-more; "What Is ALEC?—ALEC Exposed," Center for Media and Democracy, February 22, 2017, http://www.alecexposed.org/wiki/What_is_ALEC%3F; Katie Rucke, "Why Are Tech Companies Partnering with ALEC?" *Mint Press News* (blog), December 13, 2013, http://www.mintpressnews.com/tech-companies-partnering-alec/175074.

117 "2014 Fellows—Policy Fellowship—Google," https://www.google.com/policyfellowship/2014fellows.html.

118 Brody Mullins and Jack Nicas, "Paying Professors: Inside Google's Academic Influence Campaign," *Wall Street Journal*, July 14, 2017, https://www.wsj.com/articles/paying-professors-insidegoogles-academic-influence-campaign-1499785286.

119 Kenneth P. Vogel, "Google Critic Ousted from Think Tank Funded by the Tech Giant," *New York Times*, August 30, 2017, https://www.nytimes.com/2017/08/30/us/politics/eric-schmidt-google-new-america.html; Hope Reese, "The Latest Google Controversy Shows How Corporate Funding Stifles Criticism," *Vox*, September 5, 2017, https://www.vox.com/conversations/2017/9/5/16254910/google-controversy-newamerica-barry-lynn.

Глава 5

1 "Google Management Discusses Q3 2011 Results—Earnings Call Transcript About Alphabet Inc. (GOOG)," *Seeking Alpha,* October 14, 2011, http://seekingalpha.com/article/299518-google-management-discusses-q3-2011-results-earnings-call-transcript (выделено мной. — *Ш. З.*).

2 См.: Ken Auletta, *Googled: The End of the World as We Know It* (New York: Penguin, 2010).

3 Вот некоторые статьи и другие работы Эдельмана: Benjamin Edelman, "Bias in Search Results? Diagnosis and Response," *Indian Journal of Law and Technology* 7 (2011): 16–32; Benjamin Edelman and Zhenyu Lai, "Design of Search Engine Services: Channel Interdependence in Search Engine Results" (working paper, Working Knowledge, Harvard Business School, March 9, 2015), *Journal of Marketing Reseach* 53, no. 6 (2016): 881–900; Benjamin Edelman, "Leveraging Market Power Through Tying and Bundling: Does Google Behave Anti-competitively?" (working paper, no. 14–112, Harvard, May 28, 2014), http://www.benedelman.org/publications/google-tying-2014-05-12.pdf; Benjamin Edelman et al., *Exclusive Preferential Placement as Search Diversion: Evidence from Flight Search* (Social Science Research Network, 2013); Benjamin Edelman, "Google Tying Google Plus and Many More," Benedelman.org, January 12, 2012, http://www.benedelman.org/news/011212-1.html; Benjamin Edelman, "HardCoding Bias in Google 'Algorithmic' Search Results," Benedelman.org, November 15, 2010, http://www.benedelman.org/hardcoding.

4 Ashkan Soltani, Andrea Peterson, and Barton Gellman, "NSA Uses Google Cookies to Pinpoint Targets for Hacking," *Washington Post,* December 10, 2013, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2013/12/10/nsa-uses-google-cookies-to-pinpoint-targets-for-hacking.

5 Michael Luca et al., "Does Google Content Degrade Google Search? Experimental Evidence" (working paper, NOM Unit, Harvard Business School, August 2016), http://papers.ssrn.com/abstract=2667143.

6 Alistair Barr, "How Google Aims to Delve Deeper into Users' Lives," *Wall Street Journal,* May 28, 2015, http://www.wsj.com/articles/how-google-aims-to-delve-deeper-into-users-lives-1432856623.

7 См.: Erick Schonfeld, "Schmidt: 'Android Adoption Is About to Explode,'" *TechCrunch* (blog), October 15, 2009, http://social.techcrunch.com/2009/10/15/schmidt-android-adoption-is-about-to-explode.

8 Bill Gurley, "The Freight Train That Is Android," *Above the Crowd,* March 25, 2011, http://abovethecrowd.com/2011/03/24/freight-train-that-is-android.

9 Steve Kovach, "Eric Schmidt: We'll Have 2 Billion People Using Android Thanks to Cheap Phones," *Business Insider,* April 16, 2013, http://www.businessinsider.com/eric-schmidt-on-global-android-growth-2013-4 (выделено мной. — *Ш. З.*); Ina Fried, "Eric Schmidt on the Future of Android, Motorola, Cars and Humanity (Video)," *AllThingsD* (blog), May 8, 2013, http://allthingsd.com/20130508/eric-schmidt-on-the-future-of-android-motorola-cars-and-humanity-video.

10 См.: Ameet Sachdev, "Skyhook Sues Google After Motorola Stops Using Its Location-Based Software," *Chicago Tribune*, August 19, 2011, http://articles.chicagotribune.com/2011-08-19/business/ct-biz-0819-chicago-law-20110819_1_google-s-android-google-risks-google-spokesperson. См. также подробный анализ более 750 страниц судебных документов: Nilay Patel, "How Google Controls Android: Digging Deep into the Skyhook Filings," *Verge*, May 12, 2011, http://www.theverge.com/2011/05/12/google-android-skyhook-lawsuit-motorola-samsung.

11 "Complaint of Disconnect, Inc. — Regarding Google's Infringement of Article 102 TFEU Through Bundling into the Android Platform and the Related Exclusion of Competing Privacy and Security Technology, no. COMP/40099," June 2015, https://assets.documentcloud.org/documents/2109044/disconnect-google-antitrust-complaint.pdf.

12 Среди других примечательных работ в статье гарвардского исследователя Цзиньяня Цзана с соавторами (2015) проверяются 110 самых популярных бесплатных приложений в среде Android (Google) и iOS (Apple). Выяснилось, что 73% приложений для Android, против 16% для iOS отправляют персонально идентифицирующую информацию (personally identifying

information, PII) третьим сторонам. Ученые также установили, что многие мобильные приложения делятся чувствительной пользовательской информацией «и что им *не нужно явным образом запрашивать разрешение*, чтобы получить эти данные» (выделено мной. — *Ш. З.*). См.: Jinyan Zang et al., "Who Knows What About Me? A Survey of Behind the Scenes Personal Data Sharing to Third Parties by Mobile Apps," *Journal of Technology Science,* October 30, 2015, http://techscience.org/a/2015103001.

В другом тщательном исследовании, проведенном Луиджи Виньери и его коллегами из EURECOM в 2015 г., были подробно рассмотрены 5000 новейших и самых популярных приложений в магазине Google Play. Исследователи обнаружили, что 500 из этих приложений подключаются к более чем 500 различным URL-адресам, а 25 — к более чем 1000 URL-адресам. Несколько URL могут подключаться к одному и тому же «домену». Таким образом, исследователи также изучили домены, которые чаще всего были источником этих подключений. Девять из двадцати главных доменов, стоящих за этими скрытыми соединениями, — это веб-сервисы, непосредственно управляемые Google. Из оставшихся одиннадцати еще три принадлежат этой компании или связаны с ней. Остальные восемь — конкуренты Google на рынках поведенческих фьючерсов, включая Facebook, Samsung и Scorecard Research, брокера данных, который продает поведенческий излишек своим клиентам.

Затем исследователи сделали еще один ценный шаг. Они охарактеризовали каждый из URL-адресов, которые посещают эти приложения, как «связанный с рекламой» или «связанный с отслеживанием пользователей», и обнаружили, что 66% приложений используют в среднем 40 URL-адресов, связанных с рекламой, хотя в некоторых случаях их более 1000. Из пяти верхних доменов, представленных этими URL-адресами, три принадлежат Google. Что касается отслеживания, то данные свидетельствуют о том, что конкуренция за поведенческий избыток еще острее. Среди приложений, попавших в это исследование, 73% не подключались к следящим сайтам, но 16% подключались к 100 или более следящим сайтам. Google остается тут доминирующей силой, с 44% доменов, связанных с трекерами, за которыми следуют 32%, управляемые AT Internet — частной фирмой «цифровой разведки», специализирующейся на «анализе поведения». Четыре из десяти наиболее интенсивно следящих приложения в Google Play также были отмечены Google значком «Лучший разработчик». См.: Luigi Vigneri et al., "Taming the Android AppStore: Lightweight Characterization of Android Applications," *ArXiv:1504.06093 [Computer Science],* April 23, 2015, http://arxiv.org/abs/1504.06093.

Команда исследователей из Вашингтонского университета во главе с Адамом Лернером и Анной Симпсон изучала рост количества веб-трекеров с 1996 по 2016 г. Неудивительно, с нашей точки зрения, что веб-отслеживание росло в тесной связи с ростом и институционализацией надзорного капитализма, точно так же как и сторонние подключения. Исследователи отмечают, что, хотя более ранние трекеры регистрировали рутинные данные, ориентированные на стабильность продукта, более недавний рост трекеров связан с теми из них, которые собирают и анализируют личную информацию. В 2000 г. только около 5% сайтов связывались по крайней мере с пятью третьими сторонами, но к 2016 г. 40% сайтов отправляли данные третьим сторонам. Среди трекеров, «обладающих наибольшей способностью фиксировать профили поведения пользователей на множестве сайтов», google-analytics.com упоминается как «заметно оторвавшийся от других» и собирающий больше данных с большего количества сайтов, чем кто-либо из остальных. Исследователи приходят к выводу, что, несмотря на озабоченность конфиденциальностью, которой в последние годы

уделялось столько внимания, отслеживание существенно расширилось по «масштабам и сложности», демонстрируя четкую восходящую тенденцию. Другими словами, сегодня больше слежки, чем когда-либо с момента появления интернета, несмотря на то что граждане и правительства пытаются защитить личную жизнь. См.: Adam Lerner et al., "Internet Jones and the Raiders of the Lost Trackers: An Archeological Study of Web Tracking from 1996–2016," in *Proceedings of the Workshop on End-to-End, Sense-and-Respond Systems, Applications, and Services: (EESR '05), June 5, 2005, Seattle* (Berkeley, CA: USENIX Association, 2005), http://portal.acm.org/toc.cfm?id=1072530.

13 Ibrahim Altaweel, Nathan Good, and Chris Jay Hoofnagle, "Web Privacy Census" (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, December 15, 2015), https://papers.ssrn.com/abstract=2703814.

14 Timothy Libert, "Exposing the Invisible Web: An Analysis of Third-Party HTTP Requests on 1 Million Websites," *International Journal of Communication* 9 (October 28, 2015): 18.

15 Altaweel, Good, and Hoofnagle, "Web Privacy Census".

16 Mengwei Xu et al., "AppHolmes: Detecting and Characterizing App Collusion Among Third-Party Android Markets," *Association for Computing Machinery,* 2017, https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/appholmes-detecting-characterizing-app-collusion-among-third-party-android-markets.

17 См.: "Press | Yale Privacy Lab," https://privacylab.yale.edu/press.html; and "Exodus Privacy," Exodus-Privacy, https://exodus-privacy.eu.org/. См. также: Yael Grauer, "Staggering Variety of Clandestine Trackers Found In Popular Android Apps," *Intercept,* November 24, 2017, https://theintercept.com/2017/11/24/staggering-variety-of-clandestine-trackers-found-in-popular-android-apps/.

18 "Complaint of Disconnect, Inc.," 2.

19 "Complaint of Disconnect, Inc.," 3.

20 Vigneri et al., "Taming the Android AppStore"; "Antitrust/Cartel Cases—40099 Google Android," European Union Commission on Competition, April 15, 2015, http://ec.europa.eu/competition/elojade/isef/case_details.cfm?proc_code=1_40099.

21 "European Commission — Press Release — Antitrust: Commission Sends Statement of Objections to Google on Android Operating System and Applications," European Commission, April 20, 2016, http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-1492_en.htm.

22 "Complaint of Disconnect, Inc.," 40.

23 Марк Ротенберг, телефонное интервью с автором, июнь 2014 г.

24 Jennifer Howard, "Publishers Settle Long-Running Lawsuit Over Google's Book-Scanning Project," *Chronicle of Higher Education,* October 4, 2012, https://chronicle.com/article/Publishers-Settle-Long-Running/134854; "Google Books Settlement and Privacy," *EPIC.org,* October 30, 2016, https://epic.org/privacy/googlebooks; Juan Carlos Perez, "Google Books Settlement Proposal Rejected," *PCWorld,* March 22, 2011, http://www.pcworld.com/article/222882/article.html; Eliot Van Buskirk, "Justice Dept. to Google Books: Close, but No Cigar," *Wired,* February 5, 2010, http://www.wired.com/2010/02/justice-dept-to-google-books-close-but-no-cigar; Miguel Helft, "Opposition to Google Books Settlement Jells," *New York Times—Bits Blog,* April 17, 2009, https://bits.blogs.nytimes.com/2009/04/17/opposition-to-googlebooks-settlement; Brandon Butler, "The Google Books Settlement: Who Is Filing and What Are They Saying?" *Association of Research Libraries* 28 (2009): 9; Ian Chant, "Authors Guild Appeals Dismissal of Google Books Lawsuit," *Library Journal,* April 16, 2014, http://lj.libraryjournal.com/2014/04/litigation/authors-guild-appeals-dismissal-of-google-books-lawsuit.

25 "Investigations of Google Street View," *EPIC.org*, 2014, https://epic.org/privacy/streetview; David Kravets, "An Intentional Mistake: The Anatomy of Google's Wi-Fi Sniffing Debacle," *Wired*, May 2, 2012, https://www.wired.com/2012/05/

google-wifi-fcc-investigation; Clint Boulton, "Google WiFi Privacy Breach Challenged by 38 States," *eWeek*, July 21, 2010, http://www.eweek.com/c/a/SearchEngines/Google-WiFi-Privacy-Breach-Challenged-by-38-States-196191; Alastair Jamieson, "Google Will Carry On with Camera Cars Despite Privacy Complaints Over Street Views," *Telegraph*, April 9, 2009, http://www.telegraph.co.uk/technology/google/5130068/Google-will-carry-on-with-camera-cars-despite-privacy-complaints-over-street-views.html; Gareth Corfield, "'At Least I Can Walk Away with My Dignity'—Streetmap Founder After Google Lawsuit Loss," *Register,* February 20, 2017, https://www.the register.co.uk/2017/02/20/streetmap_founder_kate_sutton_google_lawsuit.

26 Joseph Menn, Daniel Schäfer, and Tim Bradshaw, "Google Set for Probes on Data Harvesting," *Financial Times,* May 17, 2010, http://www.ft.com/intl/cms/s/2/254ff5b6-61e2-11df-998c-00144feab49a.html#axzz3JjXPNno5.

27 Julia Angwin, "Google in New Privacy Probes," *Wall Street Journal*, March 16, 2012, http://online.wsj.com/articles/SB10001424052702304692804577283821586827892; Julia Angwin, "Google, FTC Near Settlement on Privacy," *Wall Street Journal,* July 10, 2012, http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303567704577517081178553046; Jonathan Owen, "Google in Court Again Over 'Right to Be Above British Law' on Alleged Secret Monitoring," *Independent*, December 8, 2014, http://www.independent.co.uk/news/uk/crime/google-challenges-high-court-decision-on-alleged-secret-monitoring-9911411.html.

28 "Testimony of Benjamin Edelman Presented Before the United States House of Representatives Committee on the Judiciary Task Force on Competition Policy and Antitrust Laws," June 27, 2008; Brody Mullins, Rolfe Winkler, and Brent Kendall, "Inside the U.S. Antitrust Probe of Google," *Wall Street Journal,* March 19, 2015, http://www.wsj.com/articles/inside-the-u-s-antitrust-probe-of-google-1426793274.

29 Nate Anderson, "Why Google Keeps Your Data Forever, Tracks You with Ads," *Ars Technica,* March 8, 2010, http://arstechnica.com/tech-policy/news/2010/03/google-keeps-your-data-to-learn-from-good-guys-fight-off-bad-guys.ars; Kevin J. O'Brien and Thomas Crampton, "E.U. Probes Google Over Data Retention Policy," *New York Times,* May 26, 2007, http://www.nytimes.com/2007/05/26/business/26google.html; Mark Bergen, "Google Manipulates Search Results, According to Study from Yelp and Legal Star Tim Wu," *Recode*, June 29, 2015, http://www.recode.net/2015/6/29/11563936/yelp-teams-with-legal-star-tim-wu-to-trounce-google-in-new-study.

30 David Snelling, "Google Maps Is Tracking You! How Your Smartphone Knows Your Every Move," *Express,* August 18, 2014, http://www.express.co.uk/life-style/science-technology/500811/Google-Maps-is-tracking-your-every-move; Jason Mick, "ACLU Fights for Answers on Police Phone Location Data Tracking," *Daily Tech,* August 4, 2011, http://www.dailytech.com/ACLU+Fights+for+Answers+on+Police+Phone+Location+Data+Tracking/article22352.htm.

31 "Google Glass and Privacy," *EPIC.org,* October 6, 2017, https://epic.org/privacy/google/glass.

32 Benjamin Herold, "Google Under Fire for Data-Mining Student Email Messages," *Education Week,* March 26, 2014, http://www.edweek.org/ew/articles/2014/03/13/26google.h33.html; Quinten Plummer, "Google Email Tip-Off Draws Privacy Concerns," *Tech Times*, August 5, 2014, http://www.techtimes.com/articles/12194/20140805/google-email-tip-off-draws-privacy-concerns.htm.

33 Grant Gross, "French Fine Google Over Change in Privacy Policy," *PCWorld,* January 8, 2014, http://www.pcworld.com/article/2085920/french-fine-google-over-change-in-privacy-policy.html; Dheepthika Laurent, "Facebook, Twitter and Google Targeted in French Lawsuit," *CNN.com,* March 26, 2014, http://www.cnn.com/2014/03/25/world/europe/france-social-media-lawsuit/index.html; Mark Milian, "Google to Merge User Data Across Its Services," *CNN.com,* Janu-

ary 25, 2012, http://www.cnn.com/2012/01/24/tech/web/google-privacy-policy/index.html; Martin Gijzemijter, "Google's Privacy Policy Merger 'Against Dutch Law,'" *ZDNet,* November 29, 2013, http://www.zdnet.com/article/googles-privacy-policy-merger-against-dutch-law; Zack Whittaker, "Google Faces EU State Fines Over Privacy Policy Merger," *ZDNet,* April 2, 2013, http://www.zdnet.com/article/google-faces-eu-state-fines-over-privacy-policy-merger.

34 Peter Fleischer, "Street View and Privacy," *Google Lat Long*, September 24, 2007, https://maps.googleblog.com/2007/09/streetview-and-privacy.html.

35 См.: Stephen Hutcheon, "We're Not Stalking You or Helping Terrorists, Says Google Earth Boss," *Sydney Morning Herald*, January 30, 2009, http://www.smh.com.au/news/technology/biztech/were-not-stalking-you-or-helping-terrorists-says-google-earthboss/2009/01/30/1232818692103.html.

36 См.: Jamieson, "Google Will Carry On with Camera Cars".

37 Kevin J. O'Brien and Claire Cain Miller, "Germany's Complicated Relationship with Google Street View," *New York Times — Bits Blog,* April 23, 2013, http://bits.blogs.nytimes.com/2013/04/23/germanys-complicated-relationship-with-google-street-view.

38 Peter Fleischer, "Data Collected by Google Cars," *Google Europe*, April 27, 2010, https://europe.googleblog.com/2010/04/data-collected-by-google-cars.html.

39 "In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture, File No.: EB-10-IH-4055, NAL/Acct. No.: 201232080020, FRNs: 0010119691, 0014720239," Federal Communications Commission, April 13, 2012, 12–13.

40 Kevin J. O'Brien, "Google's Data Collection Angers European Officials," *New York Times,* May 15, 2010, http://www.nytimes.com/2010/05/16/technology/16google.html; "Commissioner's Findings—PIPEDA Report of Findings #2011-001: Report of Findings: Google Inc. WiFi Data Collection—Office of the Privacy Commissioner of Canada," June 6, 2011, https://www.priv.gc.ca/en/opc-actions-and-decisions/investigations/investigations-into-businesses/2011/pipeda-2011-001; CNIL, "Délibération de La Commission Nationale de l'Informatique et Des Libertés Decision no. 2011-035 of the Restricted Committee Imposing a Financial Penalty on the Company Google Inc.," 2011-035 § (2011), https://www.legifrance.gouv.fr/affichCnil.do?&id =CNILTEXT000023733987; "Final Findings, Dutch Data Protection Authority Investigation into the Collection of Wifi Data by Google Using Street View Cars—Z2010-00582—DDPA Decision," December 7, 2010, https://web.archive.org/web/20130508060039/http://www.dutchdpa.nl/downloads_overig/en_pb_20110811_google_final_findings.pdf; "Investigations of Google Street View"; Kevin J. O'Brien, "Europe Pushes Google to Turn Over Wi-Fi Data," *New York Times,* June 27, 2010, http://www.nytimes.com/2010/06/28/technology/28google.html.

41 "In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture"; O'Brien, "Google's Data Collection".

42 EPIC поддерживал веб-сайт с историей событий, связанных с Просмотром улиц и исходами соответствующих судебных баталий, как американских, так и международных. См.: "Investigations of Google Street View"; "Ben Joffe v. Google," *EPIC.org*, 2017, https://epic.org/amicus/google-street-view; "FCC Investigation of Google Street View," *EPIC.org*, 2017, https://www.epic.org/privacy/google/fcc_investi gation_of_google_st.html; Mark A. Chavez and Marc Rotenberg, "Brief for Amicus Curiae: Electronic Privacy Information Center in Support of Plaintiffs — In Re Google Street View Electronic Communications Litigation, Case no. 5:10-Md-02184-JW," US District Court for Northern District of California San Jose Division, April 11, 2011, https://epic.org/privacy/streetview/EPICStreetviewAmicus.pdf.

43 См.: Maija Palmer and Lionel Barber, "Google to Hand Over Intercepted Data," *Financial Times,* June 3, 2010, http://www.ft.com/cms/s/2/db664044-6f43-11df-9f43-00144feabdc0.html.

44 "In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture".
45 Denis Howe, "Wardriving," *Dictionary.com,* http://www.dictionary.com/browse/wardriving.
46 "In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture," 11.
47 Ibid., 11–12.
48 David Streitfeld, "Google Concedes That Drive-By Prying Violated Privacy," *New York Times,* March 13, 2013, http://bits.blogs.nytimes.com/2013/03/13/daily-report-google-concedes-that-drive-by-prying-violated-privacy.
49 David Streitfeld, "Google Admits Street View Project Violated Privacy," *New York Times,* March 12, 2013, http://www.nytimes.com/2013/03/13/technology/google-pays-fine-over-streetview-privacy-breach.html.
50 "In the Matter of Google, Inc.: Notice of Apparent Liability for Forfeiture," 11; "Google to Give Governments Street View Data," *New York Times,* June 3, 2010, https://www.nytimes.com/2010/06/04/business/global/04google.html.
51 Alan Eustace, "Creating Stronger Privacy Controls Inside Google," *Google Public Policy Blog,* October 22, 2010, https://publicpolicy.googleblog.com/2010/10/creating-stronger-privacy-controls.html.
52 "Measures (Guidance) Concerning Protection of 'Secrecy of Communication' to Google Inc.," Ministry of Internal Affairs and Communications, November 11, 2011, http://www.soumu.go.jp/menu_news/s-news/01kiban08_02000056.html; "Navigating Controversy: Google Launches Street View Germany," *Spiegel Online,* November 18, 2010, http://www.spiegel.de/international/business/navigating-controversy-google-launches-streetview-germany-a-729793.html; Matt McGee, "Google Street View Debuts in Germany, Blurry Houses Included," *Search Engine Land,* November 1, 2010, http://searchengineland.com/google-street-view-germany-blurry-houses-included-54632.
53 Arne Gerhards, "Fine Imposed upon Google," Hamburg Commissioner for Data Protection and Freedom of Information, April 22, 2013, https://www.datenschutz-hamburg.de/fileadmin/user_upload/documents/PressRelease_2013-04-22_Google-Wifi-Scanning.pdf.
54 Matt McGee, "Google Has Stopped Street View Photography in Germany," *Search Engine Land*, April 10, 2011, http://searchengineland.com/google-has-stopped-street-view-photography-germany-72368.
55 Peter Fleischer, "Street View in Switzerland," *Google Europe*, November 13, 2009, https://europe.googleblog.com/2009/11/streetview-in-switzerland.html; Scott Capper, "Google Faces Court Action Over Street View," *Swissinfo.ch,* November 16, 2009, http://www.swissinfo.ch/eng/business/google-faces-court-action-over-street-view/7656246; Anita Greil and Katharina Bart, "Swiss Court to Rule on Google Street View," *Wall Street Journal,* February 24, 2011, http://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703408604576163770758984178; Frank Jordans, "Google Threatens to Shut Down Swiss Street View," *Phys.org,* May 11, 2011, http://phys.org/news/2011-05-google-appeals-streetview-switzerland.html; Kevin J. O'Brien and David Streitfeld, "Swiss Court Orders Modifications to Google Street View," *New York Times,* June 8, 2012, http://www.nytimes.com/2012/06/09/technology/09iht-google09.html; "Google Beefs Up Restricted Swiss Street View," *swissinfo.ch,* May 19, 2015, http://www.swissinfo.ch/eng/society/eagle-eye_google-beefs-up-restricted-swiss-streetview/41439290.
56 Тем не менее Индия продолжает блокировать работу Просмотра улиц, и корпорация сочла слишком затратным учет требований, наложенных Австрией и Германией после того, как прямой запрет там был снят. Подробнее о запретах в ключевых странах см.: "New Developments Regarding Google Street View," Austrian Data Protection Agency, April 4, 2016, http://web.archive.org/web/20160404072538/https://www.dsb.gv.at/site/6733/default.aspx; Helena Smith Athens, "Google Street View Banned from Greece," *Guardian*, May 12, 2009, https://www.the guardian.com/technology/2009/may/12/google-

street-view-banned-greece; John Ribeiro, "Google Street View in India Faces Challenges," *PCWorld,* May 26, 2011, http://www.pcworld.com/article/228713/article.html; Danuta Pavilenene, "Google Street View Banned from Lithuanian Streets," *Baltic Course*, May 23, 2012, http://www.baltic-course.com/eng/Technology/?doc =57649.

57 Liz Gannes, "Ten Years of Google Maps, from Slashdot to Ground Truth," *Recode,* February 8, 2015, http://www.recode.net/2015/2/8/11558788/ten-years-of-google-maps-from-slashdot-to-ground-truth.

58 Kashmir Hill, "Google's Privacy Director Is Stepping Down," *Forbes*, April 1, 2013, http://www.forbes.com/sites/kashmirhill/2013/04/01/googles-privacy-director-is-stepping-down/print; ScroogledTruth, *Scroogled—Dr. Alma Whitten (Google's Privacy Engineering Lead) Before Congress*, 2013, https://www.youtube.com/watch?v=vTLEJsunCfI.

59 Steve Lohr and David Streitfeld, "Engineer in Google's Street View Is Identified," *New York Times,* April 30, 2012, http://www.nytimes.com/2012/05/01/technology/engineerin-googles-street-view-is-identified.html; Farhad Manjoo, "Is It Time to Stop Trusting Google?" *Slate*, May 1, 2012, http://www.slate.com/articles/technology/technology/2012/05/marius_milner_google_wi_fi_snooping_assessing_the_disturbing_fcc_report_on_the_company_s_street_view_program_.html; John V. Hanke et al., A system and method for transporting virtual objects in a parallel reality game, United States US 8968099 B1, filed November 1, 2012, and issued March 3, 2015, https://patents.google.com/patent/US8968099B1/en.

60 См.: Alexis C. Madrigal, "How Google Builds Its Maps — and What It Means for the Future of Everything," *Atlantic,* September 6, 2012, http://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/09/how-google-builds-its-maps-and-what-it-means-for-the-future-of-everything/261913.

61 Brian McClendon, "Building a Better Map of Europe," *Google Maps*, December 5, 2012, https://maps.googleblog.com/2012/12/building-better-map-of-europe.html.

62 "TIGER Geodatabases," US Census Bureau, 2016, https://www.census.gov/geo/maps-data/data/tiger-geodatabases.html.

63 Madrigal, "How Google Builds Its Maps" (выделено мной. — *III. 3.*).

64 См.: Gannes, "Ten Years of Google Maps".

65 Soufi Esmaeilzadeh, "'See Inside' with Google Maps Business View," *Google Lat Long*, December 17, 2014, https://maps.googleblog.com/2014/12/see-inside-with-google-maps-business.html; "Google Street View—What It Takes to Be Trusted," Google Street View, November 10, 2016, https://www.google.com/streetview/earn; "About—Google Maps," Google Maps, November 10, 2016, https://www.google.com/maps/about/partners.

66 James Vincent, "Skybox: Google Maps Goes Real-Time—but Would You Want a Spy in the Sky Staring into Your Letter Box?" *Independent,* June 21, 2014, http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/skybox-google-maps-goes-real-time-but-would-you-want-a-spy-in-the-sky-staring-into-your-letter-box-9553934.html; "DigitalGlobe Hosts U.S. Secretary of Commerce Pritzker for a Discussion on Commerce in Colorado | Seeing a Better WorldTM," *DigitalGlobe Blog,* June 25, 2014, http://blog.digitalglobe.com/2014/06/25/digitalglobehostsussecretarypritzker; Ellen Huet, "Google Buys Skybox Imaging—Not Just for Its Satellites," *Forbes,* June 10, 2014, http://www.forbes.com/sites/ellenhuet/2014/06/10/google-buys-skybox-imaging-not-just-for-its-satellites.

67 Tom Warren, "Google Just Showed Me the Future of Indoor Navigation," *Verge,* February 23, 2016, http://www.theverge.com/2016/2/23/11094020/google-lenovo-project-tango-indoor-navigation.

68 Sophia Lin, "Making of Maps: The Cornerstones," *Google Maps*, September 4, 2014, https://maps.googleblog.com/2014/09/making-of-maps-cornerstones.html.

69 Alistair Barr, "Google Maps Guesses Where You're Headed Now," *Wall Street Journal* (blog), January 13, 2016, http://blogs.wsj.com/digits/2016/01/13/google-maps-guesses-where-youre-headed-now.

70 Akshay Kannan, "Introducing Nearby: A New Way to Discover the Things Around You," *Official Android Blog,* June 9, 2016, https://android.googleblog.com/2016/06/introducing-nearby-new-way-to-discover.html.

71 Kieren McCarthy, "Delete Google Maps? Go Ahead, Says Google, We'll Still Track You," *Register,* September 12, 2016, http://www.theregister.co.uk/2016/09/12/turn_off_location_services_go_ahead_says_google_well_still_track_you.

72 John B. Harley, *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*, ed. Paul Laxton (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001), 58–59.

73 См.: Stephen Graves, "Niantic Labs' John Hanke on Alternate Reality Games and the Future of Storytelling," *PC&Tech Authority,* October 13, 2014.

74 David DiSalvo, "The Banning of Google Glass Begins (and They Aren't Even Available Yet)," *Forbes,* March 10, 2013, http://www.forbes.com/sites/daviddisalvo/2013/03/10/the-ban-on-google-glass-begins-and-they-arent-even-available-yet; David Streitfeld, "Google Glass Picks Up Early Signal: Keep Out," *New York Times*, May 6, 2013, http://www.nytimes.com/2013/05/07/technology/personaltech/google-glass-picks-up-early-signal-keep-out.html.

75 Aaron Smith, "U.S. Views of Technology and the Future," *Pew Research Center: Internet, Science & Tech* (blog), April 17, 2014, http://www.pewinternet.org/2014/04/17/us-views-of-technology-and-the-future.

76 Drew FitzGerald, "Now Google Glass Can Turn You into a Live Broadcast," *Wall Street Journal,* June 24, 2014, http://www.wsj.com/articles/now-google-glass-can-turn-you-into-a-live-broadcast-1403653079.

77 См.: Amir Efrati, "Google Glass Privacy Worries Lawmakers," *Wall Street Journal,* May 17, 2013, http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324767004576487661143483672.

78 "We're Graduating from Google[x] Labs," Google, January 15, 2015, https://plus.google.com/app/basic/stream/z124trxirsruxvcdp230tv4qerfwghdhv04.

79 Alistair Barr, "Google Glass Gets a New Name and Hires from Amazon," *Wall Street Journal*, September 16, 2015.

80 Fred O'Connor, "Google is Making Glass 'Ready for Users,' Says Schmidt," *PCWorld*, March 23, 2015, http://www.pcworld.com/article/2900632/google-is-making-glass-ready-for-users-says-schmidt.html; "Looking Ahead for WhatsApp," *WhatsApp* (blog), August 25, 2016, https://blog.whatsapp.com/10000627/Looking-ahead-for-WhatsApp.

81 Alistair Barr, "Google's Tough Search for New Platforms on Display at I/O," *Wall Street Journal*, May 27, 2015, http://www.wsj.com/articles/googles-tough-search-for-new-platforms-on-display-at-i-o-1432748457.

82 Jay Kothari, "A New Chapter for Glass," *Team at X* (blog), July 18, 2017, https://blog.x.company/a-new-chapter-for-glass-c7875d40bf24.

83 См., напр.: Darrell Etherington, "Google Glass Is Back with Hardware Focused on the Enterprise," *TechCrunch* (blog), July 18, 2017, http://social.techcrunch.com/2017/07/18/google-glass-is-back-with-hardware-focused-on-the-enterprise; Hayley Tsukayama, "Google Will Stop Selling Glass to the General Public, but Google Says the Device Is Not Dead Yet," *Washington Post*, January 15, 2015, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2015/01/15/google-will-stop-selling-glass-to-the-general-public-but-google-says-the-device-is-not-dead-yet; Brid-Aine Parnell, "NYPD Dons Google Tech Specs: Part Man. Part Machine. All Glasshole," *Register,* February 10, 2014, http://www.theregister.co.uk/2014/02/10/nypd_tests_google_glass.

84 Arnold Roosendaal, "Facebook Tracks and Traces Everyone: Like This!" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 30, 2010), https://papers.ssrn.com/abstract=1717563.

85 Jose Antonio Vargas, "The Face of Facebook," *New Yorker*, September 13, 2010, https://www.newyorker.com/magazine/2010/09/20/the-face-of-facebook.

86 Cynthia Ghazali, "Facebook Keeps Tabs on Users Even After They Sign Off: Report," *NY Daily News*, November 18, 2011, http://www.nydailynews.com/news/money/facebook-tabs-users-sign-report-article-1.979848.

87 Amir Efrati, "'Like' Button Follows Web Users," *Wall Street Journal,* May 18, 2011, https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748704281504576329441432995 61. См. также: Emil Protalinski, "Facebook Denies Cookie Tracking Allegations," *ZDNet,* October 3, 2011, https://www.zdnet.com/article/facebook-denies-cookie-tracking-allegations/; Riva Richmond, "As 'Like' Buttons Spread, So Do Facebook's Tentacles," *New York Times — Bits Blog*, September 27, 2011, https://bits.blogs.nytimes.com/2011/09/27/as-like-buttons-spread-so-do-facebooks-tentacles/; Julia Angwin, "It's Complicated: Facebook's History of Tracking You," *ProPublica,* June 17, 2014, https://www.propublica.org/article/its-complicated-facebooks-history-of-tracking-you; Rainey Reitman, "Facebook's Hotel California: Cross-Site Tracking and the Potential Impact on Digital Privacy Legislation," Electronic Frontier Foundation, October 10, 2011, https://www.eff.org/deeplinks/2011/10/facebook%E2%80%99s-hotel-california-cross-site-tracking-and-potential-impact-digital-privacy.

88 Asher Moses, "Facebook's Privacy Lie: Aussie Exposes 'Tracking' as New Patent Uncovered," *The Sydney Morning Herald,* October 4, 2011, https://www.smh.com.au/technology/facebooks-privacy-lie-aussie-exposes-tracking-as-new-patent-uncovered-20111004-1l6ii.html.

89 Moses, "Facebook's Privacy Lie"; Emil Protalinski, "Facebook Denies Cookie Tracking Allegations;" Emil Protalinski, "Facebook Fixes Cookie Behavior After Logging Out," *ZDNet,* September 27, 2011, https://www.zdnet.com/article/facebook-fixes-cookie-behavior-after-logging-out/; Nik Cubrilovic, "Facebook Fixes Logout Issue, Explains Cookies," *New Web Order*, September 27, 2011, https://web.archive.org/web/20140701103652/https://www.nikcub.com/posts/face book-fixes-logout-issue-explains-cookies-2/.

90 Kent Matthew Schoen, Gregory Luc Dingle, and Timothy Kendall, "Communicating information in a social network system about activities from another domain," WO2011097624 A3, filed February 8, 2011, and issued September 22, 2011, http://www.google.com/patents/WO2011097624A3.

91 Emil Protalinski, "Facebook Denies Patent Is Used for Tracking Logged-out Users," *ZDNet*, October 3, 2011, https://www.zdnet.com/article/facebook-denies-patent-is-used-for-tracking-logged-out-users/. См. также: Michael Arrington, "Facebook: Brutal Dishonesty," *Uncrunched* (blog), October 2, 2011, https://uncrunched.com/2011/10/01/brutal-dishonesty/.

92 На следующий день после поста Кубриловича издание The Hill сообщило, что Facebook подал заявку на регистрацию своего собственного комитета политических действий, призванного поддерживать кандидатов, которые «разделяют наши цели продвижения инноваций» и «более открытого и взаимосвязанного мира». Gautham Nagesh, "Facebook to Form Its Own PAC to Back Political Candidates," *The Hill*, September 26, 2011, http://thehill.com/policy/technology/183951-facebook-forming-own-pac-to-back-candidates.

93 "Facebook Settles FTC Charges That It Deceived Consumers by Failing to Keep Privacy Promises," Federal Trade Commission, November 29, 2011, https://www.ftc.gov/news-events/pressreleases/2011/11/facebook-settles-ftc-charges-it-deceived-consumers-failing-keep.

94 "FTC Facebook Settlement," Electronic Privacy Information Center, December 2009, https://epic.org/privacy/ftc/facebook/.

95 "Facebook Settles FTC Charges That It Deceived Consumers". См. также: Emily Steel and April Dembosky, "Facebook Raises Fears with Ad Tracking," *Financial*

Times, September 23, 2012, https://www.ft.com/content/6cc4cf0a-0584-11e2-9ebd-00144feabdc0.

96 "Facebook Custom Audiences: Target Facebook Ads by Email List," *Jon Loomer Digital*, September 24, 2012, https://www.jonloomer.com/2012/09/24/facebook-custom-audiences/.

97 Tom Simonite, "Facebook Will Now Target Ads Based on What Its Like Buttons Saw You Do," *MIT Technology Review,* September 16, 2015, https://www.technologyreview.com/s/541351/facebooks-like-buttons-will-soon-track-your-web-browsing-to-target-ads; Cotton Delo, "Facebook to Use Web Browsing History for Ad Targeting," *AdAge*, June 12, 2014, http://adage.com/article/digital/facebook-web-browsing-history-ad-targeting/293656; Violet Blue, "Facebook Turns User Tracking 'Bug" into Data Mining 'Feature' for Advertisers," *ZDNet*, https://www.zdnet.com/article/facebook-turns-user-tracking-bug-into-data-mining-feature-for-advertisers/.

98 Julia Angwin, "Google Has Quietly Dropped Ban on Personally Identifiable Web Tracking," *ProPublica*, October 21, 2016, https://www.propublica.org/article/google-has-quietly-dropped-ban-on-personally-identifiable-web-tracking; Jack Nicas, "Privacy Groups Seek Regulatory Review of Google Privacy Policy," *Wall Street Journal*, December 19, 2016, http://www.wsj.com/articles/privacy-groups-seek-regulatory-review-of-google-privacy-policy-1482190366.

99 Ross Hunter, Farhad Zaman, and Kennedy Liu, "Global Top 100 Companies by Market Capitalisation," IPO Center, Price Waterhouse Coopers, March 31, 2017, http://www.pwc.com/gx/en/audit-services/assets/pdf/global-top-100-companies-2017-final.pdf; Deborah Crawford et al., "Facebook, Inc. (FB) — Fourth Quarter and Full Year 2016 Results Conference Call," February 1, 2017, https://s21.q4cdn.com/399680738/files/doc_financials/2016/Q4/Q4'16-Earnings-Transcript.pdf.

100 Julia Kollewe, "Google and Facebook Bring in One-Fifth of Global Ad Revenue," *Guardian*, May 1, 2017, http://www.theguardian.com/media/2017/may/02/google-and-facebook-bring-in-one-fifth-of-global-ad-revenue; Paul Murphy, "It Seems Google and Facebook Really Are Taking ALL the Growth in Ad Revenue," *Financial Times*, April 26, 2017, http://ftalphaville.ft.com/2017/04/26/2187891/it-seems-google-and-facebook-really-are-taking-all-the-growth-in-ad-revenue; Mathew Ingram, "Google and Facebook Have Taken Over the Digital Ad Industry," *Fortune*, January 4, 2017, http://fortune.com/2017/01/04/google-facebook-ad-industry.

101 Kara Swisher, "Microsoft's Point Man on Search—Satya Nadella—Speaks: 'It's a Game of Scale,'" *AllThingsD* (blog), August 4, 2009, http://allthingsd.com/2009 0804/microsofts-point-man-on-search-satya-nadella-speaks-its-a-game-of-scale.

102 Julie Bort, "Satya Nadella Just Launched Microsoft into a New $1.6 Trillion Market," *Business Insider*, April 15, 2014, http://www.businessinsider.com/microsoft-launches-iot-cloud-2014-4.

103 Satya Nadella, "A Data Culture for Everyone," *Official Microsoft Blog*, April 15, 2014, https://blogs.microsoft.com/blog/2014/04/15/a-data-culture-for-everyone.

104 Richard Qian, "Understand Your World with Bing," *Bing Blogs*, March 21, 2013, http://blogs.bing.com/search/2013/03/21/understand-your-world-with-bing.

105 См.: Dan Farber, "Microsoft's Bing Seeks Enlightenment with Satori," *CNET*, July 30, 2013, https://www.cnet.com/news/microsofts-bing-seeks-enlightenment-with-satori.

106 Greg Sterling, "Milestone: Bing Now Profitable as Windows 10 Success Boosts Usage," *Search Engine Land*, October 23, 2015, http://searchengineland.com/milestone-bing-now-profitable-as-windows-10-success-boosts-usage-234285.

107 См.: Ginny Marvin, "After a Year of Transition, Microsoft Execs Say, 'We're All in on Search,'" *Search Engine Land*, November 23, 2015, http://searchengineland.com/microsoft-execs-all-in-on-search-bing-ads-next-236746.

108 "Cortana and Privacy," Microsoft, November 11, 2016, https://privacy.microsoft.com/en-US/windows-10-cortana-and-privacy; "Кортана и конфиденциальность", Microsoft, 30 июня 2020 г., https://support.microsoft.com/ru-ru/help/4468233/cortana-and-privacy-microsoft-privacy.

109 См.: Dan Kedmey, "Here's What Really Makes Microsoft's Cortana So Amazing," *Time*, July 20, 2015, http://time.com/3960670/windows-10-cortana.

110 См.: "Artificial Intelligence: A Virtual Assistant for Life," *Financial Times*, February 23, 2017, https://www.ft.com/content/4f2f97ea-b8ec-11e4-b8e6-00144feab7de.

111 "Microsoft Outlines Intelligence Vision and Announces New Innovations for Windows 10," *Microsoft News Center* (blog), March 30, 2016, https://news.microsoft.com/2016/03/30/microsoft-outlines-intelligence-vision-and-announces-new-innovations-for-windows-10.

112 Chris Messina, "Conversational Commerce: Messaging Apps Bring the Point of Sale to You," *Medium*, January 16, 2015, https://medium.com/chris-messina/conversational-commerce-92e0bccfc3ff#.sdpy3xp3b.

113 Shish Shridhar, "We Don't Need Yet Another App, Conversations Are the New App," *Microsoft Developer Blogs—the ShiSh List*, May 21, 2016, https://blogs.msdn.microsoft.com/shishirs/2016/05/21/we-dont-need-yet-another-app-conversations-are-the-new-app.

114 Terry Myerson, "Hello World: Windows 10 Available on July 29," *Windows Experience Blog*, June 1, 2015, https://blogs.windows.com/windowsexperience/2015/06/01/hello-world-windows-10-available-on-july-29.

115 David Auerbach, "Broken Windows Theory," *Slate,* August 3, 2015, http://www.slate.com/articles/technology/bitwise/2015/08/windows_10_privacy_problems_here_s_how_bad_they_are_and_how_to_plug_them.html.

116 Peter Bright, "Even When Told Not to, Windows 10 Just Can't Stop Talking to Microsoft," *Ars Technica*, August 13, 2015, https://arstechnica.com/information-technology/2015/08/even-when-told-not-to-windows-10-just-cant-stop-talking-to-microsoft.

117 Amul Kalia, "With Windows 10, Microsoft Blatantly Disregards User Choice and Privacy: A Deep Dive," *Electronic Frontier Foundation*, August 17, 2016, https://www.eff.org/deeplinks/2016/08/windows-10-microsoft-blatantly-disregards-user-choice-and-privacy-deep-dive; Conner Forrest, "Windows 10 Violates Your Privacy by Default, Here's How You Can Protect Yourself," *TechRepublic*, August 4, 2015, http://www.techrepublic.com/article/windows-10-violates-your-privacy-by-default-heres-how-you-can-protect-yourself; Alec Meer, "Windows 10 Is Spying on You: Here's How to Stop It," *Rock, Paper, Shotgun* (blog), July 30, 2015, https://www.rockpapershotgun.com/2015/07/30/windows-10-privacy-settings.

118 "About Us—LinkedIn," LinkedIn, November 11, 2016, https://press.linkedin.com/about-linkedin; Satya Nadella et al., "Slides from Microsoft Investors Call Announcing LinkedIn Acquisition—World's Leading Professional Cloud + Network—Microsoft's and LinkedIn's Vision for the Opportunity Ahead," June 13, 2016, https://ncmedia.azureedge.net/ncmedia/2016/06/msft_announce_160613.pdf.

119 Nadella et al., "Slides from Microsoft".

120 Supantha Mukherjee, "Microsoft's Market Value Tops $500 Billion Again After 17 Years," *Reuters*, January 27, 2015, https://www.reuters.com/article/us-microsoft-results-research/microsofts-market-value-tops-500-billion-again-after-17-years-idUSKBN15B1L6.

121 Brian Fung, "Internet Providers Want to Know More About You Than Google Does, Privacy Groups Say," *Washington Post*, January 20, 2016, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/01/20/your-internet-provider-is-turning-into-a-data-hungry-tech-company-consumer-groups-warn.

122 Melissa Parietti, "The World's Top 10 Telecommunications Companies," *Investopedia*, March 2, 2016, http://www.investopedia.com/articles/markets/030216/worlds-top-10-telecommunications-companies.asp; Eric Griffith, "The Fastest

ISPs of 2016," *PCMAG*, August 31, 2016, http://www.pcmag.com/article/346232/the-fastest-isps-of-2016.

123 См.: Mark Bergen and Alex Kantrowitz, "Verizon Looks to Target Its Mobile Subscribers with Ads," *Advertising Age*, May 21, 2014, http://adage.com/article/digital/verizon-target-mobile-subscribers-ads/293356.

124 См.: Julia Angwin and Mike Tigas, "How This Company Is Using Zombie Cookies to Track Verizon Customers," *ProPublica*, January 14, 2015, https://www.propublica.org/article/zombie-cookie-the-tracking-cookie-that-you-cant-kill.

125 Robert McMillan, "Verizon's 'Perma-Cookie' Is a Privacy-Killing Machine," *Wired*, October 2014, http://www.wired.com/2014/10/verizons-perma-cookie.

126 Jacob Hoffman-Andrews, "Verizon Injecting Perma-Cookies to Track Mobile Customers, Bypassing Privacy Controls," *Electronic Frontier Foundation*, November 3, 2014, https://www.eff.org/deeplinks/2014/11/verizon-x-uidh.

127 Julia Angwin and Jeff Larson, "Somebody's Already Using Verizon's ID to Track Users," *ProPublica*, October 30, 2014, http://www.propublica.org/article/somebodys-already-using-verizons-id-to-track-users.

128 Jacob Hoffman-Andrews, "How Verizon and Turn Defeat Browser Privacy Protections," *Electronic Frontier Foundation*, January 14, 2015, https://www.eff.org/deeplinks/2015/01/verizon-and-turn-break-browser-privacy-protections.

129 Julia Angwin, "AT&T Stops Using Undeletable Phone Tracking IDs," *ProPublica*, November 14, 2014, http://www.propublica.org/article/att-stops-using-undeletable-phone-tracking-ids; Angwin and Tigas, "How This Company Is Using Zombie Cookies".

130 Angwin and Larson, "Somebody's Already Using Verizon's ID".

131 Jonathan Mayer, "The Turn-Verizon Zombie Cookie," *Web Policy* (blog), January 14, 2015, http://webpolicy.org/2015/01/14/turn-verizon-zombie-cookie; Allison Schiff, "Can You Identify Me Now? A Deep Dive on Verizon's Data Practices," *AdExchanger*, October 9, 2014, http://adexchanger.com/data-exchanges/can-you-identify-me-now-a-deep-dive-on-verizons-data-practices.

132 Jacob Hoffman-Andrews, "Under Senate Pressure, Verizon Plans Supercookie Opt-Out," *Electronic Frontier Foundation*, February 2, 2015, https://www.eff.org/deeplinks/2015/02/under-senate-pressure-verizon-improves-its-supercookie-opt-out.

133 Bill Nelson et al., "Letter to Mr. Lowell C. McAdam, Chairman and CEO of Verizon Communications from United States Senate Committee on Commerce, Science, and Transportation," January 29, 2015, http://thehill.com/sites/default/files/nelson-blumenthal-schatz-markey_letter_to_verizon_re_supercookies.pdf.

134 Brian X. Chen and Natasha Singer, "Verizon Wireless to Allow Complete Opt Out of Mobile 'Supercookies,'" *New York Times—Bits Blog*, January 30, 2015, http://bits.blogs.nytimes.com/2015/01/30/verizon-wireless-to-allow-complete-opt-out-of-mobile-supercookies.

135 См.: Edmund Ingham, "Verizon Had One Thing on Its Mind When It Agreed to Buy AOL: CEO Tim Armstrong," *Forbes*, May 13, 2015, http://www.forbes.com/sites/edmundingham/2015/05/13/verizon-had-onething-on-its-mind-when-it-agreed-to-buy-aol-ceo-tim-armstrong. См. также: Alexander Nazaryan, "How Tim Armstrong Bested Marissa Mayer," *Newsweek*, July 25, 2016, http://www.newsweek.com/marissa-mayer-tim-armstrong-nerd-prom-483539.

136 "Advertising Programs Privacy Notice—October 2015," *Verizon*, December 7, 2015, http://www.verizon.com/about/privacy/advertising-programs-privacy-notice; Julia Angwin and Jeff Larson, "Verizon's Zombie Cookie Gets New Life," *ProPublica*, October 6, 2015, https://www.propublica.org/article/verizons-zombie-cookie-gets-new-life.

137 Julia Angwin, "Verizon to Pay $1.35 Million to Settle Zombie Cookie Privacy Charges," *ProPublica*, March 7, 2016, https://www.propublica.org/article/verizon-to-pay-1.35-million-to-settle-zombie-cookie-privacy-charges.

138 Mike Shields and Ryan Knutson, "AOL's Tim Armstrong Aims to Build Digital-Ad Empire at Verizon," *Wall Street Journal*, March 30, 2016, http://www.wsj.com/articles/aols-tim-armstrong-aims-to-build-digital-ad-empire-at-verizon-1459330200.

139 Tom Wheeler, "Statement of Chairman Tom Wheeler in Reply to WC Docket no. 16-106—Protecting the Privacy of Customers of Broadband and Other Telecommunications Services," Federal Communications Commission, 2016.

140 Alina Selyukh, "FCC Votes to Propose New Privacy Rules for Internet Service Providers," *NPR.org*, March 31, 2016, http://www.npr.org/sections/thetwo-way/2016/03/31/472528382/fcc-votes-to-propose-new-privacy-rules-for-internet-service-providers.

141 "FCC Adopts Privacy Rules to Give Broadband Consumers Increased Choice, Transparency and Security for Their Personal Data," Federal Communications Commission, October 27, 2016, https://www.fcc.gov/document/fcc-adopts-broadband-consumer-privacy-rules; Wendy Davis, "Broadband Providers Push Back Against Tough Privacy Proposal," *MediaPost*, March 10, 2016, http://www.mediapost.com/publications/article/270983/broadband-providers-push-back-against-tough-privac.html; Brian Fung and Craig Timberg, "The FCC Just Passed Sweeping New Rules to Protect Your Online Privacy," *Washington Post*, October 27, 2016, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/10/27/the-fcc-just-passed-sweeping-new-rules-to-protect-your-online-privacy.

142 Michelle Castillo, "AOL's Tim Armstrong: Yahoo Helps Verizon Compete Against Facebook, Google," *CNBC*, July 25, 2016, http://www.cnbc.com/2016/07/25/aol-ceo-tim-armstrong-yahoo-deal-helps-verizon-against-facebook-google.html.

143 См.: Kara Swisher, "AOL's Tim Armstrong Says 'Scale Is Imperative' in the Verizon-Yahoo Deal," *Recode*, July 25, 2016, http://www.recode.net/2016/7/25/12269980/aol-tim-armstrong-scale-imperative-yahoo-deal.

144 См.: Ingrid Lunden, "AOL CEO on Yahoo Deal: 'We Want to Get to 2B Users,'" *TechCrunch* (blog), July 25, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/07/25/aol-ceo-armstrongs-yahoo-memo-well-work-closely-with-marissa.

145 Tom Wheeler, "How the Republicans Sold Your Privacy to Internet Providers," *New York Times*, March 29, 2017, https://www.nytimes.com/2017/03/29/opinion/how-the-republicans-sold-your-privacy-to-internet-providers.html; "Republicans Attack Internet Privacy," *New York Times*, March 29, 2017, https://www.nytimes.com/2017/03/29/opinion/republicans-attack-internet-privacy.html; Cecilia Kang, "Congress Moves to Overturn Obama-Era Online Privacy Rules," *New York Times*, March 28, 2017, https://www.nytimes.com/2017/03/28/technology/congress-votes-to-overturn-obama-era-online-privacy-rules.html; "The House Just Voted to Wipe Out the FCC's Landmark Internet Privacy Protections," *Washington Post*, March 28, 2017, https://www.washington post.com/news/the-switch/wp/2017/03/28/the-house-just-voted-to-wipe-out-the-fccs-landmark-internet-privacy-protections.

146 Brian Fung, "It's Begun: Internet Providers Are Pushing to Repeal Obama-Era Privacy Rules," *Washington Post*, January 4, 2017, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2017/01/04/its-begun-cable-companies-are-pushing-to-repeal-obama-era-internet-privacy-rules.

147 Wheeler, "How the Republicans Sold Your Privacy".

148 Jack Marshall, "With Washington's Blessing, Telecom Giants Can Mine Your Web History," *Wall Street Journal*, March 30, 2017, https://www.wsj.com/articles/with-washingtons-blessing-telecom-giants-can-mine-your-web-history-1490869801; Olivia Solon, "What to Know Before Lawmakers Decide if ISPs Can Sell Your Browsing History," *Guardian*, March 28, 2017, https://www.theguardian.com/technology/2017/mar/28/internet-service-providers-sell-browsing-history-house-vote; Bruce Schneier, "Snoops May Soon Be Able to Buy Your Browsing History. Thank the US Congress," *Guardian*, March 30, 2017, http://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/30/snoops-buy-your-browsing-history-

us-congress; Jeremy Gillula, "Five Creepy Things Your ISP Could Do if Congress Repeals the FCC's Privacy Protections," *Electronic Frontier Foundation*, March 19, 2017, https://www.eff.org/deep links/2017/03/five-creepy-things-your-isp-could-do-if-congress-repeals-fccs-privacy-protections.

149 Elizabeth Dwoskin, "Lending Startups Look at Borrowers' Phone Usage to Assess Creditworthiness," *Wall Street Journal*, December 1, 2015, http://www.wsj.com/articles/lending-startups-look-at-borrowers-phone-usage-to-assess-creditworthiness-1448933308.

150 Daniel Bjorkegren and Darrell Grissen, "Behavior Revealed in Mobile Phone Usage Predicts Loan Repayment" (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, July 13, 2015), https://papers.ssrn.com/abstract =2611775.

151 Dwoskin, "Lending Startups Look at Borrowers' Phone Usage".

152 Ibid.

153 См.: Caitlin Dewey, "Creepy Startup Will Help Landlords, Employers and Online Dates Strip-Mine Intimate Data from Your Facebook Page," *Washington Post,* June 9, 2016, https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2016/06/09/creepy-startup-will-help-landlords-employers-and-online-dates-strip-mine-intimate-data-from-your-facebook-page.

154 Frank Pasquale, "The Dark Market for Personal Data," *New York Times*, October 16, 2014, http://www.nytimes.com/2014/10/17/opinion/the-dark-market-for-personaldata.html.

155 "hiQ Labs — Home," hiQ Labs, August 26, 2017, https://www.hiqlabs.com.

156 Christopher Ingraham, "Analysis: Politics Really Is Ruining Thanksgiving, According to Data from 10 Million Cellphones," *Washington Post*, November 15, 2017, https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/11/15/politics-really-is-ruining-thanksgiving-according-to-data-from-10-million-cellphones; M. Keith Chen and Ryne Rohla, "Politics Gets Personal: Effects of Political Partisanship and Advertising on Family Ties," *ArXiv*:1711.10602 [Economics], November 28, 2017, http://arxiv.org/abs/1711.10602.

Глава 6

1 Пер. А. Ситницкого.

2 Matthew Restall, *Seven Myths of the Spanish Conquest* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 19.

3 Felipe Fernández-Armesto, *1492: The Year the World Began* (New York: Harper One, 2010), 196.

4 John R. Searle, *Making the Social World: The Structure of Human Civilization* (Oxford: Oxford University Press, 2010), 85–86.

5 Searle, *Making the Social World*, 13.

6 Restall, *Seven Myths*, 65.

7 Ibid., 19.

8 Захватывающий анализ «Требований» см. в: Paja Faudree, "How to Say Things with Wars: Performativity and Discursive Rupture in the *Requerimiento* of the Spanish Conquest," *Journal of Linguistic Anthropology* 22, no. 3 (2012): 182–200.

9 Bartolomé de las Casas, *A Brief Account of the Destruction of the Indies* (Penguin Classics), Kindle 334–38.

10 de las Casas, *A Brief Account,* 329–333.

11 David Hart, "On the Origins of Google," National Science Foundation, August 17, 2004, http://www.nsf.gov/discoveries/disc_summ.jsp?cntn_id=100660&org=NSF.

12 Eric Schmidt and Jared Cohen, *The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives* (New York: Vintage, 2014), 9–10; Эрик Шмидт и Джаред

Коэн, *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013), 18.

13 Mark Muro et al., "Digitalization and the American Workforce," Metropolitan Policy Program, Brookings Institution, November 15, 2017, https://www.brookings.edu/research/digitalization-and-the-american-workforce. Как сообщается в этом докладе,

> В 2002 г. увеличение показателя цифровизации на один пункт предсказывало увеличение реальной средней годовой заработной платы на 166,20 доллара (в долларах 2016 г.) для профессий с сопоставимыми образовательными требованиями. К 2016 г. этот выигрыш в зарплате почти удвоился, достигнув 292,80 долларов. В целом работники с превосходящими цифровыми навыками все сильнее и сильнее отрываются по уровню зарплаты (при прочих равных условиях) от работников с аналогичным образованием, но меньшими цифровыми навыками. <...> Таким образом, значительная часть критически важных среднеквалифицированных рабочих мест в стране требует сегодня свободного владения основными ИТ-инструментами, стандартными технологиями мониторинга состояния здоровья, компьютерным оборудованием для количественного контроля, базовыми программами управления предприятием, программами управления работой с клиентами, например Salesforce или SAP, или программами для работы с электронными таблицами, такими как Microsoft Excel... Словом, десятки миллионов рабочих мест, которые обеспечивают наилучший путь к экономическому благополучию для работников без вузовского диплома, оказываются все менее доступным для работников, не имеющих базовых навыков работы с цифровыми технологиями.

14 Philipp Brandes, Roger Wattenhofer, and Stefan Schmid, "Which Tasks of a Job Are Susceptible to Computerization?" *Bulletin of EATCS* 3, no. 120 (2016), http://bulletin.eatcs.org/index.php/beatcs/article/view/467; Carl Benedikt Frey and Michael Osborne, "The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?" *Technological Forecasting and Social Change* 114 (September 17, 2013): 254–80; Seth G. Benzell et al., "Robots Are Us: Some Economics of Human Replacement" (National Bureau of Economic Research, 2015), http://www.nber.org/papers/w20941; Carl Benedikt Frey, "Doing Capitalism in the Digital Age," *Financial Times,* October 1, 2014, https://www.ft.com/content/293780fc-4245-11e4-9818-00144feabdc0.

15 Frey and Osborne, "The Future of Employment"; Martin Krzywdzinski, "Automation, Skill Requirements and Labour-Use Strategies: High-Wage and Low-Wage Approaches to High-Tech Manufacturing in the Automotive Industry," *New Technology, Work and Employment* 32, no. 3 (2017): 247–67, https://doi.org/10.1111/ntwe.12100; Frey, "Doing Capitalism"; William Lazonick, "Labor in the Twenty-First Century: The Top 0.1% and the Disappearing Middle-Class" (working paper, Institute for New Economic Thinking, February 2015), https://www.ineteconomics.org/research/research-papers/labor-in-the-twenty-first-century-the-top-0-1-and-the-disappearing-middle-class; Dirk Antonczyk, Thomas DeLeire, and Bernd Fitzenberger, "Polarization and Rising Wage Inequality: Comparing the U.S. and Germany" (IZA Discussion Paper, Institute for the Study of Labor, March 2010), https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp4842.html; Erik Brynjolfsson and Andrew McAfee, *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies* (New York: W. W. Norton, 2016); Эрик Бриньолфсон и Эндрю Макафи, *Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий* (Москва: АСТ, 2017); Daron Acemoglu and David Autor, "What Does Human Capital Do? A Review of Goldin and Katz's 'The Race Between Education and Technology,'" *Journal of Economic Literature* 50, no. 2 (2012): 426–463; Sang Yoon Lee and Yongseok Shin, "Horizontal and Ver-

tical Polarization: Task-Specific Technological Change in a Multi-Sector Economy" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, March 1, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2941261.

16 Kathleen Thelen, *Varieties of Liberalization and the New Politics of Social Solidarity* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014); Olivier Giovannoni, "What Do We Know About the Labor Share and the Profit Share? Part III: Measures and Structural Factors" (working paper, Levy Economics Institute at Bard College, 2014), http://www.levyinstitute.org/publications/what-do-we-know-about-the-labor-share-and-the-profit-share-part-3-measures-and-structural-factors; Francisco Rodriguez and Arjun Jayadev, "The Declining Labor Share of Income," *Journal of Globalization and Development* 3, no. 2 (2013): 1–18; Antonczyk, DeLeire, and Fitzenberger, "Polarization and Rising Wage Inequality"; Duane Swank, "The Political Sources of Labor Market Dualism in Postindustrial Democracies, 1975–2011" (American Political Science Association Annual Meeting, Chicago: Social Science Research Network, 2013), https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2299566; David Jacobs and Lindsey Myers, "Union Strength, Neoliberalism, and Inequality: Contingent Political Analyses of US Income Differences Since 1950," *American Sociological Review* 79 (2014): 752–74; Viki Nellas and Elisabetta Olivieri, "The Change of Job Opportunities: The Role of Computerization and Institutions" (Quaderni DSE Working Paper, University of Bologna & Bank of Italy, 2012), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1983214; Ian Gough, Anis Ahmad Dani, and Harjan de Haan, "European Welfare States: Explanations and Lessons for Developing Countries," in *Inclusive States: Social Policies and Structural Inequalities* (Washington, DC: World Bank, 2008).

17 Martin R. Gillings, Martin Hilbert, and Darrell J. Kemp, "Information in the Biosphere: Biological and Digital Worlds," *Trends in Ecology and Evolution* 31, no. 3 (2016).

18 Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society* (New York: Free Press, 1964), 41; Эмиль Дюркгейм, *О разделении общественного труда. Метод социологии* (Москва: Наука, 1990), 45.

19 Durkheim, *The Division of Labor*, 60–61; Дюркгейм, *О разделении общественного труда. Метод социологии*, 62.

20 Гарвардский правовед Джон Палфри отмечал доступность электронного надзора «только для чтения» в великолепной статье 2008 г.: John Palfrey, "The Public and the Private at the United States Border with Cyberspace," *Mississippi Law Journal* 78 (2008): 241–294.

21 Frank Pasquale, *The Black Box Society* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015), 60–61.

22 Martin Hilbert, "Toward a Synthesis of Cognitive Biases: How Noisy Information Processing Can Bias Human Decision Making," *Psychological Bulletin* 138, no. 2 (2012): 211–237; Martin Hilbert, "Big Data for Development: From Information-to Knowledge Societies" (United Nations ECLAC Report, Social Science Research Network, 2013), 4, http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2205145; Viktor Mayer-Schönberger and Kenneth Cukier, *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013), 9.

23 Hilbert, "Toward a Synthesis of Cognitive Biases".

24 Paul Borker, "What Is Hyperscale?" *Digital Realty*, February 2, 2018, https://www.digitalrealty.com/blog/what-is-hyperscale; Paul McNamara, "What Is Hyperscale and Why Is It so Important to Enterprises?" http://cloudblog.ericsson.com/digital-services/what-is-hyperscale-and-why-is-it-so-important-to-enterprises; James Manyika and Michael Chui, "Digital Era Brings Hyperscale Challenges," *Financial Times,* August 13, 2014, http://www.ft.com/intl/cms/s/0/f30051b2-1e36-11e4-bb68-00144feabdc0.html?siteedition=intl#axzz3JjXPNno5; Cade Metz, "Building an AI Chip Saved Google from Building a Dozen

New Data Centers," *Wired,* April 5, 2017, https://www.wired.com/2017/04/building-ai-chip-saved-google-building-dozen-new-datacenters.

25 Небольшие фирмы, не располагающие доходами от «гипермасштабирования», могут воспользоваться частью соответствующих возможностей с помощью облачных сервисов.

26 Catherine Dong, "The Evolution of Machine Learning," *TechCrunch*, August 8, 2017, http://social.techcrunch.com/2017/08/08/the-evolution-of-machine-learning; Metz, "Building an AI Chip"; "Google Data Center FAQ," *Data Center Knowledge*, March 16, 2017, http://www.datacenterknowledge.com/archives/2017/03/16/google-data-center-faq.

27 ARK Investment Management, "Google: The Full Stack AI Company," *Seeking Alpha*, May 25, 2017, https://seekingalpha.com/article/4076671-google-full-stack-ai-company; Alon Halevy, Peter Norvig, and Fernando Pereira, "The Unreasonable Effectiveness of Data," *Intelligent Systems, IEEE* 24 (2009): 8–12.

28 См.: Tom Krazit, "Google's Urs Hölzle Still Thinks Its Cloud Revenue Will Catch Its Ad Revenue, but Maybe Not by 2020," *GeekWire*, November 15, 2017, https://www.geekwire.com/2017/googles-urs-holzle-still-thinks-cloud-revenue-will-catch-ad-revenue-maybe-not-2020.

29 Norm Jouppi, "Google Supercharges Machine Learning Tasks with TPU Custom Chip," *Google Cloud Platform Blog*, May 18, 2016, https://cloud platform.googleblog.com/2016/05/Google-supercharges-machine-learning-tasks-with-custom-chip.html; Jeff Dean and Urs Hölzle, "Build and Train Machine Learning Models on Our New Google Cloud TPUs," Google, May 17, 2017, https://blog.google/topics/google-cloud/google-cloud-offer-tpus-machine-learning; Yevgeniy Sverdlik, "Google Ramped Up Data Center Spend in 2016," *Data Center Knowledge*, February 1, 2017, http://www.datacenterknowledge.com/archives/2017/02/01/google-ramped-datacenter-spend-2016; Courtney Flatt, "Google's All-Renewable Energy Plan to Include Data Center in Oregon," *Oregon Public Broadcasting*, December 6, 2016, http://www.opb.org/news/article/google-says-it-will-consume-only-renewable-energy.

30 Michael Feldman, "Market for Artificial Intelligence Projected to Hit $36 Billion by 2025," *Top500*, August 30, 2016, https://www.top500.org/news/market-for-artificial-intelligence-projected-to-hit-36-billion-by-2025.

21 Kevin McLaughlin and Mike Sullivan, "Google's Relentless AI Appetite," *Information*, January 10, 2017, https://www.theinformation.com/googles-relentless-ai-appetite.

32 Cade Metz, "Tech Giants Are Paying Huge Salaries for Scarce A. I. Talent," *New York Times*, October 22, 2017, https://www.nytimes.com/2017/10/22/technology/artificial-intelligence-experts-salaries.html; "Artificial Intelligence Is the New Black," *Paysa Blog,* April 18, 2017, https://www.paysa.com/blog/2017/04/17/artificial-intelligence-is-the-new-black.

33 Ian Sample, "Big Tech Firms' AI Hiring Frenzy Leads to Brain Drain at UK Universities," *Guardian*, November 2, 2017, http://www.theguardian.com/science/2017/nov/02/big-tech-firms-google-ai-hiring-frenzy-brain-drain-uk-universities.

34 Pedro Domingos, *The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World* (New York: Basic, 2015), 12–13; Педро Доминго с, *Верховный алгоритм. Как машинное обучение изменит наш мир* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016), 35–36; Cade Metz, "Why A. I. Researchers at Google Got Desks Next to the Boss," *New York Times,* February 19, 2018, https://www.nytimes.com/2018/02/19/technology/ai-researchers-desks-boss.html.

35 Spiros Simitis, "Reviewing Privacy in an Information Society," *University of Pennsylvania Law Review* 135, no. 3 (1987): 710, https://doi.org/10.2307/3312079.

36 Paul M. Schwartz, "The Computer in German and American Constitutional Law: Towards an American Right of Informational Self-Determination," *American Journal of Comparative Law* 37 (1989): 676.

Глава 7

1 Пер. Ш. Крола.
2 Chris Matyszczyk, "The Internet Will Vanish, Says Google's Eric Schmidt," *CNET*, January 22, 2015, http://www.cnet.com/news/the-internet-will-vanish-says-googles-schmidt.
3 Mark Weiser, "The Computer for the 21st Century," *Scientific American*, September 1991.
4 Mark Weiser and John Seely Brown, "The Coming Age of Calm Technology," in Peter J. Denning and Robert M. Metcalfe (ed.), *Beyond Calculation* (New York: Springer, 1997), 75–85; Weiser, "The Computer for the 21st Century".
5 Janina Bartje, "IoT Analytics the Top 10 IoT Application Areas — Based on Real IoT Projects," *IOT Analytics*, August 16, 2016, https://iot-analytics.com/top-10-iot-project-application-areas-q3-2016.
6 Kevin D. Werbach and Nicolas Cornell, "Contracts Ex Machina" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, March 18, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2936294.
7 Christy Pettey, "Treating Information as an Asset," *Smarter with Gartner,* February 17, 2016, www.gartner.com/smarterwithgartner/treating-information-as-an-asset (выделено мной. — *Ш. З.*).
8 R. Stuart MacKay, "Biomedical Telemetry: Sensing and Transmitting Biological Information from Animals and Man," *Quarterly Review of Biology* 44, no. 4 (1969): 18–23.
9 MacKay, "Biomedical Telemetry".
10 MacKay, "Biomedical Telemetry".
11 Roland Kays et al., "Terrestrial Animal Tracking as an Eye on Life and Planet," *Science* 348, no. 6240 (2015), https://doi.org/10.1126/science.aaa2478.
12 P. Ramesh Kumar, Ch. Srikanth, and K. L. Sailaja, "Location Identification of the Individual Based on Image Metadata," *Procedia Computer Science* 85 (2016): 451–454; Anuradha Vishwakarma et al., "GPS and RFID Based Intelligent Bus Tracking and Management System," *International Research Journal of Engineering and Technology* 3, no. 3 (2016); Nirali Panchal, "GPS Based Vehicle Tracking System and Using Analytics to Improve the Performance," *ResearchGate,* June 2016, https://www.researchgate.net/publication/304129283_GPS_Based_Vehicle_Tracking_System_and_Using_Analytics_to_Improve_The_Performance.
13 Mark Prigg, "Software That Can Track People as They Walk from Camera to Camera," *Mail Online,* November 18, 2014, http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2838633/Software-track-people-walk-camera-camera-say-tracked-Boston-bombers-hours.html.
14 Joseph A. Paradiso, "Our Extended Sensoria: How Humans Will Connect with the Internet of Things," *MIT Technology Review,* August 1, 2017, https://www.technologyreview.com/s/608566/our-extended-sensoria-how-humans-will-connect-with-the-internet-ofthings.
15 Gershon Dublon and Edwina Portocarrerro, "ListenTree: Audio-Haptic Display in the Natural Environment," 2014, https://smartech.gatech.edu/handle/1853/52083.
16 Gershon Dublon et al., "DoppelLab: Tools for Exploring and Harnessing Multimodal Sensor Network Data," in *IEEE Sensors Proceedings,* 2011, 1612–1615.
17 Gershon Dublon and Joseph A. Paradiso, "Extra Sensory Perception," *Scientific American,* 2014 July, 311(1), 36–41.
18 Paradiso, "Our Extended Sensoria" (выделено мной. — *Ш. З.*).
19 Dublon and Paradiso, "Extra Sensory Perception".
20 Кевин Эштон, бывший менеджер бренда Procter and Gamble, который одним из первых сосватал физическим товарам микрочипы, снабжен-

ные радиосвязью, придумал выражение «интернет вещей» и способствовал инновациям в области радиочастотной идентификации в Медийной лаборатории MIT, критикует американское правительство за отсутствие системной концепции «интернета вещей» и отказ от руководящей по отношению к частному бизнесу роли в этой сфере. См.: Kevin Ashton, "America Last?" *Politico,* June 29, 2015, http://www.politico.com/agenda/story/2015/06/kevin-ashton-internet-of-things-in-the-us-000102.

21 См.: Nick Statt, "What the Volkswagen Scandal Means for the Future of Connected Devices," *Verge,* October 21, 2015, http://www.theverge.com/2015/10/21/9556153/internet-of-things-privacy-paranoia-data-volkswagen-scandal.

22 Matt Weinberger, "Companies Stand to Make a Lot of Money Selling Data from Smart Devices, Says Microsoft," *Business Insider,* December 6, 2015, http://www.businessinsider.com/microsoft-azure-internet-of-things-boss-sam-george-interview-2015-12; "Live on a Screen Near You: IoT Slam, a New Virtual Conference for All Things IoT," *Microsoft IoT Blog,* December 9, 2015, https://blogs.microsoft.com/iot/2015/12/09/live-on-a-screen-near-you-iot-slam-a-new-virtual-conference-for-all-things-iot.

23 "The Economy of Things: Extracting New Value from the Internet of Things," *IBM Institute for Business Value,* 2014, http://www-935.ibm.com/services/us/gbs/thoughtleadership/economyofthings.

24 Убедительное обсуждение неструктурированных данных и их роли в повседневной жизни см. в: Ioanna D. Constantiou and Jannis Kallinikos, "New Games, New Rules: Big Data and the Changing Context of Strategy," *Journal of Information Technology,* September 9, 2014, 1–14.

25 Bryan Glick, "Executive Interview: Harriet Green, IBM's Internet of Things Chief," *ComputerWeekly,* April 7, 2016, https://www.computerweekly.com/news/450280673/Executive-interview-Harriet-Green-IBMs-internet-of-things-chief.

26 "Dark Data," *Gartner IT Glossary,* May 7, 2013, http://www.gartner.com/it-glossary/dark-data; Isaac Sacolick, "Dark Data — a Business Definition," *Social, Agile, and Transformation*, April 10, 2013, http://blogs.starcio.com/2013/04/dark-data-business-definition.html; Heather Johnson, "Digging Up Dark Data: What Puts IBM at the Forefront of Insight Economy," *SiliconANGLE*, October 30, 2015, https://siliconangle.com/blog/2015/10/30/ibm-is-at-the-forefront-of-insight-economy-ibminsight; Ed Tittel, "The Dangers of Dark Data and How to Minimize Your Exposure," *CIO,* September 24, 2014, https://www.cio.com/article/2686755/data-analytics/the-dangers-of-dark-data-and-how-to-minimize-your-exposure.html; Derek Gascon, "Thwart 'Dark Data' Risk with Data Classification Tools," *SearchCompliance,* July 2014, http://searchcompliance.techtarget.com/answer/Thwart-dark-data-risk-with-data-classification-tools.

27 Glick, "Executive Interview".

28 Hal R. Varian, "Computer Mediated Transactions," *American Economic Review* 100, no. 2 (2010): 1–10.

29 Hal R. Varian, "Beyond Big Data," *Business Economics* 49, no. 1 (2014): 27–31.

30 Ibid., 30.

31 См.: Dan Kraut, "Allstate Mulls Selling Driver Data," *Bloomberg.com,* May 28, 2015, http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-05-28/allstate-seeks-to-follow-google-as-ceo-mulls-selling-driver-data.

32 Rachel Ward and Rebecca Lancaster, "The Contribution of Individual Factors to Driving Behaviour: Implications for Managing Work-Related Road Safety" (research report, Doherty Innovation Centre, Midlothian, UK, 2002), http://www.hse.gov.uk/research/rrhtm/rr020.htm.

33 "Insurers Need to Plug into the Internet of Things—or Risk Falling Behind," McKinsey, January 8, 2017, http://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurers-need-to-plug-into-the-internet-of-things-or-risk-falling-behind.

34 "Overcoming Speed Bumps on the Road to Telematics," Deloitte University Press, April 21, 2014, https://dupress.deloitte.com/dup-us-en/industry/insurance/telematics-in-auto-insurance.html.
35 Ibid.
36 Leslie Scism, "State Farm Is There: As You Drive," *Wall Street Journal,* August 5, 2013.
37 "Insurers Need to Plug into the Internet of Things".
38 Joseph Reifel, Alyssa Pei, Neeti Bhardwaj, and Shamik Lala, "The Internet of Things: Opportunity for Insurers," ATKearney, 2014, https://www.atkearney.co.uk/documents/10192/5320720/internet+of+Things+-+Opportunity+for+Insurers.pdf/4654e400-958a-40d5-bb65-1cc7ae64bc72.
39 Steve Johansson, "Spireon Reaches 2.4 Million Subscribers, Becoming Industry's Largest Aftermarket Vehicle Telematics Company," *Business Wire,* August 17, 2015, http://www.businesswire.com/news/home/20150817005365/en/Spireon-Reaches-2.4-Million-Subscribers-Industry%E2%80%99s-Largest.
40 Rebecca Kates, "Geotab Launches a World Leading Driver Safety Telematics Solution That Speaks to the Driver Inside the Vehicle," Geotab, September 10, 2015, https://www.geotab.com/pressrelease/geotab-launches-driver-safety-telematics-solution-that-speaks-to-the-driver-inside-the-vehicle.
41 Brad Jarvis et al., Insurance rate optimization through driver behavior monitoring, US20150006207 A1, published January 2015, https://patents.google.com/patent/US20150006207A1/en.
42 Brad Jarvis et al., Operator benefits and rewards through sensory tracking of a vehicle, US20150019270 A1, published January 2015, 2015, http://www.google.com/patents/US20150019270.
43 Joao Lima, "Insurers Look Beyond Connected Cars for IOT Driven Business Boom," *Computer Business Review*, December 9, 2015, http://www.cbronline.com/news/internet-of-things/insurers-look-beyond-connected-cars-for-iot-driven-business-boom-4748866.
44 Sam Ramji, "Looking Beyond the Internet of Things Hype: Here's What's in Store," *VentureBeat,* March 28, 2014, http://venturebeat.com/2014/03/28/looking-beyond-the-internet-ofthings-hype-heres-whats-in-store.
45 "Overcoming Speed Bumps on the Road to Telematics".
46 Corin Nat, "Think Outside the Box — Motivate Drivers Through Gamification," Spireon, August 11, 2015, https://web.archive.org/web/20150811014300/spireon.com/motivate-drivers-through-gamification; "Triad Isotopes," 2017, http://www.triadisotopes.com.
47 "Overcoming Speed Bumps on the Road to Telematics".
48 См.: Byron Pope, "Experts Examine Auto Telematics' Pitfalls, Potential," *Ward's Auto,* June 20, 2013, http://wardsauto.com/technology/experts-examine-auto-telematics-pitfalls-potential.
49 "Analytics Trends 2016, the Next Evolution," Deloitte, 2016, https://www2.deloitte.com/us/en/pages/deloitte-analytics/articles/analytics-trends.html.
50 "Insurers Need to Plug into the Internet of Things"; "Navigating the Challenges and Opportunities in Financial Services," Deloitte Touche, 2015, https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/au/Documents/financial-services/deloitte-au-fs-fsi-outlook-focus-2015-090215.pdf.
51 "Dell Services Have Launched a New Internet of Things Insurance Accelerator," Dell, November 17, 2015, http://www.dell.com/learn/al/en/alcorp1/pressreleases/2015-11-17-dell-services-launch-of-internet-ofthings; "Microsoft and American Family Insurance Launch Startup Accelerator Focused on Home Automation," *Microsoft News Center*, June 17, 2014, https://news.microsoft.com/2014/06/17/microsoft-and-american-family-insurance-launch-startup-accelerator-focused-on-home-automation.

52 Gabe Nelson, "Who Owns the Dashboard? Apple, Google or the Automakers?" *Advertising Age,* December 15, 2014, http://adage.com/article/digital/owns-dashboard-apple-google-automakers/296200.
53 "Google Looks to Partner with Insurance Companies in France," *Fortune,* September 13, 2016, http://fortune.com/2016/09/13/google-france-insurance-partners.
54 Varian, "Beyond Big Data," 30 (выделено мной. — *Ш.* З.).
55 Ibid.
56 Herman Kahn and Anthony J. Wiener, *The Year 2000* (New York: Macmillan, 1967).
57 Kahn and Wiener, *The Year 2000,* 97–98.
58 Ibid., *410–411.*
59 Paul T. David and William R. Ewald, "The Study of the Future," *Public Administration Review* 28, no. 2 (1968): 187–93, https://doi.org/10.2307/974089.
60 Neil P. Hurley, "The Future and the Nearsighted Faust," *Review of Politics* 30, no. 4 (1968): 521–23.
61 Langdon Winner, *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought* (Cambridge, MA: MIT Press, 1978), 7–8.
62 Dublon and Paradiso, "Extra Sensory Perception," 37–44.
63 Frank E. Manuel and Fritzie P. Manuel, *Utopian Thought in the Western World* (Cambridge, MA: Belknap Press, 1979), 6.
64 Krishan Kumar, *Utopia and Anti-utopia in Modern Times* (Oxford: Blackwell, 1991); Andrzej Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1997); Gregory Claeys, *Searching for Utopia: The History of an Idea* (New York: Thames & Hudson, 2011); Roland Schaer, Gregory Claeys, and Lyman Tower Sargent, *Utopia: The Search for Ideal Society in the Western World* (New York: Oxford University Press, 2000); Perry Anderson, *Arguments Within English Marxism,* 2nd ed. (London: Verso, 1980).
65 В предисловии 1867 г. к первому изданию «Капитала» Маркса встречаем следующее:

> Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

См.: Karl Marx, *Capital*, vol. 1, trans. Ben Fowkes (New York: Penguin, 1990), 91; Карл Маркс, "Капитал", в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, т. 23 (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960), 6, 9.
66 Manuel and Manuel, *Utopian Thought,* 3–4.
67 Eric Schmidt and Jared Cohen, *The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives* (New York: Vintage, 2014), 5; Эрик Шмидт и Джаред Коэн, *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013), 21, 13.
68 Schmidt and Cohen, *The New Digital Age,* 253–254; Шмидт и Коэн, *Новый цифровой мир*, 282.
69 Dublon and Paradiso, "Extra Sensory Perception".
70 John Steinbeck, *The Grapes of Wrath* (New York: Viking, 1939), 33–34; Джон Стейнбек, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 3 (Москва: Правда, 1989), 36.
71 Winner, *Autonomous Technology*, 6.
72 Langdon Winner, "Do Artifacts Have Politics?" *Daedalus* 109, no. 1 (1980): 99.
73 Прекрасное обсуждение некоторых родственных проблем см. в: Alasdair Morrison, "Uses of Utopia," in *Utopias,* ed. Peter Alexander and Roger Gill (La Salle, IL: Open Court, 1983), 149–150.
74 "Digital Transformation Map," Cisco, August 3, 2018, https://www.cisco.com/c/m/en_us/solutions/industries/smart-connected-communities/digital-transfor-

mation-map.html; and Anil Menon, "Announcing Cisco Kinetic for Cities," *Cisco Blogs,* October 4, 2017, https://blogs.cisco.com/news/announcing-kinetic-for-cities (выделено мной. — *Ш. З.*).

75 "Titan and Control Group Become Intersection," *PR Newswire,* September 16, 2015, http://www.prnewswire.com/news-releases/titan-and-control-group-become-intersection-300144002.html. Для постройки киосков и управления ими Sidewalk приобрела компанию под названием Intersection. Последняя образовалась в результате слияния компании Control, занимающейся городскими технологиями, с рекламной медиафирмой Titan. Intersection называет себя «компанией, работающей в сфере городского опыта, технологий и СМИ, которая будет работать с городами, чтобы решать современные проблемы и заново строить городской опыт, создавая более связанные с интернетом, удобные для жизни и процветающие города. Компания поднимет на новый уровень инновационные инжиниринговые и проектные возможности Control Group, имеющей более чем десятилетний опыт объединения цифровых технологий с реальным пользовательским опытом в городских условиях, с помощью Titan — одной из крупнейших в стране муниципальных и транспортных медиакомпаний и одного из лидеров в области цифровой наружной рекламы».

76 Conor Dougherty, "Cities to Untangle Traffic Snarls, with Help from Alphabet Unit," *New York Times,* March 17, 2016, http://www.nytimes.com/2016/03/18/technology/cities-to-untangle-traffic-snarls-with-help-from-alphabet-unit.html.

77 "Sidewalk Labs | Team — Alphabet," Sidewalk Labs, October 2, 2017, https://www.sidewalklabs.com/team.

78 Dougherty, "Cities to Untangle".

79 Ibid.

80 См.: Diana Budds, "How Google Is Turning Cities into R&D Labs," *Co.Design,* February 22, 2016, https://www.fastcodesign.com/3056964/design-moves/how-google-is-turning-cities-into-rd-labs.

81 Mark Harris, "Secretive Alphabet Division Aims to Fix Public Transit in US by Shifting Control to Google," *Guardian,* June 27, 2016, http://www.theguardian.com/technology/2016/jun/27/google-flow-sidewalklabs-columbus-ohio-parking-transit.

82 *Google City: How the Tech Juggernaut Is Reimagining Cities—Faster Than You Realize,* 2016, https://www.youtube.com/watch?v=JXN9QHHD8eA.

83 Ibid.

84 Ibid.

85 Budds, "How Google Is Turning Cities into R&D Labs".

86 Jessica E. Lessin, "Alphabet's Sidewalk Preps Proposal for Digital District," *Information*, April 14, 2016, https://www.theinformation.com/sidewalklabs-preps-proposal-for-digital-district.

87 Eliot Brown, "Alphabet's Next Big Thing: Building a 'Smart' City," *Wall Street Journal,* April 27, 2016, http://www.wsj.com/articles/alphabets-next-big-thing-building-a-smart-city-1461688156.

88 Shane Dingman, "With Toronto, Alphabet Looks to Revolutionize City-Building," *Globe and Mail*, October 17, 2017, https://beta.theglobeandmail.com/report-on-business/with-toronto-alphabet-looks-to-revolutionize-city-build ing/article36634779.

Глава 8

1 Jan Wolfe, "Roomba Vacuum Maker iRobot Betting Big on the 'Smart' Home," *Reuters*, July 28, 2017, https://www.reuters.com/article/irobot-strategy/roomba-vacuum-maker-irobot-betting-big-on-the-smart-home-idUSL1N1KJ1BA; Melissa

Wen, "iRobot Shares Surge on Strong Sales of Roomba Vacuum Cleaners," *Reuters*, July 26, 2017, https://www.reuters.com/article/us-irobot-stocks/irobot-shares-surge-on-strong-sales-of-roomba-vacuum-cleaners-idUSKBN1AB2QW.

2 Wolfe, "Roomba Vacuum Maker iRobot Betting Big".

3 Lance Ulanoff, "iRobot CEO Says the Company Won't Share Your Roomba Home Mapping Data Without Your OK," *Mashable*, July 25, 2017, http://mashable.com/2017/07/25/irobot-wants-to-sell-home-mapping-data.

4 "iRobot HOME," Google Play Store, August 12, 2018, https://play.google.com/store/apps/details?id=com.irobot.home&hl=en. См. также: Alex Hern, "Roomba Maker May Share Maps of Users' Homes with Google, Amazon or Apple," *Guardian*, July 25, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/jul/25/roomba-maker-could-share-maps-users-homes-google-amazon-apple-irobot-robot-vacuum.

5 "How It Works | Smart Bed Technology & Sleep Tracking | It Bed," SleepNumber.com, October 6, 2017, https://itbed.sleepnumber.com/how-it-works.

6 "Sleep Number Privacy Policy," SleepNumber.com, September 18, 2017, https://www.sleepnumber.com/sn/en/privacy-policy.

7 Guido Noto La Diega and Ian Walden, "Contracting for the 'Internet of Things': Looking into the Nest" (research paper, Queen Mary University of London, School of Law, 2016).

8 Jonathan A. Obar and Anne Oeldorf-Hirsch, "The Biggest Lie on the Internet: Ignoring the Privacy Policies and Terms of Service Policies of Social Networking Services," in *Facebook/Social Media* 2 (TPRC 44: The 44th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy, Arlington, VA: Social Science Research Network, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2757465.

9 Важная работа, посвященная тому, как эта более широкая тема связана с цифровыми продуктами: Aaron Perzanowski and Chris Hoofnagle, "What We Buy When We 'Buy Now'" (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, May 13, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2778072.

10 Michelle Locke, "Ready for Liquor Bottles Smart Enough to Talk Smart Phones?" *Phys.org*, May 21, 2015, http://phys.org/news/2015-05-ready-liquor-bottles-smart.html; Joseph Cox, "This Rectal Thermometer Is the Logical Conclusion of the Internet of Things," *Motherboard*, January 14, 2016, http://motherboard.vice.com/read/this-rectal-thermometer-is-the-logical-conclusion-of-the-internet-of-things.

11 Shona Ghosh, "How Absolut Vodka Will Use the Internet of Things to Sell More Than 'Static Pieces of Glass,'" *Campaign US*, August 6, 2015, http://www.campaignlive.com/article/absolut-vodka-will-use-internet-things-sell-static-pieces-glass/1359074.

12 См.: Locke, "Ready for Liquor Bottles Smart Enough to Talk?"

13 "Global Smart Homes Market 2018 by Evolving Technology, Projections & Estimations, Business Competitors, Cost Structure, Key Companies and Forecast to 2023," *Reuters*, February 19, 2018, https://www.reuters.com/brandfeatures/venture-capital/article?id=28096.

14 "Sproutling Wearable Baby Monitor," Mattel, December 8, 2017, http://fisher-price.mattel.com/shop/en-us/fp/sproutling-sleep-wearable-fnf59.

15 См.: Perzanowski and Hoofnagle, "What We Buy".

16 Amie Thuener, "Letter to SEC from Google Finance Director Re: Google Inc," Securities and Exchange Commission, January 29, 2013, https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1288776/000128877613000074/filename1.htm.

17 См.: Stacey Higginbotham, "Qualcomm Has Devised New Technology That Can Help Unlock Your Smartphone Using Iris Scans," *MIT Technology Review*, March 29, 2017, https://www.technologyreview.com/s/603964/qualcomm-wants-your-smartphone-to-have-energy-efficient-eyes.

18 Ben S. Cook et al., "Only Skin Deep," *IEEE Microwave Magazine*, May 2013. Умная кожа видится новшеством, которое «может заложить основу для появле-

ния первого поколения подлинно дистанционных, полностью пригодных для печати на принтере, не содержащих в себе чипов, гибких, дешевых и беспроводных сенсоров для повсеместного применения в Умной коже и „интернете вещей“…»

19 J. G. D. Hester and M. M. Tentzeris, «Inkjet-Printed Van-Atta Reflectarray Sensors: A New Paradigm for Long-Range Chipless Low Cost Ubiquitous Smart Skin Sensors of the Internet of Things,” in 2016 IEEE MTT-S *International Microwave Symposium* (IMS), 2016, 1–4, https://doi.org/10.1109/MWSYM.2016.7540412.

20 Cook et al., “Only Skin Deep”.

21 Michael Galvin, “Attract Customers with Beacons, Geotagging & Geofencing,” *New Perspective*, March 21, 2016, http://www.npws.net/blog/attract-customers-with-beacons-geotagging-geofencing.

22 Всеобъемлющую характеристику этих и других надзорных процессов, применяемых сегодня в розничной торговле см. в: Joseph Turow, *The Aisles Have Eyes: How Retailers Track Your Shopping, Strip Your Privacy, and Define Your Power* (New Haven, CT: Yale University Press, 2017).

23 Jimm Fox, «Life-Pattern Marketing and Geo Targeting,” *One Market Media*, March 26, 2009, http://onemarketmedia.com/2009/03/26/life-pattern-marketing-and-geo-targetting.

24 Galvin, “Attract Customers with Beacons”.

25 Monte Zweben, “Life-Pattern Marketing: Intercept People in Their Daily Routines,” *SeeSaw Networks*, March 2009.

26 Monica Anderson, “6 Facts About Americans and Their Smartphones,” *PewResearchCenter*, April 1, 2015, http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/04/01/6-facts-about-americans-and-their-smartphones; “Most Smartphone Owners Use Location-Based Services — EMarketer,” *eMarketer*, April 22, 2016, https://www.emarketer.com/Article/Most-Smartphone-Owners-Use-Location-Based-Services/1013863; Chris Smith, “Why Location Data Is One of the Most Coveted Details Apps Collect About You,” *BGR*, March 25, 2015, http://bgr.com/2015/03/25/smartphone-app-location-data.

27 Hazim Almuhimedi et al., “Your Location Has Been Shared 5,398 Times! A Field Study on Mobile App Privacy Nudging,” in *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems*, CHI’15 (New York: ACM, 2015), 787–96, https://doi.org/10.1145/2702123.2702210.

28 Tim Moynihan, “Apps Snoop on Your Location Way More Than You Think,” *Wired*, March 25, 2015, https://www.wired.com/2015/03/apps-snoop-location-way-think.

29 Byron Spice, “Study Shows People Act to Protect Privacy When Told How Often Phone Apps Share Personal Information,” *Carnegie Mellon University News*, March 23, 2015, https://www.cmu.edu/news/stories/archives/2015/march/privacy-nudge.html.

30 Russell Brandom, “Police Are Filing Warrants for Android’s Vast Store of Location Data,” *Verge*, June 1, 2016, http://www.theverge.com/2016/6/1/11824118/google-android-location-data-police-warrants.

31 Keith Collins, “Google Collects Android Users’ Locations Even When Location Services Are Disabled,” *Quartz*, November 21, 2017, https://qz.com/1131515/google-collects-android-users-locations-even-when-location-services-are-disabled.

32 Gerard Sans, “Your Timeline: Revisiting the World That You’ve Explored,” *Google Lat Long*, July 21, 2015, https://maps.googleblog.com/2015/07/your-timeline-revisiting-world-that.html; Nathan Ingraham, “Google Knows Where You’ve Been, and Your Timeline for Maps Shows You,” *Verge*, July 21, 2015, http://www.theverge.com/2015/7/21/9012035/google-your-timeline-location-history.

33 Вот лишь несколько примеров литературы о деанонимизации. В 1997 г. исследователь конфиденциальности Латания Суини в широко известной работе продемонстрировала, что, пользуясь общедоступными спис-

ками (например, списками избирателей), она может идентифицировать медицинские карты губернатора Массачусетса Уильяма Уэльда среди медицинских записей, из которых уже удалили все явные идентификаторы, такие как имя, адрес и номер социального страхования. См.: Latanya Sweeney, "Statement of Latanya Sweeney, PhD Before the Privacy and Integrity Advisory Committee of the Department of Homeland Security—'Privacy Technologies for Homeland Security,'" US Department of Homeland Security, June 15, 2005, https://www.dhs.gov/xlibrary/assets/privacy/privacy_advcom_06-2005_testimony_sweeney.pdf; Latanya Sweeney, "Only You, Your Doctor, and Many Others May Know," *Technology Science*, September 29, 2015, https://techscience.org/a/2015092903; Latanya Sweeney, "Matching a Person to a Social Security Number," *Data Privacy Lab*, October 13, 2017, https://dataprivacylab.org/dataprivacy/projects/ssnwatch/index.html; Sean Hooley and Latanya Sweeney, "Survey of Publicly Available State Health Databases — Data Privacy Lab, IQSS," Harvard University, 2013; Yves-Alexandre de Montjoye et al., "Unique in the Shopping Mall: On the Reidentifiability of Credit Card Metadata," *Science* 347, no. 6221 (2015): 536–39, https://doi.org/10.1126/science.1256297; Jessica Su, Ansh Shukla, Sharad Goel, and Arvind Narayanan, "De-Anonymizing Web Browsing Data with Social Networks," in *26th International Conference on World Wide Web Pages* (Perth, Australia: ACM, 2017), 1261–69, https://doi.org/10.1145/3038912.3052714.

34 Paul Ohm, "Broken Promises of Privacy: Responding to the Surprising Failure of Anonymization," *UCLA Law Review* 57 (August 2010): 1701.

35 de Montjoye et al., "Unique in the Shopping Mall". См. также: Yves-Alexandre de Montjoye, "Computational Privacy: Towards Privacy-Conscientious Uses of Metadata," Massachusetts Institute of Technology, 2015, http://dspace.mit.edu/handle/1721.1/101850; Nicholas D. Lane et al., "On the Feasibility of User De-Anonymization from Shared Mobile Sensor Data," in *Proceedings of the Third International Workshop on Sensing Applications on Mobile Phones: PhoneSense* '12, 2012, http://dl.acm.org/citation.cfm?id=2389148.

36 Christina DesMarais, "This Smartphone Tracking Tech Will Give You the Creeps," *PCWorld*, May 22, 2012, http://www.pcworld.com/article/255802/new_ways_to_track_you_via_your_mobile_devices_big_brother_or_good_business_.html. См. также: "Smartphones — Diagram of Sensors," *Broadcom.com*, February 22, 2018, https://www.broadcom.com/applications/wireless/smart-phones.

37 Arvind Narayanan and Edward W. Felten, "No Silver Bullet: De-identification Still Doesn't Work," July 9, 2014, http://randomwalker.info/publications/no-silver-bullet-de-identification.pdf.

38 Hal Hodson, "Baidu Uses Millions of Users' Location Data to Make Predictions," *New Scientist*, July 20, 2016, https://www.newscientist.com/article/2098206-baidu-uses-millions-of-users-location-data-to-make-predictions.

39 В 2015 г. носимые устройства — главным образом фитнес-трекеры наподобие Under Armour и умные часы — использовали 29,5 млн взрослых американцев, что означает рост на 57,7% в сравнении с 2014 г. См.: Mary Ellen Berglund, Julia Duvall, and Lucy E. Dunne, "A Survey of the Historical Scope and Current Trends of Wearable Technology Applications," in *Proceedings of the 2016 ACM International Symposium on Wearable Computers*, ISWC '16 (New York: ACM, 2016), 40–43, https://doi.org/10.1145/2971763.2971796; Kate Kaye, "FTC: Fitness Apps Can Help You Shred Calories — and Privacy," *Advertising Age*, May 7, 2014, http://adage.com/article/privacy-and-regulation/ftc-signals-focus-health-fitness-data-privacy/293080.

40 Michelle De Mooy and Shelten Yuen, "Towards Privacy-Aware Research and Development in Wearable Health," *Hawaii International Conference on System Sciences 2017 (HICSS-50)*, January 4, 2017, http://aisel.aisnet.org/hicss-50/hc/security_for_healthcare/4.

41 Sarah Perez, "Google and Levi's 'Connected' Jacket That Lets You Answer Calls, Use Maps and More Is Going on Sale," *TechCrunch*, September 25, 2017, http://social.techcrunch.com/2017/09/25/google-and-levis-connected-jacket-that-lets-you-answer-calls-use-maps-and-more-goes-on-sale.

42 Лишь несколько примеров из недавней литературы: Ya-Li Zheng et al., "Unobtrusive Sensing and Wearable Devices for Health Informatics," *IEEE Transactions on Biomedical Engineering* 61, no. 5 (2014): 1538–54, https://doi.org/10.1109/TBME.2014.2309951; Claire Furino et al., "Synthetic Skin-Like Sensing in Wearable Garments," *Rutgers Governor's School of Engineering and Technology Research Journal*, July 16, 2016, http://www.soe.rutgers.edu/sites/default/files/imce/pdfs/gset-2016/synth%20skin.pdf; Preeti Kumari, Lini Mathew, and Poonam Syal, "Increasing Trend of Wearables and Multimodal Interface for Human Activity Monitoring: A Review," *Biosensors and Bioelectronics* 90, Supplement C (April 15, 2017): 298–307, https://doi.org/10.1016/j.bios.2016.12.001; Arpan Pal, Arijit Mukherjee, and Swarnava Dey, "Future of Healthcare—Sensor Data-Driven Prognosis," in *Wireless World in 2050 and Beyond: A Window into the Future!* Springer Series in Wireless Technology (Cham, Switzerland: Springer, 2016), 93–109.

43 "Ovum Report: The Future of E-Commerce — the Road to 2026," *Criteo*, 2015, http://www.criteo.com/resources/ovum-future-ecommerce.

44 C. S. Pattichis et al., "Wireless Telemedicine Systems: An Overview," *IEEE Antennas and Propagation Magazine* 44, no. 2 (2002): 143–153.

45 A. Solanas et al., "Smart Health: A Context-Aware Health Paradigm Within Smart Cities," *IEEE Communications Magazine* 52, no. 8 (2014): 74–81.

46 Subhas Chandra Mukhopadhyay, "Wearable Sensors for Human Activity Monitoring: A Review," *IEEE Sensors Journal* 15, no. 3 (2015): 1321–1330; Stephen S. Intille, Jonathan Lester, James F. Sallis, and Glen Duncan, "New Horizons in Sensor Development," *Medicine & Science in Sports & Exercise* 44 (January 2012): S24–31; P. Castillejo, J. F. Martínez, J. Rodríguez-Molina, and A. Cuerva, "Integration of Wearable Devices in a Wireless Sensor Network for an E-health Application," *IEEE Wireless Communications* 20, no. 4 (2013): 38–49; J. Cheng, O. Amft, G. Bahle, and P. Lukowicz, "Designing Sensitive Wearable Capacitive Sensors for Activity Recognition," *IEEE Sensors Journal* 13, no. 10 (2013): 3935–3947; D. De Rossi and P. Veltink, "Wearable Technology for Biomechanics: E-Textile or Micromechanical Sensors?" *IEEE Engineering in Medicine and Biology Magazine*, May 20, 2010, 37–43.

47 По данным Pew Research за 2012 г., смартфоны имели 53% американцев, из них 20% загрузили хотя бы одно приложение, связанное со здоровьем. К 2015 г., согласно общенациональному опросу, смартфоном или другим беспроводным устройством владел 71% американцев и что из них 32% загрузили хотя бы одно приложение, связанное со здоровьем, что отражает «желание публики „всегда и везде" иметь доступ к мониторингу, диагнозу и лечению». См.: Susannah Fox and Maeve Duggan, "Mobile Health 2012," *Pew Research Center: Internet, Science & Tech*, November 8, 2012, http://www.pewinternet.org/2012/11/08/mobile-health-2012; Mark Brohan, "Mobile Will Be a Top Health Industry Trend in 2016," *MobileStrategies360*, December 11, 2015, https://web-beta.archive.org/web/20160403231014/https://www.mobilestrategies360.com/2015/12/11/mobile-will-be-top-health-industry-trend-2016. Журнал Forbes сообщал о возбуждении, с которым отрасль встретила эту новость: «Крупные фармацевтические компании выпускают сотни мобильных приложений <…> а корпорации прикладывают дополнительные усилия в мобильной области, чтобы поменьше платить за медицинскую страховку для своих сотрудников…». См.: Jennifer Elias, "In 2016, Users Will Trust Health Apps More Than Their Doctors," *Forbes*, December 31, 2015, http://www.forbes.com/sites/jenniferelias/2015/12/31/in-2016-users-will-trust-health-apps-more-than-their-doctors.

48 Gabrielle Addonizio, "The Privacy Risks Surrounding Consumer Health and Fitness Apps with HIPAA's Limitations and the FTC's Guidance," *Health Law Outlook* 9, no. 1 (2016), http://scholarship.shu.edu/health-law-outlook/vol9/iss1/1.

49 "Mobile Health App Developers: FTC Best Practices," Federal Trade Commission, April 2016, https://www.ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/mobile-health-app-developers-ftc-best-practices; "Mobile Privacy Disclosures: Building Trust Through Transparency," Federal Trade Commission, February 2013, https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/reports/mobile-privacy-disclosures-building-trust-through-transparency-federal-trade-commission-staff-report/130201mobileprivacyreport.pdf; Harrison Kaminsky, "FDA States It Will Not Regulate Fitness Trackers and Wellness Apps," *Digital Trends*, July 31, 2016, http://www.digitaltrends.com/health-fitness/fda-will-not-regulate-fitness-wellness-apps.

50 Tobias Dehling et al., "Exploring the Far Side of Mobile Health: Information Security and Privacy of Mobile Health Apps on iOS and Android," *JMIR MHealth and UHealth* 3, no. 1 (2015): 1–26. В 2013 г. анализ, проведенный организацией Privacy Rights Clearinghouse, поставил целью оценить ряд приложений, связанных со здоровьем и фитнесом, по уровню рисков в области конфиденциальности, включая изъятие личной информации, степень щекотливости этой информации и масштаб ее дальнейшего распространения. См.: "Mobile Health and Fitness Apps: What Are the Privacy Risks?" *Privacy Rights Clearinghouse*, July 1, 2013, https://www.privacyrights.org/consumer-guides/mobile-health-and-fitness-apps-what-are-privacy-risks; Bruno M. Silva et al., "A Data Encryption Solution for Mobile Health Apps in Cooperation Environments," *Journal of Medical Internet Research* 15, no. 4 (2013): e66, https://doi.org/10.2196/jmir.2498; Miloslava Plachkinova, Steven Andres, and Samir Chatterjee, "A Taxonomy of MHealth Apps — Security and Privacy Concerns," 48th Hawaii International Conference on System Sciences, 2015, 3187–3196; Soumitra S. Bhuyan et al., "Privacy and Security Issues in Mobile Health: Current Research and Future Directions," *Health Policy and Technology*, January 2017, https://doi.org/10.1016/j.hlpt.2017.01.004; Borja Martínez-Pérez, Isabel de la Torre-Díez, and Miguel López-Coronado, "Privacy and Security in Mobile Health Apps: A Review and Recommendations," *Journal of Medical Systems* 39, no. 1 (2015: 1–8, https://doi.org/10.1007/s10916-014-0181-3.

51 Andrew Hilts, Christopher Parsons, and Jeffrey Knockel, "Every Step You Fake: A Comparative Analysis of Fitness Tracker Privacy and Security," *Open Effect*, 2016, https://openeffect.ca/fitness-trackers.

52 Sarah R. Blenner et al., "Privacy Policies of Android Diabetes Apps and Sharing of Health Information," *JAMA* 315, no. 10 (2016): 1051–1052, https://doi.org/10.1001/jama.2015.19426 (выделено мной. — *Ш. З.*).

53 Erin Marine, "Biometric Privacy Laws: Illinois and the Fight Against Intrusive Tech," Fordham Law School, March 29, 2018, https://news.law.fordham.edu/jcfl/2018/03/20/biometric-privacy-laws-illinois-and-the-fight-against-intrusive-tech.

54 Jared Bennett, "Saving Face: Facebook Wants Access Without Limits," *Center for Public Integrity*, July 31, 2017, https://www.publicintegrity.org/2017/07/31/21027/saving-face-facebook-wants-access-without-limits.

55 Allan Holmes and Jared Bennett, "Why Mark Zuckerberg's Senate Hearing Could Mean Little for Facebook's Privacy Reform," *Center for Public Integrity*, April 10, 2018, https://www.publicintegrity.org/2018/04/10/21665/why-mark-zuckerbergs-senate-hearing-could-mean-little-facebooks-privacy-reform.

56 Bennett, "Saving Face".

57 Yaniv Taigman et al., "DeepFace: Closing the Gap to Human-Level Performance in Face Verification," *Facebook Research*, April 14, 2018, https://research.fb.com/publications/deepface-closing-the-gap-to-human-level-performance-in-face-verification.

58 Aviva Rutkin, "Facebook Can Recognise You in Photos Even If You're Not Looking," *New Scientist*, April 14, 2018, https://www.newscientist.com/article/dn27761-facebook-can-recognise-you-in-photos-even-if-youre-not-looking.

59 Bennett, "Saving Face," 13; April Glaser, "Facebook Is Using an 'NRA Approach' to Defend Its Creepy Facial Recognition Programs," *Slate*, August 4, 2017, http://www.slate.com/blogs/future_tense/2017/08/04/facebook_is_fighting_biometric_facial_recognition_privacy_laws.html; Kartikay Mehrotra, "Tech Companies Are Pushing Back Against Biometric Privacy Laws," *Bloomberg.com*, July 20, 2017, https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-20/tech-companies-are-pushing-back-against-biometric-privacy-laws; Ally Marotti, "Proposed Changes to Illinois' Biometric Law Concern Privacy Advocates," *Chicago Tribune*, April 13, 2018, http://www.chicagotribune.com/business/ct-biz-illinois-biometrics-bills-20180409-story.html.

60 Kashmir Hill, "You're Being Secretly Tracked with Facial Recognition, Even in Church," *Splinter*, April 14, 2018, https://splinternews.com/youre-being-secretly-tracked-with-facial-recognition-e-1793848585; Robinson Meyer, "Who Owns Your Face?" *Atlantic*, July 2, 2015.

61 "Privacy Best Practice Recommendations for Commercial Facial Recognition Use," NTIA, https://www.ntia.doc.gov/files/ntia/publications/privacy_best_practices_recommendations_for_commercial_use_of_facial_recogntion.pdf.

62 Alvaro Bedoya et al., "Statement on NTIA Privacy Best Practice Recommendations for Commercial Facial Recognition Use," Consumer Federation of America, April 14, 2018, https://consumerfed.org/press_release/statement-ntia-privacy-best-practice-recommendations-commercial-facial-recognition-use.

Глава 9

1 Satya Nadella et al., "Satya Nadella: Microsoft Ignite 2016," September 26, 2016, https://news.microsoft.com/speeches/satya-nadella-microsoft-ignite-2016.

2 Hal R. Varian, "Beyond Big Data," *Business Economics* 49, no. 1 (2014): 28–29.

3 Neil McKendrick, "The Consumer Revolution of Eighteenth-Century England," in *Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*, ed. John Brewer and J. H. Plumb (Bloomington: Indiana University Press, 1982), 11.

4 Nathaniel Forster, *An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions* (London: J. Fletcher, 1767), 41.

5 Adam Smith, *The Wealth of Nations*, ed. Edwin Cannan (New York: Modern Library, 1994; Адам Смит, *Исследование о природе и причинах богатства народов* (Москва: Эксмо, 2007).

6 Lee Rainie and Janna Anderson, "The Future of Privacy: Above-and-Beyond Responses: Part 1," Pew Research Center: Internet, Science & Tech, December 18, 2014, http://www.pewinternet.org/2014/12/18/above-and-beyond-responses-part-1-2/.

7 Tom Simonite, "Google's Answer to Siri Thinks Ahead," *MIT Technology Review*, September 28, 2012, https://www.technologyreview.com/s/429345/googles-answer-to-siri-thinks-ahead; Dieter Bohn, "Google Now: Behind the Predictive Future of Search," *Verge*, October 29, 2012, http://www.theverge.com/2012/10/29/3569684/google-now-android-4-2-knowledge-graph-neural-networks.

8 *Introducing Google Now*, 2012, https://www.youtube.com/watch?v=pPqliPzHYyc; Simonite, "Google's Answer to Siri".

9 Bohn, "Google Now".

10 Drew Olanoff and Josh Constine, "Facebook Is Adding a Personal Assistant Called 'M' to Your Messenger App," *TechCrunch*, August 26, 2015, http://social.techcrunch.com/2015/08/26/facebook-is-adding-a-personal-assistant-called-m-to-your-messenger-app; Amir Efrati, "Facebook Preps 'Moneypen-

ny' Assistant," *Information*, July 13, 2015, https://www.theinformation.com/coming-soon-to-facebook-messenger-moneypenny-assistant.

11 Jessi Hempel, "Facebook Launches M, Its Bold Answer to Siri and Cortana," *Wired*, August 2015, https://www.wired.com/2015/08/facebook-launches-m-new-kind-virtual-assistant.

12 Andrew Orlowski, "Facebook Scales Back AI Flagship after Chatbots Hit 70% F-AI-Lure Rate," *Register*, February 22, 2017, https://www.theregister.co.uk/2017/02/22/facebook_ai_fail/.

13 Cory Weinberg, "How Messenger and 'M' Are Shifting Gears," *Information*, February 22, 2017, https://www.theinformation.com/how-messenger-and-m-are-shifting-gears.

14 К примеру, в меморандуме Федерального резервного банка Канзас-сити за 2004 г. «распознавание голоса» рассматривается как серьезная угроза показателям занятости в будущем: «Достижения в области технологий распознавания голоса, экспертных систем и искусственного интеллекта могут привести к тому, что компьютеры будут справляться со многими задачами в области обслуживания клиентов и возможно даже с рутинными рентгеновскими обследованиями». См: C. Alan Garner, "Offshoring in the Service Sector: Economic Impact and Policy Issues," *Economic Review* 89, no. 3 (2004): 5–37. Ту же тему поднимает часто цитируемое исследование технологической безработицы Фрея и Осборна 2013 г.: «Больше того, компания под названием Smart Action теперь предлагает решения для компьютеризации телефонных звонков с использованием технологии ML и усовершенствованного распознавания речи, что означает шаг вперед в сравнении с традиционными системами интерактивного голосового ответа, обеспечивая экономию затрат от 60 до 80% по сравнению с аутсорсинговым колл-центром, основанным на человеческом труде». См.: Carl Benedikt Frey and Michael Osborne, "The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?" *Technological Forecasting and Social Change* 114 (2013): 254–280. См. также контрольное исследование: Philipp Brandes, Roger Wattenhofer, and Stefan Schmid, "Which Tasks of a Job Are Susceptible to Computerization?" *Bulletin of EATCS* 3, no. 120 (2016), http://bulletin.eatcs.org/index.php/beatcs/article/view/467.

15 "Dave Limp, Exec Behind Amazon's Alexa: Full Transcript of Interview," *Fortune*, July 14, 2016, http://fortune.com/2016/07/14/amazon-alexa-david-limp-transcript.

16 См.: Matthew Lynley, "Google Unveils Google Assistant, a Virtual Assistant That's a Big Upgrade to Google Now," *TechCrunch*, May 18, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/05/18/google-unveils-google-assistant-a-big-upgrade-to-google-now. См. также: Minda Smiley, "Google I/O Conference: Three Takeaways for Marketers," *Drum*, May 19, 2016, http://www.thedrum.com/news/2016/05/19/google-io-conference-three-takeaways-marketers. Речь Пичаи см. в: Sundar Pichai, "Google I/O 2016 Keynote," *Singju Post*, May 20, 2016, http://singjupost.com/google-io-2016-keynote-full-transcript.

17 Pichai, "Google I/O 2016 Keynote".

18 Ibid.

19 Jing Cao and Dina Bass, "Why Google, Microsoft and Amazon Love the Sound of Your Voice," *Bloomberg Businessweek*, December 13, 2016, https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-13/why-google-microsoft-and-amazon-love-the-sound-of-your-voice.

20 A. J. Dellinger, "I Took a Job Listening to Your Siri Conversations," *Daily Dot*, March 2, 2015, https://www.dailydot.com/debug/siri-google-now-cortana-conversations.

21 "Global Smart Appliances Market 2016–2020," *Technavio*, April 10, 2017, https://www.technavio.com/report/global-home-kitchen-and-large-appliances-global-smart-appliances-market-2016-2020; Adi Narayan, "Samsung Wants to Put Your Home on a Remote," *BusinessWeek: Technology*, December 11, 2014.

22 Alex Hern, "Samsung Rejects Concern over 'Orwellian' Privacy Policy," *Guardian*, February 9, 2015, http://www.theguardian.com/technology/2015/feb/09/samsung-rejects-concern-over-orwellian-privacy-policy.
23 Hern, "Samsung Rejects Concern".
24 Electronic Privacy Information Center, "EPIC — Samsung 'SmartTV' Complaint," *EPIC.org*, May 9, 2017, https://epic.org/privacy/internet/ftc/samsung/.
25 "EPIC — Samsung 'SmartTV' Complaint," EPIC.org, May 9, 2017, https://epic.org/privacy/internet/ftc/samsung; "Samsung Privacy Policy," Samsung, February 10, 2015, http://www.samsung.com/us/common/privacy.html; "Nuance Communications, Inc. Privacy Policy General Information," Nuance, December 2015, https://www.nuance.com/about-us/company-policies/privacy-policies.html.
26 Committee on Privacy and Consumer Protection, "Connected Televisions," Pub. L. No. 1116, § 35, 22948.20–2298.25, 2015, https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201520160AB1116.
27 Megan Wollerton, "Voice Control Comes to the Forefront of the Smart Home," *CNET*, December 1, 2014, https://www.cnet.com/news/voice-control-roundup; David Katzmaier, "Think Smart TV Is Dumb? Samsung Aims to Change Your Mind by Controlling Your Gear," *CNET*, April 14, 2016, https://www.cnet.com/news/think-smart-tv-is-dumb-samsung-aims-to-change-your-mind-by-controlling-your-gear; David Pierce, "Soon, You'll Be Able to Control Every Corner of Your Smart Home with a Single Universal Remote," *Wired*, January 7, 2016, https://www.wired.com/2016/01/smart-home-universal-remote.
28 "VIZIO to Pay $2.2 Million to FTC, State of New Jersey to Settle Charges It Collected Viewing Histories on 11 Million Smart Televisions Without Users' Consent," Federal Trade Commission, February 6, 2017, https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2017/02/vizio-pay-22-million-ftc-state-new-jersey-settle-charges-it; Nick Visser, "Vizio to Pay Millions After Secretly Spying on Customers, Selling Viewer Data," *Huffington Post*, February 7, 2017, https://www.huffingtonpost.com/entry/vizio-settlement_us_589962dee4b0c1284f27e534.
29 Lesley Fair, "What Vizio Was Doing Behind the TV Screen," Federal Trade Commission, February 6, 2017, https://www.ftc.gov/news-events/blogs/business-blog/2017/02/what-vizio-was-doing-behind-tv-screen.
30 Maureen K. Ohlhausen, "Concurring Statement of Acting Chairman Maureen K. Ohlhausen — In the Matter of Vizio, Inc. — Matter No. 1623024," Federal Trade Commission, February 6, 2017, https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/1070773/vizio_concurring_statement_of_chairman_ohlhausen_2-6-17.pdf.
31 EPIC.org, "Federal Trade Commission — In the Matter of Genesis Toys and Nuance Communications — Complaint and Request for Investigation, Injunction and Other Relief," December 6, 2016, https://epic.org/privacy/kids/EPIC-IPR-FTC-Genesis-Complaint.pdf; Kate Cox, "These Toys Don't Just Listen to Your Kid; They Send What They Hear to a Defense Contractor," *Consumerist*, December 6, 2016, https://consumerist.com/2016/12/06/these-toys-dont-just-listen-to-your-kid-they-send-what-they-hear-to-a-defense-contractor.
32 "Federal Trade Commission — In the Matter of Genesis Toys".
33 "Federal Trade Commission — In the Matter of Genesis Toys". См. также Jiri Havelka and Raimo Bakis, Systems and methods for facilitating communication using an interactive communication system, US20170013124 A1, filed July 6,2015, and issued January 12, 2017, http://www.google.com/patents/US20170013124.
34 James Vlahos, "Barbie Wants to Get to Know Your Child," *New York Times*, September 16, 2015, http://www.nytimes.com/2015/09/20/magazine/barbie-wants-to-get-to-know-your-child.html?action=click&pgtype=Homepage&module=photo-spot-region&region=top-news&WT.nav=top-news; Evie Nagy, "After the Fracas Over Hello Barbie, ToyTalk Responds to Its Critics," *Fast Company*, May 23, 2015, https://www.fastcompany.com/3045676/after-the-fracas-over-hello-bar-

bie-toytalk-responds-to-its-critics; Mike Krieger, "Big Barbie Is Watching You: Meet the WiFi-Connected Doll That Talks to Your Kids& Records Them," *Zero Hedge*, January 7, 2013, http://www.zerohedge.com/news/2015-02-23/big-barbie-watching-you-meet-wifi-connected-doll-talks-your-kids-records-them; Issie Lapowsky, "Pixar Vets Reinvent Speech Recognition So It Works for Kids," *Wired*, September 25, 2014, https://www.wired.com/2014/09/toytalk; Tim Moynihan, "Barbie Has a New Super-Dope Dreamhouse That's Voice-Activated and Connected to the Internet," *Wired*, September 15, 2016, https://www.wired.com/2016/09/barbies-new-smart-home-crushing-hard; Irina D. Manta and David S. Olson, "Hello Barbie: First They Will Monitor You, Then They Will Discriminate Against You. Perfectly," *Alabama Law Review* 135, no. 67 (2015), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2578815. См. также: "ToyTalk | Legal | Hello Barbie/Barbie Hello Dreamhouse Privacy Policy," *ToyTalk*, March 30, 2017, https://www.toytalk.com/hellobarbie/privacy.

35 Moynihan, "Barbie Has a New Super-Dope Dreamhouse".

36 Paul Ziobro and Joann S. Lublin, "Mattel Finds Its New CEO at Google," *Wall Street Journal*, January 18, 2017.

37 James Vincent, "German Watchdog Tells Parents to Destroy Wi-Fi–Connected Doll Over Surveillance Fears," *Verge*, February 17, 2017, http://www.theverge.com/2017/2/17/14647280/talking-doll-hack-cayla-german-government-ban; Thomas Claburn, "Smash Up Your Kid's Bluetooth-Connected Cayla 'Surveillance' Doll, Germany Urges Parents," *Register*, February 17, 2017, https://www.theregister.co.uk/2017/02/17/cayla_doll_banned_in_germany; Hayley Tsukayama, "Mattel Has Canceled Plans for a Kid-Focused AI Device That Drew Privacy Concerns," *Washington Post*, October 4, 2017, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2017/10/04/mattel-has-an-ai-device-to-soothe-babies-experts-are-begging-them-not-to-sell-it.

38 Frank Pasquale, "Will Amazon Take Over the World?" *Boston Review*, July 20, 2017, https://bostonreview.net/class-inequality/frank-pasquale-will-amazon-take-over-world; Lina M. Khan, "Amazon's Antitrust Paradox," April 16, 2018, https://www.yalelawjournal.org/note/amazons-antitrust-paradox.

39 Kevin McLaughlin et al., "Bezos Ordered Alexa App Push," *Information*, November 16, 2016, https://www.theinformation.com/bezos-ordered-alexa-app-push; "The Real Reasons That Amazon's Alexa May Become the Go-To AI for the Home," *Fast Company*, April 8, 2016, https://www.fastcompany.com/3058721/app-economy/the-real-reasons-that-amazons-alexa-may-become-the-go-to-ai-for-the-home; "Amazon Lex — Build Conversation Bots," Amazon Web Services, February 24, 2017, https//aws.amazon.com/lex.

40 "Dave Limp, Exec Behind Amazon's Alexa".

41 Aaron Tilley and Priya Anand, "Apple Loses Ground to Amazon in Smart Home Deals with Builders," *Information*, April 16, 2018, https://www.theinformation.com/articles/apple-loses-ground-to-amazon-in-smart-home-deals-with-builders.

42 Sapna Maheshwari, "Hey, Alexa, What Can You Hear? And What Will You Do with It?" *New York Times*, March 31, 2018, https://www.nytimes.com/2018/03/31/business/media/amazon-google-privacy-digital-assistants.html.

43 Alex Hern, "Amazon to Release Alexa-Powered Smart glasses, Reports Say," *Guardian*, September 20, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/sep/20/amazon-alexa-smartglasses-google-glass-snapchat-spectacles-voice-assistant; Scott Gillum, "Why Amazon Is the New Google for Buying," *MediaInsider*, September 14, 2017, https://www.mediapost.com/publications/article/307348/why-amazon-is-the-new-google-for-buying.html; Mike Shields, "Amazon Looms Quietly in Digital Ad Landscape," *Wall Street Journal*, October 6, 2016, http://www.wsj.com/articles/amazon-looms-quietly-in-digital-ad-landscape-1475782113.

44 Keith Naughton and Spencer Soper, "Alexa, Take the Wheel: Ford Models to Put Amazon in Driver Seat," *Bloomberg.com*, January 5, 2017, https://www.bloomberg.

com/news/articles/2017-01-05/steering-wheel-shopping-arrives-as-alexa-hitches-ride-with-ford; Ryan Knutson and Laura Stevens, "Amazon and Google Consider Turning Smart Speakers into Home Phones," *Wall Street Journal*, February 15, 2017, https://www.wsj.com/articles/amazon-google-dial-up-plans-to-turn-smart-speakers-into-home-phones-1487154781;Kevin McLaughlin, "AWS Takes Aim at Call Center Industry," *Information*, February 28, 2017, https://www.theinformation.com/aws-takes-aim-at-call-center-industry.

45 Lucas Matney, "Siri-Creator Shows Off First Public Demo of Viv, 'The Intelligent Interface for Everything,'" *TechCrunch*, http://social.techcrunch.com/2016/05/09/siri-creator-shows-off-first-public-demo-of-viv-the-intelligent-interface-for-everything.

46 Shoshana Zuboff, *In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power* (New York: Basic, 1988), 381.

47 Ibid., 362–386.

48 Ibid., 383.

49 «Мамаша Белл» (Ma Bell) — устаревшее прозвище группы компаний, связанных с The Bell Telephone Company, долгое время монополизировавших рынок телефонной связи в США. — *Прим. пер.*

50 С 1980-х гг. пятифакторная модель стала стандартом, потому что легко поддается количественному анализу. Модель основана на таксономии личностных черт в пяти измерениях: экстраверсия (общительность и энергичность, поиск стимуляции в компании других), доброжелательность (теплота, сострадание и готовность помочь), добросовестность (склонность проявлять самодисциплину, организованность и целеустремленность), невротизм (подверженность негативным эмоциям) и открытость к опыту (склонность к интеллектуальному любопытству, творческому подходу и открытости к новым чувствам).

51 Jennifer Golbeck, Cristina Robles, and Karen Turner, "Predicting Personality with Social Media," in *CHI '11 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*, CHI EA '11 (New York: ACM, 2011), 253–262.

52 Jennifer Golbeck, Cristina Robles, Michon Edmondson, and Karen Turner, "Predicting Personality from Twitter," in *2011 IEEE Third International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2011 IEEE Third International Conference on Social Computing (PASSAT-SocialCom 2011)*, ed. Institute of Electrical and Electronics Engineers and Computer Society (Boston: IEEE, 2011).

53 Golbeck, Robles, and Turner, "Predicting Personality with Social Media".

54 Daniele Quercia et al., "Our Twitter Profiles, Our Selves: Predicting Personality with Twitter," IEEE, 2011, 180–185.

55 С 2010 г. Центр психометрических исследований стал «сетью стратегических исследований» в рамках Кембриджского университета, имеющей исследовательские альянсы с представителями различных дисциплин университета. Поскольку все более заметные результаты работы этой группы втянулись в орбиту операций надзорного капитализм, стоит отметить, что Центр получил приглашение перейти под эгиду университетской бизнес-школы. Приглашение со стороны бизнес-школы было напрямую связано с коммерческими перспективами Центра и, прежде всего, с перспективами в области глубинного излишка и прогнозирования личности, поскольку их можно применить к прогнозным нуждам надзорного капитализма. Так, объявляя об интеграции центра в кампус и исследовательскую программу бизнес-школы, ее директор отметил: «Сегодня цифровые следы, которые мы оставляем за собой, позволяют машинам воспринимать всю нашу онлайн-деятельность как „тест“. Наши лайки в Facebook, слова, которые мы используем в твитах и электронных письмах, загружаемые нами картинки — все это дает „элементы“, по которым машина может понять, кто мы, что нами движет и мотивирует нас и чем мы отличаемся

друг от друга. Психометрия находится на переднем крае разработок в области интеллектуального окружения и интернета вещей, питая подключенную к интернету среду, чувствительную к нашим нуждам и реагирующую на них». Директор по развитию бизнес-школы поделился еще более конкретными замечаниями относительно непосредственной коммерческой ценности данных, некогда создававшихся исключительно ради возможностей личной обратной связи: «Опыт Центра в оценке, измерении и прогнозировании расширит возможности бизнес-школы Кембриджского университета в плане освоения новых рубежей создания стоимости для нашей глобальной клиентской сети. Мы будем <…> оказывать поддержку мирового уровня в решении некоторых из самых захватывающих задач современного бизнеса…» См.: "Psychometrics Centre Moves to Cambridge Judge Business School — the Psychometrics Centre," University of Cambridge, July 19, 2016, http://www.psychometrics.cam.ac.uk/news/Move_to_JBS; "Dr David Stillwell, Deputy Director — the Psychometrics Centre," March 9, 2017, http://www.psychometrics.cam.ac.uk/about-us/directory/david-stillwell.

56 Bobbie Johnson, "Privacy No Longer a Social Norm, Says Facebook Founder," *Guardian*, January 10, 2010, https://www.theguardian.com/technology/2010/jan/11/facebook-privacy.

57 Yoram Bachrach et al., "Personality and Patterns of Facebook Usage," *Microsoft Research*, January 1, 2012, https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/personality-and-patterns-of-facebook-usage.

58 Michal Kosinski, David Stillwell, and Thore Graepel, "Private Traits and Attributes Are Predictable from Digital Records of Human Behavior," *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 110, no. 15 (2013): 5802–5805.

59 G. Park et al., "Automatic Personality Assessment Through Social Media Language," *Journal of Personality and Social Psychology* 108, no. 6 (2015): 934–952.

60 Michal Kosinski et al., "Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes," *Stanford Graduate School of Business* 21, no. 4 (2016): 1; Michal Kosinski, "Dr Michal Kosinski," February 28, 2018, http://www.michalkosinski.com.

61 Park et al., "Automatic Personality Assessment". См. также: Peter J. Rentfrow et al., "Divided We Stand: Three Psychological Regions of the United States and Their Political, Economic, Social, and Health Correlates," *Journal of Personality and Social Psychology* 105, no. 6 (2013): 996–1012; Dejan Markovikj, Sonja Gievska, Michal Kosinski, and David Stillwell, "Mining Facebook Data for Predictive Personality Modeling," *Association for the Advancement of Artificial Intelligence*, 2013, https://www.gsb.stanford.edu/sites/gsb/files/conf-presentations/miningfacebook.pdf; H. Andrew Schwartz et al., "Predicting Individual Well-Being Through the Language of Social Media," in *Biocomputing 2016: Proceedings of the Pacific Symposium*, 2016, 516–527; H. Andrew Schwartz et al., "Extracting Human Temporal Orientation from Facebook Language," *Proceedings of the 2015 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*, 2015, http://www.academia.edu/15692796/Extracting_Human_Temporal_Orientation_from_Facebook_Language; David M. Greenberg et al., "The Song Is You: Preferences for Musical Attribute Dimensions Reflect Personality, "*Social Psychological and Personality Science* 7, no. 6 (2016): 597–605; Michal Kosinski, David Stillwell, and Thore Graepel, "Private Traits and Attributes Are Predictable from Digital Records of Human Behavior," *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 110, no. 15 (2013): 5802–5805.

62 Wu Youyou, Michal Kosinski, and David Stillwell, "Computer-Based Personality Judgments Are More Accurate Than Those Made by Humans," *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112, no. 4 (2015): 1036–1040.

63 Tsung-Yi Chen, Meng-Che Tsai, and Yuh-Min Chen, "A User's Personality Prediction Approach by Mining Network Interaction Behaviors on Facebook," *Online Information Review* 40, no. 7 (2016): 913–937.

64 Sam Biddle, "Facebook Uses Artificial Intelligence to Predict Your Future Actions for Advertisers, Says Confidential Document," *Intercept*, April 13, 2018, https://theintercept.com/2018/04/13/facebook-advertising-data-artificial-intelligence-ai.

65 Пятифакторная модель популярна отчасти потому, что легко поддается оценке с помощью простых протоколов. Личностные черты, которые он описывает, имеют очевидную валидность: соответствуют здравому смыслу и легко наблюдаемы. Например, человек хорошо организованный, вероятно, получит высокий результат по шкале добросовестности. Тот, кто любит находиться в окружении группы друзей, скорее всего, получит высокие баллы за экстраверсию и так далее. Точно так же Косински и его соавторы указывают на тесную связь между «лайками» в Facebook и пятью факторами из модели: «Участники с высокой открытостью к опыту обычно „лайкают" Сальвадора Дали, медитацию или TED talks...». Эти корреляции очевидны и поэтому их легко оценивать, программировать и масштабировать. Люди не могут конкурировать в плане масштаба, зато превосходят машины по охвату. Косински и его коллеги знают об этом, допуская, что человеческое восприятие «гибко» и «способно улавливать многие подсознательные сигналы, недоступные машинам». См.: Youyou, Kosinski, and Stillwell, "Computer-Based Personality Judgments Are More Accurate".

66 CaPPr, *Interview with Michal Kosinski on Personality and Facebook Likes*, May 20, 2015, https://www.youtube.com/watch?v=pJGuWKqwYRk.

67 Leqi Liu et al., "Analyzing Personality Through Social Media Profile Picture Choice," *Association for the Advancement of Artificial Intelligence*, 2016, https://sites.sas.upenn.edu/sites/default/files/danielpr/files/persimages16icwsm.pdf; Sharath Chandra Guntuku et al., "Do Others Perceive You as You Want Them To? Modeling Personality Based on Selfies," in *Proceedings of the 1st International Workshop on Affect & Sentiment in Multimedia*, ASM '15 (New York: ACM, 2015), 21–26; Bruce Ferwerda, Markus Schedl, and Marko Tkalcic, "Using Instagram Picture Features to Predict Users' Personality," in *MultiMedia Modeling* (Cham, Switzerland: Springer, 2016), 850–61, https://doi.org/10.1007/978-3-319-27671-7_71; Golbeck, Robles, and Turner, "Predicting Personality with Social Media"; Chen, Tsai, and Chen, "A User's Personality Prediction Approach"; Schwartz et al., "Predicting Individual Well-Being".

68 CaPPr, *Interview with Michal Kosinski*.

69 "IBM Cloud Makes Hybrid a Reality for the Enterprise," IBM, February 23, 2015, https://www-03.ibm.com/press/us/en/pressrelease/46136.wss.

70 "IBM Watson Personality Insights," IBM Watson Developer Cloud, October 14, 2017, https://personality-insights-livedemo.mybluemix.net; "IBM Personality Insights — Needs," IBM Watson Developer Cloud, October 14, 2017, https://console.bluemix.net/docs/services/personality-insights/needs.html#needs; "IBM Personality Insights — Values," IBM Watson Developer Cloud, October 14, 2017, https://console.bluemix.net/docs/services/personality-insights/values.html#values.

71 "IBM Personality Insights — Use Cases," IBM Cloud Docs, November 8, 2017, https://console.bluemix.net/docs/services/personality-insights/usecases.html#usecases.

72 См.: Vibha Sinha, "Personality of Your Agent Matters — an Empirical Study on Twitter Conversations — Watson Dev," *Watson*, November 3, 2016, https://developer.ibm.com/watson/blog/2016/11/03/personality-of-your-agent-matters-an-empirical-study-on-twitter-conversations. В исследовании, проведенном с участием брокера данных Acxiom, две эти гигантские корпорации

решили определить, позволяют ли личностные находки IBM более точно прогнозировать предпочтения в потреблении, чем более стандартная демографическая информация, собранная брокерами данных. Результаты были положительными. После изучения 133 потребительских предпочтений около 785 000 человек в США, добавление личностных данных улучшило точность прогноза для 115 предпочтений (86,5%). Прогнозирование на основе одних только личностных данных оказалось более точным, чем прогнозы по демографическим данным, для 23 из этих предпочтений. Исследователи отмечают с определенным энтузиазмом, что в 61% случаев «личностные находки» Ватсона могут точно предсказать определенные категории предпочтений, такие как «кемпинг/пеший туризм», «без получения каких-либо данных от пользователя». Они признают, что доход человека также является мощным предиктором потребления, но жалуются, что информация о доходах «очень щепетильна» и «трудна для сбора» по сравнению с личностными данными, которые «можно извлечь непосредственно из профиля человека в социальных сетях». См.: IBM-Acxiom, "Improving Consumer Consumption Preference Prediction Accuracy with Personality Insights," March 2016, https://www.ibm.com/watson/developercloud/doc/personality-insights/applied.shtml.

73 IBM-Acxiom, "Improving Consumer Consumption Preference Prediction Accuracy".

74 "Social Media Analytics," Xerox Research Center Europe, April 3, 2017, http://www.xrce.xerox.com/Our-Research/Natural-Language-Processing/Social-Media-Analytics; Amy Webb, "8 Tech Trends to Watch in 2016," *Harvard Business Review*, December 8, 2015, https://hbr.org/2015/12/8-tech-trends-to-watch-in-2016; Christina Crowell, "Machines That Talk to Us May Soon Sense Our Feelings, Too," *Scientific American*, June 24, 2016, https://www.scientificamerican.com/article/machines-that-talk-to-us-may-soon-sense-our-feelings-too; R. G. Conlee, "How Automation and Analytics Are Changing Customer Care," *Conduent Blog*, July 18, 2016, https://www.blogs.conduent.com/2016/07/18/how-automation-and-analytics-are-changing-customer-care;Ryan Knutson, "Call Centers May Know a Surprising Amount About You," *Wall Street Journal*, January 6, 2017, http://www.wsj.com/articles/that-anonymous-voice-at-the-call-center-they-may-know-a-lot-about-you-1483698608.

75 Nicholas Confessore and Danny Hakim, "Bold Promises Fade to Doubts for a Trump-Linked Data Firm," *New York Times*, March 6, 2017, https://www.nytimes.com/2017/03/06/us/politics/cambridge-analytica.html; Mary-Ann Russon, "Political Revolution: How Big Data Won the US Presidency for Donald Trump," *International Business Times UK*, January 20, 2017, http://www.ibtimes.co.uk/political-revolution-how-big-data-won-us-presidency-donald-trump-1602269; Grassegger and Krogerus, "The Data That Turned the World Upside Down"; Carole Cadwalladr, "Revealed: How US Billionaire Helped to Back Brexit," *Guardian*, February 25, 2017, https://www.theguardian.com/politics/2017/feb/26/us-billionaire-mercer-helped-back-brexit; Paul-Olivier Dehaye, "The (Dis)Information Mercenaries Now Controlling Trump's Databases," *Medium*, January 3, 2017, https://medium.com/personaldata-io/the-dis-information-mercenaries-now-controlling-trumps-databases-4f6a20d4f3e7; Harry Davies, "Ted Cruz Using Firm That Harvested Data on Millions of Unwitting Facebook Users," *Guardian*, December 11, 2015, https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/11/senator-ted-cruz-president-campaign-facebook-user-data.

76 Concordia, *The Power of Big Data and Psychographics*, 2016, https://www.youtube.com/watch?v=n8Dd5aVXLCc.

77 См.: "Speak the Customer's Language with Behavioral Microtargeting," *Dealer Marketing*, December 1, 2016, http://www.dealermarketing.com/speak-the-customers-language-with-behavioral-microtargeting.

78 Sam Biddle, "Facebook Uses Artificial Intelligence to Predict Your Future Actions for Advertisers, Says Confidential Document," *Intercept*, April 13, 2018, https://theintercept.com/2018/04/13/facebook-advertising-data-artificial-intelligence-ai/.

79 "Introducing FB Flow: Facebook's AI Backbone," Jeffrey Dunn, Facebook Code, May 9, 2016, https://code.facebook.com/posts/107262624613461/introducing-fblearner-flow-facebook-s-ai-backbone.

80 Andy Kroll, "Cloak and Data: The Real Story Behind Cambridge Analytica's Rise and Fall," *Mother Jones*, March 24, 2018, https://www.motherjones.com/politics/2018/03/cloak-and-data-cambridge-analytica-robert-mercer.

81 Carole Cadwalladr, "'I Made Steve Bannon's Psychological Warfare Tool': Meet the Data War Whistleblower," *Guardian*, March 18, 2018, http://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/data-war-whistleblower-christopher-wylie-faceook-nix-bannon-trump; Kroll, "Cloak and Data".

82 Matthew Rosenberg, Nicholas Confessore, and Carole Cadwalladr, "How Trump Consultants Exploited the Facebook Data of Millions," *New York Times*, March 17, 2018, https://www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-trump-campaign.html; Emma Graham-Harrison and Carole Cadwalladr, "Revealed: 50 Million Facebook Profiles Harvested for Cambridge Analytica in Major Data Breach," *Guardian*, March 17, 2018, http://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election; Julia Carrie Wong and Paul Lewis, "Facebook Gave Data About 57bn Friendships to Academic," *Guardian*, March 22, 2018, http://www.theguardian.com/news/2018/mar/22/facebook-gave-data-about-57bn-friendships-to-academic-aleksandr-kogan; Olivia Solon, "Facebook Says Cambridge Analytica May Have Gained 37m More Users' Data," *Guardian*, April 4, 2018, http://www.theguardian.com/technology/2018/apr/04/facebook-cambridge-analytica-user-data-latest-more-than-thought.

83 Paul Lewis and Julia Carrie Wong, "Facebook Employs Psychologist Whose Firm Sold Data to Cambridge Analytica," *Guardian*, March 18, 2018, http://www.theguardian.com/news/2018/mar/18/facebook-cambridge-analytica-joseph-chancellor-gsr.

84 Kroll, "Cloak and Data".

85 Frederik Zuiderveen Borgesius et al., "Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, February 9, 2018), https://papers.ssrn.com/abstract=3128787.

86 См.: Cadwalladr, "'I Made Steve Bannon's Psychological Warfare Tool'".

87 Charlotte McEleny, "European Commission Issues €3.6m Grant for Tech That Measures Content 'Likeability,'" *CampaignLive.co.uk*, April 20, 2015, http://www.campaignlive.co.uk/article/european-commission-issues-€36m-grant-tech-measures-content-likeability/1343366.

88 "2016 Innovation Radar Prize Winners," *Digital Single Market*, September 26,2016, https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/2016-innovation-radar-prize-winners.

89 "Affective Computing Market — Global Industry Analysis, Size, Share, Growth, Trends and Forecast 2015–2023," *Transparency Market Research*, 2017, http://www.transparencymarketresearch.com/affective-computing-market.html.

90 Patrick Mannion, " Facial-Recognition Sensors Adapt to Track Emotions, Mood, and Stress," *EDN*, March 3, 2016, http://www.edn.com/electronics-blogs/sensor-ee-perception/4441565/Facial-recognition-sensors-adapt-to-track-emotions—mood—and-stress; "Marketers, Welcome to the World of Emotional Analytics," *MarTech Today*, January 12, 2016, https://martechtoday.com/marketers-welcome-to-the-world-of-emotional-analytics-159152; Ben Virdee-Chapman, "5 Companies Using Facial Recognition to Change the World," *Kairos*,

May 26, 2016, https://www.kairos.com/blog/5-companies-using-facial-recognition-to-change-the-world; "Affectiva Announces New Facial Coding Solution for Qualitative Research," *Affectiva*, May 7, 2014, https://web-beta.archive.org/web/20160625173829/http://www.affectiva.com/news/affectiva-announces-new-facial-coding-solution-for-qualitative-research; Ahmad Jalal, Shaharyar Kamal, and Daijin Kim, "Human Depth Sensors-Based Activity Recognition Using Spatiotemporal Features and Hidden Markov Model for Smart Environments," *Journal of Computer Networks and Communications* (2016), https://doi.org/10.1155/2016/8087545; M. Kakarla and G. R. M. Reddy, "A Real Time Facial Emotion Recognition Using Depth Sensor and Interfacing with Second Life Based Virtual 3D Avatar," in *International Conference on Recent Advances and Innovations in Engineering (ICRAIE-2014)*, 2014, 1–7.

91 "Sewa Project: Automatic Sentiment Analysis in the Wild," SEWA, April 25, 2017, https://sewaproject.eu/description.

92 Mihkel Jäätma, "Realeyes — Emotion Measurement," Realeyes Data Services, 2016, https://www.realeyesit.com/Media/Default/Whitepaper/Realeyes_Whitepaper.pdf.

93 Mihkel Jäätma, "Realeyes — Emotion Measurement".

94 Alex Browne, "Realeyes — Play Your Audience Emotions to Stay on Top of the Game," Realeyes, February 21, 2017, https://www.realeyesit.com/blog/play-your-audience-emotions.

95 "Realeyes — Emotions," Realeyes, April 2, 2017, https://www.realeyesit.com/emotions.

96 "See What Industrial Advisors Think About SEWA," SEWA, April 24, 2017, https://sewaproject.eu/qa#ElissaMoses.

97 Roland Marchand, *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity, 1920–1940* (Berkeley: University of California Press, 1985).

98 Среди ранних ключевых работ: Paul Ekman and Wallace V. Friesen, "The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding," *Semiotica* 1, no. 1 (1969): 49–98; Paul Ekman and Wallace V. Friesen, "Constants Across Cultures in the Face and Emotion," *Journal of Personality and Social Psychology* 17, no. 2 (1971): 124–129; P. Ekman and W. V. Friesen, "Nonverbal Leakage and Clues to Deception," *Psychiatry* 32, no. 1 (1969): 88–106; Paul Ekman, E. Richard Sorenson, and Wallace V. Friesen, "Pan-Cultural Elements in Facial Displays of Emotion," *Science* 164, no. 3875 (1969): 86–88; Paul Ekman, Wallace V. Friesen, and Silvan S. Tomkins, "Facial Affect Scoring Technique: A First Validity Study," *Semiotica* 3, no. 1 (1971): 37–58.

99 Ekman and Friesen, "Nonverbal Leakage".

100 Ekman and Friesen, "The Repertoire of Nonverbal Behavior".

101 Paul Ekman, "An Argument for Basic Emotions," *Cognition and Emotion* 6, nos. 3–4 (1992): 169–200.

102 Экман и его коллеги опубликовали статью, описывающую их собственный подход к «автоматизированному измерению выражений лица» в 1997 г., в один год с выходом книги Розалин Пикард «Аффективные вычисления»: Rosalind W. Picard, *Affective Computing* (Cambridge, MA: MIT Press, 2000).

103 Rosalind W. Picard, *Affective Computing*, Chapter 3.

104 Picard, *Affective Computing*, 244.

105 Ibid., 123–124, 136–137.

106 Barak Reuven Naveh, Techniques for emotion detection and content delivery, US20150242679 A1, filed February 25, 2014, and issued August 27, 2015, http://www.google.com/patents/US20150242679.

107 Naveh, Techniques for emotion detection and content delivery, paragraph 32.

108 "Affective Computing Market by Technology (Touch-Based and Touchless), Software (Speech Recognition, Gesture Recognition, Facial Feature Extraction, Analytics Software, & Enterprise Software), Hardware, Vertical, and Regi-

on — Forecast to 2021," *Markets and Markets*, March 2017, http://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/affective-computing-market-130730395.html.

109 Raffi Khatchadourian, "We Know How You Feel," *New Yorker*, January 19, 2015, http://www.newyorker.com/magazine/2015/01/19/know-feel.

110 Khatchadourian, "We Know How You Feel".

111 Ibid.

112 "Affectiva," *Crunchbase*, October 22, 2017, https://www.crunchbase.com/organization/affectiva.

113 Lora Kolodny, "Affectiva Raises $14 Million to Bring Apps, Robots Emotional Intelligence," *TechCrunch*, May 25, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/05/25/affectiva-raises-14-million-to-bring-apps-robots-emotional-intelligence; Rana el Kaliouby, "Emotion Technology Year in Review: Affectiva in 2016," Affectiva, December 29, 2016, http://blog.affectiva.com/emotion-technology-year-in-review-affectiva-in-2016.

114 Matthew Hutson, "Our Bots, Ourselves," *Atlantic*, March 2017, https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/03/our-bots-ourselves/513839.

115 Patrick Levy-Rosenthal, "Emoshape Announces Production of the Emotions Processing Unit II," *Emoshape | Emotions Synthesis*, January 18, 2016, http://emoshape.com/emoshape-announces-production-of-the-emotions-processing-unit-ii.

116 Tom Foster, "Ready or Not, Companies Will Soon Be Tracking Your Emotions," *Inc.com*, June 21, 2016, https://www.inc.com/magazine/201607/tom-foster/lightwave-monitor-customer-emotions.html; "Emotion as a Service," *Affectiva*, March 30, 2017, http://www.affectiva.com/product/emotion-as-a-service;"Affectiva Announces Availability of Emotion as a Service, a New Data Solution, and Version 2.0 of Its Emotion-Sensing SDK," *PR Newswire*, September 8, 2015, http://www.prnewswire.com/news-releases/affectiva-announces-availability-of-emotion-as-a-service-a-new-data-solution-and-version-20-of-its-emotion-sensing-sdk-300139001.html.

117 См.: Khatchadourian, "We Know How You Feel".

118 Jean-Paul Sartre, *Being and Nothingness*, trans. Hazel E. Barnes (New York: Washington Square, 1993), 573; Жан-Поль Сартр, *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* (Москва: Республика, 2000), с. 454–455 (перевод изменен. — *Прим. пер.*).

119 Jean-Paul Sartre, *Situations* (New York: George Braziller, 1965), 333.

120 "Kairos for Market Researchers," Kairos, March 9, 2017, https://www.kairos.com/human-analytics/market-researchers.

121 Picard, *Affective Computing*, 119, 123, 244, 123–124, 136–137. См. также Главу 4.

122 Rosalind Picard, "Towards Machines That Deny Their Maker — Lecture with Rosalind Picard," *VBG*, April 22, 2016, http://www.vbg.net/ueber-uns/agenda/termin/3075.html.

123 Joseph Weizenbaum, "Not Without Us," *ETC: A Review of General Semantics* 44, no. 1 (1987): 44–45.

Глава 10

1 Пер. А. Ситницкого.

2 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein, *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*, rev. ed. (New York: Penguin, 2009), 6; Ричард Талер и Касс Санстейн, *Nudge. Архитектура выбора* (Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017), 16.

3 Elizabeth J. Lyons et al., "Behavior Change Techniques Implemented in Electronic Lifestyle Activity Monitors: A Systematic Content Analysis," *Journal of Medical Internet Research* 16, no. 8 (2014), e192.

Экономическая теория и практика модификации поведения предполагают неизбежное присутствие интернета с его изобилием цифровых

инструментов. Группа британских исследователей опросила пятьдесят пять экспертов по поведению, чтобы составить «иерархически структурированную таксономию методов, используемых в вмешательствах по изменению поведения, которую приняли бы все». В ходе этого опроса было выявлено девяносто три различных метода изменения поведения, которые были сгруппированы в шестнадцать методологических блоков: «запланированные последствия», «вознаграждение и угроза», «повторение и подмена», «антецеденты», «ассоциации», «обратная связь и мониторинг», «целеполагание и планирование», «социальная поддержка», «сравнение поведения», «объяснение естественных последствий», «представления о себе», «сравнение результатов», «формирование знаний», «регулирование», «идентичность» и «скрытое научение».

Исследователи предупреждают, что изменение поведения — «быстро меняющаяся область». В качестве иллюстрации они отмечают, что первая такая таксономия, опубликованная всего за четыре года до того, включала в себя лишь двадцать два метода изменения поведения, многие из которых были ориентированы на индивида и требовали взаимодействия лицом к лицу и выстраивания отношений. Напротив, новейшие методики нацелены на «вмешательства на уровне групп и обществ», что говорит о переходе операций по изменению поведения к использованию новых возможностей (контекстуальный контроль, автоматизированные цифровые «подталкивания», массовое оперантное обусловливание) открываемых сетевым инструментарием, на который полагается экономия за счет действия. См. Susan Michie et al., "The Behavior Change Technique Taxonomy (v1) of 93 Hierarchically Clustered Techniques: Building an International Consensus for the Reporting of Behavior Change Interventions," *Annals of Behavioral Medicine* 46, no. 1 (2013): 81–95.

4 Hal R. Varian, "Beyond Big Data," *Business Economics* 49, no. 1 (2014): 6.

5 Varian, "Beyond Big Data," 7.

6 Robert M. Bond et al., "A 61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization," *Nature* 489, no. 7415 (2012): 295–298.

7 Bond et al., "A 61-Million-Person Experiment".

8 Andrew Ledvina, "10 Ways Facebook Is Actually the Devil," AndrewLedvina.com, July 4, 2017, http://andrewledvina.com/code/2014/07/04/10-ways-facebook-is-the-devil.html.

9 Jonathan Zittrain, "Facebook Could Decide an Election Without Anyone Ever Finding Out," *New Republic*, June 1, 2014, http://www.newrepublic.com/article/117878/information-fiduciary-solution-facebook-digital-gerrymandering; Jonathan Zittrain, "Engineering an Election," *Harvard Law Review* 127 (June 20, 2014): 335; Reed Albergotti, "Facebook Experiments Had Few Limits," *Wall Street Journal*, July 2, 2014, http://www.wsj.com/articles/facebook-experiments-had-few-limits-1404344378; Charles Arthur, "If Facebook Can Tweak Our Emotions and Make Us Vote, What Else Can It Do?" *Guardian*, June 30, 2014, https://www.theguardian.com/technology/2014/jun/30/if-facebook-can-tweak-our-emotions-and-make-us-vote-what-else-can-it-do; Sam Byford, "Facebook Offers Explanation for Controversial News Feed Psychology Experiment," *Verge*, June 29, 2014, https://www.theverge.com/2014/6/29/5855710/facebook-responds-to-psychology-research-controversy; Chris Chambers, "Facebook Fiasco: Was Cornell's Study of 'Emotional Contagion' an Ethics Breach?" *Guardian*, July 1, 2014, https://www.theguardian.com/science/head-quarters/2014/jul/01/facebook-cornell-study-emotional-contagion-ethics-breach.

10 Adam D. I. Kramer, Jamie E. Guillory, and Jeffrey T. Hancock, "Experimental Evidence of Massive-Scale Emotional Contagion Through Social Networks," *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111, no. 24 (2014): 8788–8790.

11 Kramer, Guillory, and Hancock, "Experimental Evidence of Massive-Scale Emotional Contagion".

12 Matthew R. Jordan, Dorsa Amir, and Paul Bloom, "Are Empathy and Concern Psychologically Distinct?" *Emotion* 16, no. 8 (2016): 1107–1116; Marianne Sonnby-Borgström, "Automatic Mimicry Reactions as Related to Differences in Emotional Empathy," *Scandinavian Journal of Psychology* 43, no. 5 (2002): 433–443; Rami Tolmacz, "Concern and Empathy: Two Concepts or One?" *American Journal of Psychoanalysis* 68, no. 3 (2008): 257–275; Ian E. Wickramasekera and Janet P. Szlyk, "Could Empathy Be a Predictor of Hypnotic Ability?" *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis* 51, no. 4 (2003): 390–399; E. B. Tone and E. C. Tully, "Empathy as a 'Risky Strength': A Multilevel Examination of Empathy and Risk for Internalizing Disorders," *Development and Psychopathology* 26, no. 4 (2014): 1547–1565; Ulf Dimberg and Monika Thunberg, "Empathy, Emotional Contagion, and Rapid Facial Reactions to Angry and Happy Facial Expressions: Empathy and Rapid Facial Reactions," *PsyCh Journal* 1, no. 2 (2012): 118–127; Tania Singer and Claus Lamm, "The Social Neuroscience of Empathy," *Annals of the New York Academy of Sciences* 1156 (April 1, 2009): 81–96; Douglas F. Watt, "Social Bonds and the Nature of Empathy," *Journal of Consciousness Studies* 12, nos. 8–9 (2005): 185–209.

13 Jocelyn Shu et al., "The Role of Empathy in Experiencing Vicarious Anxiety," *Journal of Experimental Psychology: General* 146, no. 8 (2017): 1164–1188; Tone and Tully, "Empathy as a 'Risky Strength'".

14 Chambers, "Facebook Fiasco"; Adrienne LaFrance, "Even the Editor of Facebook's Mood Study Thought It Was Creepy," *Atlantic*, June 28, 2014, https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/06/even-the-editor-of-facebooks-mood-study-thought-it-was-creepy/373649.

15 La France, "Even the Editor".

16 Vindu Goel, "Facebook Tinkers with Users' Emotions in News Feed Experiment, Stirring Outcry," *New York Times*, June 29, 2014, https://www.nytimes.com/2014/06/30/technology/facebook-tinkers-with-users-emotions-in-news-feed-experiment-stirring-outcry.html.

17 Albergotti, "Facebook Experiments Had Few Limits"; Chambers, "Facebook Fiasco".

18 Inder M. Verma, "Editorial Expression of Concern and Correction Regarding 'Experimental Evidence of Massive-Scale Emotional Contagion Through Social Networks,'" *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111, no. 29 (2014): 8788–8790.

19 James Grimmelmann, "Law and Ethics of Experiments on Social Media Users," *Colorado Technology Law Journal* 13 (January 1, 2015): 255.

20 Michelle N. Meyer et al., "Misjudgements Will Drive Social Trials Under-ground," *Nature* 511 (July 11, 2014): 265; Michelle Meyer, "Two Cheers for Corporate Experimentation," *Colorado Technology Law Journal* 13 (May 7, 2015): 273.

21 Darren Davidson, "Facebook Targets 'Insecure' to Sell Ads," *Australian*, May 1, 2017.

22 Antonio Garcia Martinez, *Chaos Monkeys: Obscene Fortune and Random Failure in Silicon Valley* (New York: Harper Collins, 2016); Антонио Гарсиа Мартинес, *Обезьяны в бизнесе. Как запускать проекты по лучшим стратегиям Кремниевой долины* (Москва: Эксмо, 2020).

23 Antonio Garcia-Martinez, "I'm an Ex-Facebook Exec: Don't Believe What They Tell You About Ads," *Guardian*, May 2, 2017, https://www.theguardian.com/technology/2017/may/02/facebook-executive-advertising-data-comment.

24 Dylan D. Wagner and Todd F. Heatherton, " Self-Regulation and Its Failure: The Seven Deadly Threats to Self-Regulation," in *APA Handbook of Personality and Social Psychology* (Washington, DC: American Psychological Association, 2015), 805–42, https://pdfs.semanticscholar.org/2e62/15047e3a296184c3698f3553255ffabd46c7.pdf (выделено мной. — *Ш. З.*); William M. Kelley, Dylan D. Wagner, and Todd F. Heatherton, "In Search of a Human Self-Regulation System,"

Annual Review of Neuroscience 38, no. 1 (2015): 389–411, https://doi.org/10.1146/annurev-neuro-071013-014243.

25 David Modic and Ross J. Anderson, "We Will Make You Like Our Research: The Development of a Susceptibility-to-Persuasion Scale" (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, April 28, 2014), https://papers.ssrn.com/abstract=2446971. См. также Mahesh Gopinath and Prashanth U. Nyer, "The Influence of Public Commitment on the Attitude Change Process: The Effects of Attitude Certainty, PFC and SNI" (SSRN scholarly paper, Social Science Research Network, August 29, 2007), https://papers.ssrn.com/abstract=1010562.

26 См.: Dyani Sabin, "The Secret History of 'Pokémon Go' as Told by the Game's Creator," *Inverse*, February 28, 2017, https://www.inverse.com/article/28485-pokemon-go-secret-history-google-maps-ingress-john-hanke-updates.

27 Tim Bradshaw, "The Man Who Put 'Pokémon Go' on the Map," *Financial Times*, July 27, 2016, https://www.ft.com/content/7209d7ca-49d3-11e6-8d68-72e9211e86ab.

28 Sebastian Weber and John Hanke, "Reality as a Virtual Playground," *Making Games*, January 22, 2015, http://www.makinggames.biz/feature/reality-as-a-virtual-playground,7286.html.

29 "John Hanke at SXSW 2017: We'll Announce Some New Products at the Next Event!" Pokemon GO Hub, March 10, 2017, http://web.archive.org/web/20170330220737/https://pokemongohub.net/john-hanke-sxsw-2017-well-announce-new-products-next-event.

30 Sabin, "The Secret History of 'Pokémon Go'".

31 Weber and Hanke, "Reality as a Virtual Playground".

32 См.: Hal Hodson, "Why Google's Ingress Game Is a Data Gold Mine," *New Scientist*, September 28, 2012, https://www.newscientist.com/article/mg21628936-200-why-googles-ingress-game-is-a-data-gold-mine.

33 Sabin, "The Secret History of 'Pokémon Go'".

34 Ryan Wynia, "Behavior Design Bootcamp with Stanford's Dr. BJ Fogg," *Technori*, October 19, 2012, http://technori.com/2012/10/2612-behavior-design-bootcamp; Ryan Wynia, "BJ Fogg's Behavior Design Bootcamp: Day 2," *Technori*, October 22, 2012, http://technori.com/2012/10/2613-behavior-de sign-bootcamp-day-2. Стэнфордский исследователь Б. Дж. Фогг в книге 2003 г. под названием «Технологии убеждения» (Persuasive Technology) признавал, что разработчики компьютерных игр стремятся изменять поведение людей, прибегая к обусловливанию в стиле Скиннера, и заключал, что «хорошо устроенная игра и эффективное оперантное обусловливание идут рука об руку»: B. J. Fogg, *Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do* (San Francisco, USA: Morgan Kaufmann, 2002), 51.

35 Kevin Werbach, "(Re)Defining Gamification: A Process Approach," in *Persuasive Technology*, Lecture Notes in Computer Science, International Conference on Persuasive Technology (Cham, Switzerland: Springer, 2014), 266–272; Kevin Werbach and Dan Hunter, *For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business* (Philadelphia: Wharton Digital Press, 2012).

36 Michael Sailer et al., "How Gamification Motivates: An Experimental Study of the Effects of Specific Game Design Elements on Psychological Need Satisfaction," *Computers in Human Behavior* 69 (April 2017): 371–380; J. Hamari, J. Koivisto, and H. Sarsa, "Does Gamification Work?— a Literature Review of Empirical Studies on Gamification," in *47th Hawaii International Conference on System Sciences*, 2014, 3025–3034; Carina Soledad González and Alberto Mora Carreño, "Methodological Proposal for Gamification in the Computer Engineering Teaching," *2014 International Symposium on Computers in Education (SIIE)*, 1–34; Dick Schoech et al., "Gamification for Behavior Change: Lessons from Developing a Social, Multiuser, Web-Tablet Based Prevention Game for Youths," *Journal of Technology in Human Services* 31, no. 3 (2013): 197–217.

37 Yu-kai Chou, "A Comprehensive List of 90+ Gamification Cases with ROI Stats," *Yu-Kai Chou: Gamification & Behavioral Design*, January 23, 2017, http://yukaichou.com/gamification-examples/gamification-stats-figures.

38 Ian Bogost, "Persuasive Games: Exploitationware," *Gamasutra*, May 3, 2011, http://www.gamasutra.com/view/feature/134735/persuasive_games_exploitationware.php; Adam Alter, *Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked* (New York: Penguin, 2017).

39 Jessica Conditt, "The Pokémon Go Plus Bracelet Is Great for Grinding," *Engadget*, September 17, 2016, https://www.engadget.com/2016/09/17/pokemon-go-plus-hands-on; Sarah E. Needleman, "'Pokémon Go' Wants to Take Monster Battles to the Street," *Wall Street Journal*, September 10, 2015, https://blogs.wsj.com/digits/2015/09/10/pokemon-go-wants-to-take-monster-battles-to-the-street; Patience Haggin, "Alphabet Spinout Scores Funding for Augmented Reality Pokémon Game," *Wall Street Journal*, February 26, 2016, https://blogs.wsj.com/venturecapital/2016/02/26/alphabet-spinout-scores-funding-for-augmented-reality-pokemon-game.

40 Joseph Schwartz, "5 Charts That Show Pokémon GO's Growth in the US," *Similarweb Blog*, July 10, 2016, https://www.similarweb.com/blog/pokemon-go.

41 Nick Wingfield and Mike Isaac, "Pokémon Go Brings Augmented Reality to a Mass Audience," *New York Times*, July 11, 2016, https://www.nytimes.com/2016/07/12/technology/pokemon-go-brings-augmented-reality-to-a-mass-audience.html.

42 Polly Mosendz and Luke Kawa, "Pokémon Go Brings Real Money to Random Bars and Pizzerias," *Bloomberg.com*, July 11, 2016, https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-11/pok-mon-go-brings-real-money-to-random-bars-and-pizzerias; Abigail Gepner, Jazmin Rosa, and Sophia Rosenbaum, "There's a Pokémon in My Restaurant, and Business Is Booming," *New York Post*, July 12, 2016, http://nypost.com/2016/07/12/pokemania-runs-wild-through-city-causing-crime-accidents; Jake Whittenberg, "Pokemon GO Saves Struggling Wash. Ice Cream Shop," *KSDK*, August 9, 2016, http://www.ksdk.com/news/pokemon-go-saves-struggling-business/292596081.

43 Wingfield and Isaac, "Pokémon Go Brings Augmented Reality".

44 Sabin, "The Secret History of 'Pokémon Go'".

45 Tim Bradshaw and Leo Lewis, "Advertisers Set for a Piece of 'Pokémon Go' Action," *Financial Times*, July 13, 2016; Jacky Wong, "Pokémon Mania Makes Mint for Bank of Kyoto," *Wall Street Journal*, July 12, 2016, https://blogs.wsj.com/moneybeat/2016/07/12/pokemon-mania-makes-mint-for-bank-of-kyoto.

46 См.: Bradshaw and Lewis, "Advertisers Set for a Piece" (выделено мной. — *III. 3.*).

47 Jon Russell, "Pokémon Go Will Launch in Japan Tomorrow with Game's First Sponsored Location," *TechCrunch*, July 19, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/07/19/pokemon-go-is-finally-launching-in-japan-tomorrow; Takashi Mochizuki, "McDonald's Unit to Sponsor 'Pokémon Go' in Japan," *Wall Street Journal*, July 19, 2016, http://www.wsj.com/articles/mcdonalds-unit-to-sponsor-pokemon-go-in-japan-1468936459; Stephen Wilmot, "An Alternative Way to Monetize Pokémon Go," *Wall Street Journal*, July 29, 2016, https://blogs.wsj.com/moneybeat/2016/07/29/an-alternative-way-to-monetize-pokemon-go; "Pokémon Go Frappuccino at Starbucks," *Starbucks Newsroom*, December 8, 2016, https://news.starbucks.com/news/starbucks-pokemon-go; Megan Farokhmanesh, "Pokémon Go Is Adding 10.5K Gym and Pokéstop Locations at Sprint Stores," *Verge*, December 7, 2016, http://www.theverge.com/2016/12/7/13868086/pokemon-go-sprint-store-new-gyms-pokestops; Mike Ayers, "Pokémon Tracks Get a Pokémon Go Bump on Spotify," *Wall Street Journal*, July 12, 2016, https://blogs.wsj.com/speakeasy/2016/07/12/pokemon-tracks-get-a-pokemon-go-bump-on-spotify; Josie Cox, "Insurer Offers Pokémon Go Protection (But It's Really Just Coverage for Your Phone)," *Wall Street Journal* (blog), July 22, 2016, https://blogs.wsj.

com/moneybeat/2016/07/22/insurer-offers-pokemon-go-protection-but-its-really-just-coverage-for-your-phone; Ben Fritz, "Disney Looks to Tech Behind Pokemon Go," *Wall Street Journal*, August 5, 2016.

48 См.: Adam Sherrill, "Niantic Believes Pokémon GO Has 'Only Just Scratched the Surface' of AR Gameplay Mechanics," *Gamnesia*, May 5, 2017, https://www.gamnesia.com/news/niantic-believes-pokemon-go-has-only-just-scratched-the-surface-of-ar.

49 Joseph Bernstein, "You Should Probably Check Your Pokémon Go Privacy Settings," *BuzzFeed*, July 11, 2016, https://www.buzzfeed.com/josephbernstein/heres-all-the-data-pokemon-go-is-collecting-from-your-phone.

50 Natasha Lomas, "Pokémon Go Wants to Catch (Almost) All Your App Permissions," *TechCrunch*, July 16, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/07/11/pokemon-go-wants-to-catch-almost-all-your-permissions.

51 Marc Rotenberg, Claire Gartland, and Natashi Amlani, "EPIC Letter to FTC Chair Edith Ramirez," July 22, 2016, 4, https://epic.org/privacy/ftc/FTC-letter-Pokemon-GO-07-22-2016.pdf.

52 Al Franken, "Letter to John Hanke, CEO of Niantic, Inc. from U.S. Senator Al Franken," July 12, 2016, http://www.businessinsider.com/us-senator-al-franken-writes-to-pokmon-go-developers-niantic-privacy-full-letter2016-7.

53 Courtney Greene Power, "Letter to U.S. Senator Al Franken from General Counsel for Niantic, Inc. Courtney Greene Power," August 26, 2016.

54 Rebecca Lemov, *World as Laboratory: Experiments with Mice, Mazes, and Men* (New York: Hill and Wang, 2005), 189.

55 H. Keith Melton and Robert Wallace, *The Official CIA Manual of Trickery and Deception* (New York: William Morrow, 2010), 4; Кит Мелтон и Роберт Уоллес, *Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение* (Москва: Альпина нон-фикшн, 2011), 25.

56 Lemov, *World as Laboratory*, 189; Ellen Herman, *The Romance of American Psychology: Political Culture in the Age of Experts* (Berkeley: University of California Press, 1995), 129.

57 Melton and Wallace, *The Official CIA Manual of Trickery and Deception*; Мелтон и Уоллес, *Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение*.

58 "Church Committee: Book I — Foreign and Military Intelligence," Mary Ferrell Foundation, 1975, 390, https://www.maryferrell.org/php/showlist.php?docset=1014.

59 Lemov, *World as Laboratory*, 200.

60 Alexandra Rutherford, "The Social Control of Behavior Control: Behavior Modification, Individual Rights, and Research Ethics in America, 1971–1979," *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 42, no. 3 (2006): 206.

61 Noam Chomsky, "The Case Against B. F. Skinner," *New York Review of Books*, December 30, 1971.

62 John L. McClellan et al., "Individual Rights and the Federal Role in Behavior Modification; A Study Prepared by the Staff of the Subcommittee on Constitutional Rights of the Committee on the Judiciary, United States Senate, Ninety-Third Congress, Second Session," November 1974, iii–iv, https://eric.ed.gov/?id=ED103726.

63 McClellan et al., "Individual Rights," IV, 21.

64 Ibid., 13–14.

65 P. London, "Behavior Technology and Social Control — Turning the Tables," *APA Monitor* (April 1974): 2 (выделено мной. — *Ш. З.*); Rutherford, "The Social Control of Behavior Control".

66 Rutherford, "The Social Control of Behavior Control," 213.

67 "The Belmont Report — Office of the Secretary — Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research — the National Commis-

sion for the Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research," Regulations & Policy, Office for Human Research Protections, US Department of Health, Education and Welfare, January 28, 2010, https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/index.html; Rutherford, "The Social Control of Behavior Control," 215.

68 См.: Rutherford, "The Social Control of Behavior Control," 217.

69 Daniel W. Bjork, *B. F. Skinner: A Life* (New York: Basic, 1993), 220.

70 "Anthropotelemetry: Dr. Schwitzgebel's Machine," *Harvard Law Review* 80, no. 2 (1966): 403–421 (выделено мной. — *Ш. З.*).

Глава 11

1 Перевод Ш. Крола.

2 Hannah Arendt, *The Life of the Mind*, vol. 2, Willing (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978), 13–14; Ханна Арендт, *Жизнь ума* (Санкт-Петербург: Наука, 2013), 242–243.

3 Hannah Arendt, *The Human Condition* (Chicago: University of Chicago Press, 1998), 244; Ханна Арендт, *Vita Activa, или О деятельной жизни* (Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017), 307.

4 См. также обсуждение в: John R. Searle, *Making the Social World: The Structure of Human Civilization* (Oxford: Oxford University Press, 2010), 133.

5 Searle, *Making the Social World*, 133, 136.

6 Searle, *Making the Social World*, 194–195. Алан Дершовиц, профессор Гарвардской школы права, предлагает прагматическую теорию прав человека, которую тоже можно связать с моим анализом. Он утверждает, что «права — это те фундаментальные предпочтения, которые, как нас научил опыт и история — особенно опыт и история крайней несправедливости — настолько важны, что следует убедить граждан в том, что они должны быть надежно закреплены и не подвержены легким изменениям со стороны меняющегося большинства». Права тем самым вырастают из несправедливостей. Это подход «снизу вверх», потому что обычно существует гораздо более широкий консенсус по поводу того, в чем состоит ужасающая несправедливость, чем есть согласие об условиях идеальной справедливости. Alan M. Dershowitz, Rights *from Wrongs: A Secular Theory of the Origins of Rights* (New York: Basic, 2004), 81–96.

7 Sir Henry Maine, *Ancient Law* (New York: E. P. Dutton & Co. Inc., 1861); Генри Мэйн, *Древнее право: Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям* (Москва: Красанд, 2012).

8 Liam B. Murphy, "The Practice of Promise and Contract" (working paper, New York University Public Law and Legal Theory, 2014), 2069; Avery W. Katz, "Contract Authority — Who Needs It?" *University of Chicago Law Review* 81, no. 4 (2014): 27; Robin Bradley Kar, "Contract as Empowerment," *University of Chicago Law Review* 83, no. 2 (2016): 1.

9 Hal Varian, "Beyond Big Data," *Business and Economics* 49, no. 1 (January 2014). Поведенческие экономисты называют эту совершенную информацию «неограниченной рациональностью» или «неограниченными познавательными способностями». См.: Oliver E. Williamson, *The Economic Institutions of Capitalism* (New York: Free Press, 1998), 30; Оливер Уильямсон, *Экономические институты капитализма* (Санкт-Петербург: Лениздат; CEV Press, 1996), 72.

10 Впечатляющее исследование этой проблемы в ее связи с «договорами по клику» и другими формами типовых договоров, см. в: Robin Kar and Margaret Radin, "Pseudo-contract & Shared Meaning Analysis" (Legal Studies Research Paper, University of Illinois College of Law, November 16, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=3083129.

11 Вебер утверждал, что «децентрализация законотворчества», выраженная в «заключении частных контрактов», не обязательно ведет к «снижению уровня принуждения». Он предостерегал, что правовой порядок, предусматривающий «так много „свобод", предоставляющий и гарантирующий „полномочия" и содержащий так мало предписывающих и запрещающих норм, может <…> вести не только к значительному качественному и количественному усилению принуждения в целом, но и к усилению авторитарного характера принуждающей власти». Именно так в начале XX века работодатели в промышленности пользовались своим правом на свободу договора для привлечения детского труда, устанавливали двенадцатичасовой рабочий день и навязывали опасные условия труда, и именно так мы оказались в плену у нелегитимных и вызывающих «договоров по клику», авторы которых нашли подобное же убежище в притязаниях на свободу договора. См.: Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, vol. 2 (Berkeley: University of California Press, 1978), 668–681; Макс Вебер, *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. 3. *Право* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018), 120.

12 Hal R. Varian, "Economic Scene; If There Was a New Economy, Why Wasn't There a New Economics?" *New York Times*, January 17, 2002, http://www.nytimes.com/2002/01/17/business/economic-scene-if-there-was-a-new-economy-why-wasn-t-there-a-new-economics.html.

13 Williamson, *The Economic Institutions of Capitalism*; Уильямсон, *Экономические институты капитализма*.

14 Oliver E. Williamson, "The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract," *Journal of Economic Perspectives* 16, no. 3 (2002): 174.

15 Williamson, *The Economic Institutions of Capitalism*, 30–31, 52; Уильямсон, *Экономические институты капитализма*, 72, 104, 126. Евгений Морозов, с присущей ему остротой взгляда, указал на эту связь в провидческой статье 2014 г. о корнях аналитики «больших данных» в амбициях социалистических плановиков. Evgeny Morozov, "The Planning Machine," *The New Yorker*, October 6, 2014, https://www.newyorker.com/magazine/2014/10/13/planning-machine.

16 "Repo Man Helps Pay Off Bill for Elderly Couple's Car," *ABC News*, November 23, 2016, http://abcnews.go.com/US/repo-man-helps-pays-off-bill-elderly-couples/story?id=43738753; Sarah Larimer, "A Repo Man Didn't Want to Seize an Elderly Couple's Car, So He Helped Pay It Off for Them Instead," *Washington Post*, November 24, 2016, https://www.washingtonpost.com/news/inspired-life/wp/2016/11/24/a-repo-man-didnt-want-to-seize-an-elderly-couples-car-so-he-helped-pay-it-off-for-them-instead/?utm_term =.5ab21c4510ab.

17 Timothy D. Smith, Jeffrey T. Laitman, and Kunwar P. Bhatnagar, "The Shrinking Anthropoid Nose, the Human Vomeronasal Organ, and the Language of Anatomical Reduction," *Anatomical Record* 297, no. 11 (2014): 2196–2204.

18 Chris Jay Hoofnagle and Jennifer King, "Research Report: What Californians Understand About Privacy Offline" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, May 15, 2008), http://papers.ssrn.com/abstract=1133075.

19 Joseph Turow et al., "Americans Reject Tailored Advertising and Three Activities That Enable It," Annenberg School for Communication, September 29, 2009, http://papers.ssrn.com/abstract=1478214; Joseph Turow, Michael Hennessy, and Nora Draper, "The Tradeoff Fallacy: How Marketers Are Misrepresenting American Consumers and Opening Them Up to Exploitation," Annenberg School for Communication, June 2015, https://www.asc.upenn.edu/news-events/publications/tradeoff-fallacy-how-marketers-are-misrepresenting-american-consumers-and; Lee Rainie, "Americans' Complicated Feelings About Social Media in an Era of Privacy Concerns," *Pew Research Center*, March 27, 2018, http://www.

pewresearch.org/fact-tank/2018/03/27/americans-complicated-feelings-about-social-media-in-an-era-of-privacy-concerns.

20 Filippo Tommaso Marinetti, *The Futurist Manifesto* (Paris, France: Le Figaro, 1909); *Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века* (Москва: Прогресс, 1986), 158–162; F. T. Marinetti and R. W. Flint, *Marinetti: Selected Writings* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972); Harlan K. Ullman and James P. Wade, *Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance* (Forgotten Books, 2008).

21 Greg Mitchell, *The Tunnels: Escapes Under the Berlin Wall and the Historic Films the JFK White House Tried to Kill* (New York: Crown, 2016); Kristen Greishaber, "Secret Tunnels That Brought Freedom from Berlin's Wall," *Independent*, October 18, 2009, http://www.independent.co.uk/news/world/europe/secret-tunnels-that-brought-freedom-from-berlins-wall-1804765.html.

22 Mary Elise Sarotte, *The Collapse: The Accidental Opening of the Berlin Wall* (New York: Basic, 2014), 181; Мэри Элиз Саротт, *Коллапс: случайное падение Берлинской стены* (Москва: Individuum, 2019).

23 Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. (Boston: Beacon, 2001), 137; Карл Поланьи, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002), 148.

24 Ellen Meiksins Wood, *The Origin of Capitalism: A Longer View* (London: Verso, 2002).

Глава 12

1 Перевод Ш. Крола.

2 Peter S. Menell, "2014: Brand Totalitarianism" (UC Berkeley Public Law Research Paper, University of California, September 4, 2013), http://papers.ssrn.com/abstract=2318492; "Move Over, Big Brother," *Economist*, December 2, 2004, http://www.economist.com/node/3422918; Wojciech Borowicz, "Privacy in the Internet of Things Era," *Next Web*, October 18, 2014, http://thenextweb.com/dd/2014/10/18/privacy-internet-things-era-will-nsa-know-whats-fridge; Tom Sorell and Heather Draper, "Telecare, Surveillance, and the Welfare State," *American Journal of Bioethics* 12, no. 9 (2012): 36–44, https://doi.org/10.1080/15265161.2012.699137; Christina DesMarais, "This Smartphone Tracking Tech Will Give You the Creeps," *PCWorld*, May 22, 2012, http://www.pcworld.com/article/255802/new_ways_to_track_you_via_your_mobile_devices_big_brother_or_good_business_.html; Rhys Blakely, "'We Thought Google Was the Future but It's Becoming Big Brother,'" *Times*, September 19, 2014, http://www.thetimes.co.uk/tto/technology/internet/article4271776.ece; CPDP Conferences, Technological Totalitarianism, Politics and Democracy, 2016, http://www.internet-history.info/media-library/mediaitem/2389-technological-totalitarianism-politics-and-democracy.html; Julian Assange, "The Banality of 'Don't Be Evil,'" *New York Times*, June 1, 2013, https://www.nytimes.com/2013/06/02/opinion/sunday/the-banality-of-googles-dont-be-evil.html; Julian Assange, "Julian Assange on Living in a Surveillance Society," *New York Times*, December 4, 2014, https://www.nytimes.com/2014/12/04/opinion/julian-assange-on-living-in-a-surveillance-society.html; Michael Hirsh, "We Are All Big Brother Now," *Politico*, July 23, 2015, https://www.politico.com/magazine/story/2015/07/big-brother-technology-trial-120477.html; "Apple CEO Tim Cook: Apple Pay Is Number One," *CBS News*, October 28, 2014, http://www.cbsnews.com/news/apple-ceo-tim-cook-apple-pay-is-number-one; Mathias Döpfner, "An Open Letter to Eric Schmidt: Why We Fear Google," FAZ.net, April 17, 2014, http://www.faz.net/1.2900860; Sigmar Gabriel, "Sigmar Gabriel: Political Consequences of the Google Debate," *Frankfurter Allgemeine*

Zeitung, May 20, 2014, http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/the-digital-debate/sigmar-gabriel-consequences-of-the-google-debate-12948701-p6.html; Cory Doctorow, "Unchecked Surveillance Technology Is Leading Us Towards Totalitarianism," *International Business Times*, May 5, 2017, http://www.ibtimes.com/unchecked-surveillance-technology-leading-us-towards-totalitarianism-opinion-2535230; Martin Schulz, "Transcript of Keynote Speech at Cpdp2016 on Technological, Totalitarianism, Politics and Democracy," *Scribd*, 2016, https://www.scribd.com/document/305093114/Keynote-Speech-at-Cpdp2016-on-Technological-Totalitarianism-Politics-and-Democracy.

3 Как только в 1922 г. Муссолини пришел к власти, он сделал Джентиле членом своего кабинета министров в должности министра образования, назвав Джентиле своим «учителем». См.: A. James Gregor, *Giovanni Gentile: Philosopher of Fascism* (New Brunswick, NJ: Routledge, 2004), 60.

4 Gregor, *Giovanni Gentile*, 30.

5 Gregor, *Giovanni Gentile*, 62–63.

6 Benito Mussolini, *The Doctrine of Fascism* (Hawaii: Haole Church Library, 2015), 4; Бенито Муссолини, *Третий путь. Без демократов и коммунистов* (Москва: Алгоритм, 2012), 228, 231–233.

7 Frank Westerman, *Engineers of the Soul: The Grandiose Propaganda of Stalin's Russia,* trans. Sam Garrett (New York: Overlook, 2012), 32–34 (выделено мной. — *Ш. З.*); Robert Conquest, *Stalin: Breaker of Nations* (New York: Penguin, 1992); Корнелий Зелинский, "Одна встреча у М. Горького (Запись из дневника)", *Вопросы литературы*, 1991, №5, 144–170.

8 Westerman, *Engineers of the Soul*, 22–29.

9 Waldemar Gurian, "Totalitarianism as Political Religion," in *Totalitarianism*, ed. Carl J. Friedrich (New York: Grosset & Dunlap, 1964), 120. По иронии судьбы многие ученые пришли к выводу, что на деле Италия так никогда и не стала по-настоящему тоталитарным государством, ссылаясь на преемственность институтов, таких как католическая церковь, и отсутствие массовых убийств. Некоторые утверждают, что теория и практика были полнее разработаны в Германии и еще обширнее — и на более длительный период — в Советском Союзе, хотя советские элиты не признавали этот термин, не желая, чтобы их ставили на одну доску с фашизмом.

10 Claude Lefort, "The Concept of Totalitarianism," *Democratiya* 9 (2007): 183–184.

11 О Дюранти как об апологете советского строя, см.: Westerman, *Engineers of the Soul*, 188; Robert Conquest, *The Great Terror: A Reassessment* (Oxford: Oxford University Press, 2007), 468.

12 Conquest, *The Great Terror*, 485.

13 Ibid., 447.

14 Ibid., 405.

15 Conquest, *Stalin*, 222, 228.

16 Ibid., 229.

17 Walter Duranty, "What's Going On in Russia?" *Look*, August 15, 1939, 21.

18 В 1932 г. Дюранти получил Пулитцеровскую премию за репортажи 1931 г. из Москвы, опубликованные газетой New York Times. Впоследствии материалы Дюранти оспаривались антисталинистскими группами, которые видели в Дюранти инструмент сталинской пропаганды. Пулитцеровский комитет в течение шести месяцев расследовал обвинения и в конце концов решил не отзывать награду. Годы спустя New York Times придет к выводу, что работы Дюранти были одними из худших репортажей в истории этой газеты. Ничто из этого не помешало журналу Look и другим периодическим изданиям продолжать полагаться на рассказы Дюранти о жизни в Советском Союзе, что, несомненно, в значительной степени объясняет, почему общественное признание уникальных особенностей тоталитарной власти оказалось столь запоздалым.

19 Conquest, *The Great Terror*, 467–468.
20 Ibid., 486.
21 Carl J. Friedrich, "The Problem of Totalitarianism — an Introduction," in *Totalitarianism*, ed. Carl J. Friedrich (New York: Grosset & Dunlap, 1964), 1.
22 Friedrich, "The Problem of Totalitarianism," 1–2. Фридрих родился и получил образование в Германии и с 1946 по 1949 г. работал советником американского военного губернатора Германии.
23 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken, 2004), 387.
24 Arendt, *The Origins*, 431; Ханна Арендт, *Истоки тоталитаризма* (Москва: ЦентрКом, 1996), 432.
25 Ibid., xxvii; Там же, 30–31.
26 Ibid., 429; Там же, 430.
27 Carl J. Friedrich, ed., *Totalitarianism* (New York: Grosset & Dunlap, 1954); Carl J. Friedrich and Zbigniew Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956); Theodor Adorno, "Education After Auschwitz," in Theodor Adorno, *Critical Models: Interventions and Catchwords* (New York: Columbia University Press, 1966); Theodor W. Adorno, "The Schema of Mass Culture," in Theodor Adorno, *Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture* (New York: Routledge, 1991); Theodor Adorno, "On the Question: 'What Is German?'" *New German Critique* no. 36 (Autumn, 1985): 121–131; Gurian, "Totalitarianism as Political Religion"; Raymond Aron, *Democracy and Totalitarianism*, Nature of Human Society Series (London: Weidenfeld & Nicolson, 1968); Раймон Арон, *Демократия и тоталитаризм* (Москва: Текст, 1993).
28 См. монументальное исследование Рауля Хильберга об уничтожении европейских евреев, которое раскрывает всю сложность нацистской системы массовой мобилизации, включавшей в себя системы транспорта и производства, военные операции, министерские иерархии, организацию секретности и вербовку друзей и соседей для устрашения и убийства их друзей и соседей: Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (New York: Holmes & Meier, 1985). См. также: Daniel Jonah Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York: Vintage, 1997); Jan T. Gross, *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland* (New York: Penguin, 2002); Christopher R. Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland* (New York: Harper Perennial, 1998); Norman M. Naimark, *Stalin's Genocides* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012). Что касается России, то в книге Солженицына о системе концентрационных лагерей показано, что для «подпитки» бесперебойного потока террора требовался целый корпус партийных функционеров и обычных граждан. См.: Aleksandr Solzhenitsyn, *The Gulag Archipelago* (New York: Harper & Row, 1973); Александр Солженицын, *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 4–6: *Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования* (Москва: Время, 2010).
29 Richard Shorten, *Modernism and Totalitarianism — Rethinking the Intellectual Sources of Nazism and Stalinism, 1945 to the Present* (New York: Palgrave Macmillan, 2012), 50.
30 Shorten, *Modernism*, Chapter 1.
31 Claude Lefort, *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism*, ed. John B. Thompson (Cambridge, MA: MIT Press, 1986), 297–298.
32 Hannah Arendt, *Essays in Understanding* (New York: Schocken, 1994), 343; Арендт Х. *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2018), 562–563.
33 "Behavior: Skinner's Utopia: Panacea, or Path to Hell?" *Time*, September 20, 1971, http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,909994,00.html.
34 B. F. Skinner, "Current Trends in Experimental Psychology," in *Cumulative Record*, 319, www.bfskinner.org (выделено мной. — *Ш. З.*).

35 См.: Ludy T. Benjamin Jr. and Elizabeth Nielsen-Gammon, "B. F. Skinner and Psychotechnology: The Case of the Heir Conditioner," *Review of General Psychology* 3, no. 3 (1999): 155–167.

36 B. F. Skinner, *About Behaviorism* (New York: Vintage, 1976), 1–9.

37 John B. Watson, "Psychology as the Behaviorist Views It," *Psychological Review* 20 (1913): 158–77.

38 Lefort, *The Political Forms of Modern Society*; "Max Planck," *Complete Dictionary of Scientific Biography* (Detroit, MI: Scribner's, 2008), http://www.encyclopedia.com/people/science-and-technology/physics-biographies/max-planck.

39 Max Planck, "Scientific Autobiography," in Max Planck, *Scientific Autobiography and Other Papers* (New York: Philosophical Library, 1949), 13; Макс Планк, «Научная автобиография», в: Макс Планк, *Избранные труды* (Москва: Наука, 1975), 649. Как пишет биограф Макса Планка, «Планк вспоминал: „С юности меня вдохновило на занятие наукой осознание того <…> факта, что законы нашего мышления совпадают с закономерностями, имеющими место в процессе получения впечатлений от внешнего мира, и что, следовательно, человек может судить об этих закономерностях при помощи чистого мышления". Другими словами, он сознательно решил стать физиком-теоретиком в то время, когда теоретическая физика еще не была признана самостоятельной дисциплиной» ("Max Karl Ernst Ludwig Planck," Nobel-winners.com, December 16, 2017, http://www.nobel-winners.com/Physics/max_karl_ernst_ludwig_planck.html).

40 Эрвин Эспер рассматривает факторы, которые привели к изоляции Мейера в американской психологии и, как следствие, лишили многие его труды того признания, которым они должны были пользоваться. См. особенно Erwin A. Esper, "Max Meyer in America," *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 3, no. 2 (1967): 107–131.

41 Esper, "Max Meyer".

42 Skinner, *About Behaviorism*, 14.

43 О решающем значении Мейера для возникновения радикального бихевиоризма Скиннер говорил не раз. См., например, его спор 1967 г. с философом Брандом Бланшардом, когда он заявил следующее: «Особая проблема возникает из-за неизбежного факта, что небольшая часть вселенной заключена внутри каждого из нас. Она качественно не отличается от остальной части вселенной, но поскольку наш контакт с ней столь тесен и в некоторых отношениях исключителен, она получает особое внимание. Считается, что она познается особым образом, что содержит непосредственно данное, что она — первое, что узнает человек, и, по мнению некоторых, единственное, что он действительно может знать. Философы, следуя за Декартом, начинают свой анализ сознания с нее. Наверно, почти каждый начинает с нее объяснения своего собственного поведения. Однако есть и другая возможная отправная точка — поведение того, что Макс Мейер называл Другим. По мере того как научный анализ становится все более эффективным, мы больше не объясняем это поведение с точки зрения внутренних событий. Мир внутри Другого теряет свой привилегированный статус». См.: Brand Blanshard, "The Problem of Consciousness: A Debate with B. F. Skinner," *Philosophy and Phenomenological Research* 27, no. 3 (1967): 317–337.

44 Max Meyer, "The Present Status of the Problem of the Relation Between Mind and Body," *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods* 9, no. 14 (1912): 371.

45 Esper, "Max Meyer," 114. По мысли Мейера, это сведение к «организму» глубоко гуманистично, поскольку оно подчеркивает общность между людьми и другими видами. Все мы спим и бодрствуем, едим и пьем, танцуем, смеемся, плачем, размножаемся и умираем.

46 Max Friedrich Meyer, *Psychology of the Other-One* (Missouri Book Company, 1921), 10, 17.

47 Max Friedrich Meyer, *Psychology of the Other-One* (Missouri Book Company, 1921), 146. См.: Max Planck, "Phantom Problems in Science," in Max Planck, *Scientific Autobiography and Other Papers* (New York: Philosophical Library, 1949), 52–79, 75. В 1946 г. давние взгляды Планка на единство науки и научного мышления были обобщены в его статье о «фантомных проблемах» в науке, включая «проблему сознания и тела» и «проблему свободной воли». Планк рассматривал споры о сознании и теле, как и все фантомные проблемы в философии и науке, как неспособность занять определенное «положение наблюдателя» и последовательно его придерживаться. Он утверждал, что «внутренняя», или «психологическая», точка зрения и «внешняя», или «физиологическая», слишком часто смешиваются: «То, что вы чувствуете, думаете, хотите, только вы можете знать из первых рук. Другие люди могут прийти к этому только косвенно, исходя из ваших слов, поведения, действий и манер. Когда подобные физические проявления полностью отсутствуют, у них нет совершенно никаких оснований, которые позволили бы им знать ваше мимолетное психическое состояние». Таким образом, внешняя точка зрения — единственно приемлемая «в качестве основы нашего научного наблюдения за волевыми процессами». Установление этой «внешней точки зрения» в качестве основы для научного исследования человеческого поведения имеет решающее значение для нашего рассказа, и из статьи Планка следует, что эти его идеи оказали влияние на Мейера (и даже что Планк, возможно, читал работу Мейера 1921 г.). В любом случае, сходство между аргументацией Планка и Мейером очевидно.

48 Meyer, *Psychology of the Other-One*, 147.

49 Ibid., 402, 406.

50 Ibid., 411–12, 420.

51 Ibid., 402.

52 Ibid., 404.

53 B. F. Skinner, *The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis* (Acton, MA: Copley, 1991), 3.

54 Ibid., 4–6.

55 B. F. Skinner, *Science and Human Behavior* (New York: Free Press, 1965), 228–229; Б. Ф. Скиннер, *Наука и человеческое поведение* (Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2017), 264.

56 B. F. Skinner, *Beyond Freedom & Dignity* (Indianapolis: Hackett, 2002), 163; Б. Ф. Скиннер, *По ту сторону свободы и достоинства* (Москва: Оперант, 2015), 136.

57 Ibid., 19–20; Там же, 26.

58 Ibid., 21, 44, 58; Там же, 26, 44, 55 (перевод исправлен. — *Прим. пер.*).

59 Skinner, *Science and Human Behavior*, 20; Скиннер, *Наука и человеческое поведение*, 27.

60 Skinner, *Beyond Freedom & Dignity*, 4–5; Скиннер, *По ту сторону свободы и достоинства*, 14 (перевод исправлен. — *Прим. пер.*).

61 Ibid., 5–6; Там же, 15 (выделено мной. — *Ш. З.*).

62 Ibid., 59; Там же, 55.

63 "Gambling Is a Feature of Capitalism — Not a Bug," *Prospect*, April 2017, http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/gambling-is-a-feature-of-capitalism-not-a-bug; Natasha Dow Schüll, *Addiction by Design: Machine Gambling in Las Vegas* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014); Howard J. Shaffer, "Internet Gambling & Addiction," Harvard Medical School: Division on Addictions, Cambridge Health Alliance, January 16, 2004; Michael Kaplan, "How Vegas Security Drives Surveillance Tech Everywhere," *Popular Mechanics*, January 1, 2010, http://www.popularmechanics.com/technology/how-to/computer-security/4341499; Adam Tanner, *What Stays in Vegas: The World of Personal Data — Lifeblood of Big Business — and the End of Privacy as We Know*

It (New York: PublicAffairs, 2014); Chris Nodder, *Evil by Design: Interaction Design to Lead Us into Temptation* (Indianapolis: Wiley, 2013); Julian Morgans, "Your Addiction to Social Media Is No Accident," *Vice*, May 18, 2017, https://www.vice.com/en_us/article/vv5jkb/the-secret-ways-social-media-is-built-for-addiction; "Reasons for Playing Slot Machines Rather Than Table Games in the U.S.," *Statista*, 2017, https://www.statista.com/statistics/188761/reasons-for-playing-slot-machines-more-than-table-games-in-the-us.

64 Skinner, *Science and Human Behavior*, 105–106; Скиннер, *Наука и человеческое поведение*, 123 (выделено мной. — *Ш. З.*). Хороший анализ технологий поведения, применяемых в казино, см. в: Tanner, *What Stays in Vegas*.

65 Ibid., 105–106; Там же, 124.

66 Ibid., 21; Там же, 28.

67 Ibid., 282; Там же, 326 (перевод изменен. — *Прим. пер.*).

68 Ibid., 282; Там же, 326.

69 Возможно, некоторые удивятся, но своему другу Этнони Паэуллу Джордж Оруэлл охарактеризовал «1984» как «утопию, написанную в виде романа». См.: Robert McCrum, "1984: The Masterpiece That Killed George Orwell," *Guardian*, May 9, 2009, http://www.theguardian.com/books/2009/may/10/1984-george-orwell. Б. Ф. Скиннер назвал «Второй Уолден» «романом об утопической общине». B. F. Skinner, *Walden Two* (Indianapolis: Hackett, 2005), vi.

70 См. предисловие Скиннера ко «Второму Уолдену» издания 1976 г.: B. F. Skinner, *Walden Two* (New York: Macmillan, 1976).

71 Это видеоинтервью Мамфорда вошло в документальный фильм BBC, созданный в 1968 г.: *Towards Tomorrow: A Utopia*, https://www.bbc.co.uk/programmes/p0295vz8.

72 George Orwell, *1984* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017), 548, 551; Джордж Оруэлл, *«1984» и эссе разных лет* (Москва: Прогресс, 1989), 173–174.

73 Ibid., 637–638; Там же, 199 (перевод изменен. — *Прим. пер.*).

74 Skinner, *Walden Two*, 275–276.

75 Ibid., 137, 149.

Глава 13

1 Перевод А. Ситницкого.

2 B. F. Skinner, *Walden Two* (Indianapolis: Hackett, 2005), 242–243.

3 B. F. Skinner, "To Know the Future," *Behavior Analyst* 13, no. 2 (1990): 104.

4 Ibid., 106.

5 Hannah Arendt, *Essays in Understanding* (New York: Schocken, 1994), 319; Ханна Арендт, *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2018), 530.

6 Hannah Arendt, *The Human Condition* (Chicago: University of Chicago Press, 1998), 322; Ханна Арендт, *Vita Activa, или О деятельной жизни* (Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017), 397–398.

7 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken, 2004), 620.

8 "Trust," *Our World in Data*, August 3, 2017, https://ourworldindata.org/trust.

9 "Public Trust in Government: 1958–2017," *Pew Research Center for the People and the Press*, May 3, 2017, http://www.people-press.org/2017/05/03/public-trust-in-government-1958-2017.

10 Peter P. Swire, "Privacy and Information Sharing in the War on Terrorism," *Villanova Law Review* 51, no. 4 (2006): 951. См. также: Kristen E. Eichensehr, "Public-Private Cybersecurity," *Texas Law Review* 95, no. 3 (2017), https://texaslawreview.org/public-private-cybersecurity.

11 Joseph Menn, "Facebook, Twitter, Google Quietly Step Up Fight Against Terrorist Propaganda," *Sydney Morning Herald*, December 7, 2015, http://www.smh.

com.au/technology/technology-news/facebook-twitter-google-quietly-step-up-fight-against-terrorist-propaganda-20151206-glgvj2.html.

12 Menn, "Facebook, Twitter, Google". См. также: Jim Kerstetter, "Daily Report: Tech Companies Pressured on Terrorist Content," *Bits Blog*, December 8, 2015, https://bits.blogs.nytimes.com/2015/12/08/daily-report-tech-companies-pressured-on-terrorist-content; Mark Hosenbell and Patricia Zengerle, "Social Media Terrorist Activity Bill Returning to Senate," *Reuters*, December 7, 2015, http://www.reuters.com/article/us-usa-congress-socialmedia-idUSKBNoTQ2E520151207.

13 Dave Lee, "'Spell-Check for Hate' Needed, Says Google's Schmidt," *BBC News*, December 7, 2015, http://www.bbc.com/news/technology-35035087.

14 Danny Yadron, "Agenda for White House Summit with Silicon Valley," *Guardian*, January 7, 2016, https://www.theguardian.com/technology/2016/jan/07/white-house-summit-silicon-valley-tech-summit-agenda-terrorism; Danny Yadron, "Revealed: White House Seeks to Enlist Silicon Valley to 'Disrupt Radicalizati-on'," *Guardian*, January 8, 2016, http://www.theguardian.com/technology/2016/jan/07/white-house-social-media-terrorism-meeting-facebook-apple-youtube.

15 Kashmir Hill, "The Government Wants Silicon Valley to Build Terrorist-Spotting Algorithms. But Is It Possible?" *Fusion*, January 14, 2016, http://fusion.net/story/255180/terrorist-spotting-algorithm.

16 Stefan Wagstyl, "Germany to Tighten Security in Wake of Berlin Terror Attack," *Financial Times*, January 11, 2017, https://www.ft.com/content/bf7972f4-d759-11e6-944b-e7eb37a6aa8e.

17 John Mannes, "Facebook, Microsoft, YouTube and Twitter Form Global Internet Forum to Counter Terrorism," *TechCrunch*, June 26, 2017, http://social.techcrunch.com/2017/06/26/facebook-microsoft-youtube-and-twitter-form-global-internet-forum-to-counter-terrorism; "Partnering to Help Curb the Spread of Terrorist Content Online," Google, December 5, 2016, http://www.blog.google:443/topics/google-europe/partnering-help-curb-spread-terrorist-content-online.

18 "Five Country Ministerial 2017: Joint Communiqué," June 28, 2017, https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrcs/pblctns/fv-cntry-mnstrl-2017/index-en.aspx.

19 "European Council Conclusions on Security and Defence, 22/06/2017," June 22, 2017, http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/06/22/euco-security-defence.

20 "G20 Leaders' Statement on Countering Terrorism — European Commission Press Release," July 7, 2017, http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-1955_en.htm; Jamie Bartlett, "Terrorism Adds the Backdrop to the Fight for Internet Control," *Financial Times*, June 6, 2017, https://www.ft.com/content/e47782fa-4ac0-11e7-919a-1e14ce4af89b.

21 Spencer Ackerman and Sam Thielman, "US Intelligence Chief: We Might Use the Internet of Things to Spy on You," *Guardian*, February 9, 2016, http://www.theguardian.com/technology/2016/feb/09/internet-of-things-smart-home-devices-government-surveillance-james-clapper.

22 Matt Olsen, Bruce Schneier, and Jonathan Zittrain, "Don't Panic: Making Progress on the 'Going Dark' Debate," Berkman Klein Center for Internet & Society at Harvard, February 1, 2016, 13.

23 Haley Sweetland Edwards, "Alexa Takes the Stand," *Time*, May 15, 2017; Tom Dotan and Reed Albergotti, "Amazon Echo and the Hot Tub Murder," *Information*, December 27, 2016, https://www.theinformation.com/amazon-echo-and-the-hot-tub-murder.

24 Parmy Olson, "Fitbit Data Now Being Used in the Courtroom," *Forbes*, November 16, 2014, http://www.forbes.com/sites/parmyolson/2014/11/16/fitbit-data-court-room-personal-injury-claim; Kate Crawford, "When Fitbit Is the Expert Witness," *Atlantic*, November 19, 2014, http://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/11/when-fitbit-is-the-expert-witness/382936; Ms. Smith, "Cops

Use Pacemaker Data to Charge Man with Arson, Insurance Fraud," CSO, January 30, 2017, http://www.csonline.com/article/3162740/security/cops-use-pacemaker-data-as-evidence-to-charge-homeowner-with-arson-insurance-fraud.html.

25 Jonah Engel Bromwich, Mike Isaac, and Daniel Victor, "Police Use Surveillance Tool to Scan Social Media, A.C.L.U. Says," *New York Times*, October 11, 2016, http://www.nytimes.com/2016/10/12/technology/aclu-facebook-twitter-instagram-geofeedia.html.

26 Jennifer Levitz and Zusha Elinson, "Boston Plan to Track Web Draws Fire," *Wall Street Journal*, December 5, 2016.

27 Lee Fang, "The CIA Is Investing in Firms That Mine Your Tweets and Instagram Photos," *Intercept*, April 14, 2016, https://theintercept.com/2016/04/14/in-undisclosed-cia-investments-social-media-mining-looms-large.

28 Ashley Vance and Brad Stone, "Palantir, the War on Terror's Secret Weapon," *Bloomberg.com*, September 22, 2011, http://www.bloomberg.com/news/articles/2011-11-22/palantir-the-war-on-terrors-secret-weapon; Ali Winston, "Palantir Has Secretly Been Using New Orleans to Test Its Predictive Policing Technology," *Verge*, February 27, 2018.

29 Rogier Creemers, "China's Chilling Plan to Use Social Credit Ratings to Keep Score on Its Citizens," *CNN.com*, October 27, 2015, https://www.cnn.com/2015/10/27/opinions/china-social-credit-score-creemers/index.html.

30 Mara Hvistendahl, "Inside China's Vast New Experiment in Social Ranking," *Wired*, December 14, 2017, https://www.wired.com/story/age-of-social-credit.

31 Hvistendahl, "Inside China's Vast New Experiment".

32 Amy Hawkins, "Chinese Citizens Want the Government to Rank Them," *Foreign Policy*, May 24, 2017, https://foreignpolicy.com/2017/05/24/chinese-citizens-want-the-government-to-rank-them.

33 Zhixin Feng et al., "Social Trust, Interpersonal Trust and Self-Rated Health in China: A Multi-level Study," *International Journal for Equity in Health* 15 (2016), https://doi.org/10.1186/s12939-016-0469-7.

34 Arthur Kleinman et al., *Deep China: The Moral Life of the Person* (Berkeley: University of California Press, 2011); Mette Halskov Hansen, *iChina: The Rise of the Individual in Modern Chinese Society*, ed. Rune Svarverud (Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 2010); Yunxiang Yan, *The Individualization of Chinese Society* (Oxford: Bloomsbury Academic, 2009).

35 Hawkins, "Chinese Citizens Want the Government to Rank Them".

36 Hvistendahl, "Inside China's Vast New Experiment".

37 Ibid.

38 Masha Borak, "China's Social Credit System: AI-Driven Panopticon or Fragmented Foundation for a Sincerity Culture?" *TechNode*, August 23, 2017, https://technode.com/2017/08/23/chinas-social-credit-system-ai-driven-panopticon-or-fragmented-foundation-for-a-sincerity-culture.

39 "China Invents the Digital Totalitarian State," *Economist*, December 17, 2016, http://www.economist.com/news/briefing/21711902-worrying-implications-its-social-credit-project-china-invents-digital-totalitarian.

40 Shi Xiaofeng and Cao Yin, "Court Blacklist Prevents Millions from Flying, Taking High-Speed Trains," *Chinadaily.com*, February 14, 2017, http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-02/14/content_28195359.htm.

41 "China Moving Toward Fully Developed Credit Systems," *Global Times*, June 6, 2017, http://www.globaltimes.cn/content/1052634.shtml.

42 Hvistendahl, "Inside China's Vast New Experiment".

43 Yaxing Yao, Davide Lo Re, and Yang Wang, "Folk Models of Online Behavioral Advertising," in *Proceedings of the 2017 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing*, CSCW'17 (New York: ACM, 2017), 1957–1969.

44 "China Invents the Digital Totalitarian State".
45 Christopher Lunt, United States Patent: 9100400 — Authorization and authentication based on an individual's social network, issued August 4, 2015, http://patft.uspto.gov/netacgi/nph-Parser?Sect1=PTO1&Sect2=HITOFF&d=PALL&p=1&u=%2Fnetahtml%2FPTO%2Fsrchnum.htm&r=1&f=G&l=50&s1=9100400.PN.&OS=PN/9100400&RS=PN/9100400. Ключевой абзац в патенте гласит: «В четвертом варианте реализации изобретения поставщик услуг является кредитором. Когда физическое лицо обращается за кредитом, кредитор проверяет кредитные рейтинги членов социальной сети этого лица, связанных с ним через авторизованные узлы. Если средний кредитный рейтинг этих членов по крайней мере не ниже минимального кредитного рейтинга, кредитор продолжает обрабатывать заявку на кредит. В противном случае заявка на кредит отклоняется».
46 Christer Holloman, "Your Facebook Updates Now Determine Your Credit Score," *Guardian*, August 28, 2014, http://www.theguardian.com/media-net work/media-network-blog/2014/aug/28/social-media-facebook-credit-score-banks; Telis Demos and Deepa Seetharaman, "Facebook Isn't So Good at Judging Your Credit After All," *Wall Street Journal*, February 24, 2016, http://www.wsj.com/articles/lenders-drop-plans-to-judge-you-by-your-facebook-friends-1456309801; Yanhao Wei et al., "Credit Scoring with Social Network Data" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, July 1, 2014), https://papers.ssrn.com/abstract=2475265; Daniel Bjorkegren and Darrell Grissen, "Behavior Revealed in Mobile Phone Usage Predicts Loan Repayment" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, July 13, 2015), https://papers.ssrn.com/abstract=2611775.
47 Creemers, "China's Chilling Plan".
48 См.: Dan Strumpf and Wenxin Fan, "Who Wants to Supply China's Surveillance State? The West," *Wall Street Journal*, November 1, 2017, https://www.wsj.com/articles/who-wants-to-supply-chinas-surveillance-state-the-west-1509540111.
49 Carl J. Friedrich, "The Problem of Totalitarianism — an Introduction," in *Totalitarianism*, ed. Carl J. Friedrich (New York: Grosset & Dunlap, 1964), 1–2.

Глава 14

1 Перевод Ш. Крола.
2 Mark Weiser, "The Computer for the 21st Century," *Scientific American*, July 1999, 89.
3 Satya Nadella, "Build 2017," Build Conference 2017, Seattle, May 10, 2017, https://ncmedia.azureedge.net/ncmedia/2017/05/Build-2017-Satya-Nadella-transcript.pdf.
4 Eric Schmidt, "Alphabet's Eric Schmidt: We Should Embrace Machine Learning — Not Fear It," *Newsweek*, January 10, 2017, http://www.newsweek.com/2017/01/20/google-eric-schmidt-embrace-machine-learning-not-fear-it-540369.html.
5 Richard Waters, "FT Interview with Google Co-founder and CEO Larry Page," *Financial Times*, October 31, 2014, http://www.ft.com/intl/cms/s/2/3173f19e-5fbc-11e4-8c27-00144feabdc0.html#axzz3JjXPNn05.
6 Marcus Wohlsen, "Larry Page Lays Out His Plan for Your Future," *Wired*, March 2014, https://www.wired.com/2014/03/larry-page-using-google-build-future-well-living.
7 Waters, "FT Interview with Google Co-founder"; Vinod Khosla, "Fireside Chat with Google Co-founders, Larry Page and Sergey Brin," Khosla Ventures, July 3, 2014, http://www.khoslaventures.com/fireside-chat-with-google-co-founders-larry-page-and-sergey-brin.

8 Miguel Helft, "Fortune Exclusive: Larry Page on Google," *Fortune*, December 11, 2012, http://fortune.com/2012/12/11/fortune-exclusive-larry-page-on-google.
9 Khosla, "Fireside Chat".
10 Larry Page, "2013 Google I/O Keynote," Google I/O, May 15, 2013, http://www.pcworld.com/article/2038841/hello-larry-googles-page-on-negativity-laws-and-competitors.html.
11 "Facebook's (FB) CEO Mark Zuckerberg on Q4 2014 Results — Earnings Call Transcript," *Seeking Alpha*, January 29, 2015, https://seekingalpha.com/article/2860966-facebooks-fb-ceo-mark-zuckerberg-on-q4-2014-results-earnings-call-transcript.
12 См.: Ashlee Vance, "Facebook: The Making of 1 Billion Users," *Bloomberg.com*, October 4, 2012, http://www.bloomberg.com/news/articles/2012-10-04/facebook-the-making-of-1-billion-users.
13 "Facebook's (FB) CEO Mark Zuckerberg on Q4 2014 Results".
14 "Facebook (FB) Mark Elliot Zuckerberg on Q1 2016 Results — Earnings Call Transcript," *Seeking Alpha*, April 28, 2016, https://seekingalpha.com/article/3968783-facebook-fb-mark-elliot-zuckerberg-q1-2016-results-earnings-call-transcript.
15 Mark Zuckerberg, "Building Global Community," Facebook, February 16, 2017, https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634.
16 Mark Zuckerberg, "Facebook CEO Mark Zuckerberg's Keynote at F8 2017 Conference (Full Transcript)," April 19, 2017, https://singjupost.com/facebook-ceo-mark-zuckerbergs-keynote-at-f8-2017-conference-full-transcript.
17 Johann Wolfgang von Goethe, "The Sorcerer's Apprentice," German Stories at Virginia Commonwealth University, 1797, http://germanstories.vcu.edu/goethe/zauber_e4.html; Иоганн Вольфганг Гете, *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 1 (Москва: Художественная литература, 1975), 296–297 (пер. Б. Пастернака).
18 Frank E. Manuel and Fritzie P. Manuel, *Utopian Thought in the Western World* (Cambridge, MA: Belknap Press, 1979), 20.
19 Manuel and Manuel, *Utopian Thought*, 23 (выделено мной — *Ш. З.*).
20 Todd Bishop and Nat Levy, "With $256 Billion, Apple Has More Cash Than Amazon, Microsoft and Google Combined," *GeekWire*, May 2, 2017, https://www.geekwire.com/2017/256-billion-apple-cash-amazon-microsoft-google-combined.
21 Manuel and Manuel, *Utopian Thought in the Western World*, 9.
22 Zuckerberg, "Building Global Community".
23 "Facebook CEO Mark Zuckerberg's Keynote at F8 2017 Conference".
24 Nadella, "Build 2017".
25 Satya Nadella, Chen Qiufan, and Ken Liu, "The Partnership of the Future," *Slate*, June 28, 2016, http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2016/06/microsoft_ceo_satya_nadella_humans_and_a_i_can_work_together_to_solve_society.html.
26 Nadella, "Build 2017".
27 Ibid.
28 Ibid. (выделено мной. — *Ш.* З.).
29 Ibid. (выделено мной. — *Ш.* З.).
30 Ibid.
31 Elad Yom-Tov et al., User behavior monitoring on a computerized device, US9427185 B2, filed June 20, 2013, and issued August 30, 2016, http://www.google.com/patents/US9427185.
32 B. F. Skinner, *Walden Two* (Indianapolis: Hackett, 2005), 195–196.
33 Eric Schmidt and Sebastian Thrun, "Let's Stop Freaking Out About Artificial Intelligence," *Fortune*, June 28, 2016, http://fortune.com/2016/06/28/artificial-intelligence-potential.
34 Schmidt and Thrun, "Let's Stop Freaking Out".

Глава 15

1 Перевод Ш. Крола.

2 Alex Pentland, "Alex Pentland Homepage — Honest Signals, Reality Mining, and Sensible Organizations," February 2, 2016, http://web.media.mit.edu/~sandy; "Alex Pentland — Bio," World Economic Forum, February 28, 2018, https://www.weforum.org/agenda/authors/alex-pentland; *Edge Video*, "The Human Strategy: A Conversation with Alex 'Sandy' Pentland," October 30, 2017, https://www.edge.org/conversation/alex_sandy_pentland-the-human-strategy.

3 Talks at Google, Sandy Pentland: "Social Physics: How Good Ideas Spread," YouTube.com, March 7, 2014, https://www.youtube.com/watch?v=HMB10ttu-Ow.

4 Maria Konnikova, "Meet the Godfather of Wearables," *Verge*, May 6, 2014, http://www.theverge.com/2014/5/6/5661318/the-wizard-alex-pentland-father-of-the-wearable-computer.

5 "Alex Pentland," *Wikipedia*, July 22, 2017, https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Alex_Pentland&oldid=791778066; Konnikova, "Meet the Godfather"; Dave Feinleib, "3 Big Data Insights from the Grandfather of Google Glass," *Forbes*, October 17, 2012, http://www.forbes.com/sites/davefeinleib/2012/10/17/3-big-data-insights-from-the-grandfather-of-google-glass.

6 Термин «социальная физика» берет свое начало в позитивистской философии Огюста Конта, предшественника Планка в его программном видении научного подхода к изучению общества, который сравнился бы в точности с естественными науками. В 1830-х гг. Конт писал следующее: «Теперь, когда человеческий дух создал небесную физику, физику земную <…> физику органическую <…> ему остается только закончить систему наблюдательных наук созданием социальной физики». См.: Auguste Comte, Introduction to Positive Philosophy, ed. Frederick Ferré (Indianapolis: Hackett, 1988), 13; Огюст Конт, *Курс позитивной философии*, т. 1 (Санкт-Петербург: Книжный магазин Товарищества «Посредник», 1899), 11.

Спустя почти двести лет теория Пентленда и его исследования в области социальной физики сделали его героем статей в таких изданиях, как New York Times, Harvard Business Review и New Yorker, а также видным докладчиком на международной арене — от ООН и Всемирного экономического форума до корпораций и международных конференций. В Microsoft и Google его величали «верховным гением» «революции больших данных», чьи «новаторские эксперименты» и «замечательные открытия» сделали его работу «основой целой новой научной области». После выхода его книги «Социальная физика» Пентленд был представлен на популярной конференции Digital-Life-Design в 2014 г. известным аналитиком социальных сетей Клэем Ширки, который высказал мнение, что Лаборатория человеческой динамики Пентленда «за последние десять лет сделала для объяснения человеческого поведения в группах больше, чем любой другой институт в мире».

7 Konnikova, "Meet the Godfather".

8 Ibid.

9 Tanzeem Choudhury and Alex Pentland, "The Sociometer: A Wearable Device for Understanding Human Networks" (white paper, Computer Supported Cooperative Work — Workshop on Ad Hoc Communications and Collaboration in Ubiquitous Computing Environments), November 2, 2002.

10 Choudhury and Pentland, "The Sociometer".

11 Nathan Eagle and Alex Pentland, "Reality Mining: Sensing Complex Social Systems," *Personal and Ubiquitous Computing* 10, no. 4 (2006): 255.

12 Alex Pentland, "'Reality Mining' the Organization," *MIT Technology Review*, March 31, 2004, https://www.technologyreview.com/s/402609/reality-mining-the-organization.

13 Eagle and Pentland, "Reality Mining".
14 Kate Greene, "TR10: Reality Mining," *MIT Technology Review*, February 19, 2008, http://www2.technologyreview.com/news/409598/tr10-reality-mining; Alex Pentland, *Social Physics: How Good Ideas Spread — the Lessons from a New Science* (Brunswick, NJ: Scribe, 2014), 217–218; Алекс Пентленд, *Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки* (Москва: АСТ, 2018), 266–267.
15 Pentland, *Social Physics*, 2–3; Пентленд, *Социальная физика*, 8.
16 Greene, "TR10".
17 Alex Pentland, "The Data-Driven Society," *Scientific American* 309 (October 2013): 78–83, https://doi.org/doi:10.1038/scientificamerican1013-78.
18 Pentland, "'Reality Mining' the Organization".
19 Nathan Eagle and Alex Pentland, Combined short range radio network and cellular telephone network for interpersonal communications, MIT ID: 10705T, US US7877082B2, filed May 6, 2004, and issued September 19, 2014, https://patents.google.com/patent/US20150006207A1/en.
20 См.: Ryan Singel, "When Cell Phones Become Oracles," *Wired*, July 25, 2005, https://www.wired.com/2005/07/when-cell-phones-become-oracles.
21 Pentland, "'Reality Mining' the Organization".
22 D. O. Olguin et al., "Sensible Organizations: Technology and Methodology for Automatically Measuring Organizational Behavior," IEEE *Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part B* (Cybernetics) 39, no. 1 (2009): 43–55,.
23 Taylor Soper, "MIT Spinoff Tenacity Raises $1.5M to Improve Workplace Productivity with 'Social Physics,'" *GeekWire*, February 10, 2016, https://www.geekwire.com/2016/tenacity-raises-1-5m; Ron Miller, "Endor Emerges from MIT Research with Unique Predictive Analytics Tech," *TechCrunch*, March 8, 2017, http://social.techcrunch.com/2017/03/08/endor-emerges-from-mit-research-with-unique-predictive-analytics-tech; Rob Matheson, "Watch Your Tone," *MIT News*, January 20, 2016, http://news.mit.edu/2016/startup-cogito-voice-analytics-call-centers-ptsd-0120.
24 Ben Waber, *People Analytics: How Social Sensing Technology Will Transform Business and What It Tells Us About the Future of Work* (Upper Saddle River, NJ: FT Press, 2013).
25 Ron Miller, "New Firm Combines Wearables and Data to Improve Decision Making," *TechCrunch*, February 24, 2015, http://social.techcrunch.com/2015/02/24/new-firm-combines-wearables-and-data-to-improve-decision-making.
26 Miller, "New Firm"; Alexandra Bosanac, "How 'People Analytics' Is Transforming Human Resources," *Canadian Business*, October 26, 2015, http://www.canadianbusiness.com/innovation/how-people-analytics-is-transforming-human-resources.
27 Pentland, "The Data-Driven Society".
28 "Alex Pentland Homepage"; Endor.com, December 23, 2017; "Endor — Careers," http://www.endor.com/careers; "Endor — Social Physics," http://www.endor.com/social-physics.
29 "Yellow Pages Acquires Sense Networks," Yellow Pages, January 6, 2014, http://corporate.yp.com/yp-acquires-sense-networks.
30 Alison E. Berman, "MIT's Sandy Pentland: Big Data Can Be a Profoundly Humanizing Force in Industry," *Singularity Hub*, May 16, 2016, https://singularityhub.com/2016/05/16/mits-sandy-pentland-big-data-can-be-a-profoundly-humanizing-force-in-industry.
31 Berman, "MIT's Sandy Pentland".
32 Alex Pentland, "Society's Nervous System: Building Effective Government, Energy, and Public Health Systems," *MIT Open Access Articles*, October 2011, http://dspace.mit.edu/handle/1721.1/66256.
33 Pentland, "Society's Nervous System," 3.
34 Ibid., 6.
35 Ibid., 2–4.

36 Ibid., 3.
37 Ibid., 10.
38 Ibid., 8 (выделено мной. — *Ш.* З.).
39 Pentland, "Society's Nervous System".
40 Pentland, *Social Physics*, 10–11; Пентленд, *Социальная физика*, 25.
41 Ibid., 12; Там же, 28 (выделено мной. — *Ш.* З.).
42 Ibid., 245; Там же, 295.
43 Ibid., 7; Там же, 31 (выделено мной. — *Ш.* З.; перевод изменен. — *Прим. пер.*)
44 B. F. Skinner, *Beyond Freedom & Dignity* (Indianapolis: Hackett, 2002), 175; Скиннер, *По ту сторону свободы и достоинства*, 146.
45 B. F. Skinner, *Walden Two* (Indianapolis: Hackett, 2005), 241.
46 Ibid., 162.
47 Ibid., 239.
48 Pentland, *Social Physics*, 19; Пентленд, *Социальная физика*, 35.
49 Ibid., 143, 18; Там же, 178, 35–36.
50 Ibid., 153; Там же, 191.
51 Skinner, *Walden Two*, 275.
52 Ibid., 252.
53 Ibid., 255–256.
54 Ibid., 218–219.
55 Pentland, *Social Physics*, 191; Пентленд, *Социальная физика*, 235–236.
56 Ibid., 2–3; Там же, 15.
57 Ibid., 6–7; Там же, 20.
58 Ibid., 172;Там же, 212.
59 Ibid., 38; Там же, 56–57.
60 Skinner, *Walden Two*, 92–93 (выделено мной. — *Ш.* З.).
61 Pentland, *Social Physics*, 69; Пентленд, *Социальная физика*, 93–94.
62 Ibid., 184; Там же, 222.
63 Ibid., 152; Там же, 95.
64 Ibid., 190; Там же, 234.
65 Ibid., 46; Там же, 65.
66 Alex Pentland, "The Death of Individuality: What Really Governs Your Actions?" *New Scientist* 222, no. 2963 (2014): 30–31.
67 Skinner, *Beyond Freedom & Dignity*, 155–156; Скиннер, *По ту сторону свободы и достоинства*, 130–131.
68 Pentland, *Social Physics*, 191, 203–204; Пентленд, *Социальная физика*, 236, 249–250.
69 Pentland, "The Death of Individuality".
70 Skinner, *Beyond Freedom & Dignity*, 200, 205; Скиннер, *По ту сторону свободы и достоинства*, 165–166.
71 Ibid., 211; Там же, 173–174.
72 Talks at Google, Sandy Pentland: "Social Physics: How Good Ideas Spread".
73 Noam Chomsky, "The Case Against B. F. Skinner," *New York Review of Books*, December 30, 1971.
74 Pentland, *Social Physics*, 189; Пентленд, *Социальная физика*, 232–233.
75 Ibid., 190; Там же, 234.
76 Alex Pentland, "Reality Mining of Mobile Communications: Toward a New Deal on Data," in *Global Information Technology Report, World Economic Forum & INSEAD* (World Economic Forum, 2009), 75–80.
77 Harvard Business Review Staff, "With Big Data Comes Big Responsibility," *Harvard Business Review*, November 1, 2014, https://hbr.org/2014/11/with-big-data-comes-big-responsibility.
78 "Who Should We Trust to Manage Our Data?" World Economic Forum, accessed August 9, 2018, https://www.weforum.org/agenda/2015/10/who-should-we-trust-manage-our-data/.

79 Primavera De Filippi and Benjamin Loveluck, "The Invisible Politics of Bitcoin: Governance Crisis of a Decentralized Infrastructure," *Internet Policy Review* 5, no. 3 (September 30, 2016).
80 Staff, "With Big Data Comes Big Responsibility".

Глава 16

1 Перевод Ш. Крола.
2 "The World UNPLUGGED," *The World UNPLUGGED*, https://theworldunplugged.wordpress.com.
3 Интересный анализ см. в: Katherine Losse, *The Boy Kings: A Journey into the Heart of the Social Network* (New York: Free Press, 2012).
4 "Confusion," *The World UNPLUGGED*, February 26, 2011, https://theworldunplugged.wordpress.com/emotion/confusion.
5 "College Students Spend 12 Hours/Day with Media, Gadgets," *Marketing Charts,* November 30, 2009, https://www.marketingcharts.com/television-11195.
6 Andrew Perrin and Jingjing Jiang, "About a Quarter of U.S. Adults Say They Are 'Almost Constantly' Online," *Pew Research Center*, March 14, 2018, http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/14/about-a-quarter-of-americans-report-going-online-almost-constantly; Monica Anderson and Jingjing Jiang, "Teens, Social Media & Technology 2018," *Pew Research Center*, May 31, 2018, http://www.pewinternet.org/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018/.
7 Jason Dorsey, "Gen Z — Tech Disruption: 2016 National Study on Technology and the Generation After Millennials," *Center for Generational Kinetics*, 2016, http://3pur2814p18t46fuop22hvvu.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2017/01/Research-White-Paper-Gen-Z-Tech-Disruption-c-2016-Center-for-Generational-Kinetics.pdf.
8 Sarah Marsh, "Girls Suffer Under Pressure of Online 'Perfection,' Poll Finds," *Guardian*, August 22, 2017, http://www.theguardian.com/society/2017/aug/23/girls-suffer-under-pressure-of-online-perfection-poll-finds.
9 Одно из первых и плодотворных теоретических осмыслений интернета как зоны объективации личности: Julie E. Cohen, "Examined Lives: Informational Privacy and the Subject as Object" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, August 15, 2000), https://papers.ssrn.com/abstract=233597.
10 Sarah Marsh and Guardian readers, "Girls and Social Media: 'You Are Expected to Live Up to an Impossible Standard,'" *Guardian*, August 22, 2017, http://www.theguardian.com/society/2017/aug/23/girls-and-social-media-you-are-expected-to-live-up-to-an-impossible-standard.
11 См.: Marsh, "Girls and Social Media".
12 "Millennials Check Their Phones More Than 157 Times per Day," *New York*, May 31, 2016, https://socialmediaweek.org/newyork/2016/05/31/millennials-check-phones-157-times-per-day (выделено мной).
13 Natasha Dow Schüll, *Addiction by Design: Machine Gambling in Las Vegas* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014), 166–67.
14 Schüll, *Addiction by Design*, 160.
15 Natasha Dow Schüll, "Beware: 'Machine Zone' Ahead," *Washington Post*, July 6, 2008, http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/07/04/AR2008070402134.html (выделено мной).
16 См.: Schüll, *Addiction by Design*, 174.
17 Alex Hern, "'Never Get High on Your Own Supply' — Why Social Media Bosses Don't Use Social Media," *Guardian*, January 23, 2018, http://www.theguardian.com/media/2018/jan/23/never-get-high-on-your-own-supply-why-social-media-bosses-dont-use-social-media.

18 Jessica Contrera, "This Is What It's Like to Grow Up in the Age of Likes, Lols and Longing," *Washington Post*, May 25, 2016, http://www.washingtonpost.com/sf/style/2016/05/25/13-right-now-this-is-what-its-like-to-grow-up-in-the-age-of-likes-lols-and-longing.

19 Granville Stanley Hall, *Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education* (Memphis, TN: General Books, 2013), 1:3.

20 Hall, *Adolescence*, 1:84.

21 Erik H. Erikson, *Identity and the Life Cycle* (New York: W. W. Norton, 1994), 126–127. См. также: Erik H. Erikson, *Identity: Youth and Crisis* (New York: W. W. Norton, 1994), esp. 128–135; Эрик Эриксон, *Идентичность: юность и кризис* (Москва: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006), особенно с. 139–146.

22 Введение в это понятие см. в: Jeffrey Jensen Arnett, *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

23 См., например, Laurence Steinberg and Richard M. Lerner, "The Scientific Study of Adolescence: A Brief History," *Journal of Early Adolescence* 24, no. 1 (2004): 45–54; Arnett, Emerging Adulthood; Daniel Lapsley and Ryan D. Woodbury, "Social Cognitive Development in Emerging Adulthood," in *The Oxford Handbook of Emerging Adulthood* (Oxford: Oxford University Press, 2015); Wim Meeus, "Adolescent Psychosocial Development: A Review of Longitudinal Models and Research," *Developmental Psychology* 52, no. 12 (2016): 1969–1993; Jeffrey Jensen Arnett et al., *Debating Emerging Adulthood: Stage or Process?* (Oxford: Oxford University Press, 2011).

24 Dan P. McAdams, "Life Authorship in Emerging Adulthood," in *The Oxford Handbook of Emerging Adulthood* (Oxford: Oxford University Press, 2015), 438.

25 Lapsley and Woodbury, "Social Cognitive Development," 152.

26 Lapsley and Woodbury, 155. Академические дискуссии о балансе между индивидуацией и привязанностью часто выходят на вопросы культуры. Насколько универсальны эти представления о развития? На мой взгляд, в следующем отрывке из обзора Лапсли и Вудбери этот вопрос рассматривается достаточно здраво и сбалансировано: «Как именно индивидуация проявляется в разных этнических и расовых группах, в разных культурных условиях, внутри стран или в кросснациональных выборках, — все это вопрос эмпирического исследования. Но конфликт между автономией и единением, на наш взгляд, является одной из базовых дихотомий человеческого существования (Bakan, 1966). Конкретное соотношение вполне может меняться от культуры к культуре. Некоторые общества могут ставить на первое место единение, но это не значит, что автономия не играет никакой роли. Другие общества могут отдавать предпочтение автономии, но стремление к привязанности, общению и связи всегда присутствует. Более того, проявления автономии/единения будут различаться на разных этапах жизни одного и того же человека, в зависимости от его относительного социального статуса, приоритетов развития или жизненных обстоятельств. Каким бы ни был компромисс между автономией и единением, ранняя взрослость — это тот период развития, в течение которого решается этот трудный вопрос, что имеет важные последствия для дальнейшей адаптации во взрослой жизни». Ссылка в этом отрывке — на David Bakan, *The Duality of Human Existence: Isolation and Communion in Western Man* (Boston: Beacon, 1966).

27 Robert Kegan, *The Evolving Self: Problem and Process in Human Development* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982), 96.

28 Erikson, *Identity: Youth and Crisis*, 130; Эриксон, *Идентичность: юность и кризис*, 141.

29 Kegan, *The Evolving Self*, 19.

30 Lapsley and Woodbury, "Social Cognitive Development," 152.
31 danah boyd, *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens* (New Haven, CT: Yale University Press, 2014), 8; дэна бойд, *Все сложно: жизнь подростков в социальных сетях* (Москва: Издательский дом ВШЭ, 2020), 30.
32 Chris Nodder, *Evil by Design: Interaction Design to Lead Us into Temptation* (Indianapolis: Wiley, 2013), xv.
33 Lapsley and Woodbury, "Social Cognitive Development," 152.
34 Nodder, *Evil by Design*, 5.
35 "What's the History of the Awesome Button (That Eventually Became the Like Button) on Facebook?" *Quora*, September 19, 2017, https://www.quora.com/Whats-the-history-of-the-Awesome-Button-that-eventually-became-the-Like-button-on-Facebook.
36 См.: John Paul Titlow, "How Instagram Learns from Your Likes to Keep You Hooked," *Fast Company*, July 7, 2017, https://www.fastcompany.com/4043 4598/how-instagram-learns-from-your-likes-to-keep-you-hooked.
37 Adam Alter, *Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked* (New York: Penguin, 2017), 128.
38 Josh Constine, "How Facebook News Feed Works," *TechCrunch*, September 6, 2016, http://social.techcrunch.com/2016/09/06/ultimate-guide-to-the-news-feed.
39 Michael Arrington, "Facebook Users Revolt, Facebook Replies," *TechCrunch*, http://social.techcrunch.com/2006/09/06/facebook-users-revolt-facebook-replies.
40 Victor Luckerson, "Here's How Your Facebook News Feed Actually Works," *Time*, July 9, 2015, http://time.com/collection-post/3950525/facebook-news-feed-algorithm.
41 См.: Constine, "How Facebook News Feed Works". Цит. по: Will Oremus, "Who Controls Your Facebook Feed," *Slate*, January 3, 2016, http://www.slate.com/articles/technology/cover_story/2016/01/how_facebook_s_news_feed_algorithm_works.html.
42 Constine, "How Facebook News Feed Works".
43 См.: Luckerson, "Here's How Your Facebook News Feed Actually Works".
44 См.: Oremus, "Who Controls Your Facebook Feed".
45 Alessandro Acquisti, Laura Brandimarte, and George Loewenstein, "Privacy and Human Behavior in the Age of Information," *Science* 347, no. 6221 (2015): 509–514.
46 Jerry Suls and Ladd Wheeler, "Social Comparison Theory," in *Theories of Social Psychology*, ed. Paul A. M. Van Lange, Arie W. Kruglanski, and E. Tory Higgins, vol. 2 (Thousand Oaks, CA: Sage, 2012), 460–482.
47 David R. Mettee and John Riskind, "Size of Defeat and Liking for Superior and Similar Ability Competitors," *Journal of Experimental Social Psychology* 10, no. 4 (1974): 333–351; См. также T. Mussweiler and K. Rütter, "What Friends Are For! The Use of Routine Standards in Social Comparison," *Journal of Personality and Social Psychology* 85, no. 3 (2003): 467–481.
48 Suls and Wheeler, "Social Comparison Theory".
49 K. Hennigan and L. Heath, "Impact of the Introduction of Television on Crime in the United States: Empirical Findings and Theoretical Implications," *Journal of Personality and Social Psychology* 42, no. 3 (1982): 461–477; Hyeseung Yang and Mary Beth Oliver, "Exploring the Effects of Television Viewing on Perceived Life Quality: A Combined Perspective of Material Value and Upward Social Comparison," *Mass Communication and Society* 13, no. 2 (2010): 118–138.
50 Amanda L. Forest and Joanne V. Wood, "When Social Networking Is Not Working," *Psychological Science* 23, no. 3 (2012): 295–302; Lin Qiu et al., "Putting Their Best Foot Forward: Emotional Disclosure on Facebook," *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking* 15, no. 10 (2012): 569–572.
51 Jiangmeng Liu et al., "Do Our Facebook Friends Make Us Feel Worse? A Study of Social Comparison and Emotion," *Human Communication Research* 42, no. 4 (2016): 619–640.

52 Andrew K. Przybylski et al., "Motivational, Emotional, and Behavioral Correlates of Fear of Missing Out," *Computers in Human Behavior* 29, no. 4 (2013): 1841–1848.

53 Qin-Xue Liu et al., "Need Satisfaction and Adolescent Pathological Internet Use: Comparison of Satisfaction Perceived Online and Offline," *Computers in Human Behavior* 55 (February 2016): 695–700; Dorit Alt, "College Students' Academic Motivation, Media Engagement and Fear of Missing Out," *Computers in Human Behavior* 49 (August 2015): 111–19; Roselyn J. Lee-Won, Leo Herzog, and Sung Gwan Park, "Hooked on Facebook: The Role of Social Anxiety and Need for Social Assurance in Problematic Use of Facebook," *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking* 18, no. 10 (2015): 567–574; Jon D. Elhai et al., "Fear of Missing Out, Need for Touch, Anxiety and Depression Are Related to Problematic Smartphone Use," *Computers in Human Behavior* 63 (October 2016): 509–516.

54 Nina Haferkamp and Nicole C. Krämer, "Social Comparison 2.0: Examining the Effects of Online Profiles on Social-Networking Sites," *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking* 14, no. 5 (2011): 309–314. См. также Helmut Appel, Alexander L. Gerlach, and Jan Crusius, "The Interplay Between Facebook Use, Social Comparison, Envy, and Depression," *Current Opinion in Psychology* 9 (June 2016): 44–49.

55 Ethan Kross et al., "Facebook Use Predicts Declines in Subjective Well-Being in Young Adults," *PLoS ONE* 8, no. 8 (2013): e69841, https://doi.org/10.1371/journal.pone.0069841.

56 Hanna Krasnova et al., "Envy on Facebook: A Hidden Threat to Users' Life Satisfaction?" *Wirtschaftsinformatik Proceedings* 2013 92 (January 1, 2013), http://aisel.aisnet.org/wi2013/92; Christina Sagioglou and Tobias Greitemeyer, "Facebook's Emotional Consequences: Why Facebook Causes a Decrease in Mood and Why People Still Use It," *Computers in Human Behavior* 35 (June 2014): 359–363.

57 Edson C. Tandoc Jr., Patrick Ferruci, and Margaret Duffy, "Facebook Use, Envy, and Depression Among College Students: Is Facebooking Depressing?" *Computers in Human Behavior* 43 (February 2015): 139–146.

58 Adriana M. Manago et al., "Facebook Involvement, Objectified Body Consciousness, Body Shame, and Sexual Assertiveness in College Women and Men," *Springer* 72, nos. 1–2 (2014): 1–14,.

59 Jan-Erik Lönnqvist and Fenne große Deters, "Facebook Friends, Subjective Well-Being, Social Support, and Personality," *Computers in Human Behavior* 55 (February 2016): 113–120; Daniel C. Feiler and Adam M. Kleinbaum, "Popularity, Similarity, and the Network Extraversion Bias," *Psychological Science* 26, no. 5 (2015): 593–603.

60 Brian A. Primack et al., "Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the U.S.," *American Journal of Preventive Medicine* 53, no. 1 (2017): 1–8; Taylor Argo and Lisa Lowery, "The Effects of Social Media on Adolescent Health and Well-Being," *Journal of Adolescent Health* 60, no. 2 (2017): S75–76; Elizabeth M Seabrook, Margaret L. Kern, and Nikki S. Rickard, "Social Networking Sites, Depression, and Anxiety: A Systematic Review," *JMIR Mental Health* 3, no. 4 (2016): e50, https://doi.org/10.2196/mental.5842.

61 Holly B. Shakya and Nicholas A. Christakis, "Association of Facebook Use with Compromised Well-Being: A Longitudinal Study," *American Journal of Epidemiology*, January 16, 2017, https://doi.org/10.1093/aje/kww189.

62 В оригинале stool pigeon — подсадной голубь. — *Прим. пер.*

63 Bernd Heinrich, *The Homing Instinct* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2014), 298–299.

64 Erving Goffman, *The Presentation of Self in Everyday Life* (New York: Anchor, 1959), 112–132; Ирвинг Гофман, *Представление себя другим в повседневной жизни* (Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000), 148–169.

65 По этому вопросу существует обширная литература, но есть две статьи, которые ссылаются на «эффекты сдерживания» именно в социальных

сетях: Sauvik Das and Adam Kramer, "Self-Censorship on Facebook," in *Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, 2013; Alice E. Marwick and danah boyd, "I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience," *New Media & Society* 13, no. 1 (2011): 114–133.

66 Shoshana Zuboff, file note, November 9, 2017, Queen's University, Kingston, Ontario.

67 Ben Marder, Adam Joinson, Avi Shankar, and David Houghton, "The Extended 'Chilling' Effect of Facebook: The Cold Reality of Ubiquitous Social Networking," *Computers in Human Behavior* 60 (July 1, 2016): 582–592.

68 Stanley Milgram and Thomas Blass, *The Individual in a Social World: Essays and Experiments*, 3rd ed. (London: Pinter & Martin, 2010), xxi–xxiii; Стэнли Милграм, *Эксперимент в социальной психологии* (Санкт-Петербург: Питер, 2000), 14–15.

69 Милграм, *Эксперимент в социальной психологии*, 15.

Глава 17

1 Gaston Bachelard, *The Poetics of Space* (Boston: Beacon, 1994), 60; Гастон Башляр, *Избранное: Поэтика пространства* (Москва: РОССПЭН, 2004), 67–68.

2 Ibid, 7; Там же, 28–29.

3 Ibid., 91; Там же, 90–91.

4 Philip Marfleet, "Understanding 'Sanctuary': Faith and Traditions of Asylum," *Journal of Refugee Studies* 24, no. 3 (2011): 440–455.

5 John Griffiths Pedley, *Sanctuaries and the Sacred in the Ancient Greek World* (New York: Cambridge University Press, 2005), 97.

6 H. Bianchi, *Justice as Sanctuary* (Eugene, OR: Wipf & Stock, 2010). См. также: Norman Maclaren Trenholme and Frank Thilly, *The Right of Sanctuary in England: A Study in Institutional History*, vol. 1 (Columbia: University of Missouri, 1903).

7 Linda McClain, "Inviolability and Privacy: The Castle, the Sanctuary, and the Body," *Yale Journal of Law & the Humanities* 7, no. 1 (1995): 203, http://digitalcommons.law.yale.edu/yjlh/vol7/iss1/9.

8 Darhl M. Pedersen, "Psychological Functions of Privacy," *Journal of Environmental Psychology* 17, no. 2 (1997): 147–156. Ценные работы на связанные с этим темы в рамках правоведения: Daniel J. Solove, "'I've Got Nothing to Hide' and Other Misunderstandings of Privacy," *San Diego Law Review* 44 (July 12, 2007): 745; Julie E. Cohen, "What Privacy Is For" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 5, 2012), https://papers.ssrn.com/abstract=2175406.

9 Anita L. Allen, *Unpopular Privacy: What Must We Hide?* (New York: Oxford University Press, 2011), 4.

10 Orin S. Kerr, "Searches and Seizures in a Digital World," *Harvard Law Review* 119, no. 2 (2005): 531–585; Elizabeth B. Wydra, Brianne J. Gorod, and Brian R. Frazelle, "Timothy Ivory Carpenter v. United States of America — On Writ of Certiorari to the United States Court of Appeals for the Sixth Circuit — Brief of Scholars of the History and Original Meaning of the Fourth Amendment as Amici Curiae in Support of Petitioner," Supreme Court of the United States, August 14, 2017; David Gray, *The Fourth Amendment in an Age of Surveillance* (New York: Cambridge University Press, 2017); David Gray, "The Fourth Amendment Categorical Imperative," *Michigan Law Review*, 2017, http://michiganlawreview.org/the-fourth-amendment-categorical-imperative.

11 См.: Jennifer Daskal, "The Un-territoriality of Data," *Yale Law Journal* 125, no. 2 (2015): 326–398.

12 Andrew Guthrie Ferguson, "The Internet of Things and the Fourth Amendment of Effects," *California Law Review*, August 3, 2015, 879–80, https://papers.ssrn.com/abstract=2577944.

13 Lisa Van Dongen and Tjerk Timan, "Your Smart Coffee Machine Knows What You Did Last Summer: A Legal Analysis of the Limitations of Traditional Privacy of the Home Under Dutch Law in the Era of Smart Technology" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, September 1, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=3090340.

14 Ясное объяснение «согласия», как оно понимается в GDPR, см. в: Sally Annereau, "Understanding Consent Under the GDPR," Global Data Hub, November 2016, https://globaldatahub.taylorwessing.com/article/understanding-consent-under-the-gdpr.

15 McCann FitzGerald and Ruairí Madigan, "GDPR and the Internet of Things: 5 Things You Need to Know," *Lexology*, May 26, 2016, http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ba0b0d12-bae3-4e93-b832-85c15620b877.

16 Daphne Keller, "The Right Tools: Europe's Intermediary Liability Laws and the 2016 General Data Protection Regulation" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, March 22, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2914684; Sandra Wachter, "Normative Challenges of Identification in the Internet of Things: Privacy, Profiling, Discrimination, and the GDPR" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, December 6, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=3083554; Tal Zarsky, "Incompatible: The GDPR in the Age of Big Data" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, August 8, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=3022646; Anna Rossi, "Respected or Challenged by Technology? The General Data Protection Regulation and Commercial Profiling on the Internet" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, July 13, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2852739; Viktor Mayer-Schönberger and Yann Padova, "Regime Change? Enabling Big Data Through Europe's New Data Protection Regulation," *Columbia Science & Technology Law Review* 315 (2016): 315–335.

17 Paul-Olivier Dehaye, e-mail message to DCMS Committee, March 6, 2018, http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/digital-culture-media-and-sport-committee/fake-news/written/80117.html.

18 Paul-Olivier Dehaye, e-mail message to DCMS Committee, March 7, 2018, http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/digital-culture-media-and-sport-committee/fake-news/written/80117.html (выделено мной).

19 Для лучшего понимания данных и архитектуры Hive, см. аудит Facebook, проведенный в 2011–2012 ирландским комиссаром по защите данных по следам усилий защитника приватности Макса Шремса, который оспорил сбор Facebook персональных данных граждан ЕС: "Facebook Audit," Data Protection Commission — Ireland, July 3, 2018, https://www.dataprotection.ie/docs/Facbook-Audit/1290.htm.

20 "How Can I Download a Copy of My Facebook Data?" Facebook, https://www.facebook.com/help/1701730696756992; "What to Look for in Your Facebook Data — and How to Find It," *Wired*, April 26, 2018, https://www.wired.com/story/download-facebook-data-how-to-read.

21 John Paul Titlow, "How Instagram Learns from Your Likes to Keep You Hooked," *Fast Company*, July 7, 2017, https://www.fastcompany.com/40434598/how-instagram-learns-from-your-likes-to-keep-you-hooked; Lilian Edwards and Michael Veale, "Slave to the Algorithm? Why a 'Right to an Explanation' Is Probably Not the Remedy You Are Looking For" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, May 23, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2972855; Michael Veale, Reuben Binns, and Jef Ausloos, "When Data Protection by Design and Data Subject Rights Clash," *International Data Privacy Law*,

April 26, 2018, https://doi.org/10.1093/idpl/ipy002; Dimitra Kamarinou, Christopher Millard, and Jatinder Singh, "Machine Learning with Personal Data" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, November 7, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2865811.

22 Andrew Tutt, "An FDA for Algorithms," *Administrative Law Review* 69, no. 83 (2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2747994.

23 Личное сообщение.

24 В исторической перспективе эта динамика власти отлично рассматривается в: Robin Mansell, "Bits of Power: Struggling for Control of Information and Communication Networks," *Political Economy of Communication* 5, no. 1 (2017), 2–29, especially 16.

25 Laura Nader, "The Life of the Law — a Moving Story," *Valparaiso University Law Review* 36, no. 3 (2002): 658.

26 Дополнительные сведения о NOYB можно получить на ее весьма информативном сайте: "Noyb.Eu | My Privacy Is None of Your Business," https://noyb.eu. См. также: Hannah Kuchler, "Max Schrems: The Man Who Took on Facebook — and Won," *Financial Times*, April 5, 2018.

27 2010–2012: Kit Seeborg, "Facebook Q4 2012 Quarterly Earnings," January 31, 2013, https://www.slideshare.net/kitseeborg/fb-q412-investordeck/4-Daily_Active_Users_DAUsMillions_of; 2013–2014: "Facebook Q4 2014 Results," investor.fb.com, August 4, 21018, http://files.shareholder.com/downloads/AMDA-NJ5DZ/3907746207x0x805520/2D74EDCA-E02A-420B-A262-BC096264BB93/FB_Q414EarningsSlides20150128.pdf, 3; 2015–2017: Deborah Crawford et al., "Facebook, Inc. (FB) — Fourth Quarter and Full Year 2016 Results," February 1, 2017, https://s21.q4cdn.com/399680738/files/doc _financials/2017/Q4/Q4-2017-Earnings-Presentation.pdf, 2.

28 United States and Canada: "Facebook: Quarterly Revenue in U.S. and Canada from 1st Quarter 2010 to 2nd Quarter 2018," *Statista*, 2018, https://www.statista.com/statistics/223280/facebooks-quarterly-revenue-in-the-us-and-canada-by-segment/#0; Europe: "Facebook: Quarterly Revenue in Europe from 1st Quarter 2010 to 2nd Quarter 2018," *Statista*, 2018, https://www.statista.com/statistics/223279/facebooks-quarterly-revenue-in-europe/#0.

29 "Global Stats," *statcounter.com*, http://gs.statcounter.com.

30 См.: Daisuke Wakabayashi and Adam Satariano, "How Looming Privacy Regulations May Strengthen Facebook and Google," *New York Times*, April 24, 2018, https://www.nytimes.com/2018/04/23/technology/privacy-regulation-facebook-google.html.

31 "Recommendations for Implementing Transparency, Consent and Legitimate Interest Under the GDPR," Centre for Information Policy Leadership, Hunton and Williams LLP, GDPR Implementation Project, May 19, 2017.

32 "Exclusive: Facebook to Put 1.5 Billion Users Out of Reach of New EU Privacy Law," *Reuters*, April 19, 2018, https://www.reuters.com/article/us-facebook-privacy-eu-exclusive/exclusive-facebook-to-change-user-terms-limiting-effect-of-eu-privacy-law-idUSKBN1HQ00P.

33 Elizabeth E. Joh, "Privacy Protests: Surveillance Evasion and Fourth Amendment Suspicion," *Arizona Law Review* 55, no. 4 (2013): 997–1029; Jeffrey L. Vagle, "Furtive Encryption: Power, Trust, and the Constitutional Cost of Collective Surveillance," *Indiana Law Journal* 90, no. 1 (2015), http://papers.ssrn.com/abstract=2550934.

34 "How to Be Invisible: 15 Anti-surveillance Gadgets & Wearables," *WebUrbanist*, November 28, 2016, http://weburbanist.com/2016/11/28/how-to-be-invisible-15-anti-surveillance-designs-installations. Другая актуальная статья об этом: "The Role of Hackers in Countering Surveillance and Promoting Democracy," April 29, 2018, https://search-proquest-com.ezproxy.cul.columbia.edu/docview/1719239523?pq-origsite=gscholar.

35 См.: Zach Sokol, "Hide from Surveillance by Wearing a Mask of This Artist's Face," *Creators*, May 7, 2014, https://creators.vice.com/en_us/article/pgqp87/hide-from-surveillance-by-wearing-a-mask-of-this-artists-face.
36 См.: "Backslash," Backslash.com, August 4, 2018, http://www.backslash.cc.
37 Mehrdad Hessar et al., "Enabling On-Body Transmissions with Commodity Devices," *UBICOMP* 16, September 12–16, 2016, Heidelberg, Germany.
38 См.: Adam Harvey, "Stealth Wear — Anti-drone Fasion," ah projects, December 3, 2012, https://ahprojects.com/projects/stealth-wear.
39 См.: Benjamin Grosser, "Projects," Benjamin Grosser, August 3, 2018, https://bengrosser.com/projects.
40 Cade Metz, "The Unsettling Performance That Showed the World Through AI's Eyes," *Wired*, April 30, 2017, https://www.wired.com/2017/04/unsettling-performance-showed-world-ais-eyes/; Thu-Huong Ha, "Ai Weiwei's New Show Exposes the Creepy Consequences of Our Obsession with Posing for the Camera," *Quartz*, April 29, 2018, https://qz.com/1000684/ai-weiwei-herzog-de-meuron-artwork-hansel-gretel-exposes-the-creepy-consequences-of-our-obsession-with-posing-for-the-camera.

Глава 18

1 Перевод Ш. Крола.
2 Adam Smith, *The Wealth of Nations*, ed. Edwin Cannan (New York: Modern Library, 1994), 485; Адам Смит, *Исследование о природе и причинах богатства народов* (Москва: Эксмо, 2007), 443.
3 Friedrich August von Hayek, *The Collected Works of Friedrich August Hayek*, ed. William Warren Bartley (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 1:14; Фридрих Август фон Хайек, *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* (Москва: Новости, Catallaxy, 1992), 30.
4 Friedrich Hayek, "The Use of Knowledge in Society," in Friedrich Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1980), 85–89; Фридрих Август фон Хайек, "Использование знания в обществе", в: Фридрих Август фон Хайек, *Индивидуализм и экономический порядок* (Челябинск: Социум, 2011), 103–107.
5 Hayek, "The Use of Knowledge," 89; Хайек, "Использование знания в обществе", 106 (выделено мной. — *Ш. З.*).
6 Ashlee Vance, "Facebook: The Making of 1 Billion Users," *Bloomberg.com*, http://www.bloomberg.com/news/articles/2012-10-04/facebook-the-making-of-1-billion-users.
7 Tom Simonite, "What Facebook Knows," *MIT Technology Review*, June 13, 2012, https://www.technologyreview.com/s/428150/what-facebook-knows.
8 См.: Vance, "Facebook: The Making of 1 Billion Users".
9 Derek Thompson, "Google's CEO: 'The Laws Are Written by Lobbyists,'" *Atlantic*, October 1, 2010, https://www.theatlantic.com/technology/archive/2010/10/googles-ceo-the-laws-are-written-by-lobbyists/63908.
10 Satya Nadella, "Satya Nadella: Build 2017," *News Center*, May 10, 2017, https://news.microsoft.com/speeches/satya-nadella-build-2017.
11 Smith, *The Wealth of Nations*, 939–940; Смит, *Исследование о природе и причинах богатства народов*, 804.
12 Эти данные взяты из моей собственной подборки данных о рыночной капитализации и занятости General Motors за 1926–2008 гг., Google с 2004 по 2016 г. и Facebook с 2012 по 2016 г. Все цифры рыночной капитализации приведены с учетом инфляции в долларах 2016 г. в соответствии с индексом потребительских цен, взятым из Federal Reserve Economic Data, Economic Research Division, Federal Reserve Bank of St. Louis. Источники,

использованные для составления этих данных, включают IQ Standard & Poor's Capital (рыночная капитализация и численность персонала Google), Wharton Research Data Services — CRSP (рыночная капитализация General Motors), Standard & Poor's Compustat (численность работников General Motors), Thomas Eikon (рыночная капитализация Facebook), годовые отчеты компании (численность работников General Motors) и SEC Filings (численность сотрудников Facebook).

13 Opinion Research Corporation, "Is Big Business Essential for the Nation's Growth and Expansion?" ORC Public Opinion Index (August 1954); Opinion Research Corporation, "Which of These Comes Closest to Your Impression of the Business Setup in This Country?" ORC Public Opinion Index (January 1955); Opinion Research Corporation, "Now Some Questions About Large Companies. Do You Agree or Disagree on Each of These?.. Large Companies Are Essential for the Nation's Growth and Expansion," ORC Public Opinion Index (June 1959). Исследование 1951 г. показало, что американская публика хвалит крупный бизнес за создание рабочих мест, эффективное массовое производство, разработку и совершенствование, уплату крупных налогов и поддержку образования. См.: "Poll Finds Public on Industry's Side," *New York Times*, July 15, 1951. Опрос 1966 г., проведенный компанией Harris, выявил, что 44% американцев приписывают процветание страны работе федерального правительства, а 34% — деятельности большого бизнеса. В 1968 г., когда зарплата директора была примерно в 24 раза выше зарплаты среднего работника, 64% американцев сказали, что бизнес управляется лучше, чем когда бы то ни было в прошлом. См.: Louis Harris & Associates, "Which Two or Three Best Describe Most Business Corporation Leaders in the Country?" (April 1966); Louis Harris & Associates, "Compared with What We Have Produced in the Past in This Country, Do You Feel That Our Present Leadership in the Field of Business Is Better, Worse or About the Same as We Have Produced in the Past?" (June 1968). Дополнительную информацию можно найти также в: Louis Galambos, *The Public Image of Big Business in America, 1880–1940: A Quantitative Study in Social Change* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1975).

14 См.: Alfred D. Chandler, "The Enduring Logic of Industrial Success," *Harvard Business Review*, March 1, 1990, https://hbr.org/1990/03/the-enduring-logic-of-industrial-success; Susan Helper and Rebecca Henderson, "Management Practices, Relational Contracts, and the Decline of General Motors," *Journal of Economic Perspectives* 28, no. 1 (2014): 49–72.

15 David H. Autor et al., "The Fall of the Labor Share and the Rise of Superstar Firms" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, May 22, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2971352. См. также: Michael Chui and James Manyika, "Competition at the Digital Edge: 'Hyperscale' Businesses," *McKinsey Quarterly*, March 2015.

16 Ожидается, что к концу 2018 г. в строй вступят еще сто дата-центров. В 2017 г. Microsoft инвестировал 20 миллиардов долларов, а в 2018 г. Facebook объявил о планах инвестировать 20 миллиардов долларов в новый гипермасштабный дата-центр в Атланте. Согласно одному отраслевому отчету, гипермасштабные фирмы также строят мировые сети, особенно подводные кабели, что означает, что «значительная часть мирового интернет-трафика проходит в настоящее время через частные сети, принадлежащие гипермасштабным фирмам или управляемые ими». В 2016 г. Facebook и Google объединились, чтобы построить новый подводный кабель между США и Гонконгом, который называли самым мощным на сегодняшний день трансокеанским маршрутом. См.: João Marges Lima, "Hyperscalers Taking Over the World at an Unprecedented Scale," *Data Economy*, April 11, 2017, https://data-economy.com/hyperscalers-taking-world-unprecedented-scale; João Marges Lima, "Facebook, Google Partners in 12,800Km Transpacific Cab-

le Linking US, China," *Data Economy*, October 13, 2016, https://data-economy.com/facebook-google-partners-in-12800km-transpacific-cable-linking-us-china; João Marges Lima, "Facebook Could Invest up to $20bn in a Single Hyperscale Data Centre Campus," *Data Economy*, January 23, 2018, https://data-economy.com/facebook-invest-20bn-single-hyperscale-data-centre-campus.

17 T. H. Breen, *The Marketplace of Revolution: How Consumer Politics Shaped American Independence* (New York: Oxford University Press, 2005), 22.

18 Breen, *The Marketplace of Revolution*, 222.

19 Ibid., XVI–XVII.

20 Ibid., 235–239.

21 См.: Ibid., 20.

22 См.: Ibid., 299.

23 Ibid., 325.

24 Daron Acemoglu and James A. Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Business, 2012; Дарон Аджемоглу и Джеймс А. Робинсон, *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* (Москва: АСТ, 2015).

25 Ibid., 313–314; Там же, 348. Историк Джек Голдстоун отмечает, что масштабы британских парламентских реформ ослабили давление в пользу более насильственных изменений, создав более прочную и процветающую демократию. Подобно Аджемоглу и Робинсону, он приходит к выводу, что «упадок нации» обычно связан с социальным устройством, при котором элиты не отождествляют свои интересы с интересами народа, что наводит на мысль об опасности именно такой структурной независимости, которой пользуются надзорные капиталисты. См.: Jack A. Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press, 1993), 481, 487; см. также: Barrington Moore, *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World* (Boston: Beacon, 1993), 3–39; Баррингтон Мур, *Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016) 19–50.

26 Michel Crozier, Samuel P. Huntington, and Joji Watanuki, "The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission," 1975, http://trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf.

27 Ryan Mac, Charlie Warzel, and Alex Kantrowitz, "Growth at Any Cost: Top Facebook Executive Defended Data Collection in 2016 Memo — and Warned That Facebook Could Get People Killed," *Buzzfeed*, March 29, 2018, https://www.buzzfeed.com/ryanmac/growth-at-any-cost-top-facebook-executive-defended-data?utm_term=.stWyyGQnb#.cnkEEaNov.

28 Nicholas Thompson and Fred Vogelstein, "Inside the Two Years That Shook Facebook — and the World," *Wired*, February 12, 2018, https://www.wired.com/story/inside-facebook-mark-zuckerberg-2-years-of-hell.

29 Hunt Allcott and Matthew Gentzkow, "Social Media and Fake News in the 2016 Election," *Journal of Economic Perspectives* 31, no. 2 (2017): 211–36.

30 "Nielsen/Netratings Reports Topline U.S. Data for July 2007," Nielsen/Netratings, July 2007.

31 Consumer Watchdog, "Liars and Loans: How Deceptive Advertisers Use Google," February 2011; Jay Greene, "Feds Shut Down High-Tech Mortgage Scammers," *CBSNews.com*, November 16, 2011.

32 US Department of Justice, "Google Forfeits $500 Million Generated by Online Ads & Prescription Drug Sales by Canadian Online Pharmacies," https://www.justice.gov/opa/pr/google-forfeits-500-million-generated-online-ads-prescription-drug-sales-canadian-online.

33 Michela Del Vicario et al., "The Spreading of Misinformation Online," *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113, no. 3 (2016): 554–59; Solomon Mes-

sing and Sean J. Westwood, "How Social Media Introduces Biases in Selecting and Processing News Content," Pew Research Center, April 8, 2012.

34 См.: Paul Mozur and Mark Scott, "Fake News in U.S. Election? Elsewhere, That's Nothing New," *New York Times*, November 17, 2016, http://www.nytimes.com/2016/11/18/technology/fake-news-on-facebook-in-foreign-elections-thats-not-new.html.

35 Catherine Buni, "The Secret Rules of the Internet," *Verge*, April 13, 2016, https://www.theverge.com/2016/4/13/11387934/internet-moderator-history-youtube-facebook-reddit-censorship-free-speech.

36 Madeleine Varner and Julia Angwin, "Facebook Enabled Advertisers to Reach 'Jew Haters,'" *ProPublica*, September 14, 2017, https://www.propublica.org/article/facebook-enabled-advertisers-to-reach-jew-haters.

37 Интересный анализ можно найти в Buni, "The Secret Rules of the Internet"; Nick Hopkins, "Revealed: Facebook's Internal Rulebook on Sex, Terrorism and Violence," *Guardian*, May 21, 2017, https://www.theguardian.com/news/2017/may/21/revealed-facebook-internal-rulebook-sex-terrorism-violence?utm_source=esp&utm_medium=Email&utm_campaign=GU+Today+USA+-+Collections+2017&utm_term=227190&subid=17990030&CMP=GT_US_collection; Nick Hopkins, "Facebook Moderators: A Quick Guide to Their Job and Its Challenges," *Guardian*, May 21, 2017, https://www.theguardian.com/news/2017/may/21/facebook-moderators-quick-guide-job-challenges; Kate Klonick, "The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech," *Harvard Law Review* 131 (March 20, 2017), https://papers.ssrn.com/abstract=2937985.

38 Michael Nunez, "Facebook's Fight Against Fake News Was Undercut by Fear of Conservative Backlash," *Gizmodo*, November 14, 2016, http://gizmodo.com/facebooks-fight-against-fake-news-was-undercut-by-fear-1788808204.

39 Varner and Angwin, "Facebook Enabled Advertisers to Reach 'Jew Haters'".

40 Alex Kantrowitz, "Google Allowed Advertisers to Target 'Jewish Parasite,' 'Black People Ruin Everything,'" *BuzzFeed*, September 15, 2017, https://www.buzzfeed.com/alexkantrowitz/google-allowed-advertisers-to-target-jewish-parasite-black.

41 Jack Nicas, "Big Brands Boost Fake News Sites," *Wall Street Journal*, December 9, 2016; Olivia Solon, "Google's Bad Week: YouTube Loses Millions as Advertising Row Reaches US," *Guardian*, March 25, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/mar/25/google-youtube-advertising-extremist-content-att-verizon; Alexi Mostrous, "YouTube Hate Preachers Share Screens with Household Names," *Times*, March 17, 2017, https://www.thetimes.co.uk/article/youtube-hate-preachers-share-screens-with-household-names-kdmpm kkjk; Alexi Mostrous, "Advertising Giant Drops Google in Storm Over Extremist Videos," *Times*, March 18, 2017, http://www.thetimes.co.uk/article/advertising-giant-drops-google-in-storm-over-extremist-videos-2klgvv8d5.

42 Shannon Bond, "Trade Group Warns on Google Ad Backlash 'Crisis,'" *Financial Times*, March 24, 2017, https://www.ft.com/content/0936a49e-b521-369e-9d22-c194ed1c0d48; Matthew Garrahan, "AT&T Pulls Some Ads from Google After YouTube Controversy," *Financial Times*, March 22, 2017, https://www.ft.com/content/254d330d-f3d1-3ac2-ab8d-761083d6976a; Sapna Maheshwari and Daisuke Wakabayashi, "AT&T and Johnson & Johnson Pull Ads from YouTube," *New York Times*, March 22, 2017, https://www.nytimes.com/2017/03/22/business/atampt-and-johnson-amp-johnson-pull-ads-from-youtube-amid-hate-speech-concerns.html; Rob Davies, "Google Braces for Questions as More Big-Name Firms Pull Adverts," *Guardian*, March 19, 2017, https://www.theguardian.com/technology/2017/mar/19/google-braces-for-questions-as-more-big-name-firms-pull-adverts.

43 Olivia Solon, "Facebook's Fake News: Mark Zuckerberg Rejects 'Crazy Idea' That It Swayed Voters," *Guardian*, November 11, 2016, https://www.the guardian.com/technology/2016/nov/10/facebook-fake-news-us-election-mark-zuckerberg-donald-trump.

44 Guy Chazan, "Berlin Looks at Fines for Facebook with Fake News Law," *Financial Times*, December 16, 2016; Guy Chazan, "Germany Cracks Down on Social Media Over Fake News," *Financial Times*, March 14, 2017, https://www.ft.com/content/c10aa4f8-08a5-11e7-97d1-5e720a26771b; Jim Pickard, "Amber Rudd Urges Action from Internet Groups on Extremist Content," *Financial Times*, March 26, 2017, https://www.ft.com/content/f652c9bc-120d-11e7-80f4-13e067d5072c; Alexandra Topping, Mark Sweney, and Jamie Grierson, "Google Is 'Profiting from Hatred' Say MPs in Row Over Adverts," *Guardian*, March 17, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/mar/17/google-is-profiting-from-hatred-say-mps-in-row-over-adverts; Sabrina Siddiqui, "'From Heroes to Villains': Tech Industry Faces Bipartisan Backlash in Washington," *Guardian*, September 26, 2017, http://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/26/tech-industry-washington-google-amazon-apple-facebook; Nancy Scola and Josh Meyer, "Google, Facebook May Have to Reveal Deepest Secrets," *Politico*, October 1, 2017, http://politi.co/2yBtppQ; Paul Lewis, "Senator Warns YouTube Algorithm May Be Open to Manipulation by 'Bad Actors,'" *Guardian*, February 5, 2018, http://www.theguardian.com/technology/2018/feb/05/senator-warns-youtube-algorithm-may-be-open-to-manipulation-by-bad-actors.

45 Madhumita Murgia and David Bond, "Google Apologises to Advertisers for Extremist Content on YouTube," *Financial Times*, March 20, 2017; Sam Levin, "Mark Zuckerberg: I Regret Ridiculing Fears Over Facebook's Effect on Election," *Guardian*, September 27, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/sep/27/mark-zuckerberg-facebook-2016-election-fake-news; Robert Booth and Alex Hern, "Facebook Admits Industry Could Do More to Combat Online Extremism," *Guardian*, September 20, 2017, http://www.theguardian.com/technology/2017/sep/20/facebook-admits-industry-could-do-more-to-combat-online-extremism; Scott Shane and Mike Isaac, "Facebook to Turn Over Russian-Linked Ads to Congress," *New York Times*, September 21, 2017, https://www.nytimes.com/2017/09/21/technology/face book-russian-ads.html; David Cohen, "Mark Zuckerberg Seeks Forgiveness in Yom Kippur Facebook Post," *Adweek*, October 2, 2017, http://www.adweek.com/digital/mark-zuckerberg-yom-kippur-facebook-post; "Exclusive Interview with Facebook's Sheryl Sandberg," *Axios*, October 12, 2017, https://www.axios.com/exclusive-interview-facebook-sheryl-sandberg-2495538841.html; Kevin Roose, "Facebook's Frankenstein Moment," *New York Times*, September 21, 2017, https://www.nytimes.com/2017/09/21/technology/facebook-frankenstein-sandberg-ads.html.

46 David Cohen, "Mark Zuckerberg Seeks Forgiveness in Yom Kippur Facebook Post".

47 Roose, "Facebook's Frankenstein Moment".

48 Booth and Hern, "Facebook Admits Industry Could Do More to Combat Online Extremism".

49 См.: Murgia and Bond, "Google Apologises to Advertisers".

50 Mark Bergen, "Google Is Losing to the 'Evil Unicorns,'" *Bloomberg Businessweek*, November 27, 2017.

51 О небольших коррективах см.: Mike Isaac, "Facebook and Other Tech Companies Seek to Curb Flow of Terrorist Content," *New York Times*, December 5, 2016, http://www.nytimes.com/2016/12/05/technology/facebook-and-other-tech-companies-seek-to-curb-flow-of-terrorist-content.html; Daisuke Wakabayashi, "Google Cousin Develops Technology to Flag Toxic Online Comments," *New York Times*, February 23, 2017, https://www.nytimes.com/2017/02/23/technology/google-jigsaw-monitor-toxic-online-comments.html; Sapna Maheshwari, "YouTube Revamped Its Ad System. AT&T Still Hasn't Returned," *New York Times*, February 12, 2018, https://www.nytimes.com/2018/02/12/business/media/att-youtube-advertising.html; Madhumita Murgia, "Google Reveals Response to YouTube Ad Backlash," *Financial Times*, March 21, 2017, https://www.ft.com/content/464759

74-0e30-11e7-b030-76895439 4623; Heather Timmons, "Google Executives Are Floating a Plan to Fight Fake News on Facebook and Twitter," *Quartz*, https://qz.com/1195872/google-face book-twitter-fake-news-chrome; Elizabeth Dwoskin and Hamza Shaban, "Facebook Will Now Ask Users to Rank News Organizations They Trust," *Washington Post*, January 19, 2018, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2018/01/19/facebook-will-now-ask-its-users-to-rank-news-organizations-they-trust; Hamza Shaban, "Mark Zuckerberg Vows to Remove Violent Threats from Facebook," *Washington Post*, August 16, 2017, https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2017/08/16/mark-zuckerberg-vows-to-remove-violent-threats-from-facebook. О шагах по недопущению действенных реформ см.: Hannah Albarazi, "Zuckerberg Votes Against Shareholder Push for Fake News Transparency," *CBS SFBayArea*, June 2, 2017, http://sanfrancisco.cbslocal.com/2017/06/02/zuckerberg-shareholder-fake-news-transparency; Ethan Baron, "Google Parent Alphabet Gender-Pay Proposal Dead on Arrival," *Mercury News*, June 7, 2017.

52 "Facebook Reports First Quarter 2018 Results".

53 Adam Mosseri, "News Feed FYI: Bringing People Closer Together," *Facebook Newsroom*, January 11, 2018, https://newsroom.fb.com/news/2018/01/news-feed-fyi-bringing-people-closer-together.

54 Sapna Maheshwari, "As Facebook Changes Its Feed, Advertisers См.: Video Ambitions," *New York Time*s, January 21, 2018, https://www.nytimes.com/2018/01/21/business/media/facebook-video-advertising.html.

55 Thomas Paine, *The Life and Works of Thomas Paine*, ed. William M. Van der Weyde (New Rochelle, NY: Thomas Paine Historical Society, 1925), 6:97; Томас Пейн, *Избранные сочинения* (Москва: Издательство АН СССР, 1959), 218.

56 Hannah Arendt, *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought* (New York: Penguin, 2006), 99; Ханна Арендт, *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2014), 146, 149.

57 Mark Zuckerberg, "Building Global Community," February 16, 2017, https://www.facebook.com/notes/mark-zuckerberg/building-global-community/10154544292806634.

58 Karissa Bell, "Zuckerberg Removed a Line About Monitoring Private Messages from His Facebook Manifesto," *Mashable*, February 16, 2017, http://mashable.com/2017/02/16/mark-zuckerberg-manifesto-ai.

59 Heather Kelly, "Mark Zuckerberg Explains Why He Just Changed Facebook's Mission," *CNNMoney*, June 22, 2017, http://money.cnn.com/2017/06/22/technology/facebook-zuckerberg-interview/index.html.

60 Pippa Norris, "Is Western Democracy Backsliding? Diagnosing the Risks," Harvard Kennedy School, March 2017, https://www.hks.harvard.edu/publications/western-democracy-backsliding-diagnosing-risks; Erik Voeten, "Are People Really Turning Away from Democracy?" (SSRN Scholarly Paper, Rochester, NY: Social Science Research Network, December 8, 2016), https://papers.ssrn.com/abstract=2882878; Amy C. Alexander and Christian Welzel, "The Myth of Deconsolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction," *Journal of Democracy*, April 28, 2017, https://www.journalofdemocracy.org/sites/default/files/media/Journal%20of%20Democracy%20Web%20Exchange%20-%20Alexander%20and%20Welzel.pdf; Ronald Inglehart, "The Danger of Deconsolidation: How Much Should We Worry?" *Journal of Democracy* 27, no. 3 (2016), https://www.journalofdemocracy.org/article/danger-deconsolidation-how-much-should-we-worry; Roberto Stefan Foa and Yascha Mounk, "The Signs of Deconsolidation," *Journal of Democracy* 28, no. 1 (2017); Ronald Inglehart and Christian Welzel, "Democracy's Victory Is Not Preordained. Inglehart and Welzel Reply," *Foreign Affairs* 88, no. 4 (2009): 157–159; Roberto Stefan Foa, "The End of the Consolidation Paradigm — a Response to Our Critics," *Journal of Democracy*, April 28, 2017.

61 Bart Bonikowski, "Three Lessons of Contemporary Populism in Europe and the United States," *Brown Journal of World Affairs* 23, no. 1 (2016); Bart Bonikowski and Paul DiMaggio, "Varieties of American Popular Nationalism," *American Sociological Review* 81, no. 5 (2016): 949–980; Theda Skocpol and Vanessa Williamson, *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism* (New York: Oxford University Press, 2016), 74–75.

62 Richard Wike et al., "Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy," *Pew Research Center's Global Attitudes Project*, October 16, 2017, http://www.pewglobal.org/2017/10/16/globally-broad-support-for-representative-and-direct-democracy.

63 Как выразился исследователь демократии и автор тезиса о «спаде демократии» Ларри Даймонд, «трудно переоценить, насколько важную роль играет жизнеспособность и уверенность в себе американской демократии в глобальной экспансии демократии <…> Апатия и пассивность в Европе и США могут значительно понизить барьеры для новых откатов демократии и укрепления авторитаризма во многих других странах». См.: Larry Diamond, "Facing Up to the Democratic Recession," *Journal of Democracy* 26, no. 1 (2015): 141–155.

64 Naomi Klein, *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism* (New York: Picador, 2007); Наоми Кляйн, *Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф* (Москва: Добрая книга, 2009); Erik Olin Wright, *Envisioning Real Utopias* (London: Verso, 2010); Wendy Brown, *Edgework: Critical Essays on Knowledge and Politics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005); Gerald F. Davis, *Managed by the Markets: How Finance Re-shaped America* (New York: Oxford University Press, 2011).

65 Immanuel Wallerstein et al., *Does Capitalism Have a Future*? (Oxford: Oxford University Press, 2013); Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян и Крейг Калхун, *Есть ли будущее у капитализма?* Москва: Издательство Института Гайдара, 2015); Erik Olin Wright, *Envisioning Real Utopias* (London: Verso, 2010); Naomi Klein, *This Changes Everything: Capitalism Vs. the Climate* (New York: Simon & Schuster, 2015); Wendy Brown, *Edgework: Critical Essays on Knowledge and Politics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005); Davis, *Managed by the Markets*; Wolfgang Streeck, "On the Dismal Future of Capitalism," *Socio-Economic Review* 14, no. 1 (2016): 164–170; Craig Calhoun, "The Future of Capitalism," *Socio-Economic Review* 14, no. 1 (2016): 171–176; Polly Toynbee, "Unfettered Capitalism Eats Itself," *Socio-Economic Review* 14, no. 1 (2016): 176–179; Amitai Etzioni, "The Next Industrial Revolution Calls for a Different Economic System," *Socio-Economic Review* 14, no. 1 (2016): 179–183.

66 См., напр.: Nicolas Berggruen and Nathan Gardels, *Intelligent Governance for the 21st Century: A Middle Way Between West and East* (Cambridge: Polity, 2013).

67 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Schocken, 2004), 615; Ханна Арендт, *Истоки тоталитаризма* (Москва: ЦентрКом, 1996), 620.

68 Theodor Adorno, "Education after Auschwitz," in Theodor Adorno, *Critical Models: Interventions and Catchwords* (New York: Columbia University Press, 1966).

69 Thomas Piketty, *Capital in the Twenty-First Century* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2014), 571; Томас Пикетти, *Капитал в XXI веке* (Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015), 585.

70 Ibid., 573; Там же, 587. Мудрую и элегантную защиту демократии см. также в: Wendy Brown, *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution* (New York: Zone, 2015).

71 Roger W. Garrison, "Hayek and Friedman," in *Elgar Companion to Hayekian Economics*, ed. Norman Barry (Northampton, MA: Edward Elgar, 2014).

72 Фридрих Хайек в интервью Роберту Борку, 4 ноября 1978, Center for Oral History Research, University of California, Los Angeles, http://oralhistory.library.ucla.edu.

73 Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity* (Cambridge, MA: Polity, 2000); Зигмунт Бауман, *Текучая современность* (Санкт-Петербург: Питер, 2008); Fernand Braudel, *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*. Vol. III: *The Perspective of the World* (New York: Harper & Row, 1984), 620; Фернан Бродель, *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв*. Т. 3. *Время мира* (Москва: Прогресс, 1992), 640–641.

74 Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, 614–615; Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 482.

75 Roberto M. Unger, *Free Trade Reimagined: The World Division of Labor and the Method of Economics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007), 8, 41 (выделено мной. — *Ш. З.*).

76 Paine, *The Life and Works*, 6: 172.

77 Hannah Arendt, "A Reply" [to Eric Voegelin's review of *Origins of Totalitarianism*], *Review of Politics*, 15 (1953): 79.

78 George Orwell, *In Front of Your Nose 1945–1950: The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell*, vol. 4, ed. Sonia Orwell and Ian Angus (New York: Harcourt, Brace, and World, 1968), 173-174; Джордж Оруэлл, *Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии* (Москва: Московская школа политических исследований, 2003), 377–382 (перевод исправлен. — *Прим. пер.*).

79 Orwell, *In Front of Your Nose*, 180-181; Оруэлл, *Лев и Единорог*, 388.

80 Hannah Arendt, "What Is Freedom?" in *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought* (New York: Penguin, 1993), 169; Ханна Арендт, "Что такое свобода?", в: Ханна Арендт, *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2014), 255.

Благодарности

1 Мои жизни, мои сердца (*исп.*). — *Прим. пер.*

Научное издание

Шошана Зубофф

Эпоха надзорного капитализма

Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Ольга Черкасова
Дизайн обложки Сергей Зиновьев
Верстка Ярослав Агеев

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 22.10.2021.
Тираж 1000 экз. Формат 70×100/16
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —

крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.